К. СКАЛЬКОВСКІЙ

ВОСПОМИНАНІЯ МОЛОДОСТИ

(ПО МОРЮ ЖИТЕЙСКОМУ)

1843—1869

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1906

ВОСПОМИНАНІЯ МОЛОДОСТИ

(ПО МОРЮ ЖИТЕЙСКОМУ)

НА ЭКЗАМЕНѢ ИЗЪ ГЕОГРАФІИ.

— Какія вы знаете моря?
— Каспійское, Черное, Житейское...
— Гдѣ же находится послѣднее?
— А такъ зря течетъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ томѣ собраны мои воспоминанія, касающіяся дѣтства и молодости до 1869 г. включительно. Большая часть моихъ путешествій послѣ 1870 г. (а путешествія играли большую роль во всей моей жизни) были описаны въ свое время въ «Петебургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Новомъ Времени» и вышли отдѣльными изданіями, мнѣ оставалось бы дополнить только пробѣлы, касающіеся моей служебной и общественной дѣятельности. Это могло бы составить еще два или три тома; но я едва ли доживу до возможности писать вполнѣ откровенно о послѣдней эпохѣ моей дѣятельности, столько еще остается живыхъ современниковъ.

А между тѣмъ тутъ-то и писать воспоминанія. Вѣрно было замѣчено кѣмъ-то, что человѣкъ живетъ въ первой части своей дѣятельности съ мертвыми (особенно если онъ получаетъ классическое воспитаніе, коего я, къ счастью или къ несчастью, не удостоился), во второй вращается въ обществѣ живыхъ, а послѣднюю часть жизни проводитъ невольно въ своемъ собственномъ сообществѣ. Тутъ естественно ему приходится болѣе всего вспоминать о временахъ минувшихъ.

Я не писалъ ни записокъ, ни велъ дневника,—я только набросалъ для газеты рядъ бѣглыхъ воспоминаній. Понятно, при спѣшности газетной работы и отдаленности описаннаго періода, память могла мнѣ измѣнять иногда. Но это касается фактовъ, за каждое исправленіе и возстановле-

ніе таковыхъ я могъ быть только признателенъ и сдѣлалъ соотвѣтствующія исправленія въ предлагаемомъ отдѣльномъ изданіи моихъ воспоминаній.

Но подобныхъ поправокъ въ книгѣ слишкомъ въ четыреста страницъ пришлось сдѣлать немного, пять или шесть. Между тѣмъ я получилъ не мало писемъ, частью въ свое время напечатанныхъ, отъ разныхъ родственниковъ которые пытались отнять у меня право дѣлать оцѣнки нашимъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ на томъ де основаніи, что у послѣднихъ могутъ оказаться въ живыхъ родственники: дѣти и внуки.

Но при такомъ взглядѣ никакая исторія была бы невозможна и состояла бы лишь изъ отзывовъ о людяхъ, умершихъ бездѣтными. Нелѣпость означенной претензіи опровергается даже цензурными и уголовными уставами, которые и умершихъ государей разрѣшаютъ критиковать уже въ очень близкихъ степеняхъ родства. Поэтому я не счелъ нужнымъ дѣлать какія либо измѣненія, мѣстами только оговорилъ сдѣланныя замѣчанія.

Воспоминанія мои покажутся читателямъ нѣсколько сжатыми, но это отчасти было сдѣлано, чтобы не слишкомъ много занимать ихъ своею особою. Все мною видѣнное, слышанное и пережитое не умѣстилось бы и въ десяткѣ томовъ. Во-вторыхъ, сжатость зависѣла отъ того, что первоначально мои воспоминанія появлялись въ газетѣ, гдѣ объемъ фельетона строго ограниченъ, да и число дней, предоставляемыхъ каждому фельетонисту, также.

Я пополнилъ, впрочемъ, гдѣ могъ печатанныя ранѣе воспоминанія и развилъ нѣкоторыя мѣста.

Интимныхъ подробностей моей жизни я почти не касался, потому повѣствованіе покажется можетъ быть сухимъ, но я старался быть правдивымъ, хотя общераспространено мнѣніе, что всѣ воспоминанія пишутся непремѣнно pro domo sua — для оправданія ихъ авторовъ или чтобы порисоваться передъ потомствомъ и возложить на людей и общество отвѣтственность за собственныя ошибки и заблужденія.

ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

I.

Я могу сказать, какъ Жюль Леметръ: «J'arrive à l'âge ou l'on a infiniment plus des souvenirs que d'espoirs». Къ сожалѣнію, я не велъ своихъ записокъ, но обстоятельства жизни сохраняются живо въ моей памяти, да и возстановить ихъ не трудно, потому что архивъ мой держится въ порядкѣ и легко можетъ когда либо послужить матеріаломъ для мемуаровъ. А спѣшить надо; годы послѣ сорока лѣтъ имѣютъ, по вѣрному замѣчанію одного философа, только шесть мѣсяцевъ, а послѣ шестидесяти—шесть недѣль.

Dire du mal de ses contemporains въ извѣстномъ возрастѣ составляетъ вѣдь одно изъ немногихъ удовольствій. Я не дошелъ еще до этого состоянія, поэтому предлагаемые отрывки изъ моихъ воспоминаній не будутъ проникнуты пессимизмомъ.

Прежде однако чѣмъ печатать свои воспоминанія, я припомнилъ, какова была въ общихъ чертахъ жизнь въ годы моего дѣтства, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она представляется теперь. Пятьдесятъ и пятьдесятъ пять лѣтъ не Богъ вѣсть какой періодъ, а надобно сказать, что бытовая сторона жизни очень много измѣнилась въ Россіи за это время. Къ этому мнѣ придется еще возвращаться нѣсколько разъ въ своихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ я засталъ и крѣпостное право, и военныя поселенія, и кантонистовъ, и дранье сквозь строй.

Различіе жизни было уже въ устройствѣ домовъ и квартиръ. Номеровъ на домахъ не было, но писались имена и отчества вла-

дѣльцевъ съ чинами; много было домовъ на имя женъ, особен
если владѣли чиновники, занимавшіе «интересныя» мѣста. Так
какъ дома строились болѣе для залога по откупамъ, то строилис
неважно, русскіе архитекторы были плохи, ссуды по постройк
давали приказы общественнаго призрѣнія. Водопроводовъ не бы
ни въ столицахъ, ни въ провинціи. Въ Петербургѣ воду при
возили въ бочкахъ въ ручную дворники, беря ее подчасъ из
Фонтанки и изъ каналовъ. Въ Одессѣ воду, слегка солонцоватую
привозили на лошадяхъ изъ колодцевъ особые водовозы, а за
тѣмъ во многихъ домахъ собирали въ цистерны стекавшу
съ крышъ дождевую воду. Эту же воду собирали въ «пере
рѣзахъ» (полубочкахъ) для стирки бѣлья прямо изъ сточныхъ
трубъ.

За неимѣніемъ водопроводовъ не было, конечно, ватеръ-кло
зетовъ; мало того, даже въ губернскихъ городахъ не было осо
быхъ buen retiro. Въ Полтавѣ еще въ 1863 г. я былъ свидѣтелемъ
какъ въ трехэтажномъ домѣ мой знакомый, управлявшій губерн
скими акцизными сборами, нанимая квартиру, спросилъ: «Гдѣ ж
необходимыя мѣста?»

— Помилуйте, какъ бы стыдясь говорилъ домохозяинъ, чт
это вы такое говорите... Да вотъ тутъ, если угодно... на трав
кѣ... Въ Кутаисѣ въ 1869 г. я прожилъ лѣто въ центрѣ город
въ такомъ же точно положеніи.

Если мало заботились о своемъ комфортѣ, то еще менѣе забо
тились объ удобствахъ прислуги. Въ нашемъ домѣ въ Одессѣ, до
вольно просторномъ, буквально не было ни одной комнаты, спе
ціально назначенной для прислуги. Какъ она спала, насъ, дѣтей
и не интересовало, ибо мы ложились спать ранѣе. Очевидно, по
мѣщался каждый тамъ, гдѣ работалъ: кучеръ на конюшнѣ
кухарка на кухнѣ, горничныя и прачка въ прачечной, няньки с
дѣтьми, лакеи въ коридорахъ,—гдѣ попало. Не болѣе того стѣс
нялись съ гувернантками, учителями. У нихъ не было своег
угла и они спали съ дѣтьми, въ библіотекахъ и т. п. Когда мо
старая нянька Оксана умирала въ 1848 г. отъ холеры, ее поло
жили на диванъ въ столовой, гдѣ мы спокойно обѣдали. Что ска
зали бы современные гигіенисты! О гигіенѣ и тогда впрочемъ уж
слыхали, читая «Макробіотику» Гуфеланда.

При этомъ, вслѣдствіе плохого состоянія гостиницъ даже въ Петербургѣ, въ домахъ постоянно были временные гости, пріѣзжавшіе изъ провинціи родственники и знакомые, жившіе по мѣсяцамъ. Имъ дѣлали на полу и диванахъ постели, для чего въ каждомъ домѣ имѣлся большой запасъ подушекъ и постельнаго бѣлья.

Электрическихъ звонковъ не было, звонили, дергая за проволоку, а въ комнатахъ звонили въ ручные звонки. Изобиліе прислуги, разныхъ пріемышей, казачковъ и босоногихъ дѣвчонокъ сокращало потребность въ звонкахъ.

Другою несуществующей теперь потребностью была необходимость имѣть помѣщеніе для провизіи, для угля и сѣна. Тогда только въ столицахъ, и то далеко не вполнѣ, можно было достать что угодно за деньги во всякое время. Въ провинціи, даже въ Одессѣ, приходилось припасать все на цѣлую зиму. Въ подвалахъ сажались въ пескѣ овощи, затѣмъ заготовлялись дома варенья, пастилы, соленья и т. п. Моменты, когда варились варенья, желе и т. п. были поистинѣ райскими для насъ, дѣтей. Мы цѣлый день вертѣлись въ кухнѣ около чистящихся фруктовъ и у кипящихъ мѣдныхъ тазовъ, обжигая себѣ подчасъ языки, желая полакомиться еще неостывшимъ вареньемъ. Для всѣхъ подобныхъ операцій требовались помѣщенія. Даже въ большихъ городахъ держали дома коровъ, козловъ, птицу и множество собакъ.

Въ ѣдѣ и питьѣ большой разницы я не помню, хотя, конечно, цѣны провизіи были тогда совсѣмъ другія. Правда, считали еще на ассигнаціонные «старые» рубли, хотя кредитки были въ ходу еще съ 1843 г. Въ Одессѣ, напримѣръ, 1-й сортъ говядины стоилъ 4 коп. за фунтъ. Зато сахаръ стоилъ гораздо дороже нынѣшняго и всѣ хозяйки, гдѣ не было особыхъ экономокъ, запирали его тщательно на ключъ. Чай стоилъ вдвое дороже нынѣшняго. Коньякъ мало былъ тогда въ ходу, пили ромъ—«настойку на клопахъ», какъ называли его по запаху. Обѣдали въ Петербугѣ въ 4 часа, въ провинціи въ 2 часа; въ деревнѣ ужинъ былъ тотъ же второй обѣдъ и начинался непремѣнно со щей или супа.

Искусственныя минеральныя воды были давно извѣстны, но ихъ пили больные. Только послѣ Крымской войны вошло въ употребленіе питье во всякіе часы и за трапезами сельтерской и др.

минеральныхъ водъ. Зато квасы и другіе домашніе напитки и наливки были лучше нынѣшнихъ.

Хорошіе повара изъ крѣпостныхъ воспитывались въ столичныхъ ресторанахъ. Повара были большіе пьяницы, какъ и вообще мужская прислуга, но ихъ цѣнили. Изъ крѣпостныхъ такимъ же образомъ воспитывали и другихъ спеціалистовъ. Идеалъ каждаго помѣщика былъ тогда имѣть все у себя, поэтому были и крѣпостные переплетчики, и настройщики, и фельдшера.

Лечились тогда иначе, чѣмъ теперь. Какая бы болѣзнь у васъ ни была, прежде всего полагалось рвотное, затѣмъ строжайшая діэта. Разные настои и сушеная малина и др. играли значительную роль, а весною «чистили кровь» чаемъ изъ разныхъ травъ. Кровопусканіе, піявки и банки также были въ большомъ ходу. Въ каждомъ домѣ была непремѣнно стеклянная банка съ піявками. На югѣ бани мало были въ ходу, но на сѣверѣ и въ Петербургѣ не быть хотя разъ въ недѣлю въ банѣ считалось преступленіемъ. Тутъ была своего рода виртуозность. Я видѣлъ разъ купца, котораго растирали мочалкою съ пескомъ, а на полокъ поддавали въ это время кислыми щами!

Готовыя папиросы, изобрѣтенныя въ Петербургѣ Спиглазовымъ, не были извѣстны въ провинціи, въ Одессѣ курили восточныя «пахитосы» дамы; мужчины дома курили трубку, а внѣ дома сигареты, которыя искусно свертывали руками и склеивали слюною; табакъ продавался въ бумажныхъ сѣрыхъ картузахъ, акцизъ съ него былъ ничтожный, хранился табакъ въ разнообразныхъ кисетахъ. Дамы вышивали эти кисеты шелкомъ и бисеромъ, какъ равно чехлы для чубуковъ.

Коллекціи трубокъ съ дорогими янтарными мундштуками и болѣе или менѣе длинными чубуками составляли одно изъ главныхъ украшеній кабинетовъ въ помѣщичьихъ домахъ. Чубуки служили не только для куренія, но ими «учили» прислугу, а иногда и женъ. Множество людей, особенно пожилыхъ, нюхали табакъ—«для очищенія зрѣнія».

Спички, составлявшія монополію казны, были скверны и дороги. Для куренія ихъ замѣняли трутомъ, высѣкая на кремнѣ желѣзнымъ кресаломъ искры, что дѣлалось очень ловко.

Освѣщеніе было довольно элементарное. Даже въ Петербургѣ газъ былъ на Невскомъ, Морской и набережной, остальные улицы освѣщались смѣсью спирта со скипидаромъ. Одесса и провинція освѣщались конопляннымъ масломъ. Фонарщики тушившіе утромъ фонари, убивали ex officio собакъ. Стеариновыя свѣчи были предметомъ роскоши: ихъ жгли въ гостиныхъ; ранѣе для этого употреблялись восковыя свѣчи. Въ парадныхъ комнатахъ и коридорахъ горѣли кинкеты (аргантовы лампы), остальныя лампы съ деревяннымъ масломъ требовали заводки. Вообще же преобладали сальныя свѣчи, нуждавшіяся въ постоянномъ сниманіи нагара. Желѣзные щипцы для этого лежали повсюду. Сниманіе нагара пальцами считалось признакомъ mauvais genre'а.

Фотографія еще не была изобрѣтена. У кого не было средствъ снимать съ себя портреты масляными красками или акварелью, тѣ обмѣнивались силуэтами, вырѣзанными на черной бумагѣ. Въ началѣ 50-хъ годовъ распространились уже дагеротипы, гдѣ фигура ваша представлялась навыворотъ, гдѣ, смотря прямо, вы видѣли только себя какъ бы въ зеркало, а чтобы увидѣть дагеротипное изображеніе, надобно было смотрѣть сбоку и не противъ свѣта.

За отсутствіемъ фотографій въ ходу были «сувениры» изъ волосъ и разныхъ вышивокъ; барышни и горничныя проводили огромную часть времени за пяльцами. Иногда предпринимались огромныя совмѣстныя работы по вышиванію, напр. стѣнного ковра, гдѣ сразу участвовало много барышень. Молодые люди присоединялись добровольцами къ подобнымъ работамъ. Я не только кадетомъ, но и офицеромъ помогалъ вышивать фонъ, получая строгіе выговоры за неравномѣрность крестиковъ и спутываніе гарусныхъ клубковъ. Помогать хорошенькимъ барышнямъ разматывать эти клубки составляло даже привилегію избранныхъ. Женщины среднихъ лѣтъ и старухи вязали. Вязаніе чулокъ было страшно распространено, потому что тогда всѣ носили домодѣльные чулки и носки.

Театръ и тогда очень любили; въ модѣ была итальянская опера: Россини, Беллини, Доницетти, Верди, немного Меркаданте; изъ русской музыки признавались романсы и цыганскія пѣсни. Въ ходу было чтеніе—иначе иные и не спали какъ подъ чтеніе.

Читали особенно Дюма-отца, Евгенія Сю, Диккенса, Теккерея и Жоржъ-Занда въ переводахъ. Изъ русскихъ писателей я постепенно помню успѣхъ Гоголя, «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, первыхъ повѣстей Писемскаго, «Записокъ Охотника» Тургенева, стиховъ Фета; въ Крымскую войну вошелъ въ моду Толстой. Марлинскій, Кукольникъ, Булгаринъ, Основьяненко уже въ то время презирались. Если читали по-русски, то разговаривали между собою болѣе по-французски, особенно женщины.

Книжныхъ магазиновъ и тогда было не мало, иностранныхъ книгъ даже какъ будто болѣе нынѣшняго. У каждаго помѣщика непремѣнно была библіотека; много было книгъ рукописныхъ. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ я не видѣлъ «Горе отъ ума» иначе какъ въ рукописи. Газеты имѣли гораздо менѣе значенія. До Крымской войны читать можно было только «Сѣверную Пчелу». Во время войны «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Русскій Инвалидъ» улучшились въ содержаніи, но каждый давалъ матеріала для чтенія не болѣе какъ на одну страницу нынѣшнихъ газетъ. Провинціальныя газеты, какъ «Одесскій Вѣстникъ», давали еще менѣе для чтенія. Изъ иностранныхъ газетъ въ ходу болѣе всего были «Indépendance Belge» и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»—органъ Меттерниха. Къ остальнымъ русская цензура относилась весьма косо. А тогда было болѣе десяти разныхъ цензуръ и сочиненія самихъ цензоровъ цензуровались очень придирчиво товарищами по цензурному комитету. Само собою, все печаталось въ ручную и скоропечатныхъ машинъ, а тѣмъ болѣе стереотиповъ не было. При изданіи книгъ на нихъ объявлялась подписка и списокъ подписчиковъ печатался при книгѣ. Газетную подписку тоже собирали всякимъ путемъ, чуть не Христа ради.

Стальныя перья уже были изобрѣтены, но предпочитали писать гусиными. Очинка перьевъ была своего рода искусствомъ, и многіе чиновники сдѣлали карьеру умѣніемъ чинить перья «по рукѣ» своихъ начальниковъ. Въ гимназіи чинилъ намъ перья учитель чистописанія и, подавая очиненное перо, говорилъ съ гордостью: «Такимъ перомъ не писалъ самъ король неаполитанскій!»

Написанное засыпалось пескомъ. Готовыхъ конвертовъ не знали; письма, если имѣли чистую послѣднюю страничку, складывались, и на этой же страницѣ писали адресъ, чаще большими

ножницами вырѣзывали изъ простой бумаги конвертъ. Облатки употреблялись только для дамскихъ записочекъ, все запечатывалось сургучемъ, и въ печатаніи тоже было своего рода искусство: наблюдалось, чтобы сургучная печать лежала тонкимъ слоемъ, не коптилась, не прожигала конверта.

Почтовыхъ марокъ и почтовыхъ ящиковъ не было. Письма надобно было относить на почту и деньгами уплачивать портовыя деньги. Почта ходила не каждый день, въ деревню она не заходила—туда письма отправлялись «съ оказіей». Въ Одессѣ письма и посылки получались изъ деревни черезъ чумаковъ, привозившихъ пшеницу или приходившихъ за солью.

И мужскіе и женскіе туалеты были гораздо проще нынѣшнихъ. Мужчины неизмѣнно носили черные галстухи, завязывая ихъ; готовыхъ галстуховъ тогда не было. Зато многіе еще носили жабо и манжеты. Панталоны съ гульфиками носили только гусары, остальные, даже военные, носили панталоны à grand pont. Всѣ брились, даже военнымъ усы было дозволено носить лишь въ 40-хъ годахъ. Дамы, конечно, о нынѣшнихъ роскошныхъ dessous и понятія не имѣли, всѣ носили бѣлыя крахмальныя юбки, бѣлые чулки, башмаки кожаные или люстриновые безъ каблуковъ и пуговицъ; роскошь была въ шаляхъ.

Въ чертѣ осѣдлости обращалъ на себя вниманіе костюмъ евреевъ. Указъ на этотъ счетъ императора Николая плохо исполнялся и замужнія жидовки ходили съ бритыми головами въ парикахъ, мужчины носили длинные пейсы, лѣтомъ ермолку, зимою огромную лисью шапку. Длинный лапсердакъ прикрывалъ ноги, одѣтыя въ короткіе штаны и бѣлые грязные чулки, обувью были шлепанцы. У дѣтей въ штанахъ былъ сзади квадратный вырѣзъ, изъ котораго висѣли концы запачканной рубашки.

Экипажей на лежачихъ рессорахъ почти не было. Большія ландо были такъ высоки, что влѣзали на нихъ по тремъ ступенькамъ. Экипажи были всегда съ ливрейнымъ лакеемъ, богатые еще ѣздили цугомъ съ форейторами. Послѣдніе неслись съ гикомъ, хлеща нагайками по спинѣ встрѣчавшихся извощиковъ.

Извозчики въ Петербургѣ были преимущественно «гитары», гдѣ мужчины садились верхомъ и держали за талію сидѣвшую впереди бокомъ даму. Эта привычка держать дамъ за талію оста-

лась и когда гитары замѣнились въ концѣ 50-хъ годовъ пролетками. Въ Одессѣ всѣ русскіе извозчики были парныя пролетки, но кромѣ того были «малхамузы»—маленькія жидовскія повозочки безъ рессоръ, кучера которыхъ на козлахъ сидѣли чуть не голые. Ихъ брали студенты и др. небогатая публика, особенно для загородныхъ поѣздокъ.

Мальпосты отправлялись только изъ столицы до Харькова, Варшавы и границы на Ригу. На нихъ записывались заранѣе. Мальпосты были удобны, но много значило, съ кѣмъ приходилось ѣхать. Разъ мнѣ попалась въ купэ хорошенькая гувернантка, но другой разъ я ѣхалъ съ старымъ жидомъ, который во снѣ сваливался на мою подушку, благоухая чеснокомъ.

Въ средствахъ сообщенія однако и тогда была потребность и по дороговизнѣ ѣзды на почтовыхъ, изъ Одессы, напримѣръ, ѣздили въ Кишиневъ, Тирасполь и т. д. въ «будахъ», огромныхъ жидовскихъ крытыхъ повозкахъ, наполненныхъ всякимъ сбродомъ. Можно себѣ представить, какое было тамъ количество разныхъ насѣкомыхъ.

Помѣщики, имѣвшіе своихъ лошадей и запасы продовольствія, предпочитали ѣздить «на долгихъ», т. е. останавливаясь на ночь, а въ полдень кормя своимъ овсомъ лошадей часа по три или по четыре.

Но и на почтовыхъ процедура переѣзда не многимъ сокращалась. Шоссе было очень мало, мосты, гдѣ были,тщательно объѣзжались: ихъ вѣчно чинили. Осенью и весною проѣзда совсѣмъ, кромѣ какъ для почты и курьеровъ, не было. Сколько разъ мнѣ случалось стоять по суткамъ на переправахъ, ожидая замерзанія или вскрытія рѣкъ.

Лошадей на станціяхъ никогда не было. Подъ Тифлисомъ въ Мцхетѣ я просидѣлъ три дня, имѣя казенную подорожную. Подорожныя имѣли преимущества. Подъ Архангельскомъ на подорожную по Высочайшему повелѣнію мнѣ выпрягли всѣхъ лошадей у совсѣмъ готоваго къ отъѣзду англійскаго пастора, который обѣщалъ жаловаться англійской королевѣ. Лишенія ожесточали. Жалобная книга была переполнена жалобами, на которыя не обращали вниманія. На Пермскомъ трактѣ я прочелъ жалобу нѣкоего аптекаря, который умирая проклиналъ почтовое вѣдомство.

На трактѣ изъ Ярославля въ Вологду въ «описаніи пути», вывѣшивавшемся на каждой станціи, было сказано: «дорога сія ни въ какое время года для ѣзды не удобна».

При выѣздѣ изъ городовъ были шлагбаумы, а при въѣздѣ въ столицы спрашивались имена и званія. На станціяхъ Николаевской желѣзной дороги нужно было быть безъ шляпы. Въ вагонахъ никто не смѣлъ протягивать ноги, и за этимъ кондукторы строго смотрѣли.

Въ Петербургѣ запрещено было курить на улицѣ, даже офицеры не смѣли носить калоши, а о правѣ ношенія очковъ во фронтѣ издавались Высочайшіе приказы по арміи. Въ столицахъ офицеры ходили въ каскахъ, а ранѣе въ шляпахъ; въ фуражкахъ дозволялось выходить только на балконъ. Нѣкоторая вольность въ формѣ допускалась только для моряковъ. При проѣздѣ генераловъ на гауптвахтахъ караулъ выбѣгалъ на линейку, зато арестованныхъ офицеровъ стерегли не особенно строго; вообще была повсюду патріархальность, суровость съ виду и большая распущенность въ дѣйствительности.

Поѣздка за границу, кромѣ какъ для нѣсколькихъ счастливчиковъ, считалась событіемъ, о немъ разсказывали всю жизнь. Для полученія паспорта, во избѣжаніе уплаты пошлины въ 500 руб., бралось медицинское свидѣтельство, о выѣздѣ публиковалось три раза въ газетахъ. Для сокращенія расходовъ ѣздили на казенныхъ пароходахъ изъ Петербурга до Любека или Штетина изъ Одессы ѣздили на Галацъ и далѣе по Дунаю. При возвращеніи въ Одессу приходилось сидѣть въ карантинѣ отъ двухъ до шести недѣль, смотря по состоянію чумы на Востокѣ. Поѣздка во Францію вообще не разрѣшалась, и туда, особенно чиновники, ѣздили только тайкомъ.

Если императоръ Николай Павловичъ изъ Рязани въ Москву двѣсти верстъ ѣхалъ по двое сутокъ, то что творилось съ обыкновенными смертными? Въ 1866 г., имѣя подорожную по Высочайшему повелѣнію, я ѣхалъ станцію въ 37 верстъ ровно сутки. Въ губерніяхъ черноземныхъ, какъ Харьковская и Полтавская, даже лѣтомъ простая перекладная тонула въ грязи и приходилось подпрягать воловъ для вытаскиванія экипажа. Въ жару такая же мука была въ пескахъ: лошади шли шагомъ по цѣлымъ

часамъ. Ѣсть на станціяхъ буквально было нечего, хотя на каждой висѣлъ подъ стекломъ длинный прейсъ-курантъ блюдъ. Счастье, если находилась крынка молока или дѣлали яичницу на скверномъ маслѣ. Самовары были вездѣ нечищенные по годамъ и приходилось возить съ собою въ «погребцахъ» и самоварчикъ и всѣ принадлежности къ чаю. О моихъ поѣздкахъ по земскимъ трактамъ не могу и теперь вспомнить безъ ужаса. Зимою на границахъ уѣздовъ приходилось бродить по часамъ. Встрѣчи съ медвѣдями были нерѣдки. Думаю впрочемъ, что и до сихъ поръ происходитъ то же самое въ глуши Россіи.

Въ полицейскомъ отношеніи очень многое измѣнилось за полвѣка. Тогда и въ столицахъ безъ всякой церемоніи всѣхъ задержанныхъ пьяныхъ по вытрезвленіи заставляли мести улицы. Нерѣдко можно было видѣть съ метлами и отставныхъ чиновниковъ съ пряжками за безпорочную службу. Послѣ метенія всѣмъ несъ избавленнымъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія давали, вмѣсто гонорара, по 25 розогъ и отпускали съ миромъ.

Полиція замѣняла тогда и судебныхъ слѣдователей, и судебныхъ приставовъ, и нотаріусовъ, производила взысканія по векселямъ и т. д., но жалованья ей почти никакого не полагалось и она жила взятками. На взятки тогда смотрѣли иначе и о «безгрѣшныхъ доходахъ» публично разговаривали, исчисляя спокойно, сколько кто имѣлъ ихъ отъ своего мѣста, полка или эскадрона и сколько получали другіе. Всѣ открыто имѣли добавочное жалованье отъ откупщиковъ.

Особенностью того времени была работа арестантовъ. Въ цѣпяхъ и съ бритыми головами, арестанты чинили въ городахъ мостовыя, сажали деревья на бульварахъ, а въ свободныя минуты просили у проходящихъ милостыни, что нисколько не возбранялось, ибо казенное содержаніе арестантовъ оставалось въ карманахъ начальниковъ арестантскихъ ротъ. Это были офицеры изъ «бурбоновъ», сидѣвшіе лѣтъ по двадцати въ каждомъ чинѣ; мундиры они имѣли съ зелеными выпушками, такъ какъ роты состояли въ путейскомъ вѣдомствѣ.

И въ другихъ вѣдомствахъ были такія же части, не пользовавшіяся никакимъ уваженіемъ въ обществѣ, напримѣръ пограничная стража, въ морскомъ вѣдомствѣ—ластовые экипажи; былъ

цѣлый корпусъ внутренней стражи, называвшійся корпусомъ «внутренней кражи». Его главное занятіе было препровожденіе арестантовъ. Всѣ офицеры корпуса изъ бурбоновъ или изъ неспособныхъ кадетъ, не выдержавшихъ экзамена, имѣли на каскѣ бомбу съ тремя пламенями, въ насмѣшку называвшихся «распятымъ воробьемъ». У казаковъ было такъ мало образованныхъ людей, что огромная часть офицеровъ была «зауряд», были даже «зауряд войсковые старшины», т. е. майоры, которыхъ производили опять въ хорунжіе, а подчасъ снимали эполеты и сѣкли; послѣднее, впрочемъ, считалось злоупотребленіемъ.

Лучшій составъ офицеровъ, послѣ гвардіи, былъ въ кавалеріи, гдѣ служили помѣщичьи дѣти и гдѣ было много остзейцевъ, сравнительно образованныхъ и дѣлавшихъ быструю карьеру.

Кавалеристы и потому еще имѣли значеніе, что танцы тогда играли гораздо большую роль; въ помѣщичьихъ домахъ танцовали до упаду, начиная съ обѣда. Танцы за послѣдніе полвѣка мало измѣнились; въ то время, о которомъ я говорю, гросфатеры, матрадуры и гавоты были уже оставлены, новостью была полька-мазурка (полька вошла въ моду лѣтъ десять раньше). Передъ Крымскою войною вошелъ въ моду «скотишъ», а послѣ войны англійская кадриль «лансье», но оба не удержались. Уже шестьдесятъ лѣтъ назадъ волочить въ кадрили ноги, вмѣсто продѣлыванья разныхъ «шассе», считалось признакомъ хорошаго тона.

Въ ходу были petits jeux, а въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всѣ помѣшались на верченіи столовъ.

Сѣченіе давало много работы полиціи. Каждый недовольный своей прислугой давалъ ей записку и отправлялъ въ часть, гдѣ приставъ всыпалъ сколько нужно, по своему благоусмотрѣнію. Сѣченіе вообще играло тогда большую роль. Современное поколѣніе не знаетъ даже различія между кнутомъ и плетьми, а еще меньше значеніе фухтелей, шпицрутеновъ, что такое значитъ сѣчь «въ пересыпку» (т. е. палками съ одной стороны, розгами съ другой) и т. д.

Прежде въ гимназіяхъ сѣкли каждую субботу всѣхъ неуспѣшныхъ, а въ кадетскихъ корпусахъ сѣкли каждый день. Въ корпусахъ были и болѣе торжественныя наказанія — передъ ротою и передъ цѣлымъ корпусомъ. Случалось, что кадетъ засѣкали до

смерти. У помѣщиковъ драли на конюшнѣ. Въ юго-западномъ краѣ сѣкли даже дворянокъ-покоювокъ (горничныхъ), но онѣ требовали, чтобы при сѣченіи имъ, въ видѣ привилегіи, подстилали коверъ.

Въ семейномъ быту были тѣ же нравы. Безобразовъ высѣкъ жестоко своего сына камергера. У насъ, въ Херсонской губерніи, уланъ Терпелевскій, обиженный тѣмъ, что барышни сговорились не танцовать съ нимъ, позвалъ свой эскадронъ и перепоролъ на балу всѣхъ дамъ, за что, впрочемъ, попалъ подъ судъ. Объ этомъ фактѣ разсказывали, какъ о молодечествѣ.

Но если въ полиціи сѣкли аккуратно, то въ остальномъ преобладали патріархальные нравы; будочники, даже въ Петербургѣ, съ алебардами, въ уродливыхъ картузахъ, спокойно спали у себя въ будкахъ по цѣлымъ днямъ. Я лично много разъ видѣлъ, какъ будочникъ у Полицейскаго моста занимался, при помощи своей алебарды, ловлею дровъ съ проходящихъ по Мойкѣ барокъ, дѣлая себѣ запасъ на зиму.

Полвѣка назадъ и здоровались иначе, чѣмъ теперь. Дамамъ рукъ не жали, у старухъ цѣловали ручку, государя при подачѣ руки цѣловали въ плечо. Подавали руку съ разборомъ. Нѣкоторые, считая себя высшей породы, никогда руки не давали. Одесскій генералъ-губернаторъ гр. А. Г. Строгановъ никому руки не подавалъ, держа на пріемахъ въ одной рукѣ платокъ, а въ другой—табакерку. Только разъ въ годъ, въ царскія именины, корпусному командиру Безаку онъ протягивалъ одинъ палецъ лѣвой руки.

СТАРАЯ ОДЕССА.

II.

Я съ дѣтства отличался хорошей памятью, почему, хотя смутно, припоминаю вещи, которыя видѣлъ, когда мнѣ было три, четыре и пять лѣтъ. Помню, какъ мы жили въ Одессѣ на Садовой близъ собора и какъ у часовыхъ на гауптвахтѣ были кивера съ очень высокими помпонами. Помню, какъ въ саду въ домѣ на Итальянской, узнавъ, что изъ косточекъ растутъ деревья, мы съ братомъ посѣяли косточки отъ бараньихъ котлетъ, повѣривъ отцу, что выростутъ новыя котлеты и даже съ тертымъ картофелемъ. Помню, какъ мнѣ сшили у портного Лангле въ Пале-Роялѣ первый пиджачокъ, чтобы утѣшить ревность къ брату, которому князь Воронцовъ прислалъ съ Кавказа миніатюрное черкесское платье.

Начиная съ шести лѣтъ, я помню уже все послѣдовательно, помню, какъ шли войска въ Венгерскій походъ, какъ отправлялся туда юнкеромъ мой дядя Живковичъ, умершій въ госпиталѣ въ Бухарестѣ отъ злой чахотки. Письма его съ одра смерти, полныя грустнаго юмора, я когда-нибудь напечатаю.

Въ это время мой отецъ имѣлъ дачу или, по мѣстному названію, хуторъ подъ Одессой близъ Сухого лимана, и поѣздки на этотъ хуторъ, особенно сцены охоты, сборъ винограда и т. п. крѣпко врѣзались въ мою память. Душою нашего общества были тогда сестры Марченко, одна изъ которыхъ Анастасья (вышедшая потомъ замужъ за Кирьякова) обратила на себя вниманіе русской литературы романами въ Жоржъ-Зандовскомъ вкусѣ подъ псев-

донимомъ Т. Ч. Другая русская Зандъ, г-жа Ганъ (Зинаида Р—ва) также жила во время моего дѣтства въ Одессѣ.

Помню пребываніе въ Одессѣ и гр. Уварова, изучавшаго греческія древности, и извѣстнаго польскаго романиста Крашевскаго, описавшаго наше семейство въ своей книгѣ о Новороссіи. Онъ помогалъ моему отцу въ написаніи исторіи гайдамаковъ.

Какъ сегодня я помню, какъ отецъ вернулся домой съ извѣстіемъ, что Наполеонъ Бонапартъ сдѣлалъ декабрьскій переворотъ. Помню, какъ въ стрѣлковомъ батальонѣ ввели штуцера. Пограничная же стража и карантинная и въ Крымскую войну были вооружены еще кремневыми ружьями.

Болѣе смутно припоминаю, какъ мы проводили вечера у знаменитой фаворитки Александра I Марьи Антоновны Нарышкиной; домъ ея сталъ потомъ жилищемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ и начальниковъ военнаго округа. Передъ этимъ домомъ и стояла на Приморскомъ бульварѣ пушка, которую украли во время Крымской войны, къ удивленію одесскаго полиціймейстера Михайловскаго,—случай, описанный въ «Современникѣ» въ романѣ «Полиціймейстеръ Бубенчиковъ». Михайловскій едва не схватилъ собственноручно польскаго генерала Бема, командовавшаго трансильванской арміей въ Венгерскую войну, за что и получилъ мѣсто. Разъѣзжали тогда полиціймейстеры съ казакомъ, скакавшимъ сзади дрожекъ.

Эпизоды Венгерской кампаніи и польскаго возстанія 1831 г. служили часто темою для разговоровъ. Virtute militari, или, какъ его называли солдаты, «провертѣли промотали», было на груди у большинства офицеровъ.

Не менѣе итересовались эпизодами безконечной Кавказской войны, защитою Ахты, подвигами Слѣпцова. Изъ кавказцевъ, часто заѣзжавшихъ къ намъ, упомяну о храбромъ запорожцѣ полковникѣ Кухаренко, изрубленномъ потомъ горцами, и баронѣ Николаи съ прострѣленнымъ горломъ. Онъ ушелъ потомъ въ траписты «Grande Chartreuse».

Вспоминали также чуму, посѣтившую Одессу въ 1828 и 1837 гг. Вліяніе чумы сохранилось въ строгомъ соблюденіи карантинныхъ правилъ для всѣхъ товаровъ, кромѣ деревяннаго масла. Отпускную или Карантинную гавань стерегли солдаты съ

красными рукавами поверхъ мундировъ и шинелей и, проѣзжая на Малый Фонтанъ мимо громадной насыпи, гдѣ были погребены жертвы чумы, мы затыкали носы.

Малый Фонтанъ и дача садовника Шульца у нѣмецкой колоніи Люстдорфъ служили тогда обычными мѣстами для пикниковъ. Послѣдніе повторялись частенько, благодаря сухому одесскому климату. Одесское населеніе вообще проводитъ значительную часть дня на чистомъ воздухѣ. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ мы, обѣдая въ 2 часа, ежедневно гуляли на Дерибасовской или около крѣпости, а послѣ чая прогулка по Одесскому бульвару была обязательною. На бульварѣ, если не отправлялись въ оперу, слушали военную музыку и ѣли мороженое. По субботамъ бульваръ посѣщался евреями, чинно гулявшими, держа другъ друга за концы пальцевъ и надѣвъ шляпы на затылокъ. Замужнія еврейки всѣ носили еще парики.

Одесскія постройки изъ рыхлаго известняка были неизмѣнно страшно сыры. Нѣсколько лѣтъ послѣ постройки новаго дома моего отца въ Карантинной улицѣ стѣны, хотя выкрашенныя масляной краской, давали потоки сырости. И моя гувернантка, отличавшаяся большимъ краснымъ носомъ, увѣряла изъ кокетства, что этотъ недостатокъ у нея былъ оттого, что она вынуждена была спать носомъ къ сырой стѣнѣ! Красный носъ не помѣшалъ ей быть идеальнымъ педагогомъ. Хотя уроженка Бессарабіи, она хорошо говорила по-англійски и всѣмъ интересовалась. Даже писецъ моего отца изъ кіевскихъ семинаристовъ подписывался на «Revue des deux monde» и печаталъ статьи. Не все, значитъ, было дико и въ старое время.

Улицы Одессы представляли своеобразное зрѣлище; треть домовъ представляла магазины или амбары для склада хлѣбовъ, преимущественно пшеницы; тротуары были вымощены частью плитою, частью мѣстнымъ дикаремъ, поставленнымъ ребромъ, по бокамъ улицъ росли чахлыя акаціи, а вдоль текли ручейки по грязнымъ водосточнымъ канавкамъ. На главной улицѣ, тогда Ришельевской, на тротуарахъ сидѣли подъ зонтиками евреи и еврейки и на зеленыхъ столикахъ мѣняли деньги. Тутъ же толкались фактора хлѣбной торговли. Существовала биржа, но никто и не думалъ совершать въ ней обороты.

Мостовыя въ Одессѣ были что-то невѣроятное. Въ началѣ мостили камнемъ, доставлявшимся по большей части изъ Италіи въ видѣ баласта кораблями, приходившими за хлѣбомъ. Но затѣмъ, въ видахъ покровительства мѣстной промышленности, камни съ кораблей заставляли бросать въ море, отчего засорился портъ, а для мостовыхъ стали употреблять мѣстный дикарь—известнякъ третичной формаціи.

Подъ вліяніемъ ѣзды, дождя и морозовъ камень шоссе разсыпался и образовывались горы бѣлой мелкой пыли, при дождяхъ и зимою обращавшіяся въ моря грязи. Въ этой грязи тонули не только галоши, но и экипажи и пьяные люди. Переходъ съ одного тротуара на другой составлялъ головоломную задачу. Еще труднѣе въ грязь было переправляться черезъ балки, какъ называются овраги, прорѣзывающіе Одессу.

Деревья росли туго отъ отсутствія воды. Такой же жалкій видъ имѣли загородныя дачи съ ихъ жидкими акаціями, глядичіей, эйлантусомъ, божьими деревами и запыленными кустарниками шелюги, составлявшей живую изгородь. Только дачи, находившіяся на берегу, украшались чуднымъ видомъ на море. Публика чаще всего посѣщала дачу графини Ланжеронъ, тогда еще не провалившуюся въ море, и Фонтаны.

Особенностью Одессы былъ недостатокъ воды; множество колодцевъ давали только солонцеватую воду, почему въ домахъ съ желѣзными крышами были устроены мраморныя цистерны, собиравшія дождевую воду. Ее для настаиванія чая приносили даже издалека.

Въ сухую погоду улицы устилались «рядномъ», грубымъ холстомъ, на которое насыпали содержимое хлѣбныхъ магазиновъ, и полунагіе рабочіе, преимущественно изъ евреевъ, «перелопачивали» по цѣлымъ днямъ зерно, кидая его изъ одного конца кучи въ другой и увеличивая пыль на улицахъ. Рядомъ съ этимъ извозчики, тоже полуголые, но непремѣнно съ цвѣтнымъ платочкомъ вокругъ шеи, возили рысью и вскачь зерно въ мѣшкахъ въ гавань, гдѣ при помощи грузчиковъ изъ одесскихъ «кадетъ» и «шарлатановъ» носили на спинахъ бѣгомъ на суда и пароходы, ссыпая въ трюмы.

Передъ магазинами на улицахъ стояли безконечныя вереницы возовъ, запряженныхъ парами сѣрыхъ воловъ, и слышались постоянно крики: «цопъ! цопъ! цабе!». Это были хохлы-чумаки, привозившіе изъ деревень пшеницу и увозившіе обратно бессарабскую соль и другіе товары.

Хохлы были въ полотняныхъ костюмахъ, пропитанныхъ дегтемъ; свитка, кнутъ, плоскій боченокъ съ водою, мазница съ дегтемъ и котелокъ для варки пшонной каши съ саломъ тутъ же на улицѣ между возами составляли все имущество чумака. Никогда хохлы не мылись, хотя ходили смотрѣть—«дывиться» на море. Одинъ даже пробовалъ изъ моря поить воловъ и, когда тѣ отказались пить соленую воду, философски замѣтилъ:—«Оттого тутъ и воды богацько, що волы не пьютъ».

Но во всякомъ случаѣ хохлы ходили на бульваръ смотрѣть «гадюка», какъ назывался въ Новороссіи монументъ дюка де Ришелье. Хохлы обходили съ батогами вокругъ и старики, показывая молодымъ барельефы, изображавшіе искусство, торговлю и пр., поясняли, что:—«То дочки гадюки».

Счетъ еще велся на старые рубли, т. е. ассигнаціонные и, благодаря порто-франко, все было ужасно дешево. Таможенныхъ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ платилась одна пятая по тарифу, поэтому иностранные сахаръ, бакалеи, вино, портеръ, модные и галантерейные товары продавались дешево. Пошлины уплачивались при выѣздѣ изъ Одессы, для чего существовали особыя таможни и заставы, въ которыхъ при поѣздкахъ на дачи досмотрщики усиленно тыкали большими желѣзными заостренными шестами въ экипажи, ища контрабанды, которая преспокойно провозилась легальнымъ путемъ. Собственные продукты: мясо, зелень, сѣно—были еще дешевле, за рубль въ день можно было накормить семейство средней руки. Въ ресторанахъ, даже лучшихъ, какъ у Косты [1]), порція стоила 15 коп. Табакъ былъ нипочемъ.

Primeurs тогда, конечно, не знали, кромѣ фруктовъ, привозившихся моремъ изъ Константинополя. Рябчики я ѣлъ только однажды въ Одессѣ, и то присланные отцу какъ рѣдкость. Въ сезоны продукты были еще дешевле: скумбрію (macquerau) возили возами, арбузы ѣздили покупать въ Практическую гавань прямо

[1]) Костѣ посвящали стихи Щербина и др. Традиціи его унаслѣдовалъ нынѣ также покойный Ящукъ.

съ каботажныхъ судовъ, такъ называемыхъ «грицьковъ», приходившихъ изъ Алешекъ. Виноградъ татары привозили изъ Крыма въ арбахъ. Далѣе отъ портовъ цѣны были прямо баснословныя; въ Кіевской и Подольской губерніяхъ ведро вишенъ стоило двѣ копѣйки, въ Донской области возъ арбузовъ—полтинникъ.

Чисто русскія издѣлія покупались на ярмаркѣ, происходившей ежегодно за Херсонской таможней, на Пересыпи, въ сентябрѣ. Поѣздка туда очень радовала насъ, дѣтей, ибо сопровождалась покупкою пряниковъ, дешевыхъ игрушекъ и лубочныхъ картинокъ.

Подъ вліяніемъ иностранцевъ и такихъ просвѣщенныхъ начальниковъ, какъ Ришелье, Ланжеронъ, Воронцовъ, Левшинъ, жизнь въ Одессѣ отличалась такою свободою, о которой не имѣли понятія и въ столицахъ. Это отражалось даже на военномъ мірѣ. Моряки ходили по бульвару въ разстегнутыхъ сюртукахъ съ выпущенными поверхъ стоячаго воротника воротничками. Военная служба исполнялась также не очень строго.

Я помню, напримѣръ, какъ, когда петрашевца Пальма перевели изъ гвардіи въ Литовскій полкъ, онъ, дежуря на гауптвахтѣ, преспокойно отпускалъ арестованнаго нашего родственника къ намъ пить чай. Тогда, впрочемъ, арестовывали офицеровъ и изъ-за пустяковъ, почему на арестованныхъ смотрѣли сквозь пальцы.

Свобода была и въ другихъ отношеніяхъ. Она отражалась на вывѣскахъ. Я помню вывѣску на Итальянской: «Погребъ Вавилонъ или входъ въ источникъ краснорѣчія», а на Греческой: «Хаимъ Брутъ женскій портной и компаніонъ» (бѣдный еврей такъ объяснилъ себѣ значеніе словъ: и К°); на одной лавкѣ на Екатерининской улицѣ было написано:

Здѣсь веселится компанія,
Но безъ ссоры и руганія.
Пей шемпанское, мадеру,
Чтобы было человѣку въ мѣру.

И въ 60-хъ годахъ попадались еще вывѣски въ родѣ: «Eviva Garibaldi! cantina con diversi vini» или «Eviva unita d'Italia!» и т. п.

Свобода простиралась и далѣе. Обитательницы пансіоновъ безъ древнихъ языковъ преспокойно сидѣли цѣлые дни въ откры-

тыхъ окнахъ даже на такихъ улицахъ, какъ Почтовая, зазывая проходящихъ.

Полиція была, конечно, патріархальная. Она выражалась въ нѣсколькихъ бутаряхъ изъ крещеныхъ евреевъ, запиравшихся на ночь въ будки изъ опасенія грабителей, почему ночью ходили обходы изъ солдатъ. Пристава и квартальные собирали взятки и занимались болѣе сѣченіемъ присылаемой прислуги. Особенно славился приставъ Палковскій. Еще большею популярностью пользовался начальникъ арестантской роты Драгутинъ. Арестантовъ долго звали, а можетъ быть и до сихъ поръ зовутъ въ Одессѣ, «драгутинами».

Отношенія полиціи и начальства тоже были патріархальныя. Одинъ мой знакомый адъютантъ исправлявшаго должность генералъ-губернатора вошелъ нечаянно въ кабинетъ къ Федорову и видѣлъ, какъ тотъ костылемъ «училъ» провинившагося полиціймейстера. То же лицо было свидѣтелемъ еще болѣе поучительнаго случая. Одесскій градоначальникъ, Nomina sunt odiosa, принималъ гостей. Помпадурша заявила, что получила удивительный чай отъ одного купца; принесли торжественно ящикъ, открыли и, къ ужасу хозяйки, на поверхности чая лежало нѣсколько крупныхъ ассигнацій!

Хотя и попадались исключенія, но вообще одесское общество было отлично составлено. Аристократію образовалъ кружокъ генералъ-губернатора, нѣсколько проживавшихъ въ немилости или въ отставкѣ петербургскихъ высшихъ чиновниковъ и польскіе аристократы. Къ этому кружку примыкали богатые иностранные негоціанты и среди нихъ выдавались богачи-греки Родоконаки, Маразли, Ралли, Маврокордато, Папудовъ, Зариффи, итальянецъ Порро, нѣмецъ Массъ. Съ 20-хъ годовъ греки вытѣснили въ торговлѣ итальянцевъ, замѣнившихъ французовъ, приглашенныхъ дюкомъ де Ришелье. Русскіе купцы, продававшіе веревки, желѣзо, сбрую, составляли меньшинство и въ общество, по своей необразованности, не допускались, хотя были между ними и бойкіе: портовой подрядчикъ Потаповъ, бакалейщикъ Посоховъ, содержатели театра Андросовъ и Авчинниковъ, о которомъ говорили, что, чтобы его расчувствовать, надобно ударить дышломъ по переносицѣ. Исключеніемъ изъ русскихъ купцовъ по своей просвѣ-

щенности были Новиковы. Даже въ думѣ преобладали иностранцы; городскимъ головою былъ англичанинъ Кортацци.

Военное общество было также избранное по тому времени. Командовалъ корпусомъ извѣстный храбростью и волокитствомъ герой варшавскаго штурма Лидерсъ; ранѣе того командовалъ извѣстный генералъ Сабанѣевъ, именемъ котораго окрещенъ одинъ изъ главнѣйшихъ мостовъ въ Одессѣ. Начальникъ штаба былъ Даненбергъ — ученый, хотя и неудачный военачальникъ; его смѣнилъ Непокойчицкій.

Даже коменданты въ Одессѣ: Кобле, Розенфельдъ, Шостакъ оставили по себѣ память благороднѣйшихъ людей; въ честь перваго названа улица.

Въ домѣ нашемъ то и дѣло раздавались: «веришъ Богу! свегда» и т. п. слова, обличавшія сербовъ, которыхъ вращалось «свегда» немало, особенно офицеровъ, и такъ какъ мать моя была чистокровная сербка, хотя и родилась въ Кишиневѣ, когда отецъ ея, полковникъ Степанъ Живковичъ, уроженецъ Военной границы, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Кара-Георгія, былъ эмигрантомъ и, потерявъ свое имущество (два дома въ Бѣлградѣ, сожженныхъ турками), жилъ на пенсіи, выдаваемой русскимъ правительствомъ. Извѣстный патр отъ, архіепископъ Филипповичъ, проживавшій на покоѣ въ Иржавскомъ монастырѣ, приходился роднымъ дядей моей матери, а знаменитый ученый Вукъ Караджичъ—близкимъ родственникомъ моей бабушкѣ.

Изрѣдка пріѣзжала къ намъ изъ Кишинева на долгихъ послѣдняя свидѣтельница сербскаго возстанія—сербка Султана Ивановна. Цѣлый день старуха эта въ національномъ костюмѣ, набѣленная и нарумяненная, сидѣла, поджавши ноги по-турецки, курила трубку, ѣла варенье и шербеты и запивала безконечнымъ числомъ стакановъ воды. Ей было лѣтъ за восемьдесятъ, но жаловалась она только на дороговизну сахара.

Мать моя и ея братъ остались круглыми сиротами и воспитывались на казенный счетъ. Мать моя— въ Одесскомъ институтѣ, гдѣ была въ числѣ выпуска 1840 г., прославившагося изобиліемъ красивыхъ и талантливыхъ женщинъ, такъ что объ этомъ выпускѣ напечатана была даже особая брошюра.

Институтъ помѣщался на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь, но зданіе было другое, тѣсное, вонь была страшная. Меня ребенкомъ часто возили туда, и я проводилъ тамъ цѣлые дни, такъ какъ въ числѣ воспитанницъ не переводились родственницы, особенно племянницы отца Сезеневскія. Изъ института въ отпускъ тогда не отпускали, и это было чистое затворничество на шесть лѣтъ.

Институтки ходили въ голубыхъ платьяхъ и бѣлыхъ пелеринкахъ, которыя лѣтомъ снимались; кормили прескверно, но, какъ южанки, всѣ институтки отличались живымъ и веселымъ характеромъ.

Мать моя очень любила свое заведеніе; мы тамъ говѣли, и классныя дамы института нерѣдко пріѣзжали къ намъ въ гости. Пріѣзжали и двѣ оригинальныя старушки, одна завѣдывавшая больницей—полька—ея сына изрубили черкесы, но отъ нея скрывали его смерть и она все ждала писемъ; другая—кастелянша изъ венгерскихъ сербокъ, явилась въ Россію съ ружьемъ за плечами. Обѣ отъ старости качали все время головой, какъ китайскіе magot,—Марья Ивановна сверху книзу, а m-me Тицъ слѣва направо, что насъ, дѣтей, очень забавляло.

Въ исторіи Одесскаго института, гдѣ между прочимъ получили воспитаніе Наталья, королева сербская, и Бальтаджи, мать баронессы Вечера, трагической любовницы эрцгерцога Рудольфа, памятенъ еще слѣдующій курьезъ. Передъ Крымской войной екатеринославскій помѣщикъ Борзенко помѣстилъ туда свою дочь. Эта дѣвица имѣла ужасно воинственный видъ, носила короткіе волосы, ходила съ кинжаломъ и только и говорила, что о герояхъ греческаго возстанія. Она увѣряла всѣхъ, что она мальчикъ, отлично училась и окончила заведеніе съ шифромъ. Когда же окончила, то добилась таки того, что ее по Высочайшему повелѣнію освидѣтельствовали въ покойномъ 3-мъ отдѣленіи, признали мужчиною и позволили поступить юнкеромъ въ уланскій полкъ! Можно себѣ представить ужасъ начальницы, такъ называемой «maman», и всѣхъ классныхъ дамъ и пепиньерокъ послѣ этой «сконапель истуаръ». Къ счастью, уланъ, въ формулярѣ котораго при производствѣ значилось бы, что онъ окончилъ курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, скоро померъ. Братъ его былъ долго профессоромъ Мо-

сковскаго университета. Гимназистомъ онъ жилъ и воспитывался въ нашемъ домѣ.

Пестрота была не только въ обществѣ, но и въ массѣ народа. Политика Потемкина оставила прочные слѣды. Всѣ цирюльники въ Одессѣ были армяне-католики изъ Григоріополя, огородники—болгаре; уголь привозился въ каруцахъ изъ Бессарабіи полудикими молдаванами въ рубашкахъ съ раскрытою грудью, откуда буквально торчали клочья черной шерсти; нажравшись мамалыги, они спасались отъ воспаленія кишекъ, выпирая колѣнами другъ у друга изъ брюха избытокъ пищи, молдаване не брали другихъ денегъ, кромѣ серебряныхъ карбованцевъ, и такъ продолжалось до Крымской войны. Булочники и хлѣбники были по большей части изъ грековъ, греки же торговали фруктами, мануфактурною торговлею занимались караимы, они же содержали морскія купальни, евреи были факторами, стекольщиками, разносчиками, великороссы или «кацапы» были плотниками, бондарями, печниками, штукатурами, водовозами и служили въ кучерахъ[1]). Женская прислуга была изъ малороссіянокъ и полекъ. Этому обстоятельству одесскій языкъ, нынѣ сильно очистившійся, обязанъ

[1]) Профессоръ Д. И. Эварницкій, полемизируя въ «Русскомъ Словѣ» съ Костомаровымъ и Бородаемъ относительно происхожденія малороссійскаго слова «кацапъ»—великороссъ и отвергая происхожденіе его отъ «цапъ» (козелъ) и «катъ-цапъ» (палачъ-козелъ), даетъ свое «болѣе правдоподобное» объясненіе.

«Занимаясь въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ,—пишетъ онъ,—я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ документовъ половины XVIII вѣка, въ которыхъ слово «кацапъ» писалось не съ буквою ц, а съ буквою с, т.-е не «кацапъ», а «касапъ». Обратившись затѣмъ отъ архивныхъ документовъ къ языку туземцевъ Средней Азіи, я узналъ, что у сартовъ есть слово «касабъ» или «касапъ», что въ буквальномъ смыслѣ значитъ «мясникъ» и въ переносномъ — «живодеръ». Отсюда я и вывожу заключеніе, что теперешнее слово «кацапъ» вовсе не русскаго, а восточнаго, правдоподобно—татарскаго происхожденія» и т. д.

Я думаю, что для такого объясненія г. Эварницкій напрасно ѣздилъ въ московскіе архивы и въ Среднюю Азію. Онъ открылъ то, что давно было извѣстно. Въ сочиненіи моего отца «Порубежники», часть I,—«Хрустальная банка», изданномъ еще въ 1849 году, на страницѣ 157-й при словѣ кацапъ сдѣлано слѣдующее объясненіе: «Кацапами (съ турецкаго «косапъ») называютъ на Украинѣ всѣхъ великороссіянъ, носящихъ бороду».

былъ массою малорусскихъ и польскихъ словъ и оборотовъ, произношеніе его тоже болѣе мягкое. Профессоръ Зеленецкій написалъ цѣлую книгу объ ошибкахъ одесскаго языка, возмутившую одесситовъ.

Французскій языкъ и здѣсь тогда свирѣпствовалъ, свирѣпствовалъ даже въ деревняхъ. Отецъ мой видѣлъ визитныя карточки съ надписью: Madame Natalie Doubina, née Tchouprina[1]).

Хотя итальянцы были рыбаками или работали въ порту, а число итальянскихъ купцовъ очень уменьшилось, но, по старой памяти, надписи на улицахъ были итальянскія. Итальянскій языкъ поддерживался также итальянской оперой, очень популярной. Не пропускать ни одного опернаго представленія считалось признакомъ хорошаго тона. Въ русскомъ театрѣ порядочная публика бывала только на гастроляхъ петербургскихъ знаменитостей: Мартынова, Максимова, Самойлова, Марковецкаго, г-жи Шубертъ.

Одесса представляла рѣдкій примѣръ города, любившаго свое начальство. Правда, городъ былъ и на рѣдкость счастливъ въ этомъ отношеніи. Если де Рибасъ былъ только тонкимъ итальянскимъ интриганомъ, то дюкъ де Ришелье представляется замѣчательно просвѣщеннымъ администраторомъ. Онъ и Франціи оказалъ услуги, какъ первый министръ. Свое состояніе герцогъ завѣщалъ бѣднымъ города Бордо.

Столь же хорошую память оставилъ у одесситовъ генералъ Инзовъ, у котораго служилъ Пушкинъ. Инзовъ устроилъ много новыхъ колоній иностранныхъ переселенцевъ: нѣмцевъ, болгаръ, шведовъ и т. д.; даже цыганъ успѣли водворить на осѣдлость,—часть ихъ вошла въ составъ бывшаго Дунайскаго казачьяго войска.

Завѣдывавшій прекрасно устроившимися въ степяхъ и снабжавшими городъ картофелемъ нѣмецкими колоніями около Одессы Епихинъ жилъ одно время въ нашемъ домѣ. Онъ былъ прежде военнымъ и кончилъ адвокатомъ. Епихинъ разсказывалъ мнѣ случай изъ своей жизни, хорошо рисующій старые нравы. Дѣло было на войнѣ 1828 г. Генералъ Варпаховскій въ своей палаткѣ

[1]) Кстати припомню, что у покойнаго земца Кавоса была замѣчательная коллекція визитныхъ карточекъ съ подобными курьезными надписями; интересно, кому она досталась послѣ его смерти?

цѣлый день держалъ банкъ. Какъ юнкеру, Епихину входъ туда былъ невозможенъ, но вдругъ его производятъ въ прапорщики и даютъ не въ зачетъ годовое жалованье. Епихинъ немедленно идетъ въ палатку генерала, подходитъ къ столу, говоря: «атандэ!» кладетъ все полученное жалованье и кричитъ: «ва банкъ!»

Растроганный Варпаховскій бросаетъ карты, кидается къ Епихину на шею, говоритъ: «Ты мой адъютантъ!» и немедленно приказываетъ написать о назначеніи въ штабъ.

Графъ Ланжеронъ былъ человѣкъ храбрый и умный, но властный и капризный. Очень жаль, что до сихъ поръ не изданы цѣликомъ его обширные мемуары, хранящіеся въ Парижѣ. Это обязанность нашего Историческаго общества.

О графѣ сохранилась въ Одессѣ добрая память, онъ только не могъ никакъ выучиться говорить по-русски. Я привожу ниже, въ главѣ «Бомбардировка Одессы», анекдотъ, какъ онъ обругалъ своихъ подчиненныхъ нижнимъ земскимъ судомъ. Что были это за суды, видно изъ дѣла о томъ, какъ Тарданъ пришелъ въ аккерманскій судъ и сказалъ: «Bonjour, messieurs!» Усмотрѣвъ въ означенныхъ словахъ оскорбленіе, присутствіе составило протоколъ и швейцарца Тардана (извѣстнаго винодѣла) привлекло къ отвѣтственности!

Недалеко отъ нашей гимназіи находился домъ гр. Ланжерона, у воротъ котораго стояли двѣ французскія пушки, пожалованныя Александромъ I. Въ домѣ доживала престарѣлая вдова графа, русская по происхожденію, Пущина. Она пила мертвую чашу и, напившись, иногда садилась на одну изъ пушекъ и кричала благимъ матомъ.

Свѣтлѣйшаго князя Воронцова въ Одессѣ обожали. Онъ заботился о краѣ, поощрялъ мѣстныхъ ученыхъ, украсилъ Одессу прекрасными зданіями, былъ обходителенъ и гостепріименъ. Два раза въ недѣлю у него были балы, на которыхъ собиралось все общество. Когда Воронцовъ уѣзжалъ въ 1845 г. на Кавказъ, сохраняя однако званіе новороссійскаго генералъ-губернатора, буквально весь городъ собрался на набережной, бульварѣ и пристани провожать его. Крики «ура!» раздавались стократно. Евреи кричали: «Нашъ отецъ! Нашъ благодѣтель!» Многіе плакали. Воспитанный въ Англіи, графъ отличался гуманностью и изысканною

вѣжливостью; онъ имѣлъ только слабость давать видимое предпочтеніе иностранцамъ, даже самымъ ничтожнымъ, презирая въ душѣ, какъ всѣ выдающіеся дѣятели Александровскаго времени, русскихъ съ ихъ крѣпостнымъ правомъ и жестокими тѣлесными наказаніями.

Жена князя Воронцова была полька, урожденная гр. Браницкая, поэтому въ ея антуражѣ было много поляковъ и имѣніями управляли поляки Шпигановичъ, Ягницкій и др. Сынъ Ягницкаго, жившій долго въ Парижѣ и сидѣвшій за долги въ Клиши, славился очень своимъ остроуміемъ въ Одессѣ. Весьма курьезный типъ былъ и майоръ Бочковскій, управляющій крымскими имѣніями князя. Бочковскій любилъ употреблять иностранныя слова, не понимая ихъ значенія.

— Князь позвалъ меня, я побѣжалъ и по дорогѣ растянулся. Можете себѣ представить, какой получился эстампъ! говорилъ онъ.

Въ другой разъ, разсказывая о томъ, какъ въ кіевскомъ имѣніи князя «Мошнахъ» бунтовали крестьяне и толпа подошла къ дому управляющаго, Бочковскій прибавилъ: «Я вышелъ и приказалъ передрать всю эту перспективу».

Бочковскій представлялъ Воронцову новую верховую лошадь, князь былъ ею недоволенъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, съ горечью говорилъ Бочковскій: да это не лошадь, это просто богъ Аписъ (который, какъ извѣстно, былъ быкъ).

ВЪ НОВОРОССІЙСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

III.

Занимаясь историческими и статистическими изслѣдованіями Новороссійскаго края, отецъ мой ежегодно совершалъ поѣздки по краю. Мы иногда сопровождали его, причемъ останавливались у родныхъ и знакомыхъ и живали болѣе или менѣе продолжительное время въ деревнѣ, чаще всего въ сѣверной части Херсонской губерніи.

Отъѣздъ совершался обыкновенно въ маѣ. Степь новороссійская тогда ничего похожаго не имѣла съ тѣмъ, что представляетъ теперь. Ныне это безконечныя поля распаханнаго чернозема, лѣтомъ покрытаго пшеницею. Тогда еще господствовало переложное хозяйство, и степь представляла въ маѣ роскошное поле съ массою цвѣтовъ и травою по брюхо лошади, много было еще пространствъ, покрытыхъ ковылемъ. Лѣтомъ отъ жары трава пересыхала, степь пылилась, видны были вдали марева и перекатиполе свободно гуляло по гладкимъ пространствамъ, пересѣченнымъ многочисленными балками.

Теперь стада овецъ попадаются въ видѣ исключенія, тогда огромныя «отары» съ тысячами головъ мериносовъ съ козлами впереди и съ сотнями собакъ съ боковъ встрѣчались на каждомъ шагу. Чабанскія собаки отличаются силою и злостью, и меня мальчикомъ едва не загрызли эти страшные псы, рвущіе въ клочки всѣхъ приближающихся къ отарѣ. На каждыя сто овецъ полагается три собаки. И Фальцъ-Фейнъ, крупнѣйшій овцеводъ края, гордился тѣмъ, что у него было три тысячи собакъ!

Переѣзды даже на почтовыхъ совершались медленно, съ постоянными ночевками и заѣздами къ знакомымъ. По выѣздѣ изъ Одессы чаще всего мы останавливались у Бутенко, сынъ которыхъ былъ извѣстнымъ пѣвцомъ, или въ селѣ Покровскомъ, гдѣ жила вдова Куриса, въ большомъ барскомъ домѣ, украшенномъ портретомъ Суворова. Отецъ ея покойнаго мужа былъ правителемъ канцеляріи у графа Александра Васильевича. Въ этой должности Курисъ получилъ Георгія на шею. Этотъ необыкновенный случай произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Суворовъ просилъ три Георгія III-й степени, Екатерина II прислала одинъ. Разсерженный фельдмаршалъ взялъ крестъ и сказалъ:

— Курисъ, на колѣни! Возлагаю на недостойнаго [1]).

Внукъ этого-то Куриса, Иванъ Ивановичъ, мой товарищъ въ дѣтствѣ, былъ потомъ херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Большой библіофилъ, онъ составилъ замѣчательную библіотеку.

Слѣдующая остановка бывала обыкновенно въ Вознесенскѣ. Этотъ городокъ на Бугѣ, прославившійся знаменитымъ высочайшимъ смотромъ въ 1837 г., былъ однимъ изъ центровъ южныхъ военныхъ поселеній, занимавшихъ тогда огромное пространство въ Херсонской, Кіевской и Харьковской губерніяхъ; часть этихъ поселеній образовалась изъ конфискованныхъ имѣній польскихъ

---

[1]) Правнукъ покойнаго, сдѣлавъ фактическія исправленія, выразилъ въ «Новомъ Времени» сомнѣніе въ разсказанномъ мною фактѣ. Всякія воспоминанія вызываютъ невольно поправки и возраженія. Это и понятно: воспоминанія и мемуары не исторія, пишутся они не по документамъ, критически провѣряемымъ, а иногда и по слухамъ, почему ошибки весьма возможны и извинительны. Я очень благодаренъ за фактическія исправленія, сдѣланныя г. Курисомъ. Въ свое же оправданіе замѣчу, что переданная мною легенда мною не выдумана, она не разъ разсказывалась на югѣ; могу сослаться хоть на свидѣтельство Е. В. Богдановича, долго тамъ жившаго. Какъ всѣ легенды, она имѣетъ вѣроятно кое-что въ своемъ основаніи, напр. недовольство товарищей, видѣвшихъ въ выборѣ Суворова только самодурство фельдмаршала, что отчасти подтверждается сомнѣніями Петрушевскаго въ справедливости выбора. Во всякомъ случаѣ, передавая легенду, я не могъ имѣть въ виду въ чемъ-либо умалять дѣйствительные заслуги почтеннаго предка г. Куриса, а сообщилъ лишь одинъ изъ примѣровъ капризовъ Суворова, память о которомъ 50 лѣтъ назадъ была еще очень жива въ Новороссійскомъ краѣ.

помѣщиковъ. Первоначально поселенною кавалеріею командовалъ гр. Витъ, мужъ знаменитой красавицы Потоцкой; мужъ моей тетки, извѣстный хорошо Одессѣ, П. С. Сезеневскій, былъ его докторомъ. Витъ жилъ въ Одессѣ въ красивомъ домѣ, занимаемомъ теперь Русскимъ обществомъ пароходства и торговли, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ начальникомъ южныхъ поселеній былъ уже гр. Никитинъ, одинъ изъ послѣднихъ образчиковъ аракчеевскихъ дѣятелей, славившійся суровымъ и безсердечнымъ формализмомъ. Онъ арестовалъ какъ-то офицера, къ которому пришелъ въ гости, за то, что тотъ встрѣтилъ его, держа каску не въ лѣвой рукѣ. Никитинъ жилъ въ Кременчугѣ и управлялъ поселеніями совершенно независимо отъ мѣстнаго гражданскаго управленія.

Вознесенскъ представлялся городкомъ идеальной чистоты. Завѣдывавшій имъ генералъ Трескинъ, ходя по городу, бѣгалъ подбирать даже брошенныя бумажки отъ конфектъ. Городъ напоминалъ съ виду Царское Село или Петергофъ; здѣсь былъ и дворецъ, въ которомъ во время Крымской войны помѣщались институтки Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ.

Военныя поселенія вообще отличались порядкомъ и чистотою; поселенскіе дома одинаковой архитектуры были выбѣлены, вокругъ домовъ заборы, затѣйливо сложенные изъ камня, а за заборами садики и цвѣтники. Повсюду пожарныя команды, манежи и караулы. Поселянами вѣдало довольно сложное управленіе, начинавшееся съ волостныхъ, бывшихъ эскадронныхъ правленій, которыми начальствовали кавалерійскіе офицеры, носившіе особую форму съ краснымъ воротникомъ и золотымъ приборомъ. Податей и оброковъ военные поселяне не платили, скорѣе правительство брало на себя часть расходовъ; военную повинность поселяне несли на общемъ основаніи, но на нихъ ложилась обязанность кормить расположенныхъ солдатъ,—повинность, повидимому, не легкая.

Во всякомъ случаѣ, если были въ поселеніяхъ недостатки, то были и хорошія стороны, нѣкоторое культурное вліяніе; но извѣстно, что культура къ намъ не пристала, и я былъ, послѣ упраздненія военныхъ поселеній и передачи ихъ въ вѣдомство государственныхъ крестьянъ, пораженъ, осматривая въ 1863 г. тѣ же Глодосы, Липняжку, Кельтень и др. хорошо знакомыя мнѣ

поселенія. Прошло только семь лѣтъ, и слѣдовъ никакихъ не осталось отъ прежняго: постройки разрушились, сады и цвѣтники были вырваны, пруды запущены, гати и мосты разорены. Вознесенскъ, Елисаветградъ, Ольвіополь и др. города военныхъ поселеній обратились въ грязныя жидовскія мѣстечки.

Въ той мѣстности, гдѣ мы живали лѣтомъ, нравы были мѣстами совершенно первобытные. Когда мы уѣзжали, напримѣръ, изъ деревни Скопіевки, моя мать, прощаясь, жалѣла, что не увидитъ долго Дуньки, красивой дѣвчонки лѣтъ четырнадцати, которая прислуживала намъ.

— Дунька, полѣзай на козла,—скомандовалъ «дѣдушка». Мы звали такъ Скопиваго, тестя моего дяди Константина.

И вотъ, безъ спроса родителей, безъ всякихъ документовъ, безъ теплаго платья, даже безъ обуви привезли мы Дуньку на козлахъ коляски въ Одессу, точно большую собаку, и жила у насъ потомъ эта Дунька много лѣтъ, у насъ же вышла замужъ.

«Дѣдушка» былъ отставной офицеръ, дѣлавшій войну съ турками еще въ 1807—1811 годахъ. Онъ воспиталъ нѣсколько сыновей военныхъ. Только одинъ сынъ его по чрезвычайной близорукости остался въ деревнѣ и считался поэтому среди помѣщиковъ нѣкоторымъ образомъ философомъ.

Жизнь въ Скопіевкѣ проходила въ ѣдѣ и спанѣ. Противъ помѣщичьяго дома стоялъ садъ. Я въ первый день пріѣзда предложилъ философу утромъ прогуляться.

— Это у васъ въ Одестахъ гуляютъ по бульвару,—сказалъ онъ,—а я въ этомъ саду не былъ уже лѣтъ двадцать.

— Да что жъ вы дѣлаете?

— А вотъ сейчасъ пойдемъ опять спать, а тамъ подадутъ обѣдать, отдохнемъ, а тамъ полдникъ, а тамъ и ужинъ...

Единственная сестра въ этой семьѣ, вдова моего дяди, кирасирскаго офицера, и мать прострѣленнаго навылетъ пулею въ Севастополѣ офицера, тоже была оригинальною фигурою. Досталось ей въ приданое маленькое имѣніе Елкино, управляла она имъ строго.

Занятіе сельскимъ хозяйствомъ производилось по указаніямъ польскаго «Бердичевскаго календаря», этого Демчинскаго того времени. Календарь издавался по-польски на скверной сѣрой бу-

магѣ Бернардинскимъ монастыремъ въ Бердичевѣ и запрещенъ послѣ возстанія 1863 г. Если «Бердичевскій календарь» вралъ, то Софья Ивановна сѣкла его и выбрасывала на дворъ подъ дождь въ видѣ наказанія, но когда погода измѣнялась, приходило предсказанное календаремъ «зазенбенье ауры», или что-либо подобное, и погода совпадала съ календарною, календарь снова съ торжествомъ вносился въ гостиную и служилъ оракуломъ.

Въ Скопіевкѣ я видѣлъ знаменитое полное солнечное затмѣніе 1851 г. Мы конечно приготовились смотрѣть черезъ закопченныя стекла. Стемнѣло какъ ночью, температура быстро понизилась и коровы побѣжали съ поля домой.

Всѣ помѣщики уѣзда, тогда называвшагося Бобринецкимъ, были отставные военные: сыновья служили офицерами, а дочери выходили за военныхъ. Все, что было на конѣ, имѣло рѣшительный перевѣсъ въ обществѣ. Конные артиллеристы не хотѣли знаться съ пѣшими, такъ называемыми «пѣшосами», и бѣлая подкладка и лишняя пуговица на карманахъ сзади казались чѣмъ-то священнымъ.

Помѣщики восточной части Херсонской губерніи были еще болѣе дики, чѣмъ въ описываемой мною западной части; лучшіе отдавали своихъ дѣтей въ Черноморскій флотъ. О нравахъ можетъ служить иллюстраціей слѣдующее. Были помѣщики, которые лѣтомъ, въ жаркіе дни, раздѣвались до-нага, брали съ собою въ такомъ же райскомъ костюмѣ крѣпостныхъ дѣвушекъ и отправлялись съ запасомъ провизіи, водки и вина на какой нибудь гранитный островъ на Бугѣ, куда запрещали за собою пріѣзжать въ теченіе нѣсколькихъ дней. Это называлось «обратиться въ дикое состояніе»!

Не всѣ однако помѣщики на Югѣ были подобными антиками. Многіе, особенно служившіе въ молодости въ гвардіи, обзаводились библіотеками, выписывали журналы и «Пчелку», ѣздили часто въ Одессу, иногда за границу. Однако для такого образа жизни требовалось имѣть не менѣе 500 «душъ» мужескаго пола. Душа стоила тогда разно, смотря по подготовкѣ, простой же сельскій работникъ продавался не дороже 300 рублей, а цѣна женщинамъ спускалась до 50 рублей. А въ Новороссіи, по изобилію свободныхъ земель (десятина продавалась по 25 рубл.), люди цѣнились еще дороже, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи, и было не мало бѣглыхъ. Лѣтомъ приходила тьма рабочихъ издали для косовицы и жатвы. Паспортовъ, само собою разумѣется, никто у нихъ не спрашивалъ.

Помѣщики средней руки жили въ домахъ «саманныхъ», т.-е. изъ плетня, обмазаннаго глиною, и крытыхъ «очеретомъ», камышемъ. Камышъ и солома служили топливомъ. Въ домахъ, конечно, ваннъ не было, а, раздѣвшись, обливались прямо изъ «крыницъ», колодцевъ. Главное занятіе, послѣ легкаго наблюденія за хозяйствомъ, находившимся всецѣло въ рукахъ «атамановъ», т. е. старостъ или бурмистровъ, была ѣда. Нравы, описанные нѣсколько въ каррикатурномъ видѣ Квиткою въ «Панѣ Холявскомъ», процвѣтали. Цѣлый день въ деревнѣ думали, что бы такое съѣсть, и крѣпостные повара не покладали рукъ. Меню, конечно, не были особенно замысловаты. Говядины не было. Даже супъ и борщъ варились изъ баранины, какъ теперь въ Англіи; медъ, собираемый на пасѣкахъ, охраняемыхъ вѣчнымъ «дидомъ», замѣнялъ частенько сахаръ. Но намъ, дѣтямъ, и этой безконечной ѣды казалось мало. Въ антрактахъ мы ходили на баштаны, гдѣ ѣли дыни и арбузы прямо съ грядъ. А иногда я ѣдалъ и съ косарями ихъ борщъ и паляницы съ капустою.

Послѣ ѣды главное занятіе было ѣзда другъ къ другу въ гости и охота. Къ людямъ гостепріимнымъ или гдѣ было много красивыхъ невѣстъ пріѣзжали и издалека цѣлыми ордами. Пріютить всю эту массу людей, прислуги и лошадей требовалось искусство, но за комфортомъ особенно не гонялись или онъ выражался въ оригинальныхъ формахъ. Людямъ, страдавшимъ будто бы безсонницею, присылали крѣпостныхъ дѣвушекъ чесать пятки. Кромѣ прогулокъ, особенно много времени отдавалось танцамъ. По этой части отличались военные, были записные «мазуристы».

Въ той мѣстности, куда мы чаще всего ѣздили, лѣтомъ стоялъ Новомиргородскій уланскій полкъ, офицеры котораго свирѣпствовали въ сердцахъ барышень, кокетничавшихъ однако исключительно pour le bon motif. Даже отъ гувернантокъ брали въ тѣ времена обязательство, что онѣ не выйдутъ замужъ ранѣе трехъ лѣтъ службы, или нанимали нарочно уродовъ.

Дамы и дѣвицы чтеніемъ себя не утруждали. Были и исключенія, хотя читали безъ толку. Одна помѣщица увѣряла меня, что любимыя ея произведенія «Гамлетъ» и «Фрегатъ Надежда»! Вліяніе Жоржъ Занда выражалось въ томъ, что нѣкоторыя дамы курили трубку.

Кромѣ желанія жениться на богатой невѣстѣ, идеаломъ каждаго офицера было попасть въ Образцовый полкъ и прожить такимъ образомъ хотя годъ въ столицѣ. Мѣсто командира этого полка было тогда одно изъ самыхъ доходныхъ. Другой идеалъ офицера было ѣхать въ полку въ замкѣ, для чего требовалось имѣть великолѣпнаго «парадера».

Богатыхъ невѣстъ тогда не стѣснялись и увозить. Даже девять лѣтъ позже я едва не былъ свидѣтелемъ такого увоза. А одинъ извѣстный Петербургу балетоманъ Гриневъ, славившійся громкимъ голосомъ, разсказывалъ мнѣ слѣдующій курьезный случай. Онъ былъ адъютантомъ командира драгунскаго корпуса Шабельскаго, дочь коего увозили, для чего предварительно отравили собаку, но такъ какъ старый генералъ имѣлъ сонъ чуткій и могъ обратить вниманіе на молчаніе пса, то мой разсказчикъ сѣлъ около будки и лаялъ все время, пока увозили дѣвицу!

И между кавалеристами была извѣстная градація: на первомъ планѣ стояли гусары, красивая форма которыхъ буквально сводила съ ума всѣхъ женщинъ. Въ нашихъ мѣстахъ красивѣйшая форма считалась у Александрійскаго полка. Гусары же были и величайшими кутилами, игроками и забіяками.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ я одного товарища, поступившаго въ гусары.

— О, живемъ превесело,—бьемъ жидовъ!

Кирасары и уланы шли во второй линіи, драгуны гораздо менѣе цѣнились; ихъ корпусъ стоялъ, впрочемъ, далеко отъ Новороссіи и приходилъ только на царскіе смотры. Причина невниманія, кажется, была та, что ранѣе существовали полицейскіе драгуны.

Форма николаевскихъ войскъ, очень напоминавшая форму французской арміи наполеоновскихъ временъ, хотя нѣсколько испорченную введеніемъ прусскихъ касокъ, была весьма красива, хотя и мало удобна. Кирасами очень тяготились въ южную

жару, а у гусаръ половина времени шла на пришивку отрывавшихся шнурковъ. Въ пѣхотѣ же у мушкетерскихъ полковъ цѣлые дни уходили на чистку портупей и другихъ бѣлыхъ ремней. Начальство видѣло даже въ этой чисткѣ своего рода поэзію и сочинило для солдатъ пѣсню, описывавшую слѣдующимъ образомъ употребленіе солдатскаго жалованья.

По три денежки на день,
Куда хочешь—туда дѣнь:
Купишь мѣлу, купишь клею,
Чистишь себѣ портупею.

Это ли, подумаешь, не наслажденіе!

Церемоніальный маршъ называли тогда «зрѣлищемъ боговъ» и для него приносились всякія жертвы. И дѣйствительно, видъ идущихъ стройно въ ногу солдатъ, съ вычищенными стволами и бѣлой амуницiей, былъ очень красивъ. Идеаломъ было, чтобы штыки не колыхались, чего при тогдашнемъ держаніи ружья подъ-прикладъ достигнуть было трудно. Еще красивѣе была кавалерія, гдѣ лошади въ полкахъ не только были извѣстныхъ мастей: въ первомъ полку дивизіи гнѣдыя, во второмъ—сѣрыя, въ третьемъ—рыжія, въ четвертомъ—вороныя, но даже въ каждомъ эскадронѣ были подобраны подъ соотвѣтствующій оттѣнокъ, болѣе или менѣе свѣтлый или темный. Такая роскошь была возможна, ибо ремонтная лошадь стоила 70 руб. Порочныя масти не допускались даже въ обозъ, для котораго существовали тогда особыя фурштатскія команды, имѣвшія офицеровъ, конечно изъ бурбоновъ, въ свѣтло-сѣрыхъ мундирахъ.

Особенно красивы были эволюціи конной артиллеріи, лихія и опасныя. Сниманіе съ передковъ и взятіе на передки при быстрыхъ аллюрахъ требовало очень сильныхъ людей.

Но если наружная строевая служба была такъ высоко поставлена, то дѣйствительно военное обученіе шло плохо, солдаты получали по два боевыхъ патрона въ годъ! Это и сказалось въ Севастополѣ. Воровство было страшное; полки, эскадроны, батареи и парки служили средствомъ для наживы, особенно въ военное время. Случалось даже, что къ инспекторскимъ смотрамъ, не имѣя комплекта лошадей, числившихся по спискамъ, командиры нанимали ихъ временно у помѣщиковъ. Также дѣлали казначеи съ

деньгами при ревизіяхъ суммъ. Деньги эти очень часто проигрывались; проигрывались и ремонтеры. Азартныя игры, особенно штосъ и ландскнехтъ, ужасно были распространены тогда въ арміи.

— Что же мнѣ прикажете дѣлать, говорилъ мнѣ съ досады одинъ кавалеристъ, проигравшись, чулки, что ли, вязать или книжку читать? Хуже послѣдняго онъ не могъ ничего вообразить себѣ.

Злоупотребляли также тѣлесными наказаніями. Хотя по закону назначать ихъ могли только извѣстныя лица и побои были строго запрещены, но сколько разъ, когда цѣлый полкъ стоялъ въ пустыхъ хлѣбныхъ магазинахъ противъ нашего дома, въ Крымскую войну, я видѣлъ, какъ фельдфебель, разсчитывая роту по отдѣленіямъ, считалъ людей ударами по зубамъ, точно идя по фортепіаннымъ клавишамъ. Порка производилась во всѣхъ углахъ магазина и правомъ сѣченія пользовались и унтеръ-офицеры. На ученіяхъ публично сѣкли солдатъ шомполами, несмотря на строгое воспрещеніе.

Это безчеловѣчіе происходило оттого, что и въ частной жизни розги играли огромную роль. Было какое-то увлеченіе ими. Какой нибудь помѣщикъ отъ скуки закуривалъ трубку и приказывалъ наказывать при себѣ провинившуюся по большей части въ пустякахъ прислугу, пока не докуритъ трубку. Это называлось «сѣчь на трубку», «на двѣ трубки» и т. д. Даже улучшенія по части сельскаго хозяйства и садоводства вводились не иначе, какъ подъ угрозою извѣстнаго числа розогъ.

Было однако и не мало людей, говорившихъ объ этомъ съ отвращеніемъ и возмущавшихся. Я помню, что мы не хотѣли оставаться и внезапно уѣхали изъ одной деревни, гдѣ гостепріимный и богатый помѣщикъ, женатый на одной нашей родственницѣ, слишкомъ жестоко обращался со своими крѣпостными и въ придачу кормилъ прислугу всякой дрянью.

Сѣверъ Херсонской губерніи—это бывшая Новая Сербія; большинство помѣщиковъ были потомки сербскихъ офицеровъ, пришедшихъ при Елисаветѣ съ Хорватомъ изъ Австріи. Изъ своего отечества они принесли любовь къ кавалерійской службѣ и къ занятію попутно сельскимъ хозяйствомъ.

Здѣсь я видѣлъ среди своихъ дальнихъ родственниковъ образчики XVIII вѣка.

Новаковичъ продѣлалъ всѣ наполеоновскіе походы, былъ раненъ подъ Лейпцигомъ въ ногу и, имѣя за семьдесятъ лѣтъ, вопреки баснѣ Лафонтена, разводилъ беззаботно лѣсъ. Живковичъ командовалъ батальономъ еще въ суворовскомъ швейцарскомъ походѣ и переходилъ Чортовъ мостъ. Я помню этого почти столѣтняго старика, совершенно слѣпого: онъ ходилъ одинъ по комнатамъ съ большимъ посохомъ, которымъ и колотилъ всѣхъ почему либо ему не угодившихъ. Когда у него случилось какое-то дѣло въ Петербургѣ, онъ отправился прямо къ государю и былъ милостиво принятъ Николаемъ Павловичемъ.

Изъ бывшихъ же переселенцевъ, мадьяръ по происхожденію, были помѣщики Эрдели; старшій изъ нихъ, Николай Яковлевичъ, отставной гвардейскій артиллеристъ, могъ считаться образцовымъ помѣщикомъ той эпохи: у него было даже многопольное хозяйство и сельскохозяйственныя машины. Имѣніе его Балашовка какъ разъ находилось на берегу Ингула противъ Елисаветграда, бывшей крѣпости св. Елисаветы, и жизнь тамъ въ кругу военныхъ— одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моего дѣтства.

Начальствовалъ въ Елисаветградѣ, не вмѣшиваясь однако въ дѣла военныхъ поселеній, нашъ добрый пріятель, командиръ второго резервнаго кавалерійскаго корпуса, генералъ ф.-Гельфрейхъ, сражавшійся еще подъ Аустерлицемъ, бывшій въ Отечественную войну адъютантомъ Барклая-де-Толли и видѣвшій пожаръ Москвы.

Благородный и гуманный начальникъ, Гельфрейхъ, какъ всѣ нѣмцы, питалъ только сильную слабость къ нѣмцамъ же, которыми былъ наполненъ его штабъ. Остзейскій край казался ему идеаломъ, да, пожалуй, по тому времени это была своего рода помѣщичья Аркадія. Умеръ однако Гельфрейхъ въ Крыму на покоѣ.

Успѣхи по службѣ нѣмцевъ, конечно, были прискорбны для національнаго самолюбія и отчасти объясняются цѣпкостью нѣмецкой породы, но, по правдѣ нужно сказать, въ то время, какъ русскіе болѣе занимались битьемъ жидовъ, кутежами и картами, нѣмцы усердно исполняли свои служебныя обязанности. Они получали у себя въ краѣ и лучшее домашнее образованіе. За акуратность ихъ, кажется, собственно и не любили; русскій человѣкъ предпочиталъ случайную жестокость при постоянной распущенности.

Гельфрейхъ смѣнилъ Оффенберга, котораго не любили офицеры, а до Оффенберга командовалъ корпусомъ гр. Остенъ-Сакенъ, знаменитый «Ерофеичъ», будущій начальникъ севастопольскаго гарнизона. Этотъ почтенный дѣятель также не пользовался особою популярностью, потому что преслѣдовалъ настойчиво злоупотребленія, казавшіяся всѣмъ тогда нормальными. И послѣ Крымской войны Остенъ-Сакенъ, удалившись въ деревню, писалъ въ «Военномъ Сборникѣ» интересныя статьи о безпорядкахъ въ нашей арміи и о необходимыхъ реформахъ.

Въ Елисаветградѣ удобнѣе всего было любоваться царскими смотрами, ежегодно происходившими осенью, по окончаніи «кампаментовъ», когда кавалерія стояла въ баракахъ. Результаты смотровъ были очень важны: здѣсь Николай Павловичъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга на почтовыхъ съ невѣроятной быстротой, знакомился поближе съ людьми, и случалось, что какой нибудь бригадный командиръ попадалъ послѣ смотра въ губернаторы и даже попечители учебнаго округа. О результатѣ смотровъ долго говорили, и я помню безконечные разсказы въ 1852 г. о томъ, какъ на предыдущемъ смотру Бугскій уланскій полкъ не понявъ команды государя, смѣшался, за что и получилъ названіе татарской орды и страшный нагоняй, а надобно припомнить, что тогда трепетали одного взгляда Николая Павловича.

Другой разсказъ состоялъ въ томъ, что подъѣхавшій на ординарцы къ государю бравый солдатъ изъ хохловъ долженъ былъ отрапортовать, что присланъ на посылки отъ кирасирскаго его высочества эрцъ-герцога Фердинанда Австрійскаго полка, послѣ тщетнаго повторенія эрцъ, герцъ, шмерцъ, остановился и сказалъ: «казавъ же бисовымъ дитямъ пю не выговорю!»

Изъ Елисаветграда мы обыкновенно ѣздили въ Кіевскую губернію въ с. Ступишну Звенигородскаго уѣзда, гдѣ жила съ дочерьми мачиха моего отца. Переѣхавъ черезъ Синюху у Тарговицы, знаменитой въ русско-польской исторіи по конфедераціи, приведшей ко второму раздѣлу Польши, мы въѣзжали въ сплошные дубовые лѣса, казавшіеся намъ, послѣ обожженныхъ лѣтомъ и пыльныхъ новороссійскихъ степей, какимъ-то раемъ. Иногда ѣздили въ Умань, также тогда городъ военныхъ поселеній, гдѣ любовались воспѣтою Красицкимъ знаменитою Софіевкой—паркомъ, устроеннымъ гр. Феликсомъ Потоцкимъ въ честь своей жены, купленной на базарѣ въ Константинополѣ. Садъ былъ тогда еще въ придворномъ вѣдомствѣ и содержался въ большомъ порядкѣ.

Въ Ступишнѣ насъ поражало, что во всемъ огромномъ помѣщичьемъ домѣ не было ни одного замка, ни одного ключа. Мысль о томъ, что кто нибудь можетъ обокрасть помѣщичій домъ, и въ голову не приходила: прятали, и то больше отъ дѣтей, сахаръ и т. п. предметы соблазна.

Край этотъ, бывшее Браплавское пограничное воеводство, отдохнувшій послѣ присоединенія къ Россіи отъ набѣговъ татаръ и гайдамаковъ, былъ и тогда богатъ, хотя свеклосахарная промышленность была только въ зародышѣ, но народъ, эксплоатируемый помѣщиками, казался загнаннымъ. Единственнымъ утѣшеніемъ была «горилка», стоившая въ восемь разъ дешевле нынѣшняго. Ее пили не рюмками, гарнцами. Никто бы не повѣрилъ, что это край гайдамаковъ, что отсюда вышелъ Хмельницкій и что отсюда пополнялась своими героями Запорожская Сѣчь. Хохлы на все смотрѣли по-своему. Ѣхали мы какъ-то въ другое имѣніе покойнаго дѣда Романовку. По дорогѣ спросили хохла: далеко ли еще?

— А такъ, якъ палкой перекинуть, отвѣчалъ онъ.

Оказалось на повѣрку верстъ пятнадцать.

Неудачныя мѣры александровскаго времени, виленскій университетъ и пр. въ значительной степени ополячили край; офиціалисты и прислуга говорили не иначе какъ по-польски.

Благодаря Литовскому статуту, отмѣненному только въ 1840 году, получались тутъ при смѣшанныхъ бракахъ очень курьезныя явленія. Мой дѣдъ, напримѣръ, уроженецъ Новгородъ-Сѣверска, православный, учившійся въ Кіевской духовной академіи—въ концѣ XVIII столѣтія единственномъ русскомъ высшемъ учебномъ заведеніи въ краѣ—и присланный по рекомендаціи извѣстнаго митрополита Евгенія на службу въ Житоміръ, главный центръ полонизаціи, какъ «обруситель», оказался отцомъ пяти дочерей католичекъ, а потому полекъ, хотя мать двухъ изъ нихъ, его первая жена, умерла, когда дѣвочки были еще малолѣтними. Полыщизна прививалась воспитаніемъ тѣмъ легче, что поляки продолжали считаться въ краѣ какъ бы высшею породою людей!

ПЕРВАЯ ОДЕССКАЯ ГИМНАЗІЯ.

IV.

Я умѣлъ читать и писать въ четыре года, а хорошая домашняя подготовка позволила мнѣ уже девяти лѣтъ поступить въ первую одесскую гимназію, бывшій благородный пансіонъ при Ришельевскомъ лицеѣ, основанномъ аббатомъ Николемъ (нынѣ Ришельевская гимназія).

Совершенно неожиданно, по возвращеніи изъ деревни въ сентябрѣ 1852 г., отецъ повелъ моего старшаго брата Александра и меня въ лицей, гдѣ послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, заданныхъ директоромъ А. И. Петровымъ, на которые мой братъ, всегда примѣрный, отвѣчалъ хорошо, а я не совсѣмъ удачно, намъ объявили, что мы приняты, братъ во 2-й классъ, а я въ 1-й. Этого Петрова многіе потомъ хорошо знали въ Петербургѣ какъ предсѣдателя цензурнаго комитета. Человѣкъ онъ былъ добрый, отличался уродливою наружностью и жилъ болѣе девяноста лѣтъ. Подъ конецъ долгой жизни событія у него перемѣшивались.—Какъ здоровье Александра Ивановича?—спросилъ онъ меня въ 1890, кажется, году.—Какого Александра Ивановича?—Да вашего дѣда.—Помилуйте, да онъ умеръ въ 1831 г., какъ же ему быть здоровымъ?—Ахъ, я какъ будто еще недавно встрѣтилъ его въ Кіевѣ...

Дня черезъ два жидъ Вулька принесъ намъ гимназическіе мундиры съ длинными фалдами, увѣряя, что они будутъ сидѣть «вдивительно» и «аглично». Мы съ гордостью ихъ надѣли и сейчасъ же побѣжали показаться на бульваръ, я даже по дорогѣ прибилъ

своего двоюроднаго брата Франю. При ранжировкѣ мы оказались самаго маленькаго роста во всей гимназіи.

«Гимназистъ, тепло вспоминающій о вскормившей его гимназіи,—явленіе, почти не встрѣчающееся въ природѣ»,—прочелъ я какъ-то въ «Новомъ Времени». «Гимназію,—пишетъ поэтъ Бальмонтъ въ своей автобіографіи,—проклинаю всѣми силами. Она надолго изуродовала мою нервную систему».

Это «рѣдкое явленіе въ природѣ»—я, и вспоминаю о гимназіи съ удовольствіемъ; правда, и она, когда я покинулъ ее послѣ четырехлѣтняго пребыванія, выразила мнѣ также «публичную благодарность».

Мнѣ пришлось учиться въ эпоху управленія кн. Ширинскаго-Шихматова и Норова, когда была оставлена классическая система и, по примѣру Франціи, введена такъ-называемая «бифуркація», т.-е. гимназисты съ четвертаго класса гимназіи выбирали или изученіе латинскаго языка, или русскаго законовѣдѣнія. Къ подобной же системѣ недавно еще хотѣли возвратиться у насъ. Хотя наша гимназія была тогда относительно изъ лучшихъ, такъ какъ находилась въ большомъ городѣ и составляла одно цѣлое съ единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ, но учились мы всѣ плохо, болѣе для вида, чѣмъ для полученія солидныхъ свѣдѣній. Другой системы воспитанія Россія, впрочемъ, никогда и не знала.

Лицей и гимназія находились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Вагнера. По Екатерининской шелъ высокій заборъ съ воротами, а по Дерибасовской и Ланжероновской тянулись два длинныхъ крыла зданія. Все это, окрашенное казенною желтою краской, было довольно мизерно съ виду.

Внутри гимназія, построенная іезуитами, напоминала расположеніемъ монастырь: безконечные коридоры съ полами изъ простого дерева, давно расщепившимися отъ ходьбы. Мы даже съ порванными подошвами какъ-то ухитрялись еще, нарочно волоча ноги, зацѣплять и отдирать длинныя щепки пола. Мебель была примитивная: въ классахъ изрѣзанныя скамейки, черныя доски и черные столики для учителей; учебныхъ принадлежностей полный недостатокъ.

Нижній этажъ былъ занятъ аудиторіями и мизерными музеями лицея, въ верхнемъ помѣщалась гимназія: направо классы, рекреаціонный залъ и лицейская библіотека, налѣво дортуары и цейхаузы, посреди церковь. Начальство жило въ зданіи гимназіи. Сада не было, но одинъ изъ двориковъ посвящался играмъ, причемъ особенно въ ходу были «бары».

Торжественное собраніе происходило въ физической аудиторіи, гдѣ иногда студенты давали концерты и домашніе спектакли. Аудиторіей завѣдывалъ профессоръ Левтеропуло, славившійся ревностью къ красивой женѣ и огромной меделянской собакой, которая страшно рычала, если кто приближался къ профессоршѣ. Когда физикъ внезапно умеръ, красавица немедленно вышла замужъ за его ассистента, изъ чего надобно заключить, что собачья преданность недостаточна для охраны супружескаго счастья.

Въ лицеѣ и гимназіи не было уже, послѣ сдѣланныхъ преобразованій, іезуитовъ, но я засталъ еще учителей старой школы, по большей части изъ семинаристовъ, почти поголовно маніаковъ. У каждаго была своя система спрашивать, ставить баллы и особенно расправляться врукопашную съ учениками. Одинъ билъ линейкой по ладони, другой по концамъ пальцевъ, третій давалъ сильные щелчки, четвертый дралъ немилосердно за волосы и т. д.

Изъ этой категоріи помню учителя географіи Минакова, русскаго языка Попова, математики Евтушевскаго; было нѣсколько иностранцевъ, едва понимавшихъ по-русски. Молдованинъ Стамати преподавалъ французскій языкъ, финнъ Летцъ, будущій морской маклеръ, нѣмецкій. Французскому языку, тогда считавшемуся очень важнымъ, учили еще и французы Бедо и Бенуа, конечно отставные барабанщики Великой арміи, какъ большинство тогдашнихъ преподавателей французскаго языка. Лицей, впрочемъ, имѣлъ выдающагося лектора для этого языка Шапелона, превосходнаго актера и очень образованнаго человѣка. Преподаватели естественной исторіи Виренъ и математики Жанъ Чапо-Оглу были слегка помѣшанные. Гимназисты окончательно сводили съ ума этихъ несчастныхъ школьничествами. Замѣчательный типъ былъ еще лекторъ и учитель англійскаго языка Гревсъ. Это былъ талантъ на всѣ руки, онъ зналъ всѣ языки, всѣ науки и искусства, показывалъ фокусы, говорилъ вентрилокомъ, ознакомилъ первый Одессу съ фотографіей. Къ сожалѣнію, онъ былъ безпробудно пьянъ и манкировалъ лекціями.

Были еще преподаватели Закона Божія, рисованія, чистописанія и восточныхъ языковъ. И я было попробовалъ учиться арабскому языку, но черезъ годъ убоялся бездны мусульманской премудрости и обратился вспять. Вообще къ языкамъ и математикѣ я никогда не имѣлъ способностей.

Учителя ходили на лекціи въ вицъ-мундирахъ и думать не смѣли о новшествахъ, преподавая буквально по одобреннымъ учебникамъ: катехизису Филарета, исторіямъ Устрялова, Смарагдова и Зуева, грамматикѣ Греча, риторикѣ и піитикѣ Зеленецкаго, географіи Ободовскаго, алгебрѣ Тихомандрицкаго, геометріи Буссе, латинской грамматикѣ Кюнера, зоологіи Куторги и ботаникѣ Шиховскаго.

Лекторомъ въ лицеѣ и учителемъ нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ былъ Эртель, авторъ извѣстнаго «Hilfsbuch», первый разсказъ въ которомъ навсегда врѣзался въ моей памяти и объяснилъ потомъ многое въ русской жизни и въ службѣ.

«Одинъ испанецъ,—гласилъ «Hilfsbuch»,—путешествовалъ зимою по Россіи, на него напали собаки, путешественникъ хотѣлъ бросить камень, но камень оказался примерзшимъ.—О, проклятая страна,—воскликнулъ испанецъ,—гдѣ камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать!»

Сколько такихъ собакъ встрѣтилъ я на своемъ пути!

Эртель цѣлый день курилъ копѣечную сигару, но, входя въ классъ, тушилъ, ножикомъ обрѣзывалъ сигару до пепла и остатокъ пряталъ въ карманъ.

Въ младшихъ классахъ нѣмецкій языкъ преподавалъ еще Мейеръ, котораго мы звали «господинъ герръ-Мейеръ». Женатый на богатой помѣщицѣ Булацель, онъ приходилъ въ классъ съ огромными коробками сластей, которыя жадно ѣлъ, иногда и намъ удѣляя малую толику.

Учитель латинскаго языка Беккеръ, онъ же профессоръ въ лицеѣ, былъ извѣстнымъ археологомъ; сынъ его совершилъ первое покушеніе на короля Вильгельма прусскаго. Звали мы Беккера «натурално» по его любимому присказу.

Ненавидѣли мы желчнаго преподавателя математики Дебрюкса, сына талантливаго археолога. Онъ цѣлые дни щипалъ свои бакенбарды и притѣснялъ всѣхъ.

Зато очень любили, хотя и прозвали «Гапкою» или «Іоською», инспектора лицея и гимназіи М. О. Михневича, впослѣдствіи помощника попечителя варшавскаго округа. Косой «Іоська» цѣлые дни въ огромномъ картузѣ прогуливался по гимназіи, причемъ «однимъ глазомъ глядѣлъ въ небо, а другимъ онъ какъ будто бы чего-то искалъ на землѣ». Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, высокой нравственности и отличный педагогъ.

Ранѣе Михневичъ былъ профессоромъ философіи лицея и за рѣчь на актѣ о Фихтѣ навелъ даже на себя гнѣвъ Николая Павловича, очевидно по недоразумѣнію, потому что читалъ въ слѣдующемъ родѣ. Началъ онъ одну изъ своихъ лекцій:

— Поэтъ Лермонтовъ говоритъ: «А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ разсудка, какая пустая и глупая шутка».

— Нѣтъ, жизнь не шутка, а самъ ты с. с.!

Это называлось въ началѣ 50 гг. философіей.

Но и это было прогрессомъ, такъ какъ 1830—33 гг., напримѣръ, каѳедру философіи въ Харьковскомъ университетѣ занималъ частный приставъ! Философія обратила на себя вниманіе правительства съ 1848 г. Метафизика была исключена изъ преподаванія, а психологію и логику велѣно читать профессорамъ богословія. Въ Ришельевскомъ лицеѣ читалъ ихъ М. К. Павловскій, дѣльный богословъ и проповѣдникъ, дослужившійся до митры.

Я не забуду сцены, когда насъ построили, чтобы объявить о подписаніи Парижскаго мира, и при этомъ Михневичъ и Павловскій, оба косые, облобызали другъ друга.

Другимъ крупнымъ событіемъ въ гимназіи было объявленіе о смерти императора Николая. Обливаясь слезами, Михневичъ сообщилъ намъ о траурѣ. Насъ повели въ церковь присягать. Дѣло было на четвертой недѣлѣ поста, когда мы говѣли. Дьяконъ лицейской церкви, любившій выпить, никакъ не могъ отвыкнуть отъ 30-лѣтней привычки и путалъ ектеніи.

По субботамъ Михневичъ вызывалъ изъ каждаго класса лѣнтяевъ и велъ сѣчь, но не жестоко, причемъ со славянскимъ акцентомъ говорилъ поучительныя рѣчи.

Къ гимназистамъ онъ относился отечески. Поймавъ какъ-то одного изъ нихъ разговаривающимъ съ его горничной, онъ приказалъ высѣчь гимназиста, прибавивъ въ нравоученіе изъ Златоуста: «смотрѣніе родитъ хотѣніе, хотѣніе родитъ вожделѣніе, вожделѣніе родитъ дѣйство»...

Изъ другихъ, кромѣ Павловскаго, профессоровъ въ лицеѣ можно припомнить профессора русской исторіи Н. Н. Мурзакевича, извѣстнаго археолога, историка генуэзскихъ колоній въ Крыму и издателя «Судебника» Іоанна и писемъ царевича Алексѣя, найденныхъ имъ въ архивѣ у кн. Воронцова. Сынъ діакона, историка Смоленска, Мурзакевичъ былъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ въ Московскомъ университетѣ, одновременно съ Краевскимъ, гр. Толстымъ (историкомъ англо-русскихъ сношеній), Золотаревымъ и Кирьяковымъ.

Всемірную исторію читалъ замѣнившій извѣстнаго Надеждина Филиппъ Брунъ, братъ будущаго финляндскаго министра-статсъ-секретаря. Это былъ очень ученый и трудолюбивый археологъ, насквозь напичканный Геродотомъ. Братъ его Генрихъ, способный профессоръ высшей математики, былъ страстнымъ картежникомъ, умершимъ держа карты въ рукахъ. Онъ написалъ единственную на русскомъ языкѣ «Политическую ариѳметику». Третій финнъ—Нордманнъ читалъ зоологію и ботанику и былъ директоромъ Ботаническаго сада; онъ открылъ въ Одессѣ кости допотопныхъ животныхъ. Полезнымъ профессоромъ былъ юристъ Линовскій, отличавшійся необыкновенной толщиною, гетингенскій химикъ Гасгагенъ, едва понимавшій по-русски, и Зеленецкій, литераторъ, профессоръ русской словесности, цензоръ и ярый театралъ.

Попечителями учебнаго округа при мнѣ были Бугайскій и затѣмъ Демидовъ. Бугайскій замѣнилъ брата будущаго министра финансовъ популярнаго Княжевича, сумѣвшаго сочетать педагогическую дѣятельность съ откупною. Бугайскій былъ неважнымъ чиновникомъ военнаго вѣдомства, протекціей попавшій на несоотвѣтствующее для его способностей мѣсто. Столь же бездарнымъ оказался и Демидовъ, человѣкъ богатый и болѣзненный.

У Бугайскаго по воскресеньямъ обѣдали наиболѣе отличившіеся гимназисты, попалъ какъ-то и я, но такъ какъ разорвалъ сапоги, то меня отправили въ резиновыхъ калошахъ. Тогда съ дѣтьми не церемонились. У насъ вылиняла какая-то драпировка, изъ нея намъ сейчасъ сдѣлали рабочія рубашки, въ которыхъ мы и щеголяли дома. Въ гимназію мы поступили въ женскихъ башмакахъ, за что намъ доставалось отъ товарищей.

И тамъ была такая же простота; у пансіонеровъ, такъ называемыхъ «внутреннихъ»,—я былъ «внѣшнимъ», т.-е. полупансіонеромъ, — гимназическія шинели изъ экономіи остроумно шились безъ рукавовъ, ибо шинели носили въ накидку, зимою ихъ подбивали «уксусомъ», т.-е. ничѣмъ.

Для лекцій форма была: для приходящихъ сюртукъ, а для внутреннихъ куртка, и то и другое съ красными воротникомъ и обшлагами, отчего гимназистовъ дразнили тогда по всей Россіи «красной говядиной». Пуговицы были въ нашей гимназіи серебряныя, съ гербомъ губерніи и съ надписью: «Херсонскій». Во 2-й гимназіи пуговицы были золоченыя. Въ лицеѣ форма была общая студенческая, но съ серебряными пуговицами. Изъ 7-го класса гимназіи выбирались для наблюденія за каждымъ классомъ по одному «старшему», носившему узкіе серебряные погончики. Старшіе мѣшали намъ колотить другъ друга, но себѣ этого не возбраняли.

При своемъ основаніи Ришельевскій лицей былъ аристократическимъ заведеніемъ, и въ мое время гимназія наша состояла почти исключительно изъ дѣтей потомственныхъ дворянъ. Кромѣ нѣсколькихъ одесситовъ—дѣтей чиновниковъ — она пополнялась главнымъ образомъ изъ помѣщичьихъ дѣтей западной и сѣверной части Херсонской губерніи; помѣщики остальныхъ уѣздовъ посылали дѣтей въ Херсонскую гимназію или въ морское юнкерское училище въ Николаевѣ. Помѣщичьи дѣти старались дотащиться до 4 класса, послѣ чего поступали въ гусарскіе или уланскіе полки юнкерами, чтобы сдѣлаться офицерами.

Познанія четырехъ классовъ гимназіи тогда были еще вполнѣ достаточны. Большинство офицеровъ, производившіеся изъ юнкеровъ, не имѣли и таковыхъ. Я самъ слышалъ, какъ на вопросъ: чей былъ сынъ Павелъ I? одинъ юнкеръ отвѣчалъ: императора Павла Михайловича.

Хотя и безъ того большинство дворянъ шло въ военную службу, во время Крымской войны, якобы для внушенія молодежи воинскаго духа, и студентовъ и гимназистовъ стали учить маршировкѣ, чѣмъ, конечно, достигли противоположной цѣли— тогдашній шагъ въ три пріема и тянутіе носковъ могли внушить одно отвращеніе.

Кромѣ этого элемента лѣнивыхъ барчуковъ было нѣсколько помѣщичьихъ дѣтей поляковъ изъ Подольской губ. и молдаванъ изъ Бессарабіи. Поляки отличались сравнительною воспитанностью, знали языки и увлекались до безумія Наполеономъ. Благодаря моимъ товарищамъ Ружицкимъ, изъ которыхъ одинъ былъ потомъ убитъ, командуя бандой, я тринадцати лѣтъ зналъ исторію первой имперіи, какъ будто бы служилъ въ старой гвардіи, зналъ всѣхъ генераловъ, всѣ полки и всѣ сраженія. Гимназисты-молдаване, тогда еще мало цивилизованные, отличались здоровьемъ, красивою наружностью, обиліемъ волосъ, огромнѣйшимъ апетитомъ, лѣностью и неопрятностью.

Не мало было также воспитанниковъ съ Кавказа, какъ потому, что при лицеѣ имѣлось восточное отдѣленіе, почему и въ гимназіи преподавались арабскій, турецкій и персидскій языки, такъ и по отсутствію сносныхъ учебныхъ заведеній въ Закавказьѣ.

Между гимназистами моего времени, кромѣ брата Александра, бывшаго потомъ ближайшимъ сотрудникомъ гр. Лорисъ-Меликова, замѣтную карьеру сдѣлали: Трироговъ—земскій дѣятель, публицистъ и директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, Васмундъ—генералъ, Шостакъ—черниговскій губернаторъ, Щербинскій — губернаторъ въ Туркестанѣ и Болгаріи и правитель канцеляріи у Кауфмана, Францовъ — судебный дѣятель на Кавказѣ. Отецъ Францова имѣлъ тогда лучшую типографію въ Одессѣ, гдѣ, по словамъ Бѣлинскаго, плохо писались, но отлично печатались книги. Много вышло изъ гимназіи моего времени и земскихъ дѣятелей.

Всѣхъ воспитанниковъ было не болѣе полутораста, зато вторая гимназія, куда допускались разночинцы и евреи, была переполнена—тамъ были исключительно приходящіе и царила мелкота. Поэтому при встрѣчахъ въ неизмѣнныхъ бояхъ одинъ гимназистъ

первой гимназіи побивалъ троихъ второй гимназіи. Доставалось отъ насъ и «саламингосамъ», какъ звали воспитанниковъ находящагося визави съ гимназіей греческаго коммерческаго училища. Эти едва смѣли высовывать свои длинные носы на улицу. Иногда бои, въ которыхъ принимали участіе и студенты лицея, принимали гомерическіе размѣры. Атлетическою силою славился студентъ Лучичъ, дядя извѣстнаго артиста Далматова, убитый потомъ подъ Севастополемъ, гдѣ сложили головы и другіе мои однокашники.

На физическое воспитаніе обращалось нѣкоторое вниманіе. Танцамъ обучалъ Тесье, французскій танцовщикъ, подпрыгивавшій, какъ мячъ, со скрипкою въ рукахъ и колотившій насъ по спинамъ смычкомъ. Гимнастику преподавалъ Цорнъ, извѣстный авторъ «Хорeграфіи». Ему и тогда было лѣтъ семьдесятъ, а жилъ онъ еще въ 80-хъ годахъ.

Цорнъ же былъ учителемъ плаванія. Гимназія и лицей имѣли свою купальню подъ бульваромъ, около извѣстныхъ старымъ одесситамъ купаленъ Исаковича. Въ этой купальнѣ мы проводили по часамъ. Удовольствіе, понятное въ Одессѣ, гдѣ въ іюлѣ и августѣ стоитъ жара по 30°, уменьшающаяся очень мало ночью.

До семи лѣтъ я купался въ женскихъ купальняхъ. Одна дама спасла меня даже тамъ отъ смерти, захлебнувшагося отъ шалостей морскою водою. Другой разъ я рисковалъ утонуть ребенкомъ, упавъ съ лодки въ прудъ въ паркѣ въ имѣніи Е. Эрдели.

Для лѣта лицей и гимназія имѣли и собственный «хуторъ-дачу» на берегу моря, близъ Малаго Фонтана, гдѣ оставались впрочемъ только Джеки и Коперфильды, не имѣвшіе никого знакомыхъ и родныхъ, преимущественно кавказскіе стипендіаты, которые по окончаніи курса погибали отъ тоски и пьянства въ глухихъ захолустьяхъ.

Прозвища давались не только начальству, но и другъ другу. Сейчасъ же по поступленіи въ гимназію намъ дали клички: брату—Клоптошка, а мнѣ—сороки. Въ гимназіи существовали и своя рукописная литература и свой особый жаргонъ. Остаться въ классѣ называлось «ляпнуть», единица въ отмѣткахъ—«палка» и т. д. Будущіе гусары привозили уже съ вакацій, называвшихся «вакансіями», кавалерійскій языкъ; говорили: «я стою тамъ-то» вмѣсто живу тамъ-то, «подлецъ-дѣло», «драгунская совѣсть», «труба-человѣкъ» и т. п.

Такъ какъ взяточничество было въ общемъ распространеніи, то съ насъ приходящихъ пансіонеры «сдували хабары», т. е. требовали, чтобы мы имъ приносили изъ дому пироги и разныя лакомства, въ крайнемъ случаѣ довольствуясь «семитаками»—огромными греческими бубликами или «гаменымъ ухомъ»—жидовскимъ миндальнымъ печеніемъ. Повинность эта для дѣтей бѣдныхъ родителей была довольно тяжелая.

Оказалось, что хабары сдувались не только гимназистами, но и учителями и профессорами лицея, особенно съ знатныхъ польскихъ паничей, которымъ, по незнанію русскаго языка, трудно было выдерживать экзамены. Адъюнктъ Комарицкій донесъ объ этомъ въ Петербургъ, и въ результатѣ явилась внезапная ревизія товарища министра народнаго просвѣщенія, автора «Путешествія по святымъ мѣстамъ», Норова.

Норовъ подъ конецъ своего министерства впалъ въ такой рамолисментъ, что когда ему однажды утромъ принесли съ булками въ сдачу какую-то бумажку, то онъ по разсѣянности съѣлъ и бумажку. Но въ 1853 году онъ былъ еще довольно бодрымъ старикомъ.

Когда онъ явился въ первый разъ въ лицей, студентовъ и насъ выстроили во фронтъ по одну сторону стѣны физической аудиторіи, министръ и начальство стояли у другой. Каждаго по очереди вызывалъ Михневичъ по списку. Находясь еще въ первомъ классѣ, я былъ одинъ изъ первыхъ.

Норовъ заходилъ въ слѣдующіе дни по очереди во всѣ классы; зашелъ и къ намъ во время русскаго языка. Какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, меня заставили прочесть Норову по-славянски, онъ остался доволенъ и похвалилъ меня. На славянскій языкъ тогда обращали большое вниманіе.

При осмотрѣ Норовымъ гимназіи произошелъ курьезъ, о которомъ сообщалось уже не разъ въ печати и котораго я былъ свидѣтелемъ. Норовъ потерялъ ногу подъ Бородинымъ и ходилъ на деревяшкѣ. Когда онъ вышелъ изъ класса (это было весною), педель хотѣлъ подать калоши товарищу министра, хвать—всего одна калоша; бѣдный педель бросился искать и едва не умеръ отъ

страха, пока Норовъ съ улыбкою не показалъ ему на свою деревяшку.

Ревизія Норова привела къ тому, что Брунъ перерѣзалъ съ испуга себѣ горло, попечителя Бугайскаго убрали, директора Петрова замѣнили Мурзакевичемъ, человѣкомъ высоко честнымъ, но великимъ «жрецомъ». Цѣлые дни онъ проводилъ въ Новороссійской гостиницѣ, въ ресторанѣ Коста, котораго онъ былъ нѣчто въ родѣ major de table d'hote. Онъ ѣлъ съ такимъ же апетитомъ даже въ столовой лицея и гимназіи, гдѣ кормы были ужасны и гдѣ говядину иначе и не называли, какъ «подошвою». Звали мы Мурзакевича «батенька», по привычкѣ его обращаться такъ ко всѣмъ.

Въ лицей были присланы новые профессора. Исторію сталъ читать Смирновъ, человѣкъ мало даровитый, но протеже Устрялова, тогдашняго офиціальнаго исторіографа. Болѣе талантливыми оказались профессора государственнаго права Лохвицкій, извѣстный впослѣдствіи своимъ остроуміемъ адвокатъ, гражданскаго права Власьевъ и уголовнаго — Богдановскій. Георгіевскій съ Власьевымъ были созидателями русско-еврейской прессы и подняли вопросъ объ эмансипаціи евреевъ. Сверхъ того, Георгіевскій вмѣстѣ съ Богдановскимъ взяли на себя редакцію «Одесскаго Вѣстника», который совершенно преобразовали и значительно улучшили.

До Богдановскаго и Георгіевскаго полуофиціальный «Одесскій Вѣстникъ» редактировался будущимъ товарищемъ Валуева, А. Г. Тройницкимъ, прозваннымъ въ Одессѣ «Archevêque Innocent», потому что единственныя его передовыя статьи состояли въ сообщеніяхъ, что архіепископъ Иннокентій совершалъ въ каѳедральномъ соборѣ архіерейское служеніе. Новости особенно о войнѣ узнавались тогда болѣе изъ писемъ и разсказовъ пріѣзжавшихъ участниковъ. Петербургскія и московскія газеты были мало распространены.

Для преподаванія статистики и политической экономіи перевели изъ Харькова Сокальскаго, наслѣдника Богдановскаго по изданію «Одесскаго Вѣстника». Всеобщую исторію читалъ Георгіевскій, игравшій такую роль въ министерствѣ гр. Толстого и въ полемикѣ «Московскихъ Вѣдомостей», яраго классика, хотя онъ

на магистерскомъ диспутѣ провалился именно изъ римской исторіи. На каѳедру агрономіи назначили Палимпсестова, оказавшаго большія услуги южно-русскому хозяйству.

Въ гимназіи также преподавательскій персоналъ былъ освѣженъ переводомъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ, alma mater русскаго нигилизма. Это были люди, которые не задавали выдолбить «отсюда досюда», а излагали предметъ, стараясь сдѣлать его привлекательнымъ.

Русскую литературу читалъ увлекательно Веселовскій, умершій молодымъ человѣкомъ; за краснорѣчіе и большой горбъ мы его прозвали «Тиртеемъ». Латинскій языкъ преподавалъ Ивановъ, извѣстный впослѣдствіи ученый. Географію читалъ чрезвычайно занимательно Орбинскій, также пріобрѣвшій извѣстность по изслѣдованіямъ византійской исторіи, какъ профессоръ педагогіи и банковый дѣятель. Его и Беккера взялъ Пироговъ въ 1856 г. въ инспекторы и директоры для поднятія гимназіи. Законовѣдѣніе преподавалъ Великановъ, археологъ и основатель первой частной библіотеки въ Одессѣ. По естественной исторіи Вирена смѣнилъ Менделѣевъ, знаменитый теперь химикъ, метрологъ и метеорологъ. Я помню его застѣнчивымъ молодымъ человѣкомъ, мечтавшимъ объ университетской дѣятельности. Узнавъ, что я собираюсь въ горный корпусъ, Менделѣевъ подарилъ мнѣ первую свою диссертацію «Объ изоморфизмѣ въ связи съ кристаллической системой», напечатанную въ «Горномъ Журналѣ». Всеобщую исторію читалъ очень недурно Щерецкій, замѣчательно махавшій на ходу руками. Если вѣрно замѣчаніе Лермонтова («Княжна Мери»), что это признакъ откровенности, то Щерецкій былъ необыкновенно откровененъ.

Помощникомъ инспектора сдѣлался Комарницкій, тотъ самый, который искалъ несуществующую калошу Норова. Мы прозвали его «копчикомъ» за горбатый носъ. Вмѣсто «старшихъ» въ помощь ему для наблюденія за порядкомъ опредѣлили надзирателей, между которыми были Думшинъ, извѣстный потомъ переводчикъ Бокля, Миницкій—будущій управляющій акцизными сборами, и братья Милеанты, изъ-за которыхъ возникла въ «Современникѣ» знаменитая полемика. Въ лицеѣ оставлены были пе-

деля, вѣчные souffres douleurs студентовъ, которые тогда въ Одессѣ, особенно студенты камеральнаго факультета, убѣжища всѣхъ лѣнтяевъ, наукою и политикою мало интересовались, а увлекались театромъ и мелкими кутежами, собираясь по преимуществу въ кондитерской Высочанскаго на Дерибасовской. Только назначеніе попечителемъ Пирогова измѣнило нѣсколько общее направленіе.

БОМБАРДИРОВКА ОДЕССЫ

10-го АПРѢЛЯ 1854 г.

V.

Я гдѣ-то читалъ, что въ прежнія войны русская публика, будто бы, очень мало интересовалась военными событіями и только въ манчжурскую кампанію проявился интересъ ея къ подобнымъ событіямъ. Это совершенно невѣрно. Возбужденіе умовъ въ Сербскую и Восточную войну 1877 г. у всѣхъ въ памяти. Чрезвычайно интересовалась русская публика и Итальянскою войною 1859 г., и Франко-нѣмецкою 1870—71 гг. Въ Крымскую войну было буквально то же самое. Войною интересовались даже въ деревняхъ и моего пріятеля, покойнаго профессора П. В. Панаева, одна баба въ деревнѣ спрашивала: правда ли, что посылаютъ въ Севастополь какихъ-то двухъ гигантскихъ медвѣдей, которые должны съѣсть англичанъ?

Каждый день у насъ въ Одессѣ за столомъ только и было разговоровъ, что о войнѣ; осаду Севастополя я до сихъ поръ помню изо дня въ день. Былъ даже какой-то таинственный телеграфъ, и безъ электрической проволоки слухъ о смерти императора Николая Павловича и паденіи Севастополя долетѣлъ до Одессы ранѣе полученія офиціальнаго извѣщенія.

Восточная война началась какъ разъ въ то время, когда я изъ второго класса гимназіи перешелъ въ третій и былъ уже развитъ настолько, что читалъ газеты и историческія сочиненія.

Очень хорошо помню, какъ пошли первые слухи о войнѣ, какъ вернулся въ Одессу Меншиковъ, какъ мой отецъ ѣздилъ къ нему представляться на пароходъ «Владиміръ», какъ вернулось въ Одессу наше константинопольское посольство съ Озеровымъ во главѣ. Живо помню успѣхъ глупыхъ стиховъ: «Какъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ», разсказы о нашихъ безконечныхъ неудачахъ на Дунаѣ, о сраженіяхъ подъ Ольтеницей, причемъ начальствовалъ нашъ сосѣдъ, генералъ Даненбергъ, подъ Четати, о неудачномъ штурмѣ Арабъ-Табіи.

Побѣды на Кавказѣ и разгромъ турецкаго транспортнаго флота подъ Синопомъ являлись утѣшеніемъ. «Художественный Листокъ» Тима изображалъ виды этихъ сраженій. Послѣ Синопскаго дѣла, которое, какъ тогда не знали, являлось нарушеніемъ даннаго нашими дипломатами обязательства, заговорили и о войнѣ съ союзниками. Наполеонъ I былъ очень популяренъ еще въ Россіи, но французовъ не очень любили, отчасти по свѣжимъ воспоминаніямъ войнъ начала XIX столѣтія, отчасти какъ союзниковъ поляковъ, къ которымъ на югѣ Россіи относились довольно враждебно. Англичане, хотя наши постоянные противники въ Восточномъ вопросѣ, пользовались въ Одессѣ скорѣе симпатіями, отчасти благодаря англоманіи кн. Воронцова, номинальнаго еще новороссійскаго генералъ-губернатора.

Англійскій консулъ Іемсъ, почтенный старый джентельменъ внушительнаго вида, домъ котораго съ большимъ садомъ въ концѣ Канатной улицы находился недалеко отъ нашего дома, былъ другомъ нашего семейства, и я помню, какъ моя мать и m-me Іемсъ горько плакали при прощаньи въ карантинѣ, когда Іемсы уѣзжали по случаю войны въ Мальту, гдѣ старый Іемсъ и умеръ, не видавъ больше Одессы. Домъ его купилъ Вассалъ.

Одесситовъ поразило вскорѣ затѣмъ извѣстіе, что стоявшія въ гавани иностранныя суда, нагруженныя хлѣбомъ, снялись съ якоря, говорятъ даже, обрубивъ причалы, и ушли одинъ за другимъ въ море. Между тѣмъ на другой день опубликовали Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи вывоза хлѣба за границу.

Этотъ выпускъ кораблей повлекъ за собою отдачу подъ судъ исправлявшаго должность новороссійскаго генералъ-губернатора Федорова, начальника таможеннаго округа Местмахера, капитана

надъ Карантиннымъ портомъ Потемкина и другихъ лицъ. Дѣло, съ внѣшней стороны, подробно изложено въ извѣстномъ сборникѣ процессовъ Любавскаго и за смертью Федорова окончилось ничѣмъ. Местмахеръ былъ даже потомъ градоначальникомъ въ Одессѣ.

По тогдашнимъ одесскимъ разсказамъ, это некрасивое дѣло можетъ служить блестящей иллюстраціей нашихъ канцелярскихъ порядковъ. Федоровъ былъ человѣкъ хотя мало образованный, но честный и исполнительный, скорѣе даже строгій. Онъ ходилъ съ костылемъ, которымъ «дверемъ затвореннымъ» «училъ» провинившихся чиновниковъ, не взирая на чинъ. Долголѣтнее управленіе Федорова Бессарабіей составляетъ эпоху въ исторіи этой страны: онъ переловилъ всѣхъ разбойниковъ, нагналъ страхъ на воровъ и укротилъ помѣщиковъ и чиновниковъ, грабившихъ безъ церемоніи бѣдныхъ молдаванскихъ царанъ. Орудіемъ для этого дѣла была та же клюка. Пріѣхавъ какъ-то въ Аккерманъ, Федоровъ отправился въ земскій судъ, переколотилъ всѣхъ его членовъ и на память положилъ свой костыль на столъ въ присутствіи около зерцала. Историческая палка эта лежала много лѣтъ, внушая спасительный страхъ кому слѣдуетъ.

Что̀ были тогда полицейскія учрежденія, показываетъ слѣдующій анекдотъ. Одесскій военный губернаторъ гр. Ланжеронъ, желая обругать своихъ чиновниковъ, сказалъ имъ:

— Ви cochon, ви овецъ (прикладывая кисть руки къ подбородку) мэ...э, vous êtes нижній земскій судъ!

Въ 1854 г. Федоровъ, начавшій службу солдатомъ и бывшій въ Николаевѣ полиціймейстеромъ, уже опустился, постарѣлъ, сталъ болѣзненъ и на него получилъ исключительное вліяніе старый плутоватый аудиторъ Гужва. По слухамъ, одесскіе хлѣбные негоціанты-греки, по полученіи извѣстія о воспрещеніи вывоза хлѣба за границу (цѣны были очень высокія уже съ 1853 г.), поговорили «коммерческимъ образомъ» съ Гужвою, который, какъ старый крючкотворъ, придумалъ слѣдующій простой съ виду фортель.

По полученіи Высочайшаго повелѣнія, вмѣсто того, чтобы послать немедленно чрезъ казака капитану надъ портомъ приказъ задержать суда, на что требовалось полчаса, Гужва предложилъ исполнить Высочайшее повелѣніе «законнымъ порядкомъ», т. е. дать письменное предписаніе начальнику таможеннаго округа,

тотъ долженъ былъ сообщить его таможнѣ, та капитану надъ портомъ и корабельному смотрителю.

Пока предписанія эти переписывались и гуляли отъ одного протоколиста къ другому, суда быстро нагрузились пшеницей, ночью выправили судовые документы и къ утру ушли въ море...

Въ это время, хотя общее убѣжденіе было, что союзники Одессу, какъ городъ полуиностранный, созданный для всемірной торговли французами, итальянцами и греками, не тронутъ, начали сооружать укрѣпленія.

Одесскій портъ тогда вовсе не былъ похожъ на нынѣшній; море доходило до подножія Бульвара, вплоть до находящейся у конца знаменитой лѣстницы церкви. Молы, сооруженные по проекту де-Воланта, выдавались недалеко въ море.

Наскоро было возведено шесть батарей, для которыхъ частью пользовались каменною стѣнкой, ограждавшей молы отъ волнъ, частью насыпями изъ земли. По картамъ, Пересыпь считалась недоступною и батареи, повернутыя на юго-западъ, охраняли пространство только отъ мыса Ланжерона до военнаго мола.

Для вооруженія батарей преспокойно вырыли изъ земли екатерининскія чугунныя пушки, вбитыя въ гавани для причаливанія кораблей, и попробовали усиленными зарядами пороха. Какія пушки не лопались, ставили на лафеты, а для нагрѣва докрасна ядеръ наскоро построили простыя печи. Каленыя ядра были опасны для тогдашнихъ деревянныхъ кораблей; къ сожалѣнію, наши пушки не брали далѣе 300 саженъ.

Вскорѣ послѣ побѣга судовъ появился первый непріятельскій пароходъ «Фуріусъ» и сталъ дѣлать промѣры въ порту. Хотя тогда была уже окончена опись Чернаго моря и атласъ Манганари продавался, но англичане—въ чемъ, оказалось, они были правы—не очень довѣрялись точности русскихъ картъ. Пароходу дали сигналъ холостыми выстрѣлами остановиться, а затѣмъ пустили ядро, попавшее въ кожухъ. При этомъ выстрѣлѣ оказалось, что съ борта, противуположнаго къ порту (такъ увѣрялъ Потемкинъ), отходила шлюпка подъ парламентерскимъ флагомъ, чтобы спросить, уѣхалъ ли Іемсъ?

Англичане увѣряли, что Потемкинъ стрѣлялъ, видя парламентера, а потому прислали три парохода, которые занялись ловлею

каботажныхъ судовъ, такъ называемыхъ «грицьковъ» или «херсонскихъ лодокъ»; а затѣмъ въ четвергъ на Страстной недѣлѣ появился цѣлый флотъ. Мы любовались на него съ Бульвара и особенно съ дачи Ланжерона.

Флотъ привезъ требованіе выдать всѣ находившіяся въ портѣ суда. Я очень живо помню, какъ въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля меня разбудилъ шумъ въ домѣ. Оказалось, что изъ сосѣдняго штаба 5 корпуса (домъ его былъ около нашего дома) любезно прислали предупредить отца, что утромъ будетъ бомбардировка. Кое-какія вещи наскоро укладывались частью для перевозки въ случаѣ пожара, частью для спрятанія въ погребъ. Для предохраненія отъ мелкихъ осколковъ снарядовъ отецъ клалъ на окна, выходящія на улицу, томы Полнаго собранія законовъ. Ни у кого страха не было, а мы, дѣти, были въ восторгѣ. Волновалась только завѣдующая у насъ хозяйствомъ польская дворянка Теофилья Ивановна, ибо въ субботу пекутся на Югѣ Россіи безчисленныя бабы и куличи, по мѣстному «пасхи», а для подъема тѣста требуется полное спокойствіе и тишина. Теофилья Ивановна боялась, что отъ бомбардировки бабы сядутъ. Несмотря на бомбы, бабы взошли однако отлично и мы ихъ ѣли по обыкновенію съ жадностью въ первый день послѣ поста, тогда еще аккуратно исполнявшагося. Только отецъ никогда не постился, увѣряя, что архіерей разрѣшилъ ему это по слабости здоровья.

Утромъ въ семь часовъ при первыхъ выстрѣлахъ мать съ маленькими дѣтьми сѣла въ карету и поѣхала къ г-жѣ Протопоповой, вдовѣ профессора Московскаго университета, жившей около собора; отецъ, его секретарь Захарьевичъ и Теофилья Ивановна остались дома, который находился недалеко отъ моря; насъ, гимназистовъ, въ 9 часовъ отпустили пѣшкомъ, запретивъ ходить на Бульваръ и вообще на берегъ моря. Но мы съ братомъ Александромъ немедленно спустились въ Карантинную балку, на которой еще тогда не было Строганова моста, и отправились по ней къ порту, чтобы подняться по Ланжероновскому спуску.

Утро было великолѣпное. Непріятельскій флотъ стоялъ вдали спокойно, но отдѣлившіеся отъ него семь пароходовъ, идя въ кильватеръ вдоль гавани, сдѣлавъ разъ выстрѣлъ или залпъ съ одного борта, переворачивались и, пока заряжались орудія, стрѣляли съ

другого борта. Бомбы лопались часто въ воздухѣ, образуя облачко. Картина была очень красивая. Пароходы обстрѣливали преимущественно Практическую гавань; отъ времени до времени попадали бомбы и въ городъ. Наши батареи отвѣчали рѣдко, и ясно было видно, какъ ихъ ядра не долетали. Непріятельскіе снаряды долетали до каѳедральнаго собора на Преображенской площади, гдѣ происходило архіерейское служеніе. Оно было описано затѣмъ Погодинымъ, очевидно со словъ архіепископа Иннокентія, знаменитаго витіи, а тогда одесскаго іерарха, но не совсѣмъ вѣрно.

Мы были съ братомъ и въ соборѣ какъ разъ въ моментъ, когда одна изъ бомбъ лопнула вблизи Соборной площади. Молящіеся, которыхъ было много, хотя далеко не до наполненія церкви, зашевелились, но остались въ церкви. Архіерей сказалъ приблизительно слѣдующее: «Вы слышите громы непріятеля, — они возвѣщаютъ славу Россіи!» Надо однако замѣтить, что слышно это было немногимъ, потому что Иннокентій говорилъ рѣчи всегда очень тихо, на греческій манеръ, въ носъ. Архіерей долженъ былъ тогда изображать человѣка, истомленнаго постомъ и молитвою. Вообще рѣчи Иннокентія имѣли болѣе успѣха въ чтеніи, чѣмъ на каѳедрѣ; популярнымъ онъ въ Одессѣ никогда не былъ, всѣ считали его ученымъ, но корыстолюбивымъ; не помогли и его двукратныя поѣздки въ осажденный Севастополь [1]). Славу ему выписали болѣе Погодинъ, а затѣмъ Палимпсестовъ.

Какъ и рѣчь Иннокентія, одесская бомбардировка была весьма разукрашена въ реляціи и приказѣ генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена, командовавшаго тогда войсками, расположенными въ Одессѣ. Затѣмъ, со словъ якобы «очевидцевъ», повторялись объ этомъ событіи сильно преувеличенныя описанія [2]). Г. Барсуковъ

[1]) Удивительною, наоборотъ, популярностью пользовался въ Одессѣ архіепископъ Дмитрій. Этого безсребренника чтили даже евреи. Съ виду онъ былъ мужиковатъ и некраснорѣчивъ.

[2]) Даже въ исторіи Одессы, изданной въ 1894 г. одесскою думою, говорится о какомъ-то фантастическомъ «плѣненіи во время бомбардировки 3-хъ непріятельскихъ пароходовъ». Правдивое описаніе Л. М. де-Рибаса имѣется только въ книгѣ «Изъ прошлаго Одессы». Послѣ появленія моего описанія Щеголевъ напечаталъ въ «Военномъ Сборникѣ» подробное и точное описаніе бомбардировки Одессы.

въ XIII т. жизнеописанія Погодина повторилъ эти басни. Погодинъ писалъ трогательно, что союзники собрались «разрушить городъ», что «дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось въ тучахъ порохового дыма». Какая-то княгиня Репнина, описывая, что въ соборѣ священники исповѣдывали,—что неудивительно, ибо это была Страстная недѣля,—прибавляетъ: «всѣ готовились къ смерти»! Въ письмѣ Иннокентія сказано: «въ самый день Свѣтлаго Воскресенія непріятель прекратилъ огонь», когда онъ прекратилъ его еще наканунѣ въ 2 часа и слабо стрѣлялъ затѣмъ до шести.

И до сихъ поръ попадаются подобныя же описанія. Я прочелъ какъ въ газетахъ депешу о томъ, что Одесса рѣшила увѣковѣчить «побѣду, одержанную прапорщикомъ Щеголевымъ противъ соединенной англо-французской эскадры, а корреспондентъ «Южнаго Края» написалъ даже, что Щеголевъ «разбилъ англійскій пароходъ «Тигръ», флагъ котораго сохраняется въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ».

Въ дѣйствительности, хотя въ городъ попало по невѣрности стрѣльбы отъ качки судовъ немало снарядовъ, однимъ изъ коихъ отбило уголъ памятника дюку де Ришелье на Бульварѣ, а другимъ повредило домъ англійскаго консула, о которомъ я говорилъ выше, но союзники не имѣли цѣлью разрушить городъ. Они имѣли у Одессы огромный флотъ, стоявшій на якорѣ, но флотъ этотъ оставался спокойнымъ зрителемъ. Стрѣляли, какъ сказано, семь судовъ, къ которымъ подъ конецъ, когда загорѣлся пароходъ «Вобанъ», присоединился двухдечный корабль «Санпарейль».

Отъ выстрѣловъ въ городѣ убито было изъ числа жителей трое, а ранено восемь. Зато суда въ такъ называемой Практической гавани были сожжены или потоплены. Гавань называлась Практическою, ибо въ ней, какъ назначенной для каботажа, не было карантина. По карантинной терминологіи, по выдержаніи карантина, суда выпускаются «на практику», т.-е. могутъ свободно грузиться.

Это выраженіе подало поводъ къ одесской остротѣ. Храбрый ген. Лидерсъ, командиръ 5 корпуса, ухаживалъ за красавицею, женою одного греческаго негоціанта, не говорившаго иначе, какъ:

«moi, le zéneral Luders et ma femme». Когда сія гречанка какъ-то заболѣла и кто-то спросилъ ея мужа о ея здоровьѣ:

— Oh, elle est déjá longtemps en libre pratique, пренаивно отвѣчалъ онъ.

Батарея № 6 въ четыре орудія, устроенная въ концѣ военнаго мола Практической гавани, подвергалась наибольшей опасности. Названіе мола ввело, повидимому, въ заблужденіе союзниковъ, считавшихъ Практическую гавань военною. Орудія были поставлены въ амбразуры каменной изъ известняка стѣнки, обшитой наскоро досками.

На эти четыре орудія, которыми завѣдывалъ выпущенный за годъ передъ тѣмъ изъ Дворянскаго полка прапорщикъ Щеголевъ и прислуга которыхъ состояла изъ безсрочно-отпускныхъ артиллеристовъ и портовыхъ служителей, и обратили особое вниманіе пароходы, послѣ того какъ они избили зданія, стоявшія на углу Военнаго спуска и суда въ гавани. Щеголевъ долго и храбро отстрѣливался, не взирая на взрывъ у него заряднаго ящика и на пожаръ въ тылу деревяннаго магазина казенной Пароходной экспедиціи. У него было подбито два орудія, онъ стрѣлялъ изъ остальныхъ и оставилъ свой постъ, имѣя на это разрѣшеніе, когда пароходы, не обращая вниманія на казенныя морскія карты, подвинулись къ Пересыпи, чтобы сжечь тамъ ракетами казенные соляные магазины, и зашли въ тылъ всѣмъ одесскимъ батареямъ и въ томъ числѣ Щеголевской.

Къ шести часамъ вечера бомбардировка, продолжавшаяся безпрерывно около 12 часовъ, прекратилась и мы всѣ вернулись домой. Противъ нашего дома въ пустой хлѣбный магазинъ Новикова попала бомба, разорвалась и убила... крысу.

Четыре дня спустя весь непріятельскій флотъ, состоявшій изъ 19 линейныхъ кораблей и 6 пароходовъ, снялся съ якоря и ушелъ. Командовали имъ адмиралы Дундасъ и Гамеленъ. Немедленно всѣхъ новорожденныхъ собакъ, и въ томъ числѣ въ нашемъ домѣ, прозвали «Дундасами» и «Дундасиками», оставивъ Гамелена почему-то въ покоѣ.

На третій день послѣ бомбардировки отецъ привезъ къ намъ обѣдать Щеголева. Это былъ истинно русскій герой въ томъ родѣ, какъ описываетъ Толстой. Ничего общаго съ Георгіемъ Побѣдо-

носцемъ или Ричардомъ Львиное Сердце онъ не имѣлъ. Щеголевъ представлялъ оглохшаго молодого безусаго прапорщика въ веснушкахъ, съ рыжими слегка опаленными волосами. Онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, застѣнчиво, вовсе не рисуясь даже по полученіи отовсюду самыхъ лестныхъ поздравленій. Онъ затѣмъ бывалъ у насъ въ домѣ и имъ Одесса и вся Россія интересовались, пока Севастополь не создалъ сотни подобныхъ же героевъ. О Щеголевѣ тогда совсѣмъ позабыли и только уже въ чинѣ полковника, когда Александръ II встрѣтилъ его случайно въ Кіевѣ, онъ сдѣлался флигель-адъютантомъ.

Кромѣ Щеголева Остенъ-Сакенъ въ реляціи отличилъ штурманскаго унтеръ-офицера Рыбакова, студентовъ Ришельевскаго лицея Деминитру, Скоробогатаго и Пуля и ученика Одесскаго училища садоводства Бодаревскаго. Первые четыре получили солдатскаго Георгія и гордо носили его на Бульварѣ.

Подвигъ ихъ состоялъ въ томъ, что они переносили приказанія Щеголеву, а кромѣ того пригнали на батарею «биндюги» со снарядами, брошенные погонщиками. Тогда снаряды возили еще такимъ примитивнымъ образомъ.

Награда молодымъ людямъ воспалила воображеніе всѣхъ одесскихъ юношей до того, что мы дни и ночи только и мечтали о новой бомбардировкѣ, чтобы идти на батареи. Когда флотъ снова пришелъ въ концѣ сентября 1855 г., была общая радость въ гимназіи, но флотъ скоро ушелъ къ Кинбурну и геройское настроеніе кончилось.

Это ожиданіе новой бомбандировки стало маніей всѣхъ жителей. Въ домѣ моего дяди жилъ сирота мальчишка Өедька, лѣнтяй и забулдыга. Какъ-то мы сидимъ и слышимъ крикъ «стрѣляютъ!» Оказалось, что Өедька забрался днемъ спать подъ кровать, тамъ, переворачиваясь, онъ стукнулъ лбомъ объ уголъ, искры посыпались у него изъ глазъ и съ просонья онъ вообразилъ, что уже пришли желанные англичане!

Вообще одесское населеніе держало себя во время боя бодро, показываясь даже на Приморскій бульваръ, гдѣ стояла тогда знаменитая пушка, стрѣлявшая въ полдень и которую во время войны украли одесскіе «шарлатаны»! За свою твердость городъ удостоился Высочайшей грамоты, которую читали и въ соборѣ, и

на Бульварѣ у памятника Ришелье. Вмѣстѣ съ гимназіей я присутствовалъ при этомъ чтеніи, происходившемъ при прекрасной погодѣ и сопровождавшемся вечеромъ фейерверкомъ. Послѣдніе были тогда въ большой модѣ.

Одесса построена изъ мягкаго третичнаго известняка. Поэтому снаряды свободно проходили черезъ ея стѣны, какъ черезъ тѣсто, не разваливая зданій. Зато очень легко было опредѣлять тѣ мѣста, куда попали снаряды. Эти мѣста послѣ бомбардировки украсились надписями въ родѣ тѣхъ, которыя долго существовали въ Петербургѣ послѣ наводненія 1824 г. Въ домъ англомана Воронцова у подножья его дворца попало 200 снарядовъ.

Бомбы были тогда съ пистонами и многія не рвались, почему послѣ бомбардировки было нѣсколько несчастныхъ случаевъ съ мальчишками, которые, найдя бомбу, хотѣли камнями съ мостовой сбить пистонъ, чтобы посмотрѣть, что такое положено внутри.

Торговый духъ одесситовъ скоро сказался. Началась торговля осколками бомбъ. Ихъ брали на память. Когда же у берега Одессы былъ взятъ пароходъ «Тигръ», каютъ-компанія котораго была отдѣлана краснымъ деревомъ, то открылась фабрикація пресс-папье и другихъ вещей изъ краснаго дерева съ картечною пулею или осколкомъ снаряда съ соотвѣтственною надписью. Скоро, конечно, не хватило настоящаго дерева съ «Тигра» и пошли въ ходъ куски старой мебели (тогда она была обыкновенно изъ краснаго дерева), а обломки снарядовъ собирались въ старой Одесской крѣпости.

Я отчасти былъ свидѣтелемъ гибели означеннаго парохода, сѣвшаго на мель у дачи Кортацци въ Одессѣ 30 апрѣля по случаю тумана и существующей около Одессы магнитной аномаліи. Сдача произошла утромъ; пароходъ сѣлъ такъ близко къ высокому берегу, что орудія его стрѣлять не могли. Нѣсколько выстрѣловъ нашей конной батареи и сотни дунайскихъ казаковъ вынудили англичанъ спустить флагъ.

Прибѣжавшая съ базара кухарка сообщила намъ объ этомъ событіи. А тутъ подвернулся командиръ 2-го дунайскаго казачьяго полка Тихановъ, онъ взялъ меня съ собою въ дрожки и мы поѣхали къ Малому Фонтану. Въ это время вели уже плѣнныхъ,

окруженныхъ казаками, для помѣщенія въ опустѣвшія по случаю войны зданія карантина.

Къ обѣду, т. е. около 2-хъ часовъ, вся Одесса въ экипажахъ и пѣшкомъ собралась около дачи Кортацци. Поѣхало и наше семейство. Пароходъ, разбитый выстрѣлами пришедшихъ на помощь двухъ англійскихъ пароходовъ, догоралъ и произошелъ весьма эфектный взрывъ, на который мы и полюбовались. Послѣ взрыва остатки парохода были живо разграблены, а выброшенные ранѣе въ море англичанами для облегченія судна боченки, содержавшіе не мало рому, тщательно собраны толпою и тутъ же роспиты.

Двѣ бомбическія пушки «Тигра» перетащили на батарею, которую построилъ на свой счетъ Джиджи (Осипъ) Мокко, близъ нашего дома въ концѣ Карантинной улицы.

Этотъ итальянецъ, толстый краснокожій брюнетъ, походившій съ виду на пирата, былъ весьма популяренъ въ Одессѣ. Онъ былъ владѣльцемъ спасательной лодки, выѣзжавшей въ бури подавать помощь гибнувшимъ кораблямъ. По слухамъ, человѣкъ дѣловой, Мокко, подъѣзжая, сначала торговался о вознагражденіи за спасеніе, а въ случаѣ если въ цѣнѣ не сходился, то преспокойно возвращался обратно, предоставляя корабль собственной участи. Такія операціи дали ему возможность построить въ Одессѣ домъ и, для очистки репутаціи, отпустить деньги на батарею. Одна изъ англійскихъ пушекъ при испытаніи разорвалась. На батареѣ Мокко мы, мальчишки, проводили цѣлые дни.

Плѣнные съ «Тигра», конечно, очень интересовали одесситовъ. Весь городъ собрался на похороны командира парохода Джифарда, которому оторвало ногу. Похороны были въ карантинѣ. Гробъ везли на лафетѣ; кромѣ русскихъ войскъ его сопровождала вся команда и офицеры «Тигра». Меня поразили большіе воротнички англійскихъ офицеровъ и то, что чуть ли не самое главное мѣсто у гроба занимали два юные гардемарина. Это были лорды Гамильтонъ и Эльсингтонъ. Кажется, первый приходился родственникомъ кн. Воронцову, сестра котораго была замужемъ за лордомъ Пемброкомъ.

Любезность къ плѣннымъ выражалась и другимъ образомъ: ихъ нарасхватъ приглашали въ гости, а тогда, по изобилію ка-

валеристовъ, балы въ Одессѣ были каждый день. На англійскихъ офицеровъ приходилось записываться. И у насъ въ домѣ былъ данъ для англичанъ вечеръ. Пріѣхали трое: морякъ, артиллеристъ и огромнаго роста въ красномъ мундирѣ морской пѣхотинецъ. Они держали себя просто и непринужденно; барышни, отличавшіяся въ Одессѣ веселостью, забрали ихъ въ свои руки и смѣялись надъ неловкостью англичанъ въ попыткахъ танцоватъ мазурку. Вообще, не отличающіеся слухомъ, англичане не могли танцовать въ тактъ.

Англичанамъ, особенно нижнимъ чинамъ, такъ понравилось угощеніе одесситовъ, что они неохотно уѣзжали изъ плѣна.

Экипажъ «Тигра» былъ обмѣненъ на чиновъ Балаклавскаго греческаго батальона, взятыхъ въ плѣнъ при переходѣ союзниковъ на Южную сторону, и при обмѣнѣ человѣка на человѣка нѣкоторые матросы, оказавшіеся въ излишкѣ, предлагали за рубль или за два остаться, уступивъ свое право обмѣна товарищамъ.

Балаклавскій батальонъ былъ курьезное учрежденіе. Образованный изъ мѣстныхъ грековъ, онъ считался иррегулярнымъ войскомъ и подчинялся новороссійскому генералъ-губернатору. Одѣты были балаклавцы въ черные мундиры довольно тонкаго по тому времени сукна съ красными воротниками, на головѣ имѣли кожаные кивера той формы, что носятъ англійскіе полисмены. Они были, по настоянію гуманнаго Воронцова, избавлены отъ тѣлеснаго наказанія.

Это давало балаклавцамъ высокое понятіе объ ихъ привилегированномъ положеніи. Когда на инспекторскомъ смотру какойто генералъ сказалъ: «Здорово, ребята», то батальонъ промолчалъ.

Къ удивленному генералу подошелъ чуть ли не столѣтній командиръ батальона Манто и сказалъ:

— Здѣсь маленькихъ робятъ нѣтъ, ми всѣ гуспода.

По возвращеніи изъ плѣна отдаленныхъ родственниковъ Ифигеніи въ Тавридѣ распредѣлили по армейскимъ полкамъ, гдѣ они, несмотря на свои привилегіи, скоро вкусили прелести «компаній мордасовъ» отъ тогдашнихъ Живновскихъ. Послѣ войны батальонъ былъ упраздненъ.

ОДЕССА ВЪ КРЫМСКУЮ ВОЙНУ.

VI.

Въ день Александра Невскаго происходилъ ежегодно торжественный актъ Ришельевскаго лицея и нашей гимназіи. Инспекторъ читалъ отчетъ, кто-либо изъ профессоровъ—рѣчь, причемъ по обычаю, заимствованному изъ Французской академіи, о чемъ бы ни шла рѣчь, хотя бы о теоріи чиселъ или ольвійскихъ древностяхъ, она должна была неизмѣнно заканчиваться панегирикомъ правительству. Послѣ того гимназисты декламировали стихи. Читалъ какъ-то и я по-французски басню Лафонтена. Изъ приглашенныхъ властей обыкновенно архіерей раздавалъ награды: студентамъ—медали, гимназистамъ—книги и похвальные листы.

Затѣмъ мы, гимназисты, ежегодно фигурировали и въ крестныхъ ходахъ, совершающихся въ честь основанія Одессы. Особенно торжественъ былъ первый крестный ходъ, происходившій по мысли архіепископа Иннокентія въ день 50-лѣтія Одессы. Между прочимъ кому-то пришла мысль поставить въ процессію стариковъ, помнившихъ, «какъ закладали Одессу»; нашлось немало таковыхъ, большею частью между нищими и по кабакамъ. Во главѣ этихъ старцевъ поставили моего отца, какъ перваго историка Одессы.

На его мнѣніи и былъ установленъ тогда моментъ «основанія» Одессы, о чемъ возгорѣлся споръ сорокъ лѣтъ спустя. Поселеніе существовало здѣсь и при Византіи и при турецкомъ владычествѣ, слѣдовательно основанъ вновь былъ портъ, а не городъ. И

въ 50-хъ гг. не было недостатка въ Одессѣ въ научныхъ силахъ, работали два ученыхъ общества, имѣлись музей древностей и большая публичная библіотека—все это основанное кн. Воронцовымъ. Умственная жизнь подтверждалась не только числомъ типографій, которыя печатали у насъ больше этикеты для винъ и настоекъ, но и значительнымъ числомъ книжныхъ магазиновъ. Тотти, Вильети, Соронъ торговали французскими книгами, Бѣлый, Григорьевъ и др.—русскими. Былъ магазинъ и для нѣмецкихъ книгъ. Для города съ 70,000 населенія не мало.

Хотя удаленная отъ столицы и Европы, отрѣзанная вдобавокъ карантиномъ, Одесса и тогда посѣщалась постоянно разными интересными людьми, Иностранныя знаменитости, какъ Бальзакъ, Лепле, Листъ, русскіе, какъ Гоголь, кн. Вяземскій, Айвазовскій, поляки, какъ Корженевскій, Крашевскій, Мих. Градовскій, навѣщали ее [1]). Я помню, какъ пріѣзжали министръ внутреннихъ

[1]) Гоголь былъ въ Одессѣ два раза. Въ первый разъ нѣсколько дней въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 1848 г., а второй нѣсколько мѣсяцевъ зимою 1850—51 гг.

Такъ какъ каждая строчка очевидцевъ о великомъ писателѣ имѣетъ теперь значеніе, то я просмотрѣлъ многотомный дневникъ моего отца Аполлона Александровича, которому, какъ историку запорожскихъ казаковъ и гайдамаковъ, сочиненія автора «Тараса Бульбы» были конечно весьма симпатичны. Гоголь и въ Одессѣ, городѣ, считавшемся тогда полуиностраннымъ, пользовался огромною популярностью, и я отлично помню, какъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, т. е. до поступленія моего въ гимназію, у насъ въ домѣ по вечерамъ въ кругу родныхъ и гостей громко читались очень часто сочиненія Гоголя, особенно драматическія и повѣсти.

О пребываніи Гоголя въ пятидесятыхъ годахъ я въ дневникѣ отца ничего не нашелъ: Гоголь былъ совсѣмъ больной и его вѣроятно не тревожили, но въ дневникѣ за 1848 г. я нашелъ слѣдующія двѣ отмѣтки, которыя и выписываю цѣликомъ.

1-го мая, суббота. ...Пріѣхалъ моремъ Гоголь писатель; ему давали обѣдъ, но меня не увѣдомили, но я познакомился съ нимъ на Лѣстницѣ и онъ сказалъ, что знаетъ меня по слуху о моихъ книгахъ...

2-го мая, воскресеніе. ...Утромъ ѣздилъ къ писателю Гоголю, ни его наружность, ни разговоръ ничего не обѣщали. Мы долго толковали о литературѣ, о его «Мертвыхъ Душахъ» и проч., и я не могъ замѣтить въ немъ ни энтузіазма (какъ у насъ), ни теплоты таланта, какъ у Крашевскаго...

Извѣстно, что на большинство людей, особенно встрѣчавшихся съ нимъ въ первый разъ, Гоголь производилъ неблагопріятное впечатлѣніе. Лѣстница,

дѣлъ гр. Перовскій и великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, тогда еще совсѣмъ юные. Помню посѣщеніе строителя моста въ Кіевѣ американца Виліамса, еще до Крымской войны проектировавшаго желѣзную дорогу на югѣ Россіи. Мой отецъ съ 30-хъ годовъ былъ горячимъ сторонникомъ сооруженія рельсовыхъ путей въ Новороссійскомъ краѣ.

Домъ его, съ большой библіотекою, двумя надписями, имъ разысканными, одною греческою, другою турецкою, во дворѣ и съ небольшимъ садикомъ изъ акацій, служилъ мѣстомъ, которое неизмѣнно посѣщали всѣ пріѣзжавшіе въ Одессу ученые, литераторы и артисты. Объ этомъ можно судить по Путешествію на югъ Демидова. Всѣ обращались къ «Геродоту Новой Россіи», какъ называла отца Академія Наукъ, за археологическими, историческими и статистическими справками. Эти посѣщенія придали нашему дому особое оживленіе во время Крымской войны.

Въ 1853 г., въ то время, какъ Одесса, какъ и вся Европа, была поглощена верченіемъ столовъ [1]), неожиданно пришли извѣстія, что перипетіи Восточнаго вопроса предвѣщаютъ новую войну. Ожиданіе ея было выгодно для Одессы, потому что вывозъ хлѣба сильно увеличился и цѣны пшеницы возросли, но затѣмъ послѣдовало разочарованіе, застой въ торговлѣ далъ себя знать.

Въ главѣ о бомбардировкѣ Одессы я ужъ сообщилъ нѣсколько словъ о томъ, какова была Одесса въ Восточную войну 1853—1856 гг. Когда началась война, Одесса сначала опустѣла отъ

о которой говорится выше, конечно, знаменитая лѣстница съ Бульвара къ морю, которую показывали всѣмъ пріѣзжимъ, а слова послѣ энтузіазма: «какъ у насъ» вѣроятно относятся къ энтузіазму въ Одессѣ къ сочиненіямъ Гоголя. Семидесятитомный дневникъ моего отца состоитъ изъ бѣглыхъ замѣтокъ и никогда имъ редактированъ не былъ. Крашевскій былъ пріятелемъ отца и тогда часто пріѣзжалъ въ Одессу изъ Волынской губерніи, гдѣ у него было имѣніе.

[1]) Столы, вращаясь, отвѣчали на разные вопросы. Наши хохлы знали эти разговоры ранѣе появленія столовъ въ Парижѣ. Какъ-то у насъ въ домѣ совершилась покража; старая нянька рѣшила, что очень легко узнать вора; поставили прислугу кругомъ, взяли сито, въ сито воткнули ножницы, ножницы повѣсили на нитку. Сито стало вращаться; вращалось, вращалось и остановилось противъ кухарки или прачки, не помню. Та немедленно созналась!

войскъ; бомбардировка заставила сосредоточить затѣмъ значительныя силы для охраненія береговъ отъ возможной высадки. Парады на Соборной площади, смотры у крѣпости, около Михайловскаго монастыря, съ неизбѣжнымъ церемоніальнымъ маршемъ, происходили очень часто. Отступленіе Дунайской арміи за Прутъ совершенно измѣнило настроеніе и всей западной части Новороссіи. Лѣнивое дворянство Бессарабской области, не служившее въ военной службѣ (Бессарабія не несла тогда вообще военной повинности) послало воинственные адресы. Даже одесскіе цирюльники (армяне были тоже изъяты отъ рекрутства) стали воинственны. Одинъ изъ нихъ писалъ въ Григоріополь другому цирюльнику: «Лубезный другъ Балтазаръ Балтазаровичъ балшой ахотъ стражаться имѣемъ, струментъ не имѣемъ»...

Объ Одессѣ и говорить нечего. О войнѣ только что и говорили; о ней мечтали и дѣти. И въ гимназіи мы презирали Солона и уважали Ликурга и воинственныхъ спартанцевъ. Мой двоюродный братъ, которому было лѣтъ восемь, говорилъ: «Я пойду воевать!» На что его сестра Мариня, дѣвочка лѣтъ шести, говорила: «Ступай, а я посмотрю въ замочную скважину, какъ ты будешь драться!»

Воинственность кузена заключилась таки тѣмъ, что, не окончивъ гимназіи, онъ угодилъ въ юнкера, да еще въ линейный батальонъ въ Гагры, гдѣ конечно быстро погибъ. Выборъ такого страннаго мѣста былъ сдѣланъ потому, что въ этомъ гнѣздилищѣ лихорадокъ, гдѣ ежегодно вымирала отъ маляріи четверть гарнизона и гдѣ черкесскія пули попадали въ солдатскій котелъ со щами, служилъ его дядя Сезеневскій, бывшій офицеръ польской арміи.

Офицеровъ и солдатъ этой арміи (генераловъ сослали во внутрь Россіи) перевели тѣми же чинами въ линейные батальоны, и вотъ Сезеневскаго посадили въ Гагры, гдѣ онъ безотлучно отсидѣлъ 25 лѣтъ, тамъ же женился на какомъ-то антикѣ, едва ли не батальонной прачкѣ, и, выпущенный наконецъ въ отставку, явился въ Одессу доживать свой вѣкъ на двѣсти рублей пенсіи. Говорить онъ совсѣмъ разучился.

На костяхъ такихъ-то капитановъ и было основано наше владычество на «погибельномъ Кавказѣ».

Въ осаду Севастополя Одесса была переполнена войсками. Значительная часть ихъ проходила только, слѣдуя изъ дунайской

арміи въ крымскую. Я помню начальника артиллеріи Комсина и веселаго старика Москатиньева, командира 1-й бригады 16 дивизіи. Веселымъ онъ уѣхалъ и въ первое же сраженіе подъ Альмою былъ убитъ. Изъ Одессы отправился также въ Севастополь съ сыновьями Семякинъ, начальникъ штаба кн. Меншикова. Онъ долго сидѣлъ до того въ Одессѣ въ отставкѣ безъ мѣста. Въ Севастополь же перешелъ гр. Остенъ-Сакенъ, на мѣсто котораго вновь явился гр. Лидерсъ, а когда Лидерсъ замѣнилъ кн. Горчакова, то появились въ Одессѣ командиръ драгунскаго корпуса службистъ Шабельскій и главнокомандующій нашей арміей, будущій военный министръ ветхій Сухозанетъ!

Изъ военныхъ въ Одессѣ обращалъ на себя вниманіе еще генералъ Багговутъ съ простреленнымъ черепомъ — герой Башъ-Кадыкъ-лара. Пріѣхалъ и престарѣлый Милошъ Обреновичъ, находившійся въ изгнаніи, но вскорѣ посаженный вновь Россіей на престолъ. Фигурою онъ походилъ на стараго запорожца. Я его видѣлъ вблизи ежедневно, когда отецъ мой разговаривалъ съ нимъ на Бульварѣ.

Толпу занимали греческіе волонтеры въ своихъ фустанелахъ; сформировалъ ихъ, говорятъ, не какой либо генералъ, а разносчикъ сластей изъ Петербурга—Маргаритка. Волонтеры эти служили предметомъ остротъ и куплетовъ, хотя дрались храбро подъ Евпаторіей. Командовалъ ими Папа-Христо, который

... исъ кинзалъ
Пять часовъ онъ стоялъ.

и затѣмъ

И уместо съ Горцакова
Пилъ сампанско
Пять цалкова!

Нагнали въ Одессу и много кавалеріи. Тутъ я убѣдился въ справедливости польской пѣсенки:

Oj wy ulanie,
Malowane dzieci,
Nie jedna panienka
Za wami poleci!

Всѣ одесскія барышни, да и дамы, посходили съ ума отъ уланскихъ танцевъ. Мазурку танцовали дни и ночи до упада. Особенно славились какъ «мазуристы» братья Вирены. Соотвѣтственно съ числомъ баловъ работали великолѣпно французскія модистки, хотя моды тогда были куда проще нынѣшнихъ. Дѣвицы носили на балахъ исключительно бѣлыя тарлатановыя платья (la sainte mousseline) съ кушакомъ изъ лентъ, даже ботинокъ тогда не знали.

Еще лучше модныхъ магазиновъ торговали рестораны. Въ это время Коста умеръ и старый ресторанъ Оттона, воспѣтый въ «Онѣгинѣ», уже упалъ, Ришельевская гостиница также упала. Ихъ съ успѣхомъ замѣнилъ ресторанъ при новой Европейской гостиницѣ Алексѣева, въ домѣ въ Казенномъ саду, гдѣ помѣщаются теперь университетскія коллекціи. Алексѣевъ привезъ «оркестріонъ» — невиданный до того въ Одессѣ трактирный органъ, и имѣлъ успѣхъ чрезвычайный.

Въ это время въ одесскомъ обществѣ какъ нарочно образовался цѣлый цвѣтникъ красавицъ. Въ греческой колоніи попрежнему первенствовала г-жа Папудова; затѣмъ славились красотою сестры Маврокордато, г-жа Зарифи (полька), жена австрійскаго генеральнаго консула Ческини, еврейка Гуровичъ; изъ русскихъ Лачинова, вышедшая замужъ за адмирала Мессера. Всѣми этими красавицами можно было ежедневно любоваться на Бульварѣ. Кромѣ Бульвара обязательна была прогулка и по Дерибасовской съ заходомъ въ Пале-Рояль, гдѣ находилась знаменитая кондитерская Замбрини съ превосходнымъ мороженымъ. Самъ Замбрини славился, какъ лучшій боецъ на рапирахъ. Проѣздомъ въ Одессѣ была и знаменитая красавица Лахманъ, будущая гр. Паива, прогремѣвшая потомъ въ Парижѣ.

Бульваръ былъ всегда по вечерамъ средоточіемъ одесскаго общества. Здѣсь можно было встрѣтить и всѣхъ военныхъ. Красотою славился стрѣлокъ Дараганъ, нынѣ сенаторъ; графъ Г. А. Строгановъ, популярный въ Петербургѣ подъ именемъ «Гришки», также обращалъ вниманіе своею мужественной красотою.

По бульвару гуляли возвратившіеся съ востока дипломаты съ послѣднимъ chargé d'affaires въ Стамбулѣ Озеровымъ во главѣ. Большинство этихъ дипломатовъ были иностранцы, особенно греки. Между дипломатами поражалъ своей допотопной фигурою

Фродингъ, нашъ консулъ въ Мальтѣ. Онъ навѣрно помнилъ еще Мальтійскій орденъ.

Въ большую моду вошли и ополченцы, тѣмъ болѣе, что въ Одессѣ стоялъ цвѣтъ ихъ — московскія дружины, въ числѣ офицеровъ которыхъ были такіе выдающіеся люди, какъ гр. Строгановъ, гр. Толстой, бар. Боде-Колычевъ, гр. Ростопчинъ, Сушковъ, Загоскинъ (сынъ романиста) и Иванъ Аксаковъ, служившій дружиннымъ адъютантомъ.

Аксаковъ бывалъ въ нашемъ домѣ очень часто и съ удовольствіемъ, о чемъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ (т. III). Славянофильство для полуиностранной Одессы было новостью, и я помню споры объ этомъ въ нашей гостиной. Аксаковъ и уѣхавъ изъ Одессы оставался долго въ перепискѣ съ нашимъ семействомъ. Ополченцы были очень огорчены, что для лучшаго обученія службѣ ихъ подчинили армейскимъ начальникамъ. Они подошли, уже когда осада Севастополя окончилась, и только напрасно пострадали отъ тифа и холеры.

Объ осадѣ Севастополя говорили по цѣлымъ днямъ; особенно много было разсказовъ о безтолковости совсѣмъ размягчившагося Горчакова, о чудачествахъ Меншикова, о вылазкахъ Бирилева, о подвигахъ матроса Кошки и о воровствѣ провіантскаго и комисаріатскаго штата. Князь М. О. Горчаковъ отличался всегда канцеляризмомъ и необыкновенною разсѣянностью. Говорятъ, что когда его дочери сдѣлали предложеніе, Горчаковъ ничего не понялъ и сказалъ сватающемуся: «Хорошо, подайте мнѣ объ этомъ докладную записку».

Во время осады онъ уже былъ совсѣмъ рамоли, ходилъ по комнатѣ, страдая вѣтрами и бормоча безъ смысла французскія фразы.

Хорошо я помню и успѣхъ «Художественнаго Листка» Тима, каррикатуръ Степанова и ходившихъ въ рукописныхъ спискахъ писемъ Погодина. Изъ иностранныхъ каррикатуръ, всетаки проникавшихъ, особый успѣхъ имѣла каррикатура, изображавшая нашихъ солдатъ съ львиными головами, офицеровъ съ ослиными головами, а генераловъ совсѣмъ безъ головъ. Осада имѣла что-то эпическое. Числу героевъ не было конца. Покойный Черняевъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ молодымъ офицеромъ былъ

посланъ съ приказаніемъ уже послѣ взятія Малахова кургана очищать батареи и какъ какой-то капитанъ заявилъ ему, что уходить не намѣренъ, пока Черняевъ не покажетъ ему письменнаго приказанія главнокомандующаго! Я лично зналъ лейтенанта Дерожинскаго, весьма обыкновеннаго и весьма скромнаго человѣка, а онъ, когда французы влѣзли на его батарею, взорвалъ лично пороховой погребъ, взлетѣлъ на воздухъ и спасся какимъ-то чудомъ, весь обожженный, за что Александръ II собственноручно надѣлъ на него въ госпиталѣ свой Георгіевскій крестъ. Кто не помнитъ въ Петербургѣ милѣйшаго и добрѣйшаго человѣка, генерала Пестича. Онъ получилъ Георгія за то, что собственными руками выбросилъ въ Севастополѣ изъ порохового погреба влетѣвшую туда и готовую разорваться бомбу.

О героизмѣ на войнѣ публика имѣетъ вообще довольно превратныя понятія. Все совершается очень просто и мало походитъ на подвиги, описанные Титомъ Ливіемъ.

Мужъ моей двоюродной сестры Горѣловъ, умершій артиллерійскимъ генераломъ, былъ юнкеромъ подъ Кюрукъ-Дара и описывалъ мнѣ, какъ очевидецъ, слѣдующую сцену. Нашъ батальонъ сошелся съ крикомъ «ура» и ружьями на-перевѣсъ съ турецкимъ таборомъ. Обѣ части войска, сойдясь, точно замерли въ недоумѣніи и не знали, что дѣлать далѣе. Въ сущности, ожесточенія ни у нашихъ противъ турокъ, ни у турокъ противъ нашихъ не было. Какъ тутъ пырять другъ въ друга штыками? Въ моментъ этой молчаливой остановки одинъ опытный фельдфебель снялъ папаху и швырнулъ ее въ рожу ближайшему турку, тотъ отвѣтилъ ударомъ штыка, ему свистнулъ русскій солдатъ прикладомъ по головѣ, и пошла потѣха, окончившаяся жестокимъ кровопролитіемъ[1]).

Едва ли еще не въ день бомбардировки въѣхалъ въ Одессу замѣнившій Федорова новый исправляющій должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора Н. Н. Анненковъ, который пріобрѣлъ извѣстность какъ правая рука всемогущаго князя Чернышева и по ревизіи Сибири. Въ Одессѣ Анненкова отмѣтили только, какъ усерднаго дамскаго кавалера. Зато жена

[1]) Буквально такой же случай былъ съ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ при Лансбергѣ.

его, рожденная Бухарина, извѣстная и въ Петербургѣ своею красотою, умомъ и любезностью и пользовавшаяся вниманіемъ императора Николая, сразу очаровала всѣхъ и сдѣлалась популярною.

Она собрала около себя кружокъ красивыхъ и наиболѣе талантливыхъ одесситокъ и организовала цѣлый рядъ свѣтскихъ развлеченій; особенно славились устраиваемые ею домашніе спектакли.

Тогда были другія времена. Несмотря на грустныя извѣстія, приходившія ежедневно изъ Севастополя, никто и не думалъ падать духомъ или распускать нюни; не было нынѣшняго поколѣнія неврастениковъ и трусовъ-кисляевъ,—всѣ веселились.

Въ Одессѣ и я сдѣлался театраломъ какъ-то незамѣтно, чуть ли не отъ рожденія.

Моя покойная мать, ученица извѣстнаго итальянскаго композитора Риччи, обладала превосходнымъ голосомъ, и такъ какъ въ сороковыхъ годахъ итальянская музыка свирѣпствовала въ обществѣ, то меня уже въ люлькѣ укачивали подъ звуки Россини, Беллини и Доницетти. Какая-нибудь «Beatrice di Tenda», отъ которой тошнитъ вагнеристовъ, у меня и до сихъ поръ вызываетъ слезы умиленія. Одесса, гдѣ я родился и учился, имѣла еще много итальянскаго. Опера, гдѣ говорятъ, въ молодости пѣлъ хористомъ Гарибальди, занимала тамъ всѣхъ; я помню, хотя былъ ребенкомъ, необычайный успѣхъ «Rigoletto». «La donna e mobile» пѣли въ Одессѣ даже извозчики. Этой популярности содѣйствовали не только шарманки, называемыя въ Одессѣ катеринками[1]), но и процвѣтавшій тогда обычай, чисто итальянскій: пѣть на улицѣ по выходѣ изъ театра тѣ аріи, которыя публикѣ нравились. Объ обществѣ и говорить нечего: итальянская опера составляла его единственное развлеченіе. Меня возили въ ложу еще дитятею, а въ первый разъ я сидѣлъ въ креслѣ восьми лѣтъ за 75 коп. и видѣлъ какую-то «Eleonore» ничтожнаго итальянскаго композитора, а затѣмъ «Barbière». Послѣдній произвелъ на меня необыкновенное впечатлѣніе;

[1]) Это названіе взято съ польскаго по первому слову польскаго романса, который на этомъ инструментѣ наигрывали, точно такъ же, какъ слово шарманка происходитъ отъ слова «Charmante Gabrielle», которымъ начинался романсъ, впервые популяризованный шарманками.

я такъ хохоталъ въ сценѣ притворнаго опьянѣнія Альмавивы, что меня чуть не вывели изъ театра. Тѣнь Банко въ «Macbeto» Верди, несмотря на грубость тогдашнихъ «явленій», пугала меня и, въ ожиданія ея, я заранѣе сидѣлъ съ закрытыми глазами.

Въ Одессѣ въ началѣ 50-хъ гг. была превосходная опера, теноромъ былъ знаменитый впослѣдствіи Ноденъ, а примадоннами двѣ красавицы—Брамбила и Басседжіа. Въ первую, милую и воздушную, были влюблены всѣ студенты Ришельевскаго лицея, а во вторую, великолѣпно сложенную,—ихъ профессора. Профессоръ русской словесности Зеленецкій едва ли не сидѣлъ на козлахъ, когда молодежь везла на себѣ Басседжію въ день бенефиса, что, какъ извѣстно, продѣлалъ въ Москвѣ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Хлоповъ въ бенефисъ Фанни Эльслеръ, уволенный за это по высочайшему повелѣнію отъ службы.

Между лицами, одушевлявшими своею веселостью Одессу, одну изъ первыхъ ролей игралъ Е. В. Богдановичъ. Я помню его еще мичманомъ на пароходѣ «Бердянскъ». На своихъ визитныхъ карточкахъ онъ писалъ тогда: Eugène Bogdanovitch, enfant de la mer. Стройный и тоненькій Богдановичъ, адъютантъ генералъ-губернаторовъ, былъ настоящимъ «живчикомъ», превосходно игралъ на сценѣ и танцовалъ. Безчисленное множество анекдотовъ, по большей части апокрифическихъ, ходило въ Одессѣ о его похожденіяхъ и находчивости.

Другимъ общимъ любимцемъ Одессы былъ Амосовъ, не помню уже чей адъютантъ, сынъ извѣстнаго артиллерійскаго генерала, прославившагося своею остроумной полемикою съ артиллерійскимъ департаментомъ и изобрѣтеніемъ амосовскихъ печей: начальствуя Сестрорѣцкимъ заводомъ, Амосовъ получилъ строгій выговоръ за неуважительный тонъ своихъ рапортовъ; оправдываясь, Амосовъ написалъ, что никогда не терялъ уваженія, ибо знаетъ, что артиллерійскій департаментъ есть нужное въ Россіи мѣсто. Каламбуръ имѣлъ такой успѣхъ, что даже строгій Николай I приказалъ указать ему Амосова издали на разводѣ.

Амосовъ-сынъ обладалъ стихотворнымъ талантомъ, и куплеты его повторялись всею Одессою. Кромѣ упомянутаго стихотворенія о Папа-Христо, прославились особенно его шуточные стихи на похороны Косты:

Однажды въ воскресеніе
Пришлось напиться мнѣ
И Косты погребеніе
Увидѣлъ я во снѣ:
Растяпутый на блюдѣ,
Какъ ростбифъ, онъ лежалъ;
Всѣ въ черномъ были люди,
Всякъ Косту провожалъ и т. д.

Послѣдующіе куплеты содержали сатиру на всѣхъ выдающихся тогда одесситовъ. Другое стихотвореніе описывало впечатлѣніе Одессы отъ невиданнаго тамъ балета. Оно начиналось стихами.

Улыбнись стихамъ, балетъ,
Милыми устами,
Въ нихъ описанъ мой корнетъ
Звучными стихами.

Балетъ и я видѣлъ тогда въ первый разъ въ жизни, Андреянова пріѣхала съ московскою балетною труппою. Какъ сейчасъ помню сцены изъ «Пахиты» и «Своенравной жены». Андреянова, довольно старая, имѣла мало успѣха, но въ хорошенькихъ корифеекъ Чеброву, Степанову и др. повлюблялись всѣ офицеры одесскаго гарнизона, а за ними и мы, гимназисты.

Стихотворствомъ Амосовъ добылъ себѣ въ невѣсты дочь богатаго строителя севастопольскихъ укрѣпленій Волохова и мѣсто управляющаго акцизными сборами. Къ сожалѣнію, онъ умеръ еще молодымъ. И другіе братья его славились остроуміемъ.

Интересенъ былъ еще одинъ черноморскій морякъ, гр. Збышевскій, котораго я зналъ въ Одессѣ еще въ дѣтствѣ и котораго встрѣтилъ въ Парижѣ уже пожилымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ бурное существованіе. Во время польскаго возстанія 1863 г., командуя корветомъ въ китайскихъ водахъ, Збышевскій сдалъ аккуратно судно, бумаги и кассу старшему офицеру и отправился «до лясу». Онъ доѣхалъ, когда возстаніе уже кончилось, но тѣмъ не менѣе заочно былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Оставшись за границею безъ куска хлѣба, онъ въ Шотландіи работалъ въ качествѣ чернорабочаго, мылъ даже полы. Добравшись до Парижа, благодаря своимъ познаніямъ, Збышевскій завелъ финансовыя связи и, войдя въ кружокъ Бонту, быстро разбогатѣлъ. На

его несчастье, онъ состоялъ директоромъ банка Loire et Rhone и, когда Савари, бывшій товарищъ министра, обокралъ этотъ банкъ, что усилило знаменитый крахъ Бонту, то Збышевскій оказался въ ужасномъ положеніи, рискуя уголовнымъ судомъ. Изъ этого положенія онъ вышелъ молодцомъ, отдавъ кредиторамъ банка буквально все свое состояніе, нѣсколько милліоновъ, и остался опять безъ гроша.

При помощи своего бывшаго сослуживца кн. Ухтомскаго, адъютанта генералъ-адмирала, онъ занялся тогда устройствомъ франко-русскихъ промышленныхъ дѣлъ и повелъ ихъ столь удачно, что хотя богатства не вернулъ, но заслужилъ признательность русскаго правительства, по ходатайству великаго князя Константина Николаевича получилъ полную амнистію и сдѣлался виднымъ членомъ русско-польской колоніи въ Парижѣ. Многія извѣстныя общества, Гута Банкова, Дубовая балка и др., обязаны своимъ существованіемъ его инициативѣ. Онъ поработалъ и по части нефтяной и золотой промышленности. До сихъ поръ кто встрѣчаетъ въ Парижѣ этого крѣпкаго, красиваго и симпатичнаго старика, не дастъ ему ни его лѣтъ, ни повѣритъ тому, что онъ пережилъ столько передрягъ.

Послѣ взятія Севастополя, извѣстіе о чемъ пришло въ Одессу ранѣе официальнаго и повторялось шопотомъ, получилось извѣстіе о взятіи Кинбурна. Эта крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ старый генералъ, пріятель нашего семейства, была вооружена нѣсколькими чугунными пушками екатерининскаго времени. Просто невѣроятна наша безпечность по охраненію пункта, командовавшаго устьями Днѣпра и Буга и Перекопскимъ перешейкомъ. Столь же беззащитнымъ оказалось и Азовское море, а на казенномъ пайкѣ, даже въ мирное время, содержалось тогда болѣе милліона человѣкъ! Инженеръ Череповъ, взятый въ плѣнъ и обмѣненный въ Одессѣ, разсказывалъ намъ невѣроятные по комизму эпизоды защиты Кинбурна.

Анненковъ лично недолго былъ въ Одессѣ. По необходимости упорядочить перевозку войскъ и транспортовъ въ Крымъ, онъ, оставивъ семью въ Одессѣ, долженъ былъ переѣхать со своей канцеляріей въ Херсонъ. Можно себѣ представить отчаяніе канцелярской молодежи. Херсонъ, по словамъ мѣстнаго піиты, былъ тогда

Городъ пыли, городъ грязи,
Куча мельницъ и воронъ,
Гдѣ диктаторъ Катакази,
Гдѣ Канатовъ Цицеронъ и т. д.

Мой отецъ, знавши хорошо закулисную сторону Черноморскаго флота, хотя лично уважалъ Лазарева, былъ невысокаго мнѣнія о морской службѣ. Но геройскіе подвиги моряковъ на бастіонахъ Севастополя дали такую популярность флоту, что и я возгорѣлся желаніемъ плавать по морямъ. Отецъ, уступая моимъ настояніямъ, хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Морской корпусъ на казенный счетъ, а въ ожиданіи я читалъ морскіе романы Купера, Маріетта и Сю, увлекался корсарами; цѣлые дни проводилъ я въ порту, осматривалъ пароходы и корабли, купилъ себѣ у итальянца, корабельнаго мастера, модель судна и выучилъ всѣ техническіе морскіе термины, что мнѣ очень пригодилось впослѣдствіи, когда я занялся вопросами торговаго мореходства и писалъ объ этомъ книги.

Можно представить мою радость, когда Тихановъ, командиръ 2-го Дунайскаго казачьяго полка, взялъ меня посмотрѣть Николаевъ, куда онъ ѣхалъ для инспектированія своихъ казаковъ. Николаевъ былъ притономъ казенныхъ воришекъ. Несмотря на то, что паровой флотъ выказалъ уже свое значеніе, въ Николаевскомъ адмиралтействѣ продолжали строить исключительно парусныя суда, между прочимъ трехъ-дечный корабль «Синопъ».

Дунайское (потомъ Новороссійское) войско, къ которому принадлежалъ полкъ Тиханова, было довольно курьезнымъ учрежденіемъ. Оно выставляло два полка, а станицы его въ Южной Бессарабіи были сформированы изъ цыганъ, молдаванъ, грековъ и бѣглыхъ малороссовъ. Составъ офицеровъ также былъ очень пестрый и слабый, почти все былъ народъ малограмотный. Я видѣлъ тамъ оригинальные типы. Напримѣръ, заурядъ-хорунжій (большинство офицеровъ войска были заурядъ, т.-е. не имѣли служебныхъ правъ на свои чины) Цыганка по отцу былъ малороссомъ, по матери молдаваниномъ, а самъ вышелъ чистѣйшимъ грекомъ! Къ 60-мъ годамъ войско было расформировано и обращено въ гражданское вѣдомство. Воинство это мнѣ памятно еще и по-

тому, что я гимназистомъ скакалъ частенько верхомъ на казачьихъ лошадяхъ, пока не расшибъ себѣ голову.

Не успѣлъ я залечить рану, какъ вдругъ пришла депеша изъ Петербурга, что въ Морской корпусъ меня не приняли, но приняли казеннымъ воспитанникомъ въ Горный корпусъ. Обязанъ я этимъ былъ ходатайству гр. Строганова.

Графъ А. Г. Строгановъ, харьковскій генералъ-губернаторъ, замѣнилъ въ 1856 г. Анненкова, внезапно назначеннаго государственнымъ контролеромъ, и оставался новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ до 1861 г. Это былъ оригинальный типъ надменнаго и ученаго самодура—аристократа, вродѣ гр. Панина. Обладая обширными познаніями, особенно по математикѣ, онъ представлялъ сочетаніе рѣдкихъ противорѣчій съ одной стороны просвѣщеннаго администратора, съ другой—грубіяна. Одинъ иностранецъ, познакомившись съ графомъ, говорилъ: что «эта самая образованная свинья, которую ему удалось въ жизни видѣть».

По характеру Строгановъ былъ человѣкъ независимый; извѣстно, какъ онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, управляя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обозвалъ Канкрина бухгалтеромъ. Не мягче былъ онъ, въ качествѣ гласнаго одесской думы, и къ Рейтерну, за что, какъ извѣстно, получилъ Высочайшій выговоръ, а голова свѣтл. кн. Воронцовъ, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, долженъ былъ оставить свое мѣсто. Никому Строгановъ руки не подавалъ, а въ Кишеневѣ, желая выразить презрѣніе къ мѣстному обществу за поведеніе во время войны, пріѣхавъ на балъ дворянства, сталъ задомъ къ обществу, какъ будто бы разговаривалъ наклонясь съ какою-то сидящею дамою, и, проведя въ такой позѣ минутъ пять, уѣхалъ домой.

Онъ былъ однимъ изъ виновниковъ эмиграціи крымскихъ татаръ послѣ войны. Съ другой стороны онъ отстоялъ сохраненіе въ Одессѣ университета, такъ какъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ убѣдилъ Александра II въ необходимости устроить университетъ въ Николаевѣ. Мой отецъ, какъ свидѣтельствуетъ въ его біографіи профессоръ Марковичъ, написалъ по этому поводу, по порученію графа, убѣдительную записку, за что, вѣроятно, на погребеніе моего отца не отозвался только одинъ Новороссійскій университетъ. Впрочемъ забыла его еще Академія Наукъ, которой

отецъ былъ членомъ, но она полагала, что мой отецъ давно умеръ! Академику Бредихину пришлось разувѣрять въ этомъ академическое правленіе.

Отца моего гр. Строгановъ очень цѣнилъ, часто приглашалъ къ себѣ запросто обѣдать, выхлопоталъ ему отводъ куска земли въ городѣ у Строганова моста, помѣстилъ нѣсколько его дѣтей въ учебныя заведенія на казенный счетъ, но въ «Дневникѣ» моего отца я нашелъ весьма много жалобъ на невозможно тяжелый характеръ графа. Проживъ въ Одессѣ до конца жизни и скончавшись старымъ вдовцомъ (графъ былъ женатъ на Кочубей) 94 лѣтъ отъ роду, графъ изъ своего огромнаго состоянія не удѣлилъ городу ни копейки и только уже наслѣдники пожертвовали университету его прекрасную библіотеку.

Обязанный графу спеціальнымъ образованіемъ, я, посѣщая Одессу, всегда заходилъ къ нему; до конца жизни сохранялъ онъ свѣжесть ума и неудовольствіе по случаю освобожденія крестьянъ. Въ особенности онъ не терпѣлъ Николая Милютина, начавшаго у него службу помощникомъ столоначальника, и видимо радовался, когда я ему описывалъ неурядицы, происходившія на Уралѣ вслѣдствіе неопытности авторовъ Положенія о крестьянахъ. Отзывы его были вообще рѣзки. Даже Пушкина онъ называлъ un mauvais drole!

Недостатки графа смягчалъ его правитель канцеляріи, разсѣяннѣйшій и благороднѣйшій Ѳ. К. Гирсъ, братъ будущаго министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. и извѣстнаго финансиста-фритредера А. К. Перешелъ на службу Гирсъ въ Одессу изъ юрисконсультовъ министерства юстиціи по слѣдующему казусу. За однимъ обѣдомъ къ нему обратился нѣкто съ вопросомъ, какого онъ мнѣнія о сенаторахъ? Гирсъ, отличавшійся рѣзкимъ языкомъ, отозвался весьма непочтительно: олухи царя небеснаго. Вопрошающій оказался сенаторомъ Языковымъ, присутствовшимъ въ 1-мъ департаментѣ. Онъ пожаловался графу Панину, и Гирса уволили отъ должности. Строгановъ поспѣшилъ пріютить его у себя.

ГОРНЫЙ ИНСТИТУТЪ.

VII.

Въ августѣ 1856 г. пріѣхалъ я въ кибиткѣ изъ Одессы въ С.-Петербургъ для поступленія въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ.

Телеграфъ былъ тогда новостью и ямщики по дорогѣ то и дѣло лупили кнутами по проволокѣ. Когда я спросилъ одного изъ нихъ, зачѣмъ это онъ дѣлаетъ, ямщикъ отвѣтилъ:

— А вотъ вчера мы какъ принялись жарить въ три кнута, такъ стоило посмотрѣть.

Кибитка остановилась на нынѣшнемъ Забалканскомъ проспектѣ въ домѣ Рулева. Я пообѣдалъ у смотрителя уѣзднаго училища, приходившагося шуриномъ г-жѣ Фалькъ, которая довезла меня до столицы. А затѣмъ я взялъ извозчика и отправился въ 11 линію, домъ Траншеля, къ покойному гродненскому губернатору Потемкину, а тогда чиновнику канцеляріи морского министерства, который долженъ былъ представить меня въ институтъ.

Потемкинъ, сынъ моряка, капитанъ надъ Карантиннымъ портомъ въ Одессѣ, жилъ у своего дяди, вице-адмирала Рейнеке, директора гидрографическаго департамента, а въ молодости сотрудника Литке по описи сѣверныхъ морей. Это было подобіе человѣка: худой, худой нѣмецъ болѣзненной акуратности, вегетаріанецъ, который питался только вареной морковью, отвѣшивая ее для ѣды на химическихъ вѣсахъ! Чтобы не померетъ съ голоду,

онъ жевалъ корки хлѣба, которые постоянно были въ его карманахъ.

Утромъ лакей мнѣ объяснилъ, что въ Петербургѣ бѣлый хлѣбъ къ чаю называется французской булкой, а не «франзолью», какъ въ Одессѣ. Съ этимъ запасомъ свѣдѣній я побѣжалъ, стараясь запомнить путь, по набережной Невы черезъ Дворцовый мостъ на Невскій проспектъ. Шумъ на этой улицѣ, которая кажется мнѣ теперь пустынной, испугалъ меня и я, дойдя до Полицейскаго моста, поспѣшилъ возвратиться домой.

Убѣжденный, что, окончивъ четыре класса гимназіи, не нуждаюсь въ какой-либо подготовкѣ, я проводилъ время въ чтеніи морскихъ книгъ въ библіотекѣ Рейнеке, смѣло пошелъ на экзаменъ и порядочно осрамился. Вмѣсто катехизиса священникъ спросилъ: знаю ли я молитвы; оказалось, что позабылъ. Начальство пришло въ ужасъ и недоумѣніе; къ счастью, пришли на помощь учитель математики полковникъ Дерябинъ и французскаго языка Фильонъ и меня приняли съ обязательствомъ въ недѣлю выучить «Отче нашъ», «Вѣрую» и «Благочестивѣйшаго», для чего и поручили унтеръ-офицеру Алексѣеву, прозванному кадетами «индюкомъ». На экзаменѣ въ большомъ конференцъ-залѣ я обратилъ вниманіе на галерею портретовъ горныхъ дѣятелей на стѣнахъ; длинный носъ Дерябина-отца, автора горнаго положенія 1806 г., особенно меня поразилъ. Я не подозрѣвалъ, что буду преемникомъ Дерябина и что сорокъ восемь лѣтъ спустя и мой портретъ будетъ красоваться въ этомъ пантеонѣ горныхъ дѣятелей.

4 сентября я поступилъ во 2-й приготовительный классъ. Это былъ день начала учебнаго курса, почему явились всѣ такъ называемые «новички», т. е. вновь принятые воспитанники.

Въ числѣ новичковъ былъ довольно высокаго роста худощавый гимназистъ костромской гимназіи, какъ теперь помню, съ золотыми пуговицами и черными отворотами съ красной выпушкой. Это былъ Михайловскій, впослѣдствіи извѣстный философъ-публицистъ. Мы оба окончили уже четвертый классъ гимназіи и по развитію и свѣдѣніямъ не подходили ко 2-му классу Горнаго корпуса. Но такая несообразность объяснялась тѣмъ, что въ послѣднемъ уже 5-мъ классѣ начинались спеціальные предметы, почему всѣ предметы гимназическаго курса проходились въ четыре года,

и программа, особенно по математикѣ, не совпадала вовсе съ гимназическимъ курсомъ.

Эта проклятая математика, къ которой я всегда чувствовалъ отвращеніе, и заставляла насъ вновъ слушать краткіе курсы катехизиса, литературы, исторіи, географіи, которые мы уже отлично знали.

Хотя Михайловскій былъ старше меня года на полтора, но какъ два единственныхъ гимназиста въ классѣ, заключавшемъ 62 воспитанника (изъ которыхъ, по трудности программы, окончили курсъ своевременно только трое), мы очень скоро подружились. И тогда онъ былъ очень самолюбивъ. Хотя человѣкъ очень бѣдный, круглый сирота (отецъ его былъ офицеромъ, если не измѣняетъ мнѣ память, жандармскимъ), онъ былъ очень деликатенъ во всѣхъ денежныхъ вопросахъ.

Кострома представлялась мнѣ медвѣжьимъ угломъ, и я выражалъ сомнѣнія Михайловскому, можетъ ли оттуда быть что доброе.

— Помилуй,—говорилъ онъ,—да у насъ учились Писемскій и знаменитый авторъ «Крушинскаго».

Дѣйствительно, романъ Алексѣя Потѣхина былъ тогда въ модѣ, какъ и первыя повѣсти Писемскаго.

Большинство воспитанниковъ Горнаго института было казеннокоштными, преимущественно дѣтьми горныхъ инженеровъ; ихъ свозили изъ разныхъ отдаленныхъ заводовъ ежегодно караванами. Эта молодежь представляла собою живую картину цивилизаціи въ разныхъ областяхъ Россіи.

Наиболѣе благовоспитанными и либеральными были дѣти петербургскихъ инженеровъ и чиновниковъ министерства финансовъ. У моего товарища Малоземова гувернеромъ былъ, напримѣръ, Добролюбовъ, ставшій въ это время авторитетнымъ критикомъ и кумиромъ молодежи. Затѣмъ шли многочисленные представители Урала, менѣе цивилизованные изъ нихъ были изъ Богословскаго округа. Уральцы давали тонъ, и они создали корпусный языкъ съ сибирскими реченіями. Ниже по воспитанію были сыны Алтая и особенно Нерчинскаго округа. Послѣдній посылалъ совсѣмъ дикарей, жевавшихъ по цѣлымъ днямъ древесную сѣру. Представители Кавказа, для которыхъ читались курсы восточныхъ языковъ, отличались тупостью. Надъ стипендіатами Царства Польскаго и нѣмцами смѣялись за ихъ коверканье русскаго языка; были впрочемъ нѣмцы, потомки саксонцевъ XVIII столѣтія, которые ни слова не знали по-нѣмецки и имъ Лютеровъ катехизисъ читался по-русски. Вообще непріязни къ инородцамъ, которыхъ было не мало, не замѣчалось. Курьезны были представители казаковъ, народъ къ наукѣ мало способный, но бойкій. На другой же день по поступленіи въ корпусъ они обыкновенно обворовывали своихъ товарищей, но, нещадно битые, скоро исправлялись и многіе изъ нихъ служили потомъ съ честью въ горной службѣ.

Одинъ изъ этихъ казачковъ, Луизовъ, сдѣлался даже временно большимъ пріятелемъ Михайловскаго и моимъ. Мы стали заниматься чернокнижіемъ, достали всякія книги о таинственныхъ наукахъ и серьезно изучали хиромантію и астрологію. Пристрастился я также къ шахматамъ и рѣшалъ шахматныя задачи.

Я засталъ кадетами Фрезе—нынѣшняго виленскаго генералъ-губернатора, Юматова—издателя «Вѣсти», Фолендорфа, Тиме и Денисова — извѣстныхъ горныхъ инженеровъ. Одновременно со мною, кромѣ Михайловскаго, поступили: Ауэрбахъ—извѣстный инженеръ и Дебольскій—философъ. Нѣсколько позже поступили: Волковъ — директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, Свѣдомскіе—живописцы, Іосса, Першке, Карпинскій—выдающіеся инженеры.

Директоромъ корпуса былъ тогда генеральнаго штаба свиты Е. И. В. генералъ-майоръ С. И. Волковъ, котораго мы звали «Сережкой». Уменьшительныя и др. клички были и здѣсь въ такомъ же ходу, какъ и въ гимназіи: Михайловскаго прозвали, напримѣръ, «козломъ». Богатый горный заводчикъ Волковъ, конечно, не извлекалъ, какъ тогда было въ общемъ ходу, доходовъ отъ своего заведенія, поэтому насъ отлично кормили и прилично одѣвали. Человѣкъ былъ онъ добрый, но безъ слабости; держалъ онъ себя, исполняя за смертью герцога Лейхтенбергскаго обязанности главнозавѣдующаго, съ большимъ достоинствомъ, почему популярностью не пользовался. Но теперь, смотря не дѣтскими глазами, я нахожу, что это былъ образцовый начальникъ учебнаго заведенія.

Помощника его или батальоннаго командира Абрамова, брата декабриста, мы звали «Мишкой». Это былъ чисто русскій типъ суроваго съ вида, но добрѣйшаго въ душѣ армейца. Онъ очень

внимательно слѣдилъ за всѣмъ. Несмотря на строгость, кадеты его скорѣе любили.

Первою ротою, бывшею кондукторскою, командовалъ Жуковскій, образованный и любезный человѣкъ. Прозвище его было «Володька». Онъ имѣлъ красивую жену, въ которую платонически влюблялась вся рота. Второю, бывшей резервною, ротою командовалъ Доброницкій, заслуженный боевой офицеръ. Его звали за хлопотливость «Тарантой». Это былъ рѣдкій типъ: хотя онъ имѣлъ собственное семейство, но буквально цѣлые дни, да часто и ночи, проводилъ въ ротѣ, вѣчно заботясь о томъ или о другомъ. Утромъ при ранжировкѣ ему вдругъ покажется, что какой-либо кадетъ боленъ, но скрываетъ это. Здорово живешь, онъ посылаетъ кадета въ лазаретъ и затѣмъ цѣлый день повторяетъ:

— Вообразите, Кумсковъ совсѣмъ былъ здоровенькій мальчикъ и вдругъ захворалъ.

Онъ такъ сжился съ корпусной жизнью, что когда въ 1867 г., при преобразованіи института въ открытое заведеніе, вмѣсто кадетъ, чисто одѣтыхъ и подстриженныхъ, увидѣлъ толпу студентовъ съ длинными волосами и въ фантастическихъ хламидахъ, то у него отъ огорченія отнялся языкъ, и онъ скоро скончался.

Говорилъ онъ, прибавляя «тьфу! тьфу», и никому не давалъ руки иначе, какъ въ перчаткѣ. Заботливость его простиралась до того, что онъ еженедѣльно, когда кадеты ходили въ баню, сидѣлъ часы въ предбанникѣ и каждому собственноручно вручалъ по куску мыла. Эта баня съ паромъ и полкомъ меня, южанина, сначала сильно пугала.

Воспитательная часть, кромѣ означенныхъ лицъ, была въ рукахъ такъ называемыхъ дежурныхъ офицеровъ и затѣмъ фельдфебелей, старшихъ, младшихъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ изъ кадетъ. Я засталъ между офицерами еще обломки прежнихъ фрунтовиковъ, повторявшихъ: «сказано, сдѣлано—повторять не стану»; но ихъ быстро смѣнили образованные и благовоспитанные гвардейскіе офицеры: Бѣляевъ, Больтъ, Менделѣевъ, Розлачъ, Цитовичъ и др. Между офицерами былъ севастопольскій герой фонъ-Витте, оригинальный типъ восторженнаго либерала 60-хъ годовъ. Онъ увлекался журналами и все старался, какъ онъ выражался, «совокупить идею съ мыслью». Кадетъ онъ защищалъ отъ начальства, хотя отъ послѣдняго было не страшно. Кромѣ офицеровъ, одинъ изъ унтеръ-офицеровъ былъ дежурнымъ, ходилъ съ тесакомъ и держалъ цѣлый день каску, которую надѣвалъ, чтобы рапортовать входившему начальству. Дежурные офицеры обучали фронту, имъ помогали унтеръ-офицеры Финляндскаго полка. Главное же занятіе офицеровъ состояло въ наблюденіи, чтобы кадеты не валялись по кроватямъ, а соблазнъ былъ великъ, потому что все время, кромѣ чтенія лекцій, мы проводили въ ротахъ, служившихъ дортуарами.

Императоръ Николай I не терпѣлъ маленькихъ помѣщеній, поэтому каждая рота занимала нѣсколько большихъ залъ, соединявшихся арками, гдѣ въ два ряда головами стояли кровати съ именемъ кадета надъ каждой; между кроватями комоды для книгъ и учебныхъ и туалетныхъ принадлежностей, а передъ кроватями табуреты, на которыхъ ночью складывалось акуратно платье съ суконнымъ галстукомъ наверху, причемъ сапоги ставились такъ, чтобы носки ихъ были вровень съ передними ножками табурета.

Время, конечно, шло по извѣстному плану. Въ семь часовъ барабанщикъ, сопровождаемый офицеромъ, обходилъ роты. Кадеты вставали и отправлялись въ умывальныя, гдѣ занимали себѣ очереди для мытья. Очереди соблюдались свято, вообще слово кадета должно было исполняться. Если кто-либо, когда рота шла въ строю, давалъ кому-либо по шеѣ, прибавляя: «передавай дальше», то получившій обязанъ былъ ударить впереди стоящаго и случалось, что вся рота вдругъ колыхалась отъ такихъ толчковъ.

Черезъ полчаса кадетъ ставили по отдѣленіямъ, старшій унтеръ-офицеръ осматривалъ чистоту и цѣлость платья и сапоговъ (чистили платья и сапоги въ Горномъ корпусѣ не кадеты, какъ въ другихъ корпусахъ, а солдаты служительской роты, которою завѣдывалъ полиціймейстеръ Фалькъ, удивительный благеръ) и приказывалъ читать молитву. Шикомъ считалось для читавшаго прочесть ее смаху и въ одну минуту. Затѣмъ отдѣленія шли въ малый рекреаціонный залъ, гдѣ фельдфебель дѣлалъ расчетъ и ротный командиръ осматривалъ роту. Затѣмъ роты шли въ большой рекреаціонный залъ, гдѣ ихъ осматривалъ батальонный командиръ, послѣ чего слѣдовало въ столовой питье сбитня, замѣненнаго вскорѣ чаемъ. Сбитень и чай давали съ булками и молокомъ,

кромѣ поста. Но такъ какъ больнымъ позволялось въ посту пить молоко, то этимъ молокомъ сейчасъ же всѣ пользовались, разбавляя сбитень и чай.

Изъ столовой уходили уже не въ строю. Дальнѣйшее расположеніе дня было видоизмѣняемо. Сначала кадеты имѣли утромъ 2 урока, а въ 2 часа обѣдъ. Послѣ обѣда опять было 2 урока. Затѣмъ обѣдъ былъ назначенъ въ 4 часа: всѣ четыре урока были утромъ и въ антрактѣ кадеты ходили завтракать, получая пирогъ съ говядиною. Время послѣ лекцій назначалось для преподаванія фехтованія, гимнастики, музыки, танцевъ и фронта. Къ послѣднему по модѣ всѣ чувствовали величайшее отвращеніе.

Къ обѣду и ужину шли въ томъ же порядкѣ, какъ и къ чаю. Передъ всякимъ ѣдою и по окончаніи ихъ кадеты пѣли молитвы хоромъ и при словахъ «всякое животное» поворачивали головы къ кому-либо изъ нелюбимаго начальства. Передъ обѣдомъ въ большой рекреаціонный залъ приходилъ директоръ; здѣсь фельдфебель 1-й роты читалъ приказы по корпусу. Здѣсь и сѣкли, что случилось при мнѣ одинъ разъ за ударъ ножомъ товарища. Очень рѣдко сѣкли передъ ротою, а обыкновенно въ цейхгаузѣ, гдѣ стояли наши ружья, по назначенію инспектора, въ присутствіи ротнаго командира. Сѣкъ каптенармусъ Артюшкинъ, а дневальные держали. Сѣченіе впрочемъ прекратилось въ концѣ 50-хъ годовъ.

Обѣдъ состоялъ изъ супа, говядины или котлеты (по выбору), блюда зелени или макаронъ и слоенаго пирога съ вареньемъ. Особенно любили кадеты макароны и пироги съ малиной, а въ посту супъ изъ черники, дѣлавшій языкъ чернымъ. Существовала цѣлая очень бойкая торговля: три листа бумаги стоили булку, двѣ булки—пирогъ съ брусникой, два пирога съ брусникой—пирогъ съ малиной или говядиной и т. д.

Послѣ обѣда были занятія въ лабораторіи или игры. Въ 5 часовъ раздавали куски чернаго хлѣба съ солью, но у кого были деньги, тѣ покупали пирожки и фрукты у разносчика Гришки. Честность и память его были удивительныя: не зная грамоты, онъ помнилъ, сколько каждый кадетъ съѣдалъ у него сластей и сколько долженъ. Случалось, что въ антрактахъ посылали еще въ лавочку за патокою, ситникомъ и мятными пряниками!

Вечеромъ шло приготовленіе уроковъ, для чего раздавались подсвѣчники съ сальными свѣчами. Къ ужину полагалось два блюда: чай съ пирогами или щи и пироги. Послѣ ужина танцовали подъ оркестръ корпусныхъ писарей и кантонистовъ, а въ 10 часовъ всѣ ложились спать. Къ этому же часу возвращались по воскресеньямъ кадеты изъ отпуска, причемъ рапортовали дежурному офицеру, держа въ рукѣ выданный для отпуска билетъ.

Ночью лампы тушились и зажигались особые ночники и клались около нихъ халаты и туфли; дежурные офицеры спали не раздѣваясь, обязанные прогуливаться съ дневальными по дортуарамъ.

Строгость надзора не могла уничтожить порока, составляющаго язву интернатовъ, но въ Горномъ корпусѣ онъ былъ мало распространенъ. Смазливыхъ мальчиковъ звали «душками»; въ другихъ корпусахъ они носили клички «мазочекъ», «форточекъ» и т. п.

Въ воскресенье полагались къ супу маленькіе пирожки, и кадеты, пользуясь отсутствіемъ товарищей, клали на себя по два и по три одѣяла. Для чтенія раздавались «Журналъ военно-учебныхъ заведеній» и путешествія.

Бѣлье было грубоватое, съ огромными печатными клеймами, но чистое, потому что государь, пріѣзжая въ корпусъ, кому-либо приказывалъ раздѣться. Для этого насъ всѣхъ обучали раздѣваться и одѣваться очень быстро, стоя, а не сидя. Обучали также кланяться и здороваться цѣлою ротою въ тактъ. Поклоны назначались для иностранныхъ принцевъ.

Что поражало меня въ корпусѣ послѣ жизни дома—это непрерывная дѣятельность съ утра до вечера. Не говоря уже о томъ, что мы учились, молились, ѣли, ходили въ баню, въ отпускъ и даже препровождались на кладбище по барабану и подъ строгимъ контролемъ начальства, но и въ свободное время оно не оставляло насъ, занимаясь пригонкою платья, сапоговъ, касокъ, причемъ не каски или сапоги отыскивали для человѣка, а человѣкъ «пригонялся» къ сапогамъ и каскѣ. Для чего происходила пригонка платья—неизвѣстно, ибо новое послѣ пригонки платье пряталось въ цейхгаузы и давалось, когда уже кадетъ выросталъ изъ него; мы же носили старые куртки и мундиры съ заплатками

подъ мышками. Ротные портные по цѣлымъ днямъ чинили его. Для лабораторіи имѣлись еще болѣе старыя платья, которыя усердно обливались сѣрною или азотною кислотою.

На все были правила, легко обходившіяся, тѣмъ болѣе, что всѣ кадеты были какъ бы въ заговорѣ противъ начальства. Наушничество или фискальство преслѣдовалось со страшною жестокостью, и кличка «фискалъ» была величайшимъ оскорбленіемъ и часто губила здоровье и всю карьеру молодого человѣка. Надобно сказать, что и начальство, по военной складкѣ воспитанія, не поощряло доносовъ.

Съ другой стороны, надобно замѣтить, что кадетская круговая порука отзывалась тяжело на людяхъ смирныхъ и особенно новичкахъ. Ихъ всячески утѣсняли, «сдували» съ нихъ пироги и всякія порціи, по ночамъ обливали водою, пускали въ носъ «гусаровъ» изъ табака. Придетъ, напримѣръ, какой-нибудь дѣтина и машетъ минутъ десять передъ вашимъ носомъ ладонью подъ предлогомъ, что «воздухъ казенный». Единственное спасеніе было найти какого-либо защитника изъ великовозрастныхъ добродушныхъ кадефоновъ, который колотилъ бы за насъ всѣхъ «приставалъ». Brimades вмѣстѣ съ водвореніемъ «вольнаго духа» сильно уменьшились во время моего пребыванія въ корпусѣ.

Кромѣ кваса мы пили огромное количество воды—пить ее цѣлыми ковшами считалось даже шикомъ. Хотя воду эту брали тутъ же изъ Невы, т. е. въ наиболѣе загрязненной ея части, но никакихъ тифусовъ не было и въ поминѣ. Болѣли чаще гриппами, случалось кашляла цѣлая рота. За семь лѣтъ, что я былъ въ корпусѣ, умеръ всего одинъ кадетъ и то отъ чахотки. Правда, тогда еще микробы открыты не были, а корпусные доктора, оба нѣмцы и прекрасные люди, особенно себя не утомляли. Пандеръ, сынъ знаменитаго палеонтолога, цѣлые дни гонялъ голубей, а старшій врачъ Фробенъ, котораго за фигуру мы звали «верблюдомъ», ограничивался тѣмъ, что больнымъ, большею частью притворно, кадетамъ прописывалъ пріемъ рвотнаго камня и шесть графиновъ теплой воды. Медицинскою частью больше вѣдалъ одинъ изъ фельдшеровъ, Ивановъ, конечно, изъ евреевъ.

Сильная работа была корпуснымъ цирюльникамъ. Кадетъ по цѣлымъ днямъ стригли, ибо волосы нужно было носитъ по формѣ: гладко на затылкѣ, подлиннѣе на верху головы и съ висками, причесанными впередъ. Чесать виски назадъ считалось признакомъ либерализма и строго преслѣдовалось. Въ смотрѣніи за висками и за тѣмъ, чтобы не разстегивали крючковъ на воротникахъ, проходила большая часть времени у корпуснаго начальства. Курить тоже строго воспрещалось; курили въ душники или въ ватерклозетахъ, которые для низшихъ классовъ, не имѣвшихъ доступа въ лабораторію, совсѣмъ замѣняли клубы.

Въ лабораторіи была полная свобода, пили по цѣлымъ днямъ чай, а любители и водку, которую приносили сторожа, въ свою очередь воровавшіе спиртъ изъ берцеліусовыхъ лампъ.

Хотя шинели на зиму подбивались до пояса фланелью, но носились въ накидку; зато давались рукавицы и при 10 град. мороза суконные наушники. Мученіе было съ каскою съ тяжелымъ конскимъ султаномъ. Замѣна ея кепи съ башлыкомъ была благодѣяніемъ. Важнымъ дѣломъ считалось становиться во фронтъ передъ проходившими генералами и офицерами, хотя бы они обгоняли васъ или сидѣли въ каретахъ. Объ этомъ нужно было думать постоянно, чтобы не угодить подъ арестъ, и такъ къ этому глазъ привыкалъ, что я, уже произведенный въ офицеры, долго невольно вытягивался во фронтъ передъ проходившими военными.

Обученіе фронту дѣлалось для подготовки къ майскому параду и разводамъ въ манежѣ по воскресеньямъ. Лучшіе по фронту подходили на ординарцы. За послѣдними начальство буквально ухаживало, ибо это давало ему случай выслушивать нѣсколько милостивыхъ словъ государя. Николай I любилъ видѣть на ординарцахъ кадетъ высокихъ и часто мѣрялся съ ними ростомъ. Александръ II, напротивъ, любилъ маленькихъ ординарцевъ.

Майскій парадъ былъ тогда просто священнодѣйствіемъ. Къ нему готовились за мѣсяцъ, прерывая иногда даже экзамены. На парадъ шли въ бѣлыхъ холщевыхъ панталонахъ, а такъ какъ въ апрѣлѣ было холодно (майскій парадъ всегда былъ въ апрѣлѣ), то ноги кадетъ обертывали въ бумагу. Горные кадеты считались отличными фронтовиками и удостоивались обыкновенно похвалъ. Я считался слабымъ по фронту.

— Горбатаго могила исправитъ. Гимназистъ! — говорилъ обо мнѣ, презрительно махнувъ рукой, Абрамовъ.

Поэтому меня въ чинъ старшаго унтеръ-офицера не произвели и на разводы не допускали; я фигурировалъ, впрочемъ, на открытіи памятника Николаю I, на похоронахъ императрицы Александры Ѳеодоровны и т. п.

Кромѣ подготовленій къ парадамъ и разводамъ, важное занятіе было ожиданіе высокихъ особъ. Благодаря музеуму институтъ часто посѣщался иностранными знаменитостями. Поэтому ежедневно осенью и зимою насъ послѣ утреннихъ классовъ переодѣвали въ чистое платье. Въ это время натирались паркеты и мѣнялись одѣяла и клеенки на кроватяхъ и на комодахъ. Послѣ обѣда мы опять переодѣвались.

Николай I бывалъ часто въ корпусѣ. Его интересовало горное дѣло. Александръ II очень рѣдко; его все-таки поджидали ежедневно, и махальные стояли отъ самаго Николаевскаго моста. Я уже видѣлъ государя въ Одессѣ. Отъѣздъ его изъ корпуса сопровождался шумными оваціями, мы несли его на рукахъ въ сани и долго гнались съ криками «ура» по набережной.

Нашъ главный начальникъ, министръ финансовъ Княжевичъ, посѣтилъ всего одинъ разъ корпусъ. Рейтернъ ни разу. О Брокѣ сохранялась память, что онъ, увидя дежурнаго въ тесакѣ, спросилъ: что это за кушачокъ?

Сапоги дозволялось имѣть и собственные, но большинство носило казенные выростковые со многими заплатами. Сапоги эти свободно пропускали воду, а калоши безусловно воспрещались. Съ ужасомъ вспоминаю, какъ бывало я, не имѣя денегъ на извозчика, лупилъ ночью отъ Сампсоніевскаго моста въ корпусъ, шлепая по растаявшему снѣгу въ подобныхъ сапогахъ. Когда Нева становилась, я ходилъ по рѣкѣ наискось отъ биржи на крѣпость или отъ Мраморнаго дворца къ Спасителю. Бѣда, если ледъ стоялъ дыбомъ. Переходъ былъ мученьемъ. Мой младшій братъ Павелъ, маленькій кадетъ 1-го корпуса, выбился разъ изъ силъ, со слезами легъ на ледъ и заявилъ, что лучше замерзнетъ, чѣмъ пойдетъ далѣе. А морозъ былъ двадцать градусовъ. Вообще, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ погода была очень морозная, въ 1858 г. замерзала ртуть и какой-то «старецъ съ Пулковой горы» предсказывалъ еще болѣе ужасные холода.

Весною мы гуляли обыкновенно подъ руку другъ съ другомъ по набережной Невы, не очень, однако, далеко, чтобы не столкнуться съ морскими кадетами. Еще въ памяти была знаменитая драка изъ-за мяча, за что и дана была кличка (всѣ корпуса имѣли свои клички) «морскіе—воровскіе», «горные—задорные». Зимою мы гуляли въ однѣхъ курткахъ въ саду. Садовъ было два. Передній на половину занимался искусственнымъ рудникомъ; свободная часть составляла площадку, гдѣ происходили игры, преимущественно въ городки; задній садъ, теперь уничтоженный, вслѣдствіе продажи мѣста зеркальному заводу, служилъ любимымъ мѣстомъ для разговоровъ, хорового пѣнія и игры въ свайку. Здѣсь иногда черезъ деревянный заборъ кадеты удирали погулять въ городъ.

Въ саду находилось старое деревянное зданіе метеорологической обсерваторіи. Тогда горное вѣдомство вѣдало метеорологіей въ Россіи. Новое зданіе Главной физической обсерваторіи, которой завѣдывалъ академикъ Купферъ, было противъ института. За красавицей женой Купфера усиленно ухаживали профессора.

Покойный А. А. Іосса разсказывалъ мнѣ, что, будучи горнымъ начальникомъ Златоустовскихъ заводовъ, онъ встрѣтилъ обоихъ наблюдателей обсерваторіи пьяными на улицѣ. Отославъ ихъ подъ арестъ, онъ отправился посмотрѣть, что дѣлается на обсерваторіи, и нашелъ, что метеорологическія наблюденія записаны на три дня впередъ предусмотрительными алкоголиками!

И изъ такихъ-то наблюденій ученые выводили потомъ среднія цифры, на которыхъ Демчинскіе строятъ теперь законы.

Начальство заботилось не только о нашей гигіенѣ, но и о развлеченіяхъ. Разъ въ годъ давался балъ для родственниковъ кадетъ, угощеніемъ служили оршадъ и лимонадъ. Кадетъ затѣмъ возили танцовать на балы Патріотическаго и Елизаветинскаго институтовъ, гдѣ Волковъ былъ членомъ правленія. Довольно часто возили насъ въ ложи въ театръ, особенно въ русскую оперу (кадеты не имѣли тогда права бывать въ креслахъ) и устраивали домашніе спектакли. Лѣтомъ нанималась дача въ Парголовѣ или у дома сумасшедшихъ для кадетъ, не уѣхавшихъ въ отпускъ или на практическія занятія, или занятыхъ съемкою. Здѣсь также свирѣпствовали домашніе театры. Кормили на дачѣ еще лучше,

чѣмъ въ городѣ. Правда, горнымъ кадетамъ отпускалось по 25 коп. въ день на кормъ, тогда какъ остальнымъ воспитанникамъ военноучебныхъ заведеній по 15 коп.

Учебная часть института была отдѣлена отъ воспитательной. Завѣдывалъ ею инспекторъ «Петька» Ольшевъ, добродушнѣйшій и лѣнивѣйшій человѣкъ; его замѣнилъ потомъ Ерофѣевъ, прозванный «Ерохомъ» и почему-то не любимый, хотя это былъ превосходной души человѣкъ, ставшій потомъ весьма популярнымъ директоромъ института. Онъ и его помощникъ, извѣстный минералогъ Еремѣевъ, провели всю жизнь въ институтѣ и были ему глубоко преданы.

Институтъ состоялъ изъ 8 классовъ, изъ которыхъ, какъ я говорилъ, въ 4-хъ первыхъ, а частью и въ 5-мъ проходили общія науки, а въ 5-мъ и 3-хъ спеціальныхъ—горныя науки. Преподаваніе шло нѣсколько скороспѣло, и неудивительно, что большинство въ 5-мъ классѣ проваливалось и оставляло институтъ. Съ исключенныхъ по неспособности снимались погоны, пуговицы обшивались сукномъ, и они жили паріями въ институтѣ, пока ихъ не убирали родители.

Изъ общихъ предметовъ преподавали: Законъ Божій Рудаковъ, извѣстный церковный писатель; человѣкъ независимаго для священника характера и очень образованный, онъ читалъ и среднюю исторію. Низшую математику читалъ «Шишка» или «Ѳедька» Дерябинъ. Дерябинъ былъ страшною пьяницею, пилъ по цѣлымъ днямъ ромъ, любилъ давать кадетамъ щелчки, но его очень любили за доброту. Въ молодости онъ былъ другомъ Лермонтова, котораго звалъ «Мискою». Зная отлично морскую часть, онъ командовалъ яхтами. На морѣ онъ и втянулся въ «ромовое продовольствіе». Оно также погубило и преподавателя русскаго языка Михайлова, очень хорошаго педагога, уволеннаго за либерализмъ. Другимъ преподавателемъ русской литературы былъ профессоръ и цензоръ Лебедевъ, человѣкъ просвѣщенный и гуманный.

Исторію читалъ Смарагдовъ, бывшій профессоръ Дерптскаго университета, авторъ извѣстныхъ учебниковъ. Онъ очень любилъ разсказывать изъ исторіи скабрезные анекдоты, а намъ читалъ по своему руководству для женскихъ учебныхъ заведеній! Смараг-

довъ же читалъ статистику. Физику читалъ Сомовъ, братъ математика, нынѣшній хранитель Эрмитажа, а тогда издатель «Шехерезады». Это былъ необыкновенной доброты человѣкъ, которою кадеты нещадно злоупотребляли.

Нѣмецкій языкъ преподавали Тепферъ, строгій и ненавистный кадетамъ нѣмецъ, и Киззеветеръ, типъ веселаго нѣмецкаго бурша. Преподавателями французскаго языка были Поповицкій, извѣстный духовный публицистъ, ранѣе гувернеръ кн. Куракина въ Парижѣ, и Фильонъ, котораго очень любили; всю жизнь онъ прожилъ въ Россіи и не могъ научиться по-русски; правда, большинства изъ насъ онъ не могъ выучить по-французски. Величайшимъ курьезомъ былъ преподаватель географіи Гергардъ—онъ имѣлъ видъ шута. Курьезнымъ типомъ былъ и преподаватель законовѣдѣнія профессоръ университета Палибинъ. Читая, онъ принималъ позы и модулировалъ голосомъ.

Учителемъ чистописанія былъ семинаристъ Миловидовъ. Учителя рисованія всѣ были страшные либералы. Долѣе другихъ преподавалъ Заурвейдъ, сынъ знаменитаго баталиста, порядочный пьяница.

О спеціальныхъ предметахъ и ихъ представителяхъ я еще буду говорить далѣе, но общимъ образованіемъ хотя насъ не обременяли, мы все-таки вышли людьми образованными, отчасти благодаря столичной атмосферѣ, отчасти благодаря разнообразному чтенію. На это начальство смотрѣло сквозь пальцы, хотя комоды было запрещено запирать на ключъ именно для провѣрки читаемаго.

Для экзаменовъ, кромѣ преподавателей, штабъ корпуса горныхъ инженеровъ назначалъ особыя комиссіи изъ горныхъ инженеровъ. Все это былъ народъ добрѣйшій, особенно послѣ завтрака, предлагавшагося начальствомъ, поэтому мы отвѣчали преспокойно по подмѣченнымъ билетамъ, по программамъ, заключавшимъ конспекты вмѣсто вопросовъ, и т. п. Въ институтѣ преподавалось сорокъ наукъ. Понятно, въ восемь лѣтъ никакой Гумбольдтъ не могъ бы совладать съ такою массою знаній.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 50-ые ГОДЫ.

VIII.

При всей заботливости начальства, жизнь въ Горномъ корпусѣ при строгой дисциплинѣ, казалась утомительной, казарменный строй давилъ меня кошмаромъ, и весьма важно было найти людей, къ которымъ можно было ходить въ отпускъ.

Первый годъ я ходилъ къ моему двоюродному брату, слушателю военной академіи. Спалъ я вмѣсто кровати на стульяхъ, покрытыхъ кадетскимъ пальто, ѣлъ изъ кухмистерской, но все-таки предпочиталъ это корпусу. Лѣтомъ, за отъѣздомъ кузена на съемку, пришлось все-таки жить съ кадетами на дачѣ въ Гражданкѣ. Поѣздка въ Одессу тогда для людей средняго достатка казалась немыслимой роскошью. Цѣлые дни, пока товарищи приготовляли фейерверки и строили укрѣпленія для штурма, проводилъ я въ лѣсахъ, окружавшихъ Лѣсной и служившихъ мѣстомъ, гдѣ вѣшались чиновники отъ запоя и стрѣлялись нѣмцы и нѣмки отъ любви. Тамъ я собиралъ громадные коллекціи насѣкомыхъ, мховъ и лишаевъ. Собиралъ также грибы, которые жарились на казенной кухнѣ.

Осенью 1857 г. обстоятельства перемѣнились. Я познакомился случайно съ А. Д. Селяниновой, почтенной вдовой, имѣвшей свой домъ на Петербургской сторонѣ, у Сампсоніевскаго моста. Домъ достался ей отъ дяди, сама она была изъ скромнаго шляхетскаго семейства изъ Велижа, а Бѣлоруссія въ это время была такъ бѣдна,

что крестьяне ѣли полевыхъ мышей! Хотя Селянинова имѣла двоихъ дочерей, но по добротѣ души давала у себя пріютъ еще нѣсколькимъ бѣднымъ родственникамъ и приглашала къ себѣ кадетъ, не имѣвшихъ въ столицѣ родныхъ. Тогда это было въ обычаѣ.

Случалось, что по субботамъ насъ являлось по пяти человѣкъ, даже черкесовъ. Всѣмъ былъ одинаково радушный пріемъ, всѣхъ кормили, давали даже кормы въ корпусъ, а на ночь укладывали спать на полу, на разостланныхъ перинахъ. Сколько людей, окончившихъ курсъ, а потомъ достигшихъ и высокихъ чиновъ, вспоминали съ благоговѣніемъ объ этой добрѣйшей женщинѣ, которую казалось каждый могъ не то, что эксплоатировать, но и ограбить, и которая только объ одномъ все время печаловалась, что гости ея какъ будто стѣсняются! Многіе годы я пользовался гостепріимствомъ въ этомъ домѣ, находившемся между заводомъ Нобеля-дѣда и водочнымъ заводомъ наслѣд. Мартини. Хотя Крымская война кончилась, но заводъ продолжалъ достраивать и спускать канонерки; отъ ударовъ его парового молота летѣли у насъ со столовъ лампы и тарелки. Водочный заводъ былъ милостивѣе: кромѣ отличныхъ ликеровъ, мы пользовались тамъ обществомъ дочерей хозяйки Монтандръ, милыхъ и образованныхъ француженокъ.

Главный доходъ Селянинова извлекала отъ торговыхъ бань, доставшихся ей по наслѣдству отъ дяди, управлявшаго петербургскимъ откупомъ, и я поневолѣ изучилъ не только всѣ тонкости баннаго хозяйства, но и тайны откупа и этой части Петербургской стороны, образовавшей свой мірокъ, гдѣ видную роль играли офицеры Лейбъ-Гренадерскаго и Московскаго полковъ и доктора Медицинской академіи. Все это собиралось, какъ въ провинціи, ежедневно въ гости и мы проводили время превесело. Я думаю, что приходъ Николы Трунилы и повліялъ на сатирическое настроеніе моего ума. Здѣсь я и началъ 17-ти лѣтъ свою литературную дѣятельность въ журналѣ «Развѣтъ». Вообще этотъ уголокъ я такъ полюбилъ, что когда кадетомъ мечталъ еще быть когда-либо великимъ человѣкомъ, то просилъ, чтобы монументъ мнѣ былъ поставленъ не иначе, какъ на маленькой площади на углу Малой Посадской улицы и Коннаго переулка.

И въ баняхъ я нашелъ пищу пытливому уму. Узналъ, что такое легкій «паръ», что банное дѣло выгодно, хотя при тогдашней таксѣ солдатъ, а ихъ приходили полки, за $1^1/_2$ коп. получалъ даромъ вѣникъ и мылъ все свое бѣлье. Зимою, по субботамъ, когда бани переполнены, то и дѣло случались смертные случаи, такъ какъ тогда дозволялось продавать водку въ предбанникахъ.

Парильщики въ баняхъ всѣ были изъ Мышкинскаго уѣзда Ярославской губерніи, мужское населеніе которой отличается красотою. Тогда еще существовали «дворики» и моющіеся мужчины и женщины, даже зимою, выходили на чистый воздухъ обливаться водою. Сидя на галереѣ дома, можно было вообразить себя въ древнемъ Коринѳѣ или Аѳинахъ, только Фрины Петербургской стороны очень ужъ были уродливы.

Лѣтомъ приходили барки съ дровами. Я проводилъ часы съ книгою въ рукахъ на баркахъ, вдыхая чистый воздухъ и глядя на искусство кладчиковъ складывать дрова съ большею или меньшею выгодою для хозяевъ. Иногда въ дождь я забирался на чердакъ и читалъ тамъ старыя книги и журналы изъ библіотеки извѣстнаго писателя Филимонова, умершаго новгородскимъ губернаторомъ. Занимался я также ловлею en grand крысъ и препарированіемъ скелетовъ. Купленные мною въ Медицинской академіи черепъ и человѣческія кости наводили долго ужасъ на весь домъ Селяниновой.

Для развлеченія мы цѣлымъ обществомъ зимою катались на конькахъ по Большой Невкѣ, а лѣтомъ, когда не были на дачѣ, на яликахъ ѣздили въ Строгановъ садъ, тогда еще не испорченный. Въ Ивановъ день обязательно была прогулка на Кулербергъ, съ котораго скатывались кубаремъ подвыпившіе нѣмцы. Горы этой теперь уже нѣтъ, ее срыли; другую памятную въ моей молодости гору Парнасъ я также нашелъ, посѣтивъ тридцать лѣтъ спустя, сильно измѣнившеюся.

Впрочемъ за полвѣка въ Петербургѣ не только утроилось населеніе, но все сильно измѣнилось, особенно на окраинахъ.

Лѣтъ двадцать до того населеніе по Петербургу было гораздо диче. Какой-то шутникъ распустилъ слухъ, что во время крестнаго хода попъ обратится въ козла,—всѣ повѣрили и народу набралось столько, что публику на Невскомъ разгоняли, обливая

изъ пожарныхъ трубъ. Въ 1831 г. около Петербурга на Ладожскомъ каналѣ толпа заставила горнаго инженера Глухова, извѣстнаго физика, выпить ртуть изъ барометра въ доказательство, что это не холерная отрава.

Я нашелъ Измайловскій полкъ въ развалинахъ послѣ пожара, а улицы, какъ Шестилавочная (Надеждинская), Грязная (Николаевская), Знаменская, представляли рядъ заборовъ. Пески (скоро выгорѣвшіе) и Выборгская сторона состояли изъ ряда избушекъ, улицы назывались тамъ по нумерамъ. По этимъ улицамъ, а равно по большей части улицъ Петербургской стороны и даже Васильевскаго острова тротуаровъ по бокамъ улицъ не было, а шли деревянные мостки посреди. Снѣгъ съ улицъ не счищался, и зимою въ распутицу ѣзда была вродѣ скачекъ съ препятствіями.

Въ торговлѣ существовали еще старые порядки. Даже въ Гостиномъ дворѣ приказчики стояли у дверей магазиновъ и зазывали проходящихъ.—Къ намъ пожалуйте!—Чего желаете? А въ Щукиномъ (нынѣ Маріинскомъ) и Апраксиномъ рынкахъ приказчики буквально кидались на проходящихъ, хватали ихъ за рукава и тащили почти силою въ свои магазины, часто вовсе не того товара, который искалъ покупатель. Само собою, что торговаться было обязательно,—сразу сбавляли 75% съ назначенной цѣны.

На Фонтанкѣ всѣ мосты, кромѣ Аничкова, были вродѣ Чернышева, Коломна находилась въ первобытномъ состояніи, а Козье болото было дѣйствительно болотомъ. Даже на Невскомъ, гдѣ Пушкинская улица, были огороды. А за Покровомъ уже начиналась terra incognita. Говорили, что отъ этой церкви хотѣлъ, переодѣвшись архіереемъ, устроить крестный ходъ во дворецъ сосланный въ Сибирь Петрашевскій, чтобы просить конституціи.

Извозчики стоили дешево, особенно зимою, но зато пролетокъ было мало, ѣздили сидя верхомъ на «гитарахъ», называвшихся въ Москвѣ «калиберами».

Мосты, находившіеся въ завѣдываніи путейскаго округа, не наводились по мѣсяцамъ по вскрытіи Невы, чтобы дать нажиться откупщику яличнаго перевоза Тайвани; мосты будто бы ремонтировались, хотя съ нихъ новыя доски продавались для ремонта до-

мовъ. Этотъ же округъ хранилъ памятники столицы, почему воры и украли хвосты отъ лошадей римскаго тріумфатора надъ Главнымъ штабомъ [1]).

Дачи строились изъ досокъ отъ сломанныхъ барокъ съ дырками изъ-подъ заклепокъ. Ѣздили на дачи въ ужасныхъ шлипенбаховскихъ дилижансахъ на замученныхъ лошадяхъ. Лучшее общество жило еще въ Новой Деревнѣ, на Крестовскомъ и по Петергофской дорогѣ. Павловскъ, Петергофъ и Царское были до-

[1]) Съ пѣной у рта напалъ на меня въ «Новостяхъ» какой-то г. Е. Пономаревъ на замѣчаніе, что хвостъ или хвосты лошадей колесницы на аркѣ Главнаго штаба были украдены. Посмотрѣлъ я «Весь Петербургъ», нашелъ тамъ двухъ Е. Пономаревыхъ: одинъ колесно-кузнечный мастеръ, другой художникъ дирекціи театровъ. Очевидно, это послѣдній явился опровергателемъ. Права свои на поправку означенный художникъ основывалъ на томъ, что онъ жилъ 27 лѣтъ въ домѣ Главнаго штаба; но я тоже служилъ въ зданіи Главнаго штаба 11 лѣтъ, а ничего категорическаго утверждать не могу. Спорить однако не буду, ибо по крышамъ штаба я не прогуливался, а только, взобравшись на крышу этого зданія, можно убѣдиться, не испорчены ли хвосты у лошадей въ группѣ тріумфатора на аркѣ. Этихъ хвостовъ ни откуда иначе не видать.

Во всякомъ случаѣ г. Пономаревъ со своею поправкою, да еще въ такомъ приподнятомъ тонѣ, обратился не по адресу. Ничего новаго объ означенныхъ хвостахъ я не сообщалъ, а повторилъ то, что было напечатано нѣсколько лѣтъ назадъ во всѣхъ петербургскихъ газетахъ и вѣроятно и въ «Новостяхъ», а именно, что хвосты или части хвостовъ оказались не изъ бронзы, а жестяными. Можетъ быть это была шутка, но она въ свое время, сколько я помню, опровергнута офиціально не была, что и могло ввести меня въ заблужденіе. Впрочемъ я справлялся у лицъ, составлявшихъ городской инвентарь, въ томъ числѣ и памятникамъ въ столицѣ: они мнѣ сообщили, что группой бар. Клодта завѣдываетъ не городъ, а Главный штабъ, но что и они полагаютъ, что у группы вмѣсто бронзовыхъ хвостовъ деревяшки. Во всякомъ случаѣ въ томъ, что отпиленъ былъ кусокъ бронзы у хвоста, ничего чрезвычайнаго мнѣ не представляется: у насъ воруютъ пушки, цѣлые вагоны съ чугуномъ, крысы съѣдаютъ въ складахъ казенныя ружья со стальными стволами: можно повѣрить и покражѣ казеннаго хвоста...

Съ своей стороны редакція «Новаго Времени» получила отъ г. Дрозда-Бонячевскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ: «Какъ старожилъ Петербурга, очень хорошо помню кражу хвостовъ съ конной группы надъ аркой Главнаго штаба. Тогда писали объ этомъ въ газетахъ. Но этотъ случай произошелъ гораздо раньше, чѣмъ за послѣднія 27 лѣтъ, почему г. Пономаревъ и не могъ его знать. Хвосты были впослѣдствіи возстановлены, кажется, барономъ же Клодтомъ».

ступны только очень богатымъ людямъ. За границу ѣздили немногіе моремъ.

Цвѣточныхъ магазиновъ не существовало; въ рѣдкость были и магазины фруктовые. Гдѣ нынѣ ресторанъ Соловьева (бывшій Палкина), было полукруглое зданіе, у стѣнъ котораго толпились для найма чернорабочіе; мѣсто называлось Вшивая биржа. Колбасники были тогда всѣ нѣмцы, а повивальныя бабки псевдо «голландки».

Будочники спали днемъ и ночью въ своихъ будкахъ, дворники тоже спали спокойно въ домахъ, почему на глухихъ улицахъ и на Невѣ частенько грабили; грабили около всѣхъ казармъ. Шутники привязывали къ звонкамъ домовъ куски ветчины, которые дергали собаки, безпокоя дворниковъ и домовладѣльцевъ.

Когда пріѣзжій искалъ квартиру, ему говорили, чтобы онъ шелъ на Пантелеймоновскую № 9: тамъ, молъ, помѣщенія сколько угодно. Наивный отправлялся и видѣлъ ворота наводившаго тогда страхъ III-го отдѣленія.

Другое петербургское остроуміе состояло въ томъ, чтобы постучать ночью въ булочную (булочныя тогда содержали исключительно нѣмцы) и когда нѣмецъ открывалъ въ ночномъ колпакѣ свой was-ist-das, спросить:—Печеный хлѣбъ у васъ есть?—Есть.—Плюшки есть.—Тоже есть?—Ну, благодарите Бога, а то много людей не имѣютъ и куска насущнаго хлѣба. Кромѣ васистдасовъ булочныя отличались на окнахъ горшками фуксій, разводимыхъ сантиментальными нѣмками.

Весною вокругъ Биржевого сквера устраивалось гулянье, сюда привозили на первыхъ корабляхъ обезьянъ, попугаевъ, раковины и т. п. рѣдкости. Весною даже для кадетъ было обязательно посѣщеніе академической выставки, гдѣ преобладали батальныя картины и полуголыя Прозерпины и Юдифи. По городу ходило множество разносчиковъ и шарманщиковъ. Масленичные балаганы устраивались на Адмиралтейской площади, и масленичные «дѣды» и раешники были поостроумнѣе и посмѣлѣе многихъ нынѣшнихъ литераторовъ. Насмѣшливость и остроуміе въ русскихъ нравахъ, и въ Горномъ корпусѣ мы цѣлые дни изощрялись въ каламбурахъ и остротахъ—по-русски «лубкахъ». Славился по этой части мой товарищъ Соймоновъ. Популярны были гулянье 1-го

мая въ Екатерингофѣ, гдѣ еще существовала Кессених, воспѣтая Некрасовымъ, и выставка въ Духовъ день купеческихъ невѣстъ въ Лѣтнемъ саду.

Петербургскимъ геніемъ и волшебникомъ считался И. И. Излеръ. Ресторанъ его у Пассажа, гдѣ Иванъ Ивановичъ нажилъ состояніе на растегайчикахъ былъ уже закрытъ, но «Минерашки» лѣтомъ сосредотачивали все общество, только Іоганъ Страусъ въ Павловскѣ давалъ конкурренцію для публики высшаго полета. Очень были въ модѣ маскарады въ Большомъ театрѣ. Маскарады же въ Зимнемъ дворцѣ прекратились.

Водопроводовъ не было, газъ горѣлъ только на Невскомъ, Морской и Дворцовой набережной. Нынѣшняя система питья водки, закусывая бутербродами, была мало распространена, мало пили также пива, которое стѣснялось откупомъ, но зато было много кофейныхъ, гдѣ подавались мороженое и шоколадъ.

Изъ клубовъ Благородное собраніе, только что перешедшее съ Литейной въ домъ Елисѣева и носившее названіе «коптилка», пользовалось популярностью. Еще популярнѣе былъ Шустеръ-клубъ, танцовальное нѣмецкое собраніе. Въ Шустеръ-клубѣ русскіе шутники любили проказничать, при чемъ изгонялись mit grossem Trompetenskandal. Торжество состояло въ томъ, что впереди шелъ лакей съ канделябромъ, далѣе виновника вели бережно подъ руки старшины, а сзади слѣдовалъ клубный швейцаръ, заметая слѣдъ метлою. Оркестръ игралъ въ это время какой-нибудь модный маршъ.

Изъ театровъ въ ходу была только Итальянская опера; всѣ мѣста ея были абонированы и для свѣжаго человѣка мѣсто можно было получить тамъ развѣ по наслѣдству. Въ посту были въ модѣ живыя картины, чередовавшіяся съ концертами заѣзжихъ виртуозовъ. Кромѣ Великаго поста, ихъ въ столицы не пускали [1]).

Почта того времени отличалась тѣмъ, что правильно адресованныя письма не доходили до назначенія, но зато письма съ не-

[1]) Живыя картины Роде, изображавшія сотвореніе міра въ научной формѣ, вызвали тогда вмѣшательство митрополита Григорія. Памятна также полемика послѣдняго съ гр. Н. Игнатьевымъ. Преосвященный жаловался, что модистки допускаютъ кресты на женскихъ юбкахъ. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ, что это не кресты, а знаки умноженія.

вѣрными и фантастическими адресами получались акуратно. Въ разборѣ мужицкихъ іероглифовъ почтовые чиновники были своего рода Шампольонами.

Селянинова, домъ которой былъ близъ Сампсоньевскаго моста, получила исправно письмо съ адресомъ: «У Самсонскаго моста госпоже Бани». Ея деверь, магистръ М. Селяниновъ, который, будучи студентомъ, участвовалъ въ демонстраціи противъ Гоголя и бросилъ въ послѣдняго свою треуголку, получилъ въ Псковѣ письмо, адресованное такъ: «Матвіу Сѣляніу Вскоп.» Но еще лучше было съ моимъ знакомымъ Фохтомъ, управлявшимъ золотыми промыслами Асташева въ Верхъ-Исетскомъ округѣ. Ему доставили безъ затрудненія письмо, адресованное «Пермская губернія на золотые промысла г. Фуфу».

Письмо, адресованное какой-то акушеркѣ въ Сибирь: Nach «Tomsk bei Omsk», двадцать разъ прогулялось между этими двумя городами, пока чиновники не догадались, что оно адресовано въ Томскій заводъ Алтайскаго округа.

Тогда даже пользовались наивностью почты. Одному ловкому ходатаю по дѣламъ очень хотѣлось затянуть дѣло, онъ заплатилъ писцу, чтобы тотъ на пакетѣ уголовной палаты, адресованномъ въ Кіевъ, прибавилъ: Тобольской губ. Пакетъ и гулялъ года четыре, отыскивая Кіевъ въ Тобольской губерніи.

Возвращаюсь къ Горному корпусу. Хотя въ немъ было три спеціальныхъ класса, но горныя науки читали только въ двухъ послѣднихъ, замѣнившихъ офицерскіе классы, упраздненные повсемѣстно въ концѣ сороковыхъ годовъ изъ-за скандала, сдѣланнаго однимъ горнымъ прапорщикомъ въ маскарадѣ. Прапорщикъ угодилъ на службу въ Нерчинскіе заводы, служившіе вмѣстѣ съ Богословскимъ округомъ чѣмъ-то вродѣ ссылки и гдѣ почти всѣ служащіе допивались до бѣлой горячки, а мы были вынуждены, прослушавъ уже въ сущности университетскій курсъ, оставаться школьниками въ короткихъ курточкахъ и молиться и мѣнять блюда по барабану. И ѣсть давалось сообразно росту, а не аппетиту: двойныя порціи полагались только первымъ столамъ каждой роты. Къ счастью, курсъ кончали тогда 19—20 лѣтъ отъ роду.

Если предметы гимназическаго и университетскаго курсовъ преподавались слишкомъ сжато, то и горныя науки преподавались

не ахти какъ. Къ счастію, это науки прикладныя, ихъ изучить основательно можно только на практикѣ, а разъ познанія въ химіи и механикѣ достаточны, теоретическое изученіе ихъ не затруднительно. Хотя горные инженеры постоянно командировались для практики за границу, но Англія такъ ушла впередъ въ техникѣ, что образцомъ для института служила Фрейбергская горная академія, гдѣ старые педанты профессора годами читали одно и то же.

Металлургію и галлургію въ корпусѣ читалъ Кулибинъ, будущій директоръ горнаго департамента. Человѣкъ очень способный и пріятный въ обращеніи, онъ смолоду отличался лѣнью, на лекціи или опаздывалъ, или вовсе не приходилъ. Такъ какъ онъ холостякомъ былъ волокитою, то мы писали ему анонимныя любовныя письма, назначая свиданія подальше отъ корпуса; онъ ловился иногда на эту удочку. Кулибинъ читалъ и горную статистику, вѣрнѣе раздавалъ краткія записочки по этому предмету.

Немногимъ болѣе вынесли мы изъ лекцій Татаринова, профессора горнаго искусства, прославившагося своимъ семимѣсячнымъ плѣномъ въ Бухарѣ и основаніемъ каменноугольнаго дѣла въ Туркестанѣ. Одного изъ предшественниковъ по каѳедрѣ Татаринова, Бутенева, Николай I лично выбралъ за видную наружность для дипломатическаго порученія въ ту же Бухару, когда рѣчь шла объ освобожденіи Стодарта и Колли. Татариновъ, ярый радикалъ и любитель женскаго пола, болталъ на лекціяхъ обо всемъ, кромѣ своего предмета. Когда рѣчь шла о кайлѣ, онъ говорилъ, напр.: «Объяснять вамъ кайловыя работы излишне,—вы можете видѣть ихъ весною при сколкѣ льда дворниками подъ техническимъ руководствомъ городовыхъ».

Еще менѣе удовлетворительно было преподаваніе практической и горной механики, маркшейдерскаго искусства и горнозаводскихъ сооруженій. Первые три предмета читалъ Олышевъ. Прослуживъ всю жизнь въ Петербургѣ, Олышевъ, конечно, отсталъ отъ своего предмета, да и былъ лѣнивъ. Случалось, что онъ приходилъ, садился и молчалъ цѣлый часъ. Въ это время кадеты въ первыхъ рядахъ читали романы, а сзади подъ скамьями играли въ карты, и вдругъ молчаніе прерывалось словами: «Пасъ!» «Вистъ!»

Находя, что кадеты, подготовляясь отвѣчать, пользовались подмѣченными программами, Олышевъ, какъ инспекторъ, придумалъ, чтобы билеты разбирались всѣми сразу при началѣ экзамена и затѣмъ уже заявлялись экзаменующему. Немедленно нашелся геній, разрѣшившій задачу. Вмѣсто приготовленія къ экзаменамъ, кадеты по цѣлымъ днямъ чистили по очереди колокольчикъ предсѣдателя комиссіи и дѣлали изъ него зеркало. Когда вытягивали билеты, кадеты наводили ихъ на колокольчикъ, каждый заранѣе видѣлъ свой номеръ, уходилъ изъ зала и приготовлялъ наскоро вопросъ, на который слѣдовало отвѣчать. Вообще ухищреніямъ для экзаменовъ не было конца.

Строительное искусство читалъ Рожковъ, впослѣдствіи, какъ и Олышевъ, начальникъ монетнаго двора; на заводахъ, говорятъ, онъ отличался суровостью, но съ кадетами былъ добродушенъ. Когда въ видѣ проекта изъ строительнаго искусства я представилъ перемычку, гдѣ вода текла не спереди, а сзади перемычки, то онъ сказалъ: «Стыдно-съ, спрячьте эту гадость-съ», а все-таки поставилъ 10 балловъ, потому что, имѣя изъ спеціальныхъ предметовъ менѣе 10, нельзя было получить при выпускѣ чинъ поручика, а этимъ опредѣлялась вся будущая служебная карьера. Математику Рожковъ зналъ плохо, и мы изъ школьничества нарочно сбивали его въ вычисленіяхъ. Горное право преподавалъ Пригожій. Никто на его лекціи не ходилъ.

Удовлетворительнѣе, хотя и не Богъ вѣсть какъ, читались спеціальные вспомогательные для горныхъ наукъ предметы.

Начертательную геометрію и черченіе преподавалъ Ольховскій, дядя композитора Чайковскаго и извѣстный водевилистъ, подъ псевдонимомъ Оникса. Его водевили и водевили Каратыгина особенно любилъ Николай I. Обожая театръ, Ольховскій былъ у насъ на корпусномъ театрѣ режиссеромъ. Преподаваніе его было мало практичнымъ, хотя въ доказательство пользы своей науки онъ увѣрялъ, что для портного Шармера изобразилъ свои штаны въ проекціи и на эпюрѣ!

Прекурьезнымъ типомъ былъ профессоръ архитектуры, извѣстный въ свое время, какъ авторъ курса этой науки и изобрѣтатель печей, Свіязевъ. Почтенный старецъ этотъ былъ другомъ Марлинскаго (учившагося въ горномъ корпусѣ) и др. Бестужевыхъ

и послѣ 14 декабря укрывалъ у себя нѣкоторыхъ изъ нихъ. Читая, Свіязевъ ставилъ передъ собою огромную тавлинку и къ концу лекціи въ табакеркѣ не оставалось ни понюшки. И въ глубокой старости онъ былъ ярымъ либераломъ и вольтеріанцемъ. Читая лекціи о фундаментахъ, онъ неизбѣжно прибавлялъ: «въ одной книжкѣ сказано, что безумецъ строитъ зданіе на пескѣ. Это, господа, не такъ, песокъ отличный грунтъ». Несмотря на печи Свіязева, дополнявшія амосовское отопленіе, въ корпусѣ, построенномъ или, точнѣе, перестроенномъ знаменитымъ Воронихинымъ, было довольно холодно, а еще хуже была вентиляція.

Высшую математику читалъ академикъ Сомовъ, читалъ уткнувши носъ, на концѣ котораго были очки, въ доску, скучно и невнятно, хотя считался отличнымъ математикомъ. Онъ былъ замѣчательно разсѣянъ. Какъ-то явился онъ въ корпусъ, держа подъ мышкою мочалку и бѣлье, а подъ шинелью на немъ оказался халатъ. Уже въ корпусныхъ сѣняхъ Сомовъ вспомнилъ, что шелъ въ баню, а не на лекцію!

Профессоръ аналитической механики Тиме, читая, настолько же увлекался, насколько Сомовъ былъ равнодушенъ. Увлеченіе выражалось въ томъ, что недоставало на doскѣ мѣста для вычисленій и не только вся губка, но и лицо профессора бывали выпачканы мѣломъ. Лекцій его не понимали, но какъ профессора любили. Читалъ онъ добросовѣстно, но теоретично. Товарищъ его Еремѣевъ острилъ, что Тиме читаетъ о пересѣченіи невѣроятныхъ кривыхъ съ невозможными поверхностями.

Кристаллографію, эту скучнѣйшую изъ наукъ, преподавалъ профессоръ университета Соколовъ, извѣстный химикъ. Соколовъ вернулся незадолго передъ тѣмъ изъ Парижа и очень либеральничалъ на лекціяхъ. Минералогію, также науку мало доступную для публичнаго преподаванія, читалъ Еремѣевъ, сынъ доктора Карамзина и автора первыхъ горныхъ словарей. Трудолюбивый ученый и другъ молодежи, Еремѣевъ имѣлъ только одну слабость—разсказывать тридцать лѣтъ подъ-рядъ одни и тѣ же анекдоты изъ кадетской жизни.

Преподаваніе химіи было обставлено по тому времени довольно широко. Теоретическую химію читали Соколовъ, о которомъ я уже говорилъ, и Бекъ, какъ нѣмецъ, весьма обстоятельно. Разсказывая намъ о смерти Пти, онъ говорилъ, что взрывомъ хлористаго азота оторвало знаменитому химику руку, ногу... и голову. Мнѣ онъ предсказалъ какъ-то, что «на службѣ меня въ бараній рогъ свернутъ и поступятъ по всей строгости законовъ», чего, къ счастію, не случилось. Бекъ былъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ и потомъ весьма дѣльнымъ инспекторомъ института. Профессоромъ аналитической химіи былъ Ивановъ, ярый поклонникъ итальянской оперы. Споря о Тамберликѣ или Бозіо, онъ махалъ раскрытой записной книжкой, и мы, пользуясь этимъ, «зыркали»—подглядывали составы данныхъ намъ для разложенія веществъ. Лабораторія была плохо устроена, тяги никакой, и работы въ сѣроводородѣ были истиннымъ мученіемъ. Кадеты со средствами давали за себя дѣлать разложенія лаборантамъ стоявшей противъ института лабораторіи горнаго департамента, которою тоже завѣдывалъ Ивановъ.

Палеонтологію и петрофактологію читалъ Ерофѣевъ, слушавшій до того нѣсколько лѣтъ лекціи въ Парижской горной школѣ. Такъ какъ зоологія и ботаника слабо преподавались въ корпусѣ семинаристомъ Долоцкимъ, служившимъ для кадетъ предметомъ потѣхи, то, понятно, и лекціи палеонтологіи ограничивались сухою систематикою. Особенно изученіе молюсковъ было затруднительно. Ерофѣевъ далъ намъ въ руководство огромную книгу Пикте съ тысячами латинскихъ названій. Курсъ палеонтологіи считался самымъ труднымъ, для него на экзаменахъ отводилось наиболѣе времени для приготовленія, и все-таки никто ничего не зналъ и всѣ провалились бы, если бы не разрѣшалось отвѣчать по собственнымъ атласамъ, гдѣ существенные признаки ископаемыхъ животныхъ и растеній были подмѣчены.

Каждый годъ Ерофѣевъ клялся, что ни за что атласы допущены не будутъ, но за пять минутъ до экзамена, при рѣшительномъ заявленіи, что всѣ ничего не знаютъ, разрѣшалъ принести запрещенные атласы.

Геологію и геогнозію читалъ академикъ Гельмерсенъ, читалъ умно, но съ такою пасторскою монотонностью и медленностью, что я невольно засыпалъ на его лекціяхъ. Онъ же завѣдывалъ знаменитымъ музеемъ корпуса, хранитель котораго Нефедьевъ

былъ оригинальнымъ типомъ самоучки ученаго, дослужившагося изъ урядника до генерала, стирая пыль съ минераловъ.

Гельмерсенъ и Гофманъ были два бывшихъ дерптскихъ студента; ихъ дали въ 1828 г. въ спутники Гумбольдту не за ихъ познанія (Гофманъ, кажется, изучалъ фармацевтику ранѣе чѣмъ ѣздилъ кругомъ свѣта съ Коцебу), а за веселый нравъ. Гумбольдтъ, какъ нѣмецъ, обезпечилъ дальнѣйшую карьеру обоихъ буршей. Вопреки закону, обоихъ безъ экзамена сдѣлали горными инженерами. Гумбольдта, какъ друга прусскаго короля, принимали у насъ какъ принца.

Въ свое время Гельмерсенъ былъ изъ образованнѣйшихъ въ Россіи ученыхъ. Родственникъ Жуковскаго и Рейтерна, онъ, благодаря своимъ связямъ, сдѣлалъ много для изученія Россіи и создалъ цѣлую школу талантливыхъ геологовъ. Назначенный впослѣдствіи директоромъ преобразованнаго института, онъ по старости въ дѣла уже вникалъ мало и все предоставилъ инспектору Ерофѣеву. Умственное состояніе его тогда прекрасно характеризуется слѣдующей резолюціей.

Ему докладывали, что корпусная ванна на Невѣ сгнила и ее нужно или сломать, или въ виду ледохода хорошо закрѣпить веревками. Гельмерсенъ написалъ: «Ванну сломать, а веревки купить!»

Гофманъ у насъ не читалъ: онъ преподавалъ въ университетѣ, но участвовалъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ всѣмъ ставилъ полные баллы. Это былъ краснощекій, добрѣйшей души веселый нѣмецъ; онъ кое-что сдѣлалъ для русской геологіи, особенно благодаря желѣзному здоровью, но никакъ не осилилъ русскаго языка и говорилъ кристаллы «лягаются» вмѣсто прилегаютъ, это мнѣ «извѣстка», вмѣсто извѣстно, и т. д.

И другіе преподаватели изъ нѣмцевъ говорили не лучше. Ленцъ, будущій директоръ Экспедиціи заготовленія кредитныхъ билетовъ, читавшій вмѣсто Сомова физику, говорилъ: «Жидкость прозрачная, какъ каша». Еще курьезнѣе былъ являвшійся къ намъ на экзамены физики академикъ Купферъ; онъ говорилъ вмѣсто: пустой стеклянный шаръ — «сія маленькая пузырка заключаетъ въ себѣ ничего!»

Такихъ профессоровъ и академиковъ тогда было сколько угодно. Въ Казани профессоръ римскаго права Камбекъ переводилъ pontifex maximus вмѣсто верховный жрецъ — верховой жеребецъ! Въ Петербургѣ бывшій профессоръ философіи Фишеръ началъ слѣдующимъ образомъ курсъ педагогіи: «М. г. Педагогія есть наука, состоящая изъ трехъ половинъ. Первая половина занимается воспитаніемъ, вторая — также имѣетъ цѣлью воспитаніе, третья половина тоже говоритъ о воспитаніи» [1])....

Слушатели разбѣжались.

---

[1]) Г. Егоровъ въ письмѣ въ «Новое Время» увѣряетъ, что Фишеръ говорилъ и писалъ не хуже чистокровныхъ русскихъ, а сочиненія его доказываютъ его ясный, глубокій и логическій умъ. Анекдотъ о вступленіи Фишера въ курсъ педагогіи, а не психологіи, разсказывалъ мнѣ его бывшій слушатель, покойный присяжный повѣренный Полуянскій, весьма почтенный и серьезный человѣкъ, и въ свое время былъ мною записанъ.

Я получилъ письмо, гдѣ выражалось удивленіе возраженію г. Егорова и сообщалось, что и въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ тоже преподавалъ Фишеръ, о послѣднемъ сохранилось не мало анекдотовъ. Въ другомъ письмѣ г. Шмидтъ мнѣ напомнилъ, что въ «Панурговомъ стадѣ» Всев. Крестовскій, бывшій вольнослушателемъ Петербургскаго университета и знавшій слѣдовательно Фишера, во II ч. гл. I передаетъ анекдотъ буквально въ той же формѣ, что и я.

Можно быть очень хорошимъ человѣкомъ и глубокомысленнымъ философомъ, а тѣмъ не менѣе, будучи, какъ Фишеръ, австрійскимъ нѣмцемъ и учившись въ іезуитскомъ коллегіумѣ и въ университетѣ въ Вѣнѣ, плохо говорить по-русски.

ОТКУПЩИКИ.—ДЕМОНСТРАЦИИ.—ТЕАТРЫ.

IX.

Дядя Селяниновой, какъ я говорилъ, былъ управляющимъ петербургскимъ откупомъ, контора котораго занимала тогда площадь нынѣшняго Александровскаго рынка, а покойный мужъ — столоначальникомъ въ питейномъ отдѣленіи знаменитаго департамента податей и сборовъ, прозваннаго шутниками «департаментомъ подлостей и споровъ». Благодаря этому у ней сохранились связи съ откупнымъ міромъ, который въ концѣ пятидесятыхъ годовъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ и игралъ огромную роль въ обществѣ. Откупщики въ то же время занимались и золотопромышленностью, также бывшею тогда очень выгоднымъ предпріятіемъ.

Члены Государственнаго Совѣта, сенаторы и другіе сановники тайно участвовали въ откупахъ, имѣя паи. «Я знаю, что дѣло это нечистое, да денежки чистыя»,—говаривалъ гр. Канкринъ, пародируя Веспасіана. «А у меня, батушка, кабаковъ столько, сколько у васъ батальоновъ»,—возражалъ онъ же съ досадою въ другой разъ кн. Чернышеву.

Откупные служащіе были все народъ бойкій, были среди нихъ и литераторы: Лѣсковъ, Н. Потѣхинъ и др. Преимущество откупа состояло въ томъ, что каждый кабакъ былъ какъ бы маленькимъ банкомъ, куда стекались народныя деньги, а деньги всегда были въ Россіи самымъ рѣдкимъ товаромъ.

Откупа, замѣнившіе неудачную казенную монополію гр. Гурьева, вызвали въ свое время цѣлую обличительную литературу; всѣ ихъ бранили; надобно, однако, сказать, что при откупахъ винокуреніе было свободно, треть Россіи имѣла очень дешевую водку (въ 8 разъ дешевле нынѣшней), а въ остальной части государства пьянства было менѣе, чѣмъ при акцизѣ и при новой монополіи.

Откупъ имѣлъ одну несомнѣнно вредную сторону — это соблазнъ администраціи; правда подкупъ дѣлался открыто и мало возмущалъ тогдашнее общество. Управляющій западно-сибирскимъ откупомъ сказалъ новому томскому губернатору: «ваше пр-ство, у насъ полагается губернатору рубль со 100 ведеръ спирта, и объ этомъ никому ни слова».

— Знаете что,—отвѣчалъ генералъ Б.,—дайте мнѣ 2 рубля и можете говорить объ этомъ на всѣ четыре стороны!

Въ провинціи буквально вся администрація была на откупу у откупщиковъ. Соотвѣтственную мзду получали даже духовныя консисторіи и управители горныхъ заводовъ. Губернаторъ получалъ 10,000 руб. въ годъ, вице-губернаторъ 3,000 руб., председатели казенныхъ палатъ, у которыхъ были питейныя отдѣленія, отъ 15,000 руб. до 30,000 руб. Суммы по тому времени огромныя. Кромѣ денегъ откупщики посылали разнымъ чинамъ по особому расписанію и извѣстное количество водокъ, ликеровъ и пр.

Торги на откупа, производившіеся каждые 4 года въ Сенатѣ, были только ширмою, настоящее распредѣленіе дѣлалось потомъ домашнимъ порядкомъ, съ отступными и пр. Во время Крымской войны торговъ не было, но торги 1858 г. на послѣднее четырехлѣтіе, во время котораго ждали освобожденія крестьянъ, заставили откупщиковъ зарваться, и многіе разорились.

Изъ откупщиковъ наиболѣе славились тогда: Бенардаки, Кокоревъ, Воронинъ, Голенищевъ, Каншинъ, Утинъ, бар. Гинцбургъ, бар. Фитингофъ, Якунчиковъ, Кононовъ, Власовъ, Соловьевъ, Базилевскій, Мамонтовъ. Набирались они изъ разнообразныхъ слоевъ общества. Одинъ изъ крупнѣйшихъ носилъ на лицѣ рубецъ отъ удара косушкой, нанесеннаго въ кабакѣ, когда милліонеръ былъ еще бѣднякомъ. Про другого говорили, что онъ началъ еще скромнѣе, перенося по грязи на своей спинѣ офицеровъ въ какомъ-то захолустномъ городишкѣ Западнаго края.

Первымъ по богатству считался Бенардаки, изъ кандіотскихъ грековъ. Въ это время славился богатствомъ въ Таганрогѣ Алфераки, отцу котораго Екатерина II пожаловала на югѣ огромныя земли.

Одинъ таганрогскій грекъ, описывая роскошь дома Алфераки, разсказывалъ, что Алфераки обѣдаетъ въ восемь часовъ вечера. Въ то время въ провинціи обѣдали въ два.

— Когда же обѣдаетъ тогда Бенардаки? — спросилъ съ удивленіемъ другой грекъ.

— На другой день!

Отставной подпоручикъ Бенардаки нажилъ огромное состояніе своимъ умомъ и ловкостью. Человѣкъ онъ былъ необыкновенной доброты, готовый услужить, и весьма серьезно, всѣмъ и каждому. Многіе наживали благодаря ему цѣлыя состоянія. Въ это время онъ былъ не только откупщикомъ, но и крупнымъ помѣщикомъ, овцеводомъ, горнымъ заводчикомъ и золотопромышленникомъ; дочь его вышла замужъ за французскаго посла въ Петербургѣ, а сынъ славился своимъ остроуміемъ въ высшемъ обществѣ.

Греки играли вообще видную роль въ откупахъ, всѣмъ извѣстны богатства Варваци и Агтея Абазы. Алафузовъ также началъ въ откупахъ. Отца его зналъ Муравьевъ Карскій и, замѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ большія способности, поручилъ ему во время войны ни мало, ни много, какъ доставку черезъ Кавказскій перевалъ зимою осадной артиллеріи, отъ чего подрядчики военнаго вѣдомства рѣшительно отказывались. За это блестящее дѣло Алафузовъ сталъ factotum'омъ сурового намѣстника, позволявшаго себѣ самое грубое обращеніе даже съ крупнѣйшими генералами.

Первую роль по уму среди откупщиковъ игралъ Кокоревъ, о которомъ, какъ равно о Соловьевѣ и Базилевскомъ, я еще буду не разъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ. За Кокоревымъ стѣною шли откупщики-москвичи. Это былъ рѣдкихъ способностей самоучка; онъ былъ не только добрый человѣкъ, но и любилъ играть роль благодѣтеля à la Монте Кристо.

Смотритъ, напримѣръ, Кокоревъ въ окно, видитъ, идетъ чиновникъ съ ужасно грустной физіономіей, посылаетъ спросить, отчего грустъ? Отвѣтъ: жена больна, денегъ нѣтъ. Приказъ питейной конторѣ выдать 1,000 рублей.

Тогдашняя сатирическая печать наиболѣе изощряла свое остроуміе изъ откупщиковъ надъ Воронинымъ (въ «Искрѣ» Сорокинымъ), имѣвшимъ чуть ли не 60 домовъ въ столицѣ, и Утинымъ (по «Искрѣ» Ицко Гусевъ). Огромное состояніе Воронина, начавшаго свою карьеру, по слухамъ, кучеромъ, раздробилось; долѣе другихъ удерживалъ свою часть сынъ Михаилъ, извѣстный ботаникъ.

Голенищевъ былъ большой гастрономъ. Разстроивъ себѣ здоровье, онъ былъ приговоренъ знаменитыми врачами къ смерти, вдругъ явился фельдшеръ—имя я позабылъ, но объ этомъ говорилъ весь Петербургъ — и предложилъ за 30,000 руб. спасти больного. И дѣйствительно откупщикъ поправился. Къ сожалѣнію, онъ не удержался и заѣхалъ къ Смурову попробовать какого-то страсбургскаго пирога, отчего снова захворалъ и померъ.

Каншинъ, послѣ Бенардаки и Кокорева, едва ли не былъ тогда крупнѣйшимъ изъ откупщиковъ. Состояніе его также раздробилось. Одинъ изъ его сыновей написалъ книгу о гастрономіи и до смерти не признавалъ пользы отъ желѣзныхъ дорогъ, другой прославился тѣмъ, что заплатилъ въ Москвѣ 3,000 руб. за честь съѣсть ученаго поросенка!

Утинъ началъ карьеру болѣе чѣмъ скромно въ какомъ-то захолустномъ городкѣ Сѣверо-Западнаго края. Человѣкъ необыкновенно доброй души, онъ былъ весьма популяренъ въ Петербургѣ, сыновьямъ своимъ далъ прекрасное воспитаніе, дочь выдалъ замужъ за профессора Стасюлевича, но состояніе помѣстилъ неосторожно въ постройку огромнаго дома, проектъ котораго архитектора Кузьмина былъ забракованъ, какъ проектъ дворца для в. к. Николая Николаевича. Домъ по тому времени считался чудомъ петербургской архитектуры, но, обойдясь свыше 3 милліоновъ, разстроилъ дѣла строителя.

Гинсбургъ, также изъ небогатыхъ евреевъ Западнаго края, купилъ свое баронство у герцога Гессенъ-Дармштадтскаго. Онъ держалъ между прочимъ откупъ въ Севастополѣ, во время осады, гдѣ, конечно, прекрасно заработалъ. Повѣренный его, Ярославскій, разсказывалъ мнѣ потомъ, что оставилъ Южную сторону съ кассою однимъ изъ послѣднихъ, чуть ли не одновременно съ командующимъ гарнизономъ.

Если не отъ печати, то отъ добрыхъ петербургскихъ язычковъ особенно доставалось откупщику бар. Фитингофу, владѣльцу дома у Поцѣлуева моста, построеннаго Бонгардтомъ, моднымъ тогда въ Петербургѣ нѣмецкимъ архитекторомъ, соорудившимъ затѣмъ въ Берлинѣ зданіе рейхстага. Баронъ служилъ неистощимой темой для скандалезной хроники. Это былъ тоже доброй души любезный человѣкъ, большой охотникъ поволочиться, и числу его метрессъ, по его лѣтамъ несомнѣнно платоническихъ, не было, кажется, конца.

Среди откупного міра были и отрицательныя явленія. Такъ въ разсказываемое время откупщикъ Гарфункель, имѣвшій красавицу-жену, преспокойно, оставивъ $1^1/_2$ милліона долга, удралъ въ Парижъ и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ вести тамъ роскошный образъ жизни.

Возвращаюсь опять къ своему корпусу. Въ началѣ 60-хъ годовъ, по желанію расширить спеціальное образованіе, было начато преобразованіе Путейскаго, Горнаго, Лѣсного и Межевого институтовъ въ открытыя учебныя заведенія. Для этого военное устройство временно было сохранено, но пріемъ новыхъ кадетъ прекращенъ, прекратилось и участіе въ парадахъ и разводахъ.

Парады не обходились въ означенный періодъ безъ исторій. За ослушаніе, выразившееся въ томъ, что кадеты лѣзли толпою впередъ, мѣшая церемоніальному маршу, а посланному ихъ прогнать генералу ткнули штыкомъ въ крупъ лошади, всѣ кадетскіе корпуса были наказаны безъ отпуска. Сидѣлъ дома и нашъ корпусъ, что обратило воскресенье, благодаря приходу родственниковъ, въ какой-то базаръ. Особенно бушевалъ Дворянскій полкъ, гдѣ было до тысячи великовозрастныхъ кадетъ, составлявшихъ на парадахъ два батальона. На церемоніальномъ маршѣ на Царицыномъ лугу «дворяне», чтобъ напугать начальство, преспокойно затянули на мотивъ «Еще польска не сгинела» свою пѣсню:

Ей, дворяне, гадьте
Да не робѣйте,

и только приближаясь къ государю умолкнули. Это было мщеніе за времена Пущина, который для сѣченія въ манежѣ дворянъ кричалъ не «розогъ», а «лѣсу!»

Все зарожденіе либеральнаго движенія прошло передъ моими глазами. Помню общій восторгъ въ Россіи при извѣстіи объ увольненіи гр. Клейнмихеля. Помню, какъ начали травить въ Петербургѣ генераловъ, ставшихъ страшно непопулярными изъ-за Крымской войны. Помню успѣхъ программы фантастическаго концерта въ честь ста генераловъ, уволенныхъ отъ службы Сухозанетомъ, гдѣ министры и др. государственные люди пѣли соотвѣтствующіе ихъ дѣятельности романсы. Помню появленіе и чрезвычайный успѣхъ изданій Герцена.

Демонстрировали не только кадеты. Директоръ провіантскаго департамента Булгаковъ былъ уволенъ отъ службы за то, что на офиціальномъ обѣдѣ провозгласилъ тостъ за Разина и Пугачева, какъ первыхъ освободителей крестьянъ! Демонстрацію сдѣлали даже правовѣды въ день 25-лѣтія своего училища. Демонстрировали и военные, такъ Инженерная академія была распущена за подачу ея слушателями прошенія скопомъ объ увольненіи.

Реформа корпуса немедленно отозвалась на его режимѣ, а такъ какъ это былъ моментъ общаго оживленія и движенія среди учащейся молодежи, то можно себѣ представить, какъ быстро установилось безначаліе. Военный порядокъ оставался только для виду и никого не стѣснялъ; начальство больше боялось кадетъ, нежели кадеты начальства. Штрафныя книги были отмѣнены, а о розгахъ и помина не было.

Прежде всего кадеты отпустили длинные волосы и стали причесывать виски назадъ. На лекціи кромѣ какъ къ нѣкоторымъ профессорамъ изъ первой роты ходили только по два и по три «примѣрныхъ». Остальные оставались въ ротѣ и валялись по кроватямъ. Идутъ, бывало, дежурный офицеръ, за глупость прозванный иронически «Мефистофелемъ», или новый ротный командиръ, добродушный польскій толстякъ Грибовскій, по прозванію «Жибунъ», и покрикиваютъ. При ихъ прохожденіи кадеты лѣниво подымаются, но затѣмъ немедленно ложатся.

«Колоколъ» и другія революціонныя изданія аккуратно получались и читались въ корпусѣ. Особенный успѣхъ имѣли литографированные студентами университета переводы Бюхнера «Матерія и сила» и Фейербаха «Сущность христіанства». Въ видѣ протеста кадеты передъ причастіемъ ѣли на глазахъ начальства

пироги съ кашею. Начали проникать и прокламаціи и приходили кадеты изъ разныхъ корпусовъ, особенно поляки, для переговоровъ о какихъ-то организаціяхъ.

Кадетъ начали отпускать ежедневно въ отпускъ и вмѣсто приготовленія уроковъ они проводили время въ театрахъ, а то и по ресторанамъ и трактирамъ. Такъ какъ являться дежурному офицеру все-таки было обязательно, то, возвращаясь, подгулявъ, по дорогѣ на острову кадеты подходили, держа отпускной билетъ въ рукѣ, къ фонарнымъ столбамъ со словами: «г. поручикъ, честь имѣю явиться, изъ отпуска прибылъ», а товарищи смотрѣли, не покачивается ли подходившій.

Начальство радо было, что хоть музыка и театръ отвлекаютъ наши мысли отъ политики. Фронту болѣе не учили, а на урокахъ танцевъ и по вечерамъ, подъ звуки фортепіано (корпусный оркестръ, за упраздненіемъ кантонистовъ, разстроился), мы, подъ именемъ гросфатера, танцовали самый отчаянный канканъ.

Горный институтъ издавна впрочемъ славился своею любовью къ театру. Изъ этого заведенія вышли Каратыгинъ, Самойловъ, Брянскій. Въ корпусѣ даже былъ особый домашній театръ, гдѣ режиссерствовалъ извѣстный водевилистъ Ониксъ—псевдонимъ нашего профессора начертательной геометріи, впослѣдствіи начальника Монетнаго двора, горнаго генерала Ольховскаго. Артистическія традиціи твердо сохранялись въ институтѣ. При мнѣ, впрочемъ, кадеты играли болѣе лѣтомъ на дачѣ, но зато зимою корпусъ представлялъ совершенную консерваторію; всѣмъ были розданы казенные инструменты (въ корпусѣ былъ особый оркестръ изъ писарей и кантонистовъ, подъ который мы ежедневно частенько отплясывали), а потому только и слышались звуки волторнъ, тромбоновъ и віолончелей. Какъ бы раздѣляя кадетскій принципъ, что «утромъ полезно гулять, а вечеромъ вредно заниматься», начальство возило насъ то и дѣло на казенный счетъ въ театръ, по большей части въ русскую оперу. Въ галерею 1-го яруса, гдѣ я еще кадетомъ былъ абонированъ, или въ французскій театръ въ балконъ. Въ кресла ходить кадеты тогда права не имѣли.

При такихъ занятіяхъ, конечно, театральные вопросы насъ очень занимали и въ химической лабораторіи, служившей клубомъ, пока наши колбы и реторты кипятились и растворы процѣживались, мы ежедневно по часамъ спорили о сравнительномъ достоинствѣ Тамберлика и Кальцолари. Профессоръ аналитической химіи, полковникъ Ивановъ, ярый театралъ, принималъ лично горячее участіе въ этихъ спорахъ. Случалось, что стклянки лопались въ песчаныхъ баняхъ во время этихъ споровъ и добродушный Ивановъ подсказывалъ намъ количество того или другого погибшаго элемента, почти уже готоваго къ опредѣленію.

Истощивъ всѣ аргументы въ защиту своего героя, одинъ кадетъ говорилъ другому: «Тамберликъ куда выше, онъ, говорятъ, и не пьетъ ничего кромѣ водки, а твой Кальцолари питается молокомъ!»

Тамберликъ былъ тогда кумиромъ не однихъ кадетъ. Въ значительной части петербургскихъ кружковъ буквально ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о Тамберликѣ, что остроумно описалъ въ одной изъ своихъ повѣстей Николай Успенскій. Трудно выдумать картину болѣе эффектную, чѣмъ та, какая представлялась ежегодно въ бенефисъ Тамберлика. Давался обыкновенно «Otello», и при появленіи тенора въ гондолѣ въ 1-мъ актѣ буквально весь театръ, даже дамы въ ложахъ, вставали съ своихъ мѣстъ и неистовыя оваціи продолжались минутъ пять.

Молодежь просто боготворила Тамберлика; оваціи были особенно сильны тамъ, гдѣ видѣли малѣйшій случай для намековъ на тогдашнія либеральныя вѣянія. Фразу: «Cercar la liberta!» въ «Вильгельмѣ Телѣ» заставляли Тамберлика повторять по три и по пяти разъ. Такой же успѣхъ имѣлъ потомъ дуетъ Граціани съ Анджіолини въ «Puritani», заканчивавшійся словами «Gridande liberta!»

Галерея 1-го яруса и примыкавшій къ ней такъ называемый «ящикъ», т. е. парадизъ, изъ котораго ровно ничего не было видно, какъ и изъ средней части галереи, биткомъ набитыя народомъ, представляли оживленную картину. Проходы также были полны и за право постоять капельдинеры взимали съ любителей bel canto по рублю. Во время представленія мы не стѣснялись разстегиваться, снимать галстуки, а аплодировали такъ, что мундиры у насъ постоянно были съ заплатами подъ мышками. Въ антрактахъ мы пили воду ковшомъ прямо изъ ведра и неистово спорили изъ-за достоинствъ того или другого артиста.

Особенно много было ожесточенныхъ споровъ изъ-за Барбо, красавицы съ сквернымъ голосомъ. За красоту мы ее поддерживали съ такимъ жаромъ, что чуть не дрались съ противной партіей въ антрактѣ. Мужъ артистки, ея горничная и даже собака были предметомъ нашего особаго вниманія на театральномъ подъѣздѣ. Она насъ всѣхъ знала, раздавала фотографическія карточки съ надписями и дозволяла цѣловать свои ручки. Я помню, какъ одинъ высокопоставленный теперь мужъ, а тогда кадетъ, бросившись цѣловать Барбо и не разсчитавъ времени, поцѣловалъ по ошибкѣ меня. Когда Барбо уѣзжала, мы просто плакали и устроили даже въ корпусѣ родъ ночного богослуженія въ ея честь по особой программѣ съ музыкой изъ оперъ, гдѣ она участвовала.

На масляной театральная горячка доходила до безумія; мы высиживали по два раза въ день въ театрѣ, поѣдая въ промежутокъ блины съ сквернымъ масломъ въ трактирѣ «Роза», vis-à-vis съ Большимъ театромъ; зато первая недѣля поста казалась чѣмъ-то въ родѣ могилы. Это было единственное время, когда я посѣщалъ нѣмецкій театръ, такъ какъ по старинному обычаю нѣмцы играли въ первые два дня поста. Нѣмки въ это время ѣли булочки на розовой водѣ. Теперь и этотъ обычай — увы!— уничтожился.

Подъ впечатлѣніемъ итальянской оперы, особенно «Фаворитки», я написалъ либретто оперы «Донъ Алонзо или наказанный злодѣй», къ которой мой товарищъ Дмитревскій живо скомпилировалъ музыку, и при помощи одного изъ нашихъ учителей, капельмейстера нѣмецкой труппы, оркестровалъ партитуру. Кадеты играли въ оркестрѣ, кадеты пѣли и женскія партіи. По русскому обычаю, ролей никто не зналъ, оркестръ вралъ немилосердно, отличились только солисты на разныхъ инструментахъ, Першке, Бѣлоха и др., но опера имѣла успѣхъ, особенно канканъ, который отплясывали въ оперѣ по случаю пріема испанскимъ королемъ китайскаго посланника! Добродушное начальство только дивилось, гдѣ это мы такъ хорошо выучились канканировать, тогда какъ профессорами танцевъ были у насъ балетные танцоры Эбергардты отецъ и сынъ, строгіе классики.

Выучились же мы, посѣщая Михайловскій театръ, гдѣ тогда каждый спектакль заканчивался водевилемъ съ канканчикомъ,

который превосходно танцовали Дешанъ и Каролина Летесье. Любовь публики къ этому «соединенію природы съ правдою» зависѣла отъ того, что до начала 60-хъ годовъ канканъ и публичные балы были строго запрещены лѣтъ двадцать пять подъ-рядъ.

Первою пьесою, которую я видѣлъ на Михайловскомъ театрѣ, былъ палерояльскій фарсъ «La mariée du Mardi gras». Онъ мнѣ такъ понравился въ исполненіи Леменияля, его жены, Верне, Дешана, его сестеръ Миля и Мальвины, что я послѣ того тридцать восемь лѣтъ подъ-рядъ не пропустилъ въ Михайловскомъ театрѣ почти ни одной субботы, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда отсутствовалъ изъ Петербурга. На Петербургской французской сценѣ перебывала масса отличныхъ артистовъ, но рѣдко публика кого такъ любила, какъ Лемениля (онъ и въ Парижѣ славился въ «Palais Royal»). Только заслышавъ его звучный голосъ за кулисами, уже вся зала мгновенно принимала заразительно веселое настроеніе. Въ труппѣ была и знаменитая нѣкогда красавица наѣздница Лора Басенъ, на которую промотался Новосильцевъ. Актриса она была бездарная.

Субботы Михайловскаго театра тогда были не то, что нынѣшнія. Артисты получали за 15 лѣтъ пожизненныя пенсіи и съ ними нянчились. Публика самая нарядная наполняла биткомъ театръ, въ антрактахъ жгли благовонныя жидкости и самъ министръ, старый графъ Адлербергъ, принималъ живое участіе въ труппѣ. Состоявшія подъ его покровительствомъ знаменитая Минна Ивановна и рыженькая французская артистка Бланшъ возсѣдали въ крайнихъ ложахъ, но довольно высоко. Тогда ложи давались чуть не по чинамъ. Дамы полусвѣта не могли сидѣть ниже бель-этажа; ихъ было множество. Въ началѣ 60-хъ годовъ проѣдались выкупныя бумаги и строились концессіонерами желѣзныя дороги. Денегъ тратилось много; поэтому знаменитыя парижскія гетеры, какъ саранча, налетѣли въ Петербургъ. Въ ложахъ по субботамъ красовались такія знаменитости, какъ Бланшъ д'Антиньи, съ которой Зола списалъ Nana,—она состояла подъ покровительствомъ Мезенцева,—Камилль де-Ліонъ, сестры Фокини, Мебль Грей, Памелла, Берта Девиль, Блекфордъ и др.; не хватало только Баруччи (называвшей себя la grande putana del Mondo).

Изъ пьесъ, которыя я видѣлъ за долгое сидѣніе на Михайловскомъ театрѣ, наибольшій успѣхъ при первомъ представленіи имѣла «Nos intimes» Сарду, несмотря на манерную игру Напталь Арно и Лагранжа.

Въ русской оперѣ я былъ, конечно свидѣтелемъ разныхъ происшествій, между прочимъ спектакля, гдѣ Кравцовъ пѣлъ въ «Отелло». Ходили слухи, что онъ беретъ ut-dies (тогда на тамберликовскомъ ut-dies всѣ были помѣшаны). Кравцовъ оказался пѣвцомъ съ маленькимъ голоскомъ, въ придачу по дорогѣ простудившимся. Булохова-Дездемона также пѣла ужасно. Публика, биткомъ наполнявшая Маріинскій театръ, требовала прекращенія спектакля, особенно бушевали студенты, громогласно вызывая Сабурова. Подъ конецъ всѣ уже орали: «Пса бураго!»

Другой, также любопытный, случай былъ въ «Фра-Діаволо». Лаврова-Спекки, раздѣваясь во 2-мъ актѣ, положила свою юбку на свѣчку и юбка загорѣлась. Спрятавшіеся разбойники, гг. Саріоти и Гумбинъ, выскочили, чтобы потушить огонь, но смѣхъ публики продолжался недолго. Крики «пожаръ!» разогнали публику, къ счастью, немногочисленную. Я видѣлъ при этомъ, какъ люди теряютъ совершенно голову при словѣ «пожаръ». Были дамы, которыя стояли, какъ вкопаныя и кричали: «горимъ», а какой-то господинъ, очевидно мужъ, спустилъ за руки свою жену изъ бель-этажа въ кресла, хотя проще было выйти въ коридоръ. Суматоха, впрочемъ, быстро прекратилась.

Въ балетѣ мнѣ нравилась своею граціею, уже немолодая, Каролина Розатти, и мы защищали ее на верхахъ; къ борьбѣ же между Муравьевой и Петипа, раздиравшей тогда балетомановъ, я относился равнодушно.

Когда я переѣхалъ въ Петербургъ, Сосницкій представлялъ уже совершенную руину, хотя публика, по привычкѣ, горячо его всегда принимала. Мартыновъ и Максимовъ умерли вскорѣ послѣ моего пріѣзда и я ихъ мало видѣлъ, зато былъ свидѣтелемъ успѣховъ хорошенькой Снѣтковой 3-й и скоро скончавшейся Брошель, дебюта Сазонова и лучшихъ успѣховъ Линской и Самойлова. Послѣдній долгое время несъ на себѣ серьезный репертуаръ. Ему старались выставить противника въ Васильевѣ 2-мъ, но недостатокъ сценическихъ средствъ и склонность къ вину не позволили по-

слѣднему занять первое мѣсто. Впослѣдствіи, когда я уже окончилъ курсъ, публику заинтересовала оперетка и запѣли Сазоновъ и балетная танцовщица Лядова 2-я, и къ нимъ на помощь взяли изъ Художественнаго клуба куплетиста Монахова.

Съ либеральнымъ направленіемъ измѣнился характеръ чтенія кадетъ. Прежде читали болѣе иностранные романы въ ужасныхъ переводахъ. Переводъ романа Ашара «Королевская охота» начинался помню словами: «Они были оба два», что очевидно означало: ils etaient tous les deux! Вмѣсто «Пикилліо Али-Ага» Скриба или «Мальтійскаго Кавалера» Сю, стали читать Бокля, Драпера, «Морской Сборникъ», «Русское Слово», особенно «Современникъ». Даже учителя, вмѣсто лекцій, читали намъ модный тогда романъ «Откупное дѣло», гдѣ было описано семейство Щербаковыхъ, съ которымъ 15 лѣтъ позже я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Когда вошли въ моду воскресныя школы, мы старались попасть туда преподавателями. Заинтересовало всѣхъ и начало женской эмансипаціи.

Война 1859 г. за освобожденіе Италіи вызвала въ обществѣ чрезвычайный энтузіазмъ. Она была популярна и въ корпусѣ, а имя Гарибальди стало знакомо даже простонародью.

Студенческія демонстраціи по новости произвели очень сильное впечатлѣніе. Изъ оконъ корпуса мы смотрѣли, какъ изъ сосѣднихъ казармъ Финляндскій полкъ [1]) построился и пошелъ подъ командою Ганецкаго для усмиренія университета. Встрѣтивъ на набережной нашихъ профессоровъ Кулибина и Татаринова, забывшихъ отдать ему честь, Ганецкій жестоко ихъ распекъ и обѣщалъ упечь подъ арестъ.

Демонстраціи и у насъ нашли отголосокъ. Возникла полемика въ рукописныхъ журналахъ, а затѣмъ стали устраиваться и въ корпусѣ шумныя демонстраціи подъ всякими предлогами, даже изъ-за того, что разъ подали пироги съ рѣпою! Начальство уволило нѣкоторыхъ агитаторовъ, даже мнѣ Волковъ предлагалъ почему-то оставить корпусъ, но это только содѣйствовало увеличе-

[1]) Въ этомъ полку служилъ Ѳедотовъ; въ числѣ корпусныхъ служителей былъ Коршуновъ, извѣстный денщикъ Ѳедотова, на рукахъ котораго и умеръ въ сумасшествіи знаменитый русскій жанристъ.

нію броженія. Были и пассивные демонстранты: Михайловскій и Дебольскій заявили, что не желаютъ быть офицерами, и нарочно ничего не отвѣчали на экзаменахъ.

Уволенный изъ корпуса, Михайловскій явился къ намъ какъ-то одѣтый дамой подъ зонтикомъ! Мы его торжественно повели въ садъ. Начальство смотрѣло на это какъ на шутку, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нашихъ же профессоровъ любилъ одѣваться въ женское платье и мистифицировать публику.

Свобода, намъ предоставленная, иногда отзывалась и на насъ самихъ. На практику мы ѣздили партіями. Для геологическихъ занятій одною партіей на Волховъ, для практики на заводахъ въ Финляндіи—двумя партіями. На кормъ въ день отпускалось на практикѣ 60 коп. на кадета; начальству партіи на Волховѣ пришла неудачная мысль дать эти деньги на руки кадетамъ въ общую артель. Мы деньги въ первый же день въ Колпинѣ рѣшили большинствомъ голосовъ прокутить, и затѣмъ кадеты, не имѣвшіе своихъ денегъ, едва не умерли отъ голода.

Въ поѣздкѣ на Волховъ я узналъ прелести жизни на нашихъ каналахъ, ознакомился и съ тогдашними сообщеніями на тришкотахъ, которые до сихъ поръ сохраняются въ Голландіи. На нашей баркѣ бечеву тянулъ мальчикъ верхомъ. Рулевой правитъ и все время кричитъ:—Эй, Митюха, не засорь (т. е. не зацѣпи бечевы). Эй, миленькій, не засорь, Эй, родимый, не засорь.—Эй, голубчикъ... Засорилъ, подлецъ, такой сякой! И начинается самая площадная брань.

Такія «засоренія» происходятъ каждыя десять минутъ. Можно себѣ представить, какая брань виситъ въ воздухѣ на нашихъ водяныхъ путяхъ.

Поѣздка по Финляндіи была очень интересна. Нравы были тамъ первобытные, въ баняхъ мужчинъ мыли женщины, правда ужасныя, старыя карги. Тогда еще въ этой странѣ обращались русскія деньги, а въ восточной части русскій языкъ былъ довольно распространенъ. По отходѣ изъ Коневца насъ неистово качало,—въ этотъ день погибъ на озерѣ пароходъ и много судовъ. Дамы и дѣвицы валялись на палубѣ, и матросы спокойно швабрами выметали изъ-подъ ихъ личикъ всякую грязь!

Среди немногихъ не подвергшихся укачиванію пассажировъ былъ полный господинъ съ одутловатою отъ вина физіономіей.

Это оказался извѣстный литераторъ 40—50-хъ годовъ Толбинъ, авторъ «держаться всѣмъ средствіемъ впередъ, отнюдь не опираясь на оное». Талантливый жанристъ былъ горчайшимъ пьяницей. Въ то время пьянство вообще среди литераторовъ, художниковъ и актеровъ было чрезвычайно распространено. Вступивъ еще кадетомъ въ литературный кругъ, я былъ пораженъ количествомъ пьяницъ. Особенно отличались по этой части Мей, Деммертъ, Помяловскій, Генслеръ, Кущевскій, Чернявскій, Курочкинъ, Ник. Успенскій, Минаевъ, С. Муравьевъ, І. Шишкинъ, Щаповъ.

Мѣстность Коневца оригинальна. Среди сосноваго лѣса находится знаменитый гигантскій валунъ Конь-Камень. Монастырь служилъ мѣстомъ ссылки изъ другихъ монастырей, монахи отличались пьянствомъ.

Валаамъ еще живописнѣе. Это сѣверные Борромейскіе острова. Суровый игуменъ Дамаскинъ, у котораго мы пили чай, деспотически подтянулъ братью и на изобильныя пожертвованія петербургскихъ купчихъ хорошо обстроилъ монастырь.

Ѣздили мы по Финляндіи въ классическихъ таратайкахъ безъ ямщиковъ (я съ Дебольскимъ), кушали гравелаксъ (свѣжую семгу), кнекеброды (сухія лепешки) и кислое молоко-варенецъ, которое такъ тянется, что, взявъ ложку, можно, кажется, идти полверсты, а оно все будетъ тянуться. Шведская манера подавать кушанья, начиная съ сладкаго супа и оканчивая телятиной, поражала насъ, но вообще Финляндія, несмотря на ея дождливый климатъ, производила пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что у заводчиковъ мы встрѣчали довольно радушный пріемъ. Это радушіе было даже причиною комическаго случая. Слушатель института морской артиллеристъ Н.—вдругъ сдѣлалъ предложеніе дочери барона Р. Оказалось, что шведка не понимала ни слова по-русски, но охотно качалась съ офицеромъ, не знавшимъ ни одного языка, на скамейкѣ! Бароны страшно обидѣлись. Главное занятіе мѣстнаго общества, кромѣ ѣды, состояло тогда въ качаніи на качалкахъ и длинныхъ шведскихъ скамейкахъ.

Почтовая повинность въ Финляндіи была еще натуральною. Крестьяне пріѣзжали на станціи въ таратайкахъ съ своими знаменитыми лошадьми, которыя, не видя въ жизни овса, а иногда и сѣна, бѣгутъ какъ угорѣлыя. Дороги вездѣ въ Финляндіи, гдѣ гра-

нитная щебенка нипочемъ, отличныя, но очень узкія и мосты такъ расположены, что буквально приходится иногда прицѣливаться, чтобы на нихъ попасть.

Въ Питкарандскомъ заводѣ управляющій изъ раскольниковъ поморской секты очень полюбилъ меня за то, что я не курилъ и отлично зналъ русскую исторію. «Совсѣмъ внучекъ Карамзина», говорилъ онъ обо мнѣ. Я не подозрѣвалъ, что встрѣчу потомъ на литературномъ пути другого «внука Карамзина», который неизвѣстно, куритъ ли и знакомъ ли съ русской исторіей?

Изъ Питкаранды мы проѣхали въ большой лодкѣ по Ладожскому озеру въ Сердоболь, оттуда на почтовыхъ по весьма живописной мѣстности въ Борго и Гельсингфорсъ. Въ столицѣ Финляніи мы прожили весело, осматривая университетъ и окрестности и ухаживая за горничными въ гостиницахъ (это шведская мода). Изъ Гельсингфорса мы проѣхали на знаменитый древній мѣдный рудникъ Оріярви, заводы Фискарсъ, Дальсбуркъ и др. и моремъ шхерами вернулись обратно.

ПОЛИЦІЯ.—ПОЖАРЪ ТОЛКУЧКИ.—ВОЕННАЯ АКАДЕМІЯ.—ПУЛКОВО.

X.

Въ концѣ пребыванія въ Горномъ корпусѣ мнѣ пришлось познакомиться близко съ положеніемъ тогдашней столичной полиціи. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ по Петербургской сторонѣ гвардейскій полковникъ Щетининъ былъ приглашенъ новымъ оберъ-полицмейстеромъ гр. Шуваловымъ въ частные пристава сначала 4-й, а потомъ 2-й Адмиралтейской части, той самой части, о которой кн. Меншиковъ по поводу перешедшаго туда изъ флота офицера, сказалъ: «Всѣ части свѣта обошелъ, а лучше 2-й Адмиралтейской не нашелъ».

Приставъ жилъ въ части на Офицерской. Домъ ея былъ противъ весьма извѣстнаго тогда особенно въ театральномъ мірѣ «Hôtel du Nord» и рядомъ съ разрушеннымъ зданіемъ (нынѣ обращеннымъ въ полицейскій архивъ), которое носило названіе «развалинъ древняго Карѳагена». На лежащемъ тоже визави Львиномъ мостикѣ я едва разъ не былъ убитъ, встрѣтивъ сумасшедшаго, совершенно голаго, размахивавшаго топоромъ.

Чѣмъ была тогда полиція, видно изъ того, что московскій оберъ-полиціймейстеръ Цинскій, извѣстный своимъ тупоуміемъ, вступая въ должность, сказалъ частнымъ приставамъ: «Господа, не забывайте, что мы живемъ въ шестнадцатомъ столѣтіи!»

Будущій авторъ Берлинскаго трактата пожелалъ улучшить и составъ полиціи и ея патріархальные нравы; до того улучшеніе

состояло въ перемѣнѣ формъ, дошли даже до какихъ-то смѣшныхъ касокъ съ бомбами безъ пламени.

Полиція жила взятками, примѣры ей подавались свыше. Калужскій губернаторъ С., разъѣзжая по своей губерніи, отдавалъ правителю канцеляріи пустой бумажникъ и говорилъ: «Пожалуста производите за меня расходы и возвратите, что̀ останется». По окончаніи поѣздки правитель канцеляріи возвращалъ полный бумажникъ! Такихъ администраторовъ было сколько угодно.

И въ новѣйшія времена можно наблюдать тѣ же явленія. Приставъ угощаетъ обѣдомъ въ ресторанѣ, отдаетъ въ платежъ сторублевую бумажку, ее размѣниваютъ и цѣликомъ приносятъ всю сумму обратно на тарелочкѣ; приставъ даетъ рубль на водку и le tour est joué.

Не измѣнились нравы и по части «свободы рукъ».

Я встаю рано и въ деревнѣ нашелъ какъ-то исправника уже въ мундирѣ. Я выразилъ удивленіе, что онъ такъ рано всталъ.

— Помилуйте, да пока ваше пр-ство пили кофе, я уже человѣкамъ десяти зубы успѣлъ начистить,— скромно замѣтилъ онъ.

Полетика разсказывалъ мнѣ, что молодымъ горнымъ офицеромъ онъ какъ-то ѣздилъ по Алтаю съ исправникомъ. Къ исправнику являлись старосты и старшины съ докладами и приносили деньги, т.-е. собранныя въ пользу полиціи взятки.

Одинъ старшина началъ отсчитывать деньги, кладя сотенныя, пятидесятирублевыя, двадцатирублевыя, десятирублевыя. Вдругъ положилъ рублевку.

— Не пестри, пожалуйста, не пестри,—съ негодованіемъ сказалъ исправникъ, отбросивъ желтую бумажку.

Гр. Шуваловъ на должность приставовъ слѣдственныхъ дѣлъ вмѣсто хапугъ привлекъ правовѣдовъ, а въ наружную полицію гвардейскихъ офицеровъ. Онъ однако не сдѣлалъ самаго важнаго—не измѣнилъ окладовъ содержанія.

Приставъ получалъ тогда 750 руб. въ годъ жалованья, а обязанъ былъ имѣть минимумъ 6 лошадей на конюшнѣ, чтобы всюду поспѣвать. Изъ своихъ средствъ онъ давалъ добавочное жалованье письмоводителю, у котораго дѣлъ было не менѣе, чѣмъ въ любомъ департаментѣ, ибо тогда на полицію возлагались безчисленныя обязанности, исполняемыя теперь разными чинами судебнаго вѣдомства и города.

Понятно, что жить было нужно, и если гвардейцы отмѣнили грубое вымогательство, то не могли отказаться отъ такъ называемыхъ «праздничныхъ». Обычай этотъ состоялъ въ томъ, что къ новому году всѣ домовладѣльцы и хозяева фабрикъ, трактировъ, публичныхъ домовъ и т. п. присылали или приносили въ незапечатанныхъ конвертахъ опредѣленныя суммы денегъ: приставу обыкновенно 25 руб., квартальному 10 руб., а тѣ уже давали отъ себя своимъ подчиненнымъ. Праздничнымъ велись списки и сравнительная съ прежними годами статистика.

По составленному кѣмъ-то для гр. Шувалова политико-экономическому этюду, въ среднемъ очищались разныя цифры, смотря по мѣстностямъ. Приставъ 3-й части получалъ до 15,000 р., 2-й части 10,000 р., Васильевская, Московская и Литейная были выгодны; наоборотъ, Выборгская доставляла не болѣе 3,000 р. Получали болѣе того нѣсколько квартальныхъ, а квартальный Сѣнной (мѣсто, занимавшееся тогда Шерстобитовымъ, пользовавшимся репутаціей искуснаго сыщика, унаслѣдованную потомъ Путилинымъ) получалъ 12,000 р.

Неоднократно я былъ свидѣтелемъ, лежа съ книгою въ кабинетѣ пристава, какъ по очереди разныя m-mes Telier входили разодѣтыя en dames du monde и, потупя взоры, подавали конвертики, содержаніе которыхъ провѣрялось при приносительницахъ и вносилось въ списокъ. Все это казалось нормальнымъ...

Полицейская служба ужасно безпокойна, и въ полицейскихъ домахъ творятся чудеса. Неоднократно ночью въ томъ же кабинетѣ меня будили и туда приводили взятыхъ за буйство въ нетрезвомъ видѣ такихъ людей высшаго круга, о которыхъ нельзя было и подумать, что они когда-либо могутъ попасть въ часть. Обыкновенныхъ же пьяныхъ приводили каждый день десятками и по вытрезвленіи, влѣпивъ надлежащее число розогъ, заставляли, «не взирая на чинъ», мести улицы.

4-я часть (Коломна) мирный уголокъ, но 2-я часть (нынѣ Казанская) тогда была центромъ увеселеній и проституціи, поэтому здѣсь курьезнымъ сценамъ не было конца. И въ домѣ 4-й части я былъ свидѣтелемъ забавнаго эпизода.

Отецъ Щетинина, престарѣлый генералъ, бывшій командующій войскъ въ Сибири, вставалъ по-суворовски, въ 4 часа утра, и бродилъ съ костылемъ по квартирѣ. Какъ-то онъ наткнулся на дверь, которая не отворялась, будучи забарикадированною; генералъ толкнулъ нетерпѣливо дверь, она отворилась, но барикада посыпалась. Комната оказалась старой французской гувернантки, которая, выскочивъ въ одной рубашкѣ, упала на колѣни съ крикомъ: «respectez mon innocence!» Взбѣшенный генералъ вытянулъ эту «невинность» раза два своей палкой... Гувернантку смѣнили и замѣнили молодою смолянкою, въ которую я поспѣшилъ влюбиться.

Щетининъ былъ два раза женатъ, первый разъ на дочери учителя французскаго языка, второй разъ на танцовщицѣ. Онъ очень любилъ театръ, и такъ какъ въ его части были Большой и Маріинскій театръ, т. е. и опера и балетъ, то я подъ его покровительствомъ чуть не каждый день бывалъ даромъ въ театрѣ. Благодаря ему я видѣлъ зрѣлище и поэффектнѣе всѣхъ театровъ.

Я былъ въ Духовъ день 1862 г. у Щетинина на дачѣ, около Дома сумасшедшихъ, когда, около 5 часовъ, мы увидѣли надъ Петербугомъ столбъ густого дыма. Скоро прискакалъ полицейскій съ депешею, что горитъ толкучка и вызваны всѣ части. Приставъ немедленно поскакалъ на мѣсто и взялъ меня съ собою. Такимъ образомъ я былъ близкимъ свидѣтелемъ грандіознѣйшаго бѣдствія.

Толкучка была дорога моему сердцу: съ дѣтства я имѣлъ страсть къ книгамъ и чтенію, всѣ свои кадетскія деньги я употреблялъ на покупку книгъ и карманы моего военнаго пальто были вѣчно набиты книгами. Покупалъ я ихъ по большей части на толкучкѣ, представлявшей тогда громадный складъ книгъ, нѣчто въ родѣ кладбища русской литературы, потому что и въ то время у насъ издавалось книгъ больше, чѣмъ читалось.

Горѣло огромное пространство между Садовой и Троицкой, но самое сильное пожарище было на Щукиномъ дворѣ и въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Чернышевъ переулокъ представлялъ буквально адъ. На то, чтобы отрѣзать огонь отъ сосѣднихъ Государственнаго банка, Гостинаго двора и Пажескаго корпуса, и были главнымъ образомъ направлены усилія пожарныхъ; другія мѣста отстаивались слабо. И я качалъ на этомъ углу съ публикою воду по цѣлымъ часамъ.

Пробравшись съ трудомъ на площадь передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я увидѣлъ любопытную картину. Площадь, окутанная густымъ ѣдкимъ дымомъ, была завалена горою изъ дѣлъ министерства. Фонтанка у Чернышева моста была сплошь покрыта мебелью и экипажами. По ней свободно ходили по морю аки по суху. Взобравшись на гору казенныхъ дѣлъ, я развернулъ обложку лежавшаго наверху дѣла и прочелъ рапортъ бывшаго тогда въ Камчаткѣ губернаторомъ адмирала Завойки.

Сцены трагическія смѣшивались на улицахъ съ комическими. Товары были всюду раскиданы. Ходили по бархту и матеріямъ. Множество людей рыдало, были сумасшедшіе отъ горя, много пьяныхъ, то и дѣло хватали мазуриковъ, воровашихъ выбрасываемыя изъ сгорѣвшихъ домовъ вещи. Щербаковъ переулокъ былъ полонъ полунагими проститутками, кричавшими благимъ матомъ. Вообще улицы не только близъ пожара, но и сосѣднія были набиты народомъ, а на Невскомъ совсѣмъ устроилось гулянье: всѣ трактиры и рестораны открылись и отлично торговали.

Я не спалъ всю ночь, оставаясь на пожарѣ до 11 часовъ утра, и никакого утомленія не чувствовалъ. Тѣ, кто присутствовали при послѣднемъ днѣ Помпеи или разрушеніи Трои, должны были испытывать подобный же подъемъ нервовъ.

Помню очень хорошо день опубликованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Ждали его нетерпѣливо почти четыре года и, по русскому обычаю, уставъ ждать, встрѣтили чрезвычайно вяло и равнодушно. Говорю о Петербургѣ; я нарочно, пользуясь тѣмъ, что погода была довольно теплая, обошелъ нѣсколько церквей и нигдѣ не замѣтилъ особаго оживленія; попы своимъ чтеніемъ сдѣлали еще болѣе непонятнымъ плохо написанный престарѣлымъ Филаретомъ манифестъ.

Все, что написали о какихъ-то восторгахъ народа въ этотъ день г-жа Штакеншнейдеръ и др., положительно невѣрно.

Единственная манифестація около Михайловскаго манежа произошла не spontanement, а была устроена Полетикой при помощи рабочихъ съ Невскаго завода. Полетикѣ хотѣлось досадить III отдѣленію, которое вызывало его за рѣчь, произнесенную на могилѣ

бывшаго директора горнаго департамента Бегера, одного изъ участниковъ въ выработкѣ Положенія о крестьянахъ. Рѣчь была напечатана въ «Сѣв. Пчелѣ» и въ ней въ концѣ говорилось: «Мы придемъ на твою могилу прочесть манифестъ объ освобожденіи крестьянъ». Полетику пригласили въ III-е отдѣленіе:

— Кто вамъ сказалъ, что будетъ освобожденіе крестьянъ и что по этому случаю будетъ опубликованъ манифестъ?—прикрикнулъ на Полетику кн. Долгоруковъ. — Прошу быть впредь осторожнѣе.

Приглашеніе къ Цѣпному мосту, гдѣ новый

Стоитъ на видъ весьма красивый домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ,

было въ то время не очень лестно. Не забыты были еще времена, когда тамъ, по слухамъ, отечески посѣкали приглашенныхъ, опуская въ особомъ креслѣ, хотя покойный Романченко, бывшій секретатемъ при семи шефахъ жандармовъ, клялся мнѣ, что означенныя кресла—легенда, ни на чемъ не основанная. Но если не сѣкли, то и не баловали. Валентинъ Коршъ разсказывалъ мнѣ, что Дудышкинъ, бывшій соредакторъ «Отечественныхъ Записокъ», на его жалобы на угнетеніе печати, какъ-то сказалъ ему: «Вы вотъ жалуетесь, а вотъ пожили бы при Дубельтѣ, когда нельзя было быть приглашеннымъ въ III отдѣленіе, чтобы не получить по зубамъ!»..

Исторія освобожденія извѣстна только съ внѣшней стороны. Съ интимной она пока не тронута. Огромную роль за кулисами въ этомъ дѣлѣ играла несомнѣнно баронесса Эдита Раденъ, вліявшая на великую княгиню Елену Павловну, а та съ своей стороны воздѣйствовала на Александра II, какъ извѣстно наслѣдникомъ рѣзко высказывавшагося за крѣпостное право и, вступивъ на престолъ, уволившаго немедленно изъ министровъ Бибикова, анти-крѣпостническая дѣятельность котораго въ Юго-Западномъ краѣ была многимъ непріятна.

Увольненіе Бибикова объясняли еще тѣмъ, что по одному раскольничьему дѣлу, разбиравшемуся въ Комитетѣ Министровъ, гдѣ были замѣшаны богатые раскольники, крѣпостные кн. Орлова, Александръ II, бывшій тогда наслѣдникомъ, говорилъ противъ

Бибикова. Послѣдній послѣ засѣданія сказалъ цесаревичу: «Русскіе люди такъ и думаютъ, васъ настроилъ князь Орловъ». Эта дерзость и вызвала возмездіе.

Относительно Раденъ замѣчу, что во всемірной исторіи роль играютъ не всегда крупныя личности. Самое сильное вліяніе на ходъ событій послѣднихъ четырехъ вѣковъ имѣли не Карлъ V, Людовикъ XIV, Петръ или Наполеонъ, а Колумбъ и Кальвинъ.

Вотъ малоизвѣстная страничка изъ первыхъ шаговъ по освобожденію крестьянъ. Первымъ изъ русскихъ дворянствъ просило о реформѣ, какъ извѣстно, нижегородское. Это всѣхъ удивило, потому что нижегородское дворянство славилось очень консервативнымъ духомъ. Произошла же просьба благодаря находчивости губернскаго предводителя дворянства.

Когда пришелъ секретный циркуляръ Ланского, чтобы побуждать дворянство идти навстрѣчу желанію правительства объ эмансипаціи, нижегородскій губернаторъ, декабристъ Муравьевъ, былъ въ смущеніи, зная мѣстное настроеніе. Выручилъ его предводитель. Онъ посовѣтовалъ прежде обсужденія вопроса угостить дворянство хорошимъ завтракомъ. «Когда русскій дворянинъ хорошо поѣлъ, онъ все подпишетъ»,—сказалъ предводитель. Такъ и было сдѣлано.

Послѣ очень основательнаго завтрака Муравьевъ заявилъ о новой «милости», пришедшей изъ Петербурга, и предложилъ подписать заранѣе заготовленный благодарственный адресъ. Дворянство зашумѣло, заспорило, но пищевареніе сдѣлало свое. Спорить долго было лѣнь, языки неохотно ворочались, у многихъ явилось примирительное настроеніе, а немногихъ упорствовавшихъ уговорили не протестовать, чтобы не портить общаго впечатлѣнія, и при крикахъ «ура!» адресъ былъ подписанъ [1]).

Наиболѣе стойкимъ оказалось калужское дворянство, подавшее адресъ послѣднимъ.

Я ужъ упоминалъ, что ходилъ въ отпускъ къ единственному оказавшемуся у меня въ Петербургѣ родственнику, двоюродному брату Глѣбу Скальковскому, офицеру л.-гв. Волынскаго полка.

---

[1]) Г. Стремоухов, помнящій ту эпоху, выразилъ сомнѣніе въ справедливости этого анекдота.

Онъ окончилъ курсъ въ Артиллерійской академіи и слушалъ курсъ вновь тогда учрежденнаго геодезическаго отдѣленія Военной академіи.

Кузенъ мой имѣлъ большую способность къ математикѣ, любилъ ее, преклонялся передъ Гаусомъ и Беселемъ, боготворилъ Лагранжа, а въ Артиллерійской академіи его очень любилъ за это знаменитый тогда математикъ академикъ Остроградскій, сидѣвшій въ юности, по слухамъ, въ Парижѣ въ долговой тюрьмѣ и тамъ-то въ уединеніи обдумавшій мемуаръ «Sur la propagation des ondes», который выдвинулъ его впередъ. Я слышалъ много разсказовъ объ Остроградскомъ.

Онъ былъ лѣнивъ и неопрятенъ. Свои вычисленія онъ выводилъ на лекціяхъ мѣломъ не на доскѣ, а на столѣ и стиралъ мѣлъ не губкой, а салфеткою, которой по разсѣянности теръ свой вытекшій глазъ и потъ на лицѣ! Остроградскій вообще отличался разсѣянностью, каковою славятся и другіе математики.

Дурныхъ учениковъ онъ называлъ «водовозами» и «землемѣрами». Послѣдняя кличка произошла оттого, что какъ-то у себя въ деревнѣ въ Малороссіи, видя работающаго землемѣра, онъ спросилъ: «Отчего это онъ вычисляетъ площади треугольниковъ геометрически, а не тригонометрически, что скорѣе?»—Такъ губернскій землемѣръ приказалъ, отвѣчалъ наивный межевикъ.

Остроградскій остроумно увѣрялъ, что наше ученіе состоитъ въ томъ, что воспитанника, какъ пушку, заряжаютъ для экзамена послѣ котораго, какъ послѣ выстрѣла въ пушкѣ, въ головѣ ничего не остается.

Въ постановкѣ балловъ Остроградскій былъ очень строгъ и никому не ставилъ полнаго балла. «Одному Богу, говорилъ онъ, поставилъ бы 12, себѣ 11, вамъ же болѣе 10 никакъ не могу».

Въ геодезическомъ отдѣленіи надобно было пробыть четыре года, два въ Военной академіи и два на Пулковской обсерваторіи. За это продолжительное время я успѣлъ перезнакомиться со множествомъ слушателей академіи, а равно съ преподавателями и академическими порядками. Изъ товарищей брата я тогда же познакомился съ Анненковымъ, съ которымъ потомъ работалъ немало вмѣстѣ. Анненковъ былъ у моего брата шаферомъ, а тотъ помогалъ ему въ составленіи возстановленія карты «Книги Большой чертежъ», за что была объявлена географическимъ обществомъ премія. Анненковъ и тогда любилъ заставлять работать за себя другихъ.

Начальникомъ Военной академіи былъ генералъ Стефанъ, скромный и ученый человѣкъ, изобрѣтатель новой мензулы. Его мягкое управленіе составляло контрастъ съ начальствованіемъ Сухозанета, прославившагося и какъ герой Лейпцигскаго сраженія, и какъ жестокій крѣпостникъ, поровшаго даже своихъ главноуправляющихъ на Юрюзанскихъ заводахъ, и какъ картежникъ. Онъ обыгралъ, между прочимъ, знаменитую Рашель, когда она пріѣзжала въ Петербургъ.

Когда Сухозанетъ умеръ въ 1861 году, остряки увѣряли, что гробъ его везли съ червями, а за гробомъ шли попы съ крестами (трефами), музыка съ бубнами и казаки съ пиками.

Онъ былъ ужасно грубъ съ офицерами академіи, заставлялъ ихъ у себя дежурить по ночамъ въ полной формѣ и дожидаться его возвращенія изъ клуба въ 3 и 4 часа ночи. Иногда, впрочемъ, Сухозанетъ смягчался. Вотъ одинъ изъ лучшихъ разсказовъ по этому поводу.

Интендантскій офицеръ игралъ ночью въ горку въ трактирѣ и въ 4 часа утра проигрался; вдругъ ему приходятъ четыре туза. У купца было четыре короля; интендантъ говоритъ: «Мирю и въ гору», купецъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, братъ, такъ нельзя, три тысячи на столъ». У интенданта денегъ уже не было; досада страшная. Онъ вспомнилъ тогда Сухозанета и рѣшилъ ѣхать къ нему попытать счастья. Карты запечатали. Пріѣзжаетъ интендантъ; его не пускаютъ: генералъ вернулся поздно и спитъ. Разбудить во что бы то ни стало и доложить, что по очень важному дѣлу. Разбудили; выходитъ Сухозанетъ въ халатѣ, свирѣпый какъ звѣрь.

— Что такое?

Интендантъ бухъ въ ноги.

— Ваше высо-прство, четыре туза, а купецъ не сдается, требуетъ деньги на столъ!

— Врешь, быть не можетъ!

— Какъ передъ Богомъ.

— Одѣваться!—закричалъ Сухозанетъ и, наскоро одѣвшись и захвативъ съ собою три тысячи рублей, поѣхалъ на разсвѣтѣ

въ невѣдомый трактиръ, чтобы лично убѣдиться въ возможности такой рѣдкой сдачи...

Стефана смѣнилъ потомъ Леонтьевъ. Извѣстно, что офицеровъ генеральнаго штаба зовутъ въ шутку «моментами». Вотъ происхожденіе этой клички. Леонтьевъ на красносельскихъ маневрахъ велъ Кавалергардскій полкъ. Обращаясь къ командиру полка, онъ сказалъ:

— Теперь моментъ (для атаки),—и поскакалъ впередъ, причемъ провалился и увязъ въ болотѣ.

— Пропалъ моментъ!—закричалъ со смѣхомъ полковой командиръ.

Изреченіе это стало историческимъ. На другихъ красносельскихъ маневрахъ мой Анненковъ, вышедшій въ гвардейскій генеральный штабъ, нынѣ не существующій, завелъ гвардейскій Гусарскій полкъ въ лѣсъ, откуда гусары долго не могли выбраться; за это Анненковъ получилъ названіе «Ивана Сусанина».

Главныя занятія офицеровъ въ академіи состояли въ то время въ черченіи «ситуаціи» тушью и вороньими перьями. Преподаватель черченія Шевелевъ былъ поэтому важною особою; его не любили за строгость и звали заочно «цѣпною собакою», такъ какъ на съемкѣ онъ бѣгалъ съ цѣпью для провѣрки измѣреннаго мензулой пространства.

Между профессорами академіи особенно выдавались профессора тактики Лебедевъ, стратегіи и военной исторіи Богдановичъ и высшей геодезіи Савичъ.

Савичъ бытъ очень неопрятенъ и по скупости ходилъ зимою въ полушубкѣ. Въ день 25-лѣтняго юбилея Военной академіи Савичъ хотѣлъ войти въ парадную дверь, но квартальный схватилъ его за шиворотъ и грубо оттолкнулъ, сказавъ: «Куда лѣзешь!» Тогда Савичъ заявилъ, что онъ тайный совѣтникъ и академикъ.

Богдановичъ, извѣстный историкъ, читалъ вяло и скучно. Курсъ военной исторіи въ академіи самый важный, и записки ея вѣсятъ чуть ли не пудъ. Любимое занятіе Богдановича состояло въ мелочныхъ опроверженіяхъ Михайловскаго-Данилевскаго, тогдашняго офиціальнаго авторитета. Если Данилевскій говорилъ, что Наполеонъ вступилъ куда-нибудь въ 11 ч. утра, Богдановичъ доказывалъ, что въ 10 и 3/4 и т. п.

Профессоръ тактики Лебедевъ славился своимъ либерализмомъ и также жестоко обличалъ бѣднаго Михайловскаго-Данилевскаго. Онъ увѣрялъ, будто въ одномъ мѣстѣ Михайловскій-Данилевскій написалъ: «Русскіе геройски отступали, французы постыдно шли впередъ!» и что подъ Смоленскомъ «огонь будто бы былъ такъ силенъ, что яблоки испеклись на деревьяхъ!»

Лебедевъ былъ краснорѣчивъ и могъ говорить безъ умолку сколько угодно. Такимъ же неистовымъ говоруномъ слылъ тогда въ Петербургѣ Квистъ, военный инженеръ и большой ферлакуръ. Какъ-то въ клубѣ зашелъ споръ, кто можетъ говорить долѣе. Задали пари и выбрали тему: отчего рѣдька растетъ хвостомъ книзу, а не кверху? Квистъ говорилъ часъ, расхохотался и умолкъ. А когда заговорилъ Лебедевъ, то его въ концѣ-концовъ поливали водой, а онъ все продолжалъ говорить...

Благодаря тому, что мой кузенъ практиковался два года на Пулковской астрономической обсерваторіи, я прожилъ тамъ два лѣта. Въ прежнее время черезъ Пулково шелъ главный почтовый трактъ въ Петербургъ; съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, Николаевской, а затѣмъ Варшавской, мѣсто это стало глухимъ; жители Пулкова и сосѣднихъ деревень живутъ разведеніемъ ягодъ. Въ мое время оно, какъ государево имѣніе, служило мѣстомъ, откуда выбирали кормилицъ для Двора, и нѣсколько отставныхъ мамокъ жили тамъ на пенсіи, окруженныя почетомъ мѣстныхъ крестьянъ.

Весь скатъ Пулковской горы, обращенный къ Петербургу, откуда открывается красивый видъ на столицу, покрытъ паркомъ, принадлежащимъ обсерваторіи. Въ этомъ паркѣ могилы женъ обсерваторскихъ нѣмцевъ съ чувствительными надписями на нѣмецкомъ языкѣ. Въ паркѣ нѣмцы гуляли впрочемъ мало, еще меньше бывали они на своей обсерваторіи, подъ предлогомъ занятій по вычисленію наблюденій, а цѣлые дни щелкали на билиардѣ.

Пулковская обсерваторія устроена взамѣнъ обсерваторіи на крышѣ Академіи Наукъ, гдѣ отъ тряски экипажей наблюденія сдѣлались невозможными. Трудно кажется было выбрать мѣсто неудобнѣе. При всемъ желаніи въ Пулковѣ можно наблюдать небо не болѣе 70 дней въ году, и то зимою, въ сильные морозы, когда небо ясно (обсерваторіи нельзя отапливать); въ остальное время

года въ Пулковѣ или слишкомъ свѣтло или облачно и туманно. Въ виду такого положенія, астрономамъ дѣйствительно остается только играть на биліардѣ, чѣмъ они въ 1859—1860 гг. усиленно и занимались. Всѣ они, равно какъ и служителя, были изъ нѣмцевъ, и если не хватало своихъ остзейскихъ, то выписывали таковыхъ изъ-за границы.

Директоромъ обсерваторіи состоялъ еще знаменитый астрономъ Вильгельмъ Струве, отъ старости въ это время впавшій въ дѣтство. Онъ не работалъ на обсерваторіи, но занимался переводами своихъ старыхъ сочиненій съ латинскаго языка на нѣмецкій, причемъ по разсѣянности, забывъ перевернуть листокъ, случалось переводилъ одну и ту же страницу по два раза.

Обсерваторіей въ дѣйствительности руководилъ старшій сынъ Струве Отто, далеко не унаслѣдовавшій талантовъ отца. Болѣе серьезныя научныя силы представляли астрономы Делёнъ, Винекенъ и Вагнеръ, имена остальныхъ я позабылъ. Вагнеръ едва ли не былъ въ то время самымъ талантливымъ изъ пулковскихъ астономовъ. Делёнъ, напоминавшій съ виду астролога, занимался съ офицерами Военной академіи. Онъ потомъ сошелъ съ ума, но въ свое время былъ дѣльнымъ ученымъ, очень любившимъ свою науку. Тогда физической астрономіей мало занимались, интересовались только частью математической, точными наблюденіями движенія свѣтилъ небесныхъ, для чего требуется и идеальная точность инструментомъ и тщательное вычисленіе всѣхъ возможныхъ погрѣшностей. Очевидно, только нѣмцы годятся для подобной науки.

Показывая обсерваторію католическому митрополиту Жилинскому, Делёнъ объяснялъ, что вѣсъ планетъ и спутниковъ ихъ теперь совершенно точно извѣстенъ. «Если бы съ луны украли пудъ, я бы сейчасъ это замѣтилъ», сказалъ онъ.

Офицеры-геодезисты на большой обсерваторіи не занимались, для нихъ была устроена своя маленькая обсерваторія.

На этой обсерваторіи былъ сторожъ унтеръ-офицеръ. Онъ ночью показывалъ публикѣ огромный пассажный инструментъ. Кто-то посмотрѣлъ въ трубу, тогда сторожъ приложилъ къ объективу фонарь. Что это за свѣтъ? спросилъ смотрѣвшій.—Солнце.—Какъ солнце можно видѣть ночью?—Знамо дѣло—милитричество (электричество), отвѣчалъ считавшій себя ученымъ сторожъ.

~~~~~~

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.—ОКОНЧАНІЕ КУРСА.

XI.

Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Горномъ корпусѣ готовилось и случилось польское возстаніе, которое затормозило реформы въ Россіи на сорокъ лѣтъ, разстроило начинавшійся нашъ союзъ съ Франціей и прославило Муравьева и Каткова.

Бывшій директоръ варшавскаго горнаго департамента Г. А. Іосса острилъ, что поляки чудный народъ... въ каторжныхъ работахъ. Я былъ всегда о полякахъ болѣе высокаго мнѣнія, хотя не отрицаю, что и для развитія Сибири они оказали услуги, еще недостаточно оцѣненныя. Я думаю, что въ высшихъ кругахъ поляки культурнѣе русскихъ. Поляки лишены только въ массѣ государственнаго смысла, что признается и ихъ серьезными историками, напр. Бобржинскимъ.

Польша имѣла не мало великихъ людей, но не выставила ни одного великаго государственнаго человѣка.

Знавалъ я множество поляковъ еще съ дѣтства. Хотя Крашевскій и разыскалъ не мало Скальковскихъ въ Галиціи, но какъ я писалъ, родъ нашъ малороссійскій (половина Галиціи, впрочемъ, тоже малороссійская)—только по бракамъ моего дѣда я былъ въ родствѣ и дружбѣ со многими польскими семействами и имѣлъ возможность ознакомиться съ польскимъ бытомъ. И затѣмъ мнѣ случалось встрѣчаться не мало съ поляками и въ Юго-Западномъ краѣ (гдѣ едва ли они не самые развитые), и въ Царствѣ Поль-
~~~~~~

комъ, и въ разныхъ мѣстахъ ихъ ссылки, и въ эмиграціи за границею.

Видѣлъ я столько эстамповъ, изображавшихъ Костюшку въ конфедераткѣ на конѣ, Іосифа Понятовскаго, скачущаго черезъ Эльстеръ, и Мицкевича въ буркѣ, смотрящаго на Крымскія горы, что, кажется, сейчасъ узнаю этихъ лицъ, когда встрѣчу на томъ свѣтѣ.

Не мало выпилъ я и «старой венгржины» и поѣлъ польской кухни, одной изъ самыхъ тяжелыхъ въ свѣтѣ по обилію жира и сметаны. Постигъ даже всю прелесть «бигуса», пародія котораго—московская селянка на сковородѣ. Поляки увѣряютъ, что удивительно хорошъ онъ былъ въ XVII столѣтіи, когда бигусомъ набивали цѣлыя торбы у сѣделъ и весь походъ шляхтичъ его подогрѣвалъ, а кислая капуста чѣмъ больше варится, тѣмъ вкуснѣе. Къ сожалѣнію, отъ XVII вѣка никого не осталось, чтобы подтвердить это кулинарное показаніе.

У мужа моей тетки, доктора-литвина, воспитанника Виленскаго университета (мой отецъ также одинъ годъ провелъ въ Вильнѣ на медицинскомъ факультетѣ), собиралось одесское польское общество. Особенно оживленны были собранія подъ Рождество, когда, по польскому обычаю, происходитъ обѣдъ изъ безконечнаго числа блюдъ на скатерти, постланной на столѣ, покрытомъ сѣномъ. Тотъ, кто вытянетъ изъ этого сѣна стебелекъ, подлиннѣе, проживетъ долѣе. Собиралось и все мѣстное католическое духовенство, бойкое и жизнерадостное; наговорившись всласть о мудрости Наполеона III, вспоминали старину—Вильну, Снядецкаго, Лелевеля, Фомберга, Мицкевича. Съ послѣднимъ, какъ извѣстно, мой отецъ, живя въ Москвѣ, былъ въ дружбѣ.

Изъ виленскихъ анекдотовъ помню слѣдующіе. Какъ-то одинъ докторъ поссорился съ ксендзомъ, славившимся въ Вильнѣ своимъ краснорѣчіемъ и привлекавшимъ проповѣдями множество публики. Замѣтивъ въ первомъ ряду слушателей своего врача, ксендзъ прервалъ рѣчь и сказалъ:

— Обращаюсь теперь къ низшему сорту людей—къ портнымъ, сапожникамъ, докторамъ и фармацевтамъ...

Польскій помѣщикъ разсказываетъ, какъ онъ слышалъ знаменитаго Паганини.

Паганини игралъ свой «Венеціанскій карнавалъ». Вдругъ лопается на скрипкѣ струна—Паганини играетъ; лопается вторая струна, третья—Паганини все играетъ, наконецъ лопается четвертая—а Паганини продолжаетъ играть...

— Позвольте, прерываютъ помѣщика, — какъ же это онъ играетъ безъ струнъ?

— А кіеды гра! чѣмъ же я виноватъ, что играетъ? — отвѣчаетъ зарапортовавшійся помѣщикъ.

Врѣзался еще изъ того времени часто повторявшійся въ шутку намъ, дѣтямъ, разсказъ изъ какой-то старой польской хрестоматіи о томъ, какъ «нѣкто, узнавъ, что англійское пиво согрѣваетъ, налилъ его себѣ въ сапоги!»

Въ Одессѣ даже въ гимназіи я замѣчалъ нерасположеніе къ полякамъ: суровыя мѣры Николая I имѣли свое воздѣйствіе, кромѣ того въ малороссійскомъ элементѣ—а Новороссія малороссійская колонія—оставался осадокъ старой вражды къ полякамъ. Въ Петербургѣ общество и молодежь къ полякамъ были индеферентны; броженіе среди послѣднихъ, начавшееся съ 1861 г., пожалуй даже принималось съ сочувствіемъ. Тогда наша интеллигенція (даже Погодинъ, Страховъ) не понимала, что «роковой вопросъ» не есть вопросъ объ интересахъ польскаго элемента, а о возстановленіи владычества польскаго населенія, котораго мѣстами горсть, надъ русскимъ и литовскимъ племенами.

Поляки иначе относились къ русскимъ. Наиболѣе симпатизирующій вамъ полякъ если разсказывалъ что-нибудь о русскомъ—русскій непремѣнно въ концѣ концовъ оказывался идіотомъ. Болѣе всего сближала обѣ народности страсть къ карточной игрѣ; а такъ какъ польки въ карты не играли, то онѣ и оставались болѣе враждебны, чѣмъ поляки.

Двоюродный братъ мой Глѣбъ, о которомъ я упоминалъ выше, учился до Дворянскаго полка въ Александровскомъ брестскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда попалъ необычайнымъ образомъ. Отецъ его, бывшій ротмистръ Подольскаго гвардейскаго кирасирскаго полка, сошелъ съ ума и оставилъ семейство въ печальномъ положеніи. Оно проживало въ Минскѣ, городкѣ близъ Варшавы. Проѣзжалъ Николай I; другой мой двоюродный братъ Аполлонъ, впослѣдствіи одинъ изъ піонеровъ занятія Амура, восьмилѣтній

мальчикъ, смѣло подалъ государю просьбу о пособіи. Государь былъ милостивъ и приказалъ просителя съ братомъ принять на казенный счетъ въ кадетскій корпусъ, а ихъ сестру Жозефину въ Пулавскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Александровскій брестскій корпусъ былъ наполненъ поляками, и оттуда вышло большинство руководителей возстанія 1863 г. Я ежедневно видѣлъ веселаго, живого, талантливаго Галензовскаго, бывшаго потомъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей революціоннаго жонда. Онъ былъ геодезистомъ, выпускомъ моложе по академіи моего кузена, и жилъ на Пулковѣ въ томъ же казенномъ домѣ, что и мы, то и дѣло повторяя: «Diavolo!»

Также часто я видѣлъ Домбровскаго, будущаго гарибальдійца и главнокомандующаго парижской коммуны; онъ былъ товарищемъ моего младшаго двоюроднаго брата и такъ же, какъ Галензовскій, живой и симпатичный. Собирались и другіе «довудцы» возстанія 1863 г., все народъ горячій. О возстаніи говорилось открыто два года, офицеры въ военной формѣ играли въ костелахъ на органахъ революціонные гимны «Съ дымемъ пожаровъ» и «Боже цось Польскемъ»—а мѣръ никакихъ не принималось, потому что въ Западномъ краѣ полиція, почта и телеграфъ, даже жандармы были въ рукахъ поляковъ.

Да не только въ Западномъ краѣ—въ Петербургѣ, въ католической церкви на Невскомъ, я присутствовалъ въ 1861 г. на торжественной панихидѣ по пяти «замордованнымъ москалями» въ Варшавѣ.

Огрызко, столоначальникъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, организовалъ возстаніе въ Петербургѣ. При своей типографіи, гдѣ между прочимъ печатался и «Горный Журналъ», онъ издавалъ «Slowo», скоро закрытое, и «Volumnia Legum»—сборникъ сеймовыхъ постановленій, долженствовавшій замѣнить полякамъ сводъ законовъ. Въ моментъ возстанія, уже завѣдуя на правахъ вице-директора отдѣленіемъ по откупнымъ недоимкамъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, онъ почти открыто набиралъ въ кадетскихъ корпусахъ и въ полкахъ руководителей бандъ, давалъ имъ на дорогу деньги, высокіе сапоги, оружіе и желѣзнодорожные билеты на проѣздъ. Въ Горномъ корпусѣ поляковъ было мало, но и они сильно кипятились, особенно дѣти помѣщиковъ.

динъ изъ моихъ товарищей по корпусу, литвинъ Червинскій прославился, какъ начальникъ банды, храбростью и чрезвычайною жестокостью и былъ повѣшенъ.

Другой изъ товарищей, Романовскій, какъ-то вечеромъ сообщилъ мнѣ, что хочетъ удрать «до лясу». Онъ самъ какъ будто бы колебался и былъ видимо разстроенъ; я его отговаривалъ, но по легкомыслію немного на манеръ того, какъ Бисмаркъ отговаривалъ отъ престола принца Баттенберга: во всякомъ случаѣ моль останется пріятное воспоминаніе... На другой день Романовскій изъ корпуса исчезъ.

Два года спустя, въ мартѣ или апрѣлѣ, проѣзжая черезъ Кунгуръ, я встрѣтилъ—тогда картина эта постоянно попадалась на глаза—партію каторжныхъ поляковъ, которыхъ пѣшкомъ по снѣгу гнали въ Сибирь. Поляковъ-интеллигентовъ сейчасъ можно было отличить по лицамъ и въ каторжной одеждѣ. Въ числѣ шедшихъ въ кандалахъ я увидѣлъ моего Романовскаго, но, Боже, въ какомъ видѣ: съ прострѣленной насквозь щекой, раздробленной пулею челюстью и всего изрубленнаго. Конвойный офицеръ любезно допустилъ меня сказать нѣсколько словъ утѣшенія; въ деньгахъ Романовскій не нуждался.

По окончаніи каторги онъ былъ извозчикомъ въ Иркутскѣ. Одинъ нашъ товарищъ встрѣтилъ его тамъ, опредѣлилъ лаборантомъ, а затѣмъ на службу по золотымъ пріискамъ, гдѣ Романовскій и умеръ.

Вотъ еще два факта изъ временъ повстанія, сообщенныхъ мнѣ служившими въ Варшавѣ Бестужевымъ-Рюминымъ и Анненковымъ.

Во время манифестаціи въ Варшавѣ въ 1862 г. въ день Костюшки (2 октября) одинъ польскій чиновникъ закричалъ въ толпѣ казаку, толкавшему его лошадью: «Я радца стану» (статскій совѣтникъ)!—А! ты еще драться станешь? сказалъ казакъ, и вытянулъ администратора нагайкою.

Когда Ганецкій разсѣялъ банду Сѣраковскаго, то приказалъ перевязать плѣнныхъ повстанцевъ. Раненый и вскорѣ повѣшенный, Сѣраковскій горячо протестовалъ:

— Ваше пр-ство, что скажетъ объ этомъ Европа?

— Теперь я для васъ и Европа, и Азія, и Африка, и Америка!—отвѣчалъ генералъ.

Анненковъ замѣнилъ потомъ Трепова въ должности генералъ-полиціймейстера. Онъ закрывалъ католическіе монастыри и разсказывалъ мнѣ, какіе курьезы выходили при этомъ, особенно при закрытіи монастырей кармелитокъ; послѣднія не могутъ никому показываться, а между тѣмъ предполагали найти среди нихъ переодѣтыхъ повстанцевъ. Выходили сцены точно изъ «Faublas» или «Mademoiselle de Maupin».

Гр. Бергъ очень полюбилъ Анненкова и разсказывалъ ему, конечно по-французски, множество поучительныхъ анекдотовъ о своей карьерѣ. Суть ихъ была въ томъ, что Берга всѣ начальники считали очень ограниченнымъ—Бергъ не спорилъ и, считаясь неопаснымъ, обогналъ по службѣ всѣхъ умныхъ. До глубокой старости онъ усердно ухаживалъ за женщинами, увѣряя, что по этой части нѣтъ стариковъ, а есть только люди лѣнивые.

Съ Черкасскимъ Анненковъ былъ очень друженъ—Черкасскій былъ деспотъ и только баринъ съ демократическими замашками. Являясь большимъ другомъ крестьянъ въ Петербургѣ, онъ однако отстаивалъ для нихъ тѣлесныя наказанія, а своихъ собственныхъ крѣпостныхъ въ Веневскомъ уѣздѣ отпустилъ на волю почти безъ земли.

И въ Одессѣ въ 1863 г. общество дѣлилось, конечно, на сочувствующихъ полякамъ и негодующихъ. Кто-то въ излишнемъ усердіи пустилъ тамъ для подписи адресъ правительству, гдѣ выражалась просьба о переселеніи всѣхъ поляковъ въ Тобольскую губернію! Увѣряли, что это сдѣлалъ тотъ же шутникъ Ягницкій, чтобы по подписямъ узнать, сколько именно дураковъ въ Одессѣ.

Мнѣ какъ разъ пришлось держать выпускные экзамены, когда пріѣхала на гастроли въ Александринскомъ театрѣ знаменитая тогда по ансамблю московская труппа Малаго театра: Шумскій, Садовскій, Ѳедоровъ, г-жи Васильева, Ѳедотова. Успѣхъ они имѣли, особенно Садовскій, чрезвычайный и мнѣ, при посѣщеніи ежедневно спектаклей, приходилось въ ложахъ, въ антрактахъ, долбить записки палеонтологіи и горной механики. Такого дружнаго исполненія русскихъ пьесъ я потомъ уже не видалъ, хотя въ талантахъ на нашей сценѣ недостатка не было и дѣйствительные таланты, Давыдовъ, Варламовъ и др., быстро оцѣнивались. Я думаю даже, что наша русская труппа всегда была выше ея репертуара.

Если у публики были свои любимцы, то у печати свои предметы для постоянныхъ нападокъ. Душкинъ, Пронскій и Бурдинъ особенно подвергались злымъ и подчасъ несправедливымъ насмѣшкамъ въ моей молодости. Послѣдній едва не былъ причиною моей преждевременной смерти, о чемъ будетъ разсказъ въ свое время.

На этихъ экзаменахъ я едва не пострадалъ изъ-за Поль-де-Кока. Мой профессоръ интегральнаго исчисленія, академикъ Сомовъ, человѣкъ впрочемъ прекраснѣйшей души, въ то время, когда я вынулъ на экзаменѣ билетъ для отвѣта изъ этой проклятой науки, сказалъ, обращаясь къ членамъ экзаменаціонной комиссіи, все важнымъ, какъ мнѣ тогда казалось, горнымъ генераламъ:

— Рекомендую, навѣрное ничего не знаетъ. На моихъ лекціяхъ только и дѣлалъ, что читалъ романы Поль-де-Кока.

Какъ я при такой рекомендаціи могъ спокойно выводить на доскѣ свои формулы, пойметъ каждый. Положимъ, генералы знали изъ высшей математики еще меньше моего, но зато Сомовъ при малѣйшей ошибкѣ кричалъ: «Зарѣзалъ, разбойникъ!»—что не помѣшало ему весьма снисходительно поставить мнѣ хорошій баллъ, а отъ балловъ на двухъ послѣднихъ курсахъ зависѣло получить при выпускѣ тотъ или другой чинъ.

Окончившимъ курсъ въ Горномъ корпусѣ начальство давало на обмундировку поручику по 135 руб., остальнымъ же 125 р., вычитая однако за всѣ во время пребыванія въ корпусѣ разбитые тарелки и стаканы и потерянныя книги. На оставшіяся деньги и при пособіи изъ дома трудно было обмундироваться, но спасалъ военный портной Прегеръ, избравшій спеціальностью горныхъ инженеровъ; онъ шилъ имъ въ долгъ, заручаясь этимъ дальнѣйшею практикою.

Отыскалъ и я его вывѣску на площади Михайловскаго манежа: Tailleur Proeger. Тогда большинство вывѣсокъ въ Петербургѣ были на иностранныхъ языкахъ; даже полотеръ на Литейной улицѣ заявлялъ о себѣ вывѣскою: maitre-poloteur! Прегеръ любезно меня принялъ и прежде всего задалъ вопросъ: три или двѣ звѣздочки нужно нашить на погонахъ и эполетахъ? Вопросъ гамлетовскій,

трудно разрѣшимый до окончанія экзаменовъ, а между тѣмъ погоны вещь цѣнная, и портить ихъ было невыгодно. Я рискнулъ приказать нашить три звѣздочки, т.-е. по чину поручика—и не ошибся. Несмотря на то, что выпускной экзаменъ мой совпалъ съ гастролями труппы московскаго Малаго театра и другими способами отвлеченія, испытаніе прошло безъ особыхъ закорючекъ. Я былъ такъ радъ, что по особому обѣту прогулялся изъ корпуса въ Галерную гавань безъ головного убора.

Каски въ это время были уже отмѣнены. На этихъ каскахъ были вырѣзаны на щитѣ прибора инициалы, дававшіе поводъ къ остроумію. У путейцевъ буквы П С обозначили будто бы «плутуй смѣлѣе»; у горныхъ Г И означало «голодные инженеры» или «голоштанные инженеры». Надпись на каскахъ Строительнаго училища С У служила мученіемъ для воспитанниковъ послѣдняго—при встрѣчахъ имъ другіе кадеты сейчасъ же кричали: сайку! сайку укралъ! Училище вообще, какъ не выпускавшее военными чинами, пользовалось презрѣніемъ.

Отмѣна касокъ въ глазахъ женщинъ съ успѣхомъ компенсировалась аксельбантами, которые только что были даны всѣмъ инженернымъ корпусамъ. Аксельбанты, если умѣть ихъ носить, красивы, но,—увы!—быстро трутъ мундиръ и сюртукъ; третъ ихъ и шпага, а для небогатыхъ людей это имѣетъ свое значеніе.

Насталъ наконецъ желанный часъ! Собрали насъ въ послѣдній разъ въ большомъ рекреаціонномъ залѣ, уже почти всѣхъ одѣтыхъ въ офицерскую форму, и прочли Высочайшій приказъ 7 іюня 1863 г. о производствѣ по корпусу горныхъ инженеровъ. Я оказался по выпуску 7-мъ изъ 14. Интересовало меня не это—меня волновалъ вопросъ, какъ остаться на службѣ въ столицѣ, съ которою связывали меня не только литературныя занятія и страсть къ театру, но и... «розовыя цѣпи». Я былъ страшно влюбленъ и не хотѣлъ уѣзжать изъ Петербурга.

«Ты наконецъ вступаешь въ смрадное болото, называемое дѣйствительностью и службою,—писалъ мнѣ мой старшій братъ Александръ изъ Одессы.—Это полезно: ты увидишь, что за Петербургомъ и кромѣ его есть нѣчто называемое Россіей, гдѣ люди тоже живутъ, въ чемъ ты кажется сомнѣвался».

Сомнѣніе у меня дѣйствительно было. Какъ тутъ зарыться въ какомъ-нибудь Нижне-Баранчинскомъ и Суоярвскомъ заводѣ, когда цыганка предсказала моей матери, что я сдѣлаю блестящую карьеру и займу важное мѣсто. Я все еще жду исполненія этого предсказанія...

Графъ А. Г. Строгановъ прислалъ мнѣ письмо къ своему брату графу Сергѣю Григорьевичу, чтобы этотъ весьма вліятельный тогда вельможа устроилъ меня на заводахъ; отецъ мой сопровождалъ письмо грознымъ предупрежденіемъ, что «если я не поѣду въ Сибирь, то кончу жизнь позорно секретаремъ какого нибудь женскаго благотворительнаго общества». Но я письмо Строганова разорвалъ и прежде чѣмъ отвѣчать на запросъ горнаго департамента, въ какомъ горномъ округѣ желаю служить, пошелъ за совѣтомъ къ инспектору корпуса Ерофѣеву, зная его доброе сердце.

Видя по моимъ статьямъ, что я безъ помощи всякихъ профессоровъ, что называется, насобачился въ политической экономіи, Ерофѣевъ посовѣтовалъ мнѣ предложить себя въ кандидаты на каѳедру политической экономіи и горнаго хозяйства, которую предполагалось ввести въ уставъ преобразуемаго Горнаго института. Но такъ какъ законъ требовалъ непремѣнно для полученія слѣдующаго чина практику на заводахъ, то рекомендовалъ просить Ольховскаго, назначеннаго начальникомъ Монетнаго двора, взять меня къ себѣ для практическихъ занятій.

Поѣхалъ я съ трепетомъ къ Ольховскому на дачу на Карповку; принялъ онъ суховато, сказалъ, что ничего не имѣетъ противъ практики, но служить я долженъ не у него, гдѣ мѣстъ-де не предвидится, а въ горномъ департаментѣ. Все тотъ же Ерофѣевъ взялся уломать начальство послѣдняго, ибо не было еще примѣра, чтобы по окончаніи курса въ институтѣ офицеры прикомандировывались къ департаменту. А чиновникамъ прежде всего подай примѣръ, хотя бы изъ временъ фараона Сезостриса.

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШАГИ.

XII.

Многіе наивно думаютъ, что люди дѣлаются писателями, актерами, художниками. Въ дѣйствительности люди родятся съ извѣстными предрасположеніями; воспитаніе хотя имѣетъ извѣстное вліяніе, но «призваніе» проявляется по большей части внезапно, рано или поздно, смотря по обстоятельствамъ, но большею частью въ молодости.

Я началъ писать очень рано. Это неудивительно. Во-первыхъ, la fatalité—судьба: въ дневникѣ отца въ день моего рожденія 8-го апрѣля отмѣчено между прочимъ: «Сегодня получилъ отъ какого-то г. Кулиша изъ Кіева очень лестное письмо и книгу его сочиненія—добрый знакъ для новорожденнаго: будетъ, вѣроятно, ученый человѣкъ». Во-вторыхъ, отецъ былъ писателемъ, и я съ дѣтства вращался, такъ сказать, въ литературной атмосферѣ, слышалъ постоянно разговоры и споры о книгахъ и статьяхъ и видѣлъ множество ученыхъ и писателей, которые, посѣщая Одессу, считали долгомъ побывать у моего отца. Еще до поступленія въ гимназію,—а поступилъ я девяти лѣтъ,—мы съ братомъ Александромъ издавали писанный журналъ «Хаджибейскій Вѣстникъ». Когда я учился въ гимназіи при Ришельевскомъ лицеѣ, то снова съ товарищами издавалъ рукописный ежемѣсячный журналъ «Меркурій». У меня сохранился одинъ нумеръ этого журнала, гдѣ моему перу принадлежитъ повѣсть «Отрывки изъ путешествія А. И. Брускова» съ видимою попыткою подражать похожденіямъ Чичикова.

Гоголя, Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Марлинскаго, Кукольника и др. русскихъ писателей я уже прочелъ тогда, проводя большую часть дня въ библіотекѣ моего отца, гдѣ имѣлись полныя собранія русскихъ авторовъ. Исторію Карамзина я зналъ чуть не наизусть. Прочелъ даже оба тома славянофильскаго «Московскаго Сборника». Экземпляръ второго, запрещеннаго цензурою, былъ подаренъ моей матери И. Аксаковымъ, когда онъ ополченцемъ бывалъ въ нашемъ домѣ.

Сохранилась у меня тетрадь на сѣрой бумагѣ подъ заглавіемъ «Записки», гдѣ я въ 1854 г. описалъ первые два года своего пребыванія въ гимназіи. Рукопись начинается такъ:

Нѣсколько разъ собирался я писать свои записки (это въ одиннадцать-то лѣтъ), но на умъ лѣзла всякая чушь и я не находилъ въ ней (?!) толку, наконецъ собрался и пишу.

Затѣмъ идетъ описаніе экзамена для поступленія въ гимназію, самаго поступленія, преслѣдованія болѣе сильныхъ товарищей, «ихъ диктаторства», борьбы «партій» и описаніе безчисленныхъ дракъ. Протесты были безсильны.

Храбрость—говорится въ одномъ мѣстѣ—окончилась тѣмъ, что я почувствовалъ сильную боль въ зубахъ, порядочный клокъ моихъ волосъ остался въ рукахъ побѣдителя и подъ глазами вдругъ сдѣлались два фонаря, которые, вмѣсто того, чтобы помогать мнѣ смотрѣть, совершенно мѣшали зрѣнію.

Успѣхи мои въ наукахъ были порядочны, только нѣмецкій языкъ не давался.

Учитель мой, какъ истый нѣмецъ, спросилъ: мою ли я шею? Я отвѣчалъ, что очень часто; онъ похвалилъ и поставилъ пять. Потомъ спросилъ: имѣю ли я носовой платокъ? Я отвѣчалъ, что забылъ. Онъ мнѣ поставилъ нуль. Странно, подумалъ я, какой это способъ, чтобы учить нѣмецкій языкъ посредствомъ шеи и носа, кажется они не имѣютъ ничего общаго; но я разсудилъ,—что это вѣроятно новый способъ. Со мною поступилъ одинъ грекъ, Гунаропуло. Учитель нѣмецкаго языка сдѣлалъ и ему тѣ же вопросы. Тотъ показалъ вмѣсто платка кусокъ бумаги, за что и получилъ нѣсколько нулей впередъ.

Въ этомъ тонѣ всѣ записки. При переходѣ въ слѣдующій классъ отмѣчено: «Я выше цѣлымъ классомъ, но главное для меня, что я имѣю право бить нѣсколько человѣкъ перваго класса». Курьезно еще слѣдующее описаніе, относящееся къ 1852 г.

Однажды мнѣ сказали, что черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ товарищъ министра Норовъ. У насъ стали дѣлать разныя приготовленія, красить стѣны, мыть полы; нашъ учитель нѣмецкаго языка ужасно этому недоволенъ, потому что онъ въ классѣ только что начнетъ философствовать, какъ печникъ или штукатуръ затянетъ что-то длинное, чему и конца нѣтъ и изъ чего нельзя ничего понять.

Наконецъ пріѣхалъ товарищъ министра и ** декабря назначенъ былъ намъ смотръ. Цѣлое утро я одѣвался и помадился, но когда пришелъ въ залъ, оказалось, что ремня у панталонъ не было, а подтяжки я не носилъ. Попечитель (Бугайскій) произнесъ мое имя; въ эту минуту пуговица у панталонъ лопнула, у меня замерло сердце и я, придерживая руками панталоны, кой-какъ прошелъ мимо Норова. Только попечитель сказалъ: «штанишки потеряешь», а мой другъ Жаба далъ мнѣ оплеуху, да какую славную!

Черезъ нѣсколько дней Норовъ былъ у насъ въ классѣ и я читалъ ему по-славянски изъ букваря «Отче нашъ»; онъ меня похвалилъ; я поднялъ голову и увидѣлъ, что учителя нѣтъ. Онъ куда-то дѣвался. Но когда товарищъ министра ушелъ, учитель опять явился. Оказалось, что онъ былъ за печкой. Странно, я едва могъ туда влѣзать, а онъ втрое больше меня и туда забрался незамѣтно.

Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что въ 1854 году:

Экзамены у насъ были отложены до августа мѣсяца, ибо непріятель пришелъ и бомбардировалъ Одессу. Я въ душѣ молился о спасеніи города и погибели гимназіи. Но все окончилось благополучно и у насъ вакаціи будутъ продолжаться 4 мѣсяца,—цифра удивительная, дотолѣ неслыханная въ гимназіи.

Кстати прибавлю, что во время Крымской войны я рисовалъ на войну карикатуры, и ихъ сохранилось не мало. Рисунки сдѣланы скверно, но подписи и сейчасъ бы можно напечатать.

Когда въ іюлѣ 1856 г. я былъ принятъ въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ и поѣхалъ въ Петербургъ по бѣлорусскому тракту, то отецъ мой на прощаньи въ таможнѣ (тогда еще было порто-франко) положилъ мнѣ, въ карманъ, какъ дѣлали средневѣковые рыцари, горсть родной земли и ограничился слѣдующимъ краткимъ наставленіемъ: «Тебѣ 13 лѣтъ, поэтому тебя учить нечего; помни только, что въ Петербургѣ не нужно ѣсть неспѣлыхъ фруктовъ, потому что тамъ холера, и дурно отзываться о правительствѣ, потому что тамъ 3-е отдѣленіе».

По пріѣздѣ я послалъ родителямъ описаніе своего десятидневнаго путешествія, которое сохранилось. Вотъ нѣсколько отрывковъ, рисующихъ тогдашній способъ передвиженія.

25-го іюля выѣхалъ я изъ Одессы; былъ сильный дождь, который шелъ до вечера и ужасно меня мучилъ, ибо верхъ въ кибиткѣ протекалъ и лошади безпрестанно падали. Одинъ ямщикъ малороссъ, поднимая упавшую лошадь, снялъ шапку, почесался и сказалъ: «Тому дождю такъ треба, якъ мени топырь музыки». Такимъ образомъ мы ѣхали до 10 час. веч., пока не пріѣхали на какую-то новую станцію, за 72 версты отъ Одессы, и расположились ночевать. Зная, какіе варвары водятся въ станціонной мебели, мы приказали себѣ принести сѣна въ кибитку и легли. Ямщики, видно, изъ особенной къ намъ любви, принесли сѣна, кажется, съ своихъ постелей. Едва мы легли и полежали съ 5 минутъ, какъ вдругъ повскакивали и начали смотрѣть, не горитъ ли кибитка, ибо насъ что-то страшно жгло. Мы засвѣтили фонарь и увидѣли страшныя опустошенія: милліоны какихъ-то гуновъ въ черныхъ латахъ разъѣзжали по насъ, какъ дома, и несмотря ни на какія наши усилія, такъ насъ ловко отдѣлали, что мы и на другой день почесывались и чуть-свѣтъ удрали со станціи по направленію къ Ананьеву, гдѣ наша кибитка перевернулась. Къ счастью, проходили солдаты и насъ подняли.

Къ вечеру я долженъ былъ распрощаться съ новороссійскими степями, что меня сначала обрадовало, но затѣмъ лѣса, какъ степняку, такъ надоѣли, что всякое пустое мѣсто я встрѣчалъ съ удовольствіемъ.

Часовъ въ 8 вечера 28 іюня мы пріѣхали въ Балту, гдѣ остановились у какихъ-то m-lles Машевскихъ и пробыли до 12 часовъ слѣдующаго дня: здѣсь я отлично спалъ и завтракалъ съ прекрасными хозяйками въ саду при пѣніи жаворонковъ. Къ вечеру пошелъ опять дождь и мы почти до 11 часовъ вечера ѣхали по лѣсу. Это была моя первая поѣздка въ лѣсу ночью и, правду сказать, она мнѣ очень понравилась: хвойныя деревья при лунѣ похожи на сахарныя головы, а тѣни отъ нихъ такія длинныя, что и конца нѣтъ. Наконецъ мы пріѣхали въ Жабокричку, гдѣ порядочно переночевали, и поѣхали дальше въ Тульчинъ, гдѣ ждали почти цѣлый часъ лошадей, несмотря на мою казенную подорожную, и вѣроятно еще болѣе прождали бы, если бы моя спутница, прекраснѣйшая нѣмка, соединившись съ тремя еще какими-то проѣзжими мегерами, не напала на станціоннаго смотрителя, такъ что онъ, несмотря на подкрѣпленіе одного почтоваго чиновника, проигралъ сраженіе и пошелъ, заткнувши уши, приказывать запрягать лошадей. Мы уѣхали, ночевали, въ Жорницѣ... 29 іюня былъ жидовскій праздникъ «бесины», и всѣ жиды ходили по улицамъ въ однихъ чулкахъ. Неподалекѣ отъ Жорница мы потеряли чеку и опять перевернулись. Это было въ прекрасномъ дубовомъ лѣсу. Я приказалъ ямщику лѣзть на дерево и вырубить новую, но онъ отказывался, говоря, что сегодня воскресенье и грѣхъ работать. Видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, я принялся ему объяснять, что говоритъ о трудѣ Священное Писаніе, и видно нужда сдѣлала меня краснорѣчивымъ, ибо онъ меня понялъ и сдѣлалъ то, что я приказывалъ. Къ вечеру мы

пріѣхали въ Бердичевъ, столицу жидовъ. Въ немъ только я пошелъ посмотрѣть на монастырь и на монаховъ, издающихъ «Бердичевскій календарь», и поскорѣе удралъ изъ этого отвратительнаго города, котораго всѣ улицы очень похожи на Жидовскую улицу въ Одессѣ. Уже почти ночью мы пріѣхали въ Рійскую корчму, станцію въ Волынской губерніи, находившуюся въ густомъ лѣсу, наполненномъ волками, которые даже днемъ бродятъ шаговъ за 1000 отъ станціи и гоняютъ почтовыхъ лошадей. Впрочемъ мы волковъ не видѣли, но слышали вой. Собакъ на станціи, по словамъ смотрителя, штукъ 70: онѣ намъ не давали ночью покоя; въ нашей комнатѣ лежало три собаки, которыхъ мы никакъ не могли выгнать, и онѣ цѣлую ночь выли.

Рано утромъ я всталъ и отправился въ Житоміръ, родину моего отца, куда и въѣхалъ часовъ въ 11 утра прямо на станцію.

Отдохнувъ немного и выпивъ кофе, я надѣлъ мундиръ и пошелъ искать почтмейстера, мнѣ знакомаго; онъ послалъ эстафету, или, какъ выражаются тутъ ямщики, пиштахету по всему тракту до слѣдующей губерніи о заготовленіи мнѣ лошадей. Еще, кажется, никогда въ жизни я такъ славно не ѣздилъ: едва мы подъѣзжали къ станціи, какъ уже лошади выводились, смотрители давали ямщикамъ разныя приказанія, чтобъ везли насъ получше, и т. п. Въ этотъ день отъ 8 час. утра до 11 часовъ вечера мы сдѣлали 190 верстъ и ночевали въ Овручѣ. На утро явился къ намъ жидъ съ хлѣбами, которыхъ мы у него купили два; онъ такъ этому обрадовался, что сказалъ: «За то, что я черезъ васъ получилъ столько денегъ, сколько мнѣ нужно на обѣдъ, стоющій мнѣ 3 коп. сер., я для васъ все сдѣлаю», и точно не совралъ. Мы дали ему деньги размѣнять, онъ исполнилъ это съ поспѣшностію и кромѣ того принесъ намъ множество фруктовъ: я выбралъ себѣ десятокъ самыхъ лучшихъ грушъ и далъ ему 5 коп. сер., сынъ же моей спутницы купилъ 2 десятка, не выбирая, и заплатилъ 20 коп. сер., за это жидъ сказалъ моей спутницѣ, что у ея сына такое доброе сердце, котораго онъ еще не видѣлъ, а что я тоже славный человѣкъ, но у меня «сердце твердое, какъ камень». Въ Овручѣ я желалъ видѣть купальни Ольги, но, у кого ни спрашивалъ, никто не зналъ. Этотъ день мы ѣхали очень тихо, по 5 верстъ въ часъ, пески страшные, такъ что лошади идутъ шагомъ и едва вытаскиваютъ ноги.

Минская губернія въ Полѣсьи показалась мнѣ бѣднѣйшею изъ всѣхъ губерній, которыя я только видѣлъ: пшеницы не было, скота мало.

Рожь растетъ на 1/2 вершка одинъ колосъ отъ другого, гречиха самая высокая 3 и 4 вершка отъ земли, лѣса безпрерывные, которые выжигаютъ или они сами загораются. Возъ дровъ стоитъ два злота, а сажень дубовыхъ и сосновыхъ 50 к. или 75 к., а иногда 90 к. и 1 р. самыхъ лучшихъ. Мостовъ множество на всякой станціи. Болота огромныя, въ одномъ изъ нихъ

мы едва не завязли. Бѣлоруссы народъ страшно унылый, некрасивый, носятъ волосы длинные, ѣздятъ тихо въ маленькихъ повозочкахъ, сидя на козлахъ, мурлычатъ какія-то пѣсни, страшно заунывныя, словомъ все скучно и скверно. Въ губерніи мнѣ понравилось только одно мѣсто: это—Березина, чрезъ которую мы переправлялись въ 12 часовъ ночи въ полную луну и небольшой туманъ. На рѣкѣ много островковъ, и видъ былъ восхитительный: недоставало только Айвазовскаго, чтобы срисовать его. Мы ѣхали цѣлую ночь и морозъ былъ порядочный, такъ что вездѣ топили. На 1,000 верстѣ отъ Одессы въ Минской губ. я прокричалъ во все горло «ура», радуясь, что такъ много проѣхалъ; на слѣдующее утро часу въ первомъ мы въѣхали въ давно желанный Рогачевъ.

Такая честь Рогачеву была тогда оттого, что отсюда уже шла дорога по шоссе съ благоустроенными станціями.

Подъѣзжая къ Рогачеву, мы замѣтили какой-то дворецъ. Вдругъ ямщикъ остановился передъ нимъ. «Чего ты?»—спросили мы его. «Здѣсь станція,—сказалъ онъ.—«Станція!» И лица наши вытянулись отъ изумленія. Мы терли себѣ виски мятою, одеколономъ, и никакъ не могли придти въ себя, воображая, что мы во снѣ или въ горячкѣ. И точно, послѣ полуразвалившихся жидовскихъ станцій, мы вошли въ домъ, въ которомъ 7 или 8 комнатъ. Въ иныхъ станціяхъ и по 12, оклеенныхъ превосходными обоями, съ прекрасными паркетами. Можно найти обѣдъ съ бифштексами и прочими разностями. Совсѣмъ не приготовленные увидѣть подобное зрѣлище, мы ходили по комнатамъ припрыгивая, боясь все испортить и испачкать.

Ѣзда по шоссе мнѣ сначала не понравилась—сильно трясетъ, хотя нѣтъ толчковъ, которые мы испытали, ѣхавъ по высохшей грязи; какое-то маленькое дрожаніе меня слегка разстроило, но послѣ я привыкъ и все пошло хорошо. Могилевская губернія гораздо плодороднѣе Минской: рожь и овесъ очень хороши, гречиха и просо порядочныя; мы видѣли довольно и пшеницы, но она была еще совершенно зеленою. Георгинъ на станціяхъ и даже у мужиковъ множество, растутъ они безъ всякихъ подпорокъ и окапываній [1]). Къ сѣверу въ лѣсахъ много медвѣдей; передъ нашимъ пріѣздомъ была облава, на которой убили 26 волковъ и 1 медвѣдя. Когда на него нападали, онъ схватилъ одного поселянина и до тѣхъ поръ его душилъ, пока тотъ не упалъ бездыханный. Онъ содралъ у мужика со всего затылка и шеи кожу; впрочемъ была надежда на выздоровленіе. Видъ на Могилевъ очень хорошъ. Орша же очень скучный городъ. Стоя среди его, я мечталъ о 1812-мъ годѣ, но праздничный видъ города скоро разстроилъ мои мечты. Жидовки здѣсь совершенно особенно повязываютъ голову въ родѣ тюрбана.

[1]) Популярность георгинъ въ то время объясняется тѣмъ, что этотъ цвѣтокъ очень любила императрица Александра Ѳедоровна. Ихъ всюду разводили и даже старались, конечно тщетно, получить скрещиваніемъ голубую георгину.

Витебская губ. очень похожа на Могилевскую, только въ сѣверной части народъ уже болѣе русскій. Витебскъ очень некрасивъ; улицы кривыя, дурно мощеныя... Въ Псковской губерніи начинають рѣдѣть лѣса, появляется множество озеръ, которымъ и конца нѣтъ; хорошій видъ въ пыльный день, а въ дождь—превосходный. Пріѣхавъ въ Опочку, я желалъ видѣть древній острогъ или крѣпость; не зная, что ея давно и слѣдовъ нѣтъ, я просилъ одного ямщика, чтобъ онъ мнѣ показалъ, гдѣ она находится. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Трактиръ-съ или заведеніе-съ есть-съ, а крѣпости нѣтъ никакой», такъ я и остался съ носомъ...

Окончанія этого описанія не сохранилось; оно очевидно содержало описаніе проѣзда по Петербургской губерніи и въѣзда на почтовыхъ въ Петербургъ, такъ какъ въ то время желѣзная дорога была только до Гатчины и ею для сообщенія съ Западной Россіей не пользовались. Но бѣлорусскому же тракту я ѣхалъ потому, что въ это время шли приготовленія къ коронаціи Александра II и на Москву и думать было нельзя найти лошадей на станціяхъ. Я зналъ Петербургъ по рисункамъ настолько, что всѣ зданія сразу узнавалъ, какъ десять лѣтъ спустя такъ же легко оріентировался, пріѣхавъ въ Парижъ. Я въѣхалъ въ Петербургъ послѣ знаменитаго пожара въ Измайловскомъ полку, и цѣлыя улицы этой глухой тогда части города представляли обгорѣлыя руины.

Въ Горный институтъ я попалъ въ эпоху величайшаго оживленія умовъ въ русскомъ обществѣ. Это, конечно, отзывалось и на учебныхъ заведеніяхъ. Мы не только волновались слухами о предстоящихъ реформахъ, не только съ жаромъ читали «Современникъ», «Морской Сборникъ» и другіе модные тогда органы, а также всѣ запрещенныя заграничныя и петербургскія изданія, но и завели свою рукописную литературу. П. Л. Михайловъ, братъ извѣстнаго поэта и политическаго дѣятеля, основалъ въ 1859 г. журналъ «Гласность», причемъ отъ каждаго класса были выбраны особые редакторы. Я былъ избранъ отъ IV приготовительнаго, ниже котораго не допускалось сотрудниковъ. Въ подражаніе «Колоколу» былъ заведенъ обличительный отдѣлъ: «Правда ли?» Либеральное начальство поощряло эти литературные опыты.

Слѣдующій рукописный журналъ назывался «Прогрессомъ». Это уже было время студенческаго броженія, отражавшагося и въ нашей корпусной жизни. Поэтому направленіе журнала было болѣе радикальное и полемическое, о чемъ можно было судить и по

заглавію статей: «Ротный командиръ и пироги съ рѣпою» (по поводу бунта кадетъ изъ-за этихъ пироговъ), «Слѣдуетъ ли бить свое начальство» (по поводу того, что одинъ кадетъ, нынѣ извѣстный провинціальный адвокатъ и журналистъ, началъ душить дежурнаго офицера), и т. д. Сотрудники въ жару полемики скоро перессорились и раздѣлились на партіи умѣренныхъ и крайнихъ. Начальство, понятно, уже косо смотрѣло на подобные литературные опыты и, чтобы отвлечь отъ политики, поощряло въ насъ артистическія наклонности.

Начальство поощряло впрочемъ мою охоту къ чтенію и отвело въ умывальной особый шкапъ для помѣщенія моей библіотеки. Онъ быстро наполнился французскими книгами, пріобрѣтавшимися на толкучкѣ, тогда очень богатой книгами, а также въ магазинѣ Дюфура (нынѣ Цинзерлинга). Книги, купленныя въ институтѣ, до сихъ поръ сохранились у меня; часть ихъ была переплетена въ переплетной моего корпуснаго товарища Михайловскаго, можетъ быть даже руками самого знаменитаго философа.

Политическая экономія и женскій вопросъ наиболѣе занимали меня. Случайное чтеніе книги Сюдра «Histoire du communisme» сдѣлало изъ меня экономиста. Въ то время, когда юноши читаютъ «Les amours de Faublas», я проглотилъ уже десятки скучнѣйшихъ экономическихъ и соціалистическихъ книгъ. Ш. Фурье я и до сихъ поръ считаю геніемъ. Я, впрочемъ, не пренебрегалъ и литературой. Чтеніе «Индіаны» Жоржъ-Зандъ сдѣлало меня ярымъ въ то время защитникомъ правъ женщинъ. Съ жадностью я перечиталъ всѣ ея многочисленные романы. На школьной скамьѣ сдѣлался я великимъ почитателемъ и Вольтера, важнѣйшія сочиненія котораго, вмѣстѣ съ другими антирелигіозными сочиненіями XVIII столѣтія, я перечиталъ у будущаго прокурора московской синодальной конторы Потемкина. Особенно мнѣ понравились «Les ruines» Вольнея. Изъ книгъ по женской эмансипаціи я увлекся «La femme affranchie» г-жи д'Эрикуръ; но тогда же я, впрочемъ, ознакомился и съ ея противникомъ и противникомъ «порнократіи» вообще—Прудономъ. Книги буквально я глоталъ, но это не мѣшало мнѣ учиться горнымъ и другимъ необходимымъ для инженера наукамъ, быть театраломъ, изучать спеціально шахматную игру и, какъ я уже писалъ, даже чернокнижіе.

Особое впечатлѣніе на меня произвели «Scènes de la vie de Bohème», только что умершаго Мюрже. Онѣ понравились и товарищамъ; нѣкоторые бросили корпусъ, чтобы жить на манеръ парижской «богемы». На квартирахъ ихъ, гдѣ было болѣе крѣпкихъ напитковъ, чѣмъ мебели, мы образовали даже какое-то общество вольныхъ стрѣлковъ. Чернявскій, авторъ «Гражданскаго брака», игралъ роль Шонара, а Мими—была чахоточная швейцарская гувернантка Огеръ.

Рукописная литература при такомъ порядкѣ, конечно, не удовлетворяла уже, и мы старались проникнуть въ періодическую печать, но тогда это было очень трудно: печатныхъ органовъ было мало, а редакціи представлялись очень замкнутыми кружками. Большинство ихъ перешло въ руки семинаристовъ, преимущественно изъ Педагогическаго института, выращенныхъ Введенскимъ. Но какъ-то одному кадету, покойному нынѣ Штильке, удалось напечатать статью о шоколадѣ или какао, не помню, въ журналѣ «Разсвѣтъ». Это было своего рода откровеніемъ.

По слѣдамъ Штильке пошелъ Н. К. Михайловскій и напечаталъ въ ноябрѣ 1860 г. разборъ вышедшей тогда Гончаровской Бѣловодовой, а за нимъ и я въ январѣ 1861 г. отправился со статьею о герцогинѣ Беррійской. Первую мысль о ея написаніи мнѣ дали статьи Чернышевскаго о Іюльской монархіи въ «Современникѣ», въ свою очередь навѣянныя «Histoire de dix ans» Луи Блана.

Никакое вдохновеніе меня не озаряло, а какъ-то просто я сѣлъ на деревянную табуретку передъ конторкой, стоявшей въ корпусѣ около каждой кровати и неизмѣнно покрытой потертой клеенкою, которою мы иногда колотили другъ друга, обмакнулъ казенное перо въ казенную чернильницу и сталъ строчить. Строчить на скверной казенной бумагѣ, загибая съ лѣвой стороны поля и дѣлая кляксы—привычки, оставшіяся у меня и по сей день. Я не зналъ тогда, что для набора лучше писать на одной сторонѣ листа.

Въ превосходной книгѣ «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи» г-жи Лихачевой обстоятельно описана роль, какую игралъ «Разсвѣтъ», основанный въ 1859 г., для проповѣди женской эманципаціи. «Разсвѣтъ» издавался Кремпинымъ, артиллерійскимъ офицеромъ, вынужденнымъ изъ-за какой-то исторіи кадетъ покинуть Артиллерійское училище, гдѣ онъ былъ дежурнымъ офицеромъ. Средства Кремпина были небольшія; онъ былъ зятемъ Беркова, «адмирала», т. е. начальника созданной еще Петромъ петербургской купеческой верфи, на которой ничего давно не строилось, кромѣ яликовъ для перевозовъ черезъ Неву, содержавшихся «водянымъ богомъ» Тайвани.

Въ «Разсвѣтѣ» отчасти начали свою карьеру, отчасти принимали дѣятельное участіе Писаревъ, Мих. Семевскій, Хмыровъ, Іоак. Шишкинъ, Водовозовъ, Карновичъ, Стоюнинъ, Саранчовъ и другіе молодые талантливые писатели, главное же направленіе давала belle soeur Кремпина, писавшая статьи о женскомъ воспитаніи. Журналъ покровительствовался Н. А. Вышнеградскимъ, создателемъ въ Россіи женскихъ гимназій, незадолго до того появившихся.

Кремпинъ жилъ въ небольшомъ, нынѣ несуществующемъ домикѣ на Малой Дворянской улицѣ. Онъ принялъ меня любезно, обѣщалъ просмотрѣть рукопись и просилъ зайти въ слѣдующее воскресенье. Съ нѣкоторымъ страхомъ явился я за отвѣтомъ, и мнѣ было сообщено, что рукопись не только одобрена, но и послана въ типографію или къ цензору, хорошенько не помню; въ тѣ времена типографіи ничего безъ цензурной помѣтки не принимали. Первая статья моя подписана не была, такъ какъ представляла только передѣлку біографіи Ипполита Кастиля, но вторая—«Герцогиня Беррійская и графъ Шамборъ» появилась уже за моею подписью. О восхищеніи, съ которымъ въ первый разъ увидѣлъ я эту подпись въ печати, и говорить нечего. Его испыталъ каждый начинающій писатель. Восторгъ далеко не раздѣляли мои родные, и отецъ мой, испытавшій невыгоды учено-литературной карьеры, написалъ мнѣ изъ Одессы строгое письмо, обѣщая мнѣ свое проклятіе, если я не брошу глупаго занятія литературой.

Съ этого момента я сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Разсвѣта». Моя библіотека не давала часто необходимаго матеріала, и я ходилъ по праздникамъ въ Публичную библіотеку, гдѣ дежурные чиновники весьма любезно подыскивали мнѣ потребныя книги. Но времени пропадало много не столько за собираніемъ справокъ, сколько за полученіемъ гонорара. Хотя мнѣ платили за печатный

листъ весьма почтенныхъ размѣровъ 15 рублей, но и эти деньги получить было не легко. Приходилось за ними прогуливаться по десяти разъ. Денежныя дѣла редакціи шли плохо. Немного помогло ей соучастіе тогда артиллериста, а потомъ земца Фирсова. Въ тѣ времена гонораръ вообще платился туго, одинъ Краевскій былъ хотя страшно скупъ, но аккуратенъ, остальные редакторы считали и выдавали гонораръ лично, т. е. очень трудно было получить что-либо. За неполныя строки вычиталась половина. В. Ѳ. Коршъ первый завелъ такой порядокъ, что контора выплачивала гонораръ вслѣдъ за появленіемъ статей по размѣткѣ изъ редакціи безъ особаго приказа.

Тогда и за границею аккуратно платили только знаменитостямъ и постояннымъ членамъ редакцій. Извѣстно, что даже въ «Revue des deux Mondes» существовало правило: первую статью молодыхъ авторовъ брать не иначе какъ безплатно, а вторую... никогда не печатать. Такимъ путемъ Бюлозъ и нажилъ крупное состояніе.

Но и двѣ-три сотни рублей въ годъ, что я зарабатывалъ кадетомъ, казались мнѣ огромною суммою и давали возможность увеличивать библіотеку и ходить почти каждый день въ театръ. Я даже купилъ себѣ, вмѣсто казенныхъ выростковыхъ, собственные опойковые сапоги въ магазинѣ Целибѣева, но они сейчасъ же лопнули,—событіе, которое не повліяло однако на измѣненіе моихъ взглядовъ на необходимость покровительства русской промышленности.

Нѣкоторыя статьи мои въ «Разсвѣтѣ» обратили на себя вниманіе, а двѣ статьи о «Екатеринѣ Медичи», гдѣ я парадоксально на основаніи католическихъ историковъ защищалъ ее отъ участія въ Варѳоломеевской ночи, вызвали даже обстоятельное возраженіе въ ученомъ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», не подозрѣвавшемъ, что онъ полемизируетъ со школьникомъ [1]).

Часть статей моихъ въ «Разсвѣтѣ» вышла потомъ и отдѣльною книжкою подъ названіемъ: «Женщины-писательницы XIX столѣтія», но на бѣду цензоромъ книги оказался покойный профессоръ педагогическаго института С. И. Лебедевъ, бывшій моимъ учителемъ русскаго языка въ Горномъ институтѣ, гдѣ мы, по обычаю давать начальству и преподавателямъ клички, звали его «бѣглымъ дьячкомъ Сидоркою». Онъ такъ поотечески отцензуровалъ мою книгу, что изъ нея исчезла добрая треть и осталось нѣчто весьма жидкое, да еще въ придачу онъ распекъ меня за несообразный образъ мыслей, хотя я уже былъ офицеромъ.

[1]) Съ изумленіемъ въ вышедшемъ въ Парижѣ капитальномъ трудѣ Wladimir Karenine'a (псевдонимъ г-жи Комаровой, урожденной Стасовой) о Жоржъ-Зандъ я нашелъ возраженія противъ одного мѣста моей статьи о великой писательницѣ, напечатанной въ «Разсвѣтѣ» еще въ 1862 году.

Въ 1862 году вышелъ романъ Флобера «Salammbô»; хотя онъ имѣлъ гораздо менѣе успѣха, чѣмъ предшествующій романъ того же автора «Madame Bovary», но о немъ въ Петербургѣ говорили, и я состряпалъ статейку, которую, не помню по чьему совѣту, отнесъ къ жившей тогда въ домѣ Демидова, на углу Невскаго и Малой Садовой, редакторшѣ - издательницѣ «Моднаго Магазина» Софьѣ Григорьевнѣ Мей, вдовѣ извѣстнаго поэта.

Оставшись вдовой послѣ своего умершаго отъ алкоголизма мужа, г-жа Мей, вмѣстѣ съ сестрою, только что начали издавать журналъ для женщинъ, гдѣ, кромѣ модныхъ картинокъ и выкроекъ, давалось серьезное чтеніе. Талантливые литераторы, Всев. Крестовскій и Ѳ. Бергъ, дѣятельно помогали ей.

Каждую субботу у нея собирался bureau d'esprit—литературный кружокъ, душою котораго былъ талантливый профессоръ военной академіи Рехневскій, впослѣдствіи женившійся на хозяйкѣ. Здѣсь, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ, бывали Писемскій, Некрасовъ, натуралистъ Сѣверцовъ и др. извѣстности, на которыхъ я въ старомъ потертомъ кадетскомъ мундирѣ взиралъ съ благоговѣніемъ. Надо отдать справедливость милому такту хозяйки: она всѣхъ, и старыхъ и малыхъ, принимала съ одинаковою любезностью за своимъ чайнымъ столомъ, гдѣ горячо обсуждались текущія политическія новости.

Въ это время, когда ежедневная періодическая печать была въ весьма жалкомъ положеніи, бойкостью полемики обратила на себя вниманіе газета «Современное Слово». Ее издавали покойные нынѣ Писаревскій и Леонтьевъ, при дѣятельномъ участіи Ватсона. Полковникъ Писаревскій, носившій кличку «общепонятнаго физика и механика» по двумъ популярнымъ книгамъ, имѣвшимъ успѣхъ, былъ только что уволенъ за либерализмъ отъ завѣдыва-

нія редакціей «Русскаго Инвалида», который онъ изъ сухой оффиціальной газеты обратилъ въ радикальный органъ. Незадолго до этого и Чернышевскій состоялъ, хотя и недолго, редакторомъ «Военнаго Сборника». Писаревскаго впослѣдствіи опять приняли на службу инспекторомъ телеграфовъ, и онъ умеръ директоромъ Электро-техническаго института. В. Н. Леонтьевъ, такой же ярый либералъ, какъ его талантливый братъ Константинъ былъ ярый консерваторъ, извѣстенъ по дальнѣйшему участію въ редакціяхъ «Голоса», «Искры» и бѣгству за границу. Ватсонъ, съ которымъ впослѣдствіи я близко познакомился въ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» при изданіи Корша, былъ только что уволенъ по подозрѣнію въ либерализмѣ отъ должности учителя исторіи въ какомъ-то московскомъ кадетскомъ корпусѣ и обратилъ на себя вниманіе статьями въ «Современникѣ», гдѣ русская публика впервые познакомилась съ Лассалемъ.

Въ Современномъ Словѣ», скоро цензурою закрытомъ, я писалъ статьи о горномъ промыслѣ. Статьи эти возмутили своимъ содержаніемъ покойнаго Полетику, который началъ со мною горячо полемизировать въ «Сѣверной Пчелѣ». Впослѣдствіи онъ сдѣлался моимъ пріятелемъ и по части воззрѣній на русскую экономію моимъ учителемъ [1]). Леонтьевъ говорилъ мнѣ комплименты, Писаревскій все вздыхалъ и подымалъ горѣ руки, но оба платили гонораръ еще хуже и неаккуратнѣе, чѣмъ Кремпинъ.

Желая мнѣ помочь, Кремпинъ предложилъ мнѣ принять участіе въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», издававшемся тогда, за отказомъ Краевскаго, подъ редакціей Лаврова, для чего свезъ и представилъ послѣднему. Здѣсь я познакомился съ Энгельгардтомъ, тогда блестящимъ и веселымъ артиллерійскимъ офицеромъ,

[1]) По поводу горной литературы не могу не отмѣтить слѣдующаго курьезнаго явленія. Въ 1865 г., когда я еще былъ поручикомъ, редакція оффиціальнаго и ученаго «Горнаго Журнала» снабдила одну мою статью примѣчаніемъ, гдѣ между прочимъ говорилось: «Даровитый сотрудникъ нашъ, который ужъ такъ много и такъ мѣтко указывалъ на новыя мѣстности и новые пути для развитія горнаго дѣла». Теперь же, 35 лѣтъ спустя и послѣ того, что я даже управлялъ горною частью, я не могу написать о горномъ дѣлѣ десяти строкъ, чтобы послѣдній газетный писака въ безвѣстномъ провинціальномъ листкѣ не упрекнулъ меня въ полномъ невѣжествѣ!

преподававшимъ химію. Петръ Лаврычъ жилъ на Кирочной и былъ артиллерійскимъ полковникомъ и профессоромъ высшей математики въ Артиллерійской академіи. Въ публикѣ онъ былъ извѣстенъ болѣе по своимъ философскимъ статьямъ, гдѣ проводилъ ученіе Фейербаха, т. е. лѣвыхъ гегеліанцевъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, живой, очень разсѣянный, обширнѣйшаго энциклопедическаго образованія, всѣмъ интересовавшійся и кипятившійся. Мою зависть возбуждала его превосходная библіотека и масса лежавшихъ на столахъ самыхъ новѣйшихъ сочиненій. Лавровъ принялъ меня очень радушно и поручилъ въ словарѣ писать біографіи знаменитыхъ женщинъ, но изданіе скоро прекратилось...

Таковы итоги моей кадетской или, вѣрнѣе, «дѣтской» литературы.

ПОѢЗДКА ВЪ ОДЕССУ.

XIII.

Хотя царь Давидъ говоритъ: «Дѣти Іерусалима благоволише каменіе его и персть его ущедрятъ», то-есть самые камни отечественнаго города намъ любезны, мила даже пыль его улицъ, но я по окончаніи курса не торопился увидѣть знаменитую пыль отечественнаго града. И денегъ на дорогу не хватало и любовь меня удерживала въ Петербургѣ, да и за семь лѣтъ я совсѣмъ опетербуржился.

Получивъ однако полное упрековъ письмо отъ моей матери, я двинулся въ путь съ весьма легко набитымъ кошелькомъ. До Москвы поѣхалъ я конечно въ третьемъ классѣ и спалъ на полу подъ сидѣніемъ; это стоило тогда всего 4 рубля, а въ Москвѣ остановился, чтобы найти попутчика. Желѣзная дорога не шла далѣе и приходилось ѣхать на почтовыхъ, что стоило не дешево. Въ ожиданіи спутника я сталъ отыскивать старую пріятельницу нашего семейства г-жу Тиханову. Адресъ ея я имѣлъ, но въ то время въ Москвѣ нумераціи домовъ не было и адресы были болѣе такого содержанія: въ приходѣ такомъ-то, наискось отъ булочной, домъ вдовы сенатскаго повытчика и т. п. Бился я часъ и болѣе, спрашивалъ будочниковъ, прислугу въ домахъ, проходящихъ, толку никакого. Наконецъ извозчикъ надоумилъ меня.

— Видно вы не здѣшній,—сказалъ онъ,—надобно спросить въ мелочной лавкѣ, тамъ все знаютъ.

И дѣйствительно въ лавочкѣ указали, что нужно. На другой день попутчикъ на московской почтовой станціи, помѣщавшейся тогда на Мясницкой, отыскался: какой-то штурманскій унтеръ-офицеръ, ѣхавшій въ Николаевъ. Но когда пришлось сѣсть въ перекладную, то оказалось, что насъ трое: штурманъ продалъ свое право купцу, ѣхавшему въ Полтаву, на ярмарку, а самъ помѣстился на облучкѣ.

У меня былъ чемоданъ, у штурмана ничего не было, купецъ же явился съ большимъ саквояжемъ, который держалъ между ногами; кое-какъ мы умѣстились и поѣхали. Не успѣли отъѣхать версту, какъ купецъ запѣлъ «часы»: «часъ же бѣ шестый» и т. д., при этомъ открылъ саквояжъ, гдѣ, оказалось, помѣщалась четверть водки, осыпанная, чтобы не разбиться, огурцами. Купецъ вытащилъ бутыль и стаканъ, налилъ намъ и себѣ и далъ по огурцу. Полчаса позже опять молитва, вскрытіе саквояжа, водка и огурцы; полчаса спустя опять та же исторія. И этакъ четыре дня и четыре ночи!

По шоссе, гдѣ была вольная почта, насъ везли довольно скоро, но такъ какъ мы ѣхали не останавливаясь (и этакимъ-то образомъ требовалось на путь отъ Москвы до Одессы дней девять), то ночью къ разсвѣту я порядочно мерзъ въ своемъ военномъ касторовомъ пальто. Засыпая въ перекладныхъ, я терялъ также неоднократно свою фуражку, и разъ пришлось пройти пѣшкомъ порядочное количество верстъ обратно, разыскивая свой couvre-chef.

Шоссе шло только до Харькова, а далѣе начиналось настоящее мученіе, перекладная или тащилась шагомъ по безконечнымъ глубокимъ пескамъ или тонула въ жидкой черноземной грязи.

Въ Полтавѣ меня встрѣтили мать и сестра. Онѣ остановились у стариннаго друга и шафера моего отца, оріенталиста Борзенко, управлявшаго акцизными сборами въ Полтавской губерніи.

Полтава была тогда совершенно ничтожнымъ городкомъ; центръ ея занимали зданія ярмарки, стоявшія круглый годъ пустыми кромѣ мѣсяца ярмарки. Въ самомъ городѣ для осмотра полагались: находившійся тогда въ жалкомъ видѣ домикъ Котляревскаго, автора «Энеиды» и создателя псевдо-малороссійской

литературы, и памятникъ на мѣстѣ, гдѣ Петръ пировалъ послѣ Полтавскаго сраженія и пилъ навеселѣ здоровіе шведовъ. «Мѣсто сіе свято», гласитъ наивно надпись на монументѣ.

Въ церкви близъ домика Котляревскаго я былъ свидѣтелемъ курьезнаго зрѣлища. Видя соборъ освѣщеннымъ, я зашелъ и засталъ молодую невѣсту въ церкви. У колоны сидѣлъ на подножьѣ старикъ лѣтъ подъ восемьдесятъ, въ формѣ отставного военнаго, повидимому разбитый параличемъ. Смѣясь я сказалъ: «Ужъ не эта ли развалина женихъ?» И точно минуту спустя подходятъ шафера, съ трудомъ подымаютъ съ пола моего старца и волочатъ къ вѣнцу!

Въ жизни я былъ свидѣтелемъ и другихъ удивительныхъ свадебъ, но объ этомъ въ другой разъ...

Окрестности Полтавы довольно живописны. Конечно, мы ѣздили на Полтавскую могилу и даже устраивали тамъ пикники въ обществѣ акцизныхъ чиновниковъ. Акцизная служба была тогда въ модѣ и привлекала самые разнообразные элементы. Даже старики зубрили на старости геометрію и физику. Въ Полтавѣ въ акцизѣ служили и пѣвецъ фонъ-Дервизъ, бывшій гусаръ, и Хлоповъ, злополучный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», уволенный за то, что сидѣлъ на козлахъ, когда студенты везли на себѣ карету Фанни Эльслеръ, и вернувшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія капитанъ-лейтенантъ Розенбергъ, свидѣтель взрыва «Пластуна», и писатели Н. Потѣхинъ и Ничипоренко.

Двухъ послѣднихъ я въ Полтавѣ впрочемъ не засталъ, ихъ увезли въ крѣпость и судили за визитъ къ Герцену и за сношенія съ Гарибальди и Саффи по проекту объ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи! Жандармское дознаніе по этому дѣлу, понятно, взволновало Полтаву, гдѣ до того пили только мирно горилку и варинуху и ѣли вареники. На запросъ жандармскаго штабъ-офицера, производившаго въ акцизномъ управленіи дознаніе, что замѣчалъ онъ за Потѣхинымъ, бухгалтеръ Шерстобитовъ, большой комикъ, написалъ смѣло: «Замѣчалъ стремленіе къ изящному и желаніе быстро идти впередъ по службѣ!

Изъ Полтавы мы выѣхали цѣлымъ караваномъ. Мать моя въ дормезѣ съ дѣвицами, я въ тарантасѣ съ Розенбергомъ. Борзенко провожалъ насъ до Кременчуга.

Онъ купилъ себѣ вѣнскую «нейтичанку» и увѣрялъ, что она такъ легка, что стоитъ поставить паруса—и она пойдетъ сама. Но пески Полтавской губерніи дали себя знать. Около Омельника, кажется на Пселѣ, такіе глубокіе пески, что и тройка не вытащила воздушной нейтичанки и она была временно брошена.

Отъ Елисаветграда дѣло пошло гладко. Снова я увидѣлъ свои родныя Новороссійскія степи, но уже болѣе распаханными, а отъ станціи Дальникъ открылся чудный видъ на Черное море и на Одессу. Царь Давидъ былъ правъ, сердце мое забилось отъ восторга. Когда я въѣхалъ въ городъ, то улицы его показались мнѣ узкими, а дома и мосты маленькими. Это впечатлѣніе объяснялось тѣмъ, что выѣхалъ я изъ Одессы мальчикомъ, а возвращался взрослымъ, почему всѣ пропорціи и измѣнились.

Въ другихъ отношеніяхъ Одесса, которая стала потомъ центромъ нигилизма, оставалась городомъ патріархальнымъ. Не то что о нигилизмѣ, но и о соціализмѣ тамъ ничего не слыхали, кромѣ десятка передовыхъ людей. Та же первобытность была и по женской части. Одинъ юный правовѣдъ объяснялъ при мнѣ барышнямъ на дачѣ у моря, что такое канканъ, и онѣ сдѣлали помѣтку на береговомъ утесѣ, чтобы, учась танцовать, знать, на сколько слѣдуетъ подымать ноги!

За семь лѣтъ моего отсутствія Одесса вообще мало перемѣнилась, только евреи забрали въ свои руки торговлю, вытѣснивъ грековъ. Прибавился памятникъ кн. Воронцову на Соборной площади, обвалилась въ море дача Ланжерона, Строгановъ мостъ соединилъ берега Карантинной балки, черезъ которую я столько разъ перебирался въ бродъ, и Европейская гостиница замѣнила на Итальянской развалины дома, принадлежавшаго Маразли, который не достраивался, какъ говорили, изъ опасенія духовъ, а въ дѣйствительности, кажется, изъ-за какого-то процесса съ малолѣтними подъ опекою.

Моя гимназія и Ришельевскій лицей уже перебрались въ новыя помѣщенія. Пирогова я не засталъ въ Одессѣ: его перевели въ Кіевъ. Пребываніе Пирогова, хотя и строгаго классика, въ Одессѣ составило эпоху въ нашей педагогіи. Въ 40-хъ годахъ Давыдовъ, директоръ педагогическаго института и вице-президентъ Академіи Наукъ, въ Московскомъ университетѣ, состоя профес-

соромъ русской словесности, семь мѣсяцевъ занималъ каѳедру акушерства! Онъ долженъ былъ почему-то остаться за штатомъ, и до пріисканія новой каѳедры, чтобъ не потерять правъ на учебную пенсію, совѣтъ поручилъ ему акушерство, о которомъ, конечно, Давыдовъ не имѣлъ никакого понятія.

Въ 50-хъ годахъ такихъ случаевъ не повторялось, но подборъ попечителей (должности которыхъ при Александрѣ I поручались первымъ вельможамъ) показывалъ презрительное отношеніе къ просвѣщенію. О попечителяхъ Николаевскаго времени ходили безчисленныя легенды.

Остряки увѣряли, что у генерала Краннхфельда, дерптскаго попечителя, надъ кроватью висѣлъ сдѣланный изъ волосъ шифръ Л. Когда его спросили, что это такое,—генералъ отвѣчалъ:

— О, это имя женщины, которую я очень любилъ.

— А какъ ее звали?

— Эльвира!

Московскій попечитель Назимовъ, бывшій потомъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, на экзаменѣ сказалъ одному гимназисту, плохо отвѣчавшему:

— Вотъ, молодой человѣкъ, вы не знаете даже тройного правила; что же вы будете отвѣчать изъ четверного или пятерного?

Конечно, это анекдоты, но они рисуютъ эпоху.

Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ вмѣсто гр. Строганова былъ Коцебу, котораго военные не любили ни на Кавказѣ, ни въ Севастополѣ, но правителемъ края онъ былъ весьма дѣятельнымъ и дѣльнымъ и оставилъ по себѣ въ Одессѣ хорошую память. Хотя Коцебу былъ маленькаго роста, а жена его, урожденная Мантейфель, очень высокаго, но оба отличались одинаковаго размѣра скупостью.

Коцебу имѣлъ слабость къ нѣмцамъ, правителемъ канцеляріи его былъ впрочемъ русскій Старынкевичъ, артиллерійскій генералъ, весьма почтенный человѣкъ, бывшій потомъ долго президентомъ Варшавы. Душою канцеляріи былъ впрочемъ не Старынкевичъ, а Отмаръ-Штейнъ, нѣмецъ только по имени. Это былъ интересный типъ самоучки, начавшаго службу писцомъ въ канцеляріи керченскаго градоначальника, а окончившаго сенаторомъ кассаціоннаго департамента. Открылъ его Антоновичъ, бывшій

градоначальникъ въ Керчи, а въ описываемое время градоначальникъ Одессы, откуда онъ перешелъ попечителемъ въ Кіевъ.

Городскимъ головою Одесса избрала свѣтл. князя Воронцова, изъ признательности къ отцу его, знаменитому фельдмаршалу. Извѣстно, что у всѣхъ крупныхъ дѣятелей Николаевскаго царствованія дѣти были весьма ограниченныя. Семенъ Воронцовъ не дѣлалъ исключенія; въ придачу онъ былъ въ рукахъ своей жены. Воронцовъ служилъ мишенью для одесскихъ остряковъ Ягницкаго и путейца Валберха, внука извѣстнаго русскаго балетмейстера.

— Правда ли, что вы меня браните по всѣмъ кондитерскимъ?—спросилъ какъ-то Воронцовъ Валберха, занимавшаго должность городского техника.

— Что же мнѣ, ваше сіятельство, прикажете бранить васъ по всѣмъ трактирамъ?—отвѣчалъ находчивый Валберхъ.

Путейцы въ это время играли роль въ Одессѣ. Строился новый портъ, т. е. выдвигался молъ Карантинной гавани. Старый деревянный портъ де-Волана совсѣмъ сгнилъ и засорился. Новыя сооруженія собрали въ Одессу нѣсколько талантливыхъ инженеровъ: Августиновича, застрѣлившагося потомъ въ Парижѣ на гробѣ свой дочери, Лишина, Панаева. Первоначально работы шли не очень удачно: бури сносили массивы и топили землечерпательныя машины; дѣла пошли лучше, когда подрядчикомъ сталъ инженеръ Пачинскій, строитель керченской крѣпости. И онъ и жена его славились необыкновенною толщиною.

Но особенно Одесса была поглощена сооруженіемъ желѣзной дороги до Балты съ вѣтвью до Днѣстра. Главное управленіе путей сообщенія никогда бы не согласилось на постройку, рѣчь о которой шла еще въ 30-хъ годахъ, но помогъ случай.

Коцебу, какъ нѣмецъ, записанный въ остзейскія дворянскія матрикулы, имѣлъ высокое уваженіе къ фамиліи Унгернъ-Штернберговъ, одной изъ древнѣйшихъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Такое же уваженіе, конечно, долженъ былъ питать и другой прибалтійскій нѣмецъ, Рейтернъ. Баронъ Штернбергъ и воспользовался этимъ. Большой оригиналъ, проведшій нѣкоторое время въ Америкѣ, онъ подалъ мысль строить дорогу солдатами, на первый разъ штрафованными, увѣряя, что это обойдется дешевле. Само собою, какъ всякій обязательный трудъ, работа солдатъ

была плоха и обошлась вдвое, но главное управленіе путями сообщенія не могло уже помѣшать дѣлу, и выдумка барона положила начало сооруженію на югѣ Россіи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Барона Унгернъ - Штернберга съ острова Эзеля одесскіе остряки звали «Эзеломъ съ острова Унгерна»; нападала сильно и печать, но осломъ баронъ вовсе не былъ —напротивъ, это былъ, хотя и чудаковатый, но очень бойкій и даже остроумный человѣкъ. Я его потомъ хорошо узналъ, когда мой старшій братъ былъ у него въ Петербургѣ одно время секретаремъ. Какъ нѣмецъ, баронъ имѣлъ, конечно, слабость къ остзейцамъ, и послѣднихъ наѣхало къ нему на службу такъ много, что вмѣсто Одесско-Балтской одесскіе остряки называли дорогу Одесско-Балтійской. Она была и трассирована такъ скверно нѣмцемъ же барономъ Ганомъ.

Роль свою Унгернъ-Штернбергъ довольно вѣрно опредѣлилъ въ рѣчи при открытіи дороги. «Самая трудная наука,—говорилъ онъ,—это азбука; а я выучилъ русскихъ азбукѣ желѣзнодорожнаго дѣла». Правда, и самъ баронъ не зналъ этого дѣла далѣе азбуки.

Женщинъ баронъ не выносилъ, и если кто изъ приближенныхъ къ нему людей задумывалъ жениться, баронъ безъ церемоніи увольнялъ его отъ службы.

Баронъ вообще отличался странностями. Онъ напримѣръ прочелъ гдѣ-то, что смѣяться полезно во время ѣды, ибо это приводитъ въ движеніе желудокъ и селезенку. И вотъ баронъ во время завтрака и обѣда разсказывалъ намъ безъ конца анекдоты, вовсе не смѣшные, но отъ которыхъ самъ добросовѣстно покатывался отъ смѣха. Баронъ былъ пріятелемъ Абазы, игравшаго и тогда уже большую роль въ Петербургѣ. Онъ вывелъ между прочимъ въ люди Велихова и Губера, двѣ замѣтныя личности въ нашемъ желѣзнодорожномъ мірѣ.

Польское возстаніе отразилось и въ Одессѣ, гдѣ было много поляковъ. Юго - западные помѣщики и помѣщицы носили «жалобу», которую не смѣли надѣвать у себя дома, боясь не столько жандармовъ, сколько своихъ собственныхъ крестьянъ-хохловъ, которые, несмотря на разныя «золотыя грамоты», связывали помѣщиковъ и привозили въ города, «шобъ не втикли». Поляки изъ

осторожности переселялись въ Одессу, гдѣ свой патріотизмъ проявляли въ разсказахъ о необыкновенной глупости русской полиціи.

Въ Одессѣ собирали даже открыто «офяру», контрибуцію на расходы повстанія, подъ видомъ сбора на починку костела въ Северинивкѣ, имѣніи гр Потоцкаго.

Привыкнувъ къ литературной дѣятельности, я, конечно, и въ Одессѣ не оставался празднымъ. Зудъ «обличенія», тогда всѣхъ обуявшій, коснулся и меня. Замѣтивъ большой безпорядокъ, особенно въ каталогахъ, въ Одесской публичной библіотекѣ, я написалъ объ этомъ статью въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», чѣмъ взволновалъ мѣстный муравейникъ. Я хотѣлъ описать кромѣ того въ «Горномъ Журналѣ» Куяльницкій соляной промыселъ, устроенный Новосельскимъ, жившимъ на промыслѣ. По этому поводу я и познакомился съ послѣднимъ. Это было періодомъ временнаго упадка Новосельскаго, когда, выйдя изъ Русскаго Общества пароходства и торговли, онъ сосредоточился на добычѣ соли, которая, несмотря на огромныя льготы по акцизу, также быстро ввела его въ неоплатные долги. Новосельскій имѣлъ талантъ не только дѣлать долги, но и всѣхъ очаровывать, почему въ Одессѣ его прозвали Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ. Очаровалъ онъ и меня и спустя сорокъ лѣтъ я помогъ ему даже уменьшить количество долговъ на цѣлый милліонъ.

Хотя пребываніе въ Одессѣ было очень пріятно, но меня тянуло въ Петербургъ, казавшійся мнѣ тогда и громаднымъ и веселымъ городомъ, полнымъ умственной и эстетической жизни.

Я поѣхалъ на пароходѣ до Николаева, а далѣе на перекладной до Харькова, гдѣ хотѣлъ взять изъ экономіи мѣсто въ мальпостѣ. Поѣздка на перекладныхъ была мучительна. Изъ-за постояннаго недостатка лошадей, приходилось сидѣть на станціяхъ, а тамъ кромѣ милліона клоповъ и мухъ ничего не было, не было даже ничего поѣсть, хотя на стѣнахъ висѣлъ утвержденный почтовымъ департаментомъ прейсъ-курантъ разныхъ блюдъ: бифстекъ-шатобріанъ, котлетъ-марешаль и т. п.

Въ эту поѣздку я былъ свидѣтелемъ, какъ даже губернаторъ сидѣлъ въ своей губерніи на станціи. Около Елисаветграда я ждалъ съ другими лошадей. Вдругъ влетаетъ жандармъ: Лошадей! — Нѣтъ

лошадей,—отвѣчаетъ писарь. Трахъ-трахъ!—нѣсколько оплеухъ. Черезъ минуту влетаетъ чиновникъ. Лошадей! губернаторъ! — Нѣтъ лошадей, изъ-за ярмарки страшный разгонъ и прошла экстра-почта... Трахъ-трахъ—еще нѣсколько пощечинъ.

Входитъ самъ грозный Клушинъ и, получивъ тотъ же отвѣтъ, начинаетъ лупить палкой уже не писаря, а смотрителя станціи.

Клушинъ шутить не любилъ. Когда его назначили управляющимъ гражданскою частью на Кавказѣ, то тифлисскій губернаторъ Орловскій со страху померъ.

Ничего, однако, подѣлать было нельзя. Клушинъ сконфузился, узнавъ, что я изъ Петербурга. Онъ зналъ и моего отца. Терпѣливо проболтавъ со мною часъ, онъ на первыхъ же обратныхъ и не кормленныхъ лошадяхъ уѣхалъ далѣе, оставивъ мнѣ въ утѣшенье свою свиту.

Память на лица. Въ эту поѣздку ночью, на станціи въ Кременчугѣ, попросился ко мнѣ въ попутчики молодой человѣкъ, оказавшійся студентомъ Харьковскаго университета. Былъ конецъ сентября, холодъ былъ собачій, но мой юноша и въ усъ не дулъ, сидя на перекладной въ одномъ пиджакѣ безъ пальто. На разсвѣтѣ мы простились. Четырнадцать лѣтъ спустя подъ Плевною подошелъ ко мнѣ какой-то гвардейскій капитанъ и говоритъ: «Да, я васъ знаю, я ѣхалъ съ вами какъ-то ночью по Полтавской губерніи на перекладной, моя фамилія Фидровскій.

Въ Харьковѣ пришлось на почтовой станціи ждать мѣста въ мальпостѣ цѣлыхъ три дня. Городъ тогда имѣлъ очень мало воды и почти не былъ вымощенъ, на улицахъ глубокій песокъ и масса блохъ. Пошелъ я въ публичную библіотеку; она оказалась запертою и огромный замокъ висѣлъ снаружи у дверей. Университетъ казался совершенно безжизненнымъ. Студенты проводили время болѣе въ игрѣ на билліардѣ въ мизерныхъ ресторанчикахъ. И тогда уже была въ университетѣ украинская партія, адепты которой носили видлоги, вышитыя рубашки, шапки изъ рѣшетиловскихъ смушекъ и грызли сѣмечки.

Ѣзда въ мальпостѣ оказалась послѣ перекладной очень пріятною, лошади вездѣ были готовы, было что поѣсть, пассажиры за три дня образовали дружную семью, начались даже любовные ро-

маны. Я имѣлъ мѣсто наверху надъ козлами и во снѣ опять потерялъ фуражку. Мой сосѣдъ, старый капитанъ внутренней стражи, далъ мнѣ ночной колпакъ. Я тщетно искалъ по дорогѣ военной фуражки, похожей на горную, и, чтобы какъ-нибудь доѣхать, вынужденъ былъ въ Москвѣ купить себѣ огромную бѣлую папаху съ голубымъ верхомъ, рискуя быть арестованнымъ за такую фантастическую форму.

По поводу офицеровъ корпуса внутренней стражи я слышалъ слѣдующій анекдотъ. Въ одно изъ своихъ путешествій на югъ Россіи Николай I обѣдалъ на почтовой станціи. Въ это время проходила этапная команда, конвоировавшая арестантовъ. Обративъ вниманіе, что офицеръ старикъ и съ Георгіемъ, государь приказалъ пригласить его къ столу. Офицеръ выпилъ и набрался храбрости. Разговоръ шелъ о ранахъ. Кто-то изъ спутниковъ государя замѣтилъ, что самая удивительная рана была у Кутузова: пуля ударила въ високъ, вышла въ глазъ, а Кутузовъ остался живъ.

— А вотъ у насъ былъ случай,—вмѣшался въ разговоръ офицеръ,—ядромъ ударило капитана Петрова въ голову.

— Ну, что же?—спросилъ съ удивленіемъ Николай.

— На мѣстѣ!—спокойно отвѣтилъ гарниза.

— Дуракъ!—закричалъ раздосадованный государь.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ НА СЛУЖБУ.

XIV.

Возвратясь изъ отпуска, конечно, съ отсрочкой, «признанною уважительною», благодаря своевременному освидѣтельствованію въ одесскомъ комендантскомъ управленіи, я явился въ департаментъ для исполненія обязанностей службы. Первая обязанность состояла въ полученіи жалованья, которое выдавалось по третямъ года къ окончанію третей и, несмотря на сдѣланную незадолго до того крупную прибавку жалованья всѣмъ офицерамъ, за узаконенными вычетами, составляло 492 руб. въ годъ съ копейками, въ томъ числѣ 25 руб. взамѣнъ отнятаго денщика.

Если вознагражденіе было неважное, то зато мы не знали тогда, что такое исканіе мѣстъ. Начальство заботилось о насъ, а у кого штатнаго мѣста не было, то тѣ, какъ и я, числились по корпусу, получая жалованье по чину.

Когда я расписался въ вѣдомости своимъ почеркомъ Петра Великаго и размахнулся въ концѣ длиннымъ росчеркомъ, экзекуторъ Фроловъ сказалъ:

— Ого! Каковъ министерскій почеркъ,—вы у насъ будете навѣрно вице-директоромъ.

Онъ не смѣлъ сказать директоромъ. Я ему напомнилъ объ этомъ, когда означенное предсказаніе сбылось. Онъ дождался назначенія меня директоромъ, чтобы получить усиленную пенсію и уйти въ монахи! Столоначальникъ Зануцци, которой опредѣлялъ меня на службу, также воспользовался моимъ директорствомъ,

чтобы выйти въ отставку въ той же должности столоначальника. Люди эти были не менѣе образованы и способны, чѣмъ многіе министры, но извѣстно, что служба, какъ жизнь, для однихъ мать, для другихъ мачиха.

Главнымъ моимъ начальникомъ былъ тогда Рейтернъ. Назначеніе его министромъ финансовъ многихъ удивило. Увѣряли, что еще Нессельроде, умирая, рекомендовалъ будто бы его Александру II, но шутники прибавляли, что Нессельроде сдѣлалъ это, находясь въ бреду. Скорѣе Рейтернъ попалъ въ министры черезъ Головнина, приблизившаго его къ кружку великаго князя Константина Николаевича. Впрочемъ, Рейтерна знали тамъ болѣе какъ віолончелиста (великій князь тоже игралъ недурно на этомъ инструментѣ); затѣмъ Рейтернъ изучалъ, по порученію морского вѣдомства, эмеритальныя кассы и счетоводство въ Америкѣ.

Первые шаги Рейтерна были очень неудачны. Отставка его была рѣшена еще въ 1866 г., но выбранный ему замѣстителемъ и назначенный въ ожиданіи товарищемъ министра Грейгъ дебютировалъ такъ неудачно въ его отсутствіи на докладахъ, что государь передумалъ и Рейтернъ просидѣлъ еще 12 лѣтъ.

Рейтернъ былъ человѣкъ умный и спокойный, держался слова; онъ очень мало говорилъ, не обращалъ вниманія на редакцію бумагъ и терпѣть не могъ плодить чиновниковъ. Людей онъ выбирать не умѣлъ. Онъ былъ остороженъ въ расходахъ, хотя на полезное въ деньгахъ не отказывалъ.

Горною частью онъ вовсе не интересовался, предоставивъ ее директору департамента. Онъ, впрочемъ, отпустилъ 800,000 руб. на улучшеніе казенныхъ заводовъ и поручилъ Податной комиссіи пересмотрѣть наше обширное горное законодательство. Пресловутая комиссія, наполненная теоретиками, конечно, пользы не принесла. Ея заключенія Рейтернъ забраковалъ подъ вліяніемъ Кобеко, который игралъ тогда большую роль. Вообще же для русскаго горнаго дѣла, находившагося въ критическомъ положеніи послѣ крестьянской реформы, Рейтернъ скорѣе былъ вреденъ, потому что допустилъ постройку сѣти желѣзныхъ дорогъ изъ безпошлинныхъ металловъ. Ошибка Рейтерна была исправлена только въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и опять чрезвычайно безтолково, вызвавъ новый горнозаводскій кризисъ.

Если что еще было сдѣлано Рейтерномъ для горнаго дѣла (болѣе по ученой части), то подъ вліяніемъ его двоюроднаго брата Гельмерсена. Онъ настолько цѣнилъ послѣдняго, что, вступивъ въ должность и желая его произвести въ генералъ-лейтенанты, сразу произвелъ пять генераловъ, старшихъ его по чину, что въ свое время имѣло видъ coup d'état, потому что по штату корпуса горныхъ инженеровъ полагался всего одинъ генералъ-лейтенантъ.

Въ образѣ жизни Рейтернъ отличался простотою и скромностью. Онъ продалъ за безцѣнокъ отличный домъ министра финансовъ на Дворцовой набережной (нынѣ Ратькова-Рожнова), а самъ поселился въ квартирѣ, занимавшейся ранѣе по Мойкѣ въ домѣ министерства директоромъ канцеляріи Фанъ-деръ-Флитомъ. Страдая смолоду подагрою, онъ отличался необыкновенною умѣренностью и въ пищѣ.

Я поступилъ въ горный департаментъ въ моментъ его преобразованія и отчасти обновленія. Герценъ въ «Колоколѣ» напечаталъ запросъ Рейтерну: когда же онъ уволитъ Гернгросса (директора) и Паценко (начальника отдѣленія частныхъ заводовъ)? Рейтернъ дѣйствительно уволилъ немедленно Гернгросса и назначилъ, по совѣту сенатора Врангеля, директора Рашета, управлявшаго ранѣе заводомъ герцога Лейхтенбергскаго и Александровской мануфактурой въ Петербургѣ и Демидовскими заводами на Уралѣ.

Въ это время Гротъ преобразовывалъ косвенные налоги. Департаментъ податей и сборовъ раздѣлили на два, прямые налоги и рекрутская повинность отошли въ департаментъ неокладныхъ сборовъ, а для округленія департамента неокладныхъ сборовъ была присоединена соляная часть, взятая у департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, ставшаго потому просто горнымъ департаментомъ. Вмѣстѣ съ этимъ казенное снабженіе солью было замѣнено довольно неудачно акцизною системой.

Горный департаментъ мало, впрочемъ, уменьшился въ объемѣ, потому что одновременно уничтожился штабъ корпуса горныхъ инженеровъ и его вѣдомство, сократившееся отъ освобожденія мастеровыхъ и горнозаводскихъ крестьянъ, и образовались сначала два отдѣленія дежурства, а затѣмъ инспекторское отдѣленіе департамента.

Рашетъ былъ человѣкъ курьезный. Даже по наружности онъ глядѣлъ, точно его срубили нескладно топоромъ. Чрезвычайно честный, усердный и благонамѣренный, онъ былъ ужасно ограниченъ, безъ смысла хлопотливъ и безтолковъ. Надобно только удивляться, какъ Рейтернъ могъ держать его столько лѣтъ. Онъ, впрочемъ, рѣшился было уволить Рашета и заговаривалъ съ Александромъ II о плохомъ состояніи горной части. Но, къ удивленію, государь почему-то сказалъ: «Я знаю Рашета, это прекрасный директоръ, онъ тебя научитъ, какъ управлять горной частью». Можно себѣ представить положеніе Рейтерна.

Въ молодости Рашетъ провелъ два года на заводахъ въ Швеціи и остался очарованъ этой страной, въ дорогѣ онъ пѣвалъ даже шведскія пѣсенки. Вездѣ, гдѣ онъ управлялъ, творилъ кучу глупостей, но все-таки подвигался впередъ, благодаря поддержкѣ своего брата Евгенія, статсъ-секретаря у принятія прошеній. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, протекція—все.

— Удивительное дѣло, — наивно жаловался частенько Рашетъ,—стоитъ мнѣ что-нибудь устроить, чтобы сейчасъ же дѣло развалилось.

Если какой-нибудь изъ его нелѣпыхъ проектовъ проваливался, онъ восклицалъ:

— Бѣдная Россія!.. Бѣдная Россія!..

Большинство людей онъ считалъ плутами, а всѣхъ частныхъ заводчиковъ иначе не называлъ какъ мошенниками. Когда предлагали спросить о чемъ-либо сенатъ, онъ никогда не соглашался.

— Тамъ сидитъ мой дядя, извѣстный мошенникъ.

Тамъ же сидѣлъ и родной братъ Рашета, Иванъ.

Кромѣ того, что люди мошенники, у Рашета было убѣжденіе, что умныхъ людей очень мало, — онъ да еще можетъ двое-трое, у остальныхъ же только хорошая память. Онъ меня очень полюбилъ, приглашалъ къ себѣ запросто, бралъ съ собою въ командировки, но я не очень былъ польщенъ, когда онъ какъ-то сказалъ мнѣ, что убѣжденъ, что у меня хорошая память. Потомъ онъ даже злоупотреблялъ этимъ. Если кто въ департаментѣ не зналъ и не могъ вспомнить, было ли когда-нибудь подобное дѣло, то онъ говорилъ: «Спросите у Скальковскаго, онъ все знаетъ, у него отличная память».—Да позвольте, говорилъ я ему, какъ же

я могу помнить какія-то дѣла въ разныхъ столахъ сорокъ лѣтъ назадъ, когда я на службѣ безъ года недѣля, да и ни въ какомъ отдѣленіи не состою?

При Рашетѣ всѣ дѣла бы остановились и все бы перепуталось, къ счастью, онъ слушался совѣтовъ курьера Николаенко и у него былъ дѣльный вице-директоръ Расcели и хорошій составъ чиновниковъ. Министерство финансовъ всегда имѣло лучшихъ чиновниковъ въ Россіи и это продолжается до сихъ поръ.

Раселли, полякъ, дошелъ изъ писцовъ до управляющаго департаментомъ. Онъ хорошо владѣлъ канцелярскимъ слогомъ, отличался спокойствіемъ и любезностью. Огрызко былъ его креатурой и помощникомъ въ департаментѣ, но Расcели и не думали подозрѣвать въ участіи въ организаціи возстанія. Конечно, онъ былъ радъ покровительствовать полякамъ, но до 1870 г. польское горное управленіе было автономнымъ въ Варшавѣ и поляковъ въ горной службѣ въ Россіи было мало. О техникѣ Расcели понятія не имѣлъ, въ жизни ни разу не былъ на заводахъ, а лѣтомъ ѣздилъ въ Варшаву и въ Италію. Горные инженеры были признательны ему за устройство эмеритальной кассы.

Раселли, какъ опытному чиновнику, поручалась особенно редакція всеподданнѣйшихъ докладовъ. Но и съ ними выходили исторіи. Какъ-то Рейтернъ докладывалъ Александру II о наградѣ Владиміромъ III степени инженера Таскина; государь, всегда внимательно разсматривавшій награды, отмѣтилъ IV степень. По разсѣянности Рейтернъ подалъ подписать указъ капитулу орденовъ о награжденіи III степенью. Пріѣхавъ домой, онъ замѣтилъ ошибку, написалъ сейчасъ же извинительную записку и новый проектъ указа, который государь подписалъ. Но когда указъ былъ отданъ Рашету, тотъ обратилъ вниманіе, что Таскинъ уже имѣетъ Владиміра IV степени, о чемъ и значилось въ наградномъ спискѣ. Даже Рейтернъ взволновался, обязанный писать вторую извинительную записку и посылать государю третій проектъ указа.

Императоръ Николай обращалъ особое вниманіе на всеподданнѣйшіе доклады, ихъ форматъ, почеркъ, отсутствіе подчистокъ, но самъ не стѣснялся писать шутливыя резолюціи и даже дѣлать рисунки. На одномъ докладѣ министра финансовъ, что свободныхъ суммъ отъ кабинетскихъ заводовъ (вѣдавшихся тогда департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ) нѣтъ, государь нарисовалъ фигуру съ высунутымъ языкомъ. Сбоку этого доклада ужасающимъ почеркомъ Врonченко было написано: «Его императорское величество изволилъ начертать фигуру».

Монетнымъ и пробирнымъ отдѣленіемъ вѣдалъ инженеръ Михайловъ, братъ котораго, извѣстный поэтъ, умеръ въ каторжныхъ работахъ. Другой братъ его, служившій на Нерчинскихъ заводахъ, за то, что держалъ сосланнаго поэта, съ согласія начальниковъ заводовъ Дейхмана, у себя въ денщикахъ, былъ отданъ вмѣстѣ съ Дейхманомъ подъ судъ. За это полагалась ссылка на поселеніе, но при разныхъ натяжкахъ горнаго совѣта, замѣнившаго съ 1863 г. горный аудиторіатъ, и при снисходительномъ отношеніи Рейтерна обоихъ приговорили только къ исключенію отъ службы.

Михайловъ, служившій ранѣе въ Оренбургѣ, былъ человѣкъ очень талантливый, онъ много поработалъ по пересмотру горнаго устава, составилъ новое положеніе для Монетнаго двора, новый пробирный уставъ и пошелъ бы по службѣ далеко, если бы не чрезвычайно болѣзненное самолюбіе. Онъ женился на молоденькой женщинѣ и вскорѣ послѣ брака, который оказался ему не подъ силу, зарѣзался въ торговыхъ баняхъ. Младшій членъ этого трагическаго семейства, Петръ, тоже горный инженеръ узнавъ, что его братъ зарѣзался, расхохотался и сѣлъ на полъ. Его подняли. Оказалось, что онъ сошелъ съ ума. Онъ скоро умеръ въ домѣ умалишенныхъ, оставивъ также молодую вдову.

Въ монетномъ отдѣленіи служилъ когда-то баснописецъ Крыловъ. До Михайлова управлялъ отдѣленіемъ извѣстный водевилистъ Ольховскій, а до того Ильманъ.

Ильманъ былъ огромнаго роста и очень некрасивъ собою. Какъ-то послѣ доклада у Канкрина онъ на набережной Каменнаго острова увидѣлъ женскую фигуру и погнался за нею. Дама скрылась въ Каменноостровскій дворецъ и разсказала в. к. Михаилу Павловичу о дерзости какого-то офицера, путейскаго или горнаго, похожаго на обезьяну. Великій князь спросилъ Клейнмихеля и Канкрина: есть ли у нихъ офицеръ, похожій на обезьяну? Клейнмихель отвѣчалъ, что нѣтъ, а Канкринъ сразу сказалъ: «Какъ же, Ильманъ».

За это Ильманъ угодилъ, несмотря на свое мѣсто начальника отдѣленія, на мѣсяцъ на гауптвахту.

Начальникомъ же отдѣленія казенныхъ заводовъ былъ полковникъ Рейнке, служившій ранѣе на казенныхъ солевареныхъ заводахъ. Рашетъ вскорѣ замѣнилъ его Котляревскимъ, имѣвшимъ опытность по управленію заводами на Уралѣ и въ подмосковскомъ краѣ. Отдѣленіемъ частныхъ заводовъ управлялъ Пащенко, женатый на извѣстной актрисѣ Дюръ. Онъ велъ довольно роскошную жизнь далеко не по средствамъ и имѣлъ прозвище Волынкинскаго Монте-Кристо, по дачѣ въ Волынкино, которая тогда не была фабричнымъ пригородомъ, а съ Емельяновкой служили какъ бы продолженіемъ Екатерингофа. Пащенко имѣлъ покровителей и, чтобы выжить его со службы, пришлось временно упразднить его должность слитіемъ двухъ отдѣленій департамента въ одно.

Отдѣленіемъ золотыхъ промысловъ, а затѣмъ соединенными отдѣленіями управлялъ Николаевъ, лиценстъ и товарищъ Кобеко, что давало ему извѣстное значеніе. Онъ и такъ не былъ лишенъ того, что называется toupet, и когда Гернгроссъ хотѣлъ было при опредѣленіи на службу назначить его помощникомъ журналиста, то Николаевъ сдѣлалъ своему директору сцену и заявилъ, что менѣе начальника отдѣленія мѣста онъ принять не можетъ, и дѣйствительно скоро получилъ таковое! Николаевъ попалъ потомъ въ товарищи министра финансовъ довольно оригинальнымъ образомъ. Абаза рекомендовалъ его, а Бунге желалъ взять Цимсена, но боялся противорѣчить Абазѣ. Послѣдній предложилъ рѣшить вопросъ жребіемъ. Написалъ на бумажкахъ два имени. Бунге взялъ одну бумажку; оказался Николаевъ, попавшій потомъ въ члены Государственнаго Совѣта.

Когда Николаевъ попалъ въ товарищи министра, первымъ дѣломъ его было спустить Ламанскаго, у котораго до того онъ былъ помощникомъ. А Ламанскій двадцать лѣтъ считался великой силой и при Рейтернѣ командовалъ нашимъ кредитомъ.

Инспекторскимъ отдѣленіемъ, важнѣйшимъ для карьеры молодыхъ инженеровъ, вѣдалъ Татариновъ, ярый спиритъ, но очень милый, благородный и образованный инженеръ, служившій до того на Алтаѣ. Въ главномъ горномъ управленіи было вообще

тогда не мало алтайцевъ, потому что Гернгроссъ въ молодости служилъ на Алтаѣ.

Счетное отдѣленіе, до введенія единства кассы и до преобразованія государственнаго контроля очень важное (ибо однихъ контрольныхъ столовъ было въ немъ восемнадцать), вѣдалъ старикъ Покровскій, внукъ котораго теперь занимаетъ видную должность въ министерствѣ финансовъ.

Помѣщался департаментъ въ верхнемъ этажѣ министерства финансовъ, въ лѣвомъ крылѣ Главнаго штаба, помѣщеніе же горнаго штаба отнялъ для своего новаго департамента Гротъ. Подыматься на службу нужно было сто слишкомъ ступенекъ, такъ что это былъ дѣйствительно «горный» департаментъ...

Если Васильева и Гурьева уже нѣсколько позабыли, то память о послѣднихъ предшественникахъ Рейтерна, Канкринѣ, Брокѣ и Княжевичѣ, была еще сильна въ министерствѣ финансовъ [1]).

Отецъ гр. Канкрина былъ специалистъ по горному дѣлу и написалъ о немъ много сочиненій, самъ Канкринъ служилъ въ молодости въ Старорусскомъ горномъ правленіи, поэтому считалъ себя специалистомъ и не очень любилъ горныхъ инженеровъ. Онъ просилъ какъ-то одного горнаго начальника, ѣхавшаго на Уралъ, что-то сдѣлать, тотъ отвѣчалъ: какъ-нибудь да сдѣлаемъ.

— Ужъ эти мнѣ инженеры,—съ досадой жаловался Канкринъ директору департамента,—все какнибудство и коекакство.

Несмотря на лѣта и свою наружную серьезность, Канкринъ былъ не прочь поберендѣйствовать. Онъ имѣлъ любовницу, которая жила на островахъ. Заѣхавъ какъ-то внезапно, Канкринъ засталъ молодого человѣка, показавшагося ему подозрительнымъ. Нѣсколько времени спустя, при представленіи благодарившихъ за награды, министръ увидѣлъ въ числѣ представлявшихся своего юношу.

— Очень, очень, батушка, радъ, — лукаво сказалъ Канкринъ,—вы помогали мнѣ тамъ, а мнѣ удалось помочь вамъ здѣсь.

---

[1]) Различные анекдоты о министрахъ финансовъ и о другихъ нашихъ государственныхъ дѣятеляхъ мною собраны въ моихъ книгахъ «Наши государственные и общественные дѣятели» и «Les ministres des finances de la Russie». Здѣсь печатаются тѣ, которые не вошли туда.

Разсказы о Врончевкѣ, какъ онъ вмѣсто духовъ вымазался ночью чернилами, какъ принялъ купающагося протодіакона за дѣвицу и послалъ курьера пригласить къ себѣ, какъ Средняя Мѣщанская была иллюминована въ день его назначенія, повторялись всѣмъ городомъ.

Когда одна изъ просительницъ вышла изъ кабинета Врончeнки и просители бросились къ ней съ вопросами: въ какомъ настроеніи духа министръ? просительница наивно отвѣчала.

— Слава Богу, слава Богу, что я догадалась надѣть чистое бѣлье...

Вронченко былъ нетерпѣливъ и страшно грубъ; случалось, что онъ швырялъ чернильницей въ докладчика. Ни онъ, ни Брокъ совершенно не интересовались горною частью. При Вронченкѣ горные инженеры получили право носить усы. Прежде изъ военныхъ усы носили только гусары; лишь въ 40 годахъ было разрѣшено носить усы всѣмъ военнымъ, для каждаго рода оружія по особому Высочайшему повелѣнію. На всеподданѣйшемъ докладѣ о разрѣшеніи горнымъ инженерамъ носить усы Николай I написалъ: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы главноуправляющій корпусомъ (т.-е. Вронченко) подалъ примѣръ». Можно было себѣ представить Вронченку въ усахъ? Ниже сей резолюціи на докладѣ рукою Вронченки написано: «По начертаніи сей резолюціи Его Императорскому Величеству благоугодно было предоставить главноуправляющему корпусомъ носить, или не носить усы, по его усмотрѣнію».

Когда Брокъ докладывалъ Николаю I о назначеніи какого-то чиновника:—Да онъ знаетъ ли финансы?—спросилъ государь.

— Онъ, ваше величество, служилъ въ конной гвардіи.

— А! это другое дѣло,—сказалъ Николай I, имѣвшій съ 14 декабря къ конногвардейцамъ особое расположеніе, что и заставило главноуправляющаго коннозаводствомъ Гринвальда при назначеніи Тимашева министромъ почтъ и телеграфовъ воскликнуть: «Слава Богу, наконецъ-то назначили министра изъ кавалергардовъ!»

Княжевичъ по старческой разслабленности предоставилъ управленіе кружку теоретиковъ, впервые принятыхъ въ министерство директоромъ кредитной канцеляріи, извѣстнымъ экономистомъ маленькимъ Гагемейстеромъ, служившимъ когда-то въ

Одессѣ. Княжевичъ же тщательно исправлялъ орѳографію на прошеніяхъ, подававшихся ему разными вдовами.

Его племянники были причиною его увольненія. Княжевича спустилъ Гротъ, не допускавшій постояннаго вмѣшательства этихъ племянниковъ въ назначеніе акцизныхъ чиновниковъ. По этому случаю ходила рукописная поэма «Братья-Разбойники», пародія на извѣстную поэму Пушкина.

И Вронченко и Брокъ цѣлые дни ходили въ халатахъ, такъ принимали и доклады департаментовъ. Въ старые годы не только министры, но и директора частенько принимали просителей въ халатѣ. Впрочемъ морской министръ Краббе дѣлалъ то же самое и въ мое время. Доклады у него были открыты для всѣхъ и каждаго. Краббе сидѣлъ въ подштанникахъ и въ халатѣ. Каждый проситель входилъ безъ доклада въ его кабинетъ, садился и ждалъ очереди, причемъ приходилось даже дамамъ выслушивать трехъэтажныя слова и циническія остроты, которыми Краббе усиленно уснащалъ, не безъ остроумія, свою рѣчь.

«— Еще свинья не успѣла поѣсть..., а ужъ ты пьянъ, говорилъ онъ одному представлявшемуся капитану 2-го ранга. Что ты мнѣ сверлишь семь дыръ въ..., говори прямо, замѣтилъ онъ другому. А не хотятъ ли они худого кафтана? сказалъ онъ на докладѣ директора по поводу предложенія поставить слишкомъ дорогой чайный приборъ для какой-то яхты.

Въ департаментѣ дѣлать мнѣ было вначалѣ нечего и меня командировали на обязательныя по закону для производства въ слѣдующій чинъ практическія занятія на С.-Петербургскій монетный дворъ. Это «техническое усовершенствованіе» состояло въ томъ, что въ теченіе полугода разъ въ недѣлю я долженъ былъ являться въ 7 часовъ утра; при мнѣ вскрывали печати на дверяхъ передѣловъ; я подписывалъ рапортичку о производительности предыдущаго дня, а затѣмъ въ теченіе дня отъ времени до времени, по звонку, долженъ былъ ходить выпускать рабочихъ изъ комнаты, гдѣ производилась «сводка» монеты, т. е. набиваніе ее въ мѣшки приблизительно одинаковаго вѣса, въ отхожее мѣсто. Вечеромъ я лежалъ на диванѣ и передо мною дефилировали въ однѣхъ рубашкахъ рабочіе и ихъ обыскивали унтеръ-офицеры, тщательно запуская пальцы въ ротъ и т. д. Если было

подозрѣніе, что рабочій проглотилъ монету, кружокъ или кусочки квартованнаго металла, то рабочему фельдшеръ давалъ касторки и рабочаго задерживали.

Черезъ этихъ обыскателей можно было узнать, что творится въ прилегавшемъ къ Монетному двору Алексѣевскомъ равелинѣ, ибо тамошніе сторожа и жандармскіе унтера находились съ обыскателями въ превеликой дружбѣ.

До Рейтерна ежегодно разсылались многимъ лицамъ приглашенія подписаться на «Горный Журналъ» за подписью министра. Рейтернъ рѣшительно отказался подписывать подобныя приглашенія, имѣвшія видъ приказанія. «Если желаете привлекать подписчиковъ,—сказалъ онъ,—старайтесь сдѣлать вашъ журналъ интереснымъ». Для увеличенія этого интереса онъ приказалъ напечатать въ журналѣ доносъ, поданный ему инженеромъ Блюмомъ на своихъ товарищей и, такъ сказать, раскрывавшій «тайны монетнаго двора».

Тайна состояла въ томъ, что Монетный дворъ, дѣлая контръпробу золоту, свозимому на монетный дворъ, держался пробъ золотосплавочныхъ лабораторій, а тѣ, во избѣжаніе необходимости возврата излишка оказавшагося золота и сложныхъ расчетовъ, показывали пробы всегда немного ниже дѣйствительныхъ, въ надеждѣ, что ошибка будетъ исправлена пробами Монетнаго двора. Въ результатѣ оказывался избытокъ монеты, который скрывался въ отчетахъ и раскладывался по карманамъ. Вся штука была въ рукахъ двухъ-трехъ лицъ, остальныя или ничего не знали, или были молчаливыми свидѣтелями.

Было ли это такъ или нѣтъ, но Монетный дворъ подвергся «чисткѣ». Новый начальникъ его, Ольховскій, поувольнялъ подозрѣваемыхъ и замѣнилъ людьми безусловно честными.

Я писалъ уже о памяти на лица. Вотъ еще примѣръ. Уже въ 90-хъ годахъ меня везъ какъ-то старый извозчикъ, вдругъ обернулся и сказалъ:—Да я васъ, баринъ, знаю.—Откуда?—А помните, вы служили на Монетномъ дворѣ и я возилъ васъ туда отъ Самсоніевскаго моста, тогда еще вы носили военную форму.

Освобожденіе горнозаводскихъ крестьянъ и общее оживленіе отозвалось и на горномъ кружкѣ. Была организована горнозаводская статистика; разъ въ недѣлю въ лабораторіи горнаго департамента, на Васильевскомъ островѣ, по вечерамъ собирались горные инженеры для обсужденія нуждъ горнаго дѣла. Бывали такія же собранія у инспектора Горнаго института Ерофѣева.

Было постановлено также собираться каждое 19-е января, въ день св. Макарія (праздникъ Горнаго института) на обѣдъ. Эти собранія, служившія турниромъ, гдѣ горные ораторы, а ихъ было не мало, и поэты, также многочисленные, проявляли свои таланты и остроуміе, были полезны. Здѣсь и я могъ ежегодно упражняться въ краснорѣчіи и перезнакомиться со всѣми горными дѣятелями, что для человѣка, горному міру совершенно посторонняго, было не лишнее. Обѣды эти служили также своего рода оселкомъ. Такъ какъ за стаканомъ вина не стѣснялись говорить въ лицу правду, то всѣ, у кого хвосты были нечисты (къ чести сословія, таковыхъ было немного), не смѣли являться на обѣды.

Собирались мы также въ Минералогическомъ обществѣ, директоромъ котораго былъ академикъ Кокшаровъ, а секретаремъ профессоръ университета Пузыревскій. Здѣсь, впрочемъ, въ тѣ времена главенствовали не инженеры, а нѣмцы. Между членами общества обращалъ на себя вниманіе Лавровъ, окончившій курсъ Горнаго корпуса еще въ 1808 г. О немъ профессоръ Еремѣевъ остроумно замѣтилъ, что Лавровъ въ молодости, въ силлурійскую эпоху, пасъ трилобитовъ.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ НАЧАЛѢ 60-хъ ГОДОВЪ.

XV.

Горное вѣдомство соприкасается въ своей обширной дѣятельности со всѣми вѣдомствами, кромѣ одного коннозаводства, поэтому я имѣлъ случай узнать за послѣднія сорокъ лѣтъ почти всѣхъ нашихъ государственныхъ людей, многихъ даже довольно близко.

Рейтернъ перешелъ къ намъ изъ морского министерства. Въ то время означенное министерство служило не только питомникомъ государственныхъ людей, но и образцомъ для устройства дѣлопроизводства и для штатовъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ во главѣ либеральнаго движенія, хотя не очень пользовался популярностью изъ-за своего рѣзкаго обращенія. При началѣ моей службы онъ, находясь въ Варшавѣ, не игралъ уже роли перваго министра, каковую занималъ въ концѣ 50-хъ гг. Для любителей petits faits de l'histoire сообщу, что великій князь отличался искусствомъ носить монокль и придумалъ особый способъ носить аксельбанты, которому мы всѣ, имѣвшіе таковые, подражали.

Кромѣ Рейтерна министрами тогда были: двора—гр. В. Адлербергъ, военнымъ—Милютинъ, морскимъ—Краббе, внутреннихъ дѣлъ—Валуевъ, начальникомъ III отдѣленія—кн. Долгоруковъ, юстиціи—Замятинъ, государственныхъ имуществъ—Зеленый, народнаго просвѣщенія—Головнинъ, государственнымъ контролеромъ — Татариновъ, главноуправляющимъ путями сообщенія—

Мельниковъ, коннозаводствомъ — Гринвальдъ, оберъ-прокуроромъ Синода Ахматовъ. Большую роль играли еще, какъ сановники, кн. Гагаринъ, гр. А. Адлербергъ, Чевкинъ, гр. Панинъ, гр. Корфъ.

Графа Блудова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, я видѣлъ только разъ въ жизни въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ. Онъ имѣлъ видъ совершенной муміи. Человѣкъ просвѣщенный и патріотъ, Блудовъ отличался слабохарактерностью. Даже Николай I, любившій его, сказалъ о немъ: «Il n'a jamais eu le caractère pour être quelque chose».

Смѣнившій гр. Блудова, кн. Гагаринъ былъ авторомъ извѣстнаго «нищенскаго надѣла». Онъ сталъ либеральничать по отношенію къ судебной реформѣ, хотя вообще былъ необыкновенный консерваторъ.

Когда рѣчь зашла о разрывѣ съ римской куріей и былъ собранъ совѣтъ министровъ, гдѣ Александръ II изложилъ положеніе вопроса, князь началъ свою рѣчь замѣчательными словами: «Первѣе всего дерзаю спросить, почему римскій папа осмѣливается не исполнять вашего императорскаго величества повелѣній?»

Гагаринъ имѣлъ видъ толстаго престарѣлаго подагрика, едва передвигавшаго ноги.

Съ окончаніемъ крестьянской реформы о гр. Панинѣ говорили мало. Онъ тоже иногда либеральничалъ, тогда какъ министромъ былъ въ полномъ смыслѣ слова консервативнѣйшимъ самодуромъ.

Онъ заставлялъ своего директора департамента Топильскаго выколачивать ему шубы, а однажды приказалъ явиться въ мундирѣ и орденахъ и поцѣловать его руку. Это для того, чтобы показать своей маленькой дочери, будущей графинѣ Левашевой, что его слушаютъ люди, даже очень важные, а она его не хочетъ слушаться!

Насколько Панинъ былъ стоекъ, настолько гр. Корфъ былъ гибокъ. Онъ отлично владѣлъ перомъ при нѣкоторой легкости въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ и умѣлъ подлаживаться ко всѣмъ режимамъ. Записку свою въ защиту свободы печати противъ проекта

министра народнаго просвѣщенія Головнина Корфъ цѣликомъ взялъ изъ книги Милля «О свободѣ».

Первоначально Александръ II хотѣлъ, по примѣру Александра I, раздѣлить военное министерство на двѣ части и поручить гр. А. Адлербергу и Баранову, но по совѣту кн. Барятинскаго, жившаго на Кавказѣ сатрапомъ, взялъ Милютина, расплодившаго канцелярщину въ нашей арміи.

И Адлербергъ и Барановъ были весьма близкими лицами къ большому двору. Къ тому же кружку принадлежали гр. Шуваловъ, Паткуль, Потаповъ, Казнаковъ, Рылѣевъ и др. Оракуломъ кружка былъ Тимашевъ, тогда управлявшій III отдѣленіемъ.

Онъ и былъ душою этого учрежденія, сильно поблекшаго и номинально состоявшаго подъ начальствомъ добродушнаго кн. Долгорукова, выказавшаго свою полную ничтожность уже въ должности военнаго министра въ Крымскую войну. Кн. Долгоруковъ былъ очень консервативенъ и явился настолько противникомъ гласности въ новыхъ судахъ, что Тимашевъ сострилъ, что «Долгоруковъ не прочь бы и Страшный судъ сдѣлать при закрытыхъ дверяхъ».

Министерствомъ двора управлялъ гр. В. Адлербергъ, отличный чиновникъ и даже независимый. Извѣстно, что онъ не согласился подписать журналъ о ст. 1 проекта положенія о крестьянахъ, гдѣ говорилось, что крѣпостное право отмѣняется по желанію дворянства. «Это ложь съ перваго слова, даже читать не стоитъ»,—сказалъ онъ.

Но въ мое время старый Адлербергъ былъ уже совершенной руиной, и публика знала его только какъ человѣка, находившагося въ рукахъ Минны Ивановны Бурковой, назначавшей на всѣ должности по министерству, для чего ей сообщалось о всѣхъ свободныхъ вакансіяхъ вѣдомства. Она вліяла и на другія вѣдомства; при ея посредствѣ, за хорошую, конечно, комиссію, домъ Брандта получилъ ссуду въ 600,000 р., а гр. Бобринскій, отецъ сахароваренія, даже 3 милліона. Она имѣла на чужое имя модный магазинъ, гдѣ, заплативъ отъ 100 до 500 р. за пару перчатокъ, можно было, увѣряетъ Бисмаркъ, просить о чемъ угодно.

Минна Ивановна умерла сравнительно молодою. Она, говорятъ, была чухонкою, но вышла замужъ за статскаго совѣтника, служившаго гдѣ-то вдали, на Кавказѣ.

Обѣ фаворитки Адлерберга, и Буркова и m-lle Blanche—рыженькая актриса Михайловскаго театра, возсѣдали каждую субботу, какъ я уже говорилъ, одна надъ другой въ крайнихъ ложахъ Михайловскаго театра съ правой стороны. А самъ графъ сидѣлъ неизбѣжно въ первомъ ряду креселъ въ черномъ парикѣ, въ корсетѣ, съ жестянымъ воротникомъ, поддерживавшимъ его трясущуюся отъ старости голову.

Старшій сынъ его (младшій почитался либераломъ и служилъ сначала въ Таганрогѣ, а затѣмъ въ Финляндіи, гдѣ принесъ много вреда русскому дѣлу), не имѣлъ претензій молодиться. Это былъ очень умный сибаритъ, не признававшій движенія и чистаго воздуха. Онъ былъ удивительно лѣнивъ, цѣлые дни лежалъ на диванѣ, не имѣя силы подойти къ письменному столу. Чтобы заставить подписать нѣсколько бумагъ, пріятель его и помощникъ по главной квартирѣ Воейковъ сажалъ его къ себѣ на спину и перевозилъ отъ дивана къ письменному столу.

Такъ же неохотно принималъ Адлербергъ и своихъ подчиненныхъ, когда сдѣлался министромъ. Горный генералъ Соколовскій, старшій членъ Кабинета, разсказывалъ мнѣ, что случалось, что его не пускали въ кабинетъ графа и заставляли въ комнатѣ рядомъ писать на листахъ бумаги то, что можно было доложить и рѣшить въ двухъ словахъ. По его увольненіи въ кабинетѣ его нашли ордена, присланные разнымъ лицамъ еще въ коронацію 1856 г.!

Когда на столахъ у графа накоплялось много бумагъ и конвертовъ, то Адлербергъ бросалъ ихъ преспокойно въ каминъ. Онъ сжегъ такъ документъ одной вдовы, за что вынужденъ былъ потомъ назначить ей отъ себя пенсію.

Долговъ Адлербергъ по той же небрежности не платилъ и чтобы не быть обезпокоиваемымъ кредиторами, не отмѣчалъ себя живущимъ въ Петербургѣ. Одинъ еврей скупилъ его векселя и явился съ предложеніемъ выкупить ихъ по 50 коп. за рубль.

— Да вы почемъ дали за мои векселя? — спросилъ спокойно графъ.

— По 35 коп. за рубль, — отвѣчалъ еврей, полагавшій, что сдѣлалъ прекрасную аферу.

— Это очень глупо; я бы вамъ сколько угодно написалъ векселей по 10 коп. за рубль.

Необыкновенно быструю карьеру Чевкина (онъ былъ генераломъ моложе тридцати лѣтъ) объясняли тѣмъ, что онъ состоялъ при Дибичѣ для писанія реляцій, а такъ какъ Дибичъ былъ постоянно мертвецки пьянъ, то безъ малѣйшаго затрудненія подмахивалъ не читая то и дѣло подносимыя ему представленія о награжденіи Чевкина.

Чевкинъ долго былъ начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, котораго онъ былъ создателемъ, и сдѣлалъ много для улучшенія научной и учебной части горнаго вѣдомства и участи горнорабочихъ; онъ далъ также по знакомству съ Перейрами толчокъ желѣзнодорожному строительству въ Россіи, но оставилъ по себѣ память человѣка необыкновенно мелочного. Не зная дѣла, онъ относился ко всему чисто съ канцелярской стороны, требуя безконечныхъ вѣдомостей и справокъ и провѣряя всѣ итоги до копейки, причемъ нерѣдко ошибался. Человѣкъ честный и безкорыстный, онъ желалъ преслѣдовать злоупотребленія, но, не вникая въ дѣло, попадался впросакъ.

Напримѣръ, во время своей командировки въ Сибирь, узнавъ, что количество расходуемаго на плавку угля выписывалось на Алтаѣ болѣе дѣйствительной потребности, по крайней мѣрѣ болѣе того, что полагалось по учебникамъ металлургіи, Чевкинъ пожелалъ поймать виновныхъ. Явившись рано утромъ на Локтевскій серебриплавиленный заводъ, онъ поставилъ у воротъ завода своихъ адъютантовъ и остался до ночи считать коробья и рѣшетки отпускаемаго угля. Видя это усердіе, управляющій мигнулъ уставщикамъ: не жалѣйте молъ угля; тѣ поняли, въ чемъ дѣло, и къ ночи, когда Чевкинъ торжественно вычислилъ среднюю цифру, оказалось, что угля вышло болѣе на 20% противъ того, что обыкновенно расходовалось.

При посѣщеніи Александромъ II Ростова Ярославскаго въ богоугодномъ заведеніи была подана пробная порція; государь похвалилъ пищу.

— Развѣ у васъ каждый день такія отличныя щи?—громко, не безъ ядовитости спросилъ городского голову Чевкинъ, сопровождавшій государя по званію главноуправляющаго путями сообщенія.

— А развѣ у вашего превосходительства всегда такое отличное шоссе, какъ теперь?—отвѣтилъ хитрый купецъ.

Государь долго смѣялся отвѣту.

Маленькій, горбатый Чевкинъ въ Государственномъ Совѣтѣ, чтобы сидѣть повыше, подкладывалъ подъ себя нѣсколько томовъ Полнаго собранія законовъ. Въ одномъ засѣданіи, гдѣ онъ все повторялъ: законъ да законъ, управлявшій министерствомъ юстиціи кн. Урусовъ, раздосадованный, сказалъ ему: «Неудивительно, что вы такой законникъ, вы вѣдь верхомъ на законахъ сидите».

Милютинъ тогда занимался еще исключительно дѣлами своего вѣдомства. Онъ не вмѣшивался въ иностранную политику и военное министерство не было еще «истиннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія», какъ прозвали его потомъ по сравненію съ офиціальнымъ педагогическимъ вѣдомствомъ.

Любя соединять людей совершенно противоположнаго направленія, Александръ II дорожилъ Милютинымъ. Не поступился имъ для гр. Шувалова, который былъ врагомъ Милютина. Даже когда въ 1872 г. Милютинъ подалъ въ отставку изъ-за комиссіи кн. Барятинскаго о преобразованіи арміи, государь сказалъ, что онъ не желаетъ до самой смерти разставаться съ Милютинымъ и съ кн. Горчаковымъ.

Послѣдняго я встрѣчалъ ежедневно прогуливавшагося передъ обѣдомъ около нашего министерства подъ руку съ Жомини. Онъ имѣлъ истощенный видъ и старше своихъ лѣтъ.

Ближайшіе его совѣтники, plumes et crayons, открыто жили съ французскими кокотками, которыхъ тогда налетѣло въ Петербургъ не мало проѣдать выкупныя свидѣтельства. Въ нѣкоторыхъ домахъ, какъ Чаплина, Кудюра, проживало сразу по нѣсколько парижскихъ знаменитостей и стоявшіе другъ противъ друга рестораны Бореля и Дюссо, гдѣ происходили ночью главные кутежи, прозвали Сциллою и Харибдою. Въ одномъ изъ нихъ и подана была на блюдѣ, вмѣсто лососины, голая Деверіа.

Горчаковъ держался въ сторонѣ отъ внутренней политики. Внѣшнею онъ руководилъ, то склоняясь по своимъ вкусамъ къ Наполеону III, то переходя, подъ вліяніемъ государя, на сторону Пруссіи. Въ дѣйствительности это былъ дипломатъ гораздо ниже своей репутаціи. Онъ отличался жадностью къ деньгамъ и чрез-

вычайною скупостью. Эта жадность и была причиною такихъ явно невыгодныхъ для Россіи сдѣлокъ, какъ продажа американскихъ колоній. Это была чисто биржевая операція; ее раскроетъ книга одного нашего уважаемаго дипломата, которая, къ сожалѣнію, не выйдетъ ранѣе его смерти. Главный сотрудникъ князя Горчакова по азіатскимъ дѣламъ, которыя вслѣдъ за польскимъ возстаніемъ выдвинулись на первый планъ, Стремоуховъ также не пользовался довѣріемъ общества, не говоря уже, что по таланту былъ гораздо ниже своихъ предшественниковъ, Ковалевскаго и гр. Игнатьева.

Едва ли не компетентнѣе всѣхъ по своей части былъ главноуправляющій коннозаводствомъ Гринвальдъ, ставшій потомъ самымъ стойкимъ союзникомъ гр. Толстого по части классицизма. Онъ же явился энергичнымъ, хотя и неудачнымъ противникомъ всесословной воинской повинности.

Дальнѣйшей моей службѣ очень помогла написанная мною статья для «Горнаго Журнала» о Куяльницкомъ соляномъ промыслѣ въ Одессѣ, о которой я говорилъ, а также статья о преподаваніи горнаго хозяйства и политической экономіи въ преобразовываемомъ Горномъ институтѣ. Статьи понравились предсѣдательствовавшему въ горномъ совѣтѣ и горномъ ученомъ комитетѣ Самарскому-Быховцу и секретарю комитета и редактору «Горнаго Журнала» И. А. Полетикѣ. Послѣдній былъ прекрасной души человѣкъ, очень образованный, даже ученый, но чудакъ. Онъ привлекъ меня къ постоянному участію въ журналѣ, познакомилъ меня со своимъ братомъ Василіемъ, женатымъ на сестрѣ Татаринова, тогда дежурнаго штабъ-офицера корпуса, т.-е. лица, въ рукахъ котораго была карьера горныхъ инженеровъ.

В. Полетика жилъ на Невскомъ заводѣ, который онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по Алтаю Семянниковымъ, изъ маленькаго заведенія, купленнаго при содѣйствіи Бенардаки, превратилъ, благодаря заказу пяти броненосцевъ, данному директоромъ кораблестроительнаго департамента Воеводскимъ, по случаю польскаго возстанія въ ожиданіи войны, въ огромный механическій, паровозный и судостроительный заводъ. Въ первый разъ я засталъ Полетику въ ужасномъ волненіи въ день краха на петербургской биржѣ отъ пріостановки размѣна кредитныхъ рублей, производив-

шагося по извѣстному плану Ламанскаго. Ламанскій вышелъ сухъ изъ воды, но бар. Штиглицъ долженъ былъ оставить Государственный банкъ.

Ламанскій былъ, во-первыхъ лицеистомъ, во-вторыхъ виднымъ членомъ того кружка фритредеровъ, который завладѣлъ нашими финансами. Рейтернъ былъ также лицеистомъ и сочувствовалъ вначалѣ кружку.

Говорятъ, что когда баронъ Штиглицъ оставилъ банкъ, Александръ II спросилъ Рейтерна, кого онъ думаетъ назначить на мѣсто барона.—Ламанскаго,—былъ отвѣтъ. Государь подошелъ къ шифоньеркѣ и досталъ изъ перлюстраціи копію съ письма Евгенія Ивановича, гдѣ послѣдній, обращаясь къ какому-то заграничному банкиру, бранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ Рейтерна и его систему. Рейтернъ прочелъ письмо.—Что жъ, ты думаешь назначить Ламанскаго?—спросилъ государь.—Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ Рейтернъ.

Штиглицъ до своего паденія дѣлалъ la pluie et le beau temps на петербургской биржѣ; унаслѣдовалъ онъ это привилегированное положеніе отъ своего отца. Онъ по своему произволу устанавливалъ курсы. Писать о биржѣ не разрѣшалось. Первымъ дерзнулъ Трубниковъ. Онъ же попробовалъ прибавить политику къ своему «Журналу для акціонеровъ» и просилъ писать статьи талантливаго Скачкова, брата синолога. Тогда запротестовало министерство иностранныхъ дѣлъ. Трубникову, ранѣе служившему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по расколу, разрѣшили однако писать статьи, но «съ биржевой точки зрѣнія»; поэтому о чемъ бы ни писалъ Скачковъ, въ концѣ слѣдовало прибавлять: «отъ сего курсы слегка понизятся» или наоборотъ: «надобно думать, что курсы повысятся»!

Штиглицъ, кромѣ богатства и ограниченности, отличался большою скупостью. Я лично видѣлъ, какъ въ Михайловскомъ театрѣ онъ нѣсколько минутъ искалъ на полу упавшій гривенникъ, а сторожа насмѣшливо поглядывали со стороны.

Горный инженеръ Ледантю, шуринъ Григоровича, немного тронутый, пошелъ было просить денегъ въ долгъ у барона.

— Увѣряю васъ, что у меня нѣтъ денегъ,—сказалъ Штиглицъ, не сумѣвъ найти лучшей отговорки.

— Какой же вы банкиръ, если у васъ нѣтъ денегъ,—въ сердцахъ закричалъ на него Ледантю.

Тридцать лѣтъ спустя я былъ свидѣтелемъ буквально такой же сцены между министромъ финансовъ Бунге и одной дамой.

Съ Полетикою мы быстро сблизились. Онъ отличался необыкновенною способностью спать, а затѣмъ остроуміемъ и живымъ насмѣшливымъ умомъ. Послѣ долгой службы онъ весьма скептически относился ко всему, даже къ Своду Законовъ.

— Я знаю, что тамъ есть статья, по которой за убійство отца и матери полагается орденъ Владиміра 4-й степени,—говорилъ онъ,—я не помню, въ какомъ она томѣ, но что она существуетъ—я вполнѣ убѣжденъ.

Онъ прекрасно произносилъ рѣчи, особенно застольныя, немного приготовившись. Дикція его была очень пріятная и у него было то, что называется—esprit de repartie. Особенно горячо онъ ратовалъ за покровительственную систему, не обрѣтавшуюся въ авантажѣ въ министерствѣ финансовъ, и меня обратилъ въ горячаго протекціониста. Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ мы ѣздили съ нимъ на разные съѣзды и засѣданія и успѣшно громили свирѣпствовавшихъ фритредеровъ.

Первое мое столкновеніе съ ихъ кружкомъ произошло зимою 1864 г. въ Политико-экономическомъ комитетѣ при Вольномъ экономическомъ обществѣ. Этотъ комитетъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ извѣстный профессоръ, журналистъ и банковый дѣятель Вернадскій, былъ твердынею тогдашняго фритредерства. Членами комитета состояли всѣ реформаторы нашихъ финансовъ и вліятельныя лица финансоваго вѣдомства.

Засѣданіе происходило публично и касалось нашей желѣзной промышленности. Тогда ученыя общества были очень замкнуты. Читалъ какой-то ученый фритредеръ и, конечно, несъ ахинею. Полетика и я въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ доказали нелѣпость доклада и невѣрность цифръ и техническихъ указаній. Надобно было видѣть, что произошло. Еще Полетику съ трудомъ звѣздоносные финансисты перенесли, но при словахъ молодого поручика предсѣдатель чуть не упалъ съ кресла, члены съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ во главѣ зашипѣли, стали прерывать, но

тутъ помогъ Полетика, ловкій дебатеръ, онъ наговорилъ всѣмъ не мало колкостей.

Такъ какъ я готовился къ каѳедрѣ, то сидѣлъ по уши въ экономической литературѣ, усиленно читая книги изъ богатой библіотеки министерства финансовъ, которою завѣдывалъ милѣйшій Н. Фанъ-деръ-Флитъ. Сбить меня цитатами было не очень-то легко даже такому начетчику, какъ В. Безобразовъ, къ которому вполнѣ примѣнялся извѣстный терминъ une bibliothèque renversée.

Жить краснорѣчіемъ было однако нельзя, даже при помощи литературы и командировокъ, жалованье было скудное. Я поселился у родныхъ, гдѣ за небольшую плату имѣлъ столъ и комнату, сначала на Садовой, а затѣмъ въ томъ же домѣ близъ Сампсоніевскаго моста, куда уже я ранѣе ходилъ изъ Горнаго института въ отпускъ.

Этотъ уголокъ древняго Петербурга состоялъ изъ заборовъ и деревянныхъ домовъ. Одинъ изъ немногихъ каменныхъ, гдѣ помѣщалось духовное училище, или точнѣе его заборъ, имѣлъ любопытную легенду. При Петрѣ это былъ домъ какого-то купца; во время наводненія люди хотѣли спасаться черезъ заборъ, но купецъ палкою билъ ихъ по рукамъ, опасаясь воровства. За это Петръ приказалъ навѣсить купцу на всю жизнь медаль на шею изъ чугуна, вѣсомъ въ два пуда, съ надписью: «За спасеніе погибавшихъ».

Въ то время постоянныхъ мостовъ, кромѣ Николаевскаго, и поперечнаго пароходства черезъ Неву не было, и во время ледохода, длившагося иногда по двѣ недѣли, приходилось ѣздить въ городъ или, какъ говорятъ тамъ, «на ту сторону», черезъ Тучковъ мостъ. Чтобы быть въ Михайловскомъ театрѣ, приходилось, напр., прокатываться взадъ и впередъ верстъ 15—16. Такое положеніе заставляло изучать режимъ рѣки.

Прошло столько лѣтъ, а я и теперь по цвѣту и сложенію льда могу почти безошибочно предсказать, скоро ли вскроется Нева. Этими познаніями обладала прежде на Петербургской каждая кухарка.

Въ ходу и тогда были катанія на тройкахъ, но тройка стоила всего три рубля и ѣздили къ Дороту и къ Сергію или на станцію Четыре руки.

Несмотря на дальнія разстоянія я, конечно, усиленно посѣщалъ всякія собранія и театры. Въ Благородномъ собраніи я познакомился съ популярнымъ тогда Элькономъ, который звался вѣчнымъ жидомъ. Онъ былъ дѣйствительно по наружности жидъ, а лѣтъ ему не было счета, ибо о 12-мъ годѣ онъ говорилъ какъ о событіи вчерашняго дня. Подозрѣвали, что онъ агентъ III отдѣленія.

Дамы носили тогда огромные кринолины, маленькія шляпки мускетеръ, проборы на боку, башмаки безъ каблуковъ. Такое изуродованіе не мѣшало имъ нравиться. Для мужчинъ явилась дорогая мода на мѣховыя шапки, ихъ носили или собольи или бобровыя, почему мазурики срывали ихъ ночью, иногда особыми крючками.

Кромѣ итальянской оперы и французскаго театра и маскарадовъ въ Большомъ театрѣ въ моду начали входить концерты, до того стѣсняемые дирекціей. Театры, концерты и собранія представляли для меня большія непріятности изъ-за формы. Никакъ бывало не сообразишь, въ какой формѣ нужно быть, а чуть что не такъ, или волосы длинны, или забылъ шпагу, подлетаетъ плацъ-майоръ, милѣйшій толстякъ Пузыревскій, и заставляетъ отправляться домой (это иногда за 8 верстъ) переодѣться подъ угрозою ареста.

Извѣстно, что при Александрѣ II военныя формы мѣнялись необыкновенно часто, даже комендантское управленіе не успѣвало слѣдить и путалось. Петербургскій комендантъ Адельсонъ разсказывалъ мнѣ, что и онъ какъ-то явился во дворецъ одѣтымъ не по формѣ: лента у него была на спинѣ пропущена подъ портупею, что немедленно было замѣчено.

Императоръ Вильгельмъ былъ большой соблюдатель формы и, зная требовательность по этой части въ Петербургѣ, очень волновался въ вагонѣ въ 1873 г. вопросомъ: въ походной формѣ слѣдуетъ ли штаны при мундирѣ имѣть въ сапогахъ или сверхъ сапоговъ? Мнѣнія раздѣлялись, германскій монархъ три раза въ пути переодѣвался. Кончилось тѣмъ, что поѣздъ подошелъ къ гатчинскому перону и старикъ, по словамъ Адельсона, оказался сидящимъ въ вагонѣ безъ панталонъ!

Для дамъ туалетъ та же форма и тотъ же предметъ мученій. Въ моей молодости графиня К. Б. и г-жа Р. К. соперничали въ

Петербургѣ красотою и нарядами. Соперничество дошло до того, что, узнавъ, въ какомъ платьѣ у нея будетъ на балу г-жа Р. К., графиня приказала обить у себя въ одной изъ гостиныхъ мебель той же самой матеріей.

Г-жа Р. К. была роскошно сложена и явилась на балъ въ Тюльери весьма декольтированная. Кто-то наступилъ ей на длинный трэнъ.

— Fichu maladroit, — сказала она въ сердцахъ.

— Madame,—отвѣтилъ ей наступившій,—un fichu serait mieux placé sur vos épaules que dans votre bouche.

И весьма аристократическія дамы любятъ декольтироваться. Г-жа Б. такъ нарядилась, что во дворцѣ ее спросили: не холодно ли ей? Послѣ чего она сейчасъ же уѣхала.

A propos тюльерійскихъ баловъ могу еще сообщить, что на одномъ изъ баловъ Наполеонъ III увидѣлъ на какомъ-то фрачникѣ орденъ, котораго онъ никогда не видалъ. Онъ послалъ камергера спросить, что это за орденъ?

— А онъ императору понравился?—спросилъ фрачникъ, оказавшійся американцемъ.—Очень радъ, скажите ему, что это я самъ выдумалъ этотъ орденъ.

Увѣряютъ, что г-жа Р—и, на вопросъ Александра II на балу въ Москвѣ во время коронаціи въ 1856 г., нравится ли ей балъ, наивно отвѣчала:

— Очень нравится. Хорошо бы, если бы почаще были коронаціи!

Извѣстно, что въ минуту опасности многія женщины совершенно теряютъ разсудокъ, да и мужчины не всегда сохраняютъ хладнокровіе.

Когда я жилъ на Петербургской сторонѣ, во дворѣ нашего дома загорѣлся деревянный флигель. Домъ вспыхнулъ поздно ночью, когда всѣ спали, и въ какихъ-нибудь три четверти часа сгорѣлъ до тла. Опасность была велика. Раздался крикъ: «горимъ!» Я наскоро одѣлся и пошелъ будить пріѣхавшаго изъ Одессы моего хромого на одну ногу двоюроднаго брата. Онъ вскочилъ и никакъ не могъ долго стать на ноги, все терялъ равновѣсіе и валился на полъ. Но это еще ничего.

Прислуга стала быстро вязать узлы съ наиболѣе цѣнными вещами. На моемъ письменномъ столѣ лежалъ бюваръ. Идя на пожарище, я сказалъ одной изъ своихъ кузинъ: «Не стоитъ спасать мое имущество, но возьмите мои деньги въ письменномъ столѣ и положите въ бюваръ, а бюваръ суньте въ одинъ изъ узловъ».

Я любовался ловкими дѣйствіями пожарныхъ, руководимыхъ брантмейстерами, и командами вродѣ: «вали рыломъ, а не валомъ», когда нужно было свалить торчавшія дымовыя трубы. Согрѣвшись, я было даже запѣлъ что-то, какъ Неронъ на пожарищѣ Рима, пока приставъ не замѣтилъ мнѣ, что пѣть опасно, ибо толпа приметъ меня, пожалуй, за поджигателя.

Дѣло было зимою. Я вдругъ почувствовалъ, что одна нога сильно зябнетъ, и увидѣлъ, что второпяхъ надѣлъ носокъ только на одну ногу. Я пошелъ домой, сталъ искать носокъ и его не нашелъ.

Утромъ, раскрывъ свой письменный столъ, я увидѣлъ, что мои деньги и бумаги валялись такъ же, какъ и прежде. Когда же кузина принесла мнѣ тщательно спрятанный и закрытый ключомъ бюваръ и я раскрылъ его, то нашелъ свой носокъ!

~~~~~~~~

ИЗСЛѢДОВАНІЯ НА СѢВЕРѢ РОССІИ.

XVI.

Существуетъ мнѣніе, что Сѣвера Россіи не существуетъ, что его выдумали С. Максимовъ и Немировичъ-Данченко. Злые языки увѣряли даже, что милѣйшій Василій Ивановичъ «описалъ виды Сѣвера, которыхъ не видалъ», а еще болѣе искусный Каразинъ ухитрился «нарисовать тѣ виды, которыхъ Немировичъ не видѣлъ».

Но Сѣверъ существуетъ въ дѣйствительности, и я его обошелъ пѣшкомъ и объѣхалъ въ 1864 г. вмѣстѣ съ извѣстнымъ геологомъ, профессоромъ Горнаго института Барботомъ де-Марни; намъ было поручено по Высочайшему повелѣнію изучить богатую солью и соляными разсолами пермскую почву, занимающую большую часть Архангельской и Вологодской губерній, отчасти врѣзывающуюся и въ губерніи Костромскую и Новгородскую. Другая партія, состоявшая изъ геологовъ Меллера и Мышенкова, отправилась изучать ту же почву въ губерніяхъ Вятской, Пермской и Уфимской.

Площадь, намъ порученная, была до того слегка только осмотрѣна нѣмцемъ Блазіусомъ и извѣстной экспедиціей Мурчисона, Вернейля и Кейзерлинга. Занятіе геологіей было для меня очень пріятно, потому что открывало возможность обширныхъ путешествій лѣтомъ на казенный счетъ, не мѣшая заниматься въ остальное время года моими любимыми экономическими работами. Горная служба вообще удобна для этого, и горное вѣдомство всегда просвѣщенно относилось къ молодежи.
~~~~~~~~

Передъ отъѣздомъ я перечиталъ и пересмотрѣлъ и тогда довольно обширную литературу о Сѣверѣ. Въ числѣ книгъ могу отмѣтить прекрасное описаніе Вологодской губерніи Услара, офицера генеральнаго штаба. Онъ умеръ потомъ генераломъ на Кавказѣ. Это былъ замѣчательный лингвистъ, написавшій не мало о самыхъ рѣдкихъ нарѣчіяхъ, и удивительно, что его біографіи нѣтъ даже въ большомъ Энциклопедическомъ словарѣ Ефрона.

Отпустило мнѣ горное вѣдомство на всѣ расходы и разъѣзды только 838 р. 20 к. Поэтому сборы мои были невелики: горный компасъ, два горныхъ молотка, рулетка карты, составленныя еще екатерининскими межевщиками, и кожаная подушка. Эта подушка имѣетъ свою исторію. Увидавъ, что я ѣду по окончаніи курса въ отпускъ безъ подушки, одна моя родственница купила мнѣ въ Гостиномъ дворѣ таковую. Съ тѣхъ поръ подушка не покидала меня ни въ одно изъ моихъ многочисленныхъ путешествій, каталась кругомъ свѣта, и такъ какъ со мною не случилось несчастій въ пути, то я увѣровалъ въ магическую силу моей подушки, считаю ее «закадычкой» (талисманомъ) и прежде всего забочусь въ дорогѣ, чтобы не потерять ея.

Встрѣча съ Барботомъ была назначена въ Вологдѣ. Я сѣлъ въ Твери на Самолетскій пароходъ и отправился въ Ярославль. Эта часть верхней Волги очень оживлена. Пароходъ то и дѣло останавливался. Первая болѣе продолжительная остановка была въ Калязинѣ, и я прогулялся по жидкому бульвару. Городъ получилъ извѣстность потому, что въ немъ проживалъ попъ Беллюстинъ, авторъ изданной за границей при содѣйствіи Герцена книги о положеніи бѣлаго духовенства, обратившей на себя вниманіе и вызвавшей преслѣдованія. Такъ какъ радикальный попъ сильно запивалъ, то не трудно его было оставить до смерти въ загонѣ. Кузьезно, что кромѣ чернаго духовенства Беллюстинъ особенно сильно обличалъ пьянство...

Затѣмъ мы прошли Кимры, извѣстныя по изготовленію сотенъ тысячъ паръ сапоговъ. И я купилъ, въ Петербургѣ, погнавшись за дешевизной, пару таковыхъ и проклялъ потомъ кимрянъ.

Въ Угличѣ я, конечно, посѣтилъ домикъ царевича Димитрія, тогда почти заброшенный. Городъ расположенъ довольно красиво на берегу рѣки.

Въ Рыбинскѣ въ это время года царитъ необыкновенное оживленіе, такъ какъ подходитъ весенній караванъ. Волга была сплошь заставлена баржами, и крѣпкое «русское слово» висѣло въ воздухѣ.

Ярославль также красиво расположенъ на высокомъ берегу Волги, но показался мнѣ очень пустыннымъ. Наибольшій интересъ представляли нѣсколько старинныхъ церквей. Ярославскій лицей выглядѣлъ скорѣе присутственнымъ мѣстомъ. Въ Ярославлѣ жилъ Пастуховъ, монополистъ желѣзной торговли, смѣнившій такого-же монополиста Баркова, но тогда когда тотъ, несмотря на монополію, обанкротился, у Пастухова было говорятъ, тридцать милліоновъ.

Я посѣтилъ сосланнаго сюда изъ Варшавы архіепископа Фелинскаго, у котораго одна моя знакомая одесситка завѣдывала хозяйствомъ, и архіепископа Нила, извѣстнаго по изслѣдованію, не имѣющему впрочемъ научныхъ достоинствъ, буддизма. Красивый собою владыка принялъ меня любезно, подарилъ свою адски скучную книгу, матеріалъ для которой собралъ въ Иркутскѣ, гдѣ кромѣ отбиранія у бурятъ свѣдѣній о буддизмѣ стяжалъ себѣ не малую толику и «богатствъ». Я ему припомнилъ, что, когда онъ, во время моего пребыванія въ Горномъ корпусѣ, присутствовалъ въ Синодѣ и жилъ въ Ярославскомъ подворьѣ, на набережной Васильевскаго острова, протодіаконъ его, сибирякъ, каждый день, даже въ декабрѣ, купался въ Невѣ въ корпусной ваннѣ, выходя изъ воды съ ледяною коробкою вмѣсто бороды.

Я останавливался въ Ярославлѣ у знакомаго губернскаго почтмейстера. Только что произошло переименованіе почтмейстеровъ въ управляющихъ почтовою частью въ губерніяхъ. Ничего при этомъ не измѣнилось, и управляющіе, какъ и почтмейстера, получали ничтожное жалованье, вознаграждая себя такъ называемыми «копытнымъ» и «хвостовымъ» сборами съ почтосодержателей. Чѣмъ болѣе было почтовыхъ лошадей въ губерніи, тѣмъ лучше жилось почтмейстерамъ.

Мой пріятель былъ до этого начальникомъ почтовой экспедиціи въ Константинополѣ и разсказалъ мнѣ много любопытнаго о нашей дипломатіи на Востокѣ передъ Крымской войной.

Конечно, меня снабдили такъ называемымъ «открытымъ предписаніемъ», но и этотъ «сезамъ» не много помогъ. Лошадей да-

вали безъ задержанія, но дорога изъ Ярославля въ Вологду, вслѣдствіе глинистаго грунта, была что-то рѣшительно невозможное. Болѣе 80 верстъ въ день проѣхать было нельзя. Лилъ къ тому же проливной дождь, и мы почти не вылѣзали зъ кибитки, оставивъ безъ вниманія лежавшіе по дорогѣ города Даниловъ и Грязовецъ.

Когда мы пріѣхали въ Вологду, гдѣ должны были прожить нѣсколько дней, я спросилъ полового въ гостиницѣ, есть ли въ городѣ женщины?

— Античеckихъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—а средственныя.

Это было, замѣтьте, до классической реформы Толстого.

Если вологодскія барыни не отличались античностью, то это не мѣшало имъ проводить время на подобіе древнихъ Лаисъ. Мѣстная хроника была довольно скандалезна. Губернскій городъ служилъ также столпомъ трехъ уѣздовъ, яро крѣпостническихъ. Остальные уѣзды губерніи; наоборотъ, были всегда сплошь мужицкіе. Тамъ царили исправники, которымъ приходилось иногда дѣлать по 900 верстъ, чтобы добраться до своей волости.

Въ клубѣ мы познакомились съ мѣстными помѣщиками. Одинъ изъ нихъ, Бердяевъ, пригласилъ насъ къ себѣ въ деревню, соблазняя тѣмъ, что овраги очень круты, что, какъ извѣстно, облегчаетъ геологическія изысканія. Здѣсь мы убѣдились, что пресловутой Урало-Алаунской гряды, о которой писали старые учебники географіи Россіи, здѣсь не существуетъ.

Иванъ Грозный очень любилъ Вологду и обстраивалъ; мы нашли еще груды камней, имъ привезенныхъ и за 250 лѣтъ не утилизированныхъ!

Я сдѣлалъ визитъ губернатору, старому поляку Хоминскому. Этотъ былъ тогда одинъ изъ лучшихъ и честныхъ начальниковъ губерній. Онъ любезно принялъ меня и оказалъ всякое содѣйствіе. Помогъ также найму лотомки и снаряженію мѣстный «водяной» Зубчаниновъ, типъ стараго путейца. Онъ передавалъ намъ, какъ правленіе знаменитаго II округа путей сообщенія систематически пріучало молодыхъ инженеровъ къ хищенію казенныхъ денегъ.

Но ранѣе отплытія мы изъ Вологды съѣздили на почтовыхъ въ Кирилловъ, по дорогѣ, которая идетъ значительною частью

вдоль бурнаго Кубенскаго озера. Здѣсь любопытно богатое село Новленское; во-первыхъ, своею старинной церковью, гдѣ доморощенный архитекторъ сумѣлъ расположить болѣе куполовъ, чѣмъ строитель Василія Блаженнаго въ Москвѣ; во-вторыхъ, какъ родина большинства крупныхъ подрядчиковъ строительныхъ работъ, между прочимъ Гладина, строителя новаго Ладожскаго канала.

Въ Кирилловѣ намъ пришлось пробыть нѣсколько дней, такъ какъ окрестности интересны въ геологическомъ отношеніи. Гостиницы въ городѣ не оказалось, исправникъ Трубниковъ отвелъ намъ квартиру въ домѣ какого-то купца, но бѣдному исправнику пришлось кормить насъ. Въ городѣ базаръ бывалъ разъ въ недѣлю, а въ остальные дни можно было умереть съ голода, ибо никакой провизіи достать не представлялось возможности.

Знаменитый въ русской исторіи Кирилло-Бѣлозерскій монастырь находится въ самомъ городѣ. Это громадная крѣпость, стѣны которой прекрасно сохранились. Нельзя того же сказать о библіотекѣ и арсеналѣ монастыря: все растеряно частью вслѣдствіе порчи въ самомъ хранилищѣ, но болѣе по небрежности монаховъ. Послѣдніе приняли очень кисло наше желаніе подробно ознакомиться съ монастыремъ.

Не лучше насъ приняли и въ огромномъ Горицкомъ женскомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ города.

— Да вы поляки,—сказала наивно настоятельница, когда мы назвали свои имена. И какъ мы ни увѣряли, что мы народъ православный, она вѣрить не хотѣла и неохотно даже пригласила напиться чаю съ вареньемъ.

Около города находится гора и на ней на зеленокаменномъ валунѣ разъѣдина, въ которой народъ видитъ отпечатокъ ступни преподобнаго Кирилла, отсюда избравшаго мѣсто для монастыря. Дѣйствительно, вся окрестность съ камня видна отлично. Посѣтили мы и упраздненный Ѳерапонтовъ монастырь, гдѣ въ заключеніи содержался патріархъ Никонъ.

Пароходство по системѣ Сѣверной Двины тогда состояло въ одномъ пароходишкѣ, да для насъ пароходы и не годились бы, ибо надобно было идти пѣшкомъ вдоль береговъ Сухоны, Вычегды, Сѣв. Двины и проч., заглядывая во всѣ впадающіе овраги, тща-

тельно разсматривать пласты и искать окаменѣлости въ породахъ и береговыхъ розсыпяхъ. Вечеромъ эти окаменѣлости опредѣлялись прямо или по атласамъ, съ надлежащими этикетами завертывались въ вату и по мѣрѣ накопленія отправлялись посылкою по почтѣ въ Петербургъ въ департаментъ. Тотемка была нанята до Устюга. Хозяинъ взялъ еще нѣсколько пассажировъ; мы ихъ думали прогнать, но они обѣщались пѣть пѣсни и помогать грести. На ночь барка обязана была останавливаться. Мы запаслись провизіей, и нашъ поваръ готовилъ, прикупая по дорогѣ только живую рыбу, да молоко. Такъ продолжалось во все путешествіе, но надобно было экономничать. Помню, что, когда выходили какіе-то сладкіе пряники, то право на нихъ терялъ тотъ, кто въ теченіе дня не могъ отвѣтить на три вопроса изъ географіи, въ которой мы оба были сильны.

Изъ гребцовъ меня поразилъ одинъ уже пожилой зырянинъ: онъ буквально гребъ, не останавливаясь, по 12—14 часовъ въ сутки, зато и съѣдалъ по 12 фунтовъ черного хлѣба. Въ жизни я не встрѣчалъ такой прожорливости.

Рѣка Вологда некрасива, но Сухона, съ ея высокими до 30 саженъ берегами изъ пестроцвѣтныхъ рухляковъ, такъ называемой «опоки», очень живописна, но, къ нашему отчаянію, не содержала никакихъ окаменѣлостей. Болѣе продолжительная остановка была въ Тотьмѣ, для осмотра солевареннаго завода и его буровыхъ скважинъ и для поѣздки въ казенный Леденгскій солеваренный заводъ, остановленный по случаю упраздненія казенной соляной операціи.

Завѣдывавшее имъ и другими сѣверными заводами Онежское соляное правленіе еще существовало. Это было скромное учрежденіе, не то, что другія соляныя правленія, въ которыхъ за мѣсто управляющаго платили въ министерствѣ финансовъ по 30,000 р. Управляющій Евреиновъ, братъ извѣстнаго химика, весь скрюченный ревматизмами,—что не мѣшало ему, при помощи лично изобрѣтеннаго приспособленія, играть усердно въ карты,—принялъ насъ съ замѣчательнымъ радушіемъ и сопровождалъ къ мѣстамъ, гдѣ начинался водораздѣлъ Волги.

Легкомысленное закрытіе завода было преступленіемъ: оно лишило казну небольшого дохода, а оставило расходъ на содержаніе управленія; кромѣ того пропалъ двухгодичный запасъ дровъ, разсолъ вытекалъ въ рѣку и брошенныя безъ ремонта обсадныя трубы и зданія портились.

На населеніи, жившемъ въ довольствѣ, это немедленно отразилось. Отъ отсутствія заработковъ начался голодъ, слѣдствіемъ его былъ тифъ, отъ котораго вымерла значительная часть рабочихъ. Затѣмъ нужно замѣтить, что солевары, привыкшіе къ возвышенной температурѣ около череновъ, неспособны заниматься земледѣліемъ или какою-либо другою работою на чистомъ воздухѣ, особенно зимою, которая въ Вологодской губерніи не отличается «благорастворенiемъ воздуховъ».

Такому безсмысленному разоренію акцизное вѣдомство подвергло населеніе и имущество и другихъ казенныхъ соляныхъ промысловъ, и еще въ 80-хъ годахъ мнѣ приходилось исправлять ошибки, сдѣланныя тогда финансовыми теоретиками.

Тотьма, нѣкогда богатый торговый городъ, мѣрами Петра Великаго и измѣненіемъ Сибирскаго пути также упала и обѣднѣла. Городъ этотъ создало солевареніе (даже мѣстный подвижникъ св. Ѳеодосій былъ во времена Грознаго солеваромъ). Я останавливался въ домѣ какой-то вдовы совѣтника соляного правленія, оказавшей весьма «шотландское гостепріимство», и познакомился въ городѣ съ Кокоревымъ, двоюроднымъ братомъ извѣстнаго откупщика и владѣльцемъ мѣстнаго солевареннаго завода, и съ однимъ очень милымъ лѣсничимъ, женатымъ на сестрѣ моего товарища по корпусу Слатина. Этотъ лѣсничій былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ незадолго до того возникшаго «Голоса».

Ниже Тотьмы у Лоси мы взлѣзали на громадный валунъ по срединѣ рѣки, на которомъ когда-то обѣдалъ Петръ. Эрратическій камень въ два раза болѣе пьедестала на монументѣ Фальконета! Здѣсь, рѣка вообще порожиста; самый большой и опасный порогъ у с. Порогъ. Я разговорился съ бабою о ея житьѣ-бытьѣ.

— Охъ, батюшка, какъ тяжело, да вотъ Господь Богъ благословилъ, поставилъ порогъ, суда бьются, а мы и кормимся.

Народъ здѣсь, какъ и вообще на Сѣверѣ, говоритъ новгородскимъ нарѣчіемъ, ударяя чаще всего на первомъ слогѣ, замѣняя ц—ч и наоборотъ.

— Отчего вы такъ говорите?—спросилъ я одного гребца.

— Мы короткоязыкіе,—былъ отвѣтъ.

Высокіе, почти отвѣсные, разноцвѣтные съ бордюрами берега у Порога и далѣе у Св. Горы чрезвычайно живописны. Казался красивъ издали и Великій Устюгъ, но вблизи виденъ упадокъ—плодъ нашей нелѣпой экономической политики: многіе дома стояли заколоченными, а нѣкоторые совсѣмъ брошенными ихъ владѣльцами. Въ городѣ я нашелъ нѣсколько сосланныхъ польскихъ помѣщиковъ и любопытнаго старика, начальника инвалидной команды, ветерана 12-го года. Онъ служилъ подъ начальствомъ Винценгероде, «Винцо въ огородѣ», какъ его звали солдаты, человѣка очень храбраго и очень строгаго. Моего бурбона, по его словамъ, онъ жестоко, здорово живешь, высѣкъ шомполами, заподозрѣвъ въ мародерствѣ.

Устюгъ славился когда-то своею серебряною работою «подъ чернью», но я уже нашелъ только одного мастера, сохранявшаго секретъ этого дѣла. Все шло къ упадку. Между тѣмъ хотя не много поднять Устюгъ было не трудно. Давно замѣчено нелѣпое разграниченіе нашихъ губерній, гдѣ губернскіе города лежатъ по большей части на окраинѣ губерній. Вологодская, занимающая площадь болѣе Великобританіи, особенно обижена по этой части. Давно существовалъ проектъ, прибавивъ къ Вологодской губерніи Кирилловской и Бѣлозерскій уѣзды Новгородской губерніи, образовать новую Велико-Устюжскую губернію изъ восточныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи и сѣверныхъ—Вятской. И послѣдняя черезчуръ велика для одного губернатора.

Но это только частица желанной административной реформы. Давно весь оригинальный Сѣверъ нашъ заслуживаетъ образованія особаго генералъ-губернаторства, которое имѣло бы болѣе смысла, чѣмъ пресловутое намѣстничество Дальняго Востока. Но мы любимъ всегда заботиться болѣе о пасынкахъ, нежели о родныхъ дѣтяхъ.

Въ Устюгѣ сохраняется въ соборѣ камень изъ небесной тучи, которую св. Прокофій юродивый, по старинной легендѣ, отвелъ отъ города. Камень оказался валуномъ краснаго гранита.

Изъ Устюга на лодкахъ мы поѣхали по Двинѣ до Усть-Курьи, откуда на лошадяхъ вдоль Вычегды на Печору. Дорога шла истребленнымъ лѣсомъ; стояла жара, было множество огромныхъ полосатыхъ комаровъ, «по два на фунтъ», какъ острили ямщики, и всякаго «гнуса», между прочимъ «оводовъ-цирюльниковъ», прозванныхъ такъ по тому, что они искусно вонзаютъ свое жало прямо въ жилу и кровь у бѣдныхъ лошадей и коровъ бьетъ фонтанчикомъ. Ужасно досаждала также мошка, забившаяся за бѣлье, и укусы которой тѣмъ болѣе увеличиваются, чѣмъ вы ихъ болѣе расчесываете.

Даже коровы — здѣсь по большей части комолыя и дающія чудное молоко — боятся комаровъ и «гнуса» и не выходятъ за черту осѣдлости. Одно спасеніе—разведеніе огромныхъ костровъ и сидѣніе въ ѣдкомъ дыму. Смазываніе гвоздичнымъ масломъ и туалетнымъ уксусомъ не помогаетъ, а въ маскахъ изъ волосяного сита такъ душно, что то и дѣло приходится снимать ихъ; пологи изъ кисеи ночью также не помогаютъ. Комары прокусываютъ и перчатки.

Ночью въ избахъ, кромѣ комаровъ, милліоны таракановъ и клоповъ. Пробовалъ я спать на сѣновалахъ, но тамъ и холодно и въ васъ впиваются клещи. Относительно таракановъ я наблюдалъ любопытное явленіе. Извѣстно, что на Сѣверѣ ночью свѣтло какъ днемъ. Тараканы сидятъ въ щеляхъ до извѣстнаго часа, а затѣмъ, считая, что началась ночь, хотя бы былъ солнечный свѣтъ, начинаютъ бѣгать по всѣмъ стѣнамъ и по потолку. Въ это время легко было наблюдать и удивительную хитрость и стратегическія движенія клоповъ.

Въ Сольвычегодскѣ, мѣстѣ, гдѣ началось значеніе рода Строгановыхъ, не осталось ничего кромѣ нѣсколькихъ оригинальныхъ церквей, ими построенныхъ. Еще бѣднѣе Яренскъ. Это буквально маленькая улица изъ сгнившихъ домовъ на «пармѣ» — подсохшемъ болотѣ. Исправникъ жаловался, но не скучалъ, потому что прилегающій съ сѣвера край—центръ раскольничьихъ скитовъ и полиціи было чѣмъ поживиться. Эта мѣстность часть Удоры, которой мѣстоположеніе едва ли у насъ кто знаетъ, хотя она входитъ даже въ Императорскій титулъ.

Болѣе оживленнымъ оказался Усть-Сысольскъ, столица Зырянской земли, извѣстная въ исторіи русской литературы ссылкою

Надеждина за пропускъ знаменитаго «Философическихъ писемъ» Чаадаева.

Для уѣзднаго города, заброшеннаго въ глушь, далѣе котораго не идетъ уже почтовая дорога, Усть-Сысольскъ довольно представителенъ. Зыряне народъ развитой и смышленый. Я нашелъ даже эмансипированную дѣвицу зырянку, г-жу Латкину, дочь арендатора знаменитой Брусяной горы у р. Соплюсы и родственницу извѣстнаго радѣтеля Сѣвера — Сидорова. Кромѣ чиновниковъ и купцовъ — общество состояло изъ лѣсныхъ офицеровъ и огромнаго числа высланныхъ административнымъ путемъ польскихъ помѣщиковъ. Изъ послѣднихъ я особенно сошелся съ Совинскимъ и Оскеркою.

И всѣ лѣсные офицера были—поляки, какъ по огромному числу лицъ польскаго происхожденія вообще въ лѣсномъ вѣдомствѣ, такъ и потому, что возстаніе заперло для нихъ службу въ Западномъ краѣ. Лѣсничіе, набиравшіеся тогда безъ строгаго разбора (что доказывалось огромнымъ числомъ состоявшихъ всегда подъ судомъ офицеровъ), пользовались доходами (кто тамъ на Печорѣ могъ ихъ усчитать!), но жизнь не представляла разнообразія и единственнымъ препровожденіемъ времени была игра въ ландскнехтъ. Въ Усть-Сысольскѣ, да и въ другихъ мѣстахъ на Сѣверѣ и на Уралѣ играли тогда день и ночь.

Пришлось и мнѣ испытать сладость «пліе» на хорошемъ «кушѣ». Науку эту впрочемъ мнѣ преподалъ еще въ Петербургѣ одинъ мой товарищъ Р. Извѣстный театралъ, онъ былъ страстнымъ игрокомъ, но обыкновенно проигрывалъ. Разъ ему однако удалось выиграть 30,000 руб. въ одинъ вечеръ, и онъ немедленно купилъ великолѣпный несгораемый шкафъ для храненія денегъ. Шкафъ принесли на слѣдующій день, но уже наканунѣ ночью Р-тъ всѣ деньги проигралъ. И такъ до его смерти шкафъ простоялъ пустымъ...

Изъ Усть-Сысольска на водораздѣлъ Печоры, на Усть-Кемь и Мылвино пришлось отправляться на лошадяхъ.

Поваленныя отъ буреломовъ деревья и отсутствіе мостовъ дѣлали дорогу ужасно затруднительною. Мѣстами мы путь прорубали топорами. Онъ шелъ также цѣлые версты по прыгавшему мостовиннику, покрывавшему оттаявшія болота. Въ лѣсной чащѣ

отъ отсутствія движенія воздуха и того, что солнце почти не заходило, жаръ стоялъ выше 30 град., а гнусъ наполнялъ воздухъ.

Обратный путь мы сдѣлали водою. Требуя по открытымъ листамъ министра внутреннихъ дѣлъ такъ называемыхъ земскихъ лошадей, мы за отсутствіемъ таковыхъ получали лодки, т.-е. большею частью шли пѣшкомъ, а двѣ лодки слѣдовали за нами съ вещами и поваромъ.

Затрудненія тутъ еще увеличивались тѣмъ, что, гдѣ по земскому тракту полагалось верстъ 15, рѣка дѣлала лѣтомъ среди «полоевъ» (протоковъ) излучины верстъ по 90. Отвезя насъ, крестьяне могли вернуться домой развѣ черезъ три дня. На бѣду селенія, стоявшія на берегахъ, оказывались въ межень въ 4—5 верстахъ отъ пристани. Отыскивать ихъ было трудно, да и мужики всѣ оказывались на косовицѣ, которая совершается здѣсь большими серпами. Хлѣбъ плохо родится, поэтому главное занятіе—скотоводство, а затѣмъ отхожіе промыслы на уральскихъ заводахъ, по заготовкѣ угля и по гонкѣ барокъ.

Вмѣсто мужиковъ гребцами наряжались послѣ длинныхъ споровъ бабы и дѣвки. Это такъ называемая «сарафанная почта». Даже веселъ не было—ихъ замѣняли длинные шесты, которыми бабы ловко толкали о дно рѣки: лодки шли по теченію такъ же скоро, какъ бѣжали бы лошади. Эта поѣздка на бабахъ, распѣвавшихъ грустныя пѣсни и питавшихся корками хлѣба, испеченнаго по случаю двухлѣтняго неурожая пополамъ съ сосновою корою, была довольно оригинальна. Можно было вообразить себя какимъ-нибудь царькомъ внутренней Африки. Для стаскиванія съ мели бабы задирали подолы выше пояса и, обнажившись съ наивностью золотого вѣка, лѣзли спокойно въ воду.

О русской грамотѣ никто понятія не имѣлъ, и намъ стоило большихъ усилій получать расписки, необходимыя для представленія отчета въ израсходованіи казенныхъ денегъ. Надобно сказать, къ стыду нашего мелкаго чиновничества, что, когда мы платили прогоны, мужики и бабы только глаза таращили: они привыкли, что ихъ услугами всѣ пользовались даромъ.

— Вы ихъ намъ испортите, — журилъ насъ наивно одинъ мѣстный чинъ.

Второй отъѣздъ изъ Усть-Сысольска сопровождался довольно забавнымъ происшествіемъ. На пристань къ намъ явился въ числѣ провожавшихъ городской голова съ большою корзиною тенерифа (любимаго на Сѣверѣ вина) и предложилъ выпить. Мы угостили его сначала шампанскимъ. Онъ сѣлъ въ лодку съ своею корзиною и сказалъ, что проводитъ насъ до окраины города. Бутылки изъ корзины раскупоривались, голова пилъ, какъ губка, объяснялся въ любви и не думалъ выходить. Такъ мы проплыли верстъ тридцать. Голова былъ совсѣмъ пьянъ, пѣлъ зырянскія пѣсни и лѣзъ цѣловаться. Надоѣлъ онъ намъ страшно.

Тогда меня осѣнила благая мысль.

— Выбросимъ его на необитаемый островъ и удеремъ,—сказалъ я.

Самое удивительное, что, несмотря на отдаленность и безгласность, нѣкоторые чиновники всетаки ухитрялись попадать подъ судъ. Мнѣ отвели квартиру у одного такого состоявшаго подъ судомъ бывшаго «окружнаго» министерства государственныхъ имуществъ. Дѣло его тянулось безъ конца, и въ это время его красивыя дочери успѣли стать старыми дѣвами. Никто не хотѣлъ брать ихъ до окончанія дѣла.

Видимъ наконецъ на берегу деревушку, какъ вездѣ на Сѣверѣ, окруженную множествомъ изгородей съ тяжелыми длинными воротами, которыя ограждаютъ «поскотины». Мы предложили головѣ прогуляться на берегъ для выпивки, взяли его подъ-руки, провели нѣкоторое пространство, затѣмъ бросились со всѣхъ ногъ бѣжать къ лодкамъ, быстро закрывая за собою ворота. Пьяный голова гнался за нами, но, конечно, ему поспѣть было нельзя. Мы уже отчалили и слышали, какъ онъ съ берега ругается на чемъ свѣтъ стоитъ.

Намъ было немного стыдно отъ такой дѣтской выходки, и мы въ дорогѣ частенько вспоминали о головѣ, желая знать, добрался ли онъ живой домой. Прошелъ годъ. Какъ-то зимою въ Петербургѣ я сижу за письменнымъ столомъ, слышу шаги, оборачиваюсь—мой голова Забоевъ бросается въ объятія. Онъ пріѣхалъ по какимъ-то торговымъ дѣламъ и посѣтилъ безъ малѣйшей гапсине Барбота и меня.

До Усть-Выми, откуда Стефанъ Пермскій окрестилъ зырянъ

и гдѣ въ старину была епархія, мы плыли на земскихъ лодкахъ, но постоянныя задержки заставили насъ купить себѣ большой карбасъ. Пока карбасъ пріискивался и происходилъ наемъ людей, мы съѣздили въ Сереговскій солеваренный заводъ. Здѣсь, въ невѣроятной глуши, мы встрѣтили въ должности управляющаго молодого ученаго нѣмца Кнауса.

Онъ, хотя былъ холостякомъ, но не скучалъ, занимаясь химіей, метеорологіей, охотою и соленіемъ оленьихъ языковъ. Русскій давно бы спился на его мѣстѣ съ круга или застрѣлился. Во время подъема по Вычи выше завода мы видѣли какъ-то на берегу сидѣвшаго на пнѣ медвѣдя и смотрѣвшаго на насъ съ любопытствомъ. Рабочіе заревѣли, и медвѣдь быстро скрылся въ лѣсу, ломая на бѣгу туловищемъ толстыя вѣтви.

Карбасъ доставилъ намъ новыя непріятности. Когда все было готово къ отходу, гребцы устроили стачку и отказались плыть, пока имъ не было прибавлено жалованья. Зыряне народъ вообще плутоватый.

Всего дикой и унылой Вычегдой прошли мы 800 верстъ. Были дни, что отъ зари до заката солнца мы плыли посреди чернового вѣкового лѣса, какъ между двухъ сплошныхъ стѣнъ, при поразительномъ безмолвіи.

Рѣка эта гораздо менѣе красива, чѣмъ Сухона, берега ниже, разливы широкіе, отчего много мелей и острововъ. Изрѣдка оживляли видъ сохранившіяся древнія церкви, по здѣшнему «погосты», оригинальной архитектуры. Это единственные остатки великаго торговаго движенія, проходившаго тутъ до половины XVIII вѣка, когда сибирскій путь шелъ по Вычегдѣ.

Сѣверная Двина до Сійскаго погоста представляется величественною рѣкою,—недаромъ Мурчисонъ называлъ ее «благородною рѣкою». Берега особенно красивы тамъ, гдѣ идутъ среди бѣлоснѣжныхъ гипсовъ. Здѣсь другое неудобство явилось для насъ: начались заморозки и въ карбасѣ усы наши и волосы украшались по утрамъ инеемъ. Каково было вставать одѣваться и умываться при такихъ условіяхъ!

За Сійскимъ погостомъ характеръ Двины измѣняется: берега понижаются, лѣса отступаютъ, мѣстность дѣлается открытою, появляются богатыя села съ двухэтажными избами.

Въ Архангельскѣ карбасъ пришлось продать. Явился монахъ Пертоминскаго монастыря, долго охалъ и ахалъ, прося пожертвовать посудинку бѣдной братіи, въ концѣ-концовъ купилъ карбасъ, стоившій намъ 150 рублей, за рубль!

Архангельскъ въ это время находился въ періодѣ сильнѣйшаго упадка. Падала торговля его, сосредоточившаяся въ рукахъ немногихъ нѣмцевъ и англичанъ, сумѣвшихъ и въ этой тундрѣ наживать деньги и жить съ комфортомъ въ красивыхъ домахъ, образовавшихъ особую улицу. Падала и городская жизнь отъ внезапнаго прекращенія казеннаго кораблестроенія, вызваннаго уничтоженіемъ паруснаго военнаго флота. Соламбала, флотская слободка, нѣкогда зажиточная и оживленная, благодаря адмиралтейству, гдѣ строились суда даже для Мехмета-Али, напоминала своею мерзостью запустѣнія Леденгскій заводъ.

Губернаторъ Гартингъ произвелъ на насъ впечатлѣніе пустого петербургскаго бюрократа. Онъ не поинтересовался даже спросить насъ о результатахъ изслѣдованія его губерніи. Прежде въ Архангельскъ губернаторами всегда назначали моряковъ, но со времени Валуева это мѣсто сдѣлалось ссылочнымъ мѣстомъ для гражданскихъ чиновниковъ.

Одна изъ площадей Архангельска украшается памятникомъ Ломоносову. Передъ домомъ губернскаго правленія великій ученый стоитъ полуголый въ классической туникѣ и муза съ крыльями подаетъ ему лиру. Извозчикъ объяснилъ мнѣ, что памятникъ поставленъ человѣку, который хотѣлъ летать на облака!

Мало кому извѣстно, что Архангельскъ основали голландцы. Судостроеніе было въ Соламбалѣ и до Петра Великаго; онъ-то и убилъ надолго торговлю и значеніе Архангельска. При мнѣ даже суда съ моря не могли подходить къ городу изъ-за засоренія бара, вѣками не чищеннаго. Одинъ Соловецкій монастырь патріотически поддерживалъ еще русскій флагъ. Пароходы его, гдѣ капитанъ, машинистъ и матросы были монахи, стоило посмотрѣть.

Начинался сентябрь, и холодная погода заставила насъ, вопреки желанію, закончить наши изслѣдованія и послѣ бѣглаго осмотра ближайшаго бѣломорскаго побережья, вернуться.

На почтовыхъ, съ небольшими остановками въ болѣе интересныхъ мѣстахъ, поѣхали мы на Холмогоры, Каргополь и на пути

къ Вытегрѣ разстались. Барботъ двинулся вдоль Маріинской системы, а я черезъ Череповецъ, Бѣлозерскъ, Устюжну прямо въ Петербургъ.

Психологическій фактъ: хотя я съ Барботомъ остался до его смерти въ прекрасныхъ отношеніяхъ, и онъ былъ умный и опытный спутникъ, но здѣсь мы разставались не безъ удовольствія. Продолжительное однообразное путешествіе вдвоемъ, совмѣстная жизнь днемъ и ночью въ тѣсномъ пространствѣ — это копія семейной жизни: невольно надоѣдаешь другъ другу, и чувствуется потребность «развода» и одиночества...

Несмотря на скуку и перенесенныя страданія отъ комаровъ и голода, Сѣверъ произвелъ на меня огромное впечатлѣніе. Его широкія рѣки, грандіозные лѣса, свѣтлыя ночи, добродушное, толковое населеніе дѣйствовали на меня, степняка, чѣмъ-то очаровывающимъ. Изъ этого-то населенія вышло огромное число тѣхъ святыхъ подвижниковъ, что жили въ дуплахъ деревьевъ «яко вранъ на ырищи особящаяся на здѣ».

Просматривая теперь свою приходо-расходную книжку за 1864 г., я нашелъ, что въ одной деревнѣ на Яреньгѣ далъ полтинникъ какой-то «бабѣ, оставшейся 11 лѣтъ вѣрною своему мужу, находившемуся въ отсутствіи». Но этимъ поощреніемъ добродѣтели не ограничилось мое участіе къ сѣверному населенію. Я далъ себѣ слово хотя что-нибудь сдѣлать въ жизни для забытаго Богомъ и людьми края, и по возможности исполнялъ свой завѣтъ въ Обществѣ для содѣйствія промышленности и торговлѣ, въ печати, въ разныхъ комиссіяхъ и по службѣ. Къ сожалѣнію, усилія отдѣльныхъ лицъ слабы. Здѣсь требуется послѣдовательная политика всего правительства.

ПОѢЗДКА НА ЗАМОСКОВНЫЕ ЗАВОДЫ.

XVII.

Такъ какъ я готовился занимать каѳедру горнаго хозяйства, то для ознакомленія меня съ положеніемъ заводовъ, потрясенныхъ крестьянскою реформою, въ февралѣ 1865 г., по Высочайшему положенію, мнѣ было поручено объѣхать по возможности всѣ казанные и частные заводы Урала, Подмосковнаго края и Олонецкаго округа, причемъ особенно обратить вниманіе, какъ примѣнился вольный трудъ. Это порученіе заняло нѣсколько мѣсяцевъ, и такъ какъ большую часть пути пришлось дѣлать по земскимъ и проселочнымъ дорогамъ, то дало мнѣ возможность познакомиться съ положеніемъ Россіи вообще не показной, а настоящей.

Прежде всего для полученія маршрутовъ подмосковныхъ заводовъ и др. указаній я явился въ блаженной памяти московское горное правленіе, помѣщавшееся въ домѣ Нарышкиныхъ, отданномъ потомъ государственному архиву. Съ освобожденіемъ крестьянъ московское правленіе умирало, бергъ-инспекторъ, ветхій горный генералъ Чебаевскій, кончившій курсъ въ 1809 г., былъ также одною ногою въ гробу. «Все у васъ теперь въ корпусѣ новости,— добродушно говорилъ онъ, нюхая неистово табакъ,—вотъ выдумали кислородъ. А я, батюшка, учился еще по флогистону». Флогистонъ не помѣшалъ ему быть гостепріимнѣйшимъ хозяиномъ.

За Москвою желѣзныхъ дорогъ еще не было и по порядочному морозу въ открытыхъ саняхъ, въ военномъ пальто на ватѣ и ва-

ленкахъ, черезъ Калугу, Мещовскъ, Сухиничи отправился я прежде всего на знаменитые Мальцевскіе заводы. Генерала Мальцева я потомъ хорошо узналъ и мы съ нимъ заодно дружно воевали въ разныхъ комиссіяхъ. Тогда подъ свѣжими остатками крѣпостного права его владѣнія, занимавшія значительную часть Жиздринскаго и Брянскаго уѣздовъ, представляли курьезное зрѣлище какой-то крѣпостной республики—государства въ государствѣ. Мальцевъ, небольшого роста крѣпкій старикъ, живой, краснорѣчивый, всѣмъ интересовавшійся, но деспотъ и самодуръ, былъ нѣчто среднее между парагвайскимъ докторомъ Франсіей и гоголевскимъ полковникомъ Кашкаревымъ. Всѣ письма распечатывались и было организовано шпіонство, а съ другой стороны миѳологическіе нравы: въ Людиновскомъ заводѣ баринъ садился на балконъ и заводскія бабы и дѣвки должны были купаться для его увеселенія въ заводскомъ пруду. Болѣе красивымъ давались дешевыя конфекты.

Самъ Мальцевъ, какъ и его служащіе, почти всѣ изъ крѣпостныхъ, ходили въ сѣрыхъ казакинахъ и ѣздили на безрессорныхъ экипажахъ, а зимою въ саняхъ какъ на эшафотѣ, сидя, спиною къ кучеру. Все было свое, даже мѣры. «Мальцевская сажень» дѣлилась не на аршины, а на четыре «палки». Въ домѣ въ Дятьковѣ, который и по сіе время сохранился, не проданный Мальцевскому обществу, была самодѣльная мебель и простота во всемъ. Сыновья закладывали лошадей, дочери доили коровъ. При крѣпостномъ правѣ господствовала порка, но въ то время у генерала только почесывались руки.

Онъ былъ однако въ извѣстной степени прогрессистъ, много читалъ, часто ѣздилъ за границу и привозилъ оттуда техническія новости. Страстью его было устройство новыхъ заводовъ и фабрикъ; въ мое время ихъ насчитывалось 70, большею частью работавшихъ въ убытокъ, была даже выдѣлка вновь открытаго фотогена. Въ то время Мальцевъ имѣлъ еще 600—700 тысячъ годового дохода, но затѣмъ запутался, и, чтобы пополнить дефициты, ничто же сумняшеся, выпускалъ собственныя бумажки, такъ называемыя «мальцевскія деньги», подъ видомъ квитанцій на полученіе припасовъ изъ его конторы. Были квитанціи даже въ 5 рублей, всѣ на картонѣ, грубо сдѣланныя; понятно, было не

мало и фальшивыхъ, но довѣріе къ генералу было такъ велико, тѣмъ болѣе, что онъ спихнулъ либеральнаго губернатора Арцымовича, что деньгами этими можно было расплачиваться на всѣхъ станціяхъ Калужской губерніи.

Въ концѣ-концовъ мальцевскихъ денегъ выпущено было на 3 мил. руб. и правительство ликвидировало ихъ потомъ съ порядочной приплатой, а всего чуть ли за свое своеобразное хозяйство Мальцевъ не надѣлалъ 12 мил. руб. долга. Заводы его однако послужили школою, приготовившею огромное мастеровое населеніе, и до сихъ поръ часть ихъ продолжаетъ работать, благодаря превосходному географическому положенію на границѣ земледѣльческой полосы.

Управляющимъ горною частью у Мальцева я нашелъ Егорова, переводчика химіи Реньо, по которой я учился въ корпусѣ. Я тоже изображаю теперь своего рода генерала Чебаевскаго, потому что учился химіи еще по Берцеліусу, а въ геологіи и металлургіи намъ сообщалось о Дарвинѣ и Бессемерѣ, какъ о новостяхъ, едва ли заслуживающихъ вниманія.

Отъ Мальцева я съѣздилъ на Бытошевскіе заводы Меньшикова, богатаго оригинальнаго купца (и при крѣпостномъ правѣ купцы могли владѣть горными заводами съ крѣпостными), который цѣлью жизни поставилъ войну съ Мальцевымъ, владѣніями котораго былъ окруженъ.

Въ Тульской губерніи угольная промышленность была еще въ зародышѣ, а горное дѣло въ этой родинѣ русскаго горнаго дѣла оставалось въ томъ же положеніи, что при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, какъ я убѣдился, осматривая рудники. Мужики зимою, нащупавъ гнѣздо желѣзной залежи, проводили «дудку», со дна которой дѣлали «печки», а добытую руду подымали ручнымъ воротомъ въ бадьѣ на гнилой веревкѣ. Затѣмъ, сваливъ руду въ кузовокъ, везли продавать въ ближайшій чугуноплавильный заводъ, иногда верстъ за двѣсти.

Посмотрѣвъ на такое горное производство, черезъ Москву и Владиміръ, поѣхалъ я на Баташевскіе заводы. Дорога шла на Судогду, Стеклянный Гусь (Мальцева-дипломата, свидѣтеля убійства Грибоѣдова) и Меленки, невѣроятно глухими лѣсами. Волки бѣгали стаями; свѣтящіеся глаза ихъ виднѣлись ночью въ чащѣ, и

ямщикъ не совѣтовалъ мнѣ спать въ низкихъ санкахъ, а то неровенъ часъ еще волки стащутъ меня сзади розваленъ за голову. Остановиться однако на ночлегъ было затруднительно. Въ избахъ былъ воздухъ, какъ говорятъ, хоть топоръ повѣсь и клоповъ «не тысящи, а тьмы».

Такая исторія преслѣдовала меня во все путешествіе вплоть до Сибири. Войдешь въ избу, первый вопросъ хозяйкѣ: клопы есть?—И Боже мой, что ты, батюшка? Подхожу къ первой щели, а таковыхъ въ каждомъ старомъ бревнѣ сотни, она усѣяна столькими же клопиками.—А это что?—Вишь, какой глазастый,—сказала мнѣ съ досадою одна хозяйка. Дѣлать нечего, требую четыре тарелки, наливаю въ нихъ воды и ставлю ножки складной кровати на тарелки; ложусь спать. Черезъ полчаса клопы начинаютъ валиться шеренгою съ потолка, опускаясь (не зная геометріи) перпендикулярно прямо мнѣ на лобъ или же носъ; черезъ два часа, измучившись, вскакиваю, требую лошадей и отправляюсь далѣе, къ величайшему удивленію моихъ хозяевъ, лежащихъ въ повалку—мужики, дѣти, бабы—на полатяхъ. Въ это время тараканы, забравшись въ люльки, висящія на веревкахъ, спокойно объѣдаютъ остатки жеваннаго чернаго хлѣба, присохшаго къ губамъ грудныхъ ребятъ. Эта жвачка замѣняетъ молоко. Русская идилія!

Поѣсть само собою ничего нельзя было найти, и между заводами я питался однимъ чаемъ и твердыми яйцами.

У насъ всю некультурность принято объяснять крѣпостнымъ правомъ. Но это едва ли справедливо. Сколько проѣхалъ я въ жизни мѣстностей, гдѣ о крѣпостномъ правѣ и не слыхали, гдѣ населеніе было свободно съ Рюрика, а грязь и дичь были буквально такія же.

Погодинъ справедливо писалъ еще въ 1862 г., что истребленіе клоповъ нужнѣе въ Россіи всѣхъ другихъ реформъ.

Меленки славились тѣмъ, что въ уѣздѣ его нельзя было производить выборовъ—всѣ дворяне съ цензомъ состояли подъ судомъ, по опекѣ надъ Баташевскими заводами. Эта знаменитая опека была даже причиною судебной реформы въ Россіи, начавшейся съ резолюціи Николая I, удивившагося въ 1848 г., что дѣло за четверть вѣка съ 20-хъ годовъ не подвинулось впередъ. При-

бавлю кстати, что опека была снята только лѣтъ еще черезъ сорокъ послѣ того, какъ государь обратилъ на нее вниманіе.

Центръ Баташевскихъ заводовъ, Гусь-Желѣзный, оставилъ во мнѣ прекраснѣйшія воспоминанія. Владѣлецъ, состоявшій однимъ изъ опекуновъ собственныхъ заводовъ, только что женился. Его молодая жена и сестра, обѣ женщины бойкія и веселыя, стали центромъ оживленнаго кружка, который долгіе годы славился гостепріимствомъ. Огромныя хоромы Ивана Баташева, знаменитаго основателя заводовъ и еще болѣе знаменитаго жестокостью самодура, и большой паркъ памятны вѣроятно многимъ.

Мнѣ было очень весело, мишенью нашихъ злыхъ проказъ служили молодые богатые «саврасы» сосѣдняго Касимова, и я не торопился уѣзжать, забывъ командировку и Высочайшее повелѣніе. Нѣсколько разъ я заказывалъ лошадей, но когда ихъ подавали, то меня безъ труда убѣждали остаться еще. Одинъ изъ опекуновъ, старый полковникъ Версиловъ, прозвалъ меня даже Телемакомъ на островѣ Калипсо и увѣрялъ, что если я еще проживу недѣлю, то растаю и останутся отъ меня одни сапоги.

Я наконецъ тронулся на Выксу. На высланныхъ мнѣ подставахъ ямщики встрѣчали меня съ укоризною. Въ ожиданіи меня лошади ихъ съѣли все сѣно и рисковали передохнуть.

Обширные Выксунскіе заводы находились въ полномъ разстройствѣ. А незадолго еще тутъ кипѣла жизнь и веселіе, былъ даже интересный литературный кружокъ. Въ числѣ опекуновъ былъ Сухово-Кобылинъ, авторъ «Свадьбы Кречинскаго». Сестра его, графиня Саліасъ, пользовалась извѣстностью какъ романистка подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ; здѣсь же началъ свою службу извѣстный профессоръ и юристъ Лохвицкій.

Въ Выксѣ сохранилось еще болѣе затѣй стараго помѣщичьяго времени, чѣмъ въ Гусѣ. Посреди тѣнистаго парка возвышался большой театръ, гдѣ нѣкогда отличались крѣпостныя балерины. А въ эту минуту долгъ сохранной казны превосходилъ цѣнность заводовъ, и послѣдній шепелевскій наслѣдникъ жилъ чуть ли не въ богадѣльнѣ въ Москвѣ. Заводы по бергъ-регламенту Анны Іоанновны поддерживались однако казною отъ упадка и не распродавались.

По старинымъ законамъ горное производство не могло прекращаться. Ераковъ отецъ жаловался мнѣ, что когда купилъ Виндрѣевскій заводъ, то никакого завода не оказалось, даже снесло и плотину, но каждый годъ аккуратно пріѣзжалъ горный исправникъ и взыскивалъ окладъ съ несуществующей доменной печи.

Баташевскія и Выксунскія заводскія строенія представляли собою живописныя развалины, особенно первыя. Даже наружныя стѣны обвалились, и рабочіе, точно въ Сициліи, работали зимою на чистомъ воздухѣ! Желѣзо ковалось древнимъ кричнымъ способомъ. Зато сбытъ желѣзу былъ обезпеченъ. Его чуть не горячимъ увозили въ сосѣдній Касимовъ, который не только родина всѣхъ лакеевъ у Кюба, но и важный центръ желѣзной торговли и приготовленія металлическихъ издѣлій.

Въ лучшемъ положеніи были Шиповскіе заводы, заново переустроенные, особенно Вознесенскій. Здѣсь я нашелъ оригинальнаго управляющаго—онъ имѣлъ видъ глухонѣмого. Никогда не встрѣчалъ я такого молчальника. Три дня я прожилъ на заводахъ, онъ мнѣ давалъ всѣ свѣдѣнія, кормилъ, поилъ и не сказалъ ни слова, кромѣ здравствуйте и прощайте.

Еремшинскій и Мердушинскій заводы окончательно разорялъ какой-то купецъ Сорокинъ. Въ Пензенскую губ., на заводы Манухина, я не поѣхалъ, а опять страшною дичью отправился на новый Ташинскій заводъ.

Ямщики знали только станки своего уѣзда. Какъ только начинался другой уѣздъ, а особенно губернія, такъ бѣда: неизвѣстно никому, куда ѣхать? Разъ я ночью, буквально оріентируясь по Полярной Звѣздѣ, какъ въ степи Сахарѣ, плуталъ часовъ десять и едва не замерзъ. На «станкахъ» не лучше, безграмотные старосты держали мой открытый листъ вверхъ ногами, ничего не понимая или приговаривая: знамо, знамо, по указу царя Николая Павловича! Только когда я заявлялъ, что плачу прогоны, являлись тощія клячи, но тогда ямщики начинали бросать жребій, кому ѣхать. Разъ меня везли на повозкѣ изъ-подъ навоза, едва очищенной. На рѣчкахъ, гдѣ не было мостовъ, приходилось стоять по часамъ и днямъ. Расписокъ получить было нельзя и, не желая возбуждать переписки, я, вернувшись въ Питеръ, снесъ какъ-то расходную книжку въ баню и парильщики проставили недоста-

вавшія подписи! До 3 руб. впрочемъ расхода казна довѣряла чиновнику.

Не лучше было и по почтовымъ трактамъ—завозили къ какимъ-то бородамъ, которыя клялись, что станцій у нихъ нѣтъ. Торговъ-де не утвердилъ почтовый департаментъ, а потому не угодно ли заплатить по-божески 10 рублей вмѣсто 1 руб. $37^{1}/_{2}$ коп., слѣдовавшихъ по почтовому дорожнику, а пока заказать самоварчикъ. Я исписалъ томы жалобъ въ жалобныхъ книгахъ и года черезъ два-три получилъ увѣдомленіе отъ губернскихъ почтовыхъ управленій, что «жалобы сіи по тщательному разслѣдованію оказались неосновательными».

Ташинскій, или точнѣе Наташинъ, заводъ былъ очень пріятнымъ оазисомъ. Владѣлецъ сенаторъ Карамзинъ, сынъ знаменитаго историка, любезно принялъ меня, мы много съ нимъ разговаривали. Его, впрочемъ, болѣе всего интересовали вопросы религіозные, особенно сближеніе православія съ англиканскою церковью.

Изъ Ташина на Арзамасъ, и тогда довольно значительный городъ, я пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ управлялъ казенной палатой Вердеревскій, укравшій уже, но еще не попавшійся, милліоны пудовъ казенной соли и желѣза; понятно, онъ гостепріимно принималъ чиновъ горнаго вѣдомства.

Времени для осмотра Нижняго было однако мало. Я поѣлъ на вокзалѣ желѣзной дороги у Никиты Егорова, славившагося первымъ поваромъ въ Россіи, и отправился далѣе на почтовыхъ по нагорной сторонѣ Волги. Для сокращенія пути ямщики везли не горою, а рѣкою, а такъ какъ ледъ уже порядочно подтаялъ, то мы то и дѣло наѣзжали на полыньи и случалось, что пристяжки купались въ ледяной водѣ и только сильный коренникъ вытаскивалъ изъ бѣды.

Въ Казани я видѣлъ массу татарскихъ рекрутовъ, обучавшихся фронту. Въ городѣ еще толковали о бунтѣ въ Безднѣ, о пьянствѣ Щапова, о господинѣ, найденномъ мертвымъ на рѣшеткѣ сада женскаго института—все вещи извѣстныя. Менѣе извѣстенъ слѣдующій разсказъ, связанный съ популярною въ городѣ башнею Сумбеки. Казанскій губернаторъ кн. X., человѣкъ ограниченный, недовольный тѣмъ, что прокуроръ Солнцевъ былъ пьяницею,

пожелалъ спихнуть его. Пригласивъ для объясненія, онъ указалъ ему на слабость къ вину.

—Старуха виновата, спокойно сказалъ прокуроръ.

— Какая старуха?

— Да развѣ, ваше превосходительство, не знаете, что когда старая татарская принцесса Сумбека летѣла съ башни, она пророчески сказала, что пока Казань будетъ русскимъ городомъ, губернаторъ въ Казани будетъ дуракъ, полиціймейстеръ воръ, а прокуроръ пьяница...

Губернаторъ счелъ излишнимъ продолжать объясненія.

На одной изъ слѣдующихъ станцій со мною случилось приключеніе. Спавъ на полу на сѣнѣ, я всѣ свои деньги положилъ подъ подушку. Портмонэ зарылось въ сѣно. Я уѣхалъ и, уже подъѣзжая къ слѣдующей станціи, увидѣлъ, что остаюсь безъ гроша. Пришлось вернуться, т.-е. потерять часовъ шесть. Вбѣжавъ на станцію, я увидѣлъ, къ моему восторгу, что по русской лѣности сѣно не было еще выметено и въ немъ я сейчасъ же нашелъ свои сокровища.

Въ Малмыжѣ, въ предѣлахъ уже Вятской губерніи, меня поразило, что на грязной почтовой станціи за пустыя деньги меня угостили превосходной стерляжьей ухой и огромнымъ, совершенно свѣжимъ рябчикомъ, за которые въ столицѣ содрали бы тогда рубля три. Но добраться до подобнаго блаженства было нелегко. По случаю окончившейся Ирбитской ярмарки, сибирскій трактъ обратился въ нѣчто невозможное. Кто не видалъ—тотъ не повѣритъ, а фактъ, что ухабы были такъ велики, что когда ѣхавшая впереди тройка попадала въ ухабъ, то виднѣлась сзади только ея дуга. Понятно, что сотня верстъ по такимъ снѣжнымъ волнамъ разбивала человѣка, выворачивала кишки и у непривычнаго дѣлалась морская болѣзнь.

Свернувъ на Ижевскій заводъ, я ночью очутился наконецъ въ Воткинскомъ заводѣ. Это былъ первый видѣнный мною казенный заводъ. Привыкнувъ къ гостепріимству на частныхъ заводахъ, я раскатился прямо къ управителю, такъ какъ, понятно, никакихъ гостинницъ не полагалось, хотя Вотка побольше любого уѣзднаго города. Сконфуженный управитель, не зная, что дѣлать, посовѣтовалъ мнѣ отправиться поискать гостепріимства у одного изъ

моихъ товарищей, Афросимова, занимавшагося постройкой железныхъ судовъ.

Воткинскій заводъ долго имѣлъ рядъ управителей, любившихъ технику, поэтому представлялъ собраніе различныхъ производствъ, между собою не согласованныхъ и работавшихъ въ убытокъ казнѣ. Онъ имѣлъ однако заслуги передъ русской промышленностью, ибо здѣсь впервые введено было пудлингованіе. Заводъ былъ разграбленъ Пугачевымъ, какъ и большинство уральскихъ заводовъ, съ восторгомъ принимавшихъ самозванца.

Гоняясь за новостями, мѣстные инженеры взялись приготовлять броню для морского вѣдомства. Для этого инженеръ Меллеръ, братъ геолога, большой говорунъ, построилъ огромный заводъ на берегу Камы, близъ Усть-Рѣчки, на такъ неудачно выбранномъ мѣстѣ, что заводъ каждую весну стоялъ подъ водою. Спрашивали, правда, «стариковъ» о высотѣ половодья, но извѣстно, что понятіе о высотѣ обманчиво. Никто не сумѣетъ опредѣлить высоту даже своей собственной шляпы.

Кстати объ Усть-Рѣчкѣ. Къ этой пристани горнаго вѣдомства существовала отъ Воткинскаго завода дорога, спускавшаяся очень круто. Несмотря на ежегодную перевозку въ нѣсколько милліоновъ пудовъ груза, за сто лѣтъ спускъ этотъ не улучшали. Сколько тутъ было поломано ногъ у лошадей, изувѣчено людей! Наконецъ откосъ срѣзали и дорогу выпрямили. Но это было сдѣлано за два года до постройки желѣзной дороги къ другой пристани, что устранило потребность въ Усть-Рѣчкѣ. Чисто русская черта!

Изъ Вотки я направился въ Екатеринбургъ проселкомъ на Рождественскіе, Камбарскій и Юго-Камскіе заводы и затѣмъ уже выѣхалъ на Суксунъ. Въ Юго-Камскомъ заводѣ я нашелъ въ должности управляющаго интереснаго человѣка—Дорошина, который 7 лѣтъ прожилъ въ русской Америкѣ, отыскивалъ для компаніи золото и др. ископаемыя. Золото Дорошинъ нашелъ, но компанія, руководимая морскими офицерами изъ чухонцевъ и неудачно затратившая свой капиталъ въ чайную торговлю въ Шанхаѣ, не придала этимъ открытіямъ никакого значенія, а теперь Номъ и Клондайкъ спорятъ по богатству съ Трансвааемъ.

Дорошинъ былъ человѣкъ очень образованный, но чрезвычайно лѣнивый. Да что ему было и дѣлать въ округѣ, въ конецъ

разоренномъ и не имѣвшемъ ни гроша оборотнаго капитала. Дорошинъ былъ товарищемъ Каваловскихъ, черезъ него я познакомился потомъ довольно близко съ его другомъ Влад. Жемчужниковымъ, секретаремъ тогда Россійско-Американской компаніи. Жемчужниковъ былъ одинъ изъ сообщества, писавшаго подъ псевдонимомъ Кузьмы Пруткова. Это былъ красивый собою и умный оригиналъ и неудачникъ. Съ братьями они славились среди петербургскаго высшаго общества своими школьническими выходками и смѣлостью. Будучи хорошей фамиліи и племянникомъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, онъ всю жизнь и карьеру испортилъ связью или женитьбою, не помню, съ женщиной, несоотвѣтствовавшей его положенію. Получивъ наслѣдство, онъ положилъ деньги въ чемоданъ рядомъ съ фейерверкомъ, который везъ въ деревню. По дорогѣ онъ курилъ, фейерверкъ взорвался и деньги сгорѣли. Жемчужниковъ получилъ сильные ожоги и всю жизнь нуждался въ средствахъ, что не помѣшало ему быть колекціонеромъ, а также спасти отъ разоренія В. Корша, для котораго онъ нашелъ деньги для продолженія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», конторою которыхъ онъ одно время завѣдывалъ.

Въ Суксунѣ управляющимъ я нашелъ также талантливаго человѣка Граматчикова, принадлежавшаго къ семейству, давшему горному міру много полезныхъ дѣятелей. Живой и краснорѣчивый, Н. Граматчиковъ затерялся потомъ и опустился въ глуши. Онъ мнѣ сообщилъ много любопытныхъ фактовъ о тогдашней службѣ на заводахъ.

Въ горной службѣ, какъ и повсюду, господствовала система «безгрѣшныхъ доходовъ», московское «кормленіе»; правительство давало грошовое жалованье, предоставляя вознаграждать себя другими путями, смотря сквозь пальцы, если кто «бралъ по чину». На заводахъ доходы эти были главнымъ образомъ на заготовкахъ древеснаго угля; операція была въ рукахъ управителей, тѣ дѣлились съ высшими. Молодежь, наоборотъ, въ виду ея идеализма въ тайны хозяйства не посвящалась. Почему для инженера, пріѣхавшаго на службу, полагался искусъ или новиціатъ. Нѣсколько лѣтъ голоданія, за рѣдкими исключеніями, дѣлали пригоднымъ къ легкому смотрѣнію на злоупотребленія; затѣмъ молодого человѣка женили на какой-либо изъ своихъ, и мало-по-малу Уралъ,

Алтай и пр. обращались въ одно семейство. Удивительно даже, что при такой патріархальной системѣ въ общей массѣ злоупотребленія не были велики и случаи крупной наживы очень рѣдки. Ими возмущались.

При такой системѣ, господствовавшей и на частныхъ заводахъ, наукѣ рѣшительно не было мѣста. Штабъ то и дѣло командировалъ инженеровъ за границу для усовершенствованія, но затѣмъ не зналъ, что дѣлать съ этими «усовершенствованными» въ Бельгіи и Германіи техниками. Случалось, что послѣднихъ держали по шести лѣтъ за границею, недоумѣвая, куда ихъ употребить. Заводская техника оставалась въ рукахъ рутинеровъ, мастеровъ, считавшихся магами и волшебниками. Особеннымъ уваженіемъ пользовались у начальства мастера доменные и плотинные; рабочіе, наоборотъ, уважали особенно кричныхъ мастеровъ за ихъ необычайную физическую силу.

Окрестности Суксунскаго завода имѣли репутацію главнаго гнѣзда воровъ, по проходившему тутъ Сибирскому тракту. Трактъ этотъ, содержавшійся въ блестящемъ положеніи въ началѣ XIX столѣтія, при генералъ-губернаторѣ Модерахѣ, представлялъ что-то ужасное, особенно весною и лѣтомъ. Короткое разстояніе между Пермью и Екатеринбургомъ даже почтовыя тройки проходили въ три дня. Между тѣмъ движеніе было огромно, особенно чайныхъ каравановъ.

Ихъ-то преимущественно и грабили мѣстные жители, а такъ какъ извозчики отвѣчали за каждое украденное мѣсто чая, стоившее minimum 80 руб., то, понятно, телѣги шли гуськомъ, караванами, охраняемыя здоровенными сибиряками-возчиками. Послѣдніе не шутили и пойманныхъ воровъ преспокойно убивали, вгоняя кнутовище въ живое тѣло. La peine de pal qui commence si bien et qui finit si mal...

Караваны ночью, осыпанные снѣгомъ, съ толпами ревущихъ гигантскихъ вожаковъ, представляли какое-то фантастическое зрѣлище à la Гойа или Калло. Здоровые купеческіе приказчики ѣздили всегда по тракту по трое съ пистолетами за поясомъ.

Не доѣзжая Екатеринбурга, я посѣтилъ Шайтанскій заводъ Берга и Билимбаевскій жены графа С. Строганова. Оба, принадлежа богачамъ, были въ порядкѣ. Билимбай былъ только часть

обширнаго строгановскаго майората, охватывавшаго болѣе 6 мил. десятинъ. По буквальному толкованію указовъ Ивана Грознаго, Строгановы могли претендовать на всѣ земли до Камчатки, но полюбовное соглашеніе назначило предѣлъ ихъ безмѣрныхъ владѣній, управлявшихся на особый манеръ. Здѣсь крѣпостное право какъ будто и не прекращалось; всѣ служащіе безъ исключенія были, да кажется и по сей день остаются, изъ бывшихъ крѣпостныхъ. Хозяинъ представляется имъ нѣчто въ родѣ далай-ламы, и они иначе не говорятъ о немъ, какъ съ благоговѣніемъ: «ихъ сіятельство». На всѣ дѣйствія имѣются положенія, штаты и мелочныя расписанія—плодъ мѣстнаго генія Валегина.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ представлялись Сергинскіе и Ревдинскіе заводы. На Сергинскихъ заводахъ опека украла 400,000 пудовъ заложеннаго въ банкѣ желѣза! Ревда славится прудомъ въ 14 верстъ длиною, цѣлое искусственное озеро, но за этой красотой скрывалось полнѣйшее разореніе. Заводы были въ опекѣ и совершенно истощены. Владѣлецъ ихъ, чудакъ, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, завелъ гаремъ, и не то что на парижскій ладъ,—нѣтъ, цѣлый турецкій сераль, гдѣ одалиски охранялись отъ нескромныхъ взоровъ постороннихъ. Нигдѣ я не получалъ такихъ скверныхъ лошадей, какъ на пути въ Ревду. Лошади буквально подъ нещадными ударами кнута только махали хвостами, не дѣлая шагу впередъ.

Не доѣзжая Екатеринбурга, стоитъ на водораздѣлѣ каменный столбъ, на одной сторонѣ котораго написано: Европа, на другой—Азія. Этотъ столбъ подаетъ поводъ къ безконечнымъ остротамъ. Дѣйствительно, только съ крайней наивностью можно было признать, что то пространство, которое я проѣхалъ отъ границъ Смоленской губерніи, составляло часть Европы.

ПОѢЗДКА НА УРАЛЪ.

XVIII.

И въ началѣ 60-хъ годовъ Екатеринбургъ былъ довольно порядочнымъ городомъ. Центръ горнаго управленія Урала, онъ былъ и центромъ старовѣрія, хлѣбной торговли и золотопромышленныхъ операцій. Купечество его было сравнительно хорошо образовано, но душою города были горные инженеры; здѣсь они играли роль своего рода аристократіи или гусаровъ, за которыхъ мечтали выйти замужъ мѣстныя барышни.

Среди людей не-горныхъ и тогда уже первое мѣсто въ мѣстномъ обществѣ занимало семейство Поклевскихъ-Козеллъ, глава котораго, сосланный по политическому дѣлу, сумѣлъ приноровиться къ новымъ обстоятельствамъ и, благодаря уму и энергіи, создать огромнѣйшее промышленно-торговое дѣло, охватившее многія губерніи. Даже наша казенная винная монополія во многомъ заимствовалась примѣромъ Поклевскаго.

Екатеринбургскимъ округомъ управлялъ милѣйшій и деликатнѣйшій Штейнманъ, и тогда, какъ потомъ въ Тифлисѣ, чичисбей, а главнымъ начальникомъ уральскихъ заводовъ былъ А. Иосса, человѣкъ трудолюбивый и безусловно честный. Это былъ одинъ изъ потомковъ тѣхъ нѣмцевъ «бергауэровъ» изъ Саксоніи и Гарца, которые въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка обучили русскихъ горному дѣлу и затѣмъ мало-по-малу сами обрусѣли. Такую же роль нѣмцы сыграли и въ горномъ дѣлѣ Трансильваніи, Франціи и Южной Америки.

При Иоссѣ должность главнаго начальника, съ освобожденіемъ крестьянъ и уничтоженіемъ административной автономіи горнаго вѣдомства (прежде были не только горныя войска, аптеки, школы, почты, но и горные попы), утратила свое значеніе сравнительно съ тѣмъ, что была при его предшественникахъ—Богуславскомъ, Глинкѣ и Фелькнерѣ.

Совсѣмъ маленькимъ сатрапомъ былъ лично извѣстный Николаю I генералъ-отъ-артиллеріи Глинка, двадцать лѣтъ начальствовавшій на Уралѣ, не имѣя никакого понятія о техникѣ. Увидѣвъ подъемный кранъ, онъ спросилъ, во сколько онъ силъ? А профессору химіи петербургскаго университета и горнаго института Соколову, командированному въ Екатеринбургъ, разсказывалъ, что у него на Уралѣ въ Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ по анализу одной сѣры оказалось 99%.

— Отчего же тогда по нимъ не ѣздятъ верхомъ? — спросилъ профессоръ.

Управлялъ въ дѣйствительности правитель канцеляріи Глинки Ильинъ, который дурачилъ генерала, болѣе всего заботившагося о наружномъ порядкѣ, чистотѣ и уменьшеніи раскола. При Иоссѣ правителемъ канцеляріи былъ Огродзинскій, тонкій и юркій полякъ, сосланный на Востокъ одновременно съ Поклевскимъ.

Заводскій прудъ, краса Екатеринбурга, на плотинѣ котораго давно бы слѣдовало соорудить памятникъ основателю города историку В. Н. Татищеву, приводилъ въ движеніе механическую фабрику, гранильную фабрику и монетный дворъ. Механическая фабрика обратилась потомъ въ мастерскія желѣзной дороги. Гранильная фабрика существуетъ и понынѣ, не знаю, въ какомъ видѣ. Въ то время это было нелѣпое учрежденіе, гдѣ наждакомъ по двадцати и тридцати лѣтъ гранили разныя вещи для дворцовъ. Американцы давно придумали бы что-либо для замѣны подобной египетской системы работъ, при которой накладные расходы въ десять разъ превосходили цеховые, и вещь кончалась, когда рисунокъ ея выходилъ давно изъ моды.

Монетный дворъ, выдѣлывавшій изъ податной мѣди мѣдную монету, закрылся въ половинѣ 70-хъ годовъ на томъ основаніи, что Горный департаментъ перешелъ въ другое министерство. Это мудрое распоряженіе повело къ тому, что мѣдную монету стали

дѣлать въ Петербургѣ изъ иностранной мѣди, а при г. Витте и просто заказывали за границей.

Въ Екатеринбургѣ начальникомъ горнаго училища проживалъ Наркизъ Чупинъ, замѣчательный лингвистъ, архивный дѣятель и ученый, но горькій пьяница. Нѣсколько разъ офиціально и я старался направить его дѣятельность на болѣе серьезный путь, но несчастная страсть мѣшала всему. Подъ конецъ Чупинъ совсѣмъ опустился, да и въ 1865 г. былъ уже невѣроятнымъ чудакомъ. Казенная квартира его была наполнена рѣдкими книгами, дѣлами и рукописями, густой слой пыли никогда не сметался, окна не отпирались, на столахъ валялись окурки и объѣдки. Хозяинъ по цѣлымъ днямъ пилъ чай, помѣшивая въ стаканѣ циркулемъ, которымъ въ то же время ковырялъ золу въ своей трубкѣ. Память у него была удивительная, и не было вопроса, на который не могъ бы отвѣчать этотъ рѣдкій энциклопедистъ, скромный при этомъ какъ дѣвица. «Столбцы» и писанные каракулями черняки бумагъ XVII и XVIII столѣтія съ помарками онъ читалъ съ бѣглостью поразительной.

Съѣздивъ въ лежащій подъ городомъ Верхъ-Исетскій заводъ гр. Стенбока, сестры знаменитаго богача Яковлева, и въ казенный Нижне-Исетскій заводъ, я поѣхалъ на Сысертскіе заводы, незадолго до того взятые подъ казенный присмотръ.

И. Яковлевъ, заводы котораго дѣлали лучшее въ Россіи кровельное желѣзо, считался въ свое время первымъ по богатству человѣкомъ, чего въ дѣйствительности не было. Онъ прославился пожертвованіемъ 1.300,000 р., когда его пріятель Политковскій обокралъ инвалидный капиталъ. Какъ всѣ богачи, Яковлевъ былъ со странностями. Петербургъ помнитъ Ст-а, которому онъ проигралъ въ «плевки» пожизненную ренту 9999 руб. 99 коп. Сестра Яковлева, недавно скончавшаяся, была замѣчательною въ своемъ родѣ женщиною. Огромнымъ своимъ состояніемъ она до глубокой старости управляла сама, входя во всѣ мелочи. На свои нужды она тратила чрезвычайно мало. На парадной лѣстницѣ ея дома не было даже ковра, а главноуправляющему дѣлами Тупикова за 40 лѣтъ службы дала она тысячу рублей!

Сысертскими заводами управлялъ отъ казны Комаровъ, открывшій Тквибульское угольное мѣсторожденіе на Кавказѣ. Едва

ли онъ что понималъ въ заводскомъ дѣлѣ, но въ тѣ времена строго соблюдалось, вопреки закону, служебное старшинство, и инженеровъ съ золотыхъ промысловъ изъ-за чиновъ преспокойно переводили на мѣдные заводы, оттуда на угольныя копи, не обращая никакого вниманія на ихъ спеціальность.

Кыштымскіе заводы и послѣ реформы были въ удовлетворительномъ положеніи, благодаря опытному управляющему Деханову. Однимъ изъ совладѣльцевъ состоялъ извѣстный авторъ «Полиньки Саксъ» Дружининъ. Кыштымъ, благодаря очень милой и образованной дочери Деханова, былъ пріятнымъ оазисомъ на моемъ пути, и я, забывъ Цирцею баташевскихъ заводовъ, далъ слово не миновать его на обратномъ пути.

Каслинскій заводъ того же округа славился не только своимъ чугуннымъ литьемъ, но и красотою жителей. Эта красота создана прихотью одного изъ владѣльцевъ, Расторгуева. Онъ переселялъ изъ Каслей всѣхъ уродовъ, а туда ссылалъ красивыхъ, и такимъ образомъ «улучшалъ породу». Понятно, такая затѣя могла быть только при крѣпостномъ правѣ. Угощая меня на станціи самоваромъ, хозяйка вспоминала о красотѣ своего жениха.

— Ужъ я его такъ любила, такъ любила! Какъ бывало придетъ съ рудника, я ему сейчасъ всѣхъ вшей выищу...

Другая русская черта культуры. Станція помѣщалась въ домѣ богатаго купца, на разсвѣтѣ я вошелъ къ нему нечаянно въ спальню и увидѣлъ оригинальную картину: стояла роскошная кровать съ множествомъ перинъ и подушекъ чуть не до потолка, а купчина храпѣлъ на полу у своей кровати, лежа на войлокѣ!

Отъ слѣдующей станціи, Соймоновскаго рудника, 37 верстъ я ѣхалъ, замѣтьте на почтовыхъ, сутки! Таковы были дороги. Извольте при подобныхъ путяхъ сообщенія конкурировать съ англійскою металлургіей, какъ того желали наши фритредеры.

Ближе къ Златоусту, мѣстность весьма гористая, становится живописною, зато русское населеніе рѣдѣетъ и замѣняется татарскимъ и башкирскимъ. Башкиры, аборигены Южнаго Урала, наши союзники противъ татаръ еще со временъ Грознаго,—народъ, имѣющій много хорошихъ качествъ, но неспособный къ прогрессу. Завести лишнюю жену и лежать на боку—его

идеалъ. Уничтоженіе ихъ полукочевого быта и сифилисъ были причиною вымиранія башкиръ, хотя они живутъ въ богатѣйшемъ по природнымъ рессурсамъ краѣ.

Въ то время башкиры съ мещеряками составляли еще казачье войско, довольно оригинальное по составу офицеровъ, носившихъ эполеты на халатахъ. Уничтоженіе войска, по либеральному проекту Безака, было, по моему мнѣнію, ошибкою. Военное управленіе для такого рода инородцевъ самое подходящее. Народъ башкиры дѣтски-наивный. Когда губернаторъ, ихъ начальникъ, спросилъ почтеннаго башкира: «А вѣдь я постарѣлъ?» башкиръ отвѣчалъ: «Да, бачка, стара стала, глупа стала!»

Климатъ здѣсь мягче, чѣмъ въ Среднемъ Уралѣ, гдѣ топятъ въ печахъ даже въ іюлѣ мѣсяцѣ. Нельзя впрочемъ того же сказать о Златоустѣ. Этотъ городъ, помѣщающійся въ воронкѣ, отличается подлѣйшею погодою. Міасскій заводъ лежитъ неподалеку, а климатъ тамъ уже совсѣмъ другой. Таково вліяніе горъ. Около Міасса находятся пріиски, гдѣ найдены величайшіе самородки золота, украшающіе музей Горнаго института.

Здѣсь имѣется часовня, на мѣстѣ, гдѣ Александръ I собственноручно добылъ нѣсколько пудовъ золотого песка и сейчасъ же нашелъ порядочный самородокъ. Государю не очень понравилось это «усердіе» горныхъ чиновниковъ, и вобще послѣ поѣздки его уральское горное управленіе было преобразовано по проекту Соймонова.

Въ Златоустѣ сосредоточены три завода: горный, Князе-Михайловская фабрика, гдѣ производится стальное литье, и оружейная фабрика, снабжающая холоднымъ оружіемъ русскую армію. Послѣднюю устроили нѣмцы изъ Золингена. Въ мое время однако, хотя по договору горное вѣдомство продолжало содержать нѣмецкую кирку, всѣ мастеровые были уже русскіе, и «потрафляли» не хуже нѣмцевъ.

Въ Юрюзани, куда я пріѣхалъ съ Саткинскаго завода, я нашелъ главноуправляющимъ горнымъ округомъ камердинера! Правда, мѣднымъ заводомъ гр. Косаковской управлялъ отставной унтеръ-офицеръ. Въ Юрюзанскихъ заводахъ сохранилось еще множество разсказовъ о покойномъ владѣльцѣ генералѣ Сухозанетѣ. Отъ времени до времени онъ покидалъ военную академію и пріѣзжалъ ревизовать свои заводы. Ревизія состояла въ томъ,

что онъ нещадно дралъ всѣхъ, начиная съ главноуправляющаго, предполагая, что всѣ воры.

Надобно сказать, что эта суровость отчасти оправдывалась грубостью мѣстнаго населенія, колонистовъ среди башкиръ; оно отличалось буйствомъ, и духъ Пугачевщины былъ еще живъ.

Уфимскіе и оренбургскіе заводы были основаны на кортомѣ большею частью обманной у простодушныхъ башкиръ. Создатель заводовъ Твердышевъ былъ симбирскій мелкій купецъ, и за его заслуги Елисавета пожаловала его правомъ носить шпагу и называться «директоромъ собственныхъ заводовъ»!

Въ мое время всѣ заводы мясника перешли по наслѣдству въ аристократическія фамиліи и всѣ, за немногими исключеніями, были разорены. Въ придачу страшное наводненіе 1862 г., прорвавъ плотины, лишило заводы движущей силы; мѣдное производство упало, потому что нельзя было послѣ освобожденія крестьянъ морить мастеровыхъ на рудникахъ безводной Каргалинской степи, какъ это дѣлали Пашковы, Дашковы, Загряжскіе и др.

Я впрочемъ дальше Катавскихъ заводовъ, управлявшихся инженеромъ Т-вымъ, боявшимся своей жены болѣе чѣмъ населенія, на югъ не поѣхалъ и по прежнему маршруту, желая еще разъ побывать въ гостепріемномъ Кыштымѣ, вернулся въ Екатеринбургъ, откуда черезъ Невьянскъ поѣхалъ на лучшіе тогда въ Россіи заводы—Демидовскіе.

Въ Невьянскѣ, съ его стариннымы постройками и первобытными заводскими устройствами, можно было вообразить себя въ XVIII столѣтіи. Онъ славился какъ старѣйшій изъ существующихъ уральскихъ заводовъ и по производству сундуковъ, извѣстныхъ по всей Россіи. Здѣсь Никита Демидычъ Антуфьевъ, тульскій кузнецъ, удостоившійся «облеушины» отъ Петра за то, что угостилъ его анисовкой, а не «простякомъ», положилъ начало богатству Демидовыхъ. Основатель рода болѣе отличался спорами съ Татищевымъ и Дегенинымъ. Строителемъ многочисленныхъ заводовъ былъ его сынъ Акинфій. Онъ же началъ горное дѣло и на Алтаѣ. Съ нимъ выдохлась энергія Демидовыхъ, и дальнѣйшія поколѣнія, раздѣлившіяся на три линіи, славились уже только чудачествами и чрезвычайной щедоростью, особенно въ отношеніи иностранцевъ.

Невьянскіе заводы принадлежатъ теперь не Демидовымъ, а наслѣдникамъ старшей линіи Саввы Яковлева. Число этихъ наслѣдниковъ достигло въ 1865 г. до 107, а такъ какъ по нашимъ законамъ о совмѣстномъ владѣніи каждый могъ имѣть своего управляющаго и для веденія дѣла требовалось единогласіе, то можно себѣ представить, что за чепуха тутъ творилась долгіе годы.

Еще любопытная черта. Уже при Петрѣ Невьянскіе заводы жаловались на недостатокъ въ топливѣ, при Александрѣ I лѣса почти истребились, а заводы недавно только прекратили выплавку металловъ. Очевидно, большая часть потребляемаго горючаго преспокойно воровалась въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Нижне-Тагильскій заводъ или Тагилъ, центръ заводовъ старшей линіи Демидовыхъ—большой оживленный городъ. Имѣются даже монументы, между прочимъ Карамзину, погубившему въ 1853 году такъ безтолково Александрійскій гусарскій полкъ. Въ подземельи одной изъ церквей помѣщаются мавзолеи Демидовыхъ, ибо всѣ они, хотя проживались за границей, но желали быть похороненными въ родной землѣ. А протранжирили они тамъ не мало; одна Флоренція сколько получила денегъ отъ наслѣдниковъ русскаго кузнеца! Между прочими милліонами досталось не мало таковыхъ принцессѣ Матильдѣ, племянницѣ Наполеона III, за нѣсколько недѣль, проведенныхъ съ Анатоліемъ Демидовымъ.

Вскорѣ послѣ женитьбы богачъ-самодуръ, по русскому обычаю, прибилъ жену, ѣхавшую на балъ во дворецъ; та, не будь дура, пожаловалась Николаю I. Государь разрѣшилъ принцессѣ оставить мужа, а послѣдняго обязалъ назначить ей по 200,000 франковъ въ годъ. За полвѣка это составило весьма кругленькую цифру, вытянутую съ заводовъ. Матильда даже во время Второй Имперіи очень ревниво охраняла свои интересы: горный департаментъ хранитъ не мало ея автографовъ.

По поводу Демидовой-Карамзиной, урожденной гр. Шернваль[1]), красавицы, поставившей вышеозначенный монументъ своему первому мужу, могу сообщить курьезный случай. Второй мужъ ея П. Демидовъ былъ обладателемъ «Санси», одного изъ знаменитѣйшихъ брилліантовъ въ мірѣ, цѣнившагося по чистотѣ воды еще выше дѣйствительной цѣнности. Какъ-то въ Парижѣ на выставкѣ Аврора Карловна, боясь, что брилліантъ, которымъ была у нея зашпилена шаль, украдутъ, отдала его спрятать Жюль Жанену и забыла объ этомъ. Проходитъ недѣля; за обѣдомъ она спросила Жанена, гдѣ же «Санси»? Толстый и подагрическій критикъ выскочилъ изъ-за стола и куда-то умчался. Оказалось, что онъ оставилъ брилліантъ колоссальной цѣны въ бѣломъ жилетѣ, а жилетъ отдалъ стирать. Черезъ два часа является Жаненъ почти безъ чувствъ. Прачка жила на краю Парижа, и въ горахъ грязнаго бѣлья несчастному Жюль Жанену пришлось искать свой жилетъ; къ счастью, брилліантъ оказался въ неприкосновенности.

Щедрость Демидовыхъ простиралась не только на заграницу; они создали и въ Россіи и въ Тагилѣ не мало благотворительныхъ и учебныхъ заведеній. Они первые устроили у себя лѣса и привлекали ученыхъ техниковъ. Знаменитый экономистъ Лепле, авторъ «Reforme sociale», нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ тутъ мѣднымъ дѣломъ. Въ Тагилѣ былъ домъ, гдѣ всѣ пріѣзжавшіе могли жить сколько угодно на счетъ владѣльцевъ. Этимъ пользовалась проигравшаяся на Уралѣ молодежь. Инженеры, лѣсничіе и пр. проживали въ гостиницѣ по мѣсяцамъ; въ это время накапливалось ихъ жалованье и являлись средства отыграться.

Мнѣ не было надобности останавливаться въ означенномъ домѣ. Въ семействѣ Вольстета, шведа, управлявшаго округомъ, я встрѣтилъ широкое гостепріимство, которымъ много лѣтъ подъ-рядъ пользовалось и множество другихъ людей. Здѣсь въ должности управителя Верхне-Салдинскаго завода я нашелъ бывшаго артиллериста Полѣнова, котораго зналъ геодезистомъ на Пулковской обсерваторіи. Русскій человѣкъ на все, кажется, пригоденъ.

Кушва, центръ Гороблагодатскихъ казенныхъ заводовъ, показалась послѣ Тагила довольно скучною. Горнымъ начальникомъ былъ Венцель, типъ людей 40-хъ годовъ. Онъ былъ такъ лѣнивъ, такъ на все давно махнулъ рукою, что не имѣлъ силы зайти въ управляемые имъ заводы, хотя Кушвинскій помѣщался vis-à-vis съ его домомъ. Неудивительно, что при такой небрежности въ

[1]) Аврора Карловна воспѣта Баратынскимъ, какъ сестра ея—Эмилія Карловна (графиня Мусина-Пушкина)—Лермонтовымъ. А. К. Шернваль-Демидова-Карамзина была статсъ-дамою; она умерла въ Гельсингфорсѣ въ 1902 г.

зданіи заводскаго театра устроилась фабрика фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ.

Вскрытіе рѣкъ заставило меня поторопиться возвращеніемъ въ Петербургъ. Отложивъ посѣщеніе неосмотрѣнныхъ округовъ до другой оказіи, я побывалъ только въ Баранчѣ, гдѣ артиллерійскій пріемщикъ Соколовъ сочинилъ новую вѣру, соединивъ православіе съ геометріей! У него до сихъ поръ остались сторонники на Уралѣ, гдѣ населеніе почти сплошь раскольничье.

Черезъ Серебрянскій заводъ, не останавливаясь, проѣхалъ я потомъ на Ослянскую пристань, на Чусовой, откуда лодка, везшая вещи для мануфактурной выставки въ Петербургѣ, должна была доставить меня въ Пермь къ пароходу. Вслѣдствіе развитія золотопромышленности, дорога по трясинѣ, во многихъ мѣстахъ бревенчатая, не чиненная со времени открытія Чумпинымъ горы Благодать, отбивала всѣ бока. Особенно былъ ужасенъ путь около Кедровки: бревна мостовинника, утонувъ въ глубочайшей грязи, торчали вертикально. Каково было лошадямъ?

На пристани, гдѣ грузится большинство издѣлій казенныхъ заводовъ, я нашелъ стачку и бунтъ рабочихъ противъ приказчиковъ подрядчика Фридланда. Двое сутокъ мы вели переговоры, а между тѣмъ вода въ Чусовой быстро понижалась, угрожая намъ полною остановкою. Тутъ я воочію убѣдился, какъ трудно разговаривать съ толпою. «Ты-то, да я-то, да онъ-то» и т. д. Никто ничего не слышитъ, не понимаетъ, не разбираетъ. Наконецъ жиды сдались, и мы поплыли.

Конечно, сейчасъ же пошелъ дождичекъ, и я сильно мокъ двое сутокъ въ открытой лодкѣ, укрываясь рогожей. Не утѣшали меня ни красивые берега, ни легенды о Ермакѣ, память о которомъ здѣсь жива. Гребцы аккуратно останавливались у каждаго кабака. Это было время «дешевки». Напившись до зеленаго змѣя, одинъ изъ гребцовъ ночью вдругъ вскочилъ и бросился въ воду; едва мы его при быстромъ теченіи рѣки спасли. «Я думалъ, что ѣду на сивыхъ коняхъ», оправдывался онъ.

Пьянство было тогда по деревнямъ страшное.—Вѣдь вотъ никто не пошевелится,—говорилъ мнѣ съ досадою одинъ подрядчикъ на Уралѣ,—а поставь ведро водки вотъ на ту самую высочайшую гору, мигомъ слетаютъ и слопаютъ, черти!

Но вотъ наконецъ и Мотовилиха. Ранѣе здѣсь былъ мѣдный заводъ, основанный еще при Аннѣ Іоанновнѣ и истощившій свои руды, такъ называемаго Пермскаго горнаго округа. Этотъ округъ былъ своего рода притчею во языцѣхъ. Горный начальникъ разбитъ параличомъ, помощникъ его полумный, управитель такъ толстъ, что не пролѣзалъ ни въ одну шахту и т. д. Одинъ изъ заводовъ округа еще кое-какъ дышалъ, но взамѣнъ Мотовилихинскаго рѣшили построить два пушечныхъ завода.

Грасгофъ строилъ чугунопушечный, въ которомъ должно было сосредоточиться литье орудій, которыя по размѣру новыхъ калибровъ не могли уже производиться въ Верхнетуринскомъ и Каменскомъ заводахъ, откуда пушки везлись къ Чусовой гужемъ. Воронцовъ строилъ сталепушечный заводъ.

Первыя стальныя орудія дѣлали въ Златоустѣ, но здѣсь горный начальникъ Обуховъ, изобрѣтатель извѣстной литой стали, поссорился съ управителемъ завода. Эта ссора была причиною развитія въ Россіи пушечнаго дѣла, которое никогда не пошло бы въ Златоустѣ съ его затруднительными средствами сообщенія. Департаментъ принялъ сторону Воронцова и поручилъ ему строить новый заводъ около Перми. Обиженный Обуховъ оставилъ горное вѣдомство и на средства Путилова и Кудрявцева, вѣрнѣе морского вѣдомства, построилъ Обуховскій заводъ около Петербурга, т. е. уже третій по счету.

Осмотрѣвъ строившійся заводъ и Пермь, тогда захолустный городишко, я взялъ мѣсто на пароходѣ общества «Кавказъ и Меркурій» и по Камѣ и Волгѣ «побѣжалъ» въ Нижній. Извѣстно, что по морямъ пароходы «ходятъ», а по рѣкамъ «бѣгаютъ».

Нефтяного отопленія тогда не было, пароходы топились дровами, нагрузка ихъ отнимала много времени. Дрова носили на безчисленныхъ пристаняхъ бабы, имъ помогали пассажиры 3-го класса, перевозившіеся за это безплатно. Шулера и кокотки всю навигацію катались взадъ и впередъ.

Плаваніе дѣйствительно было перебѣжкою. Пароходы гонялись между собою, отчасти изъ глупаго молодечества, отчасти изъ желанія перехватить другъ у друга пассажировъ. Случалось, что, поощряемые дураками пассажирами, капитаны для нагнета-

нія пара накладывали кирпичи на предохранительные клапаны, рискуя взорваться на воздухъ.

При одной такой гонкѣ я былъ свидѣтелемъ замѣчательнаго хладнокровія. Мы играли въ ландскнехтъ въ каютѣ 1-го класса; какой-то бойкій полякъ и держалъ самые большіе куши и занималъ общество болтовней. Вдругъ раздается страшный трескъ, разламывается бортъ и въ нашу каюту влѣзаетъ носъ другого парохода. Пассажиры въ ужасѣ и съ криками вскакиваютъ, бросаютъ деньги, карты и летятъ на палубу, опасаясь потонуть. Мой игрокъ подходитъ къ буфету, выпиваетъ треть бутылки коньяку и со словами: «спиртъ легче воды», спокойно слѣдуетъ за нами...

Въ Петербургѣ я нашелъ вышедшую для печати мою первую книгу «Женщины писательницы» и повѣстку на посылку. Взять посылку я пошелъ лично; она мнѣ показалась подозрительною: большой ящикъ вѣсилъ не болѣе пустой коробки. Я посовѣстился вскрыть его на почтѣ, дома же нашелъ вѣнокъ изъ сухихъ лавровыхъ листьевъ съ надписью: «Автору Женщинъ писательницъ». Это была злая шутка моихъ гусевскихъ пріятельницъ.

Книга, впрочемъ, болѣе лавроваго листа изъ борща и не заслуживала. Цензоръ Лебедевъ, мой бывшій профессоръ, исказилъ безцеремонно многія изъ собранныхъ въ книгѣ статей изъ «Разсвѣта», касавшихся французскихъ писательницъ XIX столѣтія. Отсутствіе помѣшало мнѣ употребить извѣстный тогда кунштюкъ: вставить вычеркнутое цензурою въ другія мѣста книги. Книга эта также отпечатана была очень плохо въ типографіи моего пріятеля, горнаго инженера Рейхельта, печатавшаго «Горный Журналъ».

Разочарованіе было еще хуже, когда я отправился по книжнымъ магазинамъ предлагать свое твореніе для продажи. Болѣе 10 экземпляровъ новаго автора, и то на комиссію, никто изъ книгопродавцевъ взять не рѣшался. Мнѣ надоѣла эта развозка, и я началъ было топить печь моей книгой. Впослѣдствіи Маврикій Вольфъ, съ которымъ у меня установилось доброе знакомство, купилъ у меня остатокъ изданія по дешевой цѣнѣ, но съ уплатой не деньгами, а книгами. Я поклялся впредь ничего на свой счетъ

не печатать. А теперь, когда нахожу экземпляры моей первой книги, то бросаю ихъ въ печку.

Полагаю, что литература очень бы выиграла, если бы поступали такимъ же образомъ и съ большинствомъ книгъ. Къ сожалѣнію, книгопродавцы стали бы тогда спекулировать на переизданіи вредныхъ книгъ. Блестящая мысль эта, впрочемъ, не моя, а де-Бональда.

ОЛОНЕЦКІЕ ЗАВОДЫ. — ГОРНОЕ УПРАВЛЕНІЕ. — НОВГОРОДЪ.

XIX.

Сидѣть долго мнѣ въ Петербургѣ не пришлось, надобно было окончить командировку и съѣздить на олонецкіе заводы—этотъ оригинальный уголокъ нашего горнаго міра, остатокъ петровскихъ затѣй. По картѣ Олонецкій край кажется большимъ, еще съ XVII столѣтія ходили слухи о его рудныхъ богатствахъ. На дѣлѣ это каменные гребни, раздѣляющіе заболотившіяся болѣе или менѣе озера; рудныя мѣсторожденія ничтожны, цѣнность имѣетъ одинъ лѣсъ. Населеніе, преимущественно корелы, живетъ болѣе отхожими промыслами.

Половину пути до Петрозаводска, до устьевъ Свири, я уже зналъ. Плаваніе по послѣдней было затруднительно изъ-за пороговъ, тогда мало расчищенныхъ, по Онежскому озеру изъ-за качки, несносной на плоскодонномъ пароходѣ. Къ счастью, веселый капитанъ Колюбакинъ поддерживалъ бодрость пассажировъ.

Петрозаводскъ очень мало похожъ на губернскій городъ. Это горнозаводское селеніе средней величины. Кстати замѣчу, что зовутъ его такъ не потому, что его завелъ Петръ, а потому, что тутъ были близко Петровскіе заводы, закрытые при Аннѣ Іоанновнѣ. Нынѣшній Александровскій заводъ основанъ при Екатеринѣ. Въ Крымскую войну, благодаря потребности въ чугунныхъ орудіяхъ, округъ оживился, были даже прикуплены Громовскіе за-

воды въ Финляндіи, но миръ и разрывъ нѣсколькихъ орудій, которыя отливались по старинѣ прямо изъ доменныхъ печей, заставили морское вѣдомство прекратить заказы орудій и снарядовъ олонецкимъ заводамъ, отчего послѣдніе пришли въ критическое положеніе.

Орудійное производство здѣсь было однако усовершенствовано шотландцемъ Гаскойномъ, основавшимъ затѣмъ Луганскій заводъ на югѣ Россіи. Съ Гаскойномъ пріѣхали англичане, родоначальники состоявшихъ потомъ въ горной службѣ Бердовъ, Кларковъ, Пранговъ, Армстронговъ, Дункановъ и др. Менѣе извѣстно, что успѣхами своими Гаскойнъ былъ обязанъ своей женѣ. Эта красавица-шотландка была любовницей кн. Лопухина, впослѣдствіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта и отца фаворитки Павла I. Немногимъ также извѣстно, что Дункинъ переулокъ на Петербургской сторонѣ названъ не въ честь какой либо Дуньки, а по дому Дункана, горнаго инженера, начальника, или, какъ его прежде называли, «вардейна» Монетнаго двора.

Во всемъ городѣ было два порядочныхъ дома: губернатора, построенный едва ли не Державинымъ, и горнаго начальника. Послѣдній, бывшій дворецъ, имѣлъ большой садъ, служившій предметомъ зависти и нескончаемыхъ пререканій гражданскаго и горнаго вѣдомствъ.

Округомъ завѣдывалъ Н. Фелькнеръ, человѣкъ дѣльный и неглупый, но большой фокусникъ. При осмотрѣ Александровскаго завода Александромъ II Фелькнеръ, тогда управитель, вылѣзъ вдругъ изъ какой-то печи, весь вымазанный сажею, чтобы показать, какъ-де трудна заводская служба. Въ это же посѣщеніе отличился и горный начальникъ Н. Бутеневъ. Онъ расписался въ книгѣ почетныхъ посѣтителей! И дѣйствительно, за все время своего управленія это онъ, кажется, въ первый разъ прошелся по заводу. Я уже разсказывалъ, что въ тѣ времена подобныя барскія отношенія не были вовсе исключеніемъ.

Послѣ уральскихъ заводовъ олонецкіе по размѣрамъ казались дѣтьми. Ближе они были къ финляндскимъ заводамъ, осмотрѣннымъ мною въ 1862 г. Край представлялъ глушь непроходимую. Простой тарантасъ мѣстами люди помогали втаскивать на пригорокъ. Пойдя впередъ со станціи, пока запрягали лошадей, я

едва не попалъ въ лапы медвѣдя, спокойно переходившаго дорогу.

Медвѣжатъ здѣсь воспитываютъ чуть не въ каждомъ семействѣ. Они очень умны и забавны, пока молоды, но къ годовому возрасту ихъ нужно пристрѣливать. Не то, чтобы они дѣлались злыми, но становятся такими сильными, что, даже играя, могутъ задавить васъ.

Защищаясь, какъ извѣстно, медвѣди стараются захватить лапою за затылокъ, «задрать» человѣка, т.-е. скальпировать. Въ Златоустѣ я знавалъ лѣсничаго Шмидта колоссальной силы; онъ преслѣдовалъ нещадно лѣсопорубщиковъ. Какъ-то работали мужики въ густомъ лѣсу. Вдругъ одинъ заревѣлъ благимъ матомъ: «Ваше высокородіе, не буду!» Оказалось, что это медвѣдь ударилъ его лапою по загривку, а мужикъ принялъ это за «внушеніе» Шмидта...

Наиболѣе микроскопическій заводъ округа — Кончезерскій, единственный сохранившійся на своемъ мѣстѣ отъ многочисленныхъ заводовъ Петра Великаго и Анны Іоанновны. Около завода водопадъ Кивачъ, далеко не похожій на описаніе Державина, и Марціальныя минеральныя воды. Онѣ скорѣе вредны, чѣмъ полезны для употребленія, ибо представляютъ слабый растворъ желѣзнаго купороса. Замѣчательно, что Петръ пользовался ими въ февралѣ мѣсяцѣ! Отъ его временъ, кромѣ чугунной доски съ надписью, сохранилась здѣсь деревянная церковь, гдѣ показываютъ кое-какія работы царя и царевны Прасковіи.

По возвращеніи изъ странствованія я, конечно, какъ выражаются романисты, «погрузился въ вихрь свѣтскихъ удовольствій». Въ это время въ Петербургѣ свирѣпствовала публичная азартная игра. Приказчичій клубъ, бывшій тогда, благодаря хорошей дачѣ у Строганова моста, въ модѣ и привлекавшій относительно приличную публику, далъ толчокъ; а за нимъ пошли Благородное собраніе и Купеческій клубъ. Доходы отъ игры скоро стали считаться десятками и сотнями тысячъ и мѣста клубныхъ старшинъ привлекать людей оборотистыхъ.

Играли въ домино-лото, которое уже разъ было запрещено при Николаѣ I, и въ стуколку, представляющую, несмотря на названіе, иностранную игру «кнакъ». Игра эта плутовская; по вы-

раженію лица тонкіе физіономисты угадываютъ ваши карты и играютъ навѣрняка. Опытные люди, не желавшіе, чтобы читали въ ихъ сердцахъ, поэтому разсматривали сданныя карты, приложивъ ихъ къ носу, и затѣмъ, если карты плохи, торжественно стучали кулакомъ по столу; когда же у нихъ оказывались тузъ съ парою козырей, долго раздумывали и наконецъ, какъ будто нерѣшительно и нехотя, заявляли: «пойду и я».

Домино-лото есть обыкновенное лото съ одной таблицей, но столы имѣли опредѣленное число игроковъ—семь, а нумера вынимались, какъ при тиражѣ, изъ колеса. Одинъ клубный служитель вертѣлъ, другой бралъ и выкрикивалъ нумера: тузъ семь, тузы; два и три и т. д. Такъ какъ таблицы одинаковы на всѣхъ столахъ, то мошенничать играющимъ невозможно. Хорошо было получить кватерну, но лучше всего квинту, т.-е. покрыть всѣ пять нумеровъ, что называлось «сквознякомъ».

Удобство прійти и сыграть хотя одинъ туръ, рискуя только своей ставкой, привлекло массу желающихъ играть; клубы работали день и ночь и широко открыли двери; запись у входа на имя какого-либо члена была пустой формальностью, нѣкоторые приводили «на счастье» и малолѣтнихъ дѣтей, которыя до четырехъ часовъ ночи, сидя на колѣняхъ у мамашъ и сестричекъ, перевертывали косточки у таблицъ лото.

Увлеченіе игроковъ было такъ велико, что, когда знаменитое наводненіе 1865 г., сопровождавшееся бурею, вывернувшей множество большихъ деревьевъ на островахъ и въ Лѣтнемъ саду, застало насъ на дачѣ Приказчичьяго клуба и кругомъ ходили волны, мы шлепали картами въ саду, не имѣя возможности уѣхать, почти сутки. Проигрыши сопровождались займами, расплодившими несчетное число ростовщиковъ, разныхъ восточныхъ человѣковъ, и дамъ, тутъ же продававшихъ себя. Чиновники буквально ни о чемъ другомъ, какъ о домино-лото, на службѣ не разговаривали и потеряли всякую способность «вникать въ дѣла» и «подыскивать справки».

Терпѣніе полиціи наконецъ истощилось, и кн. Суворовъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, несмотря на свое добродушіе и желаніе всѣмъ нравиться, рѣшился закрыть публичную игру. Заставила это сдѣлать особенно исторія на дачѣ Благороднаго со-

бранія съ г-жей Б. Она связалась съ молодымъ лакеемъ, выкрикивавшимъ вынутые номера, и обыгрывала клубъ. Только случайно другой лакей, вертѣвшій колесо, замѣтилъ, что шары не дѣлаютъ шума, выкатываясь (выходъ былъ нарочно заткнутъ) и донесъ. Le pot de rose a été decouvert.

Кромѣ игры въ клубахъ, важнымъ развлеченіемъ столицы были публичные балы. Подъ именемъ шинцъ-баловъ и танцъ-классовъ и они были закрыты при Николаѣ I, но затѣмъ въ числѣ другихъ «свободъ» допущены въ концѣ 50-хъ гг. и посѣщались сравнительно порядочнымъ обществомъ, конечно, подразумѣвая холостяковъ и demi-monde. Въ парижскомъ канканѣ видѣли даже тогда протестъ противъ деспотизма! Первымъ танцъ-классомъ былъ Ефремова на углу Милліонной и Пантелеймоновской, но его скоро затмилъ танцъ-классъ на Морской, тамъ, гдѣ затѣмъ была сооружена реформатская церковь, рядомъ съ домомъ, гдѣ помѣщался ресторанъ Шотана, закрытый за безобразія и оргіи, воспѣтыя въ извѣстной непечатной поэмѣ Апухтина. Содержала танцъ-классъ, помѣщавшійся въ балаганѣ, гдѣ ранѣе былъ звѣринецъ, извѣстная продавщица вафель и основательница Зоологическаго сада г-жа Гебгардтъ. Трогательной группой изъ этой старой голландки съ золотыми бляхами подъ ушами, окруженной редакціей «Голоса», можно было любоваться ежедневно, т. е. еженочно.

Лѣтомъ канканъ процвѣталъ въ «Château des fleurs», противъ Громовской дачи, гдѣ отличались искусствомъ негръ д'Артуа и хорошенькая гризетка Катя Чижикъ, попавшая потомъ чуть ли не въ аристократію. Болѣе шикарная публика собиралась попрежнему у Излера, на «Минеральныхъ водахъ». Шансонетныя пѣвички, слегка горбатая Гандонъ, разухабистая Альфонсина и красавица Ласени особенно привлекали публику. Слава «Минеранекъ» померкла только съ устройствомъ Егаревымъ «Семейнаго сада» во дворѣ Демидовскаго пріюта и съ появленіемъ Филиппо.

Не могу не вспомнить еще о представленіяхъ въ саду перваго кадетскаго корпуса Блондена, сводившаго съ ума дамъ. По просьбѣ одной изъ нихъ я даже ѣздилъ зачѣмъ-то къ акробату въ гостинницу Демутъ. Это былъ маленькаго роста ничтожный французикъ или американецъ, но продѣлывалъ онъ вещи дѣйствительно невѣроятныя. Безъ сѣтки, на канатъ, натянутый на высотѣ 60, если не болѣе, сажень, онъ ставилъ стулъ на одну ножку, влѣзалъ на стулъ, приготовлялъ спокойно яичницу и съѣдалъ ее. Онъ носилъ на спинѣ какого-то господина. Увѣряли, что это былъ флегматичный нѣмецъ, который изъ-за долговъ хотѣлъ лишить себя жизни; Блонденъ убѣдилъ его, что разъ онъ рѣшился помирать, то не лучше ли за хорошее вознагражденіе отложить это удовольствіе на нѣкоторое время.

По службѣ я работалъ не мало какъ по участію въ «Горномъ Журналѣ», такъ и по разработкѣ горностатистическихъ свѣдѣній, програму коихъ я очень расширилъ. Сверхъ того я исполнялъ разныя порученія департамента, участвовалъ въ комиссіи по пересмотру пробирнаго устава, экзаменовалъ въ Технологическомъ институтѣ и Пробирномъ училищѣ, но штатную должность получить было не такъ легко въ то время, по крайней мѣрѣ на горной службѣ. Конечно, было иначе тамъ, гдѣ господствовала одна протекція. Валуевъ, напримѣръ, хотѣлъ было сдѣлать одного понравившагося ему юношу вице-губернаторомъ, но тотъ оказался несовершеннолѣтнимъ!

Назначеніе герцога Н. М. Лейхтенбергскаго членомъ горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета повліяло на мою карьеру. Секретарь комитета Н. Полетика былъ заика; сочли неудобнымъ оставить его докладчикомъ, и для меня была создана временная должность второго секретаря горнаго ученаго комитета и помощника редактора «Горнаго Журнала». Дѣла прибавилось немного, но я присутствовалъ при засѣданіяхъ совѣта и комитета.

Отецъ герцога былъ уже членомъ этихъ учрежденій, горнымъ генераломъ и главнозавѣдывающимъ Горнымъ институтомъ. Онъ и сыну внушилъ любовь къ минералогіи и химіи и уваженіе къ горной спеціальности. Ходили даже слухи, что назначеніе герцога было только ступенью, что горная часть, какъ это незадолго передъ тѣмъ предлагалъ адмиралъ гр. Путятинъ, образуетъ совершенно независимое вѣдомство, какимъ оно было почти цѣлое столѣтіе, до 1802 г.

До производства въ генералъ-майоры корпуса горныхъ инженеровъ герцогъ носилъ форму стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Это былъ стройный, красивый молодой человѣкъ, любезный

и деликатный въ обращенiи. Онъ былъ очень ловкимъ и въ физическихъ упражненiяхъ. Не знаю, почему онъ не долюбливалъ великаго князя Константина Николаевича; онъ былъ въ большой дружбѣ съ преждевременно скончавшимся наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Александръ II очень любилъ свою сестру Марiю Николаевну, женщину рѣдкихъ душевныхъ качествъ, любилъ и герцога. Онъ исполнилъ даже просьбу умирающей великой княгини и предалъ забвенiю легкомысленный поступокъ герцога, котораго пылкая, увлекающаяся натура довела даже до отъѣзда изъ Либавы безъ разрѣшенiя за границу, испортившаго всю столь блестяще начатую карьеру.

Въ засѣданiяхъ герцогъ говорилъ рѣдко, но разумно; онъ очень хорошо рисовалъ на бумагѣ, которая клалась передъ каждымъ членомъ. Я собралъ даже коллекцiю этихъ рисунковъ. Между членами обоихъ учрежденiй было не мало людей интересныхъ.

Предсѣдательствовалъ въ горномъ совѣтѣ, въ отсутствiе министра, генералъ-лейтенантъ Самарскiй-Быховецъ, очень почтенный человѣкъ, слишкомъ только запуганный любившимъ его Чевкинымъ, который до смерти состоялъ въ спискѣ корпуса горныхъ инженеровъ. Самарскiй управлялъ дѣлами Балашевыхъ.

Изъ членовъ однимъ изъ старѣйшихъ былъ сенаторъ Егоръ Ковалевскiй, братъ бывшаго министра народнаго просвѣщенiя, а ранѣе директора горнаго департамента. Извѣстный дипломатъ и путешественникъ по Черногорiи, Египту и Китаю, Ковалевскiй основалъ общество поощренiя литераторовъ и въ свое время пользовался извѣстностью, какъ писатель, хотя теперь одолѣть его писанiя можно съ большимъ только трудомъ. Сенаторъ былъ также большимъ картежникомъ; въ совѣтѣ онъ бывалъ очень рѣдко.

Г. Iосса, старый профессоръ и другъ фрейбергскихъ ученыхъ, никогда не говорилъ ни слова, почему почитался очень глубокомысленнымъ.

Соколовскiй, членъ кабинета и бывшiй главный начальникъ алтайскихъ заводовъ, былъ необыкновенный консерваторъ, но умный человѣкъ и хорошо говорящiй. Когда въ совѣтѣ докладывался проектъ какого-либо новаго закона, онъ прежде всего спрашивалъ: «А кто объ этомъ проситъ?» Если ему отвѣчали, что никто не проситъ, а законъ предлагается для развитiя горнаго дѣла, то онъ возмущался: «Какъ это, сидитъ столоначальникъ и изобрѣтаетъ своимъ умомъ законы для блага Россiи. Нѣтъ, благодарю покорно, ни за что не согласенъ»...

Соколовскiй въ дѣлахъ отличался чрезвычайной медленностью. Въ 1857 г. И. Полетика былъ у него въ кабинетѣ начальникомъ горнаго отдѣленiя. Человѣкъ горячiй, онъ возмущался, что въ теченiе года не было рѣшено дѣло, начатое еще при гр. Муравьевѣ-Амурскомъ, о недостаткѣ въ провiантѣ нерчинскихъ горнозаводскихъ крестьянъ, перечисленныхъ въ забайкальскiе казаки, по коему много лицъ состояли подъ слѣдствiемъ. Полетика отказался отъ должности и перешелъ въ министерство финансовъ. Соколовскiй вышелъ въ отставку въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и нерчинское дѣло все-таки не было рѣшено кабинетомъ! Соколовскiй былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ театраловъ, какихъ я только зналъ. Онъ бывалъ по двѣсти разъ въ годъ въ театрѣ.

Курьезный типъ представлялъ генералъ-лейтенантъ де-Росси, изъ саперъ, креатура Чевкина. Въ должности дежурнаго штабъ-офицера, онъ съ ума сводилъ чиновниковъ формализмомъ; всеподданнѣйшiе доклады, изъ опасенiя подчистокъ, онъ читалъ, положивъ на оконныя стекла или ложась противъ свѣта на полъ. И членомъ совѣта онъ иначе жалованья отъ казначея не принималъ, какъ чтобы кредитные билеты были всѣ по нумерамъ подъ-рядъ.

О Гельмерсенѣ и о Гернгросѣ, бывшемъ директорѣ горнаго департамента, я упоминалъ еще ранѣе.

Брата послѣдняго, Андрея, тоже члена совѣта, добраго человѣка, звали «отъ пяти до семи», потому что, когда онъ былъ горнымъ начальникомъ алтайскихъ заводовъ, то въ одинъ и тотъ же годъ жаловался, что отъ него много требуютъ, и говорилъ: я пять лѣтъ начальникомъ, а хотятъ, чтобы все уже пришло въ порядокъ, а нѣсколько дней спустя, укоряя штабъ, сказалъ: семь лѣтъ сижу начальникомъ, все, кажется, сдѣлалъ, а награды никакой!

Я описывалъ выше Н. Бутенева, бывшаго начальника олонецкихъ заводовъ. Оригинальный типъ былъ и другой членъ, генералъ-майоръ Кованько, ранѣе директоръ Экспедицiи заготовленiя

кредитныхъ билетовъ. Эта должность, какъ и должность директора Технологическаго института, занималась тогда всегда горными инженерами. Кованько прожилъ много лѣтъ въ Китаѣ, въ пекинской духовной миссіи, занимаясь геологическими изслѣдованіями, и фигура его, какъ у всѣхъ долго жившихъ въ Небесной имперіи, слегка окитаилась. Человѣкъ онъ былъ очень образованный, но спекулянтъ. Онъ ухитрился разориться, принявъ участіе въ снабженіи американскихъ конфедератовъ бельгійскими штуцерами! Пароходъ съ ружьями былъ захваченъ крейсерами сѣверянъ.

Генералъ-майоръ Перетцъ, послѣдній начальникъ горнаго штаба, сынъ знаменитаго откупщика, у котораго Канкринъ служилъ, говорятъ, въ молодости бухгалтеромъ, и управлявшій дѣлами кн. Бѣлосельскаго, былъ чудной души человѣкомъ. Я рѣдко видѣлъ людей, которые бы были такими общими любимцами. Популярность, впрочемъ, достигается чаще всего щедростью на обѣщанія. По службѣ ему самому бабушка ворожила. Онъ не окончилъ даже курса инженеровъ и потомъ уже былъ сдѣланъ таковымъ по протекціи, за участіе въ весьма нелѣпыхъ опытахъ проплавки въ Міасѣ золотоносныхъ песковъ. Братъ его Егоръ, статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта, и тогда игралъ роль, но карьерѣ его помѣшало упорное нерасположеніе Александра III за то, что Перетцъ принялъ участіе въ составленіи въ 1880 г. великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ проекта усиленія Государственнаго Совѣта земскими гласными. Такой же проектъ былъ безуспѣшно предлагаемъ Валуевымъ еще въ 1863 году. Валуевъ предлагалъ тогда привлечь въ Государственный Совѣтъ и представителей высшаго духовенства.

Гражданскій элементъ въ совѣтѣ, кромѣ Расселн, засѣдавшаго на правахъ члена, представляли Арапетовъ, извѣстный дѣятель крестьянской реформы, гдѣ онъ, вопреки мнѣніямъ своего начальника гр. Адлерберга, былъ сторонникомъ крайняго направленія, и Лонгиновъ. Тѣ же члены, кромѣ Арапетова, Лонгинова и Расселн, были и членами горнаго ученаго комитета, гдѣ сверхъ того засѣдали минералоги Кокшаровъ и Озерскій, палеонтологъ Пандеръ и химикъ Алексѣевъ, и предсѣдательствовалъ не Самарскій, а директоръ горнаго департамента, т. е. Рашетъ.

Если Соколовскій былъ театраломъ, то Лонгиновъ дослужился до высокихъ чиновъ, никогда не бывши въ театрѣ; какъ-то затащили его въ Александринку и посадили въ первый рядъ креселъ. Встрѣченная аплодисментами Снѣткова 3-я поклонилась публикѣ. Лонгиновъ, полагая, что поклонъ относится къ нему, всталъ и отвѣчалъ вѣжливымъ поклономъ...

Въ первомъ засѣданіи совѣта, послѣ своего назначенія, герцогъ явился въ сопровожденіи Рейтерна, который предсѣдательствовалъ при докладѣ одного дѣла и затѣмъ, искусно его резюмировавъ, удалился. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій я былъ свидѣтелемъ въ совѣтѣ весьма прискорбной сцены. Выведенный изъ терпѣнія отвѣтомъ Рашета, который обыкновенно оправдывался тѣмъ, что его предшественники ничего не дѣлали, А. Гернгроссъ съ досадой сказалъ Рашету, которому онъ былъ товарищемъ по выпуску: «Я зналъ тебя всегда дуракомъ, но не подозрѣвалъ, что ты и подлецъ». За эти слова, сказанныя въ присутствіи его высочества, Гернгроссу было немедленно послано для подписанія прошеніе объ отставкѣ.

Засѣданія въ совѣтѣ состояли въ горячихъ спорахъ, преимущественно по крестьянскимъ дѣламъ, Соколовскаго съ Арапетовымъ, и здѣсь разыгрывавшимъ роль либерала. Когда Арапетовъ вышелъ въ отставку, то споры не прекратились въ совѣтѣ, такъ какъ былъ назначенъ уральскій бергъ-инспекторъ генералъ Строльманъ, замѣчательно упрямый человѣкъ. Какъ-то Соколовскій, старый сослуживецъ его по Алтаю, вышелъ изъ себя.

— Больше ничего говорить не буду,—сказалъ онъ.—Споря съ вашимъ превосходительствомъ, заболѣешь.

— То-то,—внушительно замѣтилъ Строльманъ,—помрешь, а меня не переспоришь...

Въ засѣданіяхъ ученаго комитета рѣдко происходили какія-либо разногласія. Большею частью докладывались уже готовые журналы о смѣтахъ, привилегіяхъ, ученыхъ командировкахъ и т. п. Бывали и курьезы. Я докладывалъ разъ смѣту на постройку какой-то печи въ Баранчинскомъ заводѣ, а оказалось, что и та, которая была выстроена на ея мѣстѣ, уже 18 лѣтъ какъ была сломана по ветхости! Безъ смѣты все-таки нельзя было списать расхода, такъ какъ онъ не былъ своевременно утвержденъ. Ученый комитетъ полезное, однако, учрежденіе; всякій разъ, когда ми-

нистры рѣшали что-либо противъ его мнѣній, выходила чепуха. Такъ, комитетъ забраковалъ предположенія о постройкѣ заводовъ Николаевскаго въ Сибири, ружейнаго въ Гороблагодатскомъ округѣ, Алагирскаго на Кавказѣ, чугунно-плавиленнаго въ Лисичанскѣ, оказавшихся весьма неудачными по своей дѣятельности.

Зима 1865—1866 гг. прошла у меня въ служебно-литературныхъ занятіяхъ. Но какъ только вскрылась Нева, меня уже потянуло странствовать. Недаромъ я родился на берегу моря и «Робинзонъ Крузэ» была одною изъ моихъ любимыхъ въ дѣтствѣ книгъ. Въ ожиданіи новой командировки, я съѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ у меня были родные.

Волховъ я уже зналъ по геологической экскурсіи еще въ корпусѣ. Мутныя воды этой рѣки, древняго торговаго пути русскаго народа, въ это время омывали болѣе разныя кавалерійскія казармы, а Новгородъ изъ купеческой республики обратился въ монашескую. Спала и вся губернія, которая, какъ и сосѣднія, изъ своихъ châteaux dans les monts Waldaï, поставляетъ морскихъ офицеровъ для Балтійскаго флота. Только разъ губернаторъ донесъ Тимашеву, что принцъ Аостскій, по слухамъ, тайно пріѣхалъ въ губернію и охотится съ крестецкимъ исправникомъ!

Городъ былъ одинъ изъ самыхъ невзрачныхъ. Красовался противъ Софіи памятникъ тысячелѣтія, но сама св. Софія была въ запущенномъ состояніи. Проведеніе Николаевской желѣзной дороги докончило разоренія Іоанновъ III и IV и насильственныхъ реформъ Петра Великаго. О нихъ, впрочемъ, никто уже не вспоминалъ. Легендарный характеръ носили даже воспоминанія объ Аракчеевѣ, создателѣ военныхъ поселеній, центромъ которыхъ была Старая Русса, и гр. Орловой-Чесменской, благодѣтельницѣ Юрьевскаго монастыря, съ которою окончилась прямая линія Орловыхъ и осталась побочная—отъ Ѳедора Григорьевича, брата графини. Фотій, Настасья, незаконный сынъ Аракчеева, ушедшій изъ флигель-адъютантовъ въ монахи, жестокости при основаніи поселеній, когда забривали даже женщинъ, и при усмиреніи поселеній,—все это приняло уже романтическую окраску.

По Ильменю, который въ Петербургѣ извѣстенъ своими большими раками, я ѣздилъ въ Старую Руссу, бывшій новгородскій пригородъ, посмотрѣть солеваренный заводъ, уже дышавшій на

ладанъ. Я посѣтилъ также различные монастыри: Юрьевскій, роскошно отстроенный Орловой, Хутынскій и Антоніевъ, гдѣ видѣлъ камень, на которомъ, какъ гласитъ легенда, св. Антоній приплылъ изъ Рима. Камень оказался гранитнымъ валуномъ.

Монастырская жизнь мнѣ, впрочемъ, и ранѣе была знакома. Фрески съ изображеніями путей во адъ и рай—этотъ суррогатъ старинной сатиры, рисованный мастерами, которыхъ учила, по словамъ одного митрополита, Владычица, безконечныя службы, отъ которыхъ, впрочемъ, двѣ трети монаховъ подъ разными предлогами отлыниваетъ, безчисленные земные поклоны, деспотизмъ отцовъ-игуменовъ, хозяйственныя операціи намѣстниковъ и отцовъ-казначеевъ не представляли для меня ничего новаго.

Я живалъ въ монастыряхъ, вѣрнѣе—въ монастырскихъ гостинницахъ. Если вамъ тамъ что̀ приноситъ послушникъ, то ранѣе, чѣмъ отворить дверь, говоритъ: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», и пока вы не отвѣтите «аминь», онъ не входитъ. За трапезою тарелокъ полагается одна, какъ у крестьянъ или какъ было во всей Европѣ до конца XVII столѣтія, только для собиранія капель, падающихъ съ ложки. Все подается въ монастыряхъ непремѣнно вареное: постныя щи, лапша съ грибами, каша въ большихъ горшкахъ на четырехъ, и всѣ ѣдятъ деревянными ложками прямо изъ горшка. При нѣкоторомъ аппетитѣ, ничего, ѣсть можно, коробило меня только, когда подходилъ монахъ и для «скуса» обливалъ кислую капусту или кашу въ горшкѣ ложкой зеленаго конопляпаго масла...

Во время трапезы одинъ изъ монаховъ, стоя посреди на возвышеніи передъ аналоемъ, медленно читаетъ какое-либо житіе изъ Четьи-Минеи; житія иногда бываютъ презанятныя, что̀ твой Зола! Монахи должны слушать, поэтому разговоровъ во время ѣды не полагается. Питьемъ служатъ квасъ и вода. И квартира, и столъ предлагаются даромъ, но конечно «по усердію» оплачиваются разными пожертвованіями, для которыхъ кружки разставлены въ изобиліи на каждомъ шагу. Насѣкомыхъ тоже изобиліе.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢЯНІЯ.—ПОѢЗДКА НА УРАЛЪ И ЮГЪ РОССІИ.

XX.

1866 г. ознаменовался покушеніемъ Каракозова. О Комиссаровской исторіи я знаю всю подноготную, но не настало еще время ее обнародавать. Припомню только остроумный разговоръ, напечатанный въ берлинскомъ «Kladderadatch».—Мужикъ спасъ царя, котораго хотѣлъ убить дворянинъ.—Что же сдѣлали съ мужикомъ?—Сдѣлали дворяниномъ.

Первое представленіе «Belle Hélène« Оффенбаха на Михайловскомъ театрѣ, на которомъ я присутствовалъ, ознаменовалось оваціями Александру II, въ первый разъ выѣхавшему въ театръ послѣ покушенія Каракозова. Встрѣченъ былъ покойный государь съ большимъ одушевленіемъ не только публикою, но и французскою труппою въ греческихъ костюмахъ оперетки, спѣвшей нѣсколько разъ «Боже, царя храни». Я помню, какъ у старика Леменима текли по щекамъ непритворныя слезы.

Но эти оваціи ничто передъ тѣмъ, что мнѣ довелось видѣть въ самый день покушенія 4-го апрѣля въ Александринскомъ театрѣ. Сцены эти въ свое время не были описаны. Уже идя въ театръ, я зналъ о покушеніи, но большинство сидѣвшей въ театрѣ публики ничего не подозрѣвало: вѣсть, однако мгновенно распространилась, когда заиграли гимнъ. Послѣдній, разумѣется, повторялся несчетное число разъ, восторгъ публики все усиливался,

быстро пронесся слухъ, что спасъ царя мелкій купецъ или мастеровой. Одинъ изъ купцовъ, сидѣвшихъ въ креслахъ, услыхавъ имя Комиссарова, сказалъ, что онъ его знаетъ; сосѣдъ, не разслышавши, переспросилъ у купца имя спасителя: тотъ, думая, что спрашиваютъ его имя, назвался. Вдругъ среди дѣйствія вскакиваетъ какой-то господинъ и громогласно заявляетъ, что спаситель государя здѣсь въ театрѣ. Сотни голосовъ закричали: «На сцену! На сцену! Гимнъ!» Бѣднаго купчика перекидываютъ черезъ оркестръ на сцену, куда сбѣгаются актеры, бутафоры, плотники, лѣзетъ и публика его цѣловать. Кто-то торжественно заявляетъ, что спасителя зовутъ Иванъ Ивановичъ Зонтиковъ. Крики: «Ура, Зонтиковъ!» и новые поцѣлуи. Купецъ тщетно протестуетъ; это принимаютъ за скромность. Начинается нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго, совершенно неописуемаго. Къ счастью, пріѣхалъ въ театръ директоръ театровъ графъ Борхъ. Онъ видѣлъ въ Зимнемъ дворцѣ Комиссарова и поскорѣе приказалъ убрать за кулисы несчастную жертву недоразумѣнія, но толпа не прекращала криковъ и овацій до конца спектакля, который нѣсколько разъ обрывался.

Ничего подобнаго этому энтузіазму я потомъ въ своей жизни не видѣлъ. И послѣ того говорятъ, что Петербургъ городъ не русскій.

Каракозовское покушеніе вызвало много перемѣнъ въ петербургской администраціи. Энергичный Треповъ замѣнилъ Анненкова, добрѣйшаго человѣка, который въ должности оберъ-полицімейстера ничего не дѣлалъ и не зналъ, что дѣлается въ городѣ. Когда въ Англійскій клубъ пришло извѣстіе о покушеніи, то кто-то предложилъ послать клубнаго служителя увѣдомить Анненкова о случившемся! Отличная иллюстрація русскихъ нравовъ.

Уволили и петербургскаго генералъ-губернатора, также очень популярнаго, кн. А. А. Суворова. Популярность его основывалась на томъ, что онъ всѣмъ и каждому давалъ рекомендательныя письма и затѣмъ, когда его спрашивали о protégé, говорилъ: «Ради Бога не обращайте никакого вниманія на мои рекомендаціи». Такою же любезностью и легкостью рекомендацій отличался впослѣдствіи гр. Деляновъ. «Ради Бога никогда не ссылайтесь мнѣ на рекомендацію кн. Суворова»,—говорилъ намъ Рейтернъ.

Вотъ тотъ не болталъ. Онъ отличался молчаливостью и только жевалъ что-то, когда съ нимъ разговаривали. И своего секретаря Рейтернъ удерживалъ, кажется, за молчаливость. Онъ увѣрялъ, что Титовъ всю службу только одинъ разъ сказалъ самостоятельное слово—именно, когда кучеръ, везя министра во дворецъ, повернулъ не въ тѣ ворота, то секретарь замѣтилъ: «Кажется, мы не туда ѣдемъ».

Каракозовская катастрофа отозвалась даже на III-мъ отдѣленіи. Добродушнаго кн. Долгорукова замѣнилъ бойкій графъ Шуваловъ, что еще болѣе усилило значеніе этого учрежденія, не пользовавшагося расположеніемъ общества. Когда Потаповъ устроилъ тамъ церковь и спросилъ кн. Щербатова (генералъ-лейтенанта, біографа кн. Паскевича), во имя кого назвать ее?—Во имя Іуды Искаріотскаго,—отвѣчалъ князь.

III-го отдѣленія не только не любили, но страшно боялись. Даже министры, являясь по дѣламъ къ шефу жандармовъ, причесывались и приглаживались въ пріемной. Я помню волненіе, съ которымъ отправлялся я туда въ началѣ 1866 года, вызванный Мезенцевымъ по одному семейному дѣлу. Надѣлъ я полную парадную форму, а побриться хотѣлъ въ парикмахерской около этого учрежденія. Цирюльникъ, торопясь, такъ рѣзнулъ меня бритвою по подбородку, что кровотеченіе долго не унималось и меня всего затыкали паутиной. Я стоялъ на улицѣ въ раздумьѣ, предстать ли въ такомъ видѣ передъ грознымъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ или нѣтъ, какъ одинъ прохожій участливо остановилъ меня.

— И васъ тоже обрѣзали? Это они, подлецы, кажинный разъ такъ дѣлаютъ.

Не боятся III отдѣленія было нельзя, ибо тогда прочно вѣрили, что тамъ посѣкаютъ не только дамъ, но и весьма серьезныхъ джентльменовъ. Само III отдѣленіе поддерживало эту полезную ему легенду. Когда Лохвицкій и Чебышевъ-Дмитріевъ, издававшіе юридическую газету, при извѣстіи, что въ составъ отдѣленія назначенъ юрисъ-консультъ, выразили опасенія, что «чрезвычайныя мѣры» все-таки будутъ практиковаться, то Шуваловъ вызвалъ обоихъ профессоровъ и, намыливъ имъ головы, насмѣшливо прибавилъ:

— Вы правы, что «чрезвычайныя мѣры» не прекратятся: мы ихъ къ вамъ первымъ и примѣнимъ.

III отдѣленію поприще открывалось громадное, потому что нигилизмъ во всѣхъ направленіяхъ дѣлалъ успѣхи чрезвычайные, имъ увлекались и художники и военные. Съ дѣтства я зналъ въ Одессѣ Славинскихъ, самое скромное семейство. Переѣхавъ въ Петербургъ, сынъ сошелся съ Сѣровымъ и увлекся до безумія Бахомъ и классической музыкой, а дочь вышла замужъ за нигилиста, офицера генеральнаго штаба Н. Гейнса, того самаго, что обратилъ въ вегетаріанство Толстого.

Я подсмѣивался надъ увлеченіемъ Гейнса идеями Оуэна, особенно надъ увлеченіемъ его жены. А они вдругъ un bon matin взяли и уѣхали подъ именемъ Фреевъ въ Америку съ цѣлью обновленія человѣчества, для чего жили сначала у перфекціонистовъ, а затѣмъ устроили собственную «прогрессивную общину».

Оба стали вегетаріанцами, не ѣли даже сахара и соли, ходили въ старыхъ солдатскихъ шинеляхъ и жили въ деревянномъ балаганѣ со щелями. Что пережила бѣдная Славинская—и передать трудно. Оба въ концѣ концовъ умерли въ Лондонѣ отъ истощенія, но въ своихъ благоглупостяхъ не сознались. Интересно однако, что дочь ихъ стала ярою ультрамонтанкою [1]).

Такихъ личностей было не мало. И откуда только они являлись и свои импровизированныя убѣжденія готовы были нести хоть на эшафотъ.!

И я увлекался, но на болѣе мирной почвѣ поощренія промышленности.

Я сталъ горячимъ протекціонистомъ. Мнѣ попалась въ это время книжка американскаго экономиста Кэри «Письма къ президенту», и она меня еще болѣе утвердила въ моихъ мнѣніяхъ. Подъ вліяніемъ ея я написалъ небольшой этюдъ: «Стоитъ ли поощрять русскую промышленность?» Тогда всѣ почти журналы и газеты даже за границею были фритредерскіе, напечатать мой этюдъ было не легко, но вывелъ меня изъ затрудненія горный

---

[1]) Въ своей брошюрѣ мой товарищъ Рейнгардтъ сильно идеализировалъ Гейнса. По мнѣ это былъ маньякъ и больше ничего. Братъ его былъ совсѣмъ другого закала человѣкъ.

инженеръ Бѣлоносовъ, ревизоръ золотыхъ промысловъ Пермской губерніи. Онъ познакомилъ меня съ Соловьевымъ, извѣстнымъ откупщикомъ и золотопромышленникомъ, только что истратившимъ полмилліона на поиски золота въ Пермской губерніи. Тотъ сейчасъ же издалъ на свой счетъ мою брошюру, которая вызвала порядочную полемику. «Только названіе брошюры мнѣ не нравится,—замѣтилъ Соловьевъ.—Лучше бы этакъ: «Дуй ихъ въ рыло, полуимперіалъ ужъ семь рублей!»

Степанъ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ чрезвычайно оригинальный. Онъ славился благодѣяніями и добродушіемъ, и за гробомъ его шли буквально тысячи бѣдняковъ, имъ облагодѣтельствованныхъ. Былъ онъ и великимъ патріотомъ. Не желая, какъ того добивался кн. Суворовъ, чтобы реформатская церковь стояла на видномъ мѣстѣ, на Румянцевской площади, онъ на свой счетъ устроилъ тутъ великолѣпный скверъ, за что дума поставила его портретъ въ залѣ засѣданій. Соловьевъ не считалъ иначе, какъ на пуды золота.

— Сколько тебѣ нужно?—спрашивалъ онъ у просителя.—Полпуда, пудъ—говори скорѣе!..

Роскошный столъ въ его домѣ, славившемся картинной галереей, былъ цѣлый день накрытъ для званыхъ и незваныхъ. Шампанское лилось рѣкою. Цѣлый день шла также игра; самъ хозяинъ любилъ коммерческія игры рублей по пяти фишка. Надобно было видѣть его играющимъ съ Бенардаки или Варгунинымъ, горячими въ игрѣ.

И вдругъ у этого молодцоватаго и красиваго Лукула въ сравнительно не старые годы, при колоссальной силѣ, сдѣлался ракъ въ горлѣ. Онъ стоически переносилъ страданія, и за нѣсколько дней до смерти я видѣлъ его старавшагося проглотить немного шоколада и занимавшагося съ массажистомъ. Доктора жгли ему горло раскаленною проволокою.

— Посмотрите, проволока-то платиновая; не смѣютъ, подлецы, меня трогать иначе, какъ драгоцѣнными металлами,—смѣясь, говорилъ онъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ Рашетъ поѣхалъ на Уралъ, куда уже ранѣе отправился герцогъ Лейхтенбергскій. Я былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію сопровождать ихъ. Путь нашъ былъ обыкновенный тогда: по Московской и Нижегородской желѣзнымъ дорогамъ, далѣе по Волгѣ и Камѣ до Перми. По Нижегородской дорогѣ насъ сопровождали всѣмъ извѣстный управляющій Рербергъ и инженеръ Селивановъ. Послѣдній былъ рѣдкостный типъ путейца, совершенно безсребренника. Всѣ начальники считали его полоумнымъ и спѣшили сбыть куда-нибудь.

Волга весною представляетъ мѣстами разливы въ десятки верстъ. Около впаденія Камы у Богородска цѣлое озеро, и при вѣтрѣ качаетъ иногда какъ на морѣ. Богородскъ интересенъ тѣмъ, что около него, изъ-за бичевой тяги, скопились горы навоза. Никому, конечно, и въ умъ не пришло пользоваться этимъ доморощеннымъ гуано для земледѣлія. Пробовалъ было одинъ фантазеръ вываривать здѣсь селитру, но неудачно...

Путешествіе по Волгѣ всегда поучительно, вслѣдствіе разнообразія встрѣчающихся и по берегамъ и на пароходѣ національностей. Къ тому же это былъ путь и на Кавказъ и въ Среднюю Азію. Грязные персы преспокойно располагались въ первомъ классѣ и отъ скуки искали вшей въ своихъ папахахъ или, сбросивъ туфли, ковыряли между пальцами своихъ ногъ, пятки которыхъ выкрашены въ красный цвѣтъ... На каждой пристани другая народность. Около Чебоксаръ появились добродушные чуваши. Чеборкасы они почему-то считаютъ своею столицею. «Васька (Васильсурскъ) не городъ, Кузька (Козьмодемьянскъ) не городъ, Чуксары (Чебоксары) всѣмъ городамъ городъ», говорятъ они съ гордостью, ничѣмъ не оправдываемою.

Другой захолустный городъ, Макарьевъ, знаменитъ монастыремъ, около котораго десятки лѣтъ собиралась Макарьевская ярмарка, перенесенная затѣмъ въ Нижній по какой-то административной интригѣ, взятокъ ради. Теперь не только городъ упалъ окончательно, но и Волга подмываетъ башни монастыря; одна готова была упасть въ воду, а можетъ быть и свалилась уже при нашей нелюбви къ своевременному ремонту.

Мы остановились на нѣсколько дней на Воткѣ и въ Мотовилихѣ. Въ это время за откупныя недоимки Бенардаки были приняты въ казну его вятскіе заводы, и образовали новый казенный горный округъ, который Рашетъ также желалъ привести въ «современное состояніе».

Для такого приведенія онъ бѣгалъ по цѣлымъ часамъ по заводамъ со стальною полусаженкою въ рукѣ и командировалъ безъ толку управителей съ одного завода на другой посмотрѣть; въ концѣ-концовъ никого не оказывалось на своихъ мѣстахъ.

У Рашета были еще маніи: во-первыхъ, строить Рашетовскія доменныя печи, которыя давали большіе выходы чугуна, но быстро разваливались; во-вторыхъ, возводить фахверковыя зданія, вовсе не соотвѣтствующія русскому климату; наконецъ, обмывать вездѣ карнизы и дѣлать по деревяннымъ крышамъ желѣзные разрывы—мѣры для предупрежденія распространенія пожара, вовсе не дѣйствительныя.

Въ Перми въ это время губернаторствовалъ Струве, служившій ранѣе въ Астрахани и при Муравьевѣ-Амурскомъ въ Сибири. Правленіе пермскимъ краемъ привело, какъ извѣстно, къ сенаторской ревизіи Клушина и къ признанію Пермской губерніи «дореформенной». Мѣста по полиціи открыто продавались. Струве и его жена, хотя нуждались въ деньгахъ, были люди гостепріимные. Въ это время для проѣзда одного изъ великихъ князей губернаторша устроила живыя картины. Это ужъ такъ полагается, но курьезъ былъ въ томъ, что когда его высочество вошелъ въ залъ, гдѣ подняли занавѣсъ, живая картина встала и поклонилась. Архіереемъ въ Перми былъ тогда Неофитъ, котораго почему-то прозвали Лафитъ.

По дорогѣ въ Екатеринбургъ, несмотря на проѣздъ высокихъ особъ, исправленной весьма мало, ночью насъ пытались ограбить. Опытный Рашетъ сзади брички клади не привязывалъ — ее сейчасъ бы срѣзали. Но какъ-то ночью близъ Суксуна мы почувствовали, что изъ-подъ насъ выдергиваютъ что-то. Мы дремали. Рашетъ спросилъ меня: «Это вы дергаете подушку?» Я говорю: «Нѣтъ». Мы закричали, курьеръ зажегъ фонарь. Подъѣхали слѣдовавшіе за нами экипажи. Мы вылѣзли. Оказалось, что кожаный верхъ разрѣзанъ сзади ножомъ поперекъ, и черезъ огромную дыру грабитель старался вытащить изъ-подъ насъ кладь, но попалъ неудачно.

Въ Екатеринбургѣ намъ отвели помѣщеніе въ домѣ Расторгуевыхъ, который по тому времени казался дворцомъ и былъ великолѣпно расписанъ какимъ-то каторжнымъ въ эпоху, когда на

Уралѣ были еще каторжныя работы. Насъ было двое въ огромныхъ пустыхъ хоромахъ, и я пользовался этимъ, чтобы изъ школьничества по ночамъ пугать бѣднаго Рашета.

Здѣсь мы встрѣтили герцога Лейхтенбергскаго, пріѣхавшаго изъ Тагила, и дальнѣйшій путь должны были дѣлать вмѣстѣ. Я, впрочемъ, разстался съ герцогомъ по дорогѣ на Симскіе заводы и поѣхалъ поджидать Рашета въ Кушву; герцогъ же заѣзжалъ еще на угольныя копи Всеволожскихъ на Луньвѣ. Екатеринбургъ устроилъ герцогу радушный пріемъ, были обѣды и балы. Я танцовалъ съ герцогомъ визави. Пришлось бриться, а въ городѣ тогда не было ни одного парикмахера, самъ же я не умѣлъ бриться. Нечего дѣлать, послалъ за цирюльникомъ мѣстнаго горнозаводскаго батальона, который скоблилъ мои щеки, какъ сапожную подошву.

Герцога сопровождали академики Кокшаровъ и Зининъ, попечитель его генералъ Ребиндеръ и докторъ Бѣлоголовый. Кокшаровъ—знаменитый минералогъ и внушилъ герцогу любовь къ кристаллографіи. Зининъ, извѣстный химикъ и очень умный человѣкъ, отличался въ это время необыкновенной лѣнью; въ молодости онъ былъ, напротивъ, весьма подвиженъ и одинъ изъ немногихъ русскихъ посѣтилъ Исландію и на верблюдахъ проѣхалъ въ степь Сахару—операція не веселая, ибо въ день на продовольствіе полагается тамъ стаканъ воды и три финика. Ребиндеръ, человѣкъ придворный, отличался чрезвычайной вѣжливостью и любезностью; превосходно образованный и много путешествовавшій, онъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Бѣлоголовому, сыну иркутскаго купца, покровительствовалъ Боткинъ, тоже сынъ купца.

Крайній по убѣжденіямъ и крѣпышъ по наружности, это былъ добродушный человѣкъ, очень симпатичный. Онъ оставилъ записки, нынѣ напечатанныя, гдѣ говоритъ и о поѣздкѣ герцога и о своихъ спутникахъ, причемъ записки обрываются какъ разъ на пріѣздѣ Рашета и моемъ. Такъ и остается для меня неизвѣстнымъ, что Бѣлоголовый обо мнѣ думалъ. Къ свитѣ герцога присоединились еще А. Всеволожскій, впослѣдствіи губернаторъ Таврической губерніи, загнавшій тамъ всѣхъ почтовыхъ лошадей, и Донауровъ, адъютантъ оренбургскаго генералъ-губернатора,

братъ извѣстнаго романсиста. Донауровъ пѣлъ и игралъ на фортепіано и своимъ остроуміемъ не мало развлекалъ общество. По дорогѣ встрѣчалъ герцога Е. В. Богдановичъ, напечатавшій о поѣздкѣ брошюру.

Мы выѣхали изъ Екатеринбурга цѣлымъ караваномъ: герцогъ съ Рашетомъ, Ребиндеръ со мною, Кокшаровъ съ Зининымъ и т. д. Путешествовать съ высокими особами чрезвычайно пріятно. Лошадей сгоняютъ со всей губерніи помощью устройства подставъ, ни одинъ перегонъ не бываетъ болѣе 10—12 верстъ, лошади несутся вскачь и ихъ перепрягаютъ въ одно мгновеніе. Тамъ, гдѣ нѣтъ приглашеній и пріемовъ, высланные заранѣе повара приготовляютъ прекрасные завтраки и обѣды. Для ночлеговъ также все вычищено и устроено.

Мы проѣхали такимъ образомъ по заводамъ Сысертскимъ, Кыштымскимъ, Златоустовскимъ, Катавъ-Ивановскимъ и изъ Златоуста сдѣлали очень интересную поѣздку въ Киргизскую степь, на Качкарскую золотоносную систему и въ Троицкъ. Здѣсь дорога гладкая, какъ зеркало, и мы неслись съ быстротою поразительною. Оренбургскіе золотопромышленники устроили прекрасный пріемъ, но чудеса пріема превзошло чудесное вранье барона К., мѣстнаго золотопромышленника. Въ жизни я не встрѣчалъ такой богатой фантазіи...

Троицкъ, тогда важный пунктъ караванной и мѣновой торговли, представлялъ большое оживленіе: киргизовъ, бухарцевъ и всякой татарвы набралось тутъ видимо-невидимо. Мы ѣздили въ кочевку пить кумысъ и осматривать кибитки. Устроены были и скачки и джигитовка. Оренбургскіе казаки, которыхъ представлялъ генералъ Зенгбушъ, скакали стоя на сѣдлахъ, но искусство ихъ куда ниже кавказскихъ джигитовъ. Киргизскія лошади съ виду плохи, но, говорятъ, чрезвычайно выносливы.

Разставшись съ герцогомъ, я по дорогѣ въ Кушву заѣхалъ на нѣсколько дней на Ягодный пріискъ Асташева, управлявшійся тогда Фохтомъ. Послѣдній, по профессіи архитекторъ, былъ однимъ изъ золотопромышленниковъ стараго закала, въ родѣ Соловьева. Эти господа въ былыя миѳическія времена очень легко наживали деньги, зато и сорили ихъ не считая. Разнообразія однако въ кутежѣ было мало, главное занятіе состояло въ безконечномъ питьѣ

шампанскаго. Едва проснешься, какъ вамъ докладываютъ, что уже нѣсколько бутылокъ заморожено. Готовы, кажется, были мнѣ дѣлать и ванны изъ клико. Знаменитый «таежный Наполеонъ», Машаровъ, поилъ же шампанскимъ лошадей и мылъ полы!

Идеаломъ было напоить всякаго до положенія ризъ. Особымъ искусствомъ отличался по этой части, чѣмъ и заслужилъ популярность на Уралѣ, мой пріятель Бѣлоносовъ, у котораго я и остановился въ Кушвѣ. Онъ всѣ споры золотопромышленниковъ рѣшалъ просто.—Не хотите ли выпить мадерцы прежде всего?—спрашивалъ онъ. Слово за слово, стаканъ за стаканомъ, и все кончалось общими лобызаніями и объятіями. Я былъ довольно долго свидѣтелемъ этого примирительнаго судопроизводства, требовавшаго крѣпкой головы, потому что на Ягодномъ пріискѣ схватилъ дифтеритъ. Язычокъ въ горлѣ сдѣлался необыкновенной длины, появились пленки, и я задыхался. Къ счастью, добрый докторъ Соколовъ и семейства Бѣлоносова и А. Аносова, отставного горнаго инженера, сына изобрѣтателя извѣстной литой стали, ухаживали за мной, какъ за роднымъ.

Пріѣхалъ Рашетъ и, видя, что я никуда не гожусь, двинулся безъ меня на Богословскіе заводы. Дорога туда стала уже непроходимою. Поѣхалъ архіерей въ Верхотурье и застрялъ, поѣхалъ губернаторъ и вернулся, одинъ Рашетъ все-таки проскочилъ. Уральскіе порядки ему были хорошо знакомы, такъ какъ онъ долго былъ управителемъ Нижне-Туринскаго завода. Населеніе звало его Рѣшетовъ, и даже одна баба попалась какъ-то, уѣхавъ безъ разрѣшенія управителя съ фальшивымъ билетомъ, подписаннымъ не Рашетъ, а «капитанъ Рѣшетовъ»!

Пока Рашетъ тонулъ въ грязи, я поправился, и проводилъ время не дурно: устраивались пикники за заводскимъ прудомъ и на горѣ Благодати, тогда еще остававшейся въ неприкосновенности. Испортилъ ее въ 70-хъ годахъ горный начальникъ Андреевскій, человѣкъ, впрочемъ, очень милый и честный. Опасаясь истощенія рудъ, онъ проплавилъ огрумную часть штока, выходящаго наружу. Рабочіе увидѣли въ этомъ святотатство по отношенію къ часовнѣ, возвышающейся на горѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію будто бы вогулы сожгли открывателя руды Чумпина, никогда, кстати сказать, не сжигавшагося. Андреевскому пред-

сказали бѣду; онъ дѣйствительно скоро умеръ, молодымъ еще человѣкомъ.

Изъ Кушвы на Серебрянку, Кунгуръ, гдѣ мы останавливались у знаменитаго чайнаго торговца Губкина, и далѣе пароходомъ поѣхали мы на Луганскій округъ. Волга отъ Богородска до Царицына очень красива и величественна, особенно красива на Самарской лукѣ, около Жигулей. Правый берегъ высокъ, разливъ громаденъ, оживленіе по рѣкѣ, гдѣ еще были и бечева, и коноводныя машины, страшное. Мы останавливались и въ Самарѣ, и въ Вольскѣ, и въ Саратовѣ. Въ Царицынѣ надобно было пересѣсть на Волго-Донскую желѣзную дорогу, идущую въ Калачъ на Дону, но пришло досадное извѣстіе, что пароходъ сломался и ждутъ подачи другого. Пришлось въ Царицынѣ прожить нѣсколько дней. Къ счастью, начальникъ дороги Апахаловъ любезно предложилъ намъ царскія комнаты на станціи.

Царицынъ и тогда былъ большимъ городомъ, но походилъ скорѣе на селеніе, разбросанное на большое протяженіе, волы преспокойно паслись на его улицахъ. Уже Петръ угадалъ его будущее значеніе и оставилъ въ думѣ на память треухъ и дубинку. По осмотрѣ этихъ достопамятностей, чтобы чѣмъ нибудь занять себя, мы поѣхали въ Сарепту и не раскаялись. Я потомъ видѣлъ Сарепту en grand — городъ Великаго Соляного озера мормоновъ, но и наша нѣмецкая колонія представлялась утѣшительнымъ оазисомъ.

Среди сухой, дикой степи, окруженные кочевниками, безоружные нѣмцы (ибо религія запрещаетъ имъ всякое насиліе) устроили цвѣтущее поселеніе, добыли воду, вырастили деревья. Всюду поражали чистота и довольство. Днемъ мы были въ гернгутерскомъ храмѣ, слушали проповѣдь; вечеромъ на чистомъ воздухѣ игралъ на площади оркестръ, и имъ дирижировалъ тотъ же нѣмецъ, что утромъ проповѣдывалъ. Разведеніе горчицы одно изъ главныхъ занятій сарептскихъ братьевъ. Мы посѣтили горчичную фабрику Глича, угостившаго насъ отличными фруктами изъ своего сада. Часть братьевъ ушла потомъ отъ воинской повинности въ Южную Америку и тамъ сумѣла устроиться.

Замѣчательна однако черта упорства нѣмцевъ: калмыки около Сарпты понимали по-нѣмецки, а нѣмцы не только по-калмыцки, но и по-русски не понимали или прикидывались не понимающими. Калмыки, остатки тѣхъ, что бѣжали въ Китай при Екатеринѣ II, сильно вымирающій, добродушный и хорошій народъ, который много лѣтъ грабятъ казаки, чиновники и собственные «нойоны». Крѣпостное состояніе калмыковъ не было еще тогда уничтожено.

Плаваніе по Дону далеко не такъ удобно, какъ по Волгѣ. Лѣтомъ не бываетъ воды. Пароходы, идущіе изъ Калача въ Ростовъ и обратно, садятся каждую минуту на мель или перекаты, и тогда представляется интересная картина: казаки верхомъ, а иногда и просто бабы, задравъ подолы, что называется по-малороссійски «поддрипавшись», переходятъ прямо Донъ мимо обмелѣвшаго парохода въ бродъ. Пассажировъ сгоняютъ подчасъ на берегъ или на островъ и облегчаютъ пароходъ, давая ему возможность двинуться съ мѣста.

Въ одну изъ такихъ остановокъ матросъ забросилъ ведро и пилъ воду. Вдругъ капитанъ увидѣлъ это и хвать его по шеѣ: «Дуракъ, нечто не видишь, что мы на мели, а ты пьешь воду!»

Публика подумала, что капитанъ серьезно боится, какъ бы матросъ не выпилъ послѣдніе остатки воды въ мелководномъ Донѣ Ивановичѣ.

Смотрѣли мы на бывшую Зимовѣевскую станицу, родину столь моднаго теперь Пугачева, пробовали шипучее вино въ Цымлянской станицѣ, гдѣ оно производится въ мелкихъ хозяйствахъ, а изъ Аксая, старой столицы Дона, проѣхали въ сопровожденіи строителя дороги В. Панаева въ Новочеркасскъ, хорошенькій, чистенькій городокъ. Онъ имѣлъ прекрасный клубъ въ большомъ городскомъ саду, гдѣ собиралось по вечерамъ общество, довольно дружное для губернскаго города. Много было миловидныхъ женщинъ, а между офицерами, которые служили въ гвардіи и имѣли имѣнія, не мало людей образованныхъ. Но духъ казачества былъ еще очень силенъ. Русскихъ называли здѣсь «иногородними» и на нихъ смотрѣли какъ на иностранцевъ. Все населеніе, даже торговое сословіе, носило военную форму. Въ числѣ рѣдкостей показывался соборъ, куполъ котораго уже два раза обваливался по искуству нашихъ строителей. На окончаніе собора потребовалось сто лѣтъ!

Находящіеся къ сѣверу отъ Новочеркасска Грушевскія разработки, кромѣ рудниковъ Русскаго общества пароходства и торговли, вслѣдствіе малаго размѣра отводовъ, были въ довольно жалкомъ положеніи; но новый управляющій горною частью на Дону Антиповъ исправилъ разработку, прокладывая на общественный счетъ водоотливъ. До того казаки знать не хотѣли горнаго искусства. Когда открылся антрацитъ, то войсковой атаманъ знаменитый герой 12-го года гр. Платовъ ничего умнѣе не нашелъ, какъ двинуть на Грушевку полкъ казаковъ, который, придя на мѣсто, собственнымъ умомъ догадался вырыть гигантскую яму!

Есть легенда, хотя и не подтвержденная документами, что кусокъ антрацита показывали Петру еще во время Азовскаго похода и что царь сказалъ: «Сей минералъ если не намъ, то потомкамъ нашимъ полезенъ будетъ». Это дало поводъ Мевіусу, горному начальнику Луганскаго округа, о Рашетѣ сострить, что «сей генералъ ни намъ, ни потомкамъ нашимъ полезенъ не будетъ».

Рашетъ однако очень старался и изъ Ростова-на-Дону вдругъ задумалъ послать меня въ Анапу посмотрѣть, удобно ли провести туда желѣзную дорогу. Подбилъ его на такую командировку Байковъ, бывшій тогда городскимъ головою въ Ростовѣ. Человѣкъ ловкій, Байковъ умѣлъ угождать властямъ. Коцебу, тогда новороссійскаго генералъ-губернатора, онъ встрѣчалъ даже съ колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ!

Ростовъ очень много однако обязанъ Байкову, который преобразовалъ его. Безъ сомнѣнія, это потребовало расходовъ и вызвало увеличеніе налоговъ, что создало сильную оппозицію, и при выборахъ Байкова провалили. Его замѣнилъ Кривошеинъ, будущій министръ. Когда выбрали Байкова вторично въ головы, то онъ, принимая думу, выразилъ сожалѣніе, что въ городской кассѣ нѣтъ денегъ. — «Да мы васъ поэтому-то и выбрали,—двусмысленно замѣтилъ Кривошеинъ,—что въ кассѣ нѣтъ денегъ».

Позднѣйшія событія показали, что такую предусмотрительность скорѣе слѣдовало примѣнять къ Кривошеину.

Одного не могъ добиться Байковъ—это административнаго слитія армянской Нахичевани съ русскимъ Ростовомъ, хотя въ дѣйствительности оба города давно слились. Нахичевань славилась тогда своимъ производствомъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Довѣріе къ нимъ было огромное, ими платили за дрова на Волгѣ и цѣна зависѣла отъ того, какими билетами расплачивался покупатель, казенными или нахичеванскими!—Намъ хоть этакихъ,—говорилъ мнѣ наивно одинъ помѣщикъ.

Въ Лугани мы встрѣтили старика Летуновскаго, сумѣвшаго во время осады Севастополя въ маленькой литейной Луганскаго завода, котораго онъ былъ горнымъ начальникомъ, отлить 730,000 пуд. снарядовъ. Тою же холмистой степью черезъ Донецкій бассейнъ, который не бассейнъ, а кряжъ, проѣхали мы и далѣе въ Лисичанскъ—родину южно-русскаго горнаго дѣла. Въ это время шелъ вопросъ объ устройствѣ выплавки чугуна на коксѣ, и послѣ неудачныхъ опытовъ въ Лугани, Керчи и Петровскомъ заводѣ Рашету, по совѣту И. Фелькнера, пришла неудачная мысль продолжать опыты въ Лисичанскѣ на берегу С. Донца. Луганскій заводъ стоялъ въ это время почти безъ дѣла. Мевіусъ протестовалъ, такъ какъ лисичанскій уголь не коксуется, но его смѣнили и замѣнили Фелькнеромъ, прозваннымъ въ горномъ мірѣ «спутникомъ механика» по изданной имъ справочной книжкѣ.

Судьба привела мнѣ потомъ стать рѣшителемъ судьбы Луганскаго округа, доставлявшаго со временъ графа Зубова одни убытки казнѣ.. Лисичанскую угольную копь я сдалъ въ аренду обществу Сольве, устроившему огромный содовый заводъ. Въ благодарность за это общество назвало новый рудникъ (уже два раза успѣвшій послѣ того сгорѣть) моимъ именемъ и прислало мнѣ его фотографію. А съ Луганскимъ заводомъ я поступилъ еще проще: убѣдилъ Островскаго, во избѣжаніе всякихъ переписокъ и споровъ съ контролемъ и финансовымъ вѣдомствомъ, всеподданнѣйшимъ докладомъ въ 20 строчекъ передать заводъ со всѣмъ имуществомъ артиллерійскому вѣдомству, устроившему огромный патронный заводъ, отчего и городъ и населеніе чрезвычайно выиграли.

За это я отъ города не только никакой фотографіи не получилъ, но муниципалитетъ еще подымалъ какую-то переписку объ отдачѣ ему (конечно безвозмездно) и того и другого.

Изъ Лисичанска неугомонный Рашетъ долженъ былъ еще ѣхать въ Одессу, затѣмъ на Мальцевскіе заводы и въ Олонецкій округъ, но мнѣ надоѣло странствовать, и я, торопясь увидѣть

милыя мнѣ существа, поскакалъ на Харьковъ въ Петербургъ, проводя шесть дней и ночей на перекладной. Въ эту поѣздку я испробовалъ, что такое фельдъегерская ѣзда. На одной станціи по шоссе фельдъегерь, видя, что мнѣ, несмотря на подорожную по Высочайшему повелѣнію, придется ждать лошадей, взялъ меня съ собою, что фельдъегерямъ строго воспрещается.

Станція была 18 верстъ, лошади все время неслись вскачь, фельдъегерь, не обращая вниманіе на жару, сидѣлъ въ башлыкѣ, чтобы вѣтеръ съ пылью не обжегъ его лица. Для развлеченія онъ все время колотилъ ямщика въ спину, прикрикивая: «пошелъ!». Несчастныя лошади были въ какомъ-то зеленомъ мылѣ, а перекладную бросало изъ стороны въ сторону, такъ что нужно было держаться по временамъ за бока экипажа. Все у меня внутри переболталось, и я радъ былъ, когда мы подъѣхали къ станціи и мою душу отпустили на покаяніе. Быть фельдъегеремъ требовалось желѣзное здоровье. Почему-то они почти всѣ были тогда изъ нѣмцевъ.

Въ эту поѣздку одинъ ямщикъ разсказалъ мнѣ любопытную легенду о городахъ Обояни и Рыльскѣ (Обоянь была на пути). Города эти очень торговые и, какъ бывшіе съ Литвой пограничными, отличаются плутоватостью и оборотистостью своего населенія. Рыльскъ до сихъ поръ остается центромъ торговли на всю Россію австрійскими косами. Легенда гласитъ, что когда дьяволъ соблазнялъ Христа и предлагалъ всю вселенную, то будто бы прибавилъ... «окромя Рыльска и Обояни», которые желалъ сохранить за собою.

КОНЦЕССІОНЕРЫ.—КАРТОФЕЛЬНЫЙ КЛУБЪ.

XXI.

Долгое время Россія имѣла одну желѣзную дорогу—Царскосельскую. Управляющій ею баронъ Т. писалъ на своихъ карточкахъ «Directeur du chemin de fer à Tzarskoé Sélo et de retour» и когда ѣхалъ государь докладывалъ неизмѣнно: «Tous est prêt, Votre Majesté!» Наконецъ, какъ-то ему замѣтили, что нужно говорить «Tout est prêt». Когда онъ доложилъ такъ, Александръ II разсмѣялся и сказалъ: «Нѣтъ, «тузепре» и пусть такъ и остается» [1]).

[1]) Профессоръ (экстраординарный) С.-Петербургскаго университета и вице-директоръ второго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ бар. М. А. Таубе, внукъ бар. Ф. И. Таубе, директора Царскосельской дороги, написалъ въ «Новое Время» о «тузепре» длинное и довольно темное письмо и, по-моему, напрасно, ибо не мало живетъ еще людей и поважнѣе вице-директора департамента, которые слышали «тузепре» своими собственными ушами и мнѣ это подтвердили.

Другія лица говорятъ, что напрасно также баронъ назвалъ въ своемъ письмѣ покойнаго Фердинанда Ивановича «профессоромъ чистой математики». Въ дѣйствительности онъ былъ учителемъ ариѳметики, почему и сложились о немъ извѣстные въ путейскомъ мірѣ стихи:

Онъ ариѳметику прекрасно зналъ
И даже алгебры начало
Хотя съ трудомъ, но понималъ.

Впрочемъ, когда въ путейскомъ корпусѣ лекціи читались по-французски, то и учителей можетъ быть называли по-французски «professeurs».

Дороги Главнаго общества очень скоро сдѣлались по управленію почти казенными. Предсѣдателемъ общества въ это время, вмѣсто графа Баранова, поѣхавшаго въ Вильну, сталъ графъ Г. А. Строгановъ, человѣкъ, какъ я уже писалъ, необыкновенно въ Петербургѣ популярный. Это былъ свирѣпый съ виду колоссъ, но въ душѣ добродушный кутила. Благодаря браку, въ провинціи его принимали съ почестями, и онъ разсказывалъ, что въ Тамбовской губерніи исправникъ стоялъ даже въ банѣ въ мундирѣ, пока его мыли, наблюдая, чтобы какъ-нибудь не повредили его прекраснаго тѣла.—Что это вы стоите?—спросилъ графъ.—Ничего-съ, ваше сіятельство, мы привыкли,—отвѣчалъ полицейскій.

Постройка частныхъ желѣзныхъ дорогъ двинулась только, когда Дервизъ, товарищъ Рейтерна по лицею и секретарь разорившейся Саратовской дороги, согласился на выпускъ по 52 руб. за 100 акцій Рязанской дороги. Постройку велъ инженеръ фонъ-Меккъ.

Остряки увѣряли, что «Магометъ нашелъ въ Меккѣ свою погибель, а Дервизъ свое спасеніе»...

Одного брата его я зналъ гусаромъ, акцизнымъ чиновникомъ и пѣвцомъ. Другого брата, Дмитрія, члена Государственнаго Совѣта, человѣка маленькаго роста, называли меньшинствомъ Совѣта. Онъ, дѣйствительно, частенько кипятился и оставался въ меньшинствѣ.

Нажива на Рязанской дорогѣ и особенно на Козловской разожгла апетиты. Апогея концессіонерная горячка достигла, когда С. Поляковъ, содержатель почтовой станціи въ имѣніи гр. И. Толстого, министра почтъ и любимца Александра II, получилъ концессію на Курско-Азовскую дорогу. Ранѣе того Поляковъ ставилъ камень на шоссе на дистанціяхъ Данилова и Кислаковскаго. Этихъ инженеровъ онъ сдѣлалъ своими ближайшими сотрудниками по желѣзнымъ дорогамъ и удержалъ при себѣ до смерти. Рѣдкій примѣръ признательности. Да и вообще Поляковъ, котораго столько бранили, былъ самородокъ рѣдкій и по способностямъ и по характеру.

Такъ какъ барыши отъ постройки дорогъ были огромные, то въ расходахъ не стѣснялись. Въ это время Ст-въ получилъ милліонъ только за проведеніе концессіи; главный инженеръ Г-въ, проживавшій постоянно за границею, пробылъ одинъ день на дорогѣ, которую строилъ, и сверхъ огромнаго жалованія получилъ отъ Губонина 400,000 руб. преміи! Горному инженеру Бабину Поляковъ выдалъ изъ суммъ Севастопольской дороги за то, что тотъ секретарствовалъ въ одномъ засѣданіи, 10,000 руб. Не всѣ концессіонеры, впрочемъ, были такъ щедры.

Въ 1867 г. одинъ нашъ аристократъ, и доселѣ здравствующій, пріѣхалъ къ барону Унгернъ-Штернбергу за совѣтомъ, какъ написать проектъ концессіи на одну довольно важную линію къ Волгѣ. Баронъ послалъ его къ моему брату, бывшему у него секретаремъ; братъ, новичокъ въ дѣлѣ, просилъ меня помочь, и мы вмѣстѣ сочинили, что нужно. Аристократъ взялъ за это полъ-милліона комиссіи и оставилъ моему брату... свою визитную карточку...

• Мало однако было сочинить концессію, надобно было ее провести, и эта операція, производившаяся въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ и департаментахъ, вызывала невѣроятное взяточничество. Одинъ начальникъ отдѣленія нажилъ въ три года 2½ милліона рублей. Надобно было хорошо знать ходы, чтобы давать съ успѣхомъ взятки, ибо все было какъ нарочно перепутано. Директоръ самаго вліятельнаго департамента Л. былъ математикъ и, конечно, не отъ міра сего, а вице-директоръ Е., наоборотъ, извѣстный хапуга; начальникъ отдѣленія былъ честный и деликатный лицеистъ Л., а столоначальникъ у него В., изъ русскимъ нѣмцевъ, на однѣхъ кокотокъ тратилъ въ годъ по 100,000 руб.

Онъ владѣлъ альбомомъ порнографическихъ рисунковъ знаменитыхъ художниковъ, который по смерти за большія деньги перешелъ къ морскому министру Краббе. •

Способовъ давать взятки у насъ не занимать стать. Вотъ американскій. При возобновленіи контракта Уайненса на тягу Николаевской дороги, за разрушеніе котораго потомъ казна уплатила семь милліоновъ рублей, Уайненсъ зашелъ къ начальнику дороги, С-у, отъ котораго дѣло зависѣло. День былъ солнечный, но Уайненсъ держалъ въ рукахъ дождевой зонтикъ. На выраженное удивленіе американецъ заявилъ, что будетъ непремѣнно дождь, и предложилъ даже пари въ сто тысячъ. Пари, разумѣется было проиграно, но по контракту былъ данъ благопріятный отзывъ. Я думаю, что впослѣдствіи менѣе церемонились и безъ всякихъ

дождевыхъ зонтиковъ брали куши, брали и съ тѣхъ, которымъ доставались концессіи, и съ тѣхъ, кто ее ждалъ. Такъ поступалъ по крайней мѣрѣ П., секретарь вліятельнаго князя Г-а.

Къ 31-му августа я получилъ первый орденъ, св. Станислава 3-й степени. Я сейчасъ же полюбопытствовалъ, что даетъ сіе отличіе, и узналъ, что въ орденскіе праздники могу носить епанчу и имѣю право осматривать тюрьмы; если же доживу до ста лѣтъ, то получу кропечную пенсію по этому ордену. Епанчи я себя не заказалъ, а пенсію жду...

Въ октябрѣ 1866 г. я былъ выбранъ членомъ петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, котораго я теперь одинъ изъ старѣйшихъ членовъ, такъ какъ общество-клубъ основалось въ 1864 г. Оно, впрочемъ, строго говоря, не было основано вновь, а преобразовалось изъ дворянскаго клуба, который съ эмансипаціей и учрежденіемъ земства захотѣлъ расширить свою программу. Собраніе должно было, по мысли В. И. Вешнякова, сдѣлаться не только мѣстомъ для битвы на зеленомъ полѣ, но и политическимъ клубомъ, гдѣ обсуждались бы подъ флагомъ поощренія сельскаго хозяйства, государственные вопросы.

Первые годы клубъ, прозванный, въ подражаніе парижскому Cercle d'Agriculture, «картофельнымъ», горячо подвизался на этомъ поприщѣ. Каждый вторникъ, послѣ табль-д'ота, гдѣ шампанское истреблялось на славу, члены, поигравъ слегка только на закуску въ карты, собирались въ залѣ. Тамъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Щербатова, а въ его отсутствіе адмирала гр. Литке или будущаго министра путей сообщенія гр. А. Бобринскаго, открывалось засѣданіе. Секретарствовалъ Н. Сольскій. Доклады читались по вопросамъ общимъ экономическимъ; для приличія, или вѣрнѣе законности, требовалось хотя легкая связь съ положеніемъ въ Россіи сельскаго хозяйства.

О послѣднемъ говорили часто, какъ спеціалисты, Н. Черняевъ, очень талантливый человѣкъ, къ сожалѣнію, рано умершій, Вешняковъ, Ходневъ, Ермоловъ и Совѣтовъ. Но интересъ былъ не въ этого рода разговорахъ. Пренія разгорались на почвѣ реформъ и финансовъ. Консерваторовъ было мало: Бланкъ, Кардо-Сысоевъ, И. Домонтовичъ, Лодэ, Линенфендъ и т. п. Надъ ними болѣе издѣвались, но съ увлеченіемъ слушали кн. Щербатова, кн. Васильчикова, гр. Шувалова, Полетику, Платонова и др. либераловъ. И изъ послѣднихъ были несносные болтуны, напр. Савельевъ. Фритредеры тоже любили говорить, особенно Бушенъ и В. Безобразовъ. Любилъ и я упражняться здѣсь въ словопреніяхъ.

Кн. Щербатовъ, с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства, считался тогда какъ бы главою партіи реформъ. Ранѣе онъ былъ либеральнымъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа и мѣтилъ въ министры народнаго просвѣщенія, но всемогущій графъ П. А. Шуваловъ помѣшалъ этому. Кн. Васильчиковъ по связямъ и уму тоже имѣлъ всѣ данныя сдѣлаться министромъ, но оставался не у дѣлъ и въ оппозиціи Шувалову, который опредѣленной политики не имѣлъ, но тормозилъ, гдѣ могъ, движеніе, принявшее и въ началѣ 60-хъ годовъ мѣстами уродливыя формы. Къ сожалѣнію, и тогда, какъ и теперь, консервативная партія была неустроена и не могла выставить людей; тѣ же, у которыхъ были таланты, какъ Аксаковъ, считались опасными. Даже на Каткова косилась администрація, предпочитая всему тишину и молчаніе.

Видя, что разговоры никакого дѣйствія не производятъ, дворянская оппозиція мало-по-малу затихла, и засѣданія въ собраніи потеряли интересъ. Клубъ сталъ преимущественно чиновничьимъ.

Это особенно проявилось въ 1881 г. при выборѣ гр. Лорисъ-Меликова въ почетные члены. Его предложили до паденія. Когда же графъ оставилъ министерство, то сейчасъ же явилась оппозиція. Выходъ для нея нашелъ извѣстный игрокъ Зубковъ. Онъ предложилъ предварительно спросить графа, желаетъ ли онъ быть почетнымъ членомъ. Несмотря на нелѣпость такого предложенія, оно прошло значительнымъ числомъ голосовъ. Лорисъ-Меликовъ само собою отвѣчалъ, что чести быть почетнымъ членомъ клуба вовсе не ищетъ.

Съ переходомъ изъ помѣщенія Дворянскаго собранія на другую квартиру и съ разрывомъ связи съ земствомъ, клубъ окончательно потерялъ свою политическую окраску, хотя партіи остались. Долгое время предводителемъ консерваторовъ былъ тамъ отставной артиллерійскій генералъ, Соловцовъ, а либераловъ—отставной инженерный генералъ Кузьминъ. Послѣдній такъ увле-

камся Гладстономъ, что заболѣлъ даже, когда послѣдняго забодала какъ-то корова!

Наряду съ политикою въ «картофельномъ клубѣ» процвѣтала и игра. Первымъ знатокомъ и суперъ-арбитромъ въ карточныхъ спорахъ считался поэтъ Некрасовъ, состояніе котораго происходило отъ Абазы, проигравшаго ему въ карты шестьсотъ тысячъ рублей. Некрасовъ и до смерти оставался горячимъ и усерднымъ игрокомъ.

Старшина клуба Авдѣевъ, авторъ «Подводнаго камня» и близкій къ «Современнику» человѣкъ, разсказывалъ мнѣ, что представилъ какъ-то Некрасову своего сосѣда, молодого уфимскаго помѣщика. Черезъ нѣкоторое время онъ спросилъ у поэта, что сталось съ его протеже, котораго не видать было:

— Подлецъ, онъ обокралъ насъ,—отвѣчалъ своимъ сиплымъ голосомъ Некрасовъ.

— Какъ, что?—въ ужасѣ спросилъ мнительный Авдѣевъ.

— Вырвался и на сторонѣ десять тысячъ проигралъ...

Передъ тѣмъ Некрасовъ успѣлъ уже выиграть съ этого помѣщика тысячъ тридцать.

Со смертью Некрасова рѣшеніе споровъ было предоставлено гр. Граббе, которому принадлежитъ афоризмъ: «выиграть не трудно, трудно получить». Превосходно и усиленно играли въ карты Энгельгардтъ, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, одинъ изъ лучшихъ тогда спеціалистовъ по международному праву, и поэтъ—заплывшій жиромъ толстякъ Апухтинъ.

Апухтинъ былъ совершенно библейскій сынъ, зарывшій талантъ въ землю. Правда, въ это время поэзіи не признавали и даже надъ нашимъ лучшимъ тогда лирикомъ гр. А. Толстымъ, также членомъ клуба, только издѣвались. Даровитый и съ истинно поэтическимъ чутьемъ, онъ всю жизнь провелъ въ ничегонедѣланіи, остроумничаніи и въ игрѣ въ карты. Когда Апухтина по окончаніи курса въ Училищѣ правовѣдѣнія причислили къ департаменту юстиціи, столоначальникъ поручилъ ему составить алфавитъ дѣлъ. Каково же было удивленіе сего чиновника, когда всѣ дѣла въ алфавитѣ оказались на букву Д.: дѣло о томъ, дѣло о томъ-то, дѣло о томъ-то.

Министерство юстиціи потребовало отъ Апухтина нѣсколько рублей выданнаго ему лишняго жалованія. Апухтинъ подалъ рапортъ, въ которомъ прежде всего просилъ разъяснить, для кого эти деньги лишнія? «Онѣ не лишнія для казны, иначе бы она ихъ не требовала; онѣ не лишнія и для меня, потому что я въ нихъ очень нуждаюсь», писалъ онъ.

Сенаторъ П-скій, разговаривая, плевался. Онъ часто ѣздилъ въ Москву изъ-за ухаживанія за одною дамою. Когда Апухтина спросили въ вагонѣ: «кто это такой?» онъ отвѣчалъ: «это нашъ извѣстный путешественникъ Плевальскій» (намекъ на Пржевальскаго).

Сенаторъ Безродный, любимецъ министра юстиціи Набокова, былъ зятемъ сенатора Цеэ. Апухтинъ шутилъ, что Цеэ и есть Фамусовъ, ибо Грибоѣдовъ сказалъ: «Тебя, безроднаго, пріялъ въ свою семью». Апухтинъ увѣрялъ также, что видѣлъ «згу»: она существуетъ, иначе не говорили бы: «ни зги не видать»...

Можно было встрѣтить и не мало другихъ интересныхъ людей, особенно по вторникамъ. Здѣсь бывалъ Струговщиковъ, переводчикъ Гете, добрѣйшій старикъ, служившій въ военномъ министерствѣ; сенаторъ Харитоновъ, человѣкъ горячій и либеральный, долго служившій на Кавказѣ. Онъ отличался некрасивой наружностью и въ молодости прекрасно пѣлъ теноромъ, что заставило гр. Соллогуба сострить: какихъ отъ этой хари тоновъ можно ждать? Любопытнымъ типомъ представлялся Г. Поповъ, бывшій статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта. Онъ служилъ въ молодости писцомъ у кн. Голицына и писалъ знаменитые указы объ отреченіи отъ престола Константина Павловича. Достигнувъ глубокой старости, Поповъ, страдая безсонницей, цѣлыя ночи просиживалъ въ клубѣ; онъ и умеръ, глядя, какъ играютъ въ карты. Вдругъ со старика соскочилъ съ головы парикъ, искусственныя челюсти вывалились изо рта: играющіе бросились къ нему—онъ уже былъ мертвъ.

Гончаровъ, авторъ «Обломова», также былъ посѣтителемъ клуба. Это былъ необыкновенно молчаливый чиновникъ; никогда я не слыхалъ его голоса. Зато другой чиновникъ-литераторъ, очень красивый и видный, Болеславъ Маркевичъ, не отличался

молчаливостью. Его романы à clefs имѣли тогда успѣхъ, а дружба съ Валуевымъ, Толстымъ и Катковымъ давала ему извѣстное значеніе въ обществѣ. Былъ еще сынъ одного знаменитаго журналиста старыхъ временъ.

— Сознайтесь, что мой отецъ былъ левъ въ литературѣ,— сказалъ онъ какъ-то.

— Ну, левъ—не левъ, а все-таки большая скотина,—отвѣтилъ ему одинъ остроумецъ.

Любили мы курьезнаго старичка адмирала Невельскаго, прославившагося занятіемъ устьевъ Амура. Маленькій и рябой, онъ отличался живыми манерами и все оплакивалъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Каждое извѣстіе о какомъ-либо безпорядкѣ онъ принималъ со злорадствомъ, потирая руки.

— А, каково! Вотъ бы всыпать штукъ двѣсти, тогда посмотрѣли бы...

Между типами клуба упомяну еще о Ростиславѣ Фадѣевѣ, авторѣ «Вооруженныхъ силъ Россіи», человѣкѣ очень умномъ, но черезчуръ высокаго о себѣ мнѣнія; о Сущовѣ, пожиравшемъ цѣлыя кулебяки и который велъ такую игру, что противъ него складывалось по двадцати человѣкъ; о камергерѣ М. Безобразовѣ, извѣстномъ по суровой резолюціи Александра II, положенной на его запискѣ противъ реформъ, о генералѣ Хрулевѣ, севастопольскомъ героѣ, отчаянномъ картежникѣ; о генералъ-адъютантѣ Фроловѣ, также картежникѣ, который былъ преподавателемъ математическихъ наукъ Александра II. Большимъ игрокомъ былъ и отставной контръ-адмиралъ Опочининъ, обладавшій въ молодости замѣчательнымъ голосомъ. Онъ и Кривошеинъ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія, метали тогда банкъ въ игорномъ домѣ Колемина, закрытіе котораго надѣлало столько шума. Другой отставной морякъ, бар. Фредериксъ, извѣстный по дѣятельности въ думѣ, вышелъ въ отставку потому, что его, флигель-адъютанта и командира корабля, за какой-то шумъ на палубѣ Николай I приказалъ посадить на салингъ.

Въ числѣ аккуратныхъ посѣтителей вторничныхъ табльд'отовъ былъ Лохвицкій, который оставилъ профессуру для адвокатуры. Я зналъ Лохвицкаго еще по Одессѣ и бывалъ у него, когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ для профессуры и участія въ журналистикѣ. У него частенько собирались московскіе литераторы и ученые; между прочимъ бывали Галаховъ, авторъ «Хрестоматіи» и «Исторіи русской литературы», съ виду типичный чиновникъ, и Феоктистовъ, писавшій тогда либеральныя статьи въ «Голосѣ», гдѣ сотрудничалъ и Лохвицкій. На одномъ изъ этихъ собраній Галаховъ разсказывалъ, какъ профессоръ метеорологіи Московскаго университета Спасскій защищалъ докторскую диссертацію на тему, что климатъ въ Европѣ не измѣнился въ историческую эпоху.

Остроумный, хотя и всегда пьяный, зоологъ Рулье сдѣлалъ замѣчаніе:

— А какъ же Юлій Цезарь въ своихъ «Комментаріяхъ» пишетъ, что въ мартѣ перешелъ Рейнъ по льду? Когда же теперь Рейнъ замерзаетъ въ мартѣ?

Докторантъ сконфузился и не могъ ничего отвѣчать, но послѣ диспута подошелъ къ Рулье и спросилъ его, гдѣ именно это Цезарь пишетъ. Рулье спокойно отвѣтилъ:

— А нигдѣ. Да я «Комментаріевъ» и не читалъ; но такъ какъ былъ увѣренъ, что и вы ихъ не читали, то потому и сказалъ...

Другой разсказъ былъ о Грановскомъ. Послѣдній увѣрялъ, что у насъ очень легко прослыть реформаторомъ. Стоитъ умирая запретить всѣмъ выходить на улицу. Затѣмъ вашъ преемникъ разрѣшаетъ это; общій восторгъ, ликованіе и т. д.

Лохвицкій былъ не только человѣкъ чрезвычайно начитанный и разносторонній, но и остроумный.

Сенаторъ Цеэ, послѣдній начальникъ цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, умный человѣкъ, но третировалъ литераторовъ свысока.

— Это еще что за аристократъ,—сказалъ Лохвицкій:—вѣдь его фамилія только окончаніе самой мѣщанской нѣмецкой фамиліи Шульце.

Валентина Корша, вѣчно жаловавшагося на недостатокъ денегъ, Лохвицкій очень вѣрно опредѣлилъ:

— Если бы ему дать милліонъ, то онъ сейчасъ же промоталъ бы его и все на... конфекты...

Какъ-то Лохвицкаго, уже адвоката, кліентъ благодарилъ за совѣтъ по дѣлу.

— Чѣмъ могу выразить вамъ мою благодарность? — повторялъ онъ.

— Вопросъ этотъ послѣ изобрѣтенія кредитныхъ билетовъ считаю весьма неумѣстнымъ, — съ досадою замѣтилъ Лохвицкій.

Вдову майора, обвинявшуюся въ мошенничествѣ, судъ приговорилъ къ лишенію особенныхъ по состоянію правъ. Вдова сплакала.

— Успокойтесь,—сказалъ защищавшій ее на судѣ Лохвицкій.—Вы ничего потерять не можете. Вашего мужа въ гробу никто не можетъ лишить его майорскаго званія, и вы навсегда останетесь вдовою майора...

Когда Лохвицкаго исключили изъ присяжныхъ повѣренныхъ, то онъ подалъ жалобу въ Сенатъ. Его спросили, какіе у него кассаціонные поводы для обжалованія. — У меня три повода, — сказалъ онъ:—во-первыхъ, московская судебная палата не умѣетъ читать, во-вторыхъ, палата не умѣетъ считать, въ-третьихъ, палата не умѣетъ писать.

Сенатъ уважилъ жалобу Лохвицкаго.

Несмотря на свое еврейское происхожденіе, Лохвицкій былъ русскимъ патріотомъ и какъ-то говорилъ мнѣ, что если бы въ Россіи не осталось никакихъ болѣе учебныхъ заведеній, кромѣ духовныхъ семинарій, то и тогда онъ воспитывалъ бы своихъ дѣтей въ Россіи.

Остроуміемъ отличался также отставной горный генералъ и ярый славянофилъ А. Иваницкій, котораго за злой языкъ очень любили въ Тифлисѣ намѣстники Кн. Воронцовъ и Барятинскій. За одну остроту его и со службы потомъ убрали, съ прекрасной, впрочемъ, пенсіей.

Иваницкій любилъ говорить рѣчи и говорилъ, несмотря на свой генеральскій мундиръ, всегда смѣло и рѣзко, особенно о ничегонедѣланіи петербургскихъ чиновниковъ. На годовомъ обѣдѣ въ клубѣ, изъ боязни политики, не дозволяли произносить рѣчей. Иваницкій хотѣлъ непремѣнно говорить, предсѣдатель князь Щербатовъ остановилъ его.

— Что же это такое, князь, — съ недовольствомъ сказалъ Иваницкій:—вы желаете клубъ обратить въ живорыбный садокъ?

Иваницкій и по службѣ проявлялъ оригинальность. Онъ плохо устроилъ Лисичанскую копь и Алагирскій заводъ, которымъ управлялъ, но зато въ первой возвелъ какія-то зданія въ стилѣ Ренессансъ, а во второмъ построилъ храмъ въ чистѣйшемъ византійско-грузинскомъ стилѣ.

Клубъ позволилъ мнѣ быть зрителемъ двухъ интересныхъ событій: закрытія петербургскаго земства и всеславянскаго съѣзда.

Министромъ внутреннихъ былъ уже Тимашевъ, присоединившій къ министерству внутреннихъ дѣлъ почтовую часть. Гр. Шуваловъ, этотъ «денщикъ Макіавелли», по мѣткому выраженію Скобелева, желалъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣть союзника. Другого союзника Шуваловъ нашелъ въ гр. Паленѣ, своемъ бывшемъ сослуживцѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Человѣкъ прямой и безхитростный, Паленъ былъ сдѣланъ министромъ юстиціи вмѣсто кн. Урусова и долго славился тѣмъ, что плохо владѣлъ русскимъ языкомъ. Принимая своихъ подчиненныхъ, онъ сказалъ:

— Весьма радъ, господа, познакомиться; каждый разъ, когда вамъ понадобится мое содѣйствіе, вы получите мое сочувствіе.

Изболтавшагося Валуева уволили за попытку скрыть голодъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Герцогу Лейхтенбергскому я передалъ для представленія государю любопытную коллекцію хлѣбовъ, которыми питались тогда голодавшіе на сѣверѣ Россіи. Эти хлѣба доставилъ мнѣ Сидоровъ; они были изъ всякихъ матеріаловъ: соломы, мха, коры, глины — всего, кромѣ муки. Голодъ выдвинулъ Качалова, новгородскаго болтливаго земца, мечтавшаго одно время даже попасть въ министры.

Теперь для мужицкаго голоданія выдуманъ новый официальный терминъ «недоѣданіе». Но уже ранѣе генералъ-адъютантъ Яфимовичъ, командированный на Волгу, донесъ для успокоенія, что голода нѣтъ, а есть только «недостатокъ продовольствія»!

Тимашевъ, всячески угождавшій Шувалову, былъ принципіальнымъ противникомъ земства. По этому поводу съ нимъ случился курьезъ. Псковской губернаторъ Обуховъ, богатый помѣщикъ, написалъ записку противъ земства; она была такъ искусно составлена и такъ понравилась Тимашеву, что онъ сдѣлалъ сей-

часть же ея автора своимъ товарищемъ. Но записку сочинялъ правитель канцеляріи, Обуховъ же оказался чрезвычайно ограниченнымъ человѣкомъ. Съ трудомъ Тимашевъ избавился отъ него и замѣнилъ кн. Лобановъ-Ростовскимъ, который за свой любовный романъ въ Константинополѣ, откуда онъ вслѣдъ за какой-то дамой уѣхалъ безъ отпуска, былъ въ немилости и пониженъ даже на должность орловскаго губернатора.

Столкновеніе правительства съ земствомъ вышло изъ-за ограниченія обложенія патентовъ питейныхъ заведеній, любимаго всегда дѣтища нашихъ финансистовъ. Это было первымъ ограниченіемъ права самообложенія. Земцы увидѣли, что земскія учрежденія идутъ не къ парламенту, а на убыль, и запротестовали. Я присутствовалъ на этомъ достопамятномъ засѣданіи, такъ какъ залъ Дворянскаго собранія, гдѣ собирается петербургское земство, былъ нашимъ большимъ обѣденнымъ заломъ, и члены клуба то и дѣло, что ходили слушать въ засѣданія рѣчи. Очень обстоятельно и язвительно говорилъ противъ Рейтерна Крузе, предсѣдатель губернской управы. Это тотъ самый Крузе, для котораго при увольненіи изъ цензоровъ собиралась подписка по всей Россіи. Но особеннымъ азартомъ отличалась рѣчь гр. А. П. Шувалова, человѣка со связями и очень богатаго, а потому независимаго. Къ сожалѣнію, Шуваловъ говорилъ плоховато по-русски: городского голову онъ называлъ «городская голова»!

Правительство переполошилось; земство с.-петербургской губерніи было закрыто и замѣнено комиссіей съ Абазой во главѣ, гр. Шувалова выслали на три года за границу, а Крузе въ Уфу. Это дало предлогъ опять собирать деньги въ его пользу. Высылка не помѣшала Крузе кончить карьеру членомъ совѣта Крестьянскаго банка. Земцы порядочно перетрусили; имъ все мерещились тройки съ фельдъегерями и жандармами.

Славянскій съѣздъ, который былъ отместкою за австро-венгерскій дуализмъ и февральскую конституцію, въ Петербургѣ устраивалъ В. Ламанскій. Иваницкій, Золотаревъ и другіе члены клуба очень пропагандировали участіе въ съѣздѣ. Я присутствовалъ на грандіозномъ обѣдѣ, данномъ также въ залѣ Дворянскаго собранія. Это было замѣчательное пиршество. Залъ былъ убранъ щитами и именами знаменитыхъ славянъ. У поляковъ, которые

явились противниками съѣзда, признали знаменитыми всего двухъ: Коперника и Казиміра Локотка (короля хлоповъ). Это было своего рода мщеніе. Полякамъ досталось сильно и въ стихахъ Тютчева:

Кто для своихъ всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ,
Они лишь нашего Іуду
Честятъ лобзаніемъ своимъ.

Стихи эти великолѣпно прочиталъ Маркевичъ, имѣвшій драматическій талантъ и мастерски игравшій Чацкаго.

Центромъ, куда обращались патріотическія рѣчи, былъ чешскій историкъ Палацкій, имѣвшій видъ стараго австрійскаго чиновника. Но истиннымъ героемъ праздника былъ его зять Владиславъ Ригеръ. Это былъ великолѣпный ораторъ, а по красивой, видной наружности весьма внушительный господинъ. Когда онъ съ силою перечислялъ всѣхъ враговъ славянъ и закончилъ «проклятыми нѣмцами», то казалось колоны Дворянскаго собранія развалятся отъ грома рукоплесканій. Между многими славянскими ораторами увлекалъ краснорѣчіемъ еще австрійскій сербъ Досанчичъ. Симпатичныя фигуры были далматинскій поэтъ гр. Медо Пучичъ, воспитатель короля Милана, и сербскій публицистъ Свѣтозаръ Милетичъ; комичнымъ по своей ненависти ко всему нѣмецкому былъ добродушный представитель кошубовъ, саксонскихъ сербовъ, одного изъ обломковъ тѣхъ славянъ, что нѣкогда занимали площадь отъ Голштиніи до сѣвера Венеціанской области.

ПОѢЗДКА ВЪ ОДЕССУ.—ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ЗА ГРАНИЦУ.

XXII.

Полемика въ газетахъ изъ-за таможеннаго тарифа и реформы Горнаго института не понравилась моему начальству и въ 1867 г. мнѣ въ наказаніе не было дано командировки. Да и положеніе мое по службѣ нѣсколько измѣнилось, ибо Государственный Совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ гр. С. Строганова, исключилъ изъ устава преобразуемаго Горнаго института каѳедру горнаго хозяйства; слѣдовательно и готовиться мнѣ къ ней было нечего.

Кое-какъ я отдѣлался отъ службы на казенныхъ заводахъ и воспользовался невольнымъ отдыхомъ, чтобы взять отпускъ и съѣздить въ Одессу, для чего избралъ болѣе продолжительный, но и болѣе интересный туда путь. А именно проѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Острова, изъ Острова до Кіева въ мальпостѣ по шоссе, изъ Кіева до Екатеринослава на пароходѣ по Днѣпру, затѣмъ, обогнувъ на перекладной пороги, я отъ Никополя проѣхалъ до Херсона опять на рѣчномъ пароходѣ, а далѣе въ Одессу на морскомъ. Ѣхалъ, словомъ, путемъ Олега на Византію.

Въ каждомъ городѣ изъ-за ожиданія парохода или мальпоста приходилось останавливаться по нѣсколько дней. Терпѣніе испытывалось, зато знакомился съ краемъ. Не то, что теперь, когда, благодаря «прямымъ сообщеніямъ», не видишь даже станціонныхъ буфетовъ.

Днѣпръ куда менѣе живописенъ, чѣмъ Волга; масса песчаныхъ островковъ, покрытыхъ зарослью или камышомъ, закрываютъ виды на высокій берегъ. Остановки изъ-за мелководья постоянныя. Мелкосидящіе пароходы тоже гораздо хуже волжскихъ. Пассажиры и пассажирки спали вперемежку въ каютъ-компаніи, отчего ночью выходили иногда забавные qui pro quo. Спутниковъ было немного; ѣхалъ извѣстный впослѣдствіи банковый дѣлецъ Флиге, племянникъ Бунге, какой-то коннозаводскій генералъ, ухаживавшій за хорошенькой гувернаткой, затѣмъ московскій камергеръ Колеминъ съ сыномъ. Этотъ молодой человѣкъ, бывшій студентъ Московскаго университета, мастерски передразнивалъ извѣстныхъ московскихъ профессоровъ: славянофила старой школы Морошкина, профессора римскаго права Крылова, криминалиста Баршева, косолапаго хохла Бодянскаго и др. Особенно забавны были, не новые впрочемъ, разсказы о Крыловѣ, между прочимъ его лекція о правахъ римскихъ патриціевъ. Превеликій оригиналъ былъ и Морошкинъ съ тирадами въ родѣ слѣдующей: «На поприщѣ всемірной исторіи, милостивые государи, выступили тогда народъ строевой, барочный — русскіе, народъ мелкій, плюгавый—нѣмцы!»

Путешествіе было довольно пріятное, кромѣ короткаго перехода по морю; здѣсь на плоскодонномъ пароходѣ такъ качало, что одинъ путешественникъ упалъ передъ капитаномъ на колѣни и умолялъ остановить пароходъ, увѣряя, что тогда качанія не будетъ! Пассажирамъ отъ качки приходитъ иногда Богъ знаетъ что въ голову. Грекке, капитана «Нахимова», съ которымъ я ходилъ въ Бомбей, разсказывалъ мнѣ, что разъ на рейсѣ изъ Константинополя въ Одессу въ бурю у него буквально взбунтовались пассажиры и послѣ трехъ дней качанія чуть не съ ножомъ къ горлу требовали идти не на Одессу, а на болѣе близкій портъ Кюстенджи. Грекке сказалъ: «Ну, хорошо!» приказалъ положить на руль на бортъ и, сдѣлавъ полную циркуляцію, опять спокойно пошелъ въ Одессу. Пассажиры, ничего не понявъ въ маневрѣ, успокоились, увѣряли, что качаетъ будто бы полегче. Каково же было ихъ изумленіе, впрочемъ пріятное, когда къ утру передъ ними открылась Одесса, а не Кюстенджи.

Въ Одессѣ я нашелъ значительныя перемѣны: городъ началъ покрываться гранитными мостовыми, портовыя работы подвинулись впередъ, число евреевъ еще прибавилось. Болѣе чѣмъ когда-либо интересовались желѣзными дорогами. Въ это время шелъ горячій споръ, строить ли дорогу отъ Курска до Одессы на Кіевъ, или на Кременчугъ? Коцебу стоялъ за Елисаветградъ и Кременчугъ, ибо дорога шла тогда по его генералъ-губернаторству, Катковъ за Кіевъ, ради обрусѣнія послѣдняго. Разрѣшился споръ (къ счастью, временно) нелѣпѣйшимъ образомъ: Кіевъ долженъ былъ соединиться съ Москою, Одесса съ Харьковомъ (связи же не было). Въ это время на югѣ продолжали строить штрафными солдатами, и командиры бригадъ исправно набивали себѣ карманы. Но еще болѣе прославился строитель Кіево-Брестской дороги прогорѣвшій парижскій маклеръ Фильоль. За свой роскошный образъ жизни въ Винницѣ на счетъ русской казны онъ получилъ прозвище duc de Vinnitza.

Управляющимъ вновь созданной одесской контрольной палаты пріѣхалъ докторъ Вышеславцевъ, извѣстный путешественникъ и историкъ искусствъ. Другого доктора, Голубцова, гр. Толстой сдѣлалъ одесскимъ попечителемъ, но не за познанія въ педагогіи, а за то, что, въ качествѣ мирового посредника, Голубцовъ притѣснялъ крестьянъ въ рязанскихъ имѣніяхъ графа. За оправданіе этого притѣсненія въ газетахъ Потемкина, опредѣлявшаго меня въ Горный корпусъ, гр. Толстой изъ столоначальника канцеляріи морского министерства сдѣлалъ прокуроромъ московской синодальной конторы, а затѣмъ гродненскимъ губернаторомъ.

Коцебу попрежнему много хлопоталъ о Новороссійскомъ краѣ. Въ распоряженіи его было и нѣсколько горныхъ офицеровъ. Старѣйшій изъ нихъ, генералъ Завадовскій, ранѣе путеецъ, прославился тѣмъ, что построилъ въ Петербургѣ Кашинъ мостъ. Мостъ стоялъ, но когда по немъ прошла первая баба, мостъ провалился! Полковникъ Гурьевъ проживалъ болѣе въ Керчи; онъ увезъ въ Крыму губернаторшу — операція, которую повторяли и другіе горные инженеры, увозившіе скучавшихъ помпадуршъ. Гурьевъ первый обратилъ вниманіе на будущность керченскихъ рудъ. Полковника Е. Иваницкаго Коцебу держалъ, по его словамъ, какъ примѣръ того, какъ слѣдуетъ воспитывать своихъ дѣтей.

Изъ двухъ братьевъ Шостаковъ одинъ, очень талантливый математикъ, отличался колоссальнѣйшею лѣнью, другой — оказалъ услуги техникѣ русскаго соляного дѣла. Мышенковъ дѣлалъ въ Одессѣ первые опыты по приготовленію брикетовъ. Былъ еще курьезный типъ — Милій Порѣцкій, занимавшійся опытами съ нефтью. Во время службы на Алтаѣ, командированный въ Киргизскую степь, онъ въ одной крѣпостцѣ сталъ ухаживать за женою коменданта. Старикъ-комендантъ разсердился, хотѣлъ объявить крѣпость въ осадномъ положеніи, что давало ему право корпуснаго командира, а Порѣцкій былъ только подпоручикомъ. Кончилось вызовомъ на дуэль, но Порѣцкій отправилъ съ киргизскимъ джигитомъ рапортъ начальнику Алтайскаго округа генералу Гернгроссу, оканчивавшійся словами: «Прикажите ли, ваше превосходительство, стрѣлять въ эту свинью?» Отвѣтомъ было приказаніе Порѣцкому сѣсть на мѣсяцъ на гауптвахту. Перейдя на службу на Кавказъ, Порѣцкій тамъ чудилъ еще болѣе.

Погулявъ и просрочивъ сколько возможно отпускъ, я изъ Одессы, не желая ѣхать черезъ заграницу на Новоселицу, Краковъ и Варшаву и чтобы избѣжать почтовой ѣзды, вернулся въ Петербургъ очень кружнымъ путемъ: пароходами вокругъ Крыма по Азовскому морю и Дону, по Волгѣ до Нижняго, а далѣе по желѣзнымъ дорогамъ. Но мнѣ опротивѣли почтовые тракты. Чего стоилъ одинъ видъ смотрителей станцій, самыхъ несчастныхъ существъ въ то время. Хотя они и пользовались, какъ гласили объявленія на каждой станціи, «для защиты отъ обидъ проѣзжающихъ» XIV классомъ, но это несчастныхъ смотрителей не защищало. Ежедневно ихъ колотили проѣзжавшіе генералы, курьеры и фельдъегеря.

Графъ Э. Барановъ разсказывалъ мнѣ, что въ 1839 г., во время открытія памятника на полѣ Бородинскаго сраженія, былъ такой разгонъ лошадей, что станціонный смотритель на одной изъ станцій по Смоленской дорогѣ не спалъ нѣсколько дней подъ-рядъ. Когда подъѣхалъ одинъ флигель-адъютантъ и зычнымъ голосомъ заревѣлъ: «Лошадей!» смотритель, слегка задремавшій, вскочилъ на ноги и тутъ же отдалъ Богу душу.

Въ 60-хъ годахъ еще по дорогамъ грабили. Это называлось «пошаливать»! Милыя шалости. Чиновниковъ, ѣздившихъ съ ко-

локольчикомъ, впрочемъ, не грабили, зная, что пожива плоха. Чтобы ямщики распѣвали романсы, я не замѣтилъ, но всѣ безъ исключенія ямщики стремились поить по дорогѣ потныхъ лошадей, перепрягаться со встрѣчными ямщиками и подлетать лихо къ станціи, хотя бы до того тащились шагомъ.

До Севастополя ѣхали со мною на пароходѣ старый поэтъ кн. Вяземскій, Чихачовъ, тогда адъютантъ генералъ-адмирала, капитанъ 1-го ранга и директоръ-распорядитель, вѣрнѣе спаситель, Русскаго общества пароходства и торговли, и гр. Остенъ-Сакенъ. Послѣдній въ этотъ разъ поѣхалъ съ нами на остатки бастіоновъ и путался въ своихъ объясненіяхъ, о чемъ я уже разсказалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Севастополь былъ буквально въ развалинахъ: цѣлыя улицы состояли изъ домовъ безъ оконъ, дверей и крышъ. Жизнь поддерживали только адмиралтейство Русскаго общества, гдѣ ремонтировались пароходы, и немногіе купающіеся.

Плаваніе по морю вдоль южнаго берега Крыма до Ялты, а затѣмъ до Ѳеодосіи одно могло вознаградить за всѣ трудности пути. И берега удивительно красивы (такихъ мѣстъ на всемъ свѣтѣ немного), и связаны съ нимъ историческія воспоминанія двадцати пяти вѣковъ. Такъ и казалось, что вотъ-вотъ вылѣзетъ гдѣ-нибудь на скалу Ифигенія или появится генуэзская тартана.

Ѳеодосія, эта бывшая царица генуэзской торговли, оставалась жалкимъ городишкомъ. О существованіи его знали, кажется, потому, что тамъ жилъ Айвазовскій. Не лучше того была и Керчь, едва оправившаяся отъ разоренія въ Крымскую войну. Она существовала частью подгрузкою судовъ, шедшихъ изъ Азовскаго моря, частью грабежомъ этихъ судовъ, такъ называемой «бараторіей». Городъ упалъ и отъ прекращенія Кавказской войны. Музей его былъ обокраденъ союзниками при занятіи Керчи въ 1855 г. и собственными смотрителями.

Когда мы подходили къ Керчи, съ нами чуть не случилась катастрофа. Нашимъ пароходомъ командовалъ Н. Добровольскій, прекрасной души человѣкъ, но морякъ не достаточно рѣшительный. Онъ подходилъ къ пристани общества, къ этой же пристани хотѣлъ подойти пароходъ, шедшій изъ Таганрога, и такъ какъ на послѣднемъ были атаманъ Войска Донского и таганрогскій

градоначальникъ — будущій морской министръ Шестаковъ, то пароходъ смѣло рѣзалъ намъ путь. Добровольскій съ мостика смотрѣлъ на противника въ монокль и кричалъ: «Mais, mon Dieu, bu'est-ce-que vous faites!». Распоряженій же не дѣлалъ. Когда наконецъ помощникъ его, Судковой, далъ задній ходъ, было поздно; оба парохода свалились, раздался страшный трескъ, крики, обмороки. На обоихъ судахъ произошли аваріи. Наши моряки никогда не отличались большимъ искусствомъ мореплаванія, а въ это время черноморскаго флота почти не существовало и практиковаться офицерамъбыло негдѣ. Зато моряки всегда отличались галантностью. Духъ комиссара морской службы Жевакина былъ живъ среди нихъ.

Варпаховскій, извѣстный командиръ шкуны «Дротикъ», убитый потомъ на Дунаѣ, танцовалъ съ греческой королевой Амаліей. Королева спросила: «Хорошіе ли фрукты въ Крыму?»

— Oh! oui, Siresse! pommes, concombres, tout!—отвѣчалъ бравый капитанъ-лейтенантъ...

Мнѣ пришлось прожить въ Керчи, пока пароходъ таганрогской линіи чинили. Наконецъ мы тронулись. Погода была свѣжая. Качка на Азовскомъ морѣ—какая-то подлѣйшая толчея, и такъ какъ море не глубоко, то волненіемъ подымаетъ со дна желтый илъ съ травою и разную мерзость. Я переносилъ хорошо качку и даже помогалъ какому-то нѣмецкому семейству наѣздницъ цирка, совершенно растерявшемуся. Мамашу, признаться, я свалилъ гдѣ-то за фортепьяно въ каютъ-компаніи и занялся болѣе дочками.

Таганрогъ не оправдалъ моихъ ожиданій. Далеко ему было до Одессы. Богатый городъ не догадался даже устроить бульваръ или набережную, а скатъ къ морю обратилъ въ складъ нечистотъ! Торговля была въ рукахъ грековъ; первенствовалъ знаменитый Вальяно, бывшій матросъ, нажившій, не зная грамоты, около ста милліоновъ. Все искусство его состояло въ безцеремонномъ прижиманіи всѣхъ кліентовъ, до извозчиковъ включительно.

Я вспомнилъ, что въ Греціи, когда зашелъ споръ о томъ, что кто-то великій мошенникъ, одинъ изъ свидѣтелей спора спросилъ: —Да онъ былъ въ Таганрогѣ?—Нѣтъ.—Ну, значитъ онъ еще не настоящій мошенникъ...

Переѣздъ по Дону повторилъ мнѣ тѣ же сцены, что я видѣлъ уже въ предыдущемъ году. По Волгѣ все путешествіе я сдѣлалъ съ А. Васильчиковымъ, однимъ изъ наслѣдниковъ Разумовскихъ и авторомъ интереснаго историческаго труда о семействѣ хохла, попавшаго изъ пѣвчихъ въ фельдмаршалы. Впослѣдствіи Васильчиковъ былъ начальникомъ Эрмитажа, но когда уже сдѣлался слегка рамоли. У насъ, какъ извѣстно, любятъ выбирать этотъ моментъ для порученія болѣе важныхъ должностей.

Путешествіе по «матушкѣ Волгѣ» сопровождалось, по обычаю, неистовымъ поѣданіемъ живыхъ стерлядей въ видѣ ухи à la russe и свѣжей икры. Тогда цѣны этимъ продуктамъ были еще недорогія. Стерляди, къ сожалѣнію, скоро приѣдаются. По части ѣды я удивлялся ѣхавшимъ съ нами двумъ армянскимъ купцамъ; они требовали къ завтраку фунта три балыка и по графину водки, затѣмъ слово за слово черезъ полчаса не оставалось отъ закуски слѣдовъ. Чтобы убѣдиться, что за здоровый народъ армяне, лучше всего посмотрѣть въ Константинополѣ или Трапезундѣ на армянъносильщиковъ. Константинополь представляетъ образчики и болѣе высокой армянской культуры. Министры, финансисты, архитекторы тамъ нерѣдко изъ армянъ, и народъ выдающійся. Оттого лордъ Байронъ и восторгался этимъ народомъ, у котораго на Волгѣ я могъ оцѣнить только хорошій аппетитъ. Съ тѣхъ поръ русскіе могли оцѣнить и другіе армянскіе таланты, напр. гр. Лорисъ-Меликова, адмирала Алексѣева, гр. Делянова и т. д.

Въ Петербургѣ по возвращеніи я опять усидѣлъ недолго. Надобно было ѣхать на парижскую выставку. Бѣльскій, тогда комиссаръ всѣхъ выставокъ и очень обязательный человѣкъ, познакомившись со мною у Сидорова, предложилъ мнѣ принять участіе въ комиссаріатѣ и обѣщалъ похлопотать у Бутовскаго, директора департамента торговли и мануфактуръ и исполнявшаго обязанности главнаго комиссара парижской выставки. Маленькій, пузатенькій Бутовскій былъ добрый человѣкъ, довольно образованный, но, разговаривая, строилъ рожи. Живя долго въ Парижѣ, онъ полагалъ, что усвоилъ себѣ манеры сенатора Второй имперіи, хотя походилъ болѣе на пале-рояльскаго комика. Какъ ярый фритредеръ, онъ относился ко мнѣ враждебно, но все-таки пригласилъ

къ себѣ и отдѣлался тѣмъ, что я не чиновникъ его департамента, а не угодно ли командировать меня горному департаменту.

Просить мнѣ о командировкѣ было нечего, потому что я вспомнилъ, что у меня уже четыре года валялся переводный вексель на Берлинъ, подаренный мнѣ послѣ выпуска изъ корпуса моимъ крестнымъ отцомъ бар. Массомъ, тогда въ Одессѣ генеральнымъ консуломъ Ганновера, а впослѣдствіи Германіи. Я былъ такимъ «патріотомъ своего отечества», что не хотѣлъ ни за что ѣхать заграницу ранѣе, чѣмъ изучу Россію! Оттого вексель и завалялся у меня.

Въ Эйдкуненѣ и я испыталъ то знакомое всѣмъ чувство, когда въ первый разъ переѣзжаешь государственную границу. Въ то время чувство было сильнѣе, каждому казалось, что васъ выпускаютъ изъ клѣтки. Да и заграничныя поѣздки были рѣже и считались событіями, о которыхъ разсказывали всю жизнь.

Берлинъ показался городомъ неважнымъ, даже послѣ Петербурга; вся красота его была сосредоточена на Unter den Linden. Шпрее имѣла видъ водосточной канавы. Переѣздъ съ вокзала Восточной дороги на другой требовалъ полтора часа, поэтому всѣ предпочитали ночевать въ городѣ. Я, впрочемъ, и безъ того желалъ узнать Берлинъ поближе и остановился на недѣльку въ Britisch Hôtel, теперь самомъ мизерномъ, а тогда считавшемся изъ лучшихъ. Когда я, требуя номеръ, заговорилъ со швейцаромъ по-нѣмецки, то онъ сконфузилъ меня отвѣтомъ:

— Говорите лучше по-русски, я вижу, что вы знаете по-нѣмецки меньше, чѣмъ я по-русски...

Съ замираніемъ сердца я вошелъ въ контору Мендельсона, тогда скромную. Я боялся, что мой вексель потерялъ уже силу. Тамъ дѣйствительно его долго вертѣли со всѣхъ сторонъ, но заплатили безъ протеста.

Жизнь въ Берлинѣ была въ то время столь буржуазною, что когда на обратномъ пути Н. Бестужевъ-Рюминъ, Хартулари и я, почему-то не обѣдавъ на желѣзной дорогѣ, захотѣли поужинать, то во всемъ Берлинѣ не нашлось мѣста поѣсть. Въ 10 часовъ всѣ ложились спать. Въ Берлинъ, однако, проникла уже оперетка, и я видѣлъ «Vie parisienne» Оффенбаха по-нѣмецки въ недурномъ исполненіи Лины Мейеръ.

По дорогѣ у меня оказался оригинальный спутникъ, Сыромятниковъ, костромской фабрикантъ, а потомъ основатель Ярославско-Костромского земельнаго банка. Это былъ настоящій русопетъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ въ субботу, онъ мнѣ заявилъ: «А надобно бы къ заутренькѣ сходить, а потомъ и въ баньку попариться». — Какія тутъ заутрени и бани у нѣмцевъ, — говорю я ему, — вы съ ума сошли, да и по-нѣмецки, сами говорите, что знаете только два слова: фришесъ вассеръ.

И что же, часа черезъ три является мой костромичъ красный какъ ракъ, съ мокрыми волосами. Оказывается, что онъ и православную церковь нашелъ въ русскомъ посольствѣ, и баню гдѣ-то сыскалъ, гдѣ его разварили какъ стерлядку...

Путь на Кельнъ шелъ на Магдебургъ и Брауншвейгъ. Понятно, я все съ жадностью пробовалъ и изучалъ; въ Брауншвейгѣ, помню, слѣдуя «Бедекеру», пилъ пресловутый мумъ, гнуснѣйшее пиво, «достоинство котораго (гласилъ гидъ) можетъ оцѣнить только истинный брауншвейгецъ». Нѣмцы еще гордились партикуляризмомъ.

По случаю выставки поѣзда были безконечные. Въ первомъ классѣ тогда по нѣмецкимъ дорогамъ ѣздили только «Narren und Russen», почему первоклассныхъ вагоновъ и не было, а во второмъ классѣ въ одномъ купэ скамейки для I класса обивались другого цвѣта матеріей. Удобствъ никакихъ въ вагонахъ не имѣлось, и несчастные пассажиры выскакивали ночью и потомъ съ трудомъ отыскивали свои вагоны. Въ придачу нѣмцы за такія прогулки брали деньги.

— Не безпокойтесь, — замѣтилъ мнѣ философски одинъ старый нѣмецъ, — мы доживемъ еще до того, что отъ истощенія почвы намъ будутъ платить за посѣщеніе ватеръ-клозетовъ, а не мы...

Общей монеты въ Германскомъ союзѣ не было, обращались какія-то старыя пуговицы отъ панталонъ. Надобно было умѣть различать ихъ: гдѣ было написано 3—это значило 6-я часть талера, а гдѣ 6—то это выходило 3-я часть талера. Понятно, новички путались.

Заводское дѣло въ Вестфаліи только еще тогда начиналось, но Бельгія съ ея безчисленными угольными копями и пылающими

по ночамъ доменными печами заставила забиться мое горнозаводское сердце.

При въѣздѣ въ Парижъ у меня сердце забилось еще сильнѣе, и я могъ сказать: «нынѣ отпущаеши раба Твоего». Дѣйствительно, все наше воспитаніе полвѣка назадъ было основано на преклоненіи передъ всѣмъ французскимъ, и Парижъ казался чѣмъ-то не отъ міра сего.

Я въѣхалъ въ чудный осенній вечеръ. Улицы и бульвары были переполнены народомъ, и видъ веселой и элегантной парижской толпы подѣйствовалъ на меня подбадривающимъ образомъ. «Что я за дуракъ, что такъ долго собирался сюда пріѣхать», думалъ я про себя. Я такъ хорошо былъ знакомъ съ Парижемъ изъ романовъ, описаній и рисунковъ, что сразу узнавалъ важнѣйшія зданія и даже улицы.

По примѣру одного ѣхавшаго со мною въ вагонѣ харьковскаго купчика, я остановился въ маленькомъ «Hôtel de Cadran», въ rue Aboukir, теперь не существующемъ. Отель былъ слишкомъ далеко отъ выставки, и я нанялъ потомъ квартиру въ rue Saint Dominique, близъ выставки, въ чемъ скоро раскаялся, такъ какъ оказалось, что оттуда было столь же далеко до центра Парижа и его развлеченій.

А Парижъ не былъ такъ раскинутъ, какъ теперь; даже улица François I казалась окраиной и только начинала застраиваться; около Arc de Triomphe совсѣмъ не было зданій. Средства сообщенія были слабѣе нынѣшнихъ, фіакры имѣли отвратительныхъ лошадей и столь же грубыхъ, какъ и теперь, возницъ. Когда я предложилъ одному извозчику ѣхать поскорѣе, онъ съ наглостью отвѣчалъ: «Si monsieur courrera avant, le cheval le suivra!» Жаловаться и составлять протоколы было напрасной тратой времени. Парижане съ дѣтства привыкаютъ къ дерзости извозчиковъ и притѣсненіямъ консьержей. Это входитъ во французскую конституцію.

Городъ состоялъ изъ узкихъ кривыхъ улицъ. Великолѣпны авеню и бульвары Hausmann, Opéra и др. не существовали. Только что была проведена rue de Dix Décembre, нынѣ Quatre Septembre, открытъ «Grand Hôtel» и перенесенъ на новое мѣсто Vaudeville. Опера еще строилась. Что было тогда хорошо въ Парижѣ, такъ это театры, т. е. не залы (они и тогда казались отвратительными

курятниками), а труппы. Я просто наслаждался игрою въ театрахъ Varietées, Palais Royal, Gymnase. Comédie Française поддерживала свою репутацію, хотя въ труппѣ ея преобладали старики и старухи. Беззубыхъ артистовъ было много и на другихъ парижскихъ сценахъ.

Въ Большой оперѣ были поставлены «Don Carlos» Верди, въ Комической оперѣ «Romeo et Juliette» Гуно, въ Comédie Française «Hernani» Виктора Гюго, запретъ на котораго былъ снятъ. Въ Gymnase успѣхъ имѣли «Idées de Madame Aubray» Дюма—сына. На этомъ театрѣ играли г-жа Паска, Нертанъ и Андріё, которые потомъ долго играли у насъ на Михайловскомъ театрѣ, а Андріё играетъ до сихъ поръ. Замѣчательнымъ тѣлосложеніемъ отличалась наѣздница miss Menken въ феерiи «Pirates de la Savane» въ Ambigu. По части шансонетокъ отличалась Тереза съ ея «Femme à barbe», «Vênus aux Carottes», «Rien west sacré pour un sapeur» и пр.

Во время моего пребыванія, впервые объявили оригинальнѣйшій театръ Эрвье въ опереткѣ «Oeil crevé», поставленной на театрѣ Folies-Dramatiques съ огромнымъ успѣхомъ.

Анріетта Шнейдеръ, нынѣ графиня де Біоннъ, а тогда прозванная Le Passage des Princes, была на верху своей репутаціи. Хедивъ подарилъ ей сразу 500,000 франковъ, чѣмъ могъ заслужить титулъ le premier miché du siècle. Кузенъ хедива, богачъ Мустафа-паша, также покровительствовалъ Шнейдеръ. «La Grande Duchesse de Gérolstein» исполнялась безукоризненно. Это было время господства Оффенбаха. Моралисты увѣряли даже потомъ, что изъ-за послѣдняго французы и проиграли будто бы кампанію 1870 г.! Со Шнейдеръ успѣхъ въ опереткѣ дѣлили Дюпюи, Кудеръ, Баронъ, Греньe, Коппъ и г-жа Силли—соперница дивы, но значительно болѣе слабая.

Шнейдеръ было тогда лѣтъ тридцать. Она родилась въ Бордо, начала гризеткой и послѣ нѣсколькихъ дебютовъ въ провинціи выступила въ 1855 г. въ Парижѣ въ опереткѣ Оффенбаха «Violoneux» и сразу заняла выдающееся положеніе и на сценѣ и въ полусвѣтѣ, гдѣ въ числѣ ея безумнѣйшихъ любовниковъ прославился своими эксцентричностями герцогъ Грамонъ-Кадеруссъ. Шнейдеръ была страшно капризна: голосъ у нея былъ небольшой, но она имъ отлично владѣла; улыбка ея была прелестна и

всѣ движенія граціозны. Она имѣла также, что очень рѣдко у женщинъ,—врожденный комическій талантъ.

Красотою на сценѣ славились еще, состоявшая подъ покровительствомъ молодого Демидова, Монталанъ, игравшая въ Palais Royal, и Леони Лебланъ, будущая любовница герцога Омальскаго. Преместна была и Бланшъ Пьерсонъ, до сихъ поръ играющая въ Comédie Française.

Хотя Пале-Рояль уже начиналъ пустѣть, но рестораны его: «Le grand Véfour», «Véry» «Les Frères Provencaux» продолжали привлекать много народу. Съ ними соперничали на бульварахъ «Cafe Anglais» и «Café Riche». Остряки говорили: «li faut être riche pour dîner au «Café Anglais», il faut être anglais pour dîner au «Café Riche». Повара Café Angleais Дю клера Россини прозвалъ Моцартомъ французской кухни». Въ «Café Anglais» на антресоли въ кабинетѣ, называемомъ «Le Grand Seize», который теперь кажется жалчайшимъ, собирались тогда по ночамъ всѣ знаменитыя кокотки: Адель Куртуа, Розали Леонъ, Анна Делюнъ, Джулія Баручи, Маргарита Беланже, съ Кора Пирль, любовницей принца Наполеона, во главѣ. Число этихъ дамъ было невелико, ихъ едва хватало на кружокъ высокопоставленныхъ прожигателей жизни, то, что называютъ въ Парижѣ le régiment des Royal-Fêtards, зато и расходы кокотокъ доходили до безумія. Женщинъ второго разбора можно было найти сколько угодно въ «Bal Ma», «Casino Cadet» и «Closérie de Lilas». Послѣдній и теперь существуетъ, но канканъ тогда танцовали куда лучше нынѣшняго подъ звуки Tulipe orageuse, Pantalon blanc. Лучшія плясуньи были Cora la Blanchisseuse и Pean de Satin. Передъ обѣдомъ или послѣ театра надо было посѣщать на Итальянскомъ бульварѣ кондитерскую Тортони, рядомъ съ которой былъ также славившійся въ то время ресторанъ «Maison Dorée». Въ Bois de Boulogne ѣздили только передъ обѣдомъ и не по Allée des Accacias, а вокругъ озеръ, что называлось faire le tour de persile, потому что петрушку кладутъ вокругъ блюда. Въ Bois моднымъ рестораномъ былъ «Cascade», откуда и произошли слова cascader, cascadeuse.

Моды измѣнились: кринолиновъ не было, дамы носили плоскія юбки, пеплумы, польскія ботинки, маленькія куафюры, шляпки какъ блюдечки, сзади таліи болталась ленточка, называвшаяся:

suivez moi jeune homme. Чтобы представить себѣ тогдашнихъ парижанокъ, нужно перелистать альбомы Гревена. У мужчинъ въ модѣ были австрійскіе бакенбарды, очень высокіе цилиндры, кверху расширяющіеся, открытые воротнички сорочекъ, узкіе отвороты и широкіе открытые жилеты. Кринолины кажутся теперь на рисункахъ смѣшными, но они придавали таліямъ женщинъ много элегантности.

Парижская выставка была великолѣпно скомбинирована Фредерикомъ Лепле (F. Lepley), котораго изъ благодарности глупые остряки прозвали La plaie de l'Exposition. Это была последняя выставка, которая могла быть осмотрѣна безъ затрудненія и мозолей здоровымъ человѣкомъ, гдѣ не требовалось дѣлать по семи верстъ въ конецъ, чтобы отыскать кого либо или поглядѣть на что нибудь. Русскій отдѣлъ представлялъ, какъ и другіе, секторъ круга, на дугѣ котораго расположился русскій ресторанъ. Корещенко не поскупился устроить не только отличную кухню, но и выставить для продажи чая двухъ русскихъ красавицъ. Одна изъ нихъ была извѣстная потомъ опереточная пѣвица Зорина.

Бѣльскій съ своей стороны умѣлъ не только устраивать выставки, но и устраивать изобильныя награды экспонентамъ. Свое знамя онъ держалъ высоко. Занимая въ Петербургѣ ничтожную должность, за границею онъ слылъ за важнаго генерала. Когда я послѣ турецкой войны проѣзжалъ черезъ Нью-Іоркъ, то тамъ мнѣ серьезно жаловались, что напрасно искали въ газетахъ армію, которой командовалъ «генералъ» Бѣльскій! Онъ былъ незадолго передъ тѣмъ комиссаромъ на филадельфійской выставкѣ...

Въ центрѣ русскаго отдѣла, среди выставки издѣлій Кабинета, рядомъ съ канцеляріею комиссаріата, было мѣсто, куда мы всѣ, болѣе или менѣе прикосновенные къ отдѣлу, сходились ежедневно поболтать, поспорить и организовать вечернее препровожденіе времени.

Здѣсь, кромѣ Бѣльскаго, ежедневно можно было встрѣтить Бушена, фанъ-деръ-Флита, Д. Тимирязева, Небольсина, Стевена, Лопатина. Лопатинъ обладалъ еще на Невскомъ проспектѣ огородами, отошедшими потомъ подъ Пушкинскую улицу. Молодой миллюнеръ съ молоду полюбилъ жить въ Парижѣ, чѣмъ возму-

щался его отецъ огородникъ. Онъ какъ-то спросилъ сына: «Что тебя такъ тянетъ въ Парижъ?»—Воздухъ тамъ, тятенька, ужъ очень хорошъ», отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Воздухъ! А вотъ ступай на мой огородъ, такъ тамъ воздуху хоть отбавляй...

На означенныхъ сборищахъ почти ежедневно появлялся остроумный Григоровичъ, завѣдывавшій художественнымъ отдѣломъ выставки. Здѣсь-то онъ и поругался какъ-то съ Рошфоромъ, отнесшимся весьма презрительно къ русскому искусству.

Рошфоръ не былъ тогда политической знаменитостью, но вмѣстѣ съ Локруа (потомъ морскимъ министромъ), Орельенъ Шолемъ и Блаве считались остроумнѣйшими фельетонистами, украшавшими «Figaro», входившій въ славу. Соперничалъ съ ними въ успѣхѣ по части фельетоновъ только Лео Леспесъ, создатель репутаціи «Petit Journal».

Русскихъ тогда, подъ вліяніемъ поляковъ-эмигрантовъ, занимавшихъ прочное положеніе въ журналистикѣ и администраціи, мало во Франціи цѣнили, хотя русская колонія въ Парижѣ была куда значительнѣе нынѣшней. Въ ней были государственные дѣятели, какъ Муравьевъ-Амурскій, писатели, какъ Тургеневъ, богачи, какъ Демидовы, Кушелевъ или Базилевскій.

Базилевскій, владѣлецъ дворца, купленнаго потомъ Изабеллой II, и коллекцій, пріобрѣтенныхъ Эрмитажемъ, отличался необыкновенною скупостью. Онъ пріѣхалъ какъ-то въ свои имѣнія въ Полтавской губерніи. Въ первый день управляющій, извиняясь въ скромности своей трапезы, имѣлъ неосторожность предложить барину у него откушать. Базилевскій, уже взявъ первую ложку борща, сказалъ:

— Знаете, мнѣ такъ нравится ваша кухня, что я буду обѣдать у васъ каждый день...

По случаю всемірной выставки установлены были билеты по пониженной цѣнѣ въ различныхъ направленіяхъ, и я воспользовался этимъ, чтобы побывать въ Лондонѣ. Въ оба конца поѣздка не представляла большихъ удобствъ. Черезъ Ламаншъ пароходы были маленькіе, сильно качавшіеся и немедленно по отходѣ передъ каждымъ пассажиромъ ставилось по умывальной чашкѣ, какъ бы приглашая не стѣсняться. Осмотръ багажа производился англійской таможней посереди ночи и былъ довольно строгъ.

Лондонъ произвелъ на меня то же впечатлѣніе, что на Гейне въ «Reisebilder». Городъ я засталъ окутаннымъ въ густой туманъ, улицы были грязны; по случаю хлопчатобумажнаго кризиса нищихъ было видимо невидимо, а въ рабочахъ кварталахъ буквально можно было встрѣчать голыхъ людей. Проституція также была въ ужасныхъ формахъ. На Гай-Маркетѣ вечеромъ прохожихъ хватали мертвецки пьяныя женщины и съ большою опасностію можно было вырваться изъ рукъ этихъ мегеръ. Знаніе англійскаго языка было обязательно.

ПЕРЕСМОТРЪ ТАМОЖЕННАГО ТАРИФА.—ОБЩЕСТВО ДЛЯ СОДѢЙСТВІЯ.

XXIII.

Я уже говорилъ, что начальство (не мое, горное, конечно, въ душѣ стоявшее за покровительство русской промышленности, а главное финансовое) довольно кисло относилось къ моимъ экономическимъ тенденціямъ, вовсе не вязавшимся съ политикою министерства. А какъ опасно было идти вразрѣзъ съ послѣднею, испыталъ на себѣ Корсакъ, талантливый авторъ перваго изслѣдованія въ Россіи кустарной промышленности и редакторъ «Указателя министерства финансовъ». Онъ былъ внезапно уволенъ отъ службы, какъ ходили слухи, за сообщеніе «Московскимъ Вѣдомостямъ» свѣдѣній о негласныхъ новыхъ выпускахъ Государственнымъ банкомъ кредитныхъ билетовъ, называвшихся въ балансахъ скромно «подкрѣпленіемъ кассъ».

На бѣду или къ счастью (ибо что я потерялъ по службѣ, я отчасти вознаградилъ себя въ общественной и литературной карьерѣ), мнѣ представился случай выдѣлиться участіемъ въ грандіозномъ обѣдѣ, устроенномъ 17 февраля 1867 г. въ честь А. П. Шипова фабрикантами и заводчиками за то, что чиновные фритредеры, собиравшіеся и тогда ежемѣсячно на экономическіе обѣды въ ресторанѣ Донона, устроили торжественный пріемъ бельгійскому экономисту Густаву де-Молинари, съ невѣроятнымъ

легкомысліемъ обучавшему въ газетѣ Каткова русскихъ ихъ собственнымъ интересамъ.

Обѣдъ происходилъ въ большомъ залѣ Купеческаго собранія помѣщавшагося тогда гдѣ нынѣ Учетный и Ссудный банкъ. Народа набралось множество: былъ американскій посланникъ Клей; говорили Полетика, Чижовъ, Шиповъ и др.; пытался говорить В. Панаевъ, но за многословіе публика не дала ему кончить рѣчи. Полетика произнесъ одну изъ своихъ лучшихъ рѣчей; для промышленниковъ «изъ устъ его сладчайшія меду рѣчи лилися», или, какъ выражаются французы-промышленники «пили молоко съ бархата».

Я съ отвагою юныхъ лѣтъ взялъ быка прямо за рога и, между прочимъ, сказалъ:

Часто говорятъ, м. гг., будто бы въ Россіи теперь двѣ партіи: одна охранительная, другая—свободы торговли. Это совершенно невѣрно. Если отнести къ первой партіи всѣхъ, кому дорогъ народный трудъ и кто не желаетъ продавать родную почву за куски гнилого ситца, то я могу сказать, какъ тотъ французскій депутатъ, который отвѣчалъ: «насъ здѣсь семеро, но насъ слушаютъ семь милліоновъ»,—насъ, протекціонистовъ, въ этомъ залѣ много, но въ Россіи насъ не семь, а семьдесятъ милліоновъ. Кто же эта, м. гг., другая партія, вдѣлъ которой г. де-Молинари? Наши ли это землевладѣльцы, наши ли фабриканты, наши ли купцы, наши ли ученые? Нѣтъ, м. гг., это три тайныхъ совѣтника, четыре дѣйствительныхъ статскихъ совѣтника, одинъ статскій и одинъ надворный совѣтникъ. Развѣ это—партія? Это только та «отважная группа фритредеровъ», о которой мечталъ наемный бельгійскій экономистъ...

Всѣ «милостивые государи» поняли, о какихъ это «совѣтникахъ» я говорилъ, и крикамъ, плесканію рукъ и топанію ногъ не было конца.

Въ своей рѣчи Чижовъ сказалъ, что упрекъ протекціонистовъ со стороны фритредеровъ въ неуваженіи къ наукѣ напоминаетъ ему случай, когда онъ былъ профессоромъ математики въ Кіевскомъ университетѣ.

Николай I, пріѣхавъ какъ-то въ Кіевъ, который онъ очень любилъ, замѣтилъ полиціймейстеру, что народъ подходитъ безъ уваженія къ мощамъ угодниковъ. Полиціймейстеръ поставилъ у раки частнаго пристава, который всѣхъ подходящихъ прикладываться мужиковъ билъ по шеѣ, приговаривая:

— Съ уваженіемъ къ святынѣ, съ уваженіемъ къ святынѣ!

Полетика въ своей рѣчи заявилъ, что «если новому пересмотру тарифа, какъ въ 1857 году, суждено совершиться въ тайникахъ канцелярій и потомъ явиться на свѣтъ Божій во всеоружіи, какъ явилась Минерва изъ головы Юпитера,—мы не хотимъ такого пересмотра тарифа, мы его боимся».

Рейтернъ внялъ этому опасенію и для пересмотра пригласилъ въ тарифную комиссію экспертовъ.

Слухъ о созывѣ тарифной комиссіи заставилъ все-таки москвичей всполошиться. Я былъ приглашенъ вмѣстѣ съ Полетикою принять участіе въ совѣщаніи съѣхавшихся экспертовъ. Совѣщаніе происходило въ Hôtel de Paris въ номерѣ Шипова. Тутъ приняли участіе московскіе мудрецы: Т. Морозовъ, старшій сынъ котораго застрѣлился недавно въ Ниццѣ, братья его А. и В. Морозовы, Солдатенковъ, Аксеновъ, Барановъ, Коншинъ, Каретниковъ, Ганешины, Крестовниковъ, Найденовъ, Горбовъ, Осиповъ, Рогожинъ, Мошнинъ и мн. др. Былъ и единственный тогда протекціонистъ между профессорами политической экономіи Бабстъ, добрый человѣкъ, сильно запивавшій; были братъ Шипова Дмитрій, казанскій голова Шайкинъ, профессоръ технологіи М. Киттары, ловкій и юркій человѣкъ.

Эксперты чередовались въ комиссіи, но Шиповъ оставался въ Петербургѣ и въ видѣ пятаго колеса вертѣлся во всѣ стороны. Онъ публиковалъ также разныя статьи и брошюрки; но преклонные годы дѣйствовали; нерѣдко онъ просилъ меня написать ему что-либо, а затѣмъ выдавалъ за свое, только прибавивъ разнаго вздора. Это былъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, неутомимѣйшій ходатай по дѣламъ. Съ утра ужъ онъ, во фракѣ съ двумя звѣздами, и до поздней ночи разъѣзжалъ по разнымъ учрежденіямъ или дѣлалъ визиты высокопоставленнымъ лицамъ. Страсть его была читать яко бы свои сочиненія, и за эту страсть, которая была и у его брата Сергѣя, открывшаго въ должности казанскаго губернатора Кокорева, москвичи тщательно запирались отъ него.

Нанималъ я тогда квартиру въ домѣ Тришо на Малой Морской. Шиповъ, не взирая на третій этажъ, взбирался ежедневно ко мнѣ по нѣсколько разъ. Однажды вышла слѣдующая исторія.

— Я принесъ вамъ три идеи,—сказалъ онъ, причемъ вынулъ двѣ бумажки, на которыхъ было написано что-то.—Третью я обронилъ на лѣстницѣ.

Какъ эту третью идею ни искали, такъ и не нашли, и она осталась тайною для меня[1]).

---

[1]) Сынъ покойнаго А. П., А. А. Шиповъ, позволилъ себѣ, не имѣя въ рукахъ однако никакихъ доказательствъ, усомниться въ моихъ словахъ, что я помогалъ его отцу въ составленіи разныхъ печатныхъ мемуаровъ по таможенному тарифу, составившихъ потомъ сборникъ въ пять томиковъ. Помогалъ не только я, но и Колюпановъ, Скуратовъ, да вѣроятно и другіе.

Ничего позорнаго тутъ нѣтъ. Вѣдь дѣло идетъ не о поэмахъ или трагедіяхъ, а о дѣловыхъ запискахъ по спеціальнымъ вопросамъ горной, механической и др. отраслямъ промышленности. За границею министры то и дѣло произносятъ пространныя краснорѣчивыя рѣчи. Неужели г. Шипову неизвѣстно, что рѣчи эти министры только читаютъ, а сочиняютъ ихъ преспокойно секретари министровъ?

Что означенные томики, которыхъ г. Шиповъ, вѣроятно, никогда не читалъ или не видалъ, написалъ не одинъ Александръ Павловичъ, лучше всего доказывается ихъ слогомъ. Онъ самый разношерстный и разнообразный: то сжатый, легкій, игривый, то плодовитый, туманный или канцелярскій. Очевидно, все писано разными руками. А. П. исправлялъ это, т. е. тамъ, гдѣ мы предлагали пошлину въ 1 руб., ставилъ 2 руб. или прибавлялъ нѣсколько рѣзкихъ фразъ о Колесовѣ и др. фритредерахъ. Эти прибавки я и называлъ «вздоромъ».

Для огражденія себя отъ будущихъ опровергателей и клеветниковъ я сохранилъ, къ счастью, въ архивѣ всѣ письма и даже короткія записки и визитныя карточки съ помѣтками, полученныя съ 1856 г., потому могъ бы привести и др. доказательства своихъ словъ, но, повторяю, это излишне при бѣгломъ даже ознакомленіи съ книгою. Пусть г. Шиповъ сдѣлаетъ экспертизу.

Затѣмъ откуда это г. Шиповъ взялъ въ своемъ письмѣ въ «Новое Время», что А. П. былъ ко мнѣ «несомнѣнно очень добръ». Что означаетъ сія фраза? Я, какъ выше оказано, оказалъ кое-какія услуги Александру Павловичу, онъ же мнѣ никакихъ, да и не могъ оказать.

Напротивъ того, когда я ѣздилъ въ Остъ-Индію, А. П., жившій въ моей квартирѣ въ Обществѣ для содѣйствія, задумалъ было выжить меня изъ Общества, чтобъ посадить секретаремъ кого-то другого. Интрига эта не удалась. Въ публичномъ засѣданіи, стенографическій отчетъ котораго у меня свято сохраняется, я одержалъ побѣду, и раздосадованный А. П. сложилъ съ себя званіе вице-предсѣдателя 1-го отдѣленія Общества. Живыхъ свидѣтелей этого общаго собранія, происходившаго въ 1871 г., еще не мало въ Петербургѣ.

Несмотря на эти обиды, въ 1878 г., когда умеръ А. П., я великодушно, забывъ прошлое, произнесъ покойному панегирикъ въ Обществѣ. И за это

Ранѣе чѣмъ жить въ означенномъ домѣ Тришо, я, покинувъ Петербургскую сторону и проживъ два мѣсяца въ Отель де-Франсъ, гдѣ въ то время большая комната стоила только 1 р. 50 к. въ сутки, поселился въ домѣ Елисѣева у Полицейскаго моста. Здѣсь со мною произошелъ слѣдующій казусъ. Когда я нанималъ комнату съ мебелью, я нашелъ, что было натоплено довольно жарко. Хозяйка лукаво замѣтила: «Да мы дровъ не жалѣемъ!» Первую же ночь я не могъ спать, задыхаясь отъ жары. Хозяйка прикидывалась ничего не понимающею. Но какъ-то я подошелъ къ одной изъ стѣнъ и увидѣлъ, что она точно раскаленная. Оказалось, что здѣсь проходила труба изъ кухни Благороднаго собранія, и жареніе тысячи бифштексовъ и котлетъ для игроковъ въ стуколку и домино-лото неистово подогрѣвало стѣну, а заодно и меня.

Къ счастью, нашлась другая, болѣе прохладная комната. Въ ней я принималъ людей, приходившихъ ко мнѣ за справками, въ томъ числѣ и студента Земледѣльческаго Института А. С. Ермолова, который 27 лѣтъ спустя былъ моимъ министромъ, а тогда, работая у Энгельгардта, интересовался нашими фосфоритами.

Въ тѣхъ же номерахъ жили Владыкинъ, одинъ въ должности помощника бухгалтера составлявшій «Виды внѣшней торговли», для чего теперь въ таможенномъ департаментѣ существуетъ цѣлое статистическое отдѣленіе, и уланъ Терентьевъ, впослѣдствіи военный судья (отличившійся оригинальною защитою Всев. Крестовскаго въ дѣлѣ съ адвокатомъ Соколовскимъ) и авторъ разныхъ сочиненій о Средней Азіи.

Комнаты у Тришо оставили тоже воспоминаніе. Ихъ мнѣ передалъ одинъ товарищъ по гимназіи, отъѣзжавшій на службу въ

теперь на меня ополчился г. Шиповъ, усматривая тутъ противорѣчіе съ моею послѣднею оцѣнкою.

Между тѣмъ никакого противорѣчія не было. Въ своей оцѣнкѣ я касался дѣятельности покойнаго исключительно только въ тарифной коммиссіи 1867 г., дѣятельности по моему безплодной, хотя и я въ ней принималъ нѣкоторое участіе. Въ общемъ же долголѣтняя карьера А. П. Шипова и по службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ онъ между прочимъ сообщилъ много свѣдѣній бар. Гакстгаузену, и по предсѣдательству въ московскомъ отдѣленіи Коммерческаго совѣта, и въ качествѣ химическаго заводчика была весьма разностороння и полезна.

Туркестанъ. «Ташкентцы» только что формировались; большинство ихъ было изъ молодежи, успѣшно окончившей руссификацію Западнаго края. Толкало ихъ въ Ташкентъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что тамъ не было судебныхъ приставовъ, о протестѣ векселей не слыхали, а тѣмъ болѣе о личномъ задержаніи; въ Петербургѣ же процвѣтала еще грозная «Тарасовка»—домъ заключенія за долги. Передавая мнѣ квартиру, товарищъ сказалъ: «Къ тебѣ будутъ являться разныя фигуры и спрашивать мой адресъ,—пожалуйста ты ихъ въ шею...».

Дѣйствительно, кое-кто навѣдывался, но мой пріятель на нетронутой почвѣ Средней Азіи расцвѣлъ и достигъ чиновъ высокихъ...

Но возвращусь къ болѣе меня тогда интересовавшему пересмотру таможеннаго тарифа.

Предсѣдателемъ тарифной комиссіи былъ сдѣланъ извѣстный статистикъ Г. Небольсинъ, членами, конечно, все фритредеры, свирѣпствовавшіе въ Податной комиссіи. На бѣду, познанія ихъ въ русской промышленности была некрѣпки, а проектъ новаго тарифа былъ составленъ чисто механически Колесовымъ, вице-директоромъ таможеннаго департамента. На помощь явился англійскій консулъ Митчель со своей запискою. Еще болѣе помогъ представитель одесскаго биржевого комитета, приказчикъ мануфактурнаго магазина Эгиза-Мангуби, Гольденбергъ, впослѣдствіи извѣстный биржевой игрокъ. Съ Гольденбергомъ фритредеры носились какъ съ писаной торбой и даже украсили его Станиславомъ на шеѣ. Кое-что зналъ еще Андреевъ, секретарь и основатель Техническаго общества.

Предположенія комиссіи высмѣивались въ прозѣ и даже стихахъ въ «Москвѣ» и «Москвичѣ», въ которыхъ и я принималъ участіе; особенно доставалось П. Семенову за его предложеніе понизить пошлину на кофе, ибо кофе-де развиваетъ умственныя способности! Пошлина была понижена вдвое, но умъ русскаго потребителя попрежнему остался «заднимъ»...

Комиссія впервые установила небольшую пошлину на машины. Это казалось тогда удивительною смѣлостью. Если пониженія не были болѣе рѣзкими, то это потому, что Чевкинъ въ Государственномъ Совѣтѣ вольной рукою, какъ предсѣдатель департамента экономіи, измѣнилъ представленіе министра финансовъ, назначивъ среднія пропорціональныя между желаніями фабрикантовъ и рѣшеніемъ фритредерской комиссіи, въ которой при разногласіяхъ-то самыми крайними фритдерами оказывались А. Гирсъ и Тернеръ.

Фритредерство тогда, какъ я говорилъ, было въ модѣ повсемѣстно; только съ 1871 г. началась реакція подъ вліяніемъ успѣховъ Соединенныхъ Штатовъ, развившихся отъ тарифа Мориля. Поэтому великое содѣйствіе въ подкрѣпленіи протекціонизма оказалъ переходъ на его сторону «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Органы Аксакова читались мало, а специальные органы фабрикантовъ: «Вѣстникъ Промышленности» и «Торговый Сборникъ» и того менѣе.

Переходу «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» содѣйствовалъ Колюпановъ, игравшій тогда вмѣстѣ съ Альбертини главную роль въ редакціи Корша. Это былъ своеобразный новоявленный типъ земца. Онъ былъ мелкопомѣстный помѣщикъ Ветлужскаго уѣзда, гдѣ богатый помѣщикъ Лугининъ изображалъ собою и дворянство и земство. Лугининъ жилъ болѣе за границею, на мѣстѣ же его представлялъ Колюпановъ. Послѣдній писалъ не дурно, хотя черезчуръ плодовито; говорить же не могъ, такъ какъ страдалъ какою-то горловою болѣзнію. Онъ жилъ и умеръ земцемъ, не то, что тѣ многочисленные типы, которые говорили: «мы молъ люди земли, а не приказные», а чуть имъ предлагали мѣста—кидались на нихъ какъ голодныя собаки. Благодаря Колюпанову и секретарю редакціи Золотницкому, писавшимъ отчеты о засѣданіяхъ Общества для содѣйствія, и я началъ помѣщать статьи въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

Протекціонизмъ доставилъ мнѣ и другія знакомства. Оказалось, напримѣръ, что Несторъ Кукольникъ былъ ярымъ протекціонистомъ. Онъ даже вліялъ въ этомъ смыслѣ въ свое время на всесильнаго кн. Чернышева, у котораго служилъ въ канцеляріи военнаго министерства, и тѣмъ сдерживалъ фритредерскія стремленія министерства финансовъ 50-хъ гг. Въ мое время Кукольникъ, оставивъ литературу, жилъ болѣе въ Таганрогѣ; видъ онъ имѣлъ человѣка испивающаго. Оно, вѣроятно, такъ и слѣдовало по тѣсной дружбѣ съ Глинкою и Брюловымъ. У казачьяго генерала Шапошникова, гдѣ я встрѣчалъ Кукольника, познакомился

я съ поэтомъ Бенедиктовымъ, прогремѣвшимъ въ 40-хъ годахъ, а затѣмъ неистово осмѣиваемымъ. Въ парикѣ, съ физіономіей стараго семинариста, онъ производилъ довольно комическое впечатлѣніе. Ничего поэтическаго въ его наружности à la Тредіаковскій не было. Женскія сердца, за неимѣніемъ поэтовъ, поѣдалъ тогда въ изобиліи романистъ Слѣпцовъ, устроившій первую «коммуну» на Знаменской. Онъ искалъ своихъ «жертвъ» даже у насъ на Петербургской сторонѣ.

Предположеніе устроить Общество для содѣйствія русской промышленности возникло еще въ 50-хъ годахъ, но не осуществилось: проектъ Общества для частнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ казался тогда слишкомъ либеральнымъ. Воспользовавшись пересмотромъ тарифа, уставъ новаго Общества сочинилъ Носковъ, представитель кяхтинскаго купечества въ Петербургѣ. Кяхтинское купечество было еще вліятельно и сильно негодавало на правительство за разрѣшеніе привоза чая моремъ, подрывавшаго ея вѣковую монополію.

Носковъ былъ типъ «юса», провинціальнаго крючкотворы стараго времени. Ранѣе онъ состоялъ въ Кяхтѣ предсѣдателемъ магистрата, замѣнявшаго тамъ и городскую думу. Человѣкъ съ большимъ здравымъ умомъ, но безъ всякаго образованія, онъ отлично зналъ замысловатые нравы нашего купечества. Не лишенъ онъ былъ и юмора.

Для обсужденія Носковскаго устава было устроено въ залѣ думы собраніе подъ предсѣдательствомъ городского головы. Народа собралось множество, но всѣ молчали, точно набрали въ ротъ воды, и предлагали только кандидатовъ въ члены; даже Суцовъ и Полетика не могли возбудить какихъ-либо преній. Совсѣмъ другое произошло, когда послѣ собранія отправились къ тогдашнему Лукулу — Громову, извѣстному подъ именемъ «Ѳедулыча», ужинать. Тамъ, подъ вліяніемъ разливного моря, языки развязались, откуда взялась и оппозиція и «мораль», т. е. критика.

Громовъ въ то время былъ уже очень старъ. Состояніе свое онъ получилъ отъ графини Орловой-Чесменской, пріятельницы архимандрита Фотія, у которой былъ управляющимъ. Спеціальностью его осталась лѣсная торговля, но онъ почитался и меценатомъ по части искусства и покровительства женщинъ. Видъ онъ имѣлъ человѣка безмѣрно скучающаго.

Министерство финансовъ очень долго задерживало утвержденіе новаго устава, стараясь, чтобы открытіе Общества послѣдовало уже по окончаніи занятій тарифной комиссіи. Чиновники знали, что послѣ выработки новаго тарифа пылъ фабрикантовъ сильно остынетъ.

И дѣйствительно, хотя въ Россіи было и тогда 46 тысячъ купцовъ первой гильдіи и около 30 тысячъ фабрикъ, но организовать Общество содѣйствія было не такъ-то просто. Съ большимъ трудомъ набралось пятьсотъ членовъ, и тѣ, какъ только пришлось вносить по 15 руб. годового взноса, пытались удрать. Москвичи особенно упорствовали, подъ предлогомъ того, что Общество устроено въ Петербургѣ, а не у нихъ на Швивой горкѣ. Съ москвичами вообще трудно вести дѣла—нѣтъ народа болѣе мнительнаго и высокаго о себѣ мнѣнія.

Среди купечества тогда еще твердо держалось мнѣніе, что общественными дѣлами занимается только тотъ, у кого плохо идутъ свои собственныя.

Хотя приглашенія въ члены Общества посылались только къ милліонерамъ, но получались забавные отказы. Одинъ московскій богачъ на приглашеніе быть членомъ Общества отвѣчалъ, что, такъ какъ онъ занимаетъ уже должность эконома въ тюремномъ замкѣ, то никакой «должности по Обществу принять не можетъ».

Далѣе было въ томъ же родѣ. Не успѣло Общество открыться, какъ начали критиковать его дѣятельность и спрашивать: да что же оно сдѣлало? Ожидали кажется, что по утвержденіи устава у каждаго купца и фабриканта немедленно прибавится 25 проц. годового дохода. Газеты тоже потребовали огромныя деньги за одно печатаніе краткихъ извѣстій о засѣданіяхъ Общества.

Во главѣ Общества былъ поставленъ городской голова Погребовъ, весьма популярный въ свое время человѣкъ въ столицѣ. Имѣя лавку шелковыхъ товаровъ въ Гостинномъ дворѣ, онъ былъ въ то же время кандидатомъ университета и человѣкомъ образованнымъ, декламировалъ даже стихи Гюго. Онъ и говорилъ, когда нужно, недурно, положивъ правую руку въ карманъ фрач-

ныхъ панталонъ. Хотя въ думѣ онъ былъ отчасти въ рукахъ городского секретаря Февиля, но его любили за честность и добродушіе; купеческая партія къ тому же была тогда всемогуща въ городскихъ дѣлахъ.

Мѣшала немного Погребову его слабость къ вину: вечеромъ, выпивъ нѣсколько стакановъ краснаго, онъ уже не любилъ заниматься дѣлами. Помимо службы, это былъ превосходнѣйшей души человѣкъ и хлѣбосолъ. Онъ состоялъ опекуномъ многочисленныхъ племянницъ, все очень рослыхъ, красивыхъ, умныхъ и богатыхъ. Понятно, деревянный домъ одной изъ его племянницъ на Знаменской, нынѣ не существующій, гдѣ онъ жилъ, усердно посѣщался и былъ очень пріятнымъ. Жена его тоже была очень образованная и гостепріимная женщина. И она имѣла очень красивыхъ и рослыхъ племянницъ.

И прочій составъ комитета былъ довольно удачный. Комитетъ дѣлился на четыре отдѣленія. Въ первомъ (редакціонномъ) предсѣдательствовалъ Шиповъ, во-второмъ (промышленности) Полетика, въ третьемъ (торговли) Золотаревъ, въ четвертомъ (путей сообщенія) Бѣляевъ; секретаремъ сдѣлали Носкова, но, въ виду его малограмотности, сейчасъ же была сочинена должность члена-дѣлопроизводителя, на которую избрали меня. Это была единственная должность въ Обществѣ съ жалованьемъ и квартирой. Казначеемъ былъ сначала богачъ старикъ Варгунинъ, а затѣмъ Комаровъ, извѣстный дѣятель по части страхованія.

Золотаревъ былъ типомъ русскаго человѣка, онѣмеченнаго воспитаніемъ. Онъ сталъ тяжкодумомъ, изучавшимъ каждый вопросъ не съ двухъ, а съ четырехъ сторонъ въ корнѣ. Онъ писалъ не мнѣнія, а лишь опыты нѣкоторыхъ мыслей, могущихъ служить введеніемъ къ уясненію попытки разъяснить извѣстный вопросъ. Для русскаго купца того времени онъ былъ очень свѣдущъ и начитанъ, хотя спеціальность его была отпускъ щетины, гривы и конскихъ хвостовъ.

Бѣляевъ былъ очень крупный торговецъ лѣсомъ. Это отецъ извѣстнаго Митрофана Бѣляева, покровителя новѣйшей русской музыки, и тесть извѣстнаго желѣзнодорожника Кульжинскаго. Простой человѣкъ и безъ воспитанія, Бѣляевъ отличался здравомысліемъ и деликатностью.

Между членами комитета также были люди замѣтные: извѣстный дѣлецъ И. Варгунинъ, братъ его Константинъ, Сушкинъ, рыбинскій голова Журавлевъ, череповскій И. Милютинъ, Умновъ, извѣстный юристъ Книримъ, потомъ сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта,—это была настоящая юридическая голова; другимъ юристомъ Общества былъ Туръ, впослѣдствіи сенаторъ. Скуратовъ, занимавшій на старости должность цензора, ранѣе издавалъ въ Москвѣ «Вѣстникъ Промышленности» и владѣлъ большой фабрикой. Отецъ его знавалъ Аракчеева. По словамъ его, послѣдній говорилъ сильно въ носъ, тихо и медленно; просителей и доклады принималъ въ 4 часа утра! При первомъ представленіи Скуратова онъ спросилъ только, не придерживается ли онъ крѣпкихъ напитковъ? Приказанія Аракчеева исполнялись безпрекословно съ буквальною точностью. Это имѣло и хорошія стороны. Деревянный домъ Аракчеева на Литейной простоялъ 80 лѣтъ цѣлехонекъ, когда у насъ другіе деревянные дома сгниваютъ въ 30 лѣтъ. Красильниковъ, хромой издатель «Торговаго Сборника», молодость провелъ въ Англіи и былъ тоже для купца того времени человѣкомъ очень образованнымъ.

Весьма дѣятельнымъ членомъ комитета былъ Сидоровъ, извѣстный радѣтель Сѣвера. Хотя онъ имѣлъ званіе уѣзднаго учителя, но былъ малограмотенъ; писалъ ему его сочиненія бывшій учитель географіи Студитскій. По характеру это былъ типъ сутяги. Онъ и все свое состояніе, затѣмъ растерянное, пріобрѣлъ крючкотворствомъ, процессами съ золотопромышленниками. Возмущенные сибирскіе генералъ-губернаторы хлопотали даже о недопущеніи Сидорова въ предѣлы Сибири.

Если Сидоровъ доѣзжалъ своимъ Сѣверомъ, который въ его описаніяхъ казался лучше Сициліи, то Носковъ постояннно выдвигалъ свою Кяхту и Сибирь. Онъ очень внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что̀ тамъ происходило, и со вздохомъ вспоминалъ о Муравьевѣ-Амурскомъ, слегка самодурѣ, но замѣчательно энергичномъ человѣкѣ, сумѣвшемъ отыскивать людей. Онъ нашелъ, напримѣръ, образцоваго администратора для Кяхты и Тобольска въ сосланномъ Деспотѣ-Зеновичѣ. Въ это время преемникомъ Муравьева-Амурскаго былъ его бывшій адъютантъ Корсаковъ, знаменитый тѣмъ, что проѣхалъ болѣе, чѣмъ кто-либо, на почто-

выхъ лошадяхъ. Это былъ добрый человѣкъ, но слегка наивный.

— Что не проснется,—говорилъ о немъ Носковъ,—такъ сейчасъ какую-нибудь глупость и выдумаетъ.

Когда переселяли чеховъ на Амуръ, то зашелъ вопросъ о томъ, какъ они будутъ судиться по своимъ гражданскимъ дѣламъ. Кто-то предложилъ третейскій судъ.

— Да, но кого же мы назначимъ третейскими судьями?— возразилъ Корсаковъ.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Фредериксъ былъ уволенъ послѣ того, какъ телеграфировалъ Тимашеву, что «для пользы службы онъ долженъ жениться на женѣ (sic) иркутскаго полиціймейстера».

Жениться разрѣшили, но просителя скоро убрали.

Предшественникъ Фредерикса Синельниковъ своею палочною расправою сдѣлался очень популярнымъ среди сибирскаго купечества. Любопытно, что этотъ Аракчеевъ въ миніатюрѣ былъ уволенъ потомъ тоже за какія-то амурныя слабости.

---

[1]) Баронъ К. Фредериксъ сдѣлалъ въ «Новомъ Времени» нѣкоторыя поправки къ воспоминаніямъ относительно пребыванія въ должности генералъ-губернатора Восточной Сибири его отца и Синельникова.

Бар. П. А. Фредериксъ при увольненіи не сдѣланъ былъ даже сенаторомъ; примѣръ рѣдкій, служащій доказательствомъ, что барономъ довольны не были и женитьба его, происходившая при Тимашевѣ (хотя депеша къ послѣднему можетъ быть и не была редактирована буквально такъ, какъ мнѣ передавали) повліяла на такое сухое отношеніе. За одно несогласіе на назначеніе Шелашникова губернаторомъ чѣмъ объясняетъ баронъ увольненіе своего отца) такъ бы сурово не поступили, тѣмъ болѣе, что назначеніе и увольненіе генералъ-губернаторовъ зависѣло не только отъ Макова, но и отъ военнаго министра. Настаивалъ «для пользы службы» баронъ въ депешѣ, конечно, не на женитьбѣ, а на скорѣйшемъ разводѣ своей невѣсты,— что понятно.

Вообще же бар. Фредериксъ былъ не на мѣстѣ и попалъ въ генералъ-губернаторы случайно, благодаря дружбѣ съ Ѳ. Ѳ. Треповымъ. Баронъ командовалъ въ Кіевѣ батальономъ внутренней стражи, а Треповъ жандармскимъ полкомъ, тамъ они и сблизились, что открыло барону путь въ Варшаву и къ должности генералъ-полиціймейстера Царства Польскаго, откуда его и перевели неожиданно для всѣхъ въ Иркутскъ.

Уволенъ былъ Синельниковъ отъ должности генералъ-губернатора за то, что его ударилъ ссыльный рабочій въ театрѣ, но въ этотъ театръ гене-

Не серьезенъ былъ и преемникъ безтолковаго ученаго чудака Гасфордта и севастопольца Хрущова по генералъ-губернаторству Западной Сибири—Казнаковъ. На эту должность Милютинъ предлагалъ Мещеринова, Тимашевъ Шидловскаго, но Александръ II выбралъ лично Казнакова. Мещериновъ попалъ все-таки въ генералъ-губернаторы вмѣсто опасно заболѣвшаго Казнакова. Хотя Мещериновъ, управляя краемъ, понравился своею простотою въ обхожденіи и доступностью, но при немъ должность генералъ-губернатора была упразднена, а затѣмъ хотя возстановлена, но исключительно для Степного края.

Гасфордтъ, какъ извѣстно, предложилъ для киргизъ новую вѣру, промежуточную между магометанствомъ и христіанствомъ. За этотъ проектъ Гасфордта и уволили. Онъ не любилъ переписки и удивлялся, зачѣмъ это пишутъ длинныя бумаги.

— Пусть, — говорилъ онъ своему правителю канцеляріи,— мнѣ пишутъ: «позволте», а я отвѣчу «изволте»!

Заботливость о Сибири, конечно, выдвинула въ Обществѣ вопросъ о Сибирской дорогѣ, поднятый еще въ 1862 году Рашетомъ, когда онъ управлялъ Демидовскими заводами, а въ 1866 г. Богдановичемъ, командированнымъ Валуевымъ на Уралъ по продовольственному вопросу. Рашетъ предлагалъ линію на Кострому, Вятку, Пермь, Тагилъ; Богдановичъ — на Казань, Елабугу, Екатеринбургъ. Эти проекты составили сѣверное и южное направленія дороги, которыя долго боролись, пока не одолѣло направле-

---

ралъ-губернатора привлекало излишнее участіе въ одной актрисѣ, почему я имѣлъ право сказать, что на увольненіе «повліяли амурныя слабости».

Синельникову, пріѣхавшему въ Петербургъ, намекнули, что онъ долженъ проситься объ уходѣ; онъ этого не сдѣлалъ, и его уволили, когда онъ, кажется, уже былъ въ Москвѣ, собираясь въ Иркутскъ. Во всякомъ случаѣ я отлично помню его неудовольствіе по случаю увольненія безъ назначенія въ Государственный Совѣтъ.

Сравненіемъ съ Аракчеевымъ я вовсе не хотѣлъ обидѣть Синельникова: Аракчеева я считаю очень крупною личностью и по характеру, и по честности. Онъ былъ только очень грубъ и любилъ тѣлесныя наказанія; то же можно поставить въ упрекъ и Синельникову, который въ молодости служилъ, сколько помнится, въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ традиціи Аракчеевскихъ пріемовъ были еще живы.

ніе... на Самару и Уфу, проведенное уфимскимъ городскою головою Волковымъ. Вѣчная исторія du troisième larron.

Я былъ одинъ изъ главныхъ ораторовъ въ разныхъ обществахъ и собраніяхъ сѣвернаго направленія, за что получилъ благодарственныя заявленія Вологды и др. сѣверныхъ городовъ; южное направленіе, кромѣ краснорѣчиваго Евгенія Васильевича, съ большимъ талантомъ защищалъ Романовъ, инженеръ-полковникъ, строитель амурскаго телеграфа. Романовъ, застрѣлившійся потомъ въ 1873 г. во время Хивинскаго похода, былъ очень интересная личность: человѣкъ разносторонне образованный, онъ прекрасно владѣлъ перомъ и былъ полонъ юмора.

Посѣщая его, я часто встрѣчался съ Шумахеромъ, извѣстнымъ куплетистомъ и сатирикомъ, сослуживцемъ Романова по Сибири. Тамъ же бывалъ Филиппеусъ, нашъ контрагентъ по снабженію хлѣбомъ Камчатки и первый арендаторъ котиковыхъ промысловъ. Филиппеусъ гордился тѣмъ, что объѣхалъ кругомъ свѣта 38 разъ, тогда какъ Кукъ всего три раза. Братъ Филиппеуса кругомъ свѣта не ходилъ, а управлялъ въ это время политическимъ отдѣломъ въ III отдѣленіи.

Кромѣ разработки вопроса о Сибирской дорогѣ Общество содѣйствія имѣетъ и другія заслуги. Оно отстояло право Россіи на Шпицбергенъ. По его ходатайству занятъ въ 1869 г. Красноводскъ, чѣмъ положено прочное начало завладѣнію Закаспійской области, куда мы, изъ боязни англичанъ, не смѣли прежде и носа сунуть.

Разнообразіе вопросовъ, подымавшихся въ Обществѣ, заставило меня, какъ секретаря (Носковъ скоро оставилъ мѣсто), перезнакомиться со множествомъ людей или дѣлавшихъ въ Обществѣ доклады, или посѣщавшихъ его засѣданія. Здѣсь я познакомился съ Абазою, управлявшимъ дворомъ весьма вліятельной великой княгини Елены Павловны, съ Вышнеградскимъ, только что перешедшимъ изъ учебной на акціонерную дѣятельность, съ родственниками его генералами Ракусою-Сущевскимъ и Сафоновымъ, также работавшими не безъ успѣха на акціонерномъ поприщѣ. Въ Обществѣ увидѣлъ я въ первый разъ и Немировича-Данченко, вернувшагося съ Сѣвера и обратившаго на себя общее вниманіе поэтическими «Соловками», напечатанными въ «Вѣстникѣ Европы».

Въ числѣ многочисленныхъ изобрѣтателей, предлагавшихъ обществу свои услуги, былъ Шуберскій, тогда занимавшійся своимъ маховозомъ. Это былъ путеецъ, сынъ путейскаго генерала, красивый, увлекающійся юноша, мало повидимому практичный. Переѣхавъ въ Парижъ, онъ изобрѣлъ тамъ первую передвижную печку, нажилъ большое состояніе, велъ веселый образъ жизни, разорился и кончилъ самоубійствомъ. Фамилія его стала у французовъ нарицательнымъ: если описываютъ толстую даму, болѣе пріятную въ интимныхъ отношеніяхъ зимою, чѣмъ лѣтомъ, говорятъ: c'est une vraie choubersky.

Не знаю, откуда для прислуги въ обществѣ были приглашены швейцаръ Павелъ Васильевъ съ женою Палагеею. «Комитетскій обрядъ», какъ выражался Носковъ, они быстро изучили и впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность какъ Филемонъ и Бавкида или Поль и Виржини. Тысячи людей знали эти курьезные типы. Павелъ былъ изъ остзейцевъ и цѣлый день все что-то чистилъ (вліяніе стараго солдатскаго воспитанія), жена же его—питомица Воспитательнаго дома, учившаяся тамъ, какъ она говорила, играть на рояляхъ, ничего не дѣлала и все бранила мужа за излишнее усердіе.

— Далась ему эта чистка,—жаловалась она постоянно на мужа.

Павелъ игралъ на службѣ 30 лѣтъ на тромбонѣ, поэтому, когда онъ сопровождалъ мою сестру въ оперу, то потомъ Палагея мнѣ разсказывала, что «какъ только Патти ошибется, такъ Павелъ сейчасъ и замѣтитъ!» Главное занятіе Палагеи было хожденіе по гостямъ. Возвращаясь, она хвалила угощеніе: «все было какъ слѣдуетъ, чай съ лимономъ, съ сухарями, для дѣвицъ мадера». Съ особымъ восторгомъ она носила любовныя записки. Для этого она готова была скакать въ какой угодно часъ, въ какую угодно погоду.

По поводу Палагеи не могу не вспомнить о слѣдующемъ казусѣ. Извѣстна разсѣянность ученыхъ и ихъ наивность. Знаменитый славистъ Григоровичъ въ концѣ 60-хъ годовъ былъ профессоромъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Мой отецъ просилъ его навѣстить меня въ Петербургѣ. Я жилъ въ квартирѣ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ надъ Милютинными лавками. Григоровичъ позвонилъ: ему отперла дверь

Палагея, старуха лѣтъ шестидесяти, плохо одѣтая и растрепанная. Я изъ своего кабинета услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Дома Константинъ Аполлоновичъ?

— Дома.

— Вы вѣроятно ихъ супруга?

— Нѣтъ, я здѣсь въ услуженіи.

Мнѣ было тогда 24 года.

Еще болѣе отличился извѣстный зоологъ Сѣверцовъ. По возвращеніи изъ Средней Азіи онъ сдѣлалъ предложеніе сестрѣ С. А. Мей. Оказалось, что онъ сестру и не зналъ хорошенько, а по разсѣянности принялъ ее за вдову поэта!

Вотъ еще примѣръ разсѣянности ученаго, разсказанный мнѣ Лохвицкимъ. Послѣдній былъ въ Парижѣ въ 1858 г. вмѣстѣ съ извѣстнымъ профессоромъ химіи Бутлеровымъ. Бутлеровъ былъ въ Grand Opéra во время покушенія Орсини. Какъ извѣстно, раздались сильные взрывы, императоръ вошелъ въ ложу съ окровавленною щекою. Публика сдѣлала ему и императрицѣ овацію. Прискакала кавалерія и при крикахъ «vive l'empereur!» увезла его. Оказалось, что, сидя въ партерѣ, Бутлеровъ ровно ничего не слыхалъ и не замѣтилъ!

Разъ въ годъ Павелъ въ Георгіевскій праздникъ ходилъ обѣдать въ Зимній дворецъ, откуда приносилъ женѣ въ платкѣ гостинцы. Подъ конецъ я опредѣлилъ его обыскателемъ на Монетный дворъ, гдѣ, несмотря на совѣты Палагеи, онъ такъ старался быть исполнительнымъ, что схватилъ на сквозномъ вѣтрѣ воспаленіе легкихъ и померъ. Не могла безъ него долго прожить и Палагея.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КЛУБЪ.—НОВАЯ ПОѢЗДКА НА УРАЛЪ.

XXIV.

Въ августѣ 1867 г. я былъ переименованъ изъ поручиковъ въ титулярные совѣтники. Новый законъ, на которомъ настоялъ Милютинъ въ виду преобразованія спеціальныхъ заведеній, давалъ право горнымъ инженерамъ оставаться въ военныхъ чинахъ, но безъ права дальнѣйшаго производства; нѣкоторые такъ и остались, большинство переименовывалось, когда подходило по расчету производство въ слѣдующій чинъ. Но нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, поспѣшили снять съ себя военную форму, которая, какъ я уже писалъ, тягостна по необходимости очень внимательно слѣдить за порядкомъ ея ношенія, отдающимъ васъ подъ надзоръ чиновъ комендантскаго управленія.

Военная форма, или точнѣе чинъ, были пріятны только въ томъ отношеніи, что открывали молодому человѣку доступъ во дворецъ, закрытый для штатскихъ, не занимающихъ извѣстныхъ должностей. Благодаря военному званію, я, напримѣръ, присутствовалъ на интересныхъ торжествахъ бракосочетанія Александра III, тогда цесаревича. Торжество собрало множество представителей европейскихъ державъ. Среди этихъ представителей быстро сталъ популярнымъ въ Петербургѣ принцъ Уэльскій, нынѣшній король англійскій, своею простотою обращенія и щедростью.

Англійскій Портной Орландъ, потомъ сошедшій съ ума, одѣлъ меня въ модные тогда цвѣта Bismark en colère и caca du Dauphin. Оставалось уразумѣть искусство повязыванія галстуковъ, но я до сихъ поръ тайны этого искусства и не уразумѣлъ. Еще кое-какъ могъ дѣлать noeud marin, но завязываніе en papillon оказалось превыше моихъ способностей и терпѣнія.

Форма, повидимому, дѣло пустое, но инымъ она дороже всего. Ужъ чего, кажется, шпоры, что общаго между шпорами и горною профессіею? Однако, когда шпоры были окончательно отмѣнены по докладу Островскаго, изъ двухъ моихъ сослуживцевъ, уже бывшихъ въ генеральскихъ чинахъ, одинъ П. сейчасъ вышелъ въ отставку, а другой Васильевъ, служившій, правда, среди казаковъ, застрѣлился!

Та же исторія и съ орденами. Всѣ ими пренебрегаютъ, а попробуйте обойти кого-либо на годъ! Люди даже самые ученые дѣлаются вашими врагами на жизнь. Я. Ламанскій, директоръ Технологическаго института, прекрасный человѣкъ и либералъ, сошелъ съ ума потому, что Рейтернъ вмѣсто Анны далъ ему Станислава съ короною. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ департаментъ въ инспекторское отдѣленіе съ упреками. «Посмотрите,—говорилъ онъ,—вы мнѣ повѣсили на шею какую-то щепку». Въ тотъ же день его свезли въ больницу умалишенныхъ.

Среди зимнихъ развлеченій Петербурга выдвинулся въ это время Художественный клубъ въ Троицкомъ переулкѣ, гдѣ нынѣ залъ Павловой.

Клубъ этотъ совершилъ чудо: просуществовалъ нѣсколько лѣтъ безъ дохода отъ картъ. Онъ просуществовалъ бы и долѣе, если бы въ дѣйствительные члены не стали, по распространительному толкованію устава, принимать «художниковъ слова», т. е. адвокатовъ. Эти быстро забрали въ руки все дѣло, вытолкнули настоящихъ художниковъ, а разъ тѣ охладѣли къ своему дѣтищу—дѣло погибло, ибо, понятно, не гг. балалайкины могли развлекать публику.

Душою клуба былъ Аристовъ, съ такимъ же увлеченіемъ организовавшій потомъ добровольческое движеніе въ сербскую войну. Актрисъ и пѣвцовъ Аристовъ собиралъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что онъ даже нашелъ какую-то квартиру, гдѣ наставилъ желѣзныхъ кроватей, точно въ дѣвичьемъ пансіонѣ, и тамъ давалъ пріютъ бѣднымъ провинціальнымъ актрисамъ, искавшимъ ангажемента.

Находчивость Аристова видна изъ слѣдующаго случая. Онъ ставилъ для славянскихъ гостей живыя картины изъ русской исторіи. Требовалось найти кого-либо для изображенія Петра. Идя по Пассажу, Аристовъ видитъ высокаго нѣмца, оказавшагося хозяиномъ нотнаго магазина «Сѣверная Лира».

— Вы бы желали быть Петромъ Великимъ?—спрашиваетъ Аристовъ.

— О, конечно,—отвѣчаетъ нѣмецъ.

— Ну, такъ не угодно ли со мною на извозчика.

И увозитъ нѣмца прямо на репетицію въ Маріинскій театръ, гдѣ на спектаклѣ означенный господинъ, слегка загримированный, отлично фигурировалъ въ картинѣ попойки, слѣдовавшей за Полтавскимъ боемъ.

Въ этомъ спектаклѣ въ картинѣ народовъ, сгруппировавшихся у подножія монумента, на которомъ стояла Россія, въ видѣ красавицы въ русскомъ одѣяніи, «Россію» изображала г-жа Косцевичъ.

Аристову помогалъ въ клубѣ «Николка» Потѣхинъ, человѣкъ бойкій и откупной повѣренный, и акцизный чиновникъ, и фантастическій революціонеръ, и драматургъ, и недурной чтецъ.

Въ числѣ клубныхъ исполнителей видную роль играла пѣвица русской оперы Леонова, которая, говорятъ, была въ молодости горничной и найдена въ этомъ званіи Глинкою. Любимцемъ публики былъ ея ami, куплетистъ изъ неокончившихъ курсъ студентовъ Монаховъ, положившій начало безконечной серіи разсказчиковъ съ гражданскою скорбью въ голосѣ и сильнѣйшимъ пристрастіемъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Для актеровъ того времени Монаховъ былъ человѣкъ сравнительно образованный. Утѣшалъ всѣхъ и Горбуновъ, также довольно начитанный человѣкъ и создатель особаго жанра. Къ нимъ присоединился Павелъ Вейнбергъ, мой землякъ по Одессѣ, гдѣ еще гимназистомъ онъ создалъ новый жанръ еврейскихъ разсказчиковъ. Вейнберга Коцебу возилъ даже въ Ливадію къ Александру II. На комплименты, что онъ такъ хорошо имитируетъ жидовъ, Вейнбергъ съ остроумною

скромностью отвѣчалъ: «Что же тутъ удивительнаго, когда я самъ жидъ».

Каждый вечеръ «по востребованію публики» являлся и толстякъ стихоплетъ Шумахеръ, о которомъ я уже вспоминалъ выше.

Въ числѣ завсегдатаевъ клуба были Панютинъ, модный тогда фельетонистъ «Голоса» подъ псевдонимомъ Нила Адмирари, Илья Арсеньевъ и гр. Соллогубъ.

Арсеньевъ, кончившій довольно печально, вмѣстѣ съ А. Зарурнымъ, тоже влачившимъ конецъ дней своихъ болѣе на «гнилой соломѣ темницъ», явились у насъ создателями такъ называемой малой печати. Сатирическая печать началась послѣ Крымской войны «Весельчакомъ» Брамбеуса и множествомъ летучихъ уличныхъ листковъ. Затѣмъ пріобрѣла большое общественное значеніе «Искра» и подражавшіе ей журналы «Заноза» и пр. Гг. Лейкинъ, Худековъ, А. Соколовъ и др. дали малой печати сатирическое направленіе и тѣмъ обезпечили ей успѣхъ, съ которымъ безуспѣшно боролся потомъ цензурными средствами начальникъ печати Лонгиновъ. Лейкинъ, бывшій купецъ въ Гостиномъ дворѣ, сдѣлался даже любимымъ писателемъ нашей аристократіи.

«Петербургская Газета», когда она перешла въ руки г. Худекова, помѣщалась подъ Обществомъ для содѣйствія, и я иногда заходилъ въ нее поболтать. Тогда редакція этого столь нынѣ распространеннаго и доходнаго органа помѣщалась скромно въ двухъ комнаткахъ, оклееныхъ дешевыми обоями; въ одной былъ конторщикъ, въ другой засѣдали редакторъ-издатель, незадолго до того снявшій военную форму (почему въ литературѣ его звали «маіоромъ») и ближайшіе сотрудники: Лейкинъ, Баталинъ, «Мишка» Ѳедоровъ, «Аркаша» Похвисневъ и редакціонный поэтъ актеръ Жулевъ. Ножницы и коробка съ облатками были единственными objets d'art въ этой комнатѣ.

Въ молодости Арсеньевъ былъ большимъ другомъ Валуева и Маркевича, состоя въ Москвѣ по особымъ порученіямъ при графѣ Закревскомъ и пользуясь покровительствомъ его вліятельной жены. Когда устроилась «Сѣверная Почта», Арсеньеву былъ порученъ политическій отдѣлъ, и онъ тамъ либеральничалъ на иностран-

ный счетъ. Разсердившись какъ то на Бисмарка за его реакціонную политику, Арсеньевъ говоритъ Валуеву: «Mon cher, это ужъ слишкомъ, позволь выругать короля». Валуевъ позволилъ, статья появилась, прусскій посолъ обидѣлся—и въ результатѣ Арсеньева уволили отъ службы, что положило начало его паденію.

Соллогубъ, аристократическій авторъ «Тарантаса» и «Аптекарши», въ 40-хъ гг. одинъ изъ лучшихъ писателей, въ это время физически опустился и вѣчно жаловался на безденежье. Остроуміе однако не оставляло его до конца жизни; онъ говорилъ превосходно застольные спичи и разсказывалъ множество забавныхъ и скабрезныхъ анекдотовъ, особенно изъ жизни Кавказа, откуда его за злой языкъ выслалъ суровый Муравьевъ-Карскій.

Соллогубъ разсказывалъ мнѣ между прочимъ, что когда Веневитинова, его шурина, сдѣлали оберъ-шенкомъ, то маленькій сынъ его сказалъ Соллогубу: «Знаете, папу сдѣлали Декеръ-Шенкомъ» (Декеръ-Шенкъ, авторъ «Ахъ Москва, Москва», содержалъ тогда кафе-шантанъ на Минеральныхъ водахъ).

Назначенный сопровождать Александра II на войну 1877 г. для ея описанія, гр. Соллогубъ говорилъ:

— Я всю жизнь добивался быть директоромъ театровъ и наконецъ дождался назначенія директоромъ театра... войны!

Между завсегдатаями Художественнаго клуба стоитъ отмѣтить еще Розенталя. Бывшій откупной повѣренный, онъ долгое время игралъ большую роль въ банковомъ и желѣзнодорожномъ мірахъ, хотя не имѣлъ никакого образованія и отвратительно говорилъ по-русски. Маленькій и похожій на обезьяну, онъ считался въ Петербургѣ первымъ волокитою и, какъ знаменитые fermiers-généraux, несмотря на безобразіе, не находилъ кажется des cruelles!

Въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщался Художественный клубъ, но съ Фонтанки, помѣстилась, основанная въ 1868 году, газета «Новое Время», которой я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ по финансовому и экономическому отдѣламъ. Основали газету Киркоръ и Юматовъ. Юматовъ былъ со мною въ Горномъ корпусѣ, но на пять выпусковъ старше. Онъ издавалъ со Скарятинымъ газету «Вѣсть» въ консервативномъ духѣ. Уже редакція послѣдней полагала, что при консервативномъ направленіи обязательно

поддерживать польскихъ помѣщиковъ противъ демократической дѣятельности мировыхъ посредниковъ Западнаго края. Въ этомъ же смыслѣ хотѣло издаваться и «Новое Время».

Главнымъ двигателемъ газеты былъ Киркоръ, почтенный провинціальный ученый. Онъ очень много сдѣлалъ для археологіи и этнографіи Литвы, но публицистическаго таланта не имѣлъ. Юматовъ также былъ болѣе чѣмъ посредственнымъ публицистомъ, познанія его были не велики; претензіи его были скорѣе казаться свѣтскимъ человѣкомъ. Редакція средствъ имѣла не много, подписка шла плохо, изданіе было довольно некрасиво съ виду и влачило жалкое существованіе, кончившееся тѣмъ, что Киркоръ переѣхалъ въ Краковъ, а фирму газеты уступилъ Устрялову, сыну историка. Я написалъ нѣсколько статей, но затѣмъ скоро вышелъ изъ редакціи. Помню только, что у Киркора была красивая жена полька, очень любезная хозяйка.

Помню еще слѣдующую исторію. Въ одномъ изъ воскресныхъ фельетоновъ кто-то назвалъ офицеровъ одного изъ гвардейскаго полка «пустоголовыми». На слѣдующій же день къ Киркору (Юматовъ газеты не подписывалъ) явился офицеръ полка и заявилъ, что всѣ товарищи вызываютъ его поочередно на дуэль, начиная съ младшаго корнета. Бѣдный Киркоръ напечаталъ самыя плоскія извиненія, продиктованныя вызывавшимъ.

Въ августѣ мнѣ опять пришлось сопровождать въ командировкѣ на уральскіе заводы директора горнаго департамента. Первоначальный маршрутъ былъ тотъ же: Москва, Нижній, водою по Волгѣ и Камѣ до Усть-Рѣчки, оттуда на Вотку и водою въ Пермь.

На Воткѣ выѣзжалъ къ намъ навстрѣчу вятскій губернаторъ Компанейщиковъ, прозванный Мордобейщиковъ. Онъ такъ любилъ драться, что кончилъ тѣмъ, что побилъ въ Петербургѣ мирового судью, чѣмъ и прервалъ свою карьеру.

Въ Перми я былъ свидѣтелемъ оригинальнаго зрѣлища: начальникъ округа женился на женѣ одного изъ своихъ товарищей; товарищъ не только не досадовалъ и не ревновалъ, но сшилъ своей бывшей дражайшей прекрасной половинѣ приданое, былъ посаженымъ отцомъ и т. д. Вотъ человѣкъ, постигшій la philosophie du mariage!

Какъ всегда, Рашетъ, хорошій человѣкъ, но нѣсколько безпокойнаго характера, пользуясь тѣмъ, что ему въ командировкахъ давались права министра, по дорогѣ теребилъ людей, вызывалъ начальника Богословскаго округа, чтобы посмотрѣть Златоустъ, а Златоустовскаго, чтобы отправить на Вотку, хотя и тому и другому, строго говоря, тамъ учиться было нечему. Увозилъ онъ съ собою даже управляющихъ частными заводами. Только воткинскаго начальника, почтеннаго старика Арсеньева, онъ не безпокоилъ. При такихъ перетасовкахъ мнѣ, которому поручалось составлять отчеты по командировкѣ, трудно было найти тѣхъ, отъ кого можно было получить необходимыя свѣдѣнія. И меня на этотъ разъ Рашетъ вдругъ взялъ да и послалъ изъ Мотовилихи на заводы наслѣдн. Никиты Всеволожскаго, тогда совершенно разоренные и гдѣ бельгійцы, похозяйничавъ немного и поработавъ совершенно хищнически богатѣйшія каменноугольныя мѣсторожденія, ушли, оставивъ дѣло въ самомъ печальномъ видѣ.

Никита Всеволожскій, отецъ такъ хорошо извѣстнаго Петербургу по своей красивой наружности и неисчерпаемому остроумію Никиты же Всеволожскаго, заложилъ свои заводы въ какомъ-то дармштадтскомъ банкѣ за 1.600,000 руб. и деньги эти проигралъ за границею. Подобные случаи, хотя и въ меньшемъ видѣ, случались нерѣдко. Заводчики обыкновенно забирали всѣ деньги въ Нижнемъ на ярмаркѣ отъ продажи металловъ, предоставляя управляющимъ оборачиваться, какъ знаютъ. Тѣ пробавлялись залогомъ и запродажею металловъ; съ рабочими же не трудно было поладить, такъ какъ на Уралѣ рабочіе, имѣя свои дома и покосы, трудъ свой цѣнили дешево.

Осмотрѣвъ Всеволодовильвенскій заводъ насл. Ал. Всеволожскаго и недѣйствующія Лунвенскія копи, наслѣдн. Всеволожскихъ, я заѣхалъ посмотрѣть лежащія на берегу Камы соляныя варницы въ Усольѣ и Ленвѣ. Тутъ же находится и принадлежащій казнѣ Дедюхинскій заводъ, который тогда былъ закрытъ акцизнымъ управленіемъ.

Солевареніе въ Усольѣ и Ленвѣ, хотя принадлежало такимъ богачамъ, какъ гр. Строгановъ, гр. Шуваловъ, кн. Голицынъ и кн. Абамелекъ-Лазаревъ, представляло картину безобразнѣйшаго истребленія лѣсовъ. Варницы, исключительно «черныя», отапли-

вались огромными чурками, пригонявшимися съ верховьевъ Камы, гдѣ лѣса безъ пощады истреблялись, буреніе было первобытное, соль перевозилась въ «лодьяхъ», напоминавшихъ норманскій періодъ, отбросы не утилизировались.

Время среди солеваровъ прошло пріятно. За короткое пребываніе я такъ подружился со всѣмъ обществомъ, что не только мѣстныя заводскія администраціи, но и чины сосѣдняго Соликамска собрались на пароходѣ провожать меня въ Пермь. Въ каютъ-компаніи уже кѣмъ-то была гостепріимно приготовлена хорошая закуска и раскинутъ карточный столъ.

— А не проводить ли намъ дорогого гостя до встрѣчнаго парохода?—предложилъ кто-то.—По пути можно заложить и банчишко.

Предложеніе было принято съ единодушнымъ восторгомъ. Такъ какъ многіе быстро проигрались, то предложено было идти не до перваго, а до второго встрѣчнаго парохода; тамъ до третьяго. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ служебныхъ чиновъ Соликамскаго уѣзда я привезъ въ Пермь. Цѣлый край оставался дня три или четыре безъ всякаго управленія. Хуже ли онъ отъ того прожилъ—не знаю.

Подъ вліяніемъ выигрыша я въ Перми вздумалъ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ насъ морскимъ артиллеристомъ-севастопольцемъ Пестичемъ учить Рашета играть въ карты, но послѣ тщетныхъ усилій разъяснить ему, чѣмъ отличаются черви отъ бубенъ, бросилъ. Онъ удивительно не понималъ иногда самыхъ простыхъ вещей.

Напримѣръ я сидѣлъ съ нимъ на Усть-Рѣченской пристани на Камѣ въ ожиданіи парохода, шедшаго снизу. Пароходъ опоздалъ, и мы сутки провели на берегу, умирая отъ скуки и заѣдаемые комарами.

— Знаете что,—сказалъ онъ мнѣ совершенно серьезно, видя идущій сверху пароходъ,—не будетъ ли скорѣе, если мы сядемъ на пароходъ и поѣдемъ навстрѣчу нашему?

Я только всплеснулъ руками отъ такой математической сообразительности инженера, предсѣдателя ученаго комитета и извѣстнаго изобрѣтателя...

Въ 1866 г., когда для сокращенія дефицита было приказано сократить смѣты всѣхъ департаментовъ на 10%, Рашетъ предложилъ счетному отдѣленію сократить оборотные расходы!

Изъ Кунгура мы свернули на Кыновской заводъ, чтобы черезъ Серебрянскій проѣхать въ Кушву. Кыновской заводъ принадлежалъ гр. А. Строганову, моему одесскому благодѣтелю. Заводъ этотъ, имѣющій очень бѣдныя руды, управлялся такъ же, какъ и прочіе строгановскіе заводы. Вся эта мѣстность богата прекраснымъ лѣсомъ, но такъ какъ тутъ же проходитъ каменноугольная почва, то горное вѣдомство искало здѣсь угля.

Болѣе успѣшна была въ это время разработка золотыхъ промысловъ. Въ рукахъ казны тутъ добывалось по два фунта золота въ годъ, когда же Горoблагодатскій округъ былъ открытъ (въ 1862 г.) для частной добычи, золота стали добывать по сто пудовъ въ годъ.

Въ Кушвѣ домъ горнаго начальника сгорѣлъ. Не нашелъ я и хорошенькой барышни-раскольницы, крестившейся двумя пальцами и такъ мило говорившей по-сибирски съ удареніемъ на о, за которой ухаживалъ въ предыдущую поѣздку: она вышла замужъ за какого-то инженера.

Изъ Кушвы мы ѣздили въ Верхне- и Нижне-Туринскіе заводы. Въ дачѣ послѣдняго находятся лучшія мѣсторожденія платины въ Россіи,—металла въ природѣ весьма рѣдкаго. Въ это время сбытъ его былъ такъ малъ, что цѣна падала чуть не до $1^1/_2$ тыс. рублей за пудъ, теперь, благодаря распространенію электричества и выдѣлки сѣрной кислоты, онъ стоитъ 15—18 тыс. рублей.

По поводу Туринскихъ заводовъ не могу не припомнить случай, бывшій уже въ началѣ 80-хъ годовъ, когда я занималъ должность вице-директора горнаго департамента. Пришелъ ко мнѣ объясниться по смѣтѣ департамента дѣлопроизводитель государственной канцеляріи.

— Къ чему вы имѣете заводы въ Туринѣ,—спросилъ онъ,—вѣроятно для опытовъ?

Я выпучилъ глаза и отвѣчалъ:

— Никакихъ у насъ заводовъ въ Италіи нѣтъ.

— А какъ же у васъ въ смѣтѣ показаны заводы Верхне-Туринскій и Нижне-Туринскій...

Къ удивленію сего блестящаго продукта нашей бюрократіи, я объяснилъ ему, что означенные заводы называются такъ по р. Турѣ, откуда и городъ Верхотурье въ Пермской губерніи.

Послѣ этого я убѣдился въ справедливости предположенія Щедрина, что многіе наши статскіе совѣтники не знаютъ даже что «пища въ естественномъ своемъ видѣ въ водѣ плаваетъ и въ воздухѣ летаетъ»...

По осмотрѣ остальныхъ заводовъ Гороблагодатскаго округа мы заѣхали въ Нижне-Тагильскій округъ, все еще считавшійся по техникѣ и размѣрамъ производства первымъ въ Россіи и гдѣ продолжались романы, описанные въ «Горномъ гнѣздѣ» Маминымъ-Сибирякомъ. Насъ интересовали не романы, а Нижне-Салдинскій заводъ округа, гдѣ было введено рельсовое производство. Рельсы пробовали дѣлать тогда и на казенномъ Камскомъ заводѣ, но неудачно..

По осмотрѣ Екатеринбургскаго и Златоустовскаго округовъ, съ обычными остановками по дорогѣ въ Сысерти и Кыштымѣ, поѣхали мы въ Самару черезъ Оренбургъ, сначала по той сторонѣ Урала, а затѣмъ такъ называемой Башкирской Швейцаріей, гдѣ только что устроился почтовый трактъ между Верхнеуральскомъ и Стерлитамакомъ.

Въ степи мы встрѣтили знаменитаго саксонскаго профессора геологіи фрейбергской академіи Бернгарда фонъ-Котта, возвращавшагося изъ своей поѣздки на Алтай, куда онъ былъ приглашенъ Кабинетомъ. Человѣкъ высокаго роста и очень худощавый, Коттъ выгодно отличался отъ тогдашнихъ нѣмецкихъ ученыхъ-педантовъ своимъ изящнымъ стилемъ и широтою философскихъ воззрѣній. Противуположнымъ образцомъ профессора-рутинера могъ служить фонъ-Тунеръ, извѣстный директоръ Леобенской горной академіи, ѣздившій какъ разъ въ это время по Уралу на средства горнаго вѣдомства.

По Зауральской степи башкирскія лошади несли насъ какъ бѣшеныя, только сбруя была ветхая, и когда приходилось запрягать, башкирскіе ямщики, совсѣмъ нищіе, бѣгали занимать сбрую у сосѣдей. Башкирскія лошади неутомимы. Проскакавъ станцію, башкиръ говоритъ: «Бачка, а еще хочешь?» И затѣмъ летитъ, не давъ отдохнуть лошадямъ и не напоивъ ихъ, еще станцію, гдѣ предлагаетъ ѣхать далѣе на совсѣмъ уже усталыхъ лошадяхъ. Могутъ такъ скакать башкирскія лошади верстъ по семидесяти.

Несмотря на бѣдность, башкиры, благодаря своимъ женамъ, живутъ достаточно опрятно, особенно по сравненію съ невозможною грязью мордвы, чувашей и вотяковъ, которою мнѣ пришлось достаточно насладиться въ поѣздкахъ.

У башкиръ не было денегъ даже на что купить почтовый колокольчикъ. «Даръ Валдая» неизвѣстенъ и на Сѣверѣ: тамъ замѣняютъ его маленькіе «колокольцы», которыхъ къ дугѣ привязываютъ по нѣсколько штукъ.

Пообѣдавъ хорошо на Качкарскихъ золотыхъ промыслахъ, мы къ ночи пріѣхали въ Верхнеуральскъ. Исправникъ отвелъ намъ квартиру въ домѣ купца. Зѣвая и крестясь, этотъ купчина привелъ насъ въ свой салонъ и, указывая на единственный въ комнатѣ диванъ, сказалъ: «ложиться на него не совѣтую, тутъ этого клопа тьма тьмущая».

Взбѣшенный Рашетъ потребовалъ лошадей, и мы поѣхали дальше. Дорога шла по горамъ, на каждомъ шагу пришлось тормозить, вдобавокъ стало свѣжо. На одной изъ станцій, пока запрягали лошадей, въ темнотѣ Рашетъ полѣзъ бродить въ совершенной темнотѣ по дому. Слышу неистовый крикъ: «Зачѣмъ вы трогаете даму!» Это мой генералъ попалъ нечаянно въ спальню жены содержателя станціи. Прибѣжалъ съ фонаремъ мужъ, Рашетъ страшно разсердился. Мужъ, увидѣвъ изъ подорожной, что ѣдетъ за особа, напустился съ ругательствами на жену и въ наказаніе стащилъ съ нея лисій салопъ, которымъ она покрывалась, и хотѣлъ завернуть имъ намъ ноги въ тарантасѣ. Мы отказывались.—Ничего, пусть ей такъ стервѣ,—любезно объяснялъ мужъ.

Горами поѣздка была очень пріятна днемъ — мѣстность красивая, богатая растительностью и водою. Мы спустились въ долину Бѣлой и по очереди посѣтили заводы Бѣлорѣцкіе, тогда еще Пашковыхъ, Кагинскіе Никифорова, совершенно разоренные, и Авзяно-Петровскіе Бенардаки. Въ Авзянѣ, въ глуши невѣроятной, мы нашли замѣчательную красавицу-брюнетку, чью-то жену, увезенную управляющимъ. Она произвела на насъ такое впечатлѣніе, что мы, поужинавъ вмѣстѣ, долго не могли уснуть и все о ней разговаривали съ Рашетомъ.

У Стерлитамака, куда мы пріѣхали изъ Никольскаго, родового имѣнія Тимашева, другое рѣдкое явленіе природы: среди степной плоскости стоятъ рядомъ двѣ горы, имѣющія форму роговъ. Оренбургъ славился тогда также рогами, но... своихъ мужей.

На полдорогѣ между Оренбургомъ и Самарою къ ночи въ степи вдругъ, несмотря на то, что было только начало сентября, стало морозно, и, входя въ станціонный домъ, я закричалъ:

— Ну, собачья сторонка, никогда въ жизни сюда я больше не пріѣду!

Въ комнатѣ въ полутемнотѣ сидѣли два лица. Это оказались послѣдніе оренбургскій генералъ-губернаторъ Крыжановскій и его правитель канцеляріи Холодковскій, ѣхавшіе въ Петербургъ.

Ровно семь мѣсяцевъ спустя я въ Оренбургѣ представлялся тому же Крыжановскому по случаю командировки для разысканія каменнаго угля на полуостровѣ Мангышлакѣ, тогда еще подчиненномъ Оренбургу.

— Какъ же это, вы клялись въ нашу собачью сторонку никогда не заѣзжать,—спросилъ меня иронически генералъ-губернаторъ,—а пріѣхали?

Я удивился генеральской памяти...

Во все путешествіе, какъ и въ предыдущее, я встрѣчалъ массу переселенцевъ. И тогда уже ихъ тянуло неудержимо тысячами въ Уфимскій край, Зауралье и Киргизскую степь.

Въ ноябрѣ, послѣ пяти лѣтъ ожиданій, я получилъ наконецъ штатное мѣсто и даже сразу VI класса, именно чиновника особыхъ порученій горнаго департамента, очистившееся отъ выхода въ отставку произведеннаго въ генералы Семянникова, компаньона Полетики по Невскому заводу и деверя Юматова.

Писаніе въ газетахъ не мѣшало мнѣ заполучать командировки, но я не могъ добиться штатнаго мѣста. Какъ-то открылось мѣсто помощника столоначальника, но вице-директоръ на предложеніе назначить меня сказалъ: «Онъ слишкомъ ученъ для насъ!» За эти самыя слова онъ получилъ потомъ, тринадцать лѣтъ спустя, отъ меня достойное возмездіе. «Мщеніе, — говорятъ испанцы,— блюдо, которое нужно ѣсть холодное»...

Первое исполненное мною порученіе въ новой должности былъ осмотръ желѣзныхъ рудъ въ имѣніи бар. Аша на сѣверѣ Петербургской губ. Руды оказались дерновыми и незаслуживающими вниманія (хотя о нихъ опять вспомнили въ 90-хъ гг.), что я и заявилъ, къ прискорбію владѣльца, видимо нуждавшагося въ деньгахъ и хотѣвшаго даже зимою начать развѣдки.

Поѣздка эта, сама по себѣ незначительная, осталась у меня въ памяти, потому что я совершилъ ее, выѣхавъ съ Невскаго проспекта (съ квартиры надъ Милютиными лавками) на почтовой тройкѣ. Я нарочно даже приказалъ ямщику остановить сани у Доминика, куда, живя неподалеку, частенько тогда заходилъ. Въ этомъ ресторанѣ три или четыре поколѣнія швейцарцевъ Рицъ Апорта нажили большое состояніе отъ пирожковъ, которыхъ порядочное количество поруется еще ежедневно такъ называемою «порядочною» публикою.

ОРЕНБУРГЪ.

XXV.

Въ 1869 г. я успѣлъ побывать въ Киргизской степи, переѣхать поперекъ Кавказъ и участвовать въ Египтѣ на открытіи Суэцкаго канала; рядомъ съ этимъ я исправно исполнялъ свои текущія обязанности. Казалось бы, такое усердіе должно бы заставило бы мое начальство цѣнить меня. Нисколько!

Въ началѣ 1869 г. И. Полетика сдѣлался помощникомъ начальника Монетнаго двора. Освободившуюся должность секретаря горнаго ученаго комитета предложили мнѣ, чтобы сдѣлать чиновникомъ особыхъ порученій Аксакова, вотчимъ котораго управлялъ дѣлами Чевкина. Такъ какъ въ это время профессоръ Горнаго института Лисенко успѣлъ выпросить себѣ должность редактора «Горнаго Журнала», которую я исполнялъ безвозмездно нѣкоторое время, то я отказался отъ должности секретаря, которую считалъ связанною съ должностью редактора. Аксакова успокоили, назначивъ начальникомъ монетнаго отдѣленія, гдѣ было немного работы, но мнѣ постарались отомстить за непокорность.

Это выразилось прежде всего въ томъ, что для развѣдки каменнаго угля въ Мангышлакскомъ полуостровѣ, который только номинально подчинялся Россіи и гдѣ киргизы съ января находились въ открытомъ возмущеніи, меня командировали, выдавъ подъемныхъ 100 рублей и добавочное по чину поручика жалованье! А тутъ еще канцелярія министра финансовъ отобрала себѣ отъ горнаго департамента 2,000 р., асигновавшихся ежегодно на

«Сборникъ горно-статистическихъ свѣдѣній», составлявшійся мною и Аксаковымъ.

Бросивъ статистику, поѣхалъ я опять съ горнымъ компасомъ и молоткомъ во образѣ геолога, захвативъ все, что нашлось печатнаго о восточномъ берегѣ Каспійскаго моря. Послѣднимъ описаніемъ оказалось путешествіе здравствующаго и понынѣ г. Галкина-Враскаго, бывшаго чиновникомъ особыхъ порученій и зятемъ оренбургскаго генералъ-губернатора Безака.

На Нижегородской желѣзной дорогѣ въ одномъ буфетѣ я получилъ послѣднюю оставшуюся порцію вареникoвъ. Замѣтивъ, что одинъ старый полковникъ смотритъ любовно на мою тарелку, я предложилъ подѣлиться. Предложеніе мое было принято. Полковникъ оказался военный инженеръ Фалькенгагенъ, старый кавказецъ, строитель Петровскаго порта на Каспійскомъ морѣ.

Моя любезность не осталась безъ вознагражденія. Разговорившись со мною, Фалькенгагенъ сталъ звать меня къ себѣ въ Петровскъ.—Вы не проскучаете, у меня кстати и отличный поваръ, такъ какъ я люблю покушать. Я разъ даже былъ сильно наказанъ за это. Гдѣ-то въ Піемонтѣ, въ горахъ, я съѣлъ двѣ порціи блюда, понравившагося мнѣ, и едва ночью не померъ. Оказалось, что это были свиныя кишки на клещевинномъ маслѣ.

Волга была еще въ полномъ разливѣ, и на сліяніи съ Камой пароходъ порядочно покачивало. Дорога изъ Самары въ Оренбургъ на Кинель и Бузулукъ мнѣ была уже хорошо знакома. Заволжская степь тогда быстро заселялась, и поселенія, по маловодію скучившіяся на немногихъ мѣстахъ, тянулись на цѣлыя версты. Изъ путешествія въ памяти моей остались немногія обстоятельства. Во-первыхъ, на одномъ изъ перегоновъ въ Землѣ уральскихъ казаковъ, только что переименованной въ область Уральскую, на всемъ скаку тройки выбросило меня изъ перекладной на землю, совершенно, впрочемъ, благополучно. Такіе казусы бывали со мною нѣсколько разъ, такъ какъ въ тѣ времена колеса закрѣплялись чеками, а не втулками, и вылетѣвшая плохо заткнутая по небрежности смазчиковъ на станціяхъ чека вызывала потерю колеса и опрокинутіе экипажа.

Другой казусъ едва не сопровождался трагическими послѣдствіями двадцать семь лѣтъ спустя. Находя неудобнымъ носить

взятый револьверъ на поясѣ, я положилъ его, забывъ разрядить, въ чемоданъ, который лежалъ у моихъ ногъ въ перекладной. Проѣхавъ отъ Самары до Бредовской станціи и затѣмъ черезъ Кавказъ, я все боялся, что заряженный револьверъ выпалитъ мнѣ въ ноги, но русское авось и какая-то лѣнь развязывать чемоданъ въ пути (а въ городахъ я забывалъ о револьверѣ), знакомая всѣмъ, кто много ѣздилъ на почтовыхъ, заставляли забывать объ опасности.

Мало того, я не разрядилъ револьвера и въ Петербургѣ—онъ пролежалъ такъ до 1896 г. Уѣзжая послѣ отставки за границу и думая тамъ вовсе остаться, я продалъ жидовкѣ съ толкучки свои мундиры, звѣзды и ордена. Какъ всегда, жидовка ранѣе давала одну цѣну, а явившись за вещами незадолго до отъѣзда моего на вокзалъ желѣзной дороги, назначила другую. Чтобы не торговаться, я предложилъ за ту же цѣну прибавить и револьверъ.—Да онъ пожалуй заряженъ,—сказала жидовка.—Что вы, да онъ тутъ валяется лѣтъ тридцать. При этомъ я навелъ револьверъ и почему-то спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ, пуля, пролетѣвъ мимо уха жидовки, сдѣлала большую дыру въ стѣнѣ и повредила рамку висѣвшаго фотографическаго портрета. Жидовка упала въ обморокъ. Очнувшись же, закричала: «И даромъ ничего не хочу брать!»

Можете представить себѣ мое положеніе: убить нечаянно женщину за полчаса до отхода поѣзда, на который меня ждала масса провожавшихъ. Я едва имѣлъ время успокоить покупщицу, отдать ей чуть не даромъ вещи и разряженный уже внимательно пистолетъ и доѣхать до Варшавскаго вокзала.

Третій казусъ былъ, когда я подъѣзжалъ къ Оренбургу. Оказалось, что р. Сакмара разлилась на тридцать верстъ! Нельзя было и думать продолжать далѣе путь на перекладной. Меня посадили въ плоскодонную лодку, которая поплыла на-удачу, переѣзжая мѣстами верхушки деревьевъ, торчавшихъ изъ воды. Стемнѣло и гдѣ-то у бугра пришлось ночевать и ждать разсвѣта. Теперь новое поколѣніе, выросшее при желѣзныхъ дорогахъ, и не повѣритъ, что понадобилось чуть не сутки, чтобы свершить такой короткій переѣздъ почти у воротъ губернскаго города.

Оренбургъ я засталъ въ волненіи: одинъ изъ крупныхъ чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи былъ командиро-

ванъ съ курьерской подорожной, чтобы вывезти какую-то гувернантку, нарушавшую семейное счастье. Оренбургъ всегда отличался по женской части. Дочь тогдашняго полиціймейстера сдѣлала удивительную карьеру.

По поводу семейныхъ дѣлъ отмѣчу, что Крыжановскій, на котораго столько вылито было ушатовъ грязи послѣ увольненія его отъ службы по третьему пункту въ 1881 г. за раздачу башкирскихъ земель, о чемъ у меня рѣчь будетъ въ свое время, пострадалъ преимущественно за какую то особую привязанность къ своимъ роднымъ.

Самъ Николай Андреевичъ башкирскихъ земель получилъ только 6,293 дес. и умеръ, оставивъ небольшія средства, но по слабохарактерности какъ будто нарочно хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ родственниковъ. По ревизіи Ковалевскаго оказалось, что земли получили и его сынъ, и братъ, и дочь. Независимо отъ участка, полученнаго дочерью, ея второй мужъ получилъ участокъ, а первый тоже участокъ; когда же онъ развелся, то участокъ его оставленъ былъ за разведенною женою. Говорятъ, что и шафера получили по участку!

Надобно однако прибавить, что съ буквальной точки зрѣнія закона Крыжановскій, который любилъ говорить: «меня нѣтъ, я не существую, я законъ», за что его въ Варшавѣ поляки и прозвали «мертвою буквою закона», виноватъ не былъ. Положеніе объ использованіи запасныхъ башкирскихъ земель предоставляло вполнѣ раздачу ихъ соглашенію генералъ-губернатора съ министромъ государственныхъ имуществъ. Зеленый противился примѣненію закона, но Валуевъ съ 1876 года разрѣшилъ это примѣненіе.

Цѣль закона также имѣла свои оправданія. Башкиры, при ихъ полукочевомъ бытѣ и малоспособности къ культурѣ, рѣшительно были не въ силахъ эксплоатировать предоставленныя имъ съ Ивана Грознаго огромныя площади земель и лѣсныхъ угодій. Великолѣпныя сосновыя рощи жгли они на поташъ! Не лучше было и земледѣліе: за неимѣніемъ боронъ башкиры боронили молодыми елками.

Въ объясненіе, если не въ оправданіе, «башкирской эпопеи» надобно прибавить также, что она была вовсе не какимъ-либо но-

вымъ изобрѣтеніемъ, а повтореніемъ буквально такой же раздачи земель въ Самарской губерніи и въ Новороссійскомъ краѣ, на сѣверномъ Кавказѣ, въ Царствѣ Польскомъ, прошедшихъ для раздавателей благополучно. Въ этихъ воспоминаніяхъ, имѣющихъ автобіографическій характеръ, считаю не лишнимъ замѣтить, что хотя я имѣлъ возможность получить, но никогда не искалъ клочка башкирскихъ земель, какъ затѣмъ не потрудился просить участка въ Черноморской губ., гдѣ столько моихъ сослуживцевъ обзавелись прекрасными дачами на берегу моря.

Крыжановскій принялъ меня очень любезно. Не стань онъ увлекаться семейными привязанностями, Крыжановскій былъ бы недурнымъ начальникомъ края, киргизскія, башкирскія и казацкія дѣла и организація полудикаго края давали ему не мало работы. Крыжановскій не имѣлъ однако дѣловыхъ способностей своего предмѣстника Безака, умъ котораго уже виденъ изъ того, что онъ отказывалъ въ подписи бумагъ, которыя были длиннѣе одного листа. При краткости изложенія чиновникамъ приходилось волею-неволею говорить только о дѣлѣ, а не проѣдаться. Воображаю ихъ мученіе.

Крыжановскій былъ живымъ, краснощекимъ, довольно свѣжимъ съ виду генераломъ; онъ хорошо говорилъ и писалъ. Извѣстно, что въ отставкѣ онъ печаталъ даже романы, вообще былъ человѣкъ образованный, даже ученый, такъ какъ слушалъ лекціи высшей математики въ Берлинскомъ университетѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ разные случаи изъ своей боевой жизни на Кавказѣ, между прочимъ, какъ Колюбакинъ, авторъ знаменитыхъ фантастическихъ реляцій о походахъ противъ горцевъ, встрѣтивъ его въ Тифлисѣ, сказалъ: «Хочешь, Крыжановскій, я поставлю тебя въ будущей реляціи на лѣвомъ флангѣ съ двумя орудіями? Это будетъ недурно». Но не всѣ военные подвиги были такого рода у Крыжановскаго: онъ прошелъ настоящую боевую школу, начальствуя штабомъ артиллеріи въ Севастопольскую осаду.

Другими выдающимися лицами въ Оренбургѣ были губернаторъ Тургайской области Балюзекъ, морякъ, бывшій передъ тѣмъ дипломатомъ въ Китаѣ, губернаторъ Оренбургской губерніи и наказной атаманъ Оренбургскаго войска Бобарыкинъ, свѣтскій и остроумный человѣкъ, и названный выше правитель генералъ-

губернаторской канцеляріи Холодковскій, съ виду добрый малый, но необыкновенный болтунъ. «Заткни фонтанъ—дай отдохнуть и фонтану» Кузьмы Пруткова какъ будто бы для него было спеціально написано.

Вообще все, что было въ городѣ интеллигентнаго и благовоспитаннаго, группировалось около генералъ-губернатора.

Во время Перовскаго былъ тутъ даже очень интеллигентный кружокъ, въ томъ числѣ его племянникъ Владиміръ Жемчужниковъ (одинъ изъ описанныхъ выше участниковъ фирмы Кузьма Прутковъ), но при Безакѣ и Крыжановскомъ составъ общества уже ухудшился. Минутный блескъ городу придали «господа ташкентцы», но они же и подорвали его значеніе.

Оренбургское общество волновалось и не могло переварить отдѣленія Туркестанскаго края. Причиною этого была ссора Крыжановскаго съ Черняевымъ. Послѣдній, человѣкъ чрезвычайно тщеславный, овладѣвъ Ташкентомъ, донесъ, что покорилъ Среднюю Азію, и буквально заразился маніей величія. Такъ какъ Туркестанская область составляла часть Оренбургскаго генералъ-губернаторства, то Крыжановскому было поручено военнымъ министромъ проѣхать въ Ташкентъ и убѣдиться въ нормальности умственныхъ способностей Черняева.

Но послѣдній, хотя и полковникъ, не только не пожелалъ признавать надъ собою власть Крыжановскаго, но не соблюлъ даже военныхъ приличій и не вышелъ для встрѣчи начальника военнаго округа съ войсками. Онъ принялъ Крыжановскаго въ сюртукѣ у себя на квартирѣ, какъ частное лицо, объясняя, что иначе онъ уронилъ бы въ глазахъ вновь покореннаго края престижъ своей власти. Послѣ такого пассажа, по ходатайству Крыжановскаго, на смѣну Черняева поѣхалъ Романовскій. Но для избѣжанія дальнѣйшихъ столкновеній вновь завоеванный край отъ Оренбургскаго вѣдомства отдѣлили и тѣмъ уничтожили политическое значеніе Оренбургскаго генералъ-губернатора. На долю послѣдняго остались киргизы и башкиры.

Безъ завѣдыванія Туркестаномъ Оренбургъ сталъ почтовой станціей на великомъ пути русской цивилизаціи въ Среднюю Азію. Временно онъ представлялъ, впрочемъ, мѣстопребываніе главнаго управленія края, но, очевидно, дни этого управленія

были сочтены, тамошнему генерал-губернаторству долго было не продержаться, такъ какъ военнаго значенія Оренбургскій край никакого не имѣлъ, а въ гражданскомъ представлялъ неестественное соединеніе двухъ губерній, которыя, подобно другимъ русскимъ губерніямъ, могли существовать совершенно самостоятельно, съ частью Киргизской степи, хотя и раздѣленной недавно на двѣ области, но въ этихъ областяхъ имѣлись только областныя правленія, да уѣздные начальники, городовъ же, селеній, дорогъ и пр. не имѣлось, и жители, кромѣ войскъ и нѣсколькихъ десятковъ отставныхъ солдатъ, продолжали преспокойно кочевать, предпочитая хорошую траву всѣмъ благамъ администраціи, централизаціи, юстиціи, свободы печати, самоуправленія и пр., и пр., щедро предлагаемымъ имъ новымъ Положеніемъ.

Авторомъ этого курьезнаго Положенія была такъ называемая Степная комиссія, душою которой былъ полковникъ Гейнсъ. Гейнсовъ было два брата. Оба кончили курсъ въ военной академіи. О младшемъ я уже говорилъ. Старшій Гейнсъ сдѣлалъ самую разнообразную карьеру: онъ былъ правителемъ канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора, директоромъ Департамента общихъ дѣлъ въ Министерствѣ путей сообщенія, одесскимъ градоначальникомъ и казанскимъ губернаторомъ. Имѣя постоянно много долговъ, онъ окончилъ тѣмъ, что женился на очень богатой вдовѣ, но очень быстро послѣ того умеръ отъ рака еще довольно молодымъ. Несмотря на огромныя способности и разнообразную карьеру, онъ не оставилъ серьезнаго слѣда. Это былъ типъ штабнаго всезнайки, типъ нелюбимый, и не безъ основанія, въ нашей арміи. Говорилъ онъ обо всемъ хорошо, горячо и съ необыкновеннымъ апломбомъ. Онъ какъ-то спорилъ объ анатоміи. Кто-то прервалъ его, усомнившись въ авторитетѣ по такой отрасли наукъ, несвойственной генеральному штабу.—Помилуйте, я провелъ въ Миланѣ шесть лѣтъ съ скальпелемъ въ рукѣ,—невозмутимо отвѣчалъ онъ.

Онъ и написалъ Положеніе, или киргизскую конституцію, какъ ее называли въ шутку, даровавшую киргизамъ разныя отвлеченныя права въ духѣ «Esprit des lois», но лишавшую части покосовъ, отданныхъ казакамъ, и ограничивавшую свободу перекочевокъ, а для кочевниковъ трава, какъ я сказалъ, важнѣе всего.

Оренбургъ одинъ изъ самыхъ скучныхъ уголковъ земного шара. Это—городъ, въ которомъ нѣтъ гражданъ; можно ходить по Оренбургу цѣлый часъ и не встрѣтить фуражки безъ кокарды. Изрѣдка только попадается солдатка или выглянетъ въ окно какая-нибудь татарская рожа. Въ обыкновенное время на улицахъ видны киргизы съ верблюдами, но на этотъ разъ не было въ городѣ почти ни одного киргиза.

Ложно понятое новое Положеніе заставило нѣкоторую часть киргизскихъ родовъ возмутиться, а остальные, поставленные между двухъ огней, сохраняли выжидательное положеніе и старались держаться подалѣе отъ границы.

Даже оренбургскій гостиный дворъ, обыкнованно такъ оживленный, былъ совершенно пустъ и глядѣлъ уныло, а о мѣновомъ дворѣ, куда съѣзжались киргизы и туркестанскіе караваны, и говорить нечего. Уничтоженіе тамошняго округа лишило его даже присутствія чиновниковъ.

Ужъ на другой день моего пріѣзда Крыжановскій заявилъ мнѣ, что на Мангышлакъ ѣхать опасно, возстаніе въ степи разыгрывается не на шутку, гурьевскаго уѣзднаго начальника чуть ли не высѣкли. Онъ прибавилъ, что двѣ экспедиціи подъ начальствомъ генералъ-губернаторскихъ адъютантовъ идутъ въ степь для усмиренія.

— Я дамъ вамъ пока порученіе,—поѣзжайте на истоки Тобола на Новую линію, тамъ на р. Синтасты найденъ каменный уголь, а онъ намъ здѣсь крайне необходимъ. Казачье управленіе выдастъ вамъ прогоны.

ПО НОВОЙ ЛИНІИ.

XXVI.

Новою линіею называется граница между Оренбургской губерніей и Тургайскою областью, образованная въ 30-хъ годахъ рядомъ поселеній въ Киргизской степи. Ранѣе граница степи и Европейской Россіи шла гораздо западнѣе по рѣкѣ Уралу.

Сюда не заглядывали не только туристы или ученые академики, но даже губернаторы; между тѣмъ край этотъ, какъ живой образчикъ нашей чиновничьей колонизаціи, представляетъ во многихъ отношеніяхъ немало поучительнаго.

Войсковое правленіе, скупое и лѣнивое, какъ всѣ казачьи управленія, чуть не недѣлю употребило на обсужденіе и написаніе постановленія о выдачѣ мнѣ нѣсколькихъ десятковъ рублей прогоновъ и открытаго предписанія. Получивъ все это, я выѣхалъ въ степь, которая у Оренбурга гладка, какъ бильярдное сукно.

Когда я подъѣхалъ къ Орску, Уралъ еще былъ въ разливѣ, что дѣлало переправу затруднительною, но, послѣ того какъ мнѣ пришлось чрезъ Сакмару переѣзжать на паромѣ по разливу въ тридцать верстъ и ночевать посреди рѣки на бугрѣ, этотъ переѣздъ не казался уже интереснымъ.

Въ полночь ямщикъ мой спустилъ по размокшему отъ дождя откосу мою перекладную къ парому, который оказался наполненнымъ телѣгами казанскихъ татаръ, нагруженными товарами. Послышались обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ крики, угрозы и ругательства трехъэтажными словами.

Лошади подавали, наоборотъ, поучительный примѣръ терпѣнія и стоическаго хладнокровія. Давно искушенный всѣми дорожными прелестями, я пользовался остановкой и старался дремать подъ татарскій гортанный говоръ, который раздавался, напоминая крикъ галокъ.

Катаясь по своимъ служебнымъ дѣламъ уже шесть лѣтъ подърядъ изъ одного конца Россіи на почтовыхъ и земскихъ, я пріобрѣлъ замѣчательное искусство и укладывать перекладную, и спать въ ней. Желѣзная кровать въ кожаномъ чехлѣ, положенная на дно телѣги ребромъ, образовывала основаніе, на которое клался вкось вдоль по борту чемоданъ, по той же сторонѣ къ спинѣ ящика клался стальной молотокъ, безъ котораго геологъ немыслимъ, и ставился погребецъ—этотъ необходимый спутникъ путешествій на лошадяхъ, который въ это время уже съ трудомъ отыскивался въ Петербургѣ, вслѣдствіе развитія поѣздокъ по желѣзнымъ дорогамъ. Оставшуюся свободною половину перекладной я набивалъ щедро сѣномъ, покрывалъ пледомъ, клалъ въ голову кожаную подушку, покрывался пальто и спалъ великолѣпно. Одна бѣда—легко было потерять фуражку (а спать безъ нея холодно головѣ) и на каждой станціи приходилось самому заботиться о перекладкѣ вещей. Фуражку я терялъ много разъ въ путешествіяхъ и возилъ запасную. Зная рѣзкіе переходы температуры, я всегда на перекладной, даже лѣтомъ, ѣздилъ въ полушубкѣ.

Ямщикъ мой требовалъ во имя казенной надобности, чтобы паромъ былъ очищенъ, но татары справедливо возражали: «а кто, бачка, будетъ грести, вишъ какой рѣка?» Дѣйствительно, казенные перевозчики покоились гдѣ-то въ объятіяхъ Морфея, а гнать огромный паромъ при быстромъ теченіи версты двѣ нужно было по крайней мѣрѣ человѣкъ шесть гребцовъ.

Видя наше безпомощное положеніе, ямщикъ пошелъ на сдѣлку. Татары рѣшились стащить обратно съ парома по грязному откосу огромную фуру, гдѣ сидѣлъ старый купецъ-татаринъ съ нѣсколькими женами, и снять часть лошадей и замѣнить ихъ моей тройкой. Но едва уставили перекладную, какъ татары стали настаивать снова, чтобы поставить своихъ лашадей, на томъ-де основаніи, что на другомъ берегу по грязи безъ ихъ помощи вытащить возы будетъ невозможно.

Между тѣмъ и безъ того паромъ накренило на бокъ и онъ чуть не черпалъ однимъ бортомъ воду. Нечего дѣлать, пришлось согласиться на татарскій ультиматумъ. Съ немалою опасностью переплыли мы Уралъ и, приваливъ къ берегу, пришли опять въ недоумѣніе. Та сторона парома, гдѣ была моя перекладная, наклонилась къ водѣ и приходилась къ рѣкѣ: если бы стащить хоть одинъ возъ съ другой стороны на берегъ, то паромъ перевернулся бы; между тѣмъ измѣнить его направленіе противъ теченія было невозможно. Долго поспоривъ, татары рѣшились пустить своихъ лошадей вплавь и тѣмъ возстановили наконецъ равновѣсіе парома.

Вся эта возня заняла часа три, и я въѣхалъ въ Орскъ, когда уже совсѣмъ разсвѣло. Но кто считаетъ время на почтовыхъ: 37 верстъ на Уралѣ я ѣхалъ сутки, а у переправъ случалось стоять весною и осенью по двое сутокъ.

Ѣдущимъ въ Сыръ-Дарьинской линіи или изъ Ташкента, а въ особенности въ прежнее время, Орскъ казался прекраснымъ городомъ, первымъ пунктомъ европейской жизни; но для меня, двигавшагося въ степь изъ столицы, онъ показался ничтожною казачьей станицей съ непомѣрно широкими и грязными улицами.

Видъ его подобенъ тѣмъ городамъ, о которыхъ Гейне когда-то остроумно замѣтилъ, что они кажутся красивы, если смотрѣть на нихъ, оборотясь спиною.

Почтовая станція была наполнена экипажами путешественниковъ и путешественницъ, исполненныхъ тоски и отчаянія, такъ какъ пришло извѣстіе, что разорена станція близъ Карабутака и 12,000 киргизовъ двигаются на сообщеніе наше съ Ташкентомъ. Отчаяніе впрочемъ происходило не отъ страха,—о, нѣтъ,—для того была причина поважнѣе—перспектива прожить на русской станціи недѣлю, можетъ быть мѣсяцъ, и въ крайнемъ случаѣ, чтобы попасть въ Ташкентъ навѣрное, какъ выражались мѣстные остряки, ѣхать на Вѣрное, т. е. сдѣлать 2,500 верстъ крюку по тракту, гдѣ навѣрное можно было встрѣтить вдвое болѣе путешественниковъ, нежели лошадей, и въ тысячу разъ болѣе клоповъ, чѣмъ проѣзжающихъ. Какъ мало наводили киргизы страха, видно изъ того, что г-жа Идарова рѣшилась ѣхать изъ Орска въ Ташкентъ одна, безъ мужчины.

Въ городѣ, впрочемъ, было нѣкоторое волненіе, такъ какъ гарнизонъ его состоялъ изъ сотни или двухъ оренбургскихъ казаковъ, наскоро сформированныхъ. Смотритель сообщилъ мнѣ, что по телеграфу требуютъ изъ Оренбурга пушку и роту пѣхоты, которыя, по его расчету, должны были прійти недѣли черезъ три.

Отдохнувъ слегка, я отправился къ атаману отдѣла, который оказался датчаниномъ, довольно смутно понимавшимъ по-русски. На мое обстоятельное изложеніе дѣла, почесавъ парикъ, онъ сказалъ только, что «меня не пониме». Пришелъ казачій офицеръ, чуть не по складамъ прочелъ мою бумагу и началъ медленно переводить ее, должно быть, на датскій языкъ. Я махнулъ рукою и, попросивъ казачьяго урядника для посылокъ, поспѣшилъ обратно на почтовую станцію.

Объ этомъ полковникѣ, честномъ, говорятъ, человѣкѣ, мнѣ разсказывали очень много курьезовъ. Онъ далъ какому-то казаку порученіе по службѣ, а тотъ, понявъ все навыворотъ, притащилъ ему съ базара въ кабинетъ козу за рога. И такихъ дѣятелей на нашихъ окраинахъ было не мало. Случаи, возможные лишь у насъ. Можно бы представить себѣ пріемъ какого-либо Иванова или Петрова въ Берлинѣ, если бы они явились просить мѣста ландратовъ въ Нассау или Силезіи.

Дождь въ это время, преслѣдовавшій меня отъ Оренбурга, лилъ съ остервенѣніемъ; никогда не видѣлъ я подобной дождливой погоды; все время, проведенное мною въ степи, я буквально прожилъ подъ дождемъ, не зная, куда укрыться. Желая прикрыть хоть чѣмъ нибудь на перекладной свои вещи, я пошелъ купить войлокъ, за который съ меня содрали ровно вдесятеро. Въ утѣшеніе я услышалъ объясненіе такого рода, что такъ какъ за Орскомъ ничего уже купить нельзя, то здравый разсудокъ указываетъ орскимъ мошенникамъ, что они должны пользоваться необычайными выгодами своего географическаго положенія на краю образованнаго міра: кто же воспрещаетъ путешественникамъ быть предусмотрительными и запасаться всѣмъ во-время и въ своемъ мѣстѣ?

Опасаясь, что въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Орскѣ меня ограбятъ рѣшительнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать киргизы, проклиная орское корыстолюбіе, датскій языкъ, проливной дождь, а

главное уже въ Орскѣ пообѣдавъ супомъ изъ купленнаго мною на дорогу либихова бульона съ консервами, которые, несмотря на получасовую варку, оставались тверды какъ дубовая кора, что указывало на пріятную перспективу въ будущемъ, выѣхалъ я по направленію къ сѣверо-востоку по Новой линіи, идущей до Звѣриноголовской станицы.

Въ тридцатыхъ годахъ къ киргизамъ прилагалась та политика окраинъ, блестящіе результаты которой оказались въ Остзейскомъ краѣ, Финляндіи, Крыму, Нахичевани и т. д., съ тою разницею, что она проявлялась тамъ въ болѣе грубой формѣ. Старожилы помнили, какъ при губернаторѣ Эссенѣ киргизы спокойно переправлялись черезъ Уралъ, воровали скотъ, жгли казачье сѣно, а иногда самихъ казаковъ, и казачекъ уводили въ неволю, но казакамъ строго-на-строго было воспрещено переѣзжать на другой берегъ, а тѣмъ болѣе преслѣдовать похитителей; въ случаѣ же грабежа позволялось написать въ Оренбургъ за 500 верстъ почтительное донесеніе, въ отвѣтъ на которое мѣсяца черезъ три слѣдовало строжайшее предписаніе глядѣть въ оба и т. д.

Перовскій понялъ невыгоды такого унизительнаго положенія и началъ то наступательное движеніе въ степь, которое, съ легкой руки генерала Черняева, привело насъ къ подножью Гиндукуша и, по мечтаніямъ нашихъ молодыхъ стратеговъ, должно остановиться только на Индѣйскомъ океанѣ, который замѣнитъ такимъ образомъ границу по Оренбургскую губернію.

Колонизація по линіи совершалась весьма просто: сначала по картѣ провели прямую линію съ сѣверо-востока на юго-западъ и намазали съ одной стороны синей краской, съ другой желтой: вышла граница. По этой границѣ, приблизительно верстахъ въ тридцати одинъ отъ другого, на рѣчкахъ, или признакахъ таковыхъ въ балкахъ, ибо безъ воды даже русскій колонистъ жить не можетъ, поставили кружки, большіе и малые, и подписали названія, больше все французскія и шведскія, напоминавшія славные подвиги нашихъ войскъ, не соображая однако, что для казака легче было взять Фершампенаузъ и т. п., чѣмъ его выговаривать каждый день.

За колонистами дѣло не стало, волжское казачье войско было растянуто въ то время почти отъ Самары до Оренбурга и далѣе

вверхъ по р. Уралу. Имѣя въ виду, что въ тогдашней Оренбургской губерніи казакамъ воевать уже не съ кѣмъ, приказано было богатыя поселенія по Кинели и др. мѣстамъ казакамъ оставить и идти на Новую линію. Пробовали было казаки что-то потолковать о какихъ-то жалованныхъ грамотахъ Екатерины II, да потомъ раздумали и переселились спокойно.

Но долгое время мысль о бывшемъ благосостояніи ихъ не оставляла и мнѣ не разъ случалось слышать выраженіе даже отъ бабъ: «вѣдь я старо-линейская, слава Богу, видѣла на своемъ вѣку и хорошаго». Отставные солдаты и небольшое количество крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній дополнили недостающее населеніе. Такимъ образомъ скоро и просто устроена была Новая линія.

За тридцать лѣтъ обширное пространство, образующее трехугольникъ между Старой и Новой линіей, мало-по-малу устроилось и образовало около половины Оренбургской губерніи, которая сама, за отдѣленіемъ Уфимской губерніи, сократилась на половину.

По киргизскому преданію, гдѣ между елями выростетъ береза, туда непремѣнно пріѣдутъ русскіе; по словамъ казаковъ, это оправдалось и въ данномъ случаѣ. Фактъ замѣчательный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнный, что въ тридцать лѣтъ русскаго владычества измѣнились и климатъ, и даже почва новаго края, а соотвѣтственно и растительность. Первые колонисты, которыхъ было въ живыхъ очень много, кормились казеннымъ провіантомъ, ибо сожженная и растрескавшаяся степь не давала никакихъ урожаевъ. Затѣмъ климатъ сталъ дѣлаться все влажнѣе, урожаи обильнѣе, дожди замыли трещины и округлили балки, береза быстро разросталась и изъ голой степи край принялъ видъ обыкновенной губерніи Россіи въ средней малолѣсной полосѣ. Это замѣчательное превращеніе несомнѣнно доказываетъ, что трактаты нашихъ писателей о вліяніи истребленія лѣсовъ и объ увеличивающейся сухости нашего климата основаны далеко не на точныхъ данныхъ и требуютъ провѣрки.

Весь переѣздъ отъ Орска до Кумацкой станицы прошелъ въ интересныхъ разсужденіяхъ съ казакомъ, какъ было бы хорошо, если бы не было дождя. Окрестности, состоявшія преимущественно изъ солонцоватой глины, имѣли отъ дождя видъ самый печальный. Дорога была убійственная, но я видалъ на своемъ вѣку и

не такія пути сообщенія, потому не обращалъ на этотъ предметъ большого вниманія.

Къ вечеру дотащились мы до Кумацкаго; ко мнѣ подошелъ станичный и совѣтовалъ не ѣхать ночью, такъ какъ наканунѣ киргизы убили мужика. Убійство служило темою неистощимыхъ разговоровъ въ селѣ, изъ которыхъ я узналъ, что нашихъ было двое, а киргизовъ одинъ, но успокоеніе степи совершенно лишило нашихъ воинственнаго духа и находчивости, развивающихся въ постоянномъ соприкосновеніи съ опасностью.

Бабы слегка выли, казаки чесали задумчиво затылки и просили пороху, но я не могъ имъ его дать, ибо имѣлъ только къ револьверу готовые патроны. Мнѣ объяснили, что пограничные казаки получаютъ извѣстное количество пороху въ мѣсяцъ, но порохъ этотъ быстро обмѣнивается на водку, и едва ли не часть этого пороха служила киргизамъ для ихъ ружей, покупавшихся въ большомъ количествѣ на оренбургскомъ базарѣ.

Мысль о продолжительномъ существованіи на либиховскомъ бульонѣ заставила меня изъ двухъ смертей выбирать болѣе славную и спѣшить во что бы то ни стало продолжать даже ночью и съ опасностью свое путешествіе. Послѣ крупнаго разговора со станичнымъ, я убѣдилъ его отпустить мнѣ лошадей и дать конвой.

Ямщикъ съ ружьемъ за плечами, вооруженный казакъ на облучкѣ и два верховыхъ казака съ ружьями на перевѣсъ на лукѣ сѣдла, ночью при лунномъ свѣтѣ, сдѣлали насъ, конечно, пугливыми. Мы осторожно озирались по сторонамъ, глядѣли зорко вдаль и вели непрерывный разговоръ все объ убійствахъ. Дождь перестаъ, но выступилъ сильный туманъ. Впереди ничего не было видно. По счастливой привычкѣ я уже задремалъ, какъ былъ разбуженъ словами моего казака: «кажись киргизы».

Я растегнулъ кобуру своего револьвера, казакъ мой вынулъ на половину шашку изъ ноженъ, а ямщикъ положилъ къ себѣ ружье на колѣни. Въ туманѣ обрисовалась конная фигура, а вдали виднѣлась неясная группа. Конный летѣлъ къ намъ и, не доходя шаговъ десять, заоралъ: «кто идетъ!» Такъ какъ мы невольно закричали еще ранѣе то же самое, то крики наши слились и всполошили какую-то птицу изъ ближайшаго камыша.

Оказалось, что это былъ секретный разъѣздъ, на который мы нечаянно наткнулись. Объяснивъ урядзику, кто я и зачѣмъ ѣду, мы поѣхали далѣе.

Дождь снова началъ перепадать. Перекладная подъѣхала къ рѣчкѣ, на другой сторонѣ которой лежала Ново-Орская станица. На берегу парома не оказалось. Пооравъ на всѣ лады, казаки начали шарить, отыскивая перевозчиковъ. Въ какомъ-то распряженномъ возѣ въ сторонѣ отъ дороги оказалась борода, которая послѣ длинныхъ переговоровъ признала себя перевозчикомъ и начала жаловаться, что казаки, въ то время, когда онъ отлучился, угнали паромъ на другую сторону.

Онъ предлагалъ подождать утра, когда кто-нибудь съ той стороны начнетъ переправляться. Какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, дождь началъ вдругъ лить какъ изъ ведра и мой войлокъ протекать. Провести подъ такимъ дождемъ ночь было невозможно. Я требовалъ, чтобы перевозчикъ «родилъ паромъ» и предлагалъ ему переѣхать вплавь верхомъ на лошади,—способъ, нерѣдко употребляемый въ степи,—но перевозчикъ, не очень повидимому желая со сна брать ванну въ очень холодной водѣ, увѣрялъ, что воды прибыло, теченіемъ лошадь утопитъ, и предлагалъ ѣхать ночевать куда-то за семь верстъ на мельницу.

Выведенный изъ терпѣнія дождемъ, я нѣсколькими аргументами въ духѣ Петра Великаго убѣдилъ перевозчика изобрѣсти средство къ перевозу. Онъ быстро пошелъ вверхъ по рѣкѣ и, пройдя версты двѣ, противъ самой станицы началъ ревѣть благимъ матомъ. Послѣ получасового ревѣнія онъ возвратился, а черезъ часъ какія-то фигуры закопошились на другомъ берегу и я, измученный и промокшій, достигъ наконецъ возможности войти въ избу.

И въ Ново-Орской только и было разговоровъ, что о киргизахъ. Хотя сосѣдніе киргизы приняли Положеніе, но довѣрять имъ, конечно, не слѣдовало, потому казаки и не пахали въ сторону къ киргизамъ. Въ былое время на роботу нельзя было и ходить безъ оружія и за этимъ смотрѣли строго, но спокойствіе отмѣнило само собою это обыкновеніе.

Одинъ старикъ разсказалъ мнѣ по этому поводу анекдотъ: Ѣдетъ наказной атаманъ Падуровъ, видитъ казакъ коситъ, а

ружья съ нимъ и нѣтъ.—Гдѣ ружье?—Позабылъ, говоритъ.—А ѣсть сегодня не позабылъ? Дать ему двадцать нагаекъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ конвою. Конвойные казаки, хвать, позабыли дома нагайки. Нечего дѣлать, связали какъ-то вожжи, выпороли сначала виновнаго, потомъ другъ друга и поѣхали далѣе.

Блаженное время миновало и привычка носить оружіе, несвойственная русскому мужику, какимъ всегда былъ и будетъ оренбургскій казакъ, также прошла. Да и средства къ вооруженію у войска весьма малыя. Постоянная посылка сотенъ въ Ташкентъ легла тяжелымъ бременемъ на войско. Я слыхалъ, что, когда по случаю возстанія сразу начали сформировывать сотни, казаки собрались со своими ружьями по большей части плохонькаго устройства, съ тѣми самыми, съ которыми они въ кургузыхъ курткахъ и кожаныхъ киверахъ безъ козырковъ, киверахъ, примерзавшихъ ко лбу, дѣлали нѣкогда въ 30-хъ годахъ страшныя по испытаніямъ экспедиціи въ Хиву и къ Аральскому морю.

Ружья были признаны негодными, и ихъ было приказано оставить дома, съ каждаго же казака вычли извѣстную сумму на пріобрѣтеніе новыхъ, но не прошло мѣсяца, какъ и старыя ружья были снова потребованы на службу; такимъ образомъ населеніе, оставшееся въ станицахъ, лишилось почти всякихъ средствъ защиты.

На разсвѣтѣ выѣхалъ я изъ Ново-Орской по направленію къ редуту № 2, бывшему Императорскому укрѣпленію. По всей линіи часто встрѣчаются редуты; это небольшіе четырехугольные валы со рвомъ глубиною аршина въ два и деревяннымъ зданіемъ внутри. Таковы твердыни, гдѣ десятокъ казаковъ можетъ долго обороняться отъ сотенъ и тысячъ киргизовъ.

Впрочемъ, если киргизы не воинственны и подвиги свои ограничиваютъ мелкимъ воровствомъ, то во многихъ другихъ отношеніяхъ они заслуживаютъ вниманія. Лучше всего сравнить ихъ для этого съ башкирами, народомъ вымирающимъ и неспособнымъ къ прогрессу, тогда какъ киргизы смышлены, дѣятельны и даже къ наукѣ проявляютъ извѣстную склонность. Они безъ особаго труда усваиваютъ себѣ и русскій языкъ. Не нужно, однако, преувеличивать успѣхи ихъ по этой части. Горный инженеръ Порѣцкій, потерявъ открытый листъ при поѣздкѣ, приложилъ сур-

гучную печать къ объявленію фортепіанной фабрики Лихтенталя и благодаря подобному документу былъ вездѣ принятъ въ степи съ почетомъ и получалъ свободно лошадей [1]).

Киргизскіе ямщики какъ будто понимали меня по-русски, но едва ли не дѣлали это для шика. Разговаривать съ ними было трудно. Ѣдешь два, три часа, степи конца нѣтъ.—А далеко? спрашиваешь киргиза.—А далеко, отвѣчаетъ онъ.—Да сколько верстъ?—Верстъ двадцать еще... Ѣдемъ опять часъ.—А что, близко уже?—А близко.—А сколько верстъ?—А верстъ... тридцать.—Да какъ же, чортъ тебя возьми, часъ назадъ было только двадцать!

Киргизъ, выпуча глаза, ничего не отвѣчаетъ, русскій лексиконъ его исчерпанъ.

Въ своемъ кочевомъ быту киргизы, какъ всѣ кочевники, толковы и очень находчивы. Если они ночью сбиваются съ пути, то быстро оріентируются по звѣздамъ, если же ночь темная, какъ говориться «зги не видать», то и тутъ киргизъ не потеряется: онъ мочитъ слюною кончикъ носа и медленно повертывается кругомъ по всѣмъ румбамъ компаса. Гдѣ ему кажется, что носу его холоднѣе, тамъ онъ опредѣляетъ вѣтеръ, а такъ какъ въ степи изъ десяти дней девять дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ, то вотъ уже въ головѣ киргиза является возможность оріентироваться. Сообразно съ этимъ инстинктивно найденнымъ румбомъ онъ опредѣляетъ направленія на сѣверъ, югъ, востокъ, словомъ куда ему нужно ѣхать [2]).

Киргизы знаютъ также пользу хинина отъ лихорадки; меня въ нѣсколькихъ мѣстахъ просили они дать хинина, котораго, къ счастью, я взялъ съ собою въ достаточномъ запасѣ.

Къ сожалѣнію, насаждать высшую цивилизацію въ степи очень мало дѣятелей. Войдя въ избу на станціи, гдѣ перепрягали

[1]) Впрочемъ, по этой части и русскіе въ это время не далеко ушли отъ киргизовъ.

[2]) Во время ужасной по снѣгамъ зимы 1880 г., разорившей всю степь, киргизенокъ Внутренней орды, лѣтъ 8 или 9, прошелъ по снѣгу не менѣе сотни верстъ до казачьяго поселка на Волгѣ и принесъ на спинѣ полузамерзшую свою малолѣтнюю сестру. Какова сметка и сила воли!

лошадей, я нашелъ какъ-то лежащаго на печи человѣка въ офицерской формѣ и трясущагося какъ въ лихорадкѣ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ только мычаніемъ, показывая всѣ признаки жестокаго алкоголизма, разслабленія отъ припадка delirium'a tremens. Такихъ субъектовъ я встрѣчалъ потомъ въ дорогѣ нѣсколько, а это и была интеллигенція края! Этимъ-то отчасти и оправдывалась посылка сюда на службу иностранцевъ.

Дорога все шла совершенною пустынею, ровною и гладкою, кое-гдѣ только встрѣчались заброшенные шурфы золотоискателей, такъ какъ золотоносная формація Урала уходитъ далеко въ степь, содержаніе золота въ розсыпяхъ однако бѣднѣетъ по направленію къ югу отъ Качкара.

За бывшимъ Елизаветинскимъ укрѣпленіемъ новая бѣда. Обыкновенно сухой логъ или балка отъ проливнаго дождя обратился въ бурный и глубокій потокъ, цѣлую рѣку. Случай въ степи не рѣдкій. Для переправы стали искать лодку, а пока не нашли, предлагали переправиться по киргизскому способу. Двухъ верблюдовъ вводятъ въ воду, они въ водѣ ложатся бокомъ, ихъ связываютъ мордами и ногами, на выдающихся изъ воды горбахъ кладутъ доску, на эту доску ставятъ вашъ чемоданъ. Извольте садиться, поджавъ ноги, такъ какъ вода захлестываетъ васъ по поясъ, и переправляться съ Богомъ.

Мнѣ этого удовольствія не довелось испытать, но переправа была не многимъ лучше. Сыскали какую-то душегубку, всю разсохшуюся. Наскоро замазали щели глиною съ коровьимъ пометомъ, посадили меня съ вещами и, толкая шестами въ дно, повезли. На полдорогѣ лодку на половину уже залило водою, пледъ мой поплылъ по рѣкѣ, съ трудомъ его поймалъ шестомъ казакъ, чемоданъ также всплылъ. Думать просохнуть на берегу было нечего, дождь лилъ какъ изъ ведра. Обогрѣться и поправиться пришлось уже въ укрѣпленіи Наслѣдника, довольно большой станицѣ на р. Берсаутѣ.

Отсюда я уже, въ сторону отъ почтовой дороги, долженъ былъ ѣхать въ поселокъ Бредовскій—конечную цѣль моего путешествія.

Не успѣлъ я разложиться въ отведенной мнѣ тамъ избѣ, какъ вошелъ молодой попикъ и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ спросилъ

безъ церемоніи, нѣтъ ли у меня рома? Выпивъ немного, попъ разговорился и затѣмъ не покидалъ меня почти все время моего пребыванія въ Бредовѣ, усиленно прикладываясь къ привезеннымъ мною скуднымъ запасамъ напитковъ.

— Онъ у насъ чудной, говорили мнѣ казаки.

Человѣкъ это былъ неглупый, веселый и бойкій, но, овдовѣвъ еще молодымъ человѣкомъ и скучая въ одиночествѣ среди невѣжественнаго населенія, онъ предался тому пороку, который сгубилъ тысячи ему подобныхъ. Говорилъ онъ безъ конца густымъ басомъ.—«Насъ семинаристовъ потому и называетъ народъ «жеребячьею породою», замѣтилъ онъ добродушно, что еще на партахъ вырабатываютъ у насъ такіе басы.—Вотъ я пью, а курить не курю, потому что еще въ Апокалипсисѣ сказано: «явится корень-сырь и многіе соблазнятся». Корень-то этотъ и есть табакъ.

Онъ приглашалъ меня и къ себѣ въ свой скромный домикъ, гдѣ опять кромѣ водки я почти ничего не нашелъ. Тамъ показалъ мнѣ онъ книжку въ кожаномъ переплетѣ; это выдаваемая консисторіей книга для веденія лѣтописи. Идея сама по себѣ прекрасная, но и для такого несложнаго дѣла требуется охота. Никакихъ записей, кромѣ какъ о погодѣ, я въ лѣтописи не нашелъ. Да и эти записи имѣли бы цѣну, если бы велись аккуратно.

На другой же день по пріѣздѣ я отправился къ тому мѣсту, гдѣ по указанію Меглицкаго и Антипова[1]) въ ихъ книгѣ о геологіи Южнаго Урала замѣчались выходы каменоугольныхъ песчаниковъ. Ничего новаго противъ описанія этихъ двухъ дѣльныхъ горныхъ инженеровъ я не нашелъ и сразу увидѣлъ, что моя поѣздка напрасна. Я передалъ, вернувшись домой, свои сожалѣнія моему попу.

— Ну, а я знаю, гдѣ тутъ уголь, и покажу его вамъ,—сказалъ онъ спокойно.

---

[1]) А. И. Антиповъ здравствуетъ и понынѣ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, а Меглицкій умеръ еще въ 50-хъ годахъ послѣ тяжелой экспедиціи въ Якутской области. Это былъ замѣчательный человѣкъ и инженеръ. Сынъ русскаго попа въ Вѣнѣ, также человѣка выдающагося, Меглицкій получилъ превосходное домашнее воспитаніе и по-нѣмецки писалъ и говорилъ такъ же хорошо, какъ и по-русски. Преждевременная смерть его была большою потерею для горнаго вѣдомства.

Я обрадовался и, конечно, предложилъ ѣхать поскорѣе. Попъ отправился къ себѣ и вернулся со своей таратайкой уже на второмъ взводѣ; онъ не поѣхалъ, а помчался и завезъ меня въ какое-то болото.

— Да это болото, гдѣ же тутъ каменный уголь?—спросилъ я.

— Вотъ тутъ-то уголь и долженъ быть навѣрное, ибо въ Писаніи сказано, что прежде все было «добро зѣло», а такъ какъ тутъ болото и мерзость запустѣнія, то ранѣе значитъ здѣсь было что-либо хорошее, навѣрное уголь.

Я только руками развелъ отъ такихъ геологическихъ соображеній.

Несмотря на содѣйствіе попа, жить въ казачьей станицѣ было несносно, особенно за недостаткомъ пищи. Все привезенное изъ Оренбурга я скоро съѣлъ, а на мѣстѣ кромѣ яицъ и молока ничего не было, да если бы что и нашлось, то все равно никто бы не съумѣлъ приготовить. Объ отрицательныхъ достоинствахъ либихова бульона и овощей въ консервахъ я уже говорилъ выше.

Убѣдившись послѣ нѣсколькихъ дней напрасныхъ разъѣздовъ и осмотровъ, что мое дальнѣйшее пребываніе въ Бредовѣ безполезно, и торопясь ѣхать на Мангышлакъ, я рѣшился, хотя и съ пустыми руками, вернуться въ Оренбургъ. Поѣздка совершилась по прежнему маршруту и подъ такимъ же проливнымъ дождемъ. Дождь буквально сводилъ меня съума, наполняя мою перекладную водою и подмачивая вещи. Никогда я не видалъ ничего подобнаго. Лей подлецъ, лей! Съ утра свѣтило солнце, небо было голубое, но въ зенитѣ стояла тучка и поливала меня усердно, какъ будто двигаясь въ томъ же направленіи, что и мой экипажъ. Просто хоть съума сходи! Остановиться тоже не было расчета: на станціяхъ кромѣ клоповъ и таракановъ ничего нѣтъ, даже поѣсть нечего.

— Какая у насъ ѣда?—съ изумленіемъ отвѣчали мнѣ на вопросъ, нѣтъ ли чего пообѣдать? — Да вѣдь вы ѣдите же что-нибудь? — спрашивалъ я. — Какая у насъ ѣда, такъ, мнемъ маненько. И дѣйствительно, кромѣ жидкихъ щей изъ синеватой полупротухшей солонины ничего на находилось.

Кто не ѣздилъ внѣ почтовыхъ трактовъ по Россіи, понятія не имѣетъ о бѣдности и плохомъ питаніи нашего простолюдина.

ЧЕРЕЗЪ КАВКАЗЪ.

XXVII.

Оренбургъ по возвращеніи показался мнѣ чуть не земнымъ раемъ.

Года два послѣ этой поѣздки, читая какую-то книжку, изданную въ Оренбургѣ, я нашелъ объясненіе причинъ, вызвавшихъ мою прогулку въ степь. Въ 50-хъ годахъ для Аральской флотиліи донской антрацитъ возили черезъ степь на верблюдахъ. Кусокъ антрацита принесъ къ себѣ въ станицу Бредовскую какой-то казакъ. Происхожденіе куска мало-по-малу забылось и поэтому, когда одинъ изъ проѣзжихъ офицеровъ или чиновниковъ доставилъ означенный штуфъ въ Оренбургъ, то возникли предположенія, что уголь взятъ изъ какого-нибудь мѣсторожденія, извѣстнаго мѣстному населенію, но тщательно скрываемаго отъ начальства.

Крыжановскій выслушалъ мой докладъ и рѣшилъ, что развѣдокъ дѣлать не стоитъ. Полученныя же имъ извѣстія о продолжающемся возстаніи среди киргизовъ-адаевцевъ заставили его рѣшительно отложить до слѣдующаго года мою поѣздку и на Мангышлакъ, куда онъ хотѣлъ отправить одновременно со мною состоявшаго при немъ горн. инж. Пузанова.

Подвиги отрядовъ, посланныхъ подъ начальствомъ разныхъ адъютантовъ для усмиренія, состояли въ отбитіи барановъ. Это говорятъ, лучшее средство для усмиренія, такъ какъ въ степи трудно даже повѣсить виновнаго.

Если въ Новороссійской степи одинъ полковой командиръ жаловался, что тамъ нѣтъ «природы», ибо человѣка нечѣмъ высѣчь, то въ Киргизской степи еще менѣе «природы», и чтобы повѣсить киргиза бунтовщика, приходилось усмирителямъ возстанія подымать кверху оглобли телѣги!

Я не хотѣлъ возвращаться въ Петербургъ и рѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ Фалькенгагена, а заодно посѣтить моего брата, бывшаго тогда членомъ окружнаго суда въ Кутаисѣ.

Мы выѣхали съ Пузановымъ. Послѣдній, служившій долго на Алтаѣ, когда тамъ, если вѣрить легендѣ, начальницы посылали мыть бѣлье въ Лондонъ, былъ большой сибаритъ. Онъ ѣхалъ не торопясь, съ полнымъ комфортомъ, возилъ съ собою прекрасныя вина и по дорогѣ показывалъ мнѣ приготовленіе нѣкоторыхъ гастрономическихъ блюдъ. Въ Самарѣ мы разстались: Пузановъ поѣхалъ къ себѣ въ имѣніе въ Курскую губернію, а я остался ожидать парохода, шедшаго сверху.

Пароходъ запоздалъ и мнѣ три дня пришлось прожить на пароходной баржѣ-пристани общества «Кавказъ и Меркурій», весьма пріятно: въ рубкѣ было свѣжо, а Струковскій садъ съ рестораномъ и клубомъ рукой подать. Кормы тогда на Волгѣ были отличные и дешевые.

Въ Астрахани, въ гостинницѣ, я встрѣтилъ горн. инж. Дорошина, о которомъ упоминалъ уже въ мою первую поѣздку на Уралъ, перешедшаго на службу въ морское министерство. Онъ былъ также посланъ на Мангышлакъ на средства общества «Кавказъ и Меркурій» и не обращая вниманія на предостереженія оренбургской очень мало освѣдомленной администраціи, поѣхалъ и сдѣлалъ развѣдки бураго угля, до сихъ поръ, впрочемъ, никѣмъ не утилизированнаго вслѣдствіе появленія отопленія пароходовъ нефтяными остатками.

Въ Астрахани же я нашелъ своего двоюроднаго брата Сезеневскаго, назначеннаго членомъ соединенныхъ палатъ. Это былъ моментъ введенія судебной реформы и, какъ всегда у насъ бываетъ, на каждую вакансію было десять желающихъ, а назначенія дѣлались исключительно по кумовству и знакомству. Лучшія мѣста позахватывали себѣ правовѣды, а затѣмъ остальныя распредѣлялись по усмотрѣнію правителя канцеляріи министра юстиціи.

Механику этихъ распредѣленій я видѣлъ близко, такъ какъ мой старшій братъ, служившій до того въ Одессѣ у Коцебу, жилъ у меня въ квартирѣ въ домѣ Тришо зиму 1867—1868 гг. въ ожиданіи мѣста по судебной части, которое получилъ только на Кавказѣ, и то благодаря своему пріятелю-правовѣду А. Юферову, знавшему сенатора Старицкаго.

Въ этой же квартирѣ во время пребыванія брата я какъ-то заболѣлъ острымъ воспаленіемъ кишекъ. Дура горничная сказала моему испугавшемуся брату, что докторъ имѣется у насъ же въ квартирѣ.

Явился какой-то старый еврей, который сталъ меня лечить, и я скоро выздоровѣлъ. Еврей оказался вовсе не врачомъ, а дантистомъ съ золотыхъ промысловъ въ Сибири Трахтенбергомъ! Онъ среди разныхъ постукиваній сообщилъ мнѣ, что имѣетъ двухъ дочерей, которыхъ желалъ бы выкрестить, чтобы выдать замужъ за русскихъ [1]).

Это былъ тотъ самый Трахтенбергъ, который судился потомъ вмѣстѣ съ игуменьей Митрофаніей, въ квартирѣ которой онъ, какъ выяснилось на судѣ, надѣвъ монашескій клобукъ, танцовалъ канканъ съ сестрой Валеріей! Митрофанія и окрестила дочерей танцора-дантиста, по суду оправданнаго.

Я его потомъ долго встрѣчалъ въ Петербургѣ и за границей, всегда, несмотря на свои годы (онъ учился еще въ Виленскомъ университетѣ), жизнерадостнаго и желавшаго помогать всѣмъ и каждому. Въ этомъ усердіи онъ участвовалъ въ крещеніи еще одной своей единовѣрки, которая потомъ играла не малую роль въ петербургскомъ административномъ мірѣ.

Астрахань и плаваніе въ устьяхъ Волги и по Каспійскому морю я описывалъ уже въ «Спб. Вѣдомостяхъ» въ 1874 г. (см. мою книгу «Путевыя впечатлѣнія по Кавказу, Турціи, сербскимъ землямъ и пр.», 2-е изд. 1885 г.). Впечатлѣнія 1869 г. въ этихъ мѣстахъ противъ 1874 г. разницы не представляли; я даже ѣхалъ по морю на томъ же сквернѣйшемъ пароходѣ «Великій Князь Ми-

[1]) На этотъ счетъ прославился въ это же время въ Одессѣ одинъ зубной врачъ: онъ имѣлъ цѣлый рядъ красавицъ дочерей, которыхъ по очереди крестилъ въ ту вѣру, въ которой оказывались отысканные ими женихи.

хаилъ», которымъ командовалъ тотъ же милѣйшій капитанъ Тавастшіерна. Вотъ былъ человѣкъ, не боявшійся сквозного вѣтра: онъ даже ночью спалъ, высунувъ голову въ иллюминаторъ! Старые моряки всѣ, впрочемъ, сквозного вѣтра не боялись, ибо таковаго нѣтъ на румбахъ компаса.

Петровскъ оказался ничтожнымъ городишкомъ: съ прекращеніемъ Кавказской войны онъ скоро упалъ. Фалькенгагенъ строилъ здѣсь портъ, на который такъ было мало отпущено денегъ, что портъ сталъ быстро заноситься иломъ, и при постройкѣ желѣзной дороги его пришлось перестраивать.

Фалькенгагенъ, котораго потомъ многіе знали и въ Петербургѣ и на войнѣ 1877 г., былъ очень предпріимчивый и образованный человѣкъ, остроумный и веселый, при этомъ большой картежникъ. Онъ много путешествовалъ. Въ Петровскѣ занималъ, конечно, лучшій домъ въ городѣ, на бульварѣ, по которому бродили свиньи. Отъ нечего дѣлать Фалькенгагенъ бралъ иногда ружье и съ своего балкона убивалъ свинью, изъ-за чего имѣлъ даже процессъ съ такимъ-то попомъ, не удовлетворившимся денежнымъ вознагражденіемъ.

На мою бѣду я вскорѣ послѣ пріѣзда схватилъ перемежающуюся лихорадку и пролежалъ съ недѣлю въ постели, глотая огромные кавказскіе пріемы хинина. Доктора совѣтовали мнѣ поскорѣе уѣхать. Мнѣ выписали казенную подорожную и я направился черезъ Дагестанъ по Кавказской линіи. Я былъ еще такъ слабъ, что со мною на одной станціи, кажется Шелкозаводской, произошелъ странный случай. Я проспалъ почти двадцать часовъ и, проснувшись уже послѣ захода солнца, рѣшительно нѣсколько минутъ не могъ сообразить, гдѣ я и что со мною дѣлается?

Дорога отъ самаго перевала черезъ Табасаранскія горы и до Владикавказа была живописна и полна историческихъ воспоминаній о долголѣтней войнѣ съ горцами, послѣдній періодъ которой, наиболѣе драматическій, былъ свѣжъ въ моей памяти. Я посѣтилъ и Чиръ-Юртъ, штабъ-квартиру знаменитаго храбростью Нижегородскаго драгунскаго полка, и Хасавъ-Юртъ, и станицу Червленную, славившуюся издавна красотою своихъ женщинъ—помѣсью гребенскихъ казаковъ съ чеченскими плѣнницами.

Населеніе на Кавказѣ вообще красиво, живописно одѣто и вооружено. Можно себѣ представить комическое впечатлѣніе, которое произвело появленіе первыхъ нашихъ чиновниковъ въ вицъ-мундирахъ съ фалдами, въ треуголкахъ и съ болтающимися у бока шпажками.

Дорога, состоявшая изъ естественнаго шоссе, была довольно хороша. Здѣсь не было риска, какъ въ черноземныхъ мѣстностяхъ, получать во время дождя отъ колесъ безъ крыльевъ огромные шлепки грязи, которые залѣпляютъ вамъ лицо. Вездѣ также на Кавказѣ на станціяхъ можно было достать поѣсть и выпить, тогда какъ въ Россіи, особенно сѣверной, въ пути буквально приходилось помирать съ голоду. Зато путь былъ и тогда не совсѣмъ безопасенъ; мнѣ въ Грозномъ совѣтовали даже не выѣзжать ночью, на что я не обратилъ вниманія и спокойно спалъ въ перекладной, разбуживаемый иногда криками: «Хабарда!» при встрѣчахъ со скрипучами арбами съ несмазанными колесами. Впрочемъ и днемъ при проѣздѣ черезъ аулы мальчуганы швыряли въ мой экипажъ камнями и стрѣляли изъ луковъ.

Владикавказъ я засталъ въ большомъ оживленіи, даже волненіи: много молодыхъ горцевъ на отличныхъ коняхъ гарцовали по улицамъ, собирались въ кучи и о чемъ-то горячо спорили. Это, оказалось, сынъ Шамиля, добродушный полковникъ, ежедневный посѣтитель Художественнаго клуба, выбиралъ охотниковъ служить въ Конвоѣ.

Нынѣ не существующіе грузинскій и горскій эскадроны Конвоя были когда-то очень популярнымъ въ Петербургѣ учрежденіемъ. Сколько остроумныхъ анекдотовъ ходило объ этихъ полудикихъ, но въ существѣ добродушнѣйшихъ и честныхъ уроженцахъ горъ, тщетно изучавшихъ способы танцовать мазурку и польку въ тактъ въ ожиданіи производства въ прапорщики милиціи. Конечно, содержаніе красивыхъ молодцовъ стоило не дешево, но, вѣроятно, еще дороже обходится теперь поимка тѣхъ изъ нихъ, которые, вмѣсто танцованія кадрилей въ Благородномъ собраніи, грабятъ почты на большихъ дорогахъ.

Во Владикавказѣ я остановился, чтобы прожить нѣкоторое время съ Баевымъ, осетиномъ, кадетомъ Дворянскаго полка, ходившимъ въ отпускъ къ Селяниновой. Впослѣдствіи Баевъ, уже

генераломъ, пріобрѣлъ извѣстность по устройству таможенной охраны на афгано-бухарской границѣ. Въ то время онъ былъ въ штабѣ начальника Терской области. Послѣдняя была только-что организована Лорисъ-Меликовымъ, отрѣзавшимъ для этой области всѣ уѣздные города отъ сосѣдней Ставропольской губерніи. Терской области мирволили потому, что тамъ были жалованныя земли разныхъ вліятельныхъ лицъ. У насъ и для губерній бываетъ своего рода старшинство: нѣкоторыя изъ нихъ такъ и зовутся чиновниками лейбъ-губерніями.

Управленіе будущаго диктатора было въ свое время исключеніемъ на Кавказѣ, гдѣ злоупотребленія начались съ момента вступленія русскихъ въ Грузію. Одинъ изъ предмѣстниковъ Лорисъ-Меликова имѣлъ такія своеобразныя понятія о казенной собственности, что, отчисленный отъ должности начальника, безъ церемоніи приказалъ перевезти изъ казеннаго дома мебель въ свою частную квартиру. Смотритель дома прибѣжалъ и говоритъ:

— Ваше-ство, вещи вѣдь казенныя, имъ и опись имѣется.

— Такъ ты ихъ мнѣ, братецъ, съ описью и пришли,—спокойно замѣтилъ генералъ.

Графъ Лорисъ-Меликовъ разсказывалъ мнѣ какъ-то, что, когда въ 1837 г. Николай I пріѣхалъ въ Эривань, то его встрѣтила толпа армянъ, держа на длинной палкѣ живого, совершенно общипаннаго гуся.

— Что это такое?—спросилъ государь.

— Это, ваше величество, мѣстный обычай,—отвѣтилъ губернаторъ.

Но государь не убѣдился объясненіемъ и послалъ флигель-адъютанта разспросить, въ чемъ дѣло? Оказалось, что остроумные армяне хотѣли показать царю, что они, какъ ихъ гусь, хотя живы, но общипаны полиціей до-чиста.

Еще изъ кавказскаго остроумія. Грузины любятъ прибавлять въ разговорѣ слова въ риѳму. Одинъ крестьянинъ жаловался уѣздному натальнику, что у него сосѣдъ самовольно взялъ барана-марана, курицу-мурицу и т. д. Полицейскій разсудилъ, позвалъ виновнаго и говоритъ:

— Я возьму себѣ барана, а ты отдашь ему марана, я беру себѣ курицу, а ты отдай ему мурицу.

Крестьянинъ не прибѣгалъ болѣе къ такому Соломонову суду.

На Кавказѣ губернаторы жаждутъ попасть въ края наиболѣе дикіе, потому что тамъ легче распоряжаться большими земскими суммами.

Елисаветпольскій губернаторъ князь X очень желалъ попасть на мѣсто начальника Дагестанской области, занятое княземъ Z. Послѣдній какъ-то сильно захворалъ. Князь X прислалъ любезную депешу справиться о здоровьѣ. Князь Z разсердился и сказалъ своему правителю канцеляріи: отвѣчай: «Здоровье мое не такъ хорошо, какъ мнѣ желательно, но и не такъ худо, какъ хотѣлось бы вашему превосходительству»...

Владикавказъ былъ полонъ воспоминаній о гр. Евдокимовѣ, который собственно и былъ дѣйствительнымъ «покровителемъ» и «умиротворителемъ» Кавказа. Этотъ замѣчательный человѣкъ выслужился изъ писарей.

Шоссе, построенное при кн. Воронцовѣ черезъ главный хребетъ, поддерживалось въ порядкѣ путейцами, но большія станціи, выстроенныя при кн. Барятинскомъ, были уже грязны и запущены.

Такъ какъ я не видѣлъ еще ни Швейцаріи, ни Тироля, то Военно-Грузинская дорога произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, особенно спускъ къ Пасанауру послѣ ужасовъ Дантова ада у Гудаура въ красивую долину Арагвы. Но очарованіе Грузіей было нарушено заявленіемъ въ Мцхетѣ, послѣдней станціи подъ Тифлисомъ, что лошадей нѣтъ, и когда будутъ—неизвѣстно.

Почтовая гоньба на Кавказѣ, стоившая правительству большихъ денегъ, вслѣдствіе взяточничества чиновниковъ, была чѣмъ-то невозможнымъ. Несмотря на казенную подорожную, я прожилъ въ Мцхетѣ три дня и три ночи, вѣрнѣе пролежалъ ихъ на полу станціи на своемъ пальто, подложивъ подъ голову дорожную кожаную подушку. Неудивительно, что иногда проѣзжавшіе въ отчаяніи схватывали пистолеты и начинали стрѣлять въ смотрителя, ямщиковъ и т. т. проѣзжающихъ по разнымъ надобностямъ.

Со мною этого не случилось, но когда появились наконецъ лошади, то я, чтобы опять не сидѣть на обратномъ пути три дня въ Мцхетѣ, рѣшилъ въ Тифлисъ, которымъ я издали такъ любовался въ большой, правда, компаніи, не ѣхать, а направиться прямо въ Кутаисъ по Военно-Имеретинской дорогѣ.

Поѣздка черезъ Сурамскій перевалъ по этой дорогѣ, до сооруженія здѣсь Поуэромъ и К° рельсоваго пути, была однимъ изъ интереснѣйшихъ путешествій. И въ моей жизни я мало видѣлъ болѣе красивыхъ мѣстъ. Если мнѣ потомъ когда-либо снилось, что я въ раю, то представлялись именно виды этого чуднаго пути. Поэзію отравлялъ только запахъ черемши, дикаго чеснока, которымъ насквозь были проникнуты везшіе меня ямщики. Это была ложка дегтя, неизбѣжная въ жизни въ бочкѣ меда.

Я ѣхалъ на Гори, уѣздъ котораго наполненъ князьями Эристовыми, и на Квирилы, которыя теперь пріобрѣли извѣстность по открывшимся неподалеку громаднѣйшимъ мѣсторожденіямъ марганцевой руды, о міровомъ значеніи которой тогда никто не подозрѣвалъ и изъ ученыхъ.

Когда я переѣзжалъ верхнюю точку Сурамскаго перевала, разразилась страшная буря съ грозою. Перекладную мою просто заливало водою; я распустилъ зонтикъ, подъ которымъ мнѣ вдругъ начало грезиться, что желѣзный наконечникъ его, какъ высшая точка, долженъ привлечь электричество!

Наконецъ я добрался до станціи, гдѣ, хотя совершенно измученный, плохо спалъ, чувствуя какую-то необыкновенную свѣжесть. Къ утру оказалось, что окна на станціи были заперты, но въ окнахъ не было стеколъ, вставлять которыя никто и не помышлялъ. Чтобы согрѣться, я надѣлъ свой романовскій полушубокъ и такъ и въѣхалъ въ полдень въ Кутаисъ, несмотря на то, что солнечный жаръ въ іюлѣ достигалъ сорока градусовъ. Мѣстные жители моему костюму не должны были удивляться: они косятъ и жнутъ въ теплыхъ буркахъ и мѣховыхъ папахахъ. Головной уборъ, впрочемъ, у имеретинъ довольно легкій, иногда просто какая-то ватрушка поверхъ длинныхъ вьющихся волосъ.

КУТАИСЪ.

XXVIII.

Тихій и скромный Кутаисъ представлялъ удивительное для русскаго города зрѣлище. Извѣстно, что въ нашихъ губернскихъ городахъ общество всегда очень разрознено, дѣлится на партіи, своего рода гвельфовъ и гибелиновъ, неистово сплетничающихъ другъ на друга и примиряющихся временно только за картами. Здѣсь же все общество, и русское и грузинское, было въ мирѣ и единеніи. Вообще въ это время на Кавказѣ — плодъ политики кн. Воронцова — происходило сближеніе между народностями. Только съ 1870 г., подъ вліяніемъ заграничной революціонной печати, грузины стали рѣже поступать на русскую службу, а армяне возмечтали объ автономіи.

Да и какъ, казалось, не жить въ дружбѣ въ такомъ прекрасномъ климатѣ, среди чудной природы и роскошныхъ садовъ; фрукты, провизія и вино были нипочемъ. Фабрики и заводы не портили пейзажа. «Цивилизація» только коснулась края и выражалась пока въ оборвавшемся цѣпномъ мосту черезъ Ріонъ. Всѣ цѣпные мосты на Кавказѣ вообще почему-то обрывались. Экипажей было мало и даже на балы мѣстныя княжны пріѣзжали верхомъ à califourchon.

Красивѣйшія женщины въ этомъ краѣ не имеретинки, а мингрелки. Но мингрельцы, какъ и сосѣдніе абхазцы, народъ еще мало культурный. Имеретины цивилизованнѣе ихъ, но въ нравственномъ отношеніи и въ храбрости уступаютъ чистымъ грузинамъ.

Общество группировалось около начальника губерніи. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ кн. Церетели, добродушный толстый свитскій генералъ; первою красавицею въ городѣ была тоже Церетели, княжна Нина. Красавицъ было не мало, лучшія собрались въ живыхъ картинахъ изъ «Демона», поставленныхъ при проѣздѣ Александра II; въ каждой картинѣ Тамары мѣнялись, но Демонъ былъ одинъ — удивительной мужественной красоты гуріецъ.

Мѣстная аристократія, хотя и не богатая, жила какъ феодалы, окруженная собственными дворянами, такъ называемыми азнаурами, нѣчто похожее на то, что была въ старой Польшѣ «шляхта кишенкова». Во главѣ дворянства стояла Дадіанъ, бывшая владѣтельная княгиня Мингреліи; она жила у себя въ Зугдидахъ; тамъ же проживалъ, скучая о Парижѣ, ея зять, принцъ Мюратъ, частенько наѣзжавшій въ Кутаисъ. Среди дворянства особенно распространено было имя Гиго (Григорій). Этихъ Гиго остряки называли Gigots de mouton. Множество фамилій было на дзе: опять кутаисскіе остряки указывали среди нихъ не мало извѣстностей, въ родѣ Конокрадзе, Взяткоберидзе и т. п.

Въ русскомъ обществѣ было много очень милыхъ людей. Правителемъ губернаторской канцеляріи былъ Малафѣевъ, впослѣдствіи добродушнѣйшій кутаисскій губернаторъ. Штабомъ отряда, который долженъ былъ покорить Вольную Сванетію, завѣдывалъ только-что окончившій военную академію Малама, нынѣ помощникъ намѣстника кавказскаго. Хотя гусаръ, Малама имѣлъ видъ скромной застѣнчивой барышни. Напротивъ, полковникъ Игельштромъ, командовавшій конно-иррегулярнымъ полкомъ, изображалъ типъ лихого кавказца.

Въ судебномъ мірѣ общимъ расположеніемъ пользовались Кузьминскій, нынѣ сенаторъ, а тогда прокуроръ кутаисскаго окружнаго суда, и пріятель моего брата членъ суда Райко, одесситъ, сынъ представителя Россіи въ странѣ греческихъ повстанцевъ 1821—28 гг. Жена его француженка, также одесситка, была очень любезною и гостепріимною хозяйкой. Въ ихъ домѣ я и останавливался. Въ числѣ кандидатовъ на судебныя должности былъ молодой веселый нѣмецъ бар. Розенъ, нынѣ посолъ въ Вашингтонѣ и бывшій уполномоченный по заключенію злополучнаго мира.

Начальникъ мѣстнаго батальона старикъ Рубанъ-Тимченко имѣлъ нѣсколько дочерей, очень бойкихъ и образованныхъ, которыя собирали мѣстное общество. Ежедневно въ этомъ семействѣ жарилось къ ужину «на всякій случай» десятка полтора цыплятъ. Военный инженеръ подполковникъ Доленца-Ленчевскій также былъ очень умный и остроумный человѣкъ; жена его, туземка, но по воспитанію русская, ознакомила меня со всѣми тайнами армянской и грузинской кухни, оригинальной и очень вкусной.

Путейцевъ представляли Статковскій, Зубовъ, Лялинъ, Туловскій. Первый, весьма ученый инженеръ, основательно разработалъ въ свое время проектъ желѣзной дороги черезъ главный Кавказскій перевалъ, донынѣ, къ сожалѣнію, неосуществленный, и занимался также много климатологіею Кавказа. Жена его была, вмѣстѣ съ Топольской, въ числѣ мѣстныхъ красавицъ. Самъ Топольскій, отставной совѣтникъ губернскаго правленія, щеголялъ тонкимъ знаніемъ французскаго языка; Imparfait du Subjonctif не имѣли для него тайнъ: Quand vous passate nous bumes — говорилъ онъ, напримѣръ. Жена Зубова была также красива, но имѣла, кажется, восемь дѣтей. Когда она гуляла съ ними по улицамъ Кутаиса, то издали казалось, что идетъ женскій пансіонъ. Лялинъ, умершій потомъ довольно молодымъ въ должности инспектора Рыбинско-Бологовской дороги, былъ весьма любимымъ человѣкомъ на Кавказѣ.

Губернаторомъ въ это время былъ графъ Владиміръ Левашовъ, второй сынъ бывшаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Старшій братъ его Николай, губернаторъ въ Орлѣ и Петербургѣ, былъ потомъ товарищемъ гр. Шувалова по управленію III отдѣленіемъ, а въ Петербургѣ пріобрѣлъ еще извѣстность какъ покровитель красавицы Ласени.

Николай Левашовъ былъ человѣкъ не очень бойкій, но добрый и любезный: едва ли не его описалъ подъ именемъ гр. Обезьянинова въ романѣ «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ» кн. Мещерскій. Онъ держалъ себя скромно и отличался необыкновенною моложавостью, что дало поводъ къ слѣдующему забавному случаю.

Шидловскій, прозванный «барабанщикомъ» и описанный Щедринымъ какъ «губернаторъ съ фаршированной головой»,

когда былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, встрѣтилъ въ шинели офицера въ шапкѣ стрѣлковъ Императорской Фамиліи; офицеръ не отдалъ чести. Шидловскій, человѣкъ горячій, остановилъ его и началъ распекать, тогда офицеръ—это былъ гр. Левашовъ,—носившій стрѣлковую форму, какъ бывшій командиръ батальона, раскрылъ шинель и молча показалъ, что онъ въ лентѣ Бѣлаго Орла. Конфузъ Шидловскаго!

Владиміръ Левашовъ былъ адъютантомъ намѣстника кавказскаго и съ этой должности попалъ въ кутаисскіе губернаторы. Человѣкъ также добрый, онъ былъ умнѣе брата, но большой прожектеръ и имѣлъ о себѣ нѣсколько преувеличенное мнѣніе. Государственная карьера его оборвалась вслѣдствіе слабыхъ дѣйствій во время нигилистическаго покушенія въ Одессѣ въ 1878 г. Онъ не только потерялъ мѣсто градоначальника, но и получилъ жестокій нагоняй отъ Александра II, послѣ чего обратился къ частной дѣятельности и былъ предсѣдателемъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита и дѣятельнымъ гласнымъ петербургской думы.

Левашовъ былъ весьма любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Самъ онъ, когда сидѣлъ дома, то любилъ, по его словамъ, пить воду съ хересомъ.—«Человѣкъ, дай мнѣ воды съ хересомъ», говорилъ онъ. Человѣкъ приносилъ стаканъ и бутылку хереса, и никогда я не видалъ, чтобы графъ спросилъ: «гдѣ же графинъ съ водой?»

Пить много вина считалось всегда на Кавказѣ шикомъ. Нашлись господа изъ антуража кн. Барятинскаго, наивно вливавшіе дюжины шампанскаго даже въ источникъ Нарзана! А покойный кн. Дундуковъ-Корсаковъ вспомнилъ какъ-то за обѣдомъ у гр. Лорисъ-Меликова, что онъ такъ много кутилъ молодымъ офицеромъ, что одного года своей службы рѣшительно не помнитъ.

Бывшій дербентскій комендантъ фонъ-Клугенъ разсказывалъ мнѣ, что одинъ батальонный командиръ на Кавказѣ имѣлъ въ цейхгаузѣ щиты съ надписью: «Майоръ Ивановъ, помни часъ смертный!» Эти щиты каптенармусъ приносилъ на квартиру командира, когда тотъ начиналъ пить запоемъ. Майоръ ходилъ и пилъ, но видъ щитовъ его будто бы сдерживалъ.

Кутили встарину не на одномъ «погибельномъ Кавказѣ». Одинъ мой знакомый, началъ ужинать въ Москвѣ, положительно не помнилъ, какъ очутился въ халатѣ въ какой-то гостиницѣ въ Ярославлѣ!

Графиня Левашова была очень высокаго роста, съ голубыми умными глазами и рыжеватыми волосами. Статная фигура ея имѣла что-то мужественное. И дѣйствительно, рѣдко можно было встрѣтить женщину, болѣе образованную, интересовавшуюся всѣмъ и прежде всего политикою. Я хотя далеко не защитникъ женской равноправности, но совершенно убѣжденъ, что, если бы существовала таковая, графиня Ольга Викторовна могла бы съ успѣхомъ управлять какимъ угодно министерствомъ.

Она много читала, писала прекраснымъ крупнымъ четкимъ почеркомъ и любила соединять вокругъ себя людей самаго разнообразнаго круга, но при этомъ оставалась въ душѣ гордой аристократкою—не даромъ была дочерью извѣстнаго министра юстиціи гр. Панина.

Самодурство Панина не знало границъ даже въ своей семейной средѣ. Я уже сообщалъ объ этомъ самодурствѣ нѣсколько анекдотовъ сверхъ массы тѣхъ, которые были напечатаны въ нашихъ историческихъ журналахъ. Вотъ еще очень характерный, сообщенный мнѣ Н. Н. Суцовымъ, бывшимъ правителемъ канцеляріи у гр. Панина, когда тотъ былъ министромъ юстиціи.

У Панина родилась дочь, онъ хотѣлъ назвать ее Маріей и почему-то во имя Пресвятой Богородицы. Топильскій, директоръ департамента, доложилъ графу, что это невозможно, что крестить разрѣшается только во имя святыхъ. Панинъ разсердился и, усомнившись, приказалъ Топильскому представить на слѣдующій день «точную справку», какія имѣются между святыми Маріи.

Топильскій, трепетавшій передъ начальствомъ и исполнявшій приказанія буквально, справился со святцами и явился съ докладомъ.

— Ну, какія у васъ имѣются святыя?—спросилъ Панинъ.

— Марія Магдалина.

— Марія Магдалина? Да вѣдь она была грѣшницей.

— Точно такъ, ваше сіятельство, но она раскаялась.

— Но вы можете ручаться мнѣ, что раскаяніе ея было искренне,—сурово замѣтилъ Панинъ.—Дальше!

— Марія Египетская.

— Эта чѣмъ прославилась?

— Плылъ, ваше сіятельство, корабль и разбился у береговъ Египта. Марія на берегу нашла пристанище въ мужскомъ монастырѣ.

— Какъ, дѣвица въ мужскомъ монастырѣ? Нѣтъ, ужъ благодарю покорно...

И такъ перебрали они всѣ святцы.

Но при чудачествѣ Панинъ, надо сказать, былъ человѣкъ независимыхъ убѣжденій; хотя онъ, по его словамъ, страшно боялся Николая I, но бывшій секретарь графа, а потомъ сенаторъ Гаммъ разсказывалъ мнѣ, что убѣдился, что Панинъ частенько не докладывалъ многихъ дѣлъ государю, которыя возилъ съ собою въ особомъ портфелѣ, и преспокойно клалъ затѣмъ Высочайшія резолюціи. Чтобы провѣрить сомнѣнія, въ канцеляріи министра завязывали волоскомъ замокъ портфеля; волосокъ возвращался нетронутымъ.

Панинъ былъ также кровнымъ аристократомъ. Наши же баре такіе замкнутые, надутые и чванные, какъ извѣстно, частенько имѣютъ очень мало правъ подымать носы. Большинство старинныхъ родовъ изъ Рюриковичей и Гедиминовичей давно обѣднѣло, нѣкоторые даже обнищали; много титуловъ унаслѣдовано по женской линіи, а нерѣдко «сливки» общества сняты побочными рожденіями.

По этому поводу вотъ анекдотъ объ одномъ изъ нашихъ крупныхъ государственныхъ людей временъ Александра I и Николая I, разсказанный мнѣ свидѣтелемъ А. П. Шиповымъ, который въ молодости служилъ въ гвардіи. Означенная особа, уже въ званіи генералъ-адъютанта, наступила на ногу вѣчно спавшему въ первомъ ряду креселъ въ Александринскомъ театрѣ старику-сенатору Полянскому. Сенаторъ обидѣлся и спросилъ имя разбудившаго его такъ невѣжливо. Тотъ назвался.

— Какой такой Иванъ Ивановичъ? (имя вымышлено мною).

— Сынъ Ивана Петровича.

— Никакого у Ивана Петровича сына не было,—сказалъ Полянскій.—Да ты ужъ не Өеклушкинъ ли сынъ?—вдругъ спросилъ онъ громогласно.

La tête du général...

Да и въ недавнее время одинъ нашъ извѣстный и весьма симпатичный государственный дѣятель, нынѣ покойный, слѣдующимъ образомъ отговаривалъ своего сына жениться.

— Къ чему тебѣ жениться? Я никогда не былъ женатъ, да и дѣдъ твой тоже никогда не думалъ жениться...

У Левашовыхъ я видѣлъ любопытнаго нѣмца Ренца изъ Виртемберга. Это былъ одинъ изъ первыхъ профессоровъ, обучавшихъ глухонѣмыхъ говорить не пальцами, а совершенно нормально, по подражанію движенію губъ. Профессору такой науки надобно имѣть большія губы и адское терпѣніе. Требуется иногда годъ, чтобы заставить ученика повторить только первую букву. Надобно выучить также глухонѣмого дышать, потому что при разговорѣ вдыхается вчетверо болѣе воздуха, чѣмъ при обыкновенномъ дыханіи.

Встрѣчалъ я также въ Кутансѣ у Левашовыхъ очень часто маленькаго Буткова, который въ это время былъ уже членомъ Государственнаго Совѣта и оставилъ мѣсто государственнаго секретаря и управляющаго дѣлами Кавказскаго комитета. Комитетъ въ это время, вслѣдствіе широкой власти, предоставленной намѣстнику, потерялъ свое значеніе. Это было видно и по управляющимъ, должность которыхъ однако въ служебной іерархіи продолжала считаться очень важною.

Преемникъ Буткова Гулькевичъ началъ службу въ полицейскомъ управленіи заштатнаго города Орѣхова, гдѣ его отыскалъ таврическій губернаторъ Пестель, братъ знаменитаго декабриста. Бутковъ оцѣнилъ Гулькевича потому, что послѣдній, въ день свадьбы съ первой женой, бросившейся потомъ въ Царскомъ Селѣ въ колодезь, явился аккуратно на другой день въ девять часовъ на службу. Это былъ типичный чиновникъ, впрочемъ очень умный и дѣловой; онъ даже гордился, что вышелъ въ люди изъ ничего.

Послѣднему изъ управляющихъ дѣлами Комитета Островидову, человѣку честному, но и ограниченному, предсѣдатель Комитета старый графъ П. Н. Игнатьевъ говорилъ фамильярно «ты»!

Бутковъ, сильно по болѣзни опустившійся, интересовался въ это время какими-то горными дѣлами и, не подозрѣвая, что я горный инженеръ, пускался со мною въ споры о горномъ дѣлѣ, что очень забавляло графиню Левашову.

Въ свое время Бутковъ пользовался въ Петербургѣ чрезвычайною популярностью. Эта популярность была того же сорта, что гр. Вронченко. Справедливо или нѣтъ, ему приписывали безчисленныя похожденія. Отвѣтъ одной изъ столичныхъ m-me Telier, что въ ея гостепріимномъ пріютѣ никого нѣтъ, кромѣ обычныхъ посѣтителей: drei Schtatsky, zwei Folotski und Staats-Secretär Pupkoff, сталъ стереотипною фразою, извѣстною каждому гимназисту съ 2-го приготовительнаго класса.

Буткова можно было видѣть ежедневно на солнечной сторонѣ Невскаго гуляющимъ и заглядывающимъ дамамъ подъ шляпки,— старая привычка, сохранившаяся отъ временъ, когда шляпки были «кабріолетомъ» и закрывали женское лицо съ обѣихъ сторонъ. Съ половины 50-хъ годовъ шляпки уже носили совершенно открытыя и ни въ какомъ заглядываніи надобности не было.

Судя по тому, что Бутковъ умеръ еще не старымъ, отъ размягченія мозга, можетъ быть было не мало справедливаго въ ходившихъ о немъ легендахъ. Онъ, однако, въ свое время славился какъ образцовѣйшій чиновникъ, обладавшій замѣчательнымъ канцелярскимъ слогомъ.

Этихъ геніевъ канцеляризма у насъ было прежде не мало.

Сенаторъ Любощинскій, когда былъ директоромъ департамента юстиціи, никогда не былъ доволенъ редакціей бумагъ и имѣлъ обыкновеніе, когда ему подавали проектъ бумаги, все зачеркнуть и написать сбоку свое. Выведенный изъ терпѣнія, одинъ изъ начальниковъ отдѣленія написалъ проектъ, затѣмъ зачеркнулъ и сбоку написалъ другой, въ сущности то же самое. Бѣдный Любощинскій никакъ не могъ на листѣ найти мѣста написать свои замѣчанія и впалъ въ отчаяніе...

Бутковъ также черкалъ подписанныя бумаги, но съ другой цѣлью: онъ вырабатывалъ изъ своихъ подчиненныхъ стилистовъ и справедливо полагалъ, что для ясности изложенія сжатый слогъ наилучшій. За этотъ слогъ и оцѣнилъ его Николай I, которому рекомендовалъ Буткова кн. Орловъ. При Александрѣ II Бутковъ

пошелъ еще далѣе и, волею судебъ обратившись изъ крѣпостника въ либерала, — сдѣлался душою пересмотра судебныхъ уставовъ, хотя ровно никакой опытности по судебной части не имѣлъ, да и получилъ только гимназическое воспитаніе. Правда, и редакторъ уставовъ С. Зарудный, бывшій въ Государственной канцеляріи у Буткова статсъ-секретаремъ законовъ, а ранѣе выдвинутый Блудовымъ, былъ по воспитанію астрономъ, а юристомъ только самоучкою. Онъ, однако, зналъ итальянскій языкъ, что позволяло ему преспокойно черпать изъ сардинскихъ уставовъ судопроизводства необходимое.

Эта-то франко-итальянская помѣсь и была распространена на Кавказѣ. Судебная реформа здѣсь была простымъ обезьянствомъ таковой же въ Россіи. По наружности она отличалась отсутствіемъ присяжныхъ засѣдателей и тѣмъ, что мировые судьи были по назначенію отъ правительства, но въ дѣйствительности она совершенно не соотвѣтствовала культурному положенію населенія, его нравамъ и понятію о правосудіи.

Смѣшно даже и говорить о правовомъ порядкѣ въ странѣ, гдѣ убійство двѣнадцати человѣкъ изъ-за кровавой мести считается чуть не шуткою. Въ придачу ни судьи, ни адвокаты не понимали подсудимыхъ, а тѣ судей и своихъ защитниковъ. Все было въ рукахъ невѣжественныхъ переводчиковъ, и подчасъ происходили прекомичныя сцены. На этотъ счетъ могъ бы не мало сообщить одинъ изъ первыхъ кутаисскихъ адвокатовъ Молчановъ, извѣстный впослѣдствіи политическій кореспондентъ «Новаго Времени». Изъ мѣстныхъ адвокатовъ былъ въ мое время любимъ Гогоберидзе, — имя, прогремѣвшее потомъ въ марганцевой промышленности.

Изъ-за неясности границъ владѣній промышленность эта обогатила болѣе адвокатовъ, чѣмъ горнопромышленниковъ.

Персоналъ въ кавказскихъ судахъ былъ не хуже и не лучше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, хотя въ Кутаисской губерніи одинъ изъ мировыхъ судей Болотниковъ оказался бѣглымъ каторжникомъ! Поѣхавъ въ отпускъ въ Москву, онъ былъ узнанъ тамъ и снова, по надлежащемъ наказаніи плетьми, водворенъ въ Нерчинскіе рудники, кстати сказать за послѣднія 50 лѣтъ существовавшіе только въ XV томѣ свода законовъ.

Да и среди мелкихъ служащихъ были подозрительныя личности: въ Кутаисѣ въ окружномъ судѣ у моего брата Александра, члена суда, украли мундиръ, хранившійся въ канцеляріи.

На Кавказѣ была примѣнена несмѣняемость судей—институтъ, въ Россіи, замѣчу, не новый, ибо онъ былъ уже при Аннѣ Іоанновнѣ установленъ для сенаторовъ. Но на Кавказѣ этотъ принципъ былъ впервые и нарушенъ. Два члена окружнаго суда, напившіеся до «положенія ризъ», были уволены со службы. Нужно однако замѣтить, что бѣда стряслась надъ людьми достойными: сбылась народная поговорка «пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ». Оба уволенные оказались потомъ полезными гражданами: одинъ сталъ однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ, другой—всѣми уважаемымъ и любимымъ городскимъ головою большого города.

Хотя теперь встрѣчаются еще люди, утверждающіе, что Кавказъ при намѣстникахъ будто бы управлялся куда лучше, но это утвержденіе ровно ни на чемъ не основано. Злоупотребленій и тогда было не обобраться. И тогда могли быть случаи, что подъ видомъ дачи, принятой за «виллу», жаловались лѣсныя дачи въ десятки тысячъ десятинъ цѣннаго лѣса. Огромныя площади дорогой нефтяной земли были розданы даромъ инымъ за заслуги, но больше за компанію безъ всякихъ заслугъ.

Армянинъ Мирзоевъ былъ великою особою, потому что финансы намѣстничества основывались на откупахъ, а онъ являлся откупщикомъ важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства. Человѣка весьма обыкновеннаго, Мирзоева выдвинулъ еще при кн. Воронцовѣ любимецъ послѣдняго и домашній докторъ Э. Андреевскій.

Ради полученія отъ нефтяного откупа Мирзоева какихъ-то двухсотъ тысячъ рублей сырая нефть продавалась въ Баку по 1 руб. 30 к. за пудъ, когда въ Америкѣ уже десять лѣтъ процвѣтало керосиновое производство и горное вѣдомство еще въ 1866 г. командировало для изученія его горнаго инженера Романовскаго. Подъ видомъ закавказскаго транзита производилась самая беззастѣнчивая контрабанда. Владикавказскую дорогу удалили отъ Ставрополя—прекраснаго губернскаго города, чтобы приблизить къ пустопорожнимъ землямъ, пожалованнымъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Впрочемъ и недавно едва не построили на Кавказѣ желѣзную дорогу, которая должна была приносить $2^1/_2$ мил. руб.

въ годъ убытка, чтобы соединить кратчайшимъ путемъ со столицей нѣсколько дачъ у Сочи.

Начальники кавказскаго гражданскаго управленія Крузенштернъ, бар. Николаи, Клушинъ, Старосельскій были люди несомнѣнно умные и честные, но что могутъ сдѣлать усилія отдѣльныхъ лицъ противъ сплошной стѣны людей, воспитанныхъ на безобразіяхъ?

Самый важный вопросъ на Кавказѣ—земельный—разрѣшать и не думали, и до сихъ поръ милліоны десятинъ остаются неизвѣстно собственностью или владѣніемъ. Права цѣлыхъ народцевъ, какъ, напримѣръ, карачаевцевъ, основываются на прокламаціяхъ генераловъ, весьма беззаботныхъ насчетъ гражданскаго права.

Затѣмъ надобно принять во вниманіе рознь населенія расовую, религіозную, социальную, культурную. Для трехъ четвертей края самое подходящее управленіе краткое и вразумительное—военное, а для всего края примѣненіе римскаго принципа: Parcere subjectis et debellare superbos.

Я уѣхалъ изъ Кутаиса одновременно съ граф. Левашовой, отправившейся въ Ливадію, куда въ это время ежегодно пріѣзжалъ Александръ II. Понятно, до Поти насъ провожало множество народа. Я выѣхалъ по шоссе въ ночь съ Лялинымъ, въ его открытомъ экипажѣ, и на разсвѣтѣ былъ уже на пристани не существующаго теперь Ріонскаго пароходства, устроеннаго предпріимчивымъ Новосельскимъ въ концѣ 50-хъ годовъ.

Теченіе Ріона извилисто, берега сплошь заросли деревьями и кустарникомъ, мѣстность красива, но лихорадочна, какъ и весь кавказскій берегъ Черного моря по низовьямъ.

По части лихорадки особенно славился тогда Поти; перемежающейся лихорадкою страдали не только люди, но и собаки и даже куры. Къ повышенію уровня города и спуска Палеостома тогда только приступали, и Поти казался ничтожнымъ поселеніемъ, хотя значеніе его было очень важно, такъ какъ Батумъ не принадлежалъ еще Россіи, Редутъ-Кале былъ брошенъ, а Сухумъ почитался слишкомъ отдаленнымъ.

Все, что сдѣлано было для Поти, было сдѣлано энергіей агента Русскаго общества пароходства и торговли Юговича, отца ны-

нѣшняго строителя Манчжурской желѣзной дороги. Старикъ Юговичъ, живой и разговорчивый, хотя говорившій по-русски съ сильнымъ акцентомъ, былъ изъ тѣхъ бойкихъ сербовъ изъ Бокки-Котторской, которые сыграли большую роль въ созданіи торговаго и отчасти военнаго флота на югѣ Россіи, а теперь создаютъ торговый флотъ Аргентины, такъ какъ бѣдная Далмація не даетъ довольно пищи для ихъ предпріимчивости.

Юговичъ показывалъ намъ городъ, а военный инженеръ, Н. Шавровъ, извѣстный публицистъ, возилъ на работы по строившемуся имъ торговому порту.

Постройки эти были не очень удачны; первый портъ, деревянный, съѣли черви, но портъ изъ массивовъ, по недостаточности отпускавшихся средствъ (у насъ всегда экономятъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ), а можетъ быть и по ошибочности начертанія, быстро заносился или разрушался бурями. Надобно сказать, что и задача соорудить портъ у совершенно открытаго почти всѣмъ вѣтрамъ берега и близъ устьевъ такой капризной рѣки, какъ Ріонъ, несущей массу осадковъ, была чрезвычайно трудная.

Въ Поти пароходы Кавказско-крымской линіи не заходили, и до Сухума надобно было ѣхать на плоскодонномъ пароходѣ «Голубчикъ». Кто изъ бывавшихъ на Кавказѣ не помнитъ этой гнусной посудины, прозванной «Мерзавчикомъ». Качало на немъ невѣроятно. Одна гр. Левашова, получившая англійское воспитаніе, кажется, и не страдала, но зато путейца Туловскаго вывертывало какъ перчатку. И онъ чуть меня не убилъ отъ досады, когда, видя его страданія у борта парохода, я, сидя на рубкѣ, посовѣтовалъ ему, совершенно спокойно, лучше не рвать...

Сухумъ мы привѣтствовали, какъ жиды Обѣтованную землю, хотя и здѣсь пароходъ, стоя въ незакрытой гавани, нерѣдко рискуетъ быть выброшеннымъ на берегъ. Почти цѣлый день до отхода мы провели на берегу. Угощалъ насъ Гейманъ, впослѣдствіи извѣстный генералъ, большой любитель выпивки и картъ. Городъ, выжженный потомъ турками въ 1877 г., не былъ похожъ на нынѣшній. Особенно была красива аллея изъ огромныхъ плавучихъ ивъ отъ берега къ Ботаническому саду, и ее, говорятъ, испортили турки.

Путь отъ Сухума до Новороссійска шелъ вдоль чрезвычайно живописнаго восточнаго берега Чернаго моря; пароходъ никуда не заходилъ, потому что въ то время это была дичь непролазная. Горцевъ вывезли въ Турцію, а на ихъ мѣстѣ никого не было, кромѣ нѣсколькихъ анатолійскихъ грековъ и случайныхъ колонистовъ. Этотъ берегъ и служилъ мѣстомъ, откуда англичане на турецкихъ кочермахъ снабжали горцевъ во все время долголѣтней Кавказской войны порохомъ и оружіемъ. Они по дѣлу ихъ конфискованнаго судна «Витсенъ» имѣли наглость заявить даже претензію о признаніи горцевъ «воюющею стороною»! Безъ этой помощи никакіе Шамили не могли бы съ нами ничего подѣлать.

Новороссійскъ съ его великолѣпною бухтою также оставался въ мерзости запустѣнія, хотя встрѣчавшій насъ начальникъ округа Пиленко, бывшій воспитанникъ Горнаго корпуса, предсказывалъ своему городу великую будущность, доказывая рѣшительное преимущество Новороссійска передъ Геленджикомъ и Анапою, куда многіе, имѣя по близости земли, предлагали направить желѣзную дорогу, ссылаясь на знаменитую «бору», погубившую въ Новороссійскѣ тендеръ «Струя» въ 1845 г.

— Что за бѣда, говорилъ резонно Пиленко, если каждыя 30 лѣтъ мы будемъ терять по одному тендеру.

Керчь, Ѳеодосія, Ялта, Севастополь и Евпаторія нисколько не измѣнились противъ того, что я ихъ видѣлъ за два года передъ тѣмъ; зато родная Одесса со строящимся большимъ портомъ представляла большое оживленіе. Она покрылась гранитными мостовыми, тротуары урегулировались, строилась сѣть водостоковъ. Все это дѣлалъ магъ и волшебникъ Новосельскій, за что признательные одесситы ругали его на всѣ корки.

ВЪ ОДЕССѢ.

XXIX.

По пріѣздѣ съ Кавказа я провелъ въ Одессѣ болѣе мѣсяца, страдая отъ невѣроятной жары. Въ Одессѣ всегда жарко въ іюлѣ и августѣ, особенно въ верхнихъ этажахъ домовъ, подъ желѣзными крышами, вовсе не подходящими къ южному климату. Еще въ Одессѣ успѣхъ этихъ крышъ можно объяснить тѣмъ, что воду тамъ пили изъ цистернъ, собиравшихъ дождевую воду съ крышъ. Но почему крыши изъ листового желѣза распространились по всему югу Россіи—трудно понять. Въ 1869 г. была какая-то особая жара въ Одессѣ, къ ночи термометръ понижался всего на два или на три градуса. Жители изнемогали, а пріѣхавшіе съ сѣвера приходили въ неистовство. Помню, что меня двѣ петербургскія богатыя генеральши чуть живымъ не съѣли, когда я ихъ въ этакую жарищу обыгралъ въ ералашъ, не вышедшій еще тогда изъ моды.

Одно спасеніе было въ морскомъ купаньи. Къ счастію, для этого не нужно было, какъ теперь, идти на Ланжероновъ мысъ, а достаточно было спуститься по знаменитой Лѣстницѣ въ гавань къ купальнямъ караима Исаковича. По русскому обычаю, мужчины, купаясь, не столько освѣжали свое бренное тѣло, сколько подсматривали въ сосѣднія дамскія купальни, — подсматриваніе совершенно напрасное, такъ какъ въ Одессѣ, какъ и вообще на югѣ, дамы купаются въ пеньюарахъ и въ непромыкаемыхъ чепчикахъ на головѣ. Поэтому-то во Франціи и Италіи нѣтъ давно

различія половъ на морскихъ купаньяхъ: тамъ въ водѣ танцуютъ подъ музыку кадрили.

Двѣ ванны въ день возбуждали колоссальный апетитъ, а кстати въ Одессѣ и хорошо поѣсть было не трудно. Черноморская рыба славилась еще у римлянъ, а овощи, припекаемые палящимъ солнцемъ, имѣютъ въ Одессѣ особый вкусъ; мѣстное поварское искусство соединило кухни французскую, русскую, польскую, румынскую, итальянскую и греческую, и есть изъ чего выбрать самому привередливому желудку. Рестораны были недурны, особенно Донати въ Петербургской гостиницѣ, гдѣ воспитался знаменитый впослѣдствіи въ Одессѣ поваръ и хозяинъ гостиницы Ящукъ, умершій, къ сожалѣнію, преждевременно для многочисленныхъ почитателей его таланта.

Ужиная какъ-то въ компаніи у Донати, мы замѣтили за однимъ изъ столовъ красавицу брюнетку. По справкѣ оказалась какая-то румынская княгиня. Полагая, что бѣдная иностранка скучаетъ въ одиночествѣ, одинъ изъ насъ послалъ спросить, не пожелаетъ ли она раздѣлить нашу скромную трапезу? Половой вернулся съ отвѣтомъ:

— Ихъ сіятельство приказали сказать, что изъ-за однихъ напитковъ онѣ идти не согласны!

По поводу «сіятельнаго» титула припомню анекдотъ уже совсѣмъ изъ другого міра. Одинъ нашъ посланникъ, баронъ М., сказалъ секретарю: «Прошу васъ называть меня для краткости не барономъ, и не по имени и отчеству, а его превосходительствомъ». Баронъ возвращается съ прогулки.

— Оно прогуливалось?—спрашиваетъ секретарь.

— Кто это оно?

— Его превосходительство!

Несмотря на жару, а можетъ и благодаря жарѣ, въ Одессѣ мы устраивали рядъ пикниковъ на Фонтаны и на дачу Шульца, веселились и ухаживали. Видя мое съ братомъ жизнерадостное настроеніе, наша мать рѣшила, что мы готовы, что насъ пора женить, для чего собрала «герузіумъ» изъ старыхъ классныхъ дамъ одесскаго института благородныхъ дѣвицъ и по «довольномъ размотрѣніи» остановилась на двухъ барышняхъ, только-что окончившихъ курсъ. Прелестная блондинка предназначалась для мо-

его покойнаго брата, очаровательная брюнетка для меня, почему такъ—неизвѣстно.

Обѣ дѣвицы скоро потомъ стали образцовыми женами, первая выйдя за богатаго купца и арматора, вторая — за французскаго инженера. Но мы на матримоніальныя затѣи отвѣчали allegro udirato—постыднымъ бѣгствомъ отъ тихаго пристаница. Братъ поспѣшно уѣхалъ на Кавказъ, и у меня осталась въ памяти ужасающая буря на морѣ въ моментъ отхода его пароходa. Меня тоже судьба наказала.

Во время возвращенія въ Петербургъ, на переѣздѣ по Днѣпру на пароходѣ у меня разболѣлся зубъ. Послушавшись чьего-то совѣта, я усиленно полоскалъ ротъ горячей водой, и у меня сдѣлалось то, что называется rage des dents. Я буквально сходилъ съ ума отъ боли, и когда подошелъ къ Кіеву, то, бросивъ всѣ вещи на пристани, прямо поскакалъ къ зубодеру. Вопреки извѣстному всѣмъ страху, у меня даже въ пріемной дантиста Шварца, преподавателя въ университетѣ, продолжалъ болѣть зубъ.

Шварцъ сказалъ, что зубъ съ тремя корнями, что ключомъ его рвать нельзя, а надобны щипцы и что мнѣ будетъ очень больно. Я сказалъ: «Ничего!»—«Нѣтъ, такъ нельзя»,—прибавилъ Шварцъ и крикнулъ: «Матрена!» Вошла гигантскаго роста хохлушка, схватила меня за руки и держала, пока дантистъ тащилъ съ перерывами мой зубъ.

Эта кажущаяся теперь дикою операція напомнила мнѣ, какъ въ дѣтствѣ я былъ свидѣтелемъ рванія зубовъ у хохловъ въ деревнѣ. Они шли къ «ковалю», тотъ раскаливалъ желѣзный прутъ до-бѣла, затѣмъ хваталъ зубъ клещами и тыкалъ прутъ въ глазъ. Паціентъ, понятно, отшатывался и зубъ вылеталъ. Но случалось, что «коваль» ошибался, схватывая не одинъ, а два зуба, притомъ здоровыхъ, и тащилъ бѣднаго парня черезъ всю «греблю».

Не успѣлъ я пробыть въ Петербургѣ и мѣсяца, какъ случайное чтеніе о предполагаемомъ открытіи Суэцкаго канала потянуло меня опять въ путь. Очень быстро я уговорилъ комитетъ Общества для содѣйствія командировать меня въ Египетъ и просить объ этомъ министерство финансовъ. Рашетъ, съ своей сто-

роны, содѣйствовалъ командировкѣ по Высочайшему повелѣнію. Я смастерилъ поздравительный адресъ, который извѣстный архитекторъ гр. Сюзоръ прекрасно перевелъ на французскій языкъ.

Путевого довольствія казна мнѣ не дала, но въ правленіи Русскаго общества пароходства и торговли я нашелъ болѣе любезный пріемъ отъ члена правленія Миллера и правителя дѣлъ бывшаго петрашевца—Дебу. При ихъ посредствѣ мнѣ предоставили даровой проѣздъ и даровое продовольствіе на лучшемъ изъ двухъ посылаемыхъ на открытіе канала пароходовъ —«Генералъ Коцебу», отходившемъ изъ Одессы.

Каждая изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ имѣетъ характерныя особенности. Николаевская, соединяющая сердце и голову Россіи, несмотря на подчиненіе французскому обществу, сохраняла своеобразную физіономію. Дѣйствительно, трудно было найти въ мірѣ другую желѣзную дорогу, гдѣ бы можно съ такимъ комфортомъ выспаться и сыграть въ вистъ, на которой трясло бы, точно на скверной ухабистой дорогѣ, и гдѣ въ теченіе двадцати часовъ встрѣчалось бы шесть большихъ буфетовъ, не считая возможности выпить и закусить почти на каждой станціи. Шесть буфетовъ! когда самые скотообразные люди не принимаютъ пищи чаще трехъ разъ въ сутки.

Изъ-за отсутствія прямыхъ сообщеній, мнѣ пришлось, въ ожиданіи отправленія поѣзда въ Курскъ, переѣзжать въ Москвѣ въ гостиницу, что со введеніемъ отельныхъ дилижансовъ не сопряжено было, впрочемъ, съ большими затрудненіями.

Москву я нашелъ занятую разнообразными толками объ окончившейся всероссійской конской выставкѣ. Отзывы были весьма различны; какъ водится, болѣе всего жаловались на несправедливое будто бы распредѣленіе наградъ, приписывая это излишней многочисленности экспертной комиссіи и принятой для оцѣнки лошадей десятибальной системѣ.

Прислушиваясь къ горячимъ спорамъ знатоковъ и любителей, я узналъ, что содержаніе обыкновенныхъ конскихъ заводовъ сдѣлалось почти невозможнымъ, съ отмѣною обязательнаго труда; но заводы лошадей породистыхъ приносили значительные барыши, и цѣна хорошихъ лошадей постоянно подымалась. Знатоки и тогда находили, что заводчики, увлекаясь желаніемъ сдѣлать лошадей

быстрыми, жертвують другими драгоцѣнными качествами лошади: хорошимъ складомъ и силою. Этому направленію содѣйствовали и правила бѣговъ и скачекъ, сокращавшія все болѣе и болѣе разстоянія и уменьшавшія обязательный вѣсъ. Жаловались заводчики и на отсутствіе хорошихъ тренеровъ. Но въ особенности, по мнѣнію знатоковъ, губила наше коннозаводство—мода. Еще лѣтъ двадцать передъ тѣмъ сѣрая въ яблокахъ считалась красивѣйшею мастью, теперь въ ходу были только вороныя и частью караковыя лошади. Въ Москвѣ положительно ни одинъ купецъ не купилъ бы другой лошади, кромѣ вороной. Соотвѣтственно такому вкусу публики, который прямо противуположенъ заграничной модѣ, гдѣ вороная масть въ загонѣ, дѣйствовали заводчики; они выбраковывали изъ табуновъ нерѣдко превосходныхъ кобылъ, бѣлая или сѣрая масть которыхъ указывала на происхожденіе отъ арабской крови, а въ заводскіе производители покупали исключительно вороныхъ жеребцовъ, жертвуя модной масти многими драгоцѣнными качествами.

Кончая о лошадяхъ, я не могу кстати не замѣтить, что лошадь пользуется у насъ почему-то особою симпатіею; для улучшенія коннозаводства существуетъ даже особое главное управленіе, на подобіе министерства. Между тѣмъ и другія животныя: быкъ, овца, верблюдъ и сѣверный олень доставляютъ нашему государственному хозяйству пользу не меньшую лошади, а не имѣютъ спеціальныхъ вѣдомствъ для защиты своихъ интересовъ. Я, конечно, далекъ отъ желанія, чтобъ были учреждены какіе-либо «департаменты быководства», но полагаю, что такое государство, какъ Россія, гдѣ земледѣліе составляетъ важнѣйшій промыселъ, должно заботиться о своемъ скотоводствѣ вообще.

Изъ Москвы я пріобрѣлъ очень пріятныхъ спутниковъ—П. Демидова кн. Санъ-Донато, тогда кіевскаго городского голову, и г. Линдера, нынѣшняго финляндскаго министра статсъ-секретаря, а въ то время принимавшаго участіе въ демидовской опекѣ.

Московско-курская желѣзная дорога сохраняла старый казенный характеръ, къ счастію, покинутый Николаевскою дорогою. Хотя Курская дорога считалась давно оконченною и стоила огромныхъ денегъ, но по дорогѣ то и дѣло встрѣчались недоконченныя постройки, и даже московскій дебаркадеръ помѣщался въ какомъ-

то балаганѣ. Странностей по Курской дорогѣ было не мало. Первостепенное по важности торговли село Сергіевское имѣло какую-то третье или четвертостепенную станцію; изъ Москвы въ Серпуховъ нельзя было получать билетовъ на почтовый поѣздъ, но, взявъ билетъ до слѣдующей затѣмъ станціи и приплативъ лишній двугривенный, конечно, легко было обойти распоряженіе и т. п.

Но важнѣе всего, что иностранецъ, проѣхавъ по Московско-курской дорогѣ, могъ вообразить, что Россія дѣйствительно варварская пустыня, какъ учили его въ дѣтствѣ, ибо всѣ города отстояли болѣе или менѣе далеко отъ желѣзной дороги, и осенью приходилось добираться до нихъ съ опасностью собственной жизни. Въ особенности это было непріятно для пассажировъ 3-го класса, не имѣвшихъ возможности платить по рублю и болѣе въ конецъ извозчикамъ и принужденныхъ во тьмѣ кромѣшной, въ полночь, мѣсить грязь по четыре версты своими грѣшными ногами. Такая странная трассировка линіи не дѣлаетъ чести нашимъ инженерамъ, но у нихъ были совсѣмъ «постороннія» соображенія, и инженеры изыскатели распадались по этой части на двѣ школы—«шпилевцевъ» и «абрампальцевъ».

Если нашли возможнымъ вести желѣзныя дороги по лондонскому Сити, гдѣ вершокъ земли стоитъ дороже нашей десятины, то странно было обходить русскіе города, наполненные заборами. Сбереженіе единовременныхъ расходовъ поглощается постояннымъ огромнымъ добавочнымъ налогомъ на торговлю, потому что приходится платить огромныя деньги за доставку товаровъ изъ города до станціи и обратно. Вагоны Московско-курской дороги были удобны, но кондукторы надоѣдали частымъ контролемъ билетовъ. Это безпрерывное протыканіе билетовъ ни къ чему не вело, ибо для того, чтобъ пассажиры не ѣздили безъ билетовъ, слѣдовало наблюдать не за пассажирами, а за кондукторами.

Въ курскомъ вокзалѣ была страшная давка. Сходились поѣзда трехъ желѣзныхъ дорогъ: изъ Москвы, Харькова и Кіева, и пассажиры принуждены были, неизвѣстно для чего, ждать отъ 4-хъ до 6-ти часовъ своихъ поѣздовъ. Отъ скуки публика сильно налегала на буфетъ, что, при длинныхъ переѣздахъ, кромѣ усиленія акцизныхъ сборовъ, должно было неминуемо вести къ разстройству даже русскихъ желудковъ.

Курско-кіевская дорога была весьма покойна, вагоны комфортабельны и прислуга вѣжлива. При пріятномъ покачиваніи въ вагонѣ приходили на умъ новыя мысли. Посматривая по сторонамъ, невольно обращалось вниманіе на то, что на всей линіи небыло почти ни мостовъ, ни большихъ насыпей и выемокъ, не говоря уже о тонеляхъ и т. п. ужасахъ для концессіонеровъ; рельсы лежали чуть не по степи; соображая это съ страшно дорогою цѣною, по которой была выстроена дорога, невольно мечталось, какъ пріятно было сдѣлаться въ Россіи концессіонеромъ.

Болѣе свободная конкурренція понизила, впрочемъ, цѣны постройки до благоразумныхъ размѣровъ, и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, подряды и служба по этимъ дорогамъ перестали быть источникомъ внезапнаго баснославнаго обогощенія. Новый богъ—ажіотажъ, съ которымъ Россія познакомилась впервые въ концѣ 50-хъ годовъ, а въ 1869 г. приведшій къ первому краху,—начиналъ затмевать концессіонерство. Послѣдняя желѣзная дорога, напоминавшая недавнее доброе старое время,—это злополучная Кіево-балтская дорога, открытіе которой все откладывалось; о ней въ Кіевѣ разсказывали мнѣ чудеса.

Кіевъ всегда отличался замѣчательною организаціею грабежа путешественниковъ въ гостиницахъ; нигдѣ не встрѣчалъ я ничего подобнаго. Невольно вспоминались остроумныя соображенія Альфонса Карра о томъ, что разбойники по большимъ дорогамъ только видоизмѣнили, подъ вліяніемъ цивилизаціи и жандармовъ, свою профессію, но продолжаютъ обирать путешественниковъ. Въ ожиданіи отхода парохода, я гулялъ по городу и любовался, не въ первый уже, впрочемъ, разъ, его замѣчательными видами, напримѣръ отъ церкви Андрея Первозваннаго. Еще красивѣе видъ на Кіевъ, если ѣхать изъ Броваровъ и смотрѣть съ другого берега Днѣпра.

Кн. Барятинскій поднялъ вопросъ о перенесеніи столицы въ Кіевъ; но защитники этого проекта, очевидно, въ Кіевѣ никогда не бывали. И въ настоящихъ своихъ границахъ Кіевъ былъ красивъ, но крайне неудобно разбросанъ по горамъ; улицъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ немъ было еще мало: все какіе-то спуски. Наружность Кіева отзывалась красотою военнаго

поселенія: видно, что по немъ погулялъ какой-то казенный утюгъ, сгладившій историческія шерховатости.

Кіевъ, несмотря на величину, былъ тогда бѣднымъ городомъ. Свеклосахарная промышленность, важнѣйшая отрасль хозяйства въ краѣ, имѣла своихъ представителей въ Москвѣ, Петербургѣ, за-границей, и очень мало въ Кіевѣ; окрестные помѣщики пообѣднѣли послѣ возстанія, торговля собственно Кіева находилась въ рукахъ евреевъ. Мало интересный для экономиста, Кіевъ представлялъ зато обильную пищу художникамъ и поэтамъ. Кто захотѣлъ бы изучить разнородныя бытовыя явленія Южной Россіи, тотъ нигдѣ не нашелъ бы матеріала болѣе богатаго, чѣмъ въ кіевскихъ монастыряхъ, куда ежегодно стекаются сотни тысячъ богомольцевъ, нищихъ и уродовъ.

Пароходство по Днѣпру, какъ я уже писалъ, жалкое пароходство. Конечно, многое должно быть приписано свойствамъ самой рѣки, мелководной и прерванной посрединѣ порогами; но нельзя похвалить и пароходную компанію. Не говоря о томъ, что она не имѣла пароходовъ буксирныхъ, хотя дороговизна рабочихъ рукъ прямо указывала на выгоду замѣнить на Днѣпрѣ тягу судовъ паромъ,—самое пассажирское пароходство не могло похвастаться удобствами.

Важнѣйшія неудобства зависѣли, впрочемъ, отъ малой населенности береговъ рѣки. По всѣмъ большимъ рѣкамъ Россіи: Волгѣ, Камѣ, Сѣверной Двинѣ, Дону, мы видимъ, что жизнь народная тѣсно связана съ рѣкою, т. е. съ водянымъ путемъ; многочисленные города и села выростаютъ естественно на ихъ берегахъ. На Днѣпрѣ нѣчто подобное замѣчается только въ нижней части, отъ Никополя до Херсона. Въ верхнемъ теченіи свойство береговъ, а быть можетъ и характеръ жителей, оставляютъ берега Днѣпра почти пустынными, и нѣтъ ничего затруднительнѣе сообщенія между пароходными пристанями и городами, по сѣти островов и непроходимымъ пескамъ.

Въ этотъ рейсъ я доѣхалъ, однако, безъ особыхъ приключеній, и въ Кременчугѣ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что въ тотъ же день долженъ отойти первый правильный пассажирскій поѣздъ изъ Крюкова въ Одессу, по вновь открытому участку желѣзной дороги до Елисаветграда; такимъ образомъ отстранялась опас-

ность совершить этотъ путь вновь на перекладной. Поѣздъ отошелъ въ полночь и прибылъ въ Одессу также въ полночь; трудно понять, съ какою цѣлью было составлено подобное росписаніе, заставившее пассажировъ странствовать ночью по пустыннымъ улицамъ большого города, тщетно отыскивая свободный нумеръ въ гостиницѣ. Мой спутникъ Линдеръ, не найдя номера, принужденъ былъ ночевать, кажется, въ баняхъ!

Эксплуатація одесскихъ желѣзныхъ дорогъ была въ довольно жалкомъ положеніи: несчастія случались нерѣдко; несмотря на значительный подвижной составъ и валовой доходъ на версту не болѣе 1,700 рублей, управленіе и тогда не справлялось съ грузами; на всѣхъ станціяхъ я видѣлъ огромное количество кулей, лежавшихъ безъ движенія. Между утѣшительными фактами на этой дорогѣ можно указать на производившіеся болѣе или менѣе удачные опыты отопленія локомотивовъ бурымъ углемъ, добываемымъ въ южной части Кіевской губерніи и сѣверной части Херсонской, и кавказскою нефтью. На Тульской желѣзной дорогѣ скверный сѣрнистый запахъ также пріятно поразилъ меня указаніемъ, что локомотивы отапливались мѣстнымъ каменнымъ углемъ.

Переѣздъ изъ Петербурга въ Одессу я сдѣлалъ уже вмѣсто десяти въ шесть сутокъ, потерявъ около двухъ сутокъ въ совершенно напрасныхъ остановкахъ, вслѣдствіе несовпаденія поѣздовъ.

Одесса оставалась городомъ рѣзкихъ противоположностей. Хорошія гостинницы, желѣзная дорога, газовое освѣщеніе, пароходныя сообщенія, гранитная мостовая, постройка громаднаго порта, четыре ежедневныя газеты, гласный судъ, банки, университетъ и т. д. придавали ей видъ европейскаго города; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, за этою блестящею внѣшностью оказывалось множество непривлекательныхъ вещей, низводившихъ Одессу на степень такого города, какихъ немало у насъ на Руси.

Несмотря на титулъ «житницы Европы», Одесса стала дорога для жизни по сравненію съ 50-ми годами. Необыкновенная дешевизна строительнаго камня не способствовала новымъ постройкамъ, и потому квартиры были тѣсны, неудобны и невыносимо дороги; грабежи и воровство со взломомъ случались безпрестанно; городское хозяйство служило поприщемъ ожесточенной гражданской войны. Яблокомъ раздора былъ въ это время днѣстровскій

водопроводъ, составлявшій для Одессы, палимой лучами южнаго солнца и засыпаемой степною пылью, поистинѣ насущную необходимость.

Даже торговля Одессы находилась въ неопредѣленномъ состояніи: завися отъ европейскаго урожая и подрываемая конкурренціей юныхъ сверстниковъ на разныхъ концахъ земного шара, она находилась въ страдательномъ положеніи, и всѣ надежды возлагала на окончаніе нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Многія солидныя фирмы прекращали свои дѣла, и только биржевые спекулянторы развивали свои обороты. Одна промышленность дѣлала тогда въ Одессѣ успѣхи, это—мукомольная, число паровыхъ мельницъ быстро увеличилось.

Театръ въ Одессѣ былъ посредственный и отличался неутомимой войной публики съ антрепренеромъ, выражавшейся не разъ въ ожесточенныхъ бояхъ противниковъ, усмирявшихся дѣйствіемъ полиціи и даже войскъ. Зачинщики безпорядковъ принадлежали къ числу мѣстной греческо-еврейской денежной аристократіи.

Замѣчательнѣйшимъ фактомъ общественной жизни Одессы оставалось полное равнодушіе ко всему, кромѣ торговли и нѣкоторыхъ муниципальныхъ вопросовъ. Въ Одессѣ только отдѣльныя личности интересовались политикою, общественными вопросами, литературою, изящными искусствами и т. п. Такая бѣдность интеллектуальнаго развитія въ такомъ большомъ городѣ изумительна. Причина этому была отчасти въ томъ, что неподвижное ядро общества составляли иностранные негоціанты, съ ихъ многочисленными сателлитами, русское же населеніе — элементъ бродячій, быстро смѣнявшійся, и потому не имѣвшій времени сложиться въ опредѣленные кружки. Подобное настроеніе дѣлало тогда Одессу «благонадежною» въ политическомъ смыслѣ, но зато и крайне скучною. Для туриста она была болѣе интересна лѣтомъ: но и въ это время года жизнь была тягостна для жителя сѣвера, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія зелени. До водопровода одесскія безлиственныя метлы только изъ вѣжливости называли деревьями, а степь на берегу моря, засѣянную виноградомъ, кукурузою и жиденькими акаціями въ сажень вышиною, — дачами. Недостатокъ дачъ выкупался, впрочемъ, съ избыткомъ (для людей богатыхъ) тѣмъ, что отъ восхитительныхъ

скалъ южнаго берега Крыма и веселыхъ сельскихъ видовъ сѣверной Бессарабіи и Подольской губерніи Одессу раздѣлялъ небольшой переѣздъ.

Поглощенная исключительно своею пшеницею, Одесса и ея купечество, какъ оказалось, мало интересовались каналомъ и не понимали, что выигрываютъ они отъ сближенія съ Индіей, Китаемъ и Пріамурскимъ краемъ, хотя Лессепсъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ нарочно пріѣзжалъ въ Одессу къ Новосельскому, чтобы привлечь подписчиковъ на свое предпріятіе.

Въ Одессѣ я встрѣтилъ содѣйствіе только отъ двухъ лицъ: Сокальскаго и Орбинскаго. П. Сокольскій, завѣдывавшій редакціей «Одесскаго Вѣстника» вмѣсто больного брата, извѣстный музыкантъ, жившій въ молодости въ Америкѣ, былъ очень умнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Р. В. Орбинскій, философъ, историкъ и банковый дѣятель, былъ также чрезвычайно разносторонне образованъ. Онъ читалъ потомъ въ Одессѣ лекціи о Суэцѣ, вышедшія отдѣльною брошюрой.

Въ ожиданіи отхода парохода, я принялъ участіе въ засѣданіяхъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи по вопросу о тонкорунномъ овцеводствѣ, и тогда уже падавшемъ, и произнесъ въ этомъ гнѣздѣ южныхъ фритредеровъ рѣчь въ протекціонистскомъ духѣ. Предсѣдательствовалъ тогда въ обществѣ гр. Толстой, почтенный старецъ. Зашла между прочимъ рѣчь о кредитѣ.

— Я не понимаю,—говорилъ Толстой,— какъ это есть люди, которые пишутъ векселя.

— Еще бы ему понимать,—замѣтилъ кто-то изъ моихъ сосѣдей,—когда у него тысячъ триста годового дохода и онъ владѣлецъ знаменитыхъ поемныхъ луговъ на Окѣ...

ВЪ АРХИПЕЛАГѢ и ПОРТЪ-САИДѢ.

XXX.

Пароходъ «Генералъ Коцебу», на которомъ я пошелъ въ Суэцъ, заключалъ въ себѣ сливки русскихъ гостей. Тутъ были всѣ офиціальныя лица, депутаты, газетные корреспонденты, даже всѣ хорошенькія путешественницы. Пароходъ «Владиміръ», огромный и удобный, который велъ Кази, тогда еще мичманъ, далеко не былъ такъ интересенъ; на немъ преобладали помѣщики, толковавшіе объ урожаѣ и дѣйствіяхъ Херсонскаго земскаго банка. Между пассажирами «Коцебу» были Чихачовъ и Сущовъ, тогда директоры Русскаго Общества Пароходства и Торговли; адмиралы: Дюгамель, флагманъ балтійскаго флота, Горковенко, депутатъ морского министерства, Манганари, извѣстный гидрографъ, инженеры: Тилло, баронъ Тизенгаузенъ и Романовъ, маринистъ Айвазовскій, депутатъ военнаго министерства Н. Мосоловъ, учредитель Рыбинско-бологовской желѣзной дороги Н. Кирѣевъ, убитый потомъ въ Сербіи отставной кавказскій генералъ Серебряковъ, начальникъ одесскаго таможеннаго округа, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта Мордвиновъ, историкъ-публицистъ Щебальскій, профессоръ Орбинскій, который былъ избранъ представителемъ одесскаго отдѣленія Коммерческаго совѣта, князья Голицынъ и Витгенштейнъ, Стремоуховъ, Бларенбергъ, остроумный секретарь Чихачова, и мн. др. Общее вниманіе привлекъ также извѣстный американскій генералъ Банксъ, командовавшій корпусомъ сѣверныхъ войскъ въ Междоусобную войну, а въ это время занимавшій вид-

ный постъ предсѣдателя комиссіи иностранныхъ дѣлъ вашингтонскаго сената. Спутникомъ его былъ секретарь нью-іоркской торговой палаты молодой капитанъ волонтеровъ Апльтонъ, его бывшій адъютантъ. Американцы простотою своего обращенія составляли рѣзкій контрастъ съ жеманными польскими барынями, бывшими также нашими спутницами [1]).

Нѣсколько дней до отхода парохода дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, о которомъ извѣстная итальянская поговорка гласитъ:

Tramontane oscura,
Otto giorni dura...
Ma se resta anque otto
Sera certo dieci otto.

На этотъ разъ мудрость итальянскихъ моряковъ осталась не причемъ: къ общему удивленію, наканунѣ отхода заштилѣло, и все предвѣщало великолѣпный переходъ до Константинополя по Черному морю, обыкновенно въ это время капризному.

Карантинный молъ былъ наполненъ массою самой разнообразной публики, провожавшей на пароходъ родныхъ и знакомыхъ. Можно сказать, что «вся Одесса» съѣхалась въ Карантинную гавань. Хорошая погода и надежда страдать отъ морской болѣзни лишь въ отдаленномъ будущемъ производили на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, переходъ отъ Одессы до Босфора былъ похожъ на обыкновенное рѣчное плаваніе. На морѣ вообще

[1]) Поѣздку изъ Одессы въ Египетъ и торжество открытія канала я описалъ въ свое время подробно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Изъ спутниковъ моихъ, кромѣ капитана парохода, нынѣ отставного адмирала Коцебу, остались въ живыхъ Чихачовъ, Тернеръ, Мордвинов и Сущовъ. Остальные: адмиралы Манганари, Дюгамель, Горковенко, оберъ-шталмейстеръ кн. Голицынъ, генералы Тилло, Серебряковъ, инженеръ Романовъ, гр. Сологубъ, Щебальскій, Мосоловъ, П. Кирѣевъ, Орбинскій, Кази, кн. Витгенштейнъ, Стремоуховъ, Бларенбергъ, бар. Штейгеръ, американскій генералъ Банкс и мн. другіе уже въ гробу.

Померли и тогдашній представитель нашъ въ Египтѣ генеральный консулъ Лексъ, доставившій мнѣ приглашеніе отъ хедива, и агентъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ Александріи Пашковъ, любезный, истинно русскій человѣкъ, успѣвшій съѣсть въ короткое время два милліонныхъ наслѣдства.

люди знакомятся и сближаются очень скоро, а въ хорошую погоду, когда и дамы остаются наверху, сближеніе это идетъ еще скорѣе, и все общество черезъ нѣсколько часовъ представляетъ довольно тѣсный кружокъ.

Время въ пути и въ Египтѣ провели мы дружно и весело. Сущовъ, и тогда уже вѣсившій пудовъ десять, былъ душою общества и танцовалъ съ легкостью необыкновенной. Ни одна тучка не нарушила общаго радужнаго настроенія весьма многочисленнаго общества, гдѣ было нѣсколько замѣчательныхъ красавицъ русскихъ и польскихъ.

По принятому обыкновенію, вся публика встала на разсвѣтѣ, чтобъ любоваться знаменитыми видами Босфора. Константинополь оправдалъ всеобщія ожиданія и скорѣе превзошелъ ихъ. При бѣгломъ даже обзорѣ достопримѣчательностей города, обязательныхъ для путешественника: сераля, арсенала св. Ирины, св. Софіи, музея янычаръ, сераскеріата, кіоска Абдулъ-Меджида, мечети Ахмета, мечети Солимана, большого базара, башни Галаты, городской стѣны, разныхъ остатковъ византійской древности и т. п., я былъ пораженъ тѣмъ, что дѣйствительность совершенно противорѣчила составившимся у насъ понятіямъ о невѣжествѣ, безвкусіи и грязи всего турецкаго населенія.

Конечно, мое туркофильство быстро разлетѣлось потомъ отъ болѣе близкаго знакомства съ турецкою жизнью и порядками, но я передаю мои первыя впечатлѣнія. Болѣе всего понравились мнѣ въ Константинополѣ простота и отсутствіе всякаго казеннаго характера во всемъ, что мнѣ приходилось видѣть. Нельзя было отрицать также и значительнаго прогресса въ европейскомъ смыслѣ, сдѣланнаго Турціей. Всѣ новыя постройки были роскошны, многія улицы не только въ Перѣ, но и въ Стамбулѣ спрямлены, расширены и освѣщены газомъ; система водопроводовъ и водостоковъ замѣчательна; пассажирское пароходство необыкновенно дѣятельно и благоустроено, въ портѣ порядокъ. Повсюду страшная суета и оживленіе, но безъ давки и непріятностей. Нужно удивляться, какимъ образомъ могла уживаться масса слишкомъ въ милліонъ самаго разнохарактернаго населенія въ городѣ, гдѣ не было ни полиціи, ни муниципальной администраціи въ серьезномъ значеніи этого слова.

Я бы могъ припомнить многое о хитрости греческихъ чичероне, ловкости босфорскихъ каичниковъ, замѣчательныхъ гражданскихъ доблестяхъ константинопольскихъ собакъ, достоинствахъ турецкаго кофе и баранины, о прелестяхъ турецкой бани и объ отъявленной глупости мѣстной иностранной журналистики, поголовно враждебной Россіи; но обо всемъ этомъ было писано и переписано.

Свѣжій сѣверный вѣтеръ, подувшій незадолго до нашего отплытія изъ Босфора, предвѣщалъ весьма непріятный переходъ по Архипелагу и Средиземному морю. Поэтому пароходы «Коцебу» и «Владиміръ» направились узкими проливами, отдѣляющими малоазіатскій берегъ отъ острововъ. Конечно, отъ подобнаго направленія пути мы были только въ выигрышѣ, такъ какъ, вмѣсто открытаго моря, хотя мелькомъ, удалось посмотрѣть на мѣста, прославленныя классическою исторіею, поэзіею и археологіею.

Видъ Дарданеллъ, довольно красивый, производитъ слабое впечатлѣніе, послѣ чудныхъ красотъ Босфора. Въ проливѣ мы обогнали пароходъ «Тамань», на которомъ ѣхалъ русскій посолъ въ Константинополѣ гр. Игнатьевъ, чтобы пересѣсть на военный клиперъ «Яхонтъ» и отправиться также къ открытію Суэцкаго канала. Пассажиры, утомленные качкою въ Мраморномъ морѣ, лѣниво подымались утромъ, чтобы посмотрѣть на древній Геллеспонтъ.

Берега Троады и видъ горы Иды, которые мы увидѣли, пройдя островъ Тенедосъ, извѣстный плохимъ виномъ, весьма распространеннымъ въ Константинополѣ, произвели на пароходѣ сильное волненіе; но сенсація эта—увы!—не была послѣдствіемъ чтенія Гомера или какого-либо сочувствія къ древней классикѣ. Главную роль тутъ игралъ маэстро Оффенбахъ. Во всѣхъ концахъ парохода только и слышалось: «Au mont Ida les trois deesses», «Il nous faut de l'amour» и «Dis moi, Venus», и др. куплеты изъ «Belle Hélène».

Видъ Чесменской бухты возбудилъ болѣе серьезныя мысли. Пароходная публика пропѣла хоромъ русскій гимнъ и выпила по бокалу шампанскаго въ воспоминаніе славныхъ подвиговъ Грейга, Спиридова и Ильина.

Митилене, древній Лесбосъ, родина страстной Сафо, снова придалъ нашимъ мыслямъ болѣе игривый оттѣнокъ. Городъ Митилене, богатый и торговый, былъ сильно поврежденъ землятресеніемъ. Изъ острововъ Архипелага болѣе другихъ производитъ пріятное впечатлѣніе видъ Хіоса. Весьма красивъ также на этомъ пути видъ мыса Баба, крайней точки малоазіатскаго берега; вообще же красота Архипелага уменьшается отсутствіемъ зелени и однообразнымъ колоритомъ горъ.

Чтобы не входить ночью въ Портъ-Саидъ, пароходы наши зашли въ Родосъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ, во многихъ отношеніяхъ, пунктовъ Востока. Въ родосской гавани мы застали яхту англійскаго посла въ Константинополѣ, также отдыхавшаго въ Родосѣ на пути въ Суэцъ. Родосъ, съ его огромною крѣпостью и остатками башенъ, очень красивъ съ моря. Крѣпость эта—остатокъ господствовавшаго здѣсь до 1523 года ордена Іоанна Іерусалимскаго—не имѣетъ никакого военнаго значенія, но турки почему-то считали ее очень важною, христіанамъ запрещали селиться въ крѣпости и выходъ послѣ заката солнца изъ города былъ также воспрещенъ. Почва Родоса богата, положеніе острова въ торговомъ отношеніи выгодно, но производительность острова мало развивалась и жители предпочитали переселяться на малоазіатскій берегъ.

Поспоривъ немного о мѣстѣ, гдѣ стоялъ Колоссъ родосскій, такъ какъ указанія печатнаго гида на этотъ счетъ были темны, мы сѣли въ утлыя греческія лодки и поѣхали по сильно волнующемуся морю въ городъ. Небольшая набережная у внутренняго порта занята кофейнями. Хлебнувъ наскоро турецкой кофейной гущи, толпою двинулись мы далѣе по знаменитой Рыцарской улицѣ, на которой всѣ дома сохранили въ цѣлости мраморные гербы своихъ бывшихъ благороднорожденныхъ владѣльцевъ. Прогулка по Родосу пріятна, потому что улицы хотя узки, но очень чисты и красиво вымощены морскою галькою, раположенною затѣйливыми узорами. Многія древнія зданія сохранялись очень хорошо. Къ сожалѣнію, сильный пороховой взрывъ разрушилъ незадолго до нашего посѣщенія знаменитый соборный храмъ св. Іоанна, и на его мѣстѣ мы нашли только огромную яму и кучу обломковъ.

Кромѣ остатковъ древностей, Родосъ интересенъ по своему еврейскому населенію, красивому, дѣятельному и даже, что удивительнѣе всего, довольно опрятному. Мы осмотрѣли еврейскій

кварталъ, обширные базары и, обойдя вокругъ крѣпости, прошли и по европейскому кварталу. Внутренность нѣкоторыхъ дворовъ, куда любезно приглашали насъ хозяева, прелестна и напоминала мавританскія постройки въ Испаніи. Посреди двора большіе бассейны, и среди живописной зелени замѣтно выдавались финиковыя пальмы и огромные кактусы въ нѣсколько саженъ вышиною.

Послѣ двухъ-часовой прогулки пѣшкомъ и верхомъ на ослахъ, мы съ горестью замѣтили, что пора возвращаться на пароходъ, который прыгалъ на волнахъ какъ пробка. Въ придачу «Коцебу» стоялъ далеко, а лодочникъ, везшій насъ на душегубкѣ, оказался съ одною рукою! Съ величайшими усиліями, гребя однимъ весломъ, доставилъ онъ насъ. Пятидневный переѣздъ утомилъ всѣхъ, а пріятная перспектива бѣдствовать еще два дня въ Средиземномъ морѣ наводила общее уныніе. Грустныя ожиданія наши оправдались. Вѣтеръ съ заходомъ солнца перешелъ въ жестокій штормъ, который развелъ огромное волненіе. Я плавалъ по разнымъ морямъ, но первый разъ увидѣлъ такія высокія волны. Къ счастію нашему, вѣтеръ былъ для парохода совершенно попутный; при противномъ вѣтрѣ волны переливали бы черезъ палубу; при боковомъ вѣтрѣ мы были бы принуждены болтаться нѣсколько сутокъ на мѣстѣ. Пароходъ нашъ прыгалъ быстро по волнамъ, подгоняемый вѣтромъ и обливаемый всплесками волнъ. Во время всего перехода до африканскаго берега вѣтеръ дулъ почти съ одинаковою силою.

Не стану описывать сценъ на пароходѣ во время качки, хотя, признаюсь, не знаю ничего комичнѣе, какъ вообще всѣ подобные морскіе переходы. Самыя забавныя сцены происходили, конечно, во время обѣда, когда всѣ спорили за право сидѣть по краямъ столовъ, чтобы имѣть, по возможности, кратчайшій путь къ отступленію на пароходную палубу. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что большинство публики нашего парохода переносило очень хорошо морскую болѣзнь. Дамы подавали примѣръ храбрости и жестоко преслѣдовали насмѣшками слабыхъ смертныхъ. Поставленные въ критическое положеніе между яростью моря и самолюбіемъ, послѣдніе потратили не мало усилій, достойныхъ лучшей участи, чтобы бороться съ мучительною рвотою.

Одна изъ непріятныхъ сторонъ морской качки заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что всѣ разговоры исключительно сводятся къ состоянію желудка, что въ теченіе нѣсколькихъ дней немного прискучаетъ. Какъ сильна была качка, можно судить по тому, что на пароходѣ «Коцебу» помѣстился Сытенко, изобрѣтатель новаго кресла, предохраняющаго отъ морской болѣзни. Въ Черномъ морѣ, при штилѣ, кресло въ самомъ дѣлѣ дѣйствовало великолѣпно. Но въ Средиземномъ сильнымъ ударомъ волны такъ покачнуло пароходъ, что желѣзное кресло опрокинулось, и бѣдный изобрѣтатель полетѣлъ вверхъ ногами, лично удостовѣряясь въ недоброкачественности своего изобрѣтенія.

По всѣмъ мученіямъ бываетъ конецъ. Морская вода замѣтно приняла мутный цвѣтъ; это ясно указывало на близость устьевъ Нила; наконецъ мы замѣтили на горизонтѣ портъ-саидскій маякъ и лѣсъ мачтъ судовъ, стоявшихъ въ гавани и на рейдѣ. Издали видъ Порта-Саида напоминалъ Кронштадтъ, если посмотрѣть на послѣдній изъ Петергофа. Вблизи Портъ-Саидъ не производилъ особенно пріятнаго впечатлѣнія, хотя нельзя было отказать ему въ извѣстной оригинальности.

Новый городъ представился въ слѣдующемъ видѣ. У входа въ портъ стояла англійская эскадра; коварный Альбіонъ какъ бы не довѣрялъ, дѣйствительно ли Портъ-Саидъ можетъ служить стоянкою для большихъ кораблей. Два мола изъ набросанныхъ искусственныхъ камней далеко выдавались въ море; они защищаютъ портъ отъ наносовъ Нила и приносимыхъ морскими теченіями. Около западнаго мола образовалась уже обширная отмель, о которую съ яростью разбивались мутныя волны. Мель эта постепенно растетъ и, соотвѣтственно этому, приходится выдвигать въ море молы. Гавань Портъ-Саида вся не была очищена, а только прорытъ широкій каналъ, въ 400 метровъ шириною. Каналъ начиналъ уже заносить пескомъ, просачивающимся сквозь жете, и по немъ нельзя было проходить безъ лоцмана. Прямо передъ нами возвышалась огромная башня не совсѣмъ оконченнаго электрическаго маяка, сдѣланнаго изъ бетона; налѣво, на берегу, виднѣлись мастерскія компаніи Дюссо, строившей портъ, а направо правильно разбитъ городъ Саидъ, считавшій болѣе десяти тысячъ жителей. На дальнемъ планѣ виднѣлось

огромное озеро Мензалехъ, по которому шныряли арабскія лодки съ косыми парусами.

При входѣ въ гавань, подъѣхалъ къ намъ лоцманскій пароходикъ, съ котораго компанейскій французикъ наивно спросилъ: «N'avez vous à bord quelques rois, ambassadeurs, ou quelque chose de semblable», полагая, повидимому, что важныя особы должны десятками съѣзжаться къ ихъ торжеству. Узнавъ, что мы обыкновенные смертные, онъ попросилъ насъ терпѣливо подождать, ибо въ порту былъ какой-то безпорядокъ. Ожиданіе это сопровождалось немалыми непріятностями. Пароходъ, остановленный параллельно волнамъ, начало качать такъ, что разбилось множество посуды и въ кухнѣ полетѣлъ на полъ весь приготовленный завтракъ.

Послѣ получасоваго ожиданія, «Коцебу» началъ медленно входить въ портъ. Моментъ для того былъ крайне удаченъ, потому что въ это время императоръ австрійскій дѣлалъ визитъ египетскому вице-королю. Намъ представилась великолѣпная картина: по обѣимъ сторонамъ гавани стояли огромные паровые фрегаты, яхты и военные, почтовые и пассажирскіе пароходы, турецкіе, египетскіе, австрійскіе, французскіе, прусскіе, итальянскіе, шведскіе, датскіе, испанскіе. Недоставало только русскаго военнаго флага. Весь этотъ огромный флотъ былъ разубранъ флагами; матросы, въ разнообразныхъ мундирахъ, стояли на вантахъ и реяхъ; слышалась военная музыка, и отъ безчисленныхъ салютовъ, какъ говорится, «небу было жарко». Мимо насъ проѣхалъ въ изящной шлюпкѣ императоръ австрійскій со свитою, всѣ въ бѣлыхъ мундирахъ съ зелеными султанами.

Мѣсто для русскихъ пароходовъ было отведено прекрасное, прямо противъ громадной яхты египетскаго вице-короля «Махрусса» и нѣсколько наискось отъ яхты императора австрійскаго. Рядомъ съ нами стоялъ огромный прусскій фрегатъ съ гардемаринами, а сзади фрегатъ датскій, сильно надоѣдавшіе намъ безпрерывными выстрѣлами, почти въ упоръ.

По русскому обыкновенію—не спѣша выходить на бусурманскую землю—мы сѣли за завтракъ, вторично на-скоро приготовленный. Шампанское, лившееся рѣкою, удовольствіе окончить непріятный морской переходъ и хорошее впечатлѣніе отъ всего видѣннаго развязали языки. Россія, ея будущее, русская торговля и мореходство интересовали, повидимому, присутствовавшихъ болѣе всѣхъ Суэцовъ. Горковенко предложилъ тостъ за здоровье Чихачова, директора-распорядителя Общества, на пароходахъ котораго мы пользовались такимъ комфортомъ. Романовъ напомнилъ, что адмиралъ, подъ предводительствомъ котораго пришли первые русскіе пароходы въ Суэцъ, велъ также и первое судно наше въ Китай, и пожелалъ, чтобъ Русское Общество Пароходства продолжило со временемъ свои рейсы и до русскихъ портовъ Тихаго Океана. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей Чихачова, Суцова, Кирѣева и др. о будущности русскаго флота и о значеніи мирныхъ торговыхъ завоеваній, Щебальскій предложилъ тостъ за нашихъ «друзей американцевъ» и пожелалъ видѣть скорѣйшее осуществленіе прорытія Панамскаго перешейка. На это привѣтствіе генералъ Банксъ отвѣчалъ превосходною, по мысли и искусству изложенія, рѣчью, гдѣ объяснялъ причины сближенія двухъ народовъ, увы! нынѣ, благодаря, жидамъ, прекратившагося. Рѣчь Банкса была прервана самымъ одушевленнымъ исполненіемъ народнаго гимна. Завтракъ заключился предложеннымъ мною и принятымъ горячо тостомъ за дамъ, рискнувшихъ совершить непріятный морской переходъ.

Послѣ завтрака ѣхавшій на пароходѣ петербургскій фотографъ Старкъ снялъ общую группу съ пассажировъ, причемъ не обошлось безъ порядочной суматохи со стороны дамъ, протестовавшихъ противъ идеи снимать портреты въ то время, когда отъ морского вѣтра покрылись загаромъ ихъ розовыя щечки. Публика отправилась затѣмъ смотрѣть городъ, а я, съ прочими депутатами, поѣхалъ, подъ предводительствомъ нашего генеральнаго консула въ Каирѣ Лекса, молодого развязнаго дипломата, представляться вице-королю или хедиву египетскому на его великолѣпную яхту «Махрусса». Насъ познакомили сначала съ первымъ министромъ Шерифъ-пашою, очень любезнымъ господиномъ, пріятной наружности, и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Нубаръ-пашою, ловкимъ армяниномъ, котораго здѣсь всѣ хвалили, какъ, наоборотъ, бранили министра финансовъ Измаилъ-пашу-Садыка. Вѣроятно, это происходило оттого, что отъ перваго зависѣли приглашенія на придворные балы, а отъ второго непріят-

ныя для каждаго подати. Нѣсколько минутъ спустя насъ пригласили къ вице-королю, который встрѣтилъ гостей у порога великолѣпной пріемной залы, устроенной въ рубкѣ парохода.

Вице-король Измаилъ былъ небольшого роста, довольно толстый мужчина, съ женственными манерами и слегка усталымъ лицомъ; на видъ ему казалось болѣе тридцати-девяти лѣтъ. Онъ свободно говорилъ по-французски, хотя и съ неправильнымъ выговоромъ. Пріемъ вице-короля былъ для русскихъ гостей самый любезный; разговоръ вертѣлся, конечно, на морскомъ плаваніи и Суэцкомъ каналѣ. Вице-король болталъ очень свободно и даже острилъ. Въ заключеніе предложилъ намъ осмотрѣть свою яхту.

«Махрусса» считалось первымъ въ мірѣ судномъ по роскошной отдѣлкѣ; она была построена въ Англіи на заводѣ Пена и обошлась въ 10 милліоновъ франковъ—сумма не малая для египетскаго бюджета. На пароходѣ были соединены всѣ затѣи восточной роскоши съ искусствомъ европейскаго исполненія. Я замѣтилъ, что всѣ часовые и матросы были въ роскошныхъ красныхъ мундирахъ, но босые. Подобное одѣяніе лучшая картина тогдашняго состоянія Египта. Въ то время, когда вице-король жилъ въ роскоши, о которой не имѣли понятія большая часть государей Европѣ, когда министры его получали жалованье по 300 и 400 тысячъ франковъ въ годъ, т. е. въ шесть разъ болѣе прусскихъ министровъ, простой народъ, феллахи, пребывали въ самой жалкой бѣдности. Между тѣмъ по замѣчательному плодородію своей почвы и географическому положенію Египетъ долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ по богатству. О почвѣ Египта можно судить по тому, что даже на пескѣ пустыни около канала стоило полить прѣсною водою, чтобъ выросла богатѣйшая растительность. Доходы хедива превосходили 60 милліоновъ рублей въ годъ; цифра недурная, но и ея не хватало для широкой натуры Измаила.

При большихъ недостаткахъ Измаилъ-паша обладалъ и крупными достоинствами. Хитрый, неразборчивый въ средствахъ, расточительный и чрезвычайно тщеславный, онъ умѣлъ управлять и былъ человѣкомъ дѣловымъ; онъ умѣлъ также отличить свой интересъ и ловко защищать его. Реформа юстиціи, смѣлое содѣйствіе, оказанное постройкѣ Суэцкаго канала, и исполненіе дру-

гихъ общественныхъ работъ въ Египтѣ показываютъ, что этотъ турка не былъ чуждъ широкимъ идеямъ.

Въ ожиданіи бала у вице-короля, на который мы получили приглашеніе отъ Нубаръ-паши, я поѣхалъ осматривать городъ. строившійся Портъ-Саидъ напоминалъ нашъ Калачъ и другіе пункты, возникшіе случайно проведеніемъ улучшенныхъ путей. Европейскій кварталъ былъ невзрачень, но оживленъ. Далѣе шелъ арабскій кварталъ или деревня. Дома были выстроены у европейцевъ въ родѣ легкихъ бараковъ съ фундаментомъ изъ бетона, около домовъ садики тропическихъ растеній, на улицахъ глубокій песокъ. Французская цивилизація сказывалась, какъ и вездѣ, кафе-шантаномъ, съ плохими пѣвицами, множествомъ кафе и громкими вывѣсками.

Востокъ былъ виденъ на публичной продажѣ картинокъ самаго скабрезнаго содержанія и беззастѣнчивому исполненію на улицѣ разнообразныхъ жизненныхъ отправленій. Въ арабскомъ кварталѣ проституція совершалась открыто. Женщины сидѣли, по древнему обычаю, на перекресткахъ; онѣ понимали французскія фразы. Между проститутками преобладали негритянки и абиссинки, послѣднія красивыя.

Я сдѣлалъ визитъ Лессепсу и встрѣтилъ въ немъ весьма любезнаго и простого въ обращеніи человѣка. Онъ былъ средняго роста, довольно пріятной наружности, сѣдой, съ темными усами, и не имѣлъ общей большинству французовъ парикмахерской фигуры. Какъ всѣхъ весьма дѣятельныхъ людей, будущее, повидимому, занимало Лессепса болѣе прошедшаго, и голова его задумывала уже различные новые планы. Вообще онъ имѣлъ видъ озабоченный, что и понятно въ суматохѣ, господствовавшей въ это время на каналѣ. Въ тотъ же день Лессепсу давали большой обѣдъ его сослуживцы. Обѣдъ былъ въ клубѣ, который я тоже осмотрѣлъ, но не нашелъ ничего особеннаго. Недалеко отъ клуба помѣщалось кафе, гдѣ въ 1 и 6 часу можно было завтракать и обѣдать на счетъ хедива, съ условіемъ не пить болѣе пяти бутылокъ вина на брата—условіе довольно снисходительное для страны, гдѣ гордо развѣвающіеся красные флаги съ полумѣсяцемъ указывали на царство Алкорана, узаконивающаго подъ смертною казнью трезвость.

Послѣ плохого обѣда въ швейцарскомъ ресторанѣ я надѣлъ фракъ и отправился на балъ къ вице-королю, данный имъ на своей яхтѣ. Туалеты дамъ задержали насъ, по обыкновенію, и, когда мы пріѣхали, залы яхты были уже наполнены разнообразною международною публикою. Палубы были закрыты тентомъ и яхта превратилась такимъ образомъ въ трехъ-этажный великолѣпный домъ. Измаилъ былъ въ средней залѣ, въ роскошномъ шитомъ мундирѣ; тутъ же и танцовали подъ звуки очень хорошей египетской военной музыки. Толкотня въ залахъ была порядочная; преобладали, конечно, морскіе офицеры всѣхъ странъ; кромѣ того, было много французовъ, строителей канала. Наиболѣе замѣтно выдавались второй сынъ хедива, англійскій посолъ Эллiотъ, Лессепсъ и множество адмираловъ. Женскій персоналъ сравнительно былъ весьма немногочисленъ, да и мало интересенъ. Я замѣтилъ только падчерицу Лессепса, живую полную француженку съ черными глазами, и невѣсту Лессепса—тоже живую, но худощавую француженку, креолку съ острова Бурбона, и тоже съ черными глазами. Женою она ему потомъ нарожала множество дѣтей. Было нѣсколько англичанокъ, уродливыхъ и безвкусно одѣтыхъ.

Публика толкалась по заламъ яхты часа два; хедивъ игралъ роль любезнаго хозяина, министры его бойко танцовали кадрили и вальсы. Въ двѣнадцать часовъ былъ поданъ ужинъ à la fourchette, состоявшій изъ холоднаго жаркого, какихъ-то пряничковъ и теплаго шампанскаго. Послѣдняго наливали въ изобиліи. Обратный путь на пароходъ по гавани въ шлюпкѣ ночью, среди кораблей, великолѣпно освѣщенныхъ цвѣтными фонарями, производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Тому же способствовала теплая, совершенно лѣтняя ночь, невольно наводившая на мысль о томъ, что въ Петербургѣ наши друзья въ это время исправно отмораживали себѣ носы. Прелестная тишина въ гавани искусила насъ затянуть во все горло «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», къ великому удивленію сновавшихъ мимо лодокъ, наполненныхъ разнообразною публикой. Русская пѣсня вообще часто раздавалась на нашемъ пароходѣ во время путешествія.

4-го ноября мы были разбужены поутру громомъ салютовъ, указывавшихъ, что приближается французская императорская яхта

«Aigle», на которой ѣхала императрица Евгенія. Наскоро одѣвшись, выбѣжали мы наверхъ и увидѣли великолѣпную картину. По всѣмъ реямъ стояли матросы, музыка играла «Partant pour la Syrie», и каждую минуту раздавались выстрѣлы; въ особенности отличались очень частою и равномѣрною стрѣльбою (морской шикъ) французскіе корабли. «Aigle» медленно прошелъ мимо нашего парохода и бросилъ якорь насупротивъ, по другую сторону гавани. На верхней палубѣ сидѣла императрица въ бѣлой тальмѣ и въ морской кожаной шляпѣ, подъ синимъ вуалемъ. Изъ свиты ея наиболѣе выдавались принцъ Мюратъ, рослый мужчина въ костюмѣ африканскихъ егерей, и посолъ въ Константинополѣ Буре.

Первымъ пріѣхалъ на яхту съ поздравленіемъ Лессепсъ. Императрица приняла его любезно, не сходя съ палубы. Затѣмъ, по очереди, начали дѣлать императрицѣ визиты хедивъ, австрійскій императоръ, наслѣдный принцъ прусскій, принцъ Генрихъ нидерландскій, принцъ Людвигъ гессенскій и послы. Визиты эти подняли въ портѣ цѣлый адъ. Битыхъ два часа наша барабанная перепонка невыносимо страдала, во имя морскихъ приличій, ибо вѣжливость требуетъ при каждомъ визитѣ поднять флагъ гостя и отсалютовать десятками двумя или тремя выстрѣловъ. Корабль салютуемаго флага долженъ немедленно отвѣчать тѣмъ же. Отъ салютовъ на «Коцебу» положительно разбилось нѣсколько стеколъ, а съ нервными дамами дѣлались истерики. Вдова одного севастопольскаго героя особенно страдала, вспоминая смерть своихъ друзей на бастіонахъ. Среди безчисленныхъ салютовъ мы услыхали звуки «Боже, Царя храни». Это вошелъ въ каналъ русскій клиперъ «Яхонтъ» съ нашимъ посломъ, гр. Игнатьевымъ. Прибытіе «Яхонта» восполнило недостатокъ русскаго военнаго флага. Къ сожалѣнію, «Яхонтъ», давно крейсировавшій въ греческихъ водахъ и посланный внезапно въ Портъ-Саидъ, не могъ служить достаточнымъ представителемъ нашего флота среди нарядныхъ иностранныхъ эскадръ. За то число русскихъ красавицъ увеличилось прибытіемъ гр. Литке.

НА ОТКРЫТІИ СУЭЦКАГО КАНАЛА.

XXXI.

Первое торжество открытія канала должно было происходить на берегу Средиземнаго моря. На песчаной отмели были устроены три красивыхъ павильона; одинъ большой, украшенный зеленью, назначался для высокихъ гостей, а два другіе для богослуженія: лѣвый, зеленый — для магометанскаго, а правый, голубой—для католическаго. Путь къ павильонамъ шелъ отъ тріумфіальныхъ воротъ на набережной по деревянному помосту, среди двухъ египетскихъ полковъ, расположенныхъ шпалерами. Артиллерія стояла около павильоновъ. Египетская пѣхота была одѣта красиво, по образцу французскихъ зуавовъ, и вооружена ударными штуцерами, но солдаты малорослы и многіе страдали глазными болѣзнями, вообще же видъ ихъ былъ опрятный и выправка удовлетворительная; всѣ солдаты въ бѣлыхъ перчаткахъ. Полиція египетская, одѣтая по-французски, отличалась любезностью къ европейцамъ. Въ Египтѣ, какъ и въ Константинополѣ, нравились простота и отсутствіе излишней регламентаціи и полицейской суетливости.

Послѣ получасового ожиданія, при новомъ громѣ выстрѣловъ, явилась императрица Евгенія подъ-руку съ императоромъ австрійскимъ; нѣсколько дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ поднесли ей цвѣты и стихи. Въ большомъ павильонѣ сѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди египетскій вице-король, императрица, императоръ австрійскій, принцы — прусскій, голландскій, Людвигъ гессенскій

и принцъ Мюратъ. Во второй линіи выдавались: умная фигура Абдель-Кадера въ бѣломъ бурнусѣ, съ лентою Османіе [1]), двое сыновей хедива, неудачный соперникъ Бисмарка и авторъ дуализма баронъ Бейстъ съ тонкими лукавыми чертами лица, красивый и молодцоватый графъ Андраши, въ венгерскомъ національномъ костюмѣ, адмиралъ Тегеттофъ, баронъ Прокешъ-Остенъ, французскій министръ Бегикъ, Буре, хорошенькая брюнетка г-жа Ташеръ-де-ла-Пажери и двѣ блондинки, дѣвицы д'Альбъ; тутъ же была жена русскаго посла и др. дамы. Сзади расположились остальные приглашенные, а по обоимъ крыльямъ — греческое духовенство. Передъ эстрадой сидѣли городскія дамы, среди которыхъ, по счастливой случайности, попалъ и я. На всѣхъ генералахъ былъ орденъ Османіе.

Императрица Евгенія была въ платьѣ изъ свѣтло-сиреневаго фая, открытомъ спереди и отдѣланномъ алансонами; на головѣ была у ней круглая черная шляпка съ такими же вуалемъ и вуалеткою; роль модести замѣнялъ на груди небольшой сиреневый цвѣтокъ. Несмотря на свои сорокъ-три года, императрица Евгенія казалась красивой женщиной, съ бѣлокурыми волосами, темными бровями, глазами краснваго голубого цвѣта и гибкою не по лѣтамъ таліей. Вся фигура ея дышала изяществомъ. Она была похожа на свои многочисленные портреты. Императоръ австрійскій — съ большими бѣлокурыми усами и бакенбардами и отвислою губою Габсбурга — былъ въ бѣломъ мундирѣ и шляпѣ съ зеленымъ плюмажемъ. Молодцоватаго принца прусскаго я видѣлъ уже въ Петербургѣ. Нидерландскій принцъ — большого роста, слегка худощавый, имѣлъ видъ пожилой и серьезный; принцесса нидерландская — пожилая блондинка съ пріятными чертами лица. Принцъ гессенскій — совершенно молодой еще человѣкъ, въ прусскомъ мундирѣ.

Торжество началось магометанскимъ богослуженіемъ, которое состояло, впрочемъ, въ томъ, что старикъ мулла, окруженный улемами, пробормоталъ нѣсколько словъ, поглядывая въ руко-

---

[1]) Этому врагу Франціи былъ предоставленъ даже особый фрегатъ «Forbin». Такая излишняя любезность не помѣшала въ слѣдующемъ же году разразиться въ Алжирѣ жестокому возстанію арабовъ.

писный коранъ. Остряки говорили, что онъ повѣряетъ свои счеты изъ мелочной лавки. Зато католическое богослуженіе совершалось довольно торжественно. Самою замѣчательною частью его была проповѣдь, или, правильнѣе, спичъ, нарочно для того выписаннаго, знаменитаго парижскаго проповѣдника Бауэра.

Бауэръ, толстякъ съ выразительными еврейскими чертами лица, громкимъ голосомъ и адвокатскими пріемами. Рѣчь его вызвала дружные браво и аплодисменты, не совсѣмъ, конечно, приличные среди богослуженія. Рѣчь аббата, полная громкихъ фразъ, отличалась искусствомъ изложенія. Замѣчательно, что Бауэръ, ставшій впослѣдствіи нигилистомъ, не упомянулъ въ своей рѣчи ни одного слова о религіи, зато наговорилъ тысячу самыхъ утонченныхъ комплиментовъ вице-королю, императрицѣ Евгеніи, императору австрійскому и Лессепсу. Въ жару краснорѣчія онъ благодарилъ хедива отъ имени христіанской религіи и даже предложилъ считать новую эру со дня открытія канала. Къ сожалѣнію, извѣстія, что каналъ далеко не оконченъ и что въ торжественную процессію по каналу не пустятъ и половины приглашенныхъ судовъ, не совсѣмъ вязались съ этими громкими фразами. Между прочимъ ораторъ замѣтилъ, что только варварство могло противиться сооруженію канала. Это было по адресу множества присутствовавшихъ на торжествѣ англичанъ—враговъ канала. Послѣ благословенія епископа, которое императрица прослушала, благоговѣйно наклонившись, церемонія окончилась, и процессія двинулась тѣмъ же порядкомъ обратно къ шлюпкамъ.

Вечеромъ того же дня былъ сожженъ большой фейерверкъ у входа въ каналъ, отмѣченнаго двумя огромными деревянными обелисками. Самъ по себѣ фейерверкъ не былъ особенно замѣчателенъ, но производилъ недурной эффектъ на темномъ фонѣ южной ночи, на берегу спокойнаго моря, среди великолѣпно иллюминованныхъ судовъ.

5-го (17-го) ноября, вмѣсто назначенныхъ по росписанію шести часовъ утра, только въ восемь съ четвертью императрица Евгенія открыла своей яхтой «Aigle» торжественное шествіе по каналу. Вице-король еще наканунѣ, вечеромъ, уѣхалъ въ Измаилъ на легкомъ колесномъ пароходѣ. Послѣ долгихъ колебаній, инженеры рѣшили, наконецъ, что въ каналѣ могутъ пройти

суда, не сидящія глубже 5 метровъ (каналу слѣдовало быть, между тѣмъ, въ 8 метровъ глубиною). Такое неожиданное рѣшеніе лишило возможности большую часть судовъ принять участіе въ процессіи. Неизвѣстность о томъ, какого размѣра суда будутъ въ состояніи войти въ каналъ, не позволила составить заранѣе ясно-опредѣленную программу торжества. Въ присланномъ утромъ на пароходъ росписаніи было сказано, что суда будутъ раздѣлены на пять категорій: суда царственныхъ особъ и пословъ, военныя суда, почтовые пароходы, коммерческія суда и суда частныхъ лицъ.

На самомъ дѣлѣ порядокъ этотъ былъ перепутанъ преимущественно англичанами. Передъ нами медленно вошли въ каналъ, послѣ яхты императрицы Евгеніи, яхта «Greif», императора австрійскаго, съ двумя пароходами, яхта «Grille» наслѣднаго принца прусскаго, съ прусскою канонеркою «Delphine», яхта принца нидерландскаго, яхта англійскаго посла, клиперъ «Яхонтъ» съ русскимъ посломъ. Клиперъ былъ встрѣченъ криками «ура» съ русскихъ пароходовъ, звуками народнаго гимна съ датскаго фрегата и шумомъ петардъ съ греческихъ лодокъ. За «Яхонтомъ» шелъ пароходъ «Peluse», на которомъ ѣхала администрація канала, и нѣсколько военныхъ англійскихъ и французскихъ судовъ. Послѣ нѣсколькихъ пароходовъ австрійскаго «Ллойда», французской компаніи «Messageries Imperiales», тронулся «Коцебу», а за нимъ «Владиміръ».

Медленно тянулись мы по каналу, разсматривая оригинальные, хотя и утомительно-однообразные виды по его берегамъ. Общій характеръ мѣстности до Измаиліи можно представить себѣ слѣдующимъ образомъ: почти прямолинейный каналъ мутной воды, шириною отъ 25 до 50 саженъ, съ откосами изъ сыпучаго песка и сѣраго ила. По сторонамъ виднѣется озеро Меназалехъ, на половину высохшее, или песчаная степь, на которой играютъ миражи; небо ясно, въ воздухѣ никакого движенія, никакого звука.

На опредѣленныхъ разстояніяхъ устроены по каналу небольшія поселенія рабочихъ и администраціи, состоящія изъ чистенькихъ мазаныхъ домиковъ, расположенныхъ правильными улицами. Все это было убрано флагами и транспарантами. Значительнѣй-

шее изъ поселеній — Эль-Кантара, чрезъ которое идетъ караванный путь изъ Египта въ Сирію. У перекидного моста мы видѣли маленькій караванъ дромадеровъ, лежащихъ на пескѣ, и арабовъ, сидящихъ у костра въ ихъ классическихъ полосатыхъ бурнусахъ. Все это производило впечатлѣніе довольно унылое, и только воображеніе, рисовавшее будущую кипучую дѣятельность по каналу, примиряло нѣсколько со скучною дѣйствительностью. Наиболѣе интересны были безпрерывно встрѣчающіяся по каналу громадныя землечерпательныя машины (drague à long couloir и élévateur), за усовершенствованіе которыхъ подрядчики компаніи Борель и Лавалле получили большую премію отъ французской академіи. При помощи только этихъ громадныхъ махинъ компанія успѣвала извлекать изъ канала ежемѣсячно по два милліона куб. метровъ грунта. Въ послѣднее время работы были организованы такъ удачно, что подрядчики предлагали за пятьдесятъ милліоновъ франковъ расширить каналъ вдвое. Между тѣмъ каналъ обошелся слишкомъ въ четыреста двадцать милліоновъ франковъ,—въ два раза дороже противъ первоначальнаго предположенія.

Не доходя верстъ пять до Измаиліи, въ 8 часовъ вечера, мы были внезапно остановлены и принуждены бросить якорь. Оказалось, что пароходъ «Peluse», принадлежавшій самой администраціи, сѣлъ на мель и загородилъ всѣмъ дорогу,—курьезный случай, воспѣтый въ зломъ стихотвореніи Теофилемъ Готье. Такимъ образомъ только на другой день было возможно войти въ озеро Тимса и осмотрѣть Измаилію. Издали видѣли мы, что въ Измаиліи, для развлеченія, снова былъ сожженъ фейерверкъ во время весьма интереснаго бедуинскаго праздника.

6-го ноября, утромъ, въ восемь часовъ, пароходъ «Коцебу» вошелъ въ озеро Тимса (Крокодиловое), образующее родъ внутренней гавани въ Суэцкомъ каналѣ. Берега озера покрыты сыпучимъ пескомъ, но кое-гдѣ появились уже кустарники. Замѣчательно, что съ устройствомъ канала климатъ перешейка сдѣлался влажнѣе и, говорили, въ послѣднія пять лѣтъ выпало уже три дождя! На западномъ берегу озера расположенъ новосозданный городокъ Измаилія — пребываніе центральнаго управленія каналомъ.

Общій видъ гавани Тимса, послѣ Портъ-Саида, не производилъ уже особаго впечатлѣнія, такъ какъ только около тридцати судовъ, и то второстепеннаго ранга, могли войти въ каналъ. Во всякомъ случаѣ, видъ десятковъ кораблей, великолѣпно иллюминованныхъ, на гладкомъ озерѣ, подъ яснымъ небомъ Африки, не былъ лишенъ пріятности.

Суда стояли въ четыре линіи довольно просторно, вслѣдствіе чего нашъ пароходъ очутился отъ берега очень далеко, что, при небольшомъ числѣ имѣвшихся въ Измаиліи лодокъ, дѣлало сообщеніе съ городомъ довольно затруднительнымъ. На берегу полагался для всѣхъ завтракъ и обѣдъ отъ хедива, но помѣщеніе отводилось только въ палаткѣ, тѣсное и неудобное. Кушанье было неважное, но вина и въ особенности шампанскаго сколько угодно. Говорятъ, что хедивъ платилъ за это удовольствіе предпринимателямъ по 60 франковъ въ день за человѣка, что на число приглашенныхъ, не менѣе какъ въ тысячу лицъ, составляло довольно круглую цифру въ 18 тыс. руб. въ день. Такая роскошь легко объясняла, почему какой-то феллахъ, встрѣченный мною въ Измаиліи, жевалъ, должно быть отъ голода, стеариновую свѣчку, вытащенную въ одномъ изъ фонарей, назначенныхъ въ безчисленномъ множествѣ для иллюминаціи.

Измаилія соединена желѣзною дорогою съ Суэцомъ, Каиромъ и Александріею, и къ ней проведенъ каналъ прѣсной воды отъ одного изъ ближайшихъ протоковъ Нила. Отсюда, помощью небольшого, хорошо устроеннаго, водопровода, вода эта доставляется чугунными трубами въ Портъ-Саидъ. До устройства водопровода воду возили въ этотъ городъ за 90 верстъ на верблюдахъ.

Въ часъ пополудни отправился я, въ числѣ прочихъ русскихъ депутатовъ, для поднесенія поздравительныхъ адресовъ Лессепсу. Прекрасный домикъ его, украшенный благороднымъ девизомъ: «Nihil sine labore»», стоялъ среди небольшого тропическаго сада. Пріемная зала была полна гостьми и на столахъ лежали горы визитныхъ карточекъ.

Суцовъ предварительно произнесъ небольшое привѣтствіе отъ общаго нашего имени и затѣмъ прочелъ адресъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Тилло прочелъ поздравительное письмо Лессепсу отъ Русскаго Техническаго Общества. Орбинскій,

прочелъ адресъ одесскаго отдѣленія Коммерческаго совѣта; я прочелъ адресъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.

Содержаніе всѣхъ этихъ адресовъ, преисполненное восторженнаго краснорѣчія, было сходно и неизмѣнно заключало Моисея, Христофора Колумба, восьмое чудо свѣта и др. цвѣты элоквенціи.

На каждое изъ привѣтствій Лессепсъ отвѣчалъ болѣе или менѣе длинною рѣчью. По необыкновенной живости мыслей, ясному изложенію, ловкости оборотовъ, Лессепсъ могъ быть причисленъ къ разряду замѣчательныхъ дѣловыхъ ораторовъ. Не обошлось, конечно, безъ необходимой для француза mise en scène; такъ, говоря о своихъ сотрудникахъ, Лессепсъ съ чувствомъ пожалъ руку окружающимъ; когда онъ вспомнилъ о своемъ сынѣ, enterré dans le desert, нѣкоторые французы прослезились и т. д.

Сущность всѣхъ отвѣтовъ Лессепса можно изложить приблизительно слѣдующимъ образомъ.

По его словамъ, въ сочувствіи Россіи къ прорытію канала онъ никогда не сомнѣвался, имѣвъ случай лично убѣдиться въ этомъ, когда провелъ восемь дней въ Одессѣ, въ 1856 году. Въ то время, когда, по его словамъ, братоубійственный мечъ дымился еще кровью и французская армія только что очистила Крымъ, ему былъ сдѣланъ въ Россіи самый дружественный пріемъ. Лессепсъ объяснялъ это мирнымъ характеромъ своего предпріятія. Суэцкій каналъ, связывая всѣ интересы, долженъ положить начало эпохѣ всеобщаго разоруженія; таково, будто бы, мнѣніе лучшихъ государственныхъ людей, таково и мнѣніе тѣхъ высокихъ лицъ, которыя присутствуютъ на торжествѣ. Лессепсъ перешелъ затѣмъ къ современному состоянію канала и выразилъ увѣренность, что для приведенія его въ должный видъ остается сдѣлать немного усилій; во всякомъ случаѣ, вопросъ о возможности соединенія двухъ морей судоходнымъ каналомъ блистательно доказанъ.

Трудно было бы буквально передать содержаніе блестящихъ импровизацій Лессепса, такъ какъ онъ соображалъ ихъ съ содержаніемъ представляемыхъ ему адресовъ, но общій тонъ ихъ былъ самый сочувственный для Россіи. Онъ нѣсколько разъ вспомнилъ о поддержкѣ, оказанной его предпріятію Новосельскимъ, и сообщилъ, что покойная жена его говорила по-русски и что въ семействѣ его русскій языкъ никогда не былъ чужимъ. Вообще Лессепсъ показался мнѣ такимъ, какимъ я воображалъ его по многочисленнымъ рѣчамъ, книгамъ и письмамъ, написаннымъ имъ. Неутомимою энергіею онъ былъ проникнутъ и въ это время. Несмотря на свои слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ ловко ѣздилъ верхомъ, сохранялъ необыкновенную живость, не зналъ усталости и собирался жениться.

Не отрицая значительной доли французскаго шарлатанства въ дѣятельности Лессепса по созданію канала, нельзя было во всякомъ случаѣ не удивляться его неутомимой энергіи въ преслѣдованіи извѣстной задачи. Въ особенности для русскихъ, при нашей вялости и равнодушіи, Лессепсъ являлся высокимъ и поучительнымъ примѣромъ силы характера и терпѣнія.

Одни сравнивали Лессепса съ Христофоромъ Колумбомъ; другіе считали его только умнымъ и ловкимъ человѣкомъ, нѣчто въ родѣ Самуила Соломоновича Полякова; мнѣ казалось, что истина лежала въ этомъ случаѣ въ серединѣ. Дальнѣйшая судьба Лессепса показала, что я не ошибся въ оцѣнкѣ, сдѣланной въ 1869 г. Безъ покровительства французскаго правительства—Лессепсъ—родственникъ императрицы Евгеніи—безъ сомнѣнія, все предпріятіе оказалось бы мыльнымъ пузыремъ, но умѣть постоянно найти поддержку у мнительнаго и измѣнчиваго въ своихъ предположеніяхъ Наполеона III-го составляло немаловажную задачу.

Заслуги Лессепса были главнымъ образомъ финансовыя и дипломатическія.

Мысль разрѣзать пуповину, соединяющую Африку съ Азіей, существовала очень давно. Еще при Птолемеяхъ былъ прорытъ первый каналъ; второй сооруженъ при арабскихъ калифахъ. Оба засыпало пескомъ. Въ XVI столѣтіи Эль-Эюльджи-Али-паша предложилъ турецкому султану возстановить каналъ, и мысль эта тогда же нашла отголосокъ во Франціи. Проекты прорытія канала получали Ришелье, Людовики XIV, XV и XVI. При послѣднемъ число проектовъ очень увеличилось; та же идея занимала и англичанъ; поэтому проектъ французской экспедиціи въ Египетъ, какъ ключъ въ Индію, вовсе не былъ какимъ-то откровеніемъ Наполеона I.

Позднѣе мыслью о каналѣ занялись сенъ-симонисты. Анфантенъ въ 1846 г. устроилъ первое общество для постройки канала; подъ руководствомъ другого сенъ-симониста Талабо были произведены точныя нивелировки, доказавшія возможность прорытія канала безъ шлюзовъ.

Техникомъ Лессепсъ тоже не былъ. Это онъ доказалъ на Панамскомъ каналѣ, гдѣ допустилъ работы по смѣтѣ втрое менѣе дѣйствительно необходимыхъ издержекъ. Скоростью окончанія Суэцкій каналъ былъ обязанъ, какъ я уже говорилъ, инженерамъ Борели и Лавалле, изобрѣтателямъ большихъ драгъ съ элеваторами.

Но Лессепсу всецѣло принадлежитъ настойчивость, съ которою онъ добился осуществленія предпріятія при помощи Наполеона III и египетскихъ пашей Саида и особенно Измаила.

Что дипломатическая задача Лессепса была нелегка, видно изъ того, что даже вліятельный тогда министръ въ Египтѣ, бывшій много разъ первымъ министромъ, Нубаръ-паша, былъ другомъ Англіи и врагомъ канала. А Англія была рѣшительною противницею открытія морскихъ воротъ въ Индію, какъ противится она теперь соединенію Индіи съ Европою рельсовымъ путемъ черезъ Афганистанъ и Россію.

Каналу сопротивлялись и лорды Стаффордъ-Редклифъ и Кларендонъ. Лордъ Пальмерстонъ называлъ проектъ Лессепса «удочкою для дураковъ», «химерою и мошенничествомъ»; увѣрялъ, что хедивъ будетъ «ограбленъ», подписавшись на акціи канала. Еще въ 1863 г. англичане, при помощи Турціи, едва не остановили всѣхъ работъ, и одно вмѣшательство Наполеона III спасло предпріятіе.

Франція стала тогда твердой ногою въ Египтѣ и потеряла свое положеніе только въ 1882 г. по жалкой трусости республиканской палаты, руководимой адвокатомъ Клемансо, который былъ тогда англофиломъ по тѣмъ же причинамъ, по какимъ въ 1902 г. сдѣлался дрейфусаромъ, а въ настоящее время состоитъ японофиломъ и злѣйшимъ врагомъ Россіи.

Клемансо, какъ извѣстно, убѣдилъ палату отказать въ согласіи послать войска совмѣстно съ Англіей для защиты канала; Англія воспользовалась этимъ и захватила Египетъ. Фрейсине въ своей

книгѣ о египетскомъ вопросѣ объясняетъ рѣшеніе французской палаты боязнью Бисмарка. Но виноватъ и Фрейсине, тогдашній первый министръ. Вмѣсто того, чтобы храбро идти заодно съ Англіей, онъ захотѣлъ раздѣлить отвѣтственность съ Европой; словомъ, дѣйствовалъ въ духѣ русскихъ дипломатовъ съ ихъ пресловутымъ «европейскимъ концертомъ».

Лессепсъ хвастался тогда своимъ безкорыстіемъ. При постройкѣ канала нажились сильно только подрядчики Борель и Лавалле, но нажились вполнѣ законно, благодаря своему искусству и изобрѣтательности. Объ администраціи канала отзывались скорѣе съ весьма хорошей стороны, и инженеры оставили каналъ не съ большими барышами. Къ сожалѣнію, нужно прибавить при этомъ, что и рабочіе, построившіе каналъ, уѣхали ни съ чѣмъ.

Виновато въ этомъ было управленіе каналомъ, которое для привлеченія рабочихъ рукъ на каналъ, гдѣ жизнь такъ непривлекательна, прибѣгало къ несовсѣмъ законнымъ средствамъ: устраивало рулетки и разныя увеселительныя заведенія, гдѣ бѣдные рабочіе, легко поддающіеся соблазнамъ, оставили послѣднюю трудовую копѣйку шулерамъ всѣхъ націй. Главный контингентъ рабочихъ на каналѣ доставили феллахи; они работали, впрочемъ, болѣе на поверхностныхъ работахъ, на другихъ же работали европейцы, преимущественно итальянцы, греки и далматинцы.

Послѣ визита Лессепсу, я прогулялся по городу. Маленькая Измаилія производила на путешественника пріятное впечатлѣніе контрастомъ съ окружающей пустыней. Улицы шоссированы, дома хорошенькой архитектуры, съ садиками тропическихъ растеній. На площади Шампольона разбитъ прелестный городской садъ, хорошо разросшійся, съ прекрасными цвѣтами и бесѣдками, обвитыми зеленью. Въ городѣ хедивъ имѣлъ большой дворецъ, а за городомъ дачу.

На пространствѣ между прѣсноводнымъ каналомъ и озеромъ Тимса, на песчаной равнинѣ, образовался огромный арабскій лагерь, куда согнали болѣе двадцати тысячъ бедуиновъ. Видъ лагеря сильно смахивалъ на наши большія конскія ярмарки, съ ихъ цыганами и спорящими барышниками.

Въ три часа пополудни для развлеченія высокихъ гостей была назначена арабская фантазія. Императрица, императоръ и

принцы поѣхали осматривать шале хедива, ничѣмъ особымъ незамѣчательное зданіе, въ двухъ верстахъ отъ города. Я отправился съ компаніей въ экипажѣ, чтобъ встрѣтить кортежъ и проѣхать затѣмъ въ хвостѣ среди приготовленнаго торжества.

Кортежъ состоялъ изъ трехъ открытыхъ каретъ, съ упряжью à la Daumont, въ которыхъ сидѣли императрица Евгенія въ широкой соломенной шляпѣ, подъ густымъ вуалемъ, императоръ австрійскій, принцы и принцесса голландская, одного panier à salade, въ которомъ ѣхалъ хедивъ, и большой линейки со свитой. Впереди и сзади экипажа хедива бѣжали крупною рысью по два араба, «саиса», въ бѣломъ платьѣ, съ длинными палками, и кричали во все горло. Подобный способъ провожанія экипажей существуетъ на всемъ Востокѣ, и европейцевъ удивляетъ неутомимость арабовъ въ бѣгѣ.

«Фантазія» состояла въ томъ, что весь лагерь арабовъ горланилъ во все горло, подъ звуки безчисленныхъ барабановъ и какихъ-то визгливыхъ сопѣлокъ. По песчаному полю, влѣво отъ дороги, было устроены конное ристалище бедуиновъ. Всадники скакали на своихъ легкихъ коняхъ, между которыми были прекрасные образцы чистой арабской крови, обгоняя другъ друга, стрѣляя изъ ружей и махая длинными тонкими копьями. Во всемъ этомъ не было никакого смысла, но общая картина тысячи народа въ пестрыхъ костюмахъ, верхомъ на лошадяхъ, ослахъ и верблюдахъ, двигающихся среди оригинальнаго шума и гама, была интересна. Сравнительно съ нашими конвойными горцами и даже киргизами, арабскіе джигиты не могли похвалиться ловкостью. Гораздо занимательнѣе былъ комическій видъ европейскихъ туристовъ, англичанъ и толстыхъ буржуа, верхомъ на верблюдахъ и особенно на ослахъ. Для дополненія картины, египетскій хедивъ растянулъ шпалерами войска. Я увидѣлъ здѣсь въ первый разъ египетскую кавалерію. Туземные уланы сидѣли на старыхъ дрянныхъ лошадяхъ, очевидно купленныхъ въ Одессѣ изъ нашего кавалерійскаго брака. У офицеровъ лошади были арабскія.

Императрица Евгенія быстро проѣхала черезъ толпу. «Фантазія», повидимому, интересовала ее очень мало. Шумъ, гамъ и разнообразныя представленія продолжались, однако, въ арабскомъ лагерѣ до поздней ночи. Нѣкоторые пассажиры нашего парохода посѣтили лагерь и нашли тамъ гостепріимный пріемъ у одного богатаго арабскаго шейха, который показывалъ имъ весьма интересныя представленія вертящихся и воющихъ дервишей.

Вечеромъ былъ назначенъ у хедива большой балъ въ его великолѣпномъ дворцѣ. Балъ этотъ возбудилъ на «Коцебу» серьезное волненіе; за нѣсколько дней уже всѣ столы каютъ-компаніи были заняты всевозможными юпками, туниками и цвѣтами, которые непроницаемымъ слоемъ покрывали наши гиды, карты, книги и другія дорожныя принадлежности. Въ день бала неутомимая дѣятельность началась очень рано. Прекрасный полъ окончательно овладѣлъ пароходомъ и началъ вытѣснять насъ на палубу; но и при этомъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, ибо въ пароходной каютъ-компаніи, по мнѣнію дамъ, не могло помѣститься будто бы болѣе трехъ треновъ сразу.

Въ десять часовъ вечера всѣ залы дворца, нижній этажъ котораго былъ только и отдѣланъ, наполнились такъ, что негдѣ было упасть яблоку. Публика толпилась самая разнообразная; кромѣ европейскихъ гостей вниманіе обращали на себя богатые арабы въ своихъ бурнусахъ и магометанское и коптское духовенство. Дамъ было довольно много для Египта, было немало и хорошенькихъ. Первенство по красотѣ принадлежало, впрочемъ, русскимъ дамамъ. Прелестныя пассажирки нашего парохода: Обниская, Юковская и особенно Кирѣева обратили на себя общее вниманіе; даже старые арабы, глядя на нихъ, одобрительно покачивали головами. Хедивъ могъ, перефразируя Вольтера, сказать: c'est du Nord à présent que nous vient la beauté.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ наплыва русскихъ пассажировъ прѣхали высокіе гости. Императрица Евгенія прошла среди страшной давки, духоты и восторженныхъ аханій француженокъ. Въ этотъ вечеръ императрица, одѣтая въ великолѣпное пунцовое платье, отдѣланное бѣлыми кружевами, не была интересна, такъ какъ страшный жаръ и духота повредили макильяжу; для всѣхъ, кто видѣлъ ее только на торжествѣ открытія подъ вуалеткой, наступила минута разочарованія.

Я приходилъ въ отчаяніе отъ жары и давки, какъ вдругъ залы опустѣли, точно по мановенію волшебнаго жезла. Причина внезапнаго отлива публики скоро объяснилась. Оказалось, что на

огромномъ дворѣ дворца, превращенномъ навѣсомъ въ столовую, былъ поданъ ужинъ. Смѣшанная публика волною хлынула и начался бой за мѣста. Меню ужина состояло, по крайней мѣрѣ, изъ тридцати блюдъ. Кромѣ того, изъ громаднаго буфета публика могла наполняться холодными закусками, мороженымъ, конфектами и, въ особенности, шампанскимъ.

Въ то время, когда одна часть гостей сильно налегла на буфетъ, въ главной залѣ, пользуясь образовавшимся пустымъ пространствомъ, начались танцы, причемъ египетскіе камергеры показывали свое искусство. Императрица, императоръ и нѣкоторые наиболѣе почетные гости сидѣли въ особой гостиной, куда входили, конечно, только посвященные. Между русскими гостьми на балѣ, кромѣ нашего посла и его спутниковъ, присутствовали еще князь Витгенштейнъ, пріѣхавшій въ Измаилію на своей яхтѣ «Верки» подъ флагомъ Императорскаго яхтъ-клуба, графъ В. Сологубъ, Тернеръ и командиръ нашей эскадры въ Архипелагѣ Бутаковъ. Появилась и жена нашего агента Лидія Пашкова.

Танцы и ужинъ продолжались до четырехъ часовъ утра, но я уѣхалъ гораздо ранѣе, утомленный толкотнею, особенно среди грубыхъ французовъ, которыхъ только иронически называютъ самою вѣжливою націей въ свѣтѣ. Весь путь до парохода освѣщалъ намъ великолѣпный фейерверкъ; трудно сосчитать массу ракетъ, сожженныхъ въ этотъ вечеръ. Во всемъ была видна излишняя роскошь. Послѣ этого неудивительно, что празднества по случаю открытія Суэцкаго канала обошлись такъ дорого.

Всѣ замѣтили, что на балу у хедива не было почти представителей александрійскаго общества. Древняя Александрія опасалась, что съ открытіемъ Суэцкаго канала она утратитъ часть своего значенія, уступая Портъ-Саиду всю транзитную торговлю, и останется только портомъ бассейна Нила и прилегающихъ земель сѣверо-восточной части Африки; она завидовала новорожденному младенцу и не хотѣла радоваться его торжественному крещенію. Даже дамы александрійскія, между которыми было немало красавицъ, рѣшились пожертвовать возможностью показать свои блистательные костюмы и геройски отказались отъ бала во имя интересовъ своего города.

7-го (19-го) ноября, на разсвѣтѣ, было назначено продолженіе торжественнаго шествія пароходовъ по каналу, чтобъ дойти до Суэца, гдѣ предполагались новыя торжества, и, между прочимъ, закладка памятника лейтенанту англійскаго флота Waghorn, который первый убѣдилъ англійское правительство въ 1840 году устроить прямое почтовое пароходство съ Индіей черезъ Средиземное и Красное моря, и такимъ образомъ явился какъ бы предвозвѣстникомъ проекта Фердинанда Лессепса. По обыкновенію, однако, движеніе началось не ранѣе десяти часовъ утра. Незадолго до отхода инженеры порѣшили, что наименьшей глубиной въ каналѣ нужно считать 4 метра и 80 сентиметровъ; такимъ образомъ нѣсколько большихъ пароходовъ и, между прочимъ, русскій военный клиперъ «Яхонтъ» не могли участвовать въ дальнѣйшемъ торжествѣ. Русскій посолъ принужденъ былъ пересѣсть на военную шхуну «Псезуапе», пришедшую кстати наканунѣ изъ Портъ-Саида.

Шествіе открылось яхтою императрицы французовъ, и затѣмъ суда шли уже въ большемъ порядкѣ чѣмъ сначала: пароходы съ прислугою австрійскаго императора не рѣзали дороги у прусскаго наслѣднаго принца; англійскій посланникъ не шелъ впереди русскаго посла. Отговариваться неясностью программы сдѣлалось, повидимому, невозможнымъ. Вступая снова въ каналъ, мы увидѣли на противоположномъ берегу озера Тимса у входа на мели три парохода, заграждавшіе движеніе слѣдующимъ за ними судамъ, и узнали потомъ, что пассажиры этихъ пароходовъ, соскучившись постоянными остановками, поѣхали изъ Измаиліи прямо въ Каиръ, отказавшись отъ дальнѣйшаго плаванія по каналу.

По росписанію, «Коцебу» слѣдовало ночевать на половинѣ дороги между Измаиліей и Суэцомъ, въ Горькихъ озерахъ, чтобы пройти самыя узкія мѣста канала въ Серапеумѣ и Шаруфѣ днемъ; но на самомъ дѣлѣ все это измѣнилось. Едва вошелъ «Коцебу» въ каналъ, какъ шедшій впереди со всей администраціей канала пароходъ «Peluse» сталъ на мель. Послѣ долгаго ожиданія, нашъ пароходъ рѣшился обойти «Peluse»; все шло сначала хорошо, но въ моментъ, когда оба парохода поровнялись, французскій вдругъ сошелъ съ мели. Съ величайшею опасностью, давъ задній ходъ, и толкнувъ раза два бугшпритомъ «Peluse» въ корму, «Коцебу» вы-

свободился, но немедленно свалился съ шедшимъ позади англійскимъ военнымъ корветомъ. Затрещали шлюпки и кожухъ пароходный, посыпались ругательства на двухъ языкахъ: дѣло обошлось, впрочемъ, благополучно.

Опасаясь столкнуться въ третій разъ со слѣдующимъ австрійскимъ пароходомъ, «Коцебу» бросилъ якорь; англичанинъ, воспользовавшись этимъ, ловко обогналъ насъ. Въ четвертомъ часу мы подняли якорь, но, пройдя не болѣе десяти километровъ, снова принуждены были остановиться и ночевать, потому что «Peluse» опять сталъ на мель, а обгонять его ночью, при неизвѣстной глубинѣ канала, капитанъ благоразумно не рѣшился, несмотря на вопли пассажировъ, рисковавшихъ, такимъ образомъ, опоздать къ балу, который долженъ былъ дать хедивъ въ Каирѣ.

Отъ скуки сѣли мы въ лодку и поѣхали сначала подразнить злополучныхъ пассажировъ «Пелюза», а затѣмъ на берегъ, но тамъ, кромѣ сыпучаго песку, ничего не нашли. Вообще характеръ мѣстности по всему каналу одинаковъ, и только около самаго Суэца онъ нѣсколько измѣняется. На пространствѣ между озеромъ Тимса и Горькими озерами выемки очень глубоки, и инженерамъ предстояли здѣсь немалыя затрудненія. Я познакомился въ Измаиліи съ нѣкоторыми французскими инженерами, строителями канала, и нашелъ въ нихъ людей свѣдущихъ и довольно скромныхъ.

Изъ служащихъ по постройкѣ канала я познакомился между прочимъ и съ Яницкимъ, полякомъ, русскимъ подданнымъ, воспитанникомъ парижской Центральной школы. Это былъ человѣкъ очень развитой, спокойнаго и уравновѣшеннаго характера и пріятный въ обращеніи. Видя, что за окончаніемъ канала онъ останется безъ занятій, я посовѣтовалъ ему ѣхать въ Россію, гдѣ въ инженерахъ для морскихъ сооруженій очень нуждались.

Яницкій послушался меня, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ долго носился съ разными морскими и портовыми проектами, не встрѣчая сочувствія, такъ какъ морскимъ дѣломъ у насъ никто не интересуется. Тогда я познакомилъ его съ Полемъ, для котораго онъ образовалъ французское Криворогское общество для разработки желѣзныхъ рудъ и положилъ начало столь важной теперь эксплоатаціи рудъ по Ингульцу и Саксагани.

На разсвѣтѣ, 8-го (20-го) ноября, намъ удалось, наконецъ, обогнать «Peluse», засѣвшій въ пескѣ довольно прочно, и скорымъ ходомъ мы дошли къ обѣду до Суэца. Горькое озеро, представлявшее впадину въ почвѣ, покрытую солончакомъ, превратилось въ обширное озеро, по дну котораго прорытъ каналъ. При сильныхъ вѣтрахъ на этомъ озерѣ качаетъ, какъ въ морѣ; но погода намъ благопріятствовала, точно такъ же, какъ и въ Суэцѣ, гдѣ, при южномъ вѣтрѣ, во время прилива волны достигаютъ громадной величины и дѣлаютъ стоянку на рейдѣ весьма безпокойною.

Около Суэца мѣстность сохраняетъ свой пустынный и безжизненный характеръ, но пейзажъ дѣлается интереснымъ, потому что вдали видны горы Атака, красиво рисующіяся на ясномъ голубомъ небѣ. Видъ далеко разстилающаго моря и высокихъ горъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Снова наполнились бокалы, и пассажиры громко привѣтствовали тостомъ первое русское коммерческое судно, вошедшее въ Красное море. Послѣ тоста за капитана парохода, одна изъ дамъ предложила здоровье команды, которая угощалась въ въ это время сивухой, указывая путь русскому спирту на Востокъ. Тостъ былъ принятъ единодушно. При громкомъ пѣніи русскихъ пѣсенъ вошелъ «Коцебу» въ Красное море и бросилъ якорь близъ Порта Ибрагима.

Мы нѣсколько опоздали придти въ Суэцъ противъ росписанія, поэтому мы не видѣли торжествъ, бывшихъ наканунѣ; они состояли, впрочемъ, только изъ фейерверка и закладки памятника лейтенанту Waghorn'у. Мы узнали, что императрица Евгенія рѣшила немедленно возвратиться каналомъ же во Францію, а императоръ австрійскій остался въ Суэцѣ, чтобъ поскорѣе ѣхать въ Каиръ по желѣзной дорогѣ. При звукахъ австрійскаго марша императорская яхта прошла около нашего парохода и высадила на берегъ императора.

Новый Суэцъ, иначе называемый Портъ-Ибрагимъ, находится у входа канала въ море, въ четырехъ верстахъ отъ стараго Суэца, такъ какъ морскіе приливы и отливы не позволили устроить глубокую гавань ближе къ городу. Новый Суэцъ состоялъ изъ станціи желѣзной дороги, идущей къ Каиру, большого превосходно устроеннаго дока, фабрики бетона и нѣсколькихъ казен-

ныхъ и компанейскихъ зданій. Недостатокъ мѣста не позволялъ пока расширить новый городъ.

Осмотрѣвъ докъ, я сѣлъ на осла и поѣхалъ въ городъ. Прогулка на ослѣ весьма пріятна; восточный оселъ, какъ извѣстно, не похожъ на нашего слабосильнаго и лѣниваго осла; онъ быстро бѣжитъ крупною рысью, а иногда и галопомъ, погоняемый криками погонщиковъ. Погонщики—арабы, тоже замѣчательный, въ своемъ родѣ, народъ; какъ бы скоро ни бѣжали ослы—а бѣжать приходится иногда по двадцати и болѣе верстъ,—погонщики не отстаютъ ни на минуту, но все время покрикиваютъ, перебраниваются съ проѣзжающими, разговариваютъ между собой и постоянно хохочутъ. Если счастіе, какъ увѣряютъ нѣкоторые богатые философы, состоитъ въ отсутствіи всѣхъ потребностей и веселомъ расположеніи духа, то дѣйствительно, погонщики ословъ—самые счастливые люди въ свѣтѣ: такую же почетную роль играютъ они и въ арабскихъ сказкахъ.

Старый Суэцъ превратился въ городъ очень недавно. Да 1840 года онъ былъ забытою деревушкой, безъ прѣсной воды. До 1867 года, пока не провели прѣсноводнаго канала, воду возили въ Суэцъ изъ Нила, сначала на верблюдахъ, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ, нынѣ оставленной. Случалось, что кувшинъ воды стоилъ въ Суэцѣ 2 руб. сер., такъ что умываться могли только очень богатые люди. Развился Суэцъ вслѣдствіе направленія туда англійско-французско-индійскаго почтоваго пароходства, а затѣмъ — отъ абиссинской экспедиціи и сооруженія Суэцкаго канала.

Сообразно своему историческому нарастыванію, Суэцъ представлялъ тогда грязную кучу сѣрыхъ арабскихъ домовъ, прорѣзанную довольно правильно европейскими улицами, съ магазинами и кафе. Самое разнообразное населеніе толкалось по этимъ улицамъ: греки, арабы, нубійцы, негры, индусы и китайцы, но болѣе всего матросовъ всѣхъ націй. Отвѣчая настроенію моряковъ, любящихъ, послѣ скучнаго морского перехода, кутнуть на берегу, всѣ улицы Суэца наполнены кафе, которыя въ то же время и дома терпимости. Разодѣтыя, или, вѣрнѣе, раздѣтыя женщины сидятъ на улицѣ у дверей и на всѣхъ языкахъ земного шара безцеремонно зазываютъ проходящихъ. Развратъ, подобный суэцкому, можно встрѣтить только на Дальнемъ Востокѣ.

Какъ городъ, Суэцъ не представлялъ ничего замѣчательнаго, и долженъ будетъ перейти постепенно ближе къ морю. Я пообѣдалъ въ очень хорошемъ отелѣ «Peninsular and Oriental Company», пароходнаго общества, содержащаго почтовое сообщеніе Англіи съ Индіей и Китаемъ, и потомъ бродилъ по лавкамъ, гдѣ имѣлся огромный выборъ китайскихъ бездѣлушекъ; по случаю прилива пассажировъ, вздорожавшихъ вдесятеро.

Пассажиры «Коцебу», какъ всѣ истые туристы, аккуратно покупали въ дорогѣ все, что указывала мѣстная мода. Въ Константинополѣ они купили фесы, въ которыхъ отъ султана до носильщика одинаково ходятъ всѣ горожане въ Турціи и Египтѣ—нелѣпая мода, перенятая отъ грековъ—нелѣпая потому, что фесъ нисколько не защищаетъ глазъ отъ лучей палящаго южнаго солнца. Въ Портъ-Саидѣ пассажиры повязали свои шляпы бѣлыми шелковыми шарфами съ бахромой и надѣли къ часамъ цѣпочки и брелоки, изображавшіе въ миніатюрѣ землечерпательныя машинъ, которыми углубленъ Суэцкій каналъ. Въ Суэцѣ всѣ возвратились на пароходъ въ китайскихъ и индѣйскихъ шляпахъ, въ видѣ гриба или пожарной каски, съ вѣерами и подъ деревянными и бумажными росписными зонтиками. Каждый хвастался своими покупками; нѣкоторые жалѣли даже, что по возвращеніи въ Петербургѣ неумолимая зима не позволитъ имъ пощеголять пожарными киверами и бумажными зонтиками, а къ лѣту все относящееся до Суэца давно выйдетъ изъ моды. О нашихъ спутницахъ и говорить нечего. Возможность въ каждомъ городѣ обойти десятки совершенно новыхъ магазиновъ и всласть поторговаться—приводила ихъ въ восторженное состояніе.

Въ Суэцѣ мы опять любовались великолѣпною иллюминаціей и фейерверкомъ. Я поспѣшилъ, однако, лечь спать поранѣе, потому что въ семь часовъ утра экстренный поѣздъ русскаго посла долженъ былъ перевести всѣхъ русскихъ, приглашенныхъ хедивомъ, въ Каиръ.

ВЪ КАИРѢ И ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

XXXII.

Въ Египтѣ не очень соблюдались строгіе порядки. Пріѣхавъ въ семь часовъ на станцію желѣзной дороги, мы застали еще поѣздъ австрійскаго посла, на которомъ ѣхали графы Бейстъ и Андраши. Послѣ долгихъ ожиданій, явился, наконецъ, нашъ поѣздъ, и въ ту же минуту былъ наполненъ неизвѣстною публикой, желавшею проѣхаться на даровщинку въ Каиръ.

Съ величайшими усиліями удалось выпроводить часть незваныхъ гостей и убѣдить ихъ, что поѣздъ экстренный. Въ концѣ концовъ пришлось, однако, употребить мѣру чисто-египетскую. Локомотивъ вывелъ поѣздъ въ чистое поле, затѣмъ отцѣпили всѣ вагоны, занятые посторонней публикой, вернулись на станцію и подцѣпили новые вагоны, въ которыхъ мы уже прочно водворились. Съ побѣдными кликами проѣхали мы мимо оставленныхъ въ полѣ вагоновъ, откуда раздавались вопли отчаянія, и быстро помчались сначала по безводному и пустынному берегу Суэцкаго канала, по направленію къ Измаиліи, а затѣмъ по бывшей библейской странѣ Гессемъ, гдѣ жили нѣкогда евреи.

Насъ занимала мысль, что мы ѣдемъ въ вагонѣ по пустынямъ Африки, но еще болѣе заботила мысль о сохраненіи своей жизни, потому что египетскія желѣзныя дороги были устроены плохо, шпалы замѣнялись чугунными подушками, локомотивы дрянные,—мы принуждены были, вслѣдствіе поломки, перемѣнить свой на второй же станціи,—на станціяхъ полное отсутствіе порядка, штатъ служащихъ самый малый. Въ одной комнатѣ помѣщались телеграфъ, столъ съ билетами и кассою и кровать смотрителя. Между тѣмъ движеніе по египетскимъ дорогамъ довольно сильное; поѣзды слѣдуютъ одинъ за другимъ на близкомъ разстояніи, и, при малѣйшей оплошности, должны происходить страшныя несчастія. Особенность египетскихъ дорогъ была еще та, что публику 3-го класса—арабовъ, сажали не только въ вагоны, но и сверху, на крыши вагоновъ.

Мы быстро летѣли по рельсамъ, стараясь на каждой станціи обогнать пассажирскій поѣздъ, также наполненный приглашенными хедива, но всѣ усилія были тщетны; и въ Загазигѣ (половина дороги) наши пассажиры нашли только объѣдки отъ великолѣпнаго завтрака, приготовленнаго на счетъ хедива. Ожидать новаго было некогда, и съ яростью, приличной только европейцу, проглотили мы на-скоро остатки баранины, сыра, фруктовъ и вина, и поспѣшили сѣсть въ вагоны, чтобъ поспѣть засвѣтло въ Каиръ.

Отъ Загазига мѣстность вдругъ перемѣнилась. До тѣхъ поръ только около прѣсноводнаго канала намъ показывались клочки растительности, вокругъ дороги все былъ песокъ и песокъ. Отъ Загазига мы въѣхали въ знаменитую дельту. Наводненіе Нила недавно окончилось, и въ Египтѣ была въ полномъ смыслѣ слова весна. Ничего не можетъ быть оригинальнѣе египетскаго пейзажа. Воздѣланныя поля, прорѣзанныя безчисленными оросительными канавками и покрытыя хлопчатникомъ, маисомъ и ворсильными шишками, рощи финиковыхъ пальмъ и чинаръ, сѣрыя деревни оригинальной архитектуры съ четырехугольными домами, стада буйволовъ,ословъ и верблюдовъ, вездѣ движеніе и работа коричневыхъ феллаховъ—все это, особенно послѣ пустыни, производило необыкновенное впечатлѣніе и на русскаго путешественника.

Не стану описывать Каиръ, знаменитый на всемъ Востокѣ Масръ-эль-Кагира; но считаю необходимымъ замѣтить, что перестройки и тогда уже измѣнили видъ этого города настолько, что онъ былъ очень мало похожъ на прежній Каиръ безчисленныхъ описаній и гидовъ. Измаилъ-паша, при помощи займовъ и тяжелыхъ налоговъ, «гаусманизировалъ» свою столицу. Прежній городъ составляла огромная масса сѣрыхъ высокихъ домовъ, без-

порядочно разбросанныхъ и тѣсно скученныхъ. Но и въ 1869 значительная часть Каира представляла великолѣпную европеі скую столицу, съ прямыми, освѣщенными газомъ, улицами, ро скошными парками, скверами, множествомъ дворцовъ, большихъ отелей и магазиновъ. Въ Каирѣ имѣлись итальянская опер одна изъ лучшихъ, французскій театръ, циркъ, прекрасный каф шантанъ, рулетка и много другихъ удовольствій. Въ соединен съ превосходнымъ климатомъ, все это и тогда дѣлало Каиръ з мою заманчивымъ для жизни роскошной и лѣнивой.

Но была и оборотная сторона медали. Несмотря на населен въ четыреста пятьдесятъ тысячъ, въ Каирѣ не было ни одной газет ни одной книжной лавки, даже клуба—такъ мала была потре ность интеллектуальной жизни. Всѣ казенныя постройки возв дились съ безумною роскошью, совершенно напрасною и для стра непроизводительною. Въ то время, когда бѣдный феллахъ, как и при фараонахъ, пахалъ деревянною сохою и несъ тяжелу барщину, въ Каирѣ оперный театръ обошелся болѣе чѣмъ 800 тысячъ рублей, хотя въ городѣ было мало охотниковъ сл шать итальянскую оперу. Роскошнѣе театра навѣрное не бы ни въ одной европейской столицѣ.

Объ опрометчивости большей части издержекъ египетскаго пр вительства можно судить, напримѣръ, по тому, что десятки лѣт путешествіе къ пирамидамъ привлекало тысячи туристов весьма выгодныхъ для Египта, но сообщеніе оставалось весь затруднительнымъ, и въ Гизехѣ путешественники не имѣ никакого пристанища въ сильные жары. Желаніе показать п рамиды императрицѣ Евгеніи заставило въ нѣсколько мѣсяце устроить туда широкое шоссе, обсаженное деревьями, и выстрои дворецъ и нѣсколько зданій для пріема посѣтителей. Такъ ка это шоссе строилось поспѣшно, безъ трубъ и мостовъ, то разли Нила уничтожилъ его во многихъ мѣстахъ. Въ такомъ же ро предпринимались и многія другія сооруженія.

Между серьезными расходами египетскаго правительст можно указать на устройство нильскаго баража (плотины), нач таго при Мехметъ-Али и оконченнаго при Саидъ-пашѣ, для ус ленія разлива рѣки, дѣятельное сооруженіе желѣзныхъ дорог которыхъ считалось уже въ Египтѣ болѣе тысячи верстъ, тел

графовъ, и пособіе Суэцкому каналу. Съ другой стороны, портъ Александріи, сосредоточивавшій почти всю отпускную торговлю Египта со временъ Птолемеевъ, ожидалъ самыхъ необходимыхъ улучшеній; берега Египта освѣщались маяками очень дурно; судебная часть находилась въ самомъ жалкомъ положеніи, и если число преступленій было сравнительно невелико, то это только потому, что арабы вообще честны и, какъ всѣ мусульмане, трезвы. Мошенниками снабжала Египетъ преимущественно Италія и отчасти Греція.

Какъ приглашенному вице-короля, мнѣ отвели даровой номеръ въ гостиницѣ «Des Pyramides», у самаго начала улицы Муски, Невскаго проспекта Каира. Кромѣ квартиры, полагался въ полное распоряженіе приглашенныхъ экипажъ и даровой столъ. Согласно печатному росписанію, гости хедива могли пользоваться: по утру—чаемъ, кофе, шоколадомъ и двумя блюдами; въ полдень завтракомъ изъ шести блюдъ съ четырьмя сортами вина; въ шесть часовъ обѣдомъ изъ четырнадцати блюдъ съ шестью сортами вина и ликерами; вечеромъ—ужиномъ и т. д. Гостиница «Des Pyramides» была наполнена испанцами, итальянцами и датчанами, которые хотя кушали хлѣбъ-соль хедива, но не упускали случая подсмѣиваться надъ его расточительностью и поголовно не вѣрили въ будущность Суэцкаго канала. Испанцы были утонченно вѣжливы и молчаливы, итальянцы, наоборотъ, очень говорливы и съ ужаснымъ жаромъ критиковали свое правительство; въ особенности духомъ оппозиціи отличались представители портовъ Южной Италіи.

Несмотря на усталость отъ переѣзда изъ Суэца въ Каиръ по желѣзной дорогѣ и отъ обѣда изъ четырнадцати блюдъ, приготовленныхъ по большей части на оливкомъ маслѣ поварами-неграми, учившимися у Вефура въ Тимбукту, я поспѣшилъ надѣть фракъ и отправился во дворецъ Касръ-Эль-Ниль, на берегу Нила, гдѣ хедивъ давалъ балъ для австрійскаго императора.

По всему Каиру горѣла блистательная иллюминація, о которой нельзя составить себѣ никакого понятія по нашимъ петербургскимъ иллюминаціямъ, гдѣ въ туманной атмосферѣ движутся молча сѣрыя массы народа, и только крики выпившихъ нарушаютъ мрачное однообразіе. Здѣсь, особенно въ улицѣ Муски, зрѣлище

было чисто волшебное. Тысячи огней освѣщали узкую улицу, наполненную народомъ въ самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ костюмахъ, множество головъ торчало изъ раскрытыхъ и ярко освѣщенныхъ улицъ. Черныя рожи въ красныхъ курткахъ и бѣлыхъ чалмахъ производили въ особенности сильное впечатлѣніе. Вся эта масса волновалась, гудѣла и ревѣла, но среди шума все-таки рѣзко выдавались крики безчисленнаго множества погонщиковъ ословъ и саисовъ, которые палками разгоняли народъ для проѣзда каретъ съ гаремами, подъ конвоемъ черныхъ евнуховъ. Гаремы можно было видѣть и не въ каретахъ, такъ какъ то и дѣло встрѣчался рослый евнухъ съ большею палкою, и подъ его предводительствомъ толпа женщинъ, съ закрытыми лицами и въ бѣломъ. Гаремныя женщины интересуютъ иностранца, ибо онъ видитъ только бойкіе черные глаза изъ-подъ покрывала, но въ дѣйствительности женщины въ Египтѣ не красивы и всѣ безжалостно нарумянены и набѣлены.

Дворецъ Касръ-Эль-Нилъ—огромное зданіе на берегу Нила; для бала было открыто только одно крыло; отдѣлка комнатъ роскошная, но залы невелики. Во всякомъ случаѣ, дворецъ этотъ далеко уступалъ въ роскоши дворцу Гезирехъ, на другой сторонѣ Нила, который, безъ сомнѣнія, есть одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ свѣтѣ. Въ этомъ дворцѣ, обращенномъ теперь въ гостинницу общества «Wagons lits», жилъ императоръ австрійскій. Публика на балу толпилась разнообразная, но не было сомнительныхъ физіономій, подобныхъ тѣмъ, какія я видѣлъ на балу въ Измаиліи; приглашенія раздавались, вѣроятно, съ большею осмотрительностью. И здѣсь, впрочемъ, въ большой комнатѣ, около залы, назначенной для отдыха, толпа разныхъ chevaliers d'industrie неистово курила и играла въ баккара и ланскнехтъ, золото валялось кучами, и шулера (а на Востокѣ всѣ игроки болѣе или менѣе шулера) очищали публику.

Женское общество было многочисленнѣе, нежели въ Измаиліи, костюмы дамъ роскошнѣе. Нѣсколько хорошенькихъ французскихъ и итальянскихъ кокотокъ привлекали общее вниманіе. Между европейскими знаменитостями, кромѣ описанныхъ уже въ предыдущихъ письмахъ, мнѣ указали Мишеля Шевалье, Теофиля Готье, сотрудника «Figaro» Альбера Вольфа, Маркса, академиковъ

Катрфажа и С. де-Саси, редактора «Gaulois» Тарбэ, Риччіоти Гарибальди, и др. Императоръ австрійскій оставался на балу довольно долго, зѣваки и здѣсь ходили за нимъ толпою. Танцы шли своимъ чередомъ, ужинъ выдержалъ обычное нападеніе, но я не дождался конца бала и, съ величайшимъ трудомъ отыскавъ свой экипажъ, признакомъ котораго было имя кучера Измаилъ, хотя три четверти кучеровъ оказалось Измаилами, отправился домой, наслаждаясь прекраснымъ воздухомъ тѣнистыхъ парковъ, окружающихъ дворецъ.

На слѣдующее утро, по росписанію, слѣдовали торжественныя скачки на полѣ Абассіе. Экипажи довезли приглашенныхъ до ипподрома, устроеннаго среди обширнаго песчанаго поля, играющаго для военныхъ упражненій роль нашего Царицына луга, откуда можно было любоваться отличнымъ видомъ на Каиръ и пирамиды. Скачки лошадей арабскихъ и англійскихъ, интересныя для спортсмена, мало занимали меня, да, повидимому, и прочую публику, интересовавшуюся больше прекраснымъ завтракомъ, предложеннымъ хедивомъ; несмотря на сильную жару, шампанское истреблялось весьма исправно. Мѣстный интересъ представляли скачки дромадеровъ и ословъ.

Бѣжало три дромадера крупною рысью, но рысь эта такова, что скачущая рядомъ лошадь едва могла обогнать ихъ. Ословъ скакало шесть, всѣ очень сильные и красивые; бѣжали они галопомъ, немного тише хорошей лошадиной рыси. Толпа простого народа, остававшаяся совершенно равнодушною при скачкѣ лошадей, замѣтно воодушевилась, когда начался бѣгъ его національнаго животнаго; когда же какой-то бѣлый оселъ обогналъ прочихъ и первымъ пришелъ къ флагу, восторгъ народа дошелъ до крайнихъ предѣловъ: толпа прорвала цѣпь и, несмотря на щедрые палочные удары полицейскихъ, хлынула къ побѣдителю и долго съ страшнымъ шумомъ спорила и толковала о его качествахъ. Побѣдители получали призы, довольно цѣнные, изъ рукъ австрійскаго императора.

На обратномъ пути въ городъ я видѣлъ значительную часть египетскихъ войскъ, собранную на показъ императору. Всѣ войска были въ очень красивыхъ мундирахъ и обучены на французскій ладъ. Послѣднія замѣшательства съ Турціею заставили

хедива увеличить свою армію свыше того, что онъ имѣлъ право по договору. Египетскій военный флотъ, образцы котораго я видѣлъ въ Портъ-Саидѣ, содержался также въ порядкѣ.

Парадным спектаклемъ въ оперномъ театрѣ заключились торжества, связанныя собственно съ открытіемъ канала. Оперная зала въ Каирѣ не велика, но устроена превосходно для зрѣнія и слуха; оркестръ и хоры были весьма многочисленны, декораціи свѣжи, костюмы очень хороши.

Оригинальнымъ показалось мнѣ, что всѣ пѣвицы были красавицы, хористки очень хорошенькія, даже многочисленныя балетныя танцовщицы почти всѣ безъ исключенія красивы; должно быть паша, ангажировавшій труппу, былъ знатокомъ своего дѣла. Между прочимъ, я узналъ въ театрѣ, что хедивъ учредилъ нѣчто въ родѣ нашей дирекціи театровъ. Нашелъ чему подражать!

Я упоминалъ уже, что арабскій типъ женщинъ некрасивъ. Лучше всего это видно на «альмэ»—уличныхъ пѣвицахъ и танцовщицахъ Востока, восхищающихъ туземцевъ. Мы также не преминули случая посмотрѣть на извѣстные танцы альмэ, скабрезность которыхъ засвидѣтельствована всѣми путешественниками. Удовлетворить подобному желанію въ Каирѣ не такъ легко, потому что Мехметъ-Али разъ навсегда запретилъ въ Египтѣ представленія альмэ; намъ потребовалось купить разрѣшительный фирманъ у губернатора, нанять залу гдѣ-то въ непроходимой трущобѣ Каира, приготовить угощеніе и пр., все это обошлось болѣе 2,000 франковъ.

Дѣйствительно, нѣкоторые изъ танцевъ альмэ, напримѣръ, извѣстная «пчела», циничны до крайности, но цинизмъ ихъ грубъ и вовсе не пикантенъ. Большая же часть танцевъ состоитъ въ однообразномъ и утомительномъ для глазъ движеніи рукъ, дрожаніи корпуса и круговомъ движеніи живота, сопровождаемомъ гнусавымъ пѣніемъ подъ звуки глухихъ струнныхъ инструментовъ,—въ придачу все это очень длинно. Разные пѣсни и танцы имѣютъ между собою связь, и всего не переслушаешь въ двадцать четыре часа. Мы, впрочемъ, пропускали двѣ трети и торопили переходъ къ тѣмъ танцамъ, которые составляютъ букетъ египетскаго искусства.

Молодыя арабки некрасивы не только лицомъ. Хотя длинныя желтоватыя лица ихъ съ черными большими глазами, толстыми губами и жемчужными зубами инымъ и нравятся, но вообще не удовлетворяютъ понятіямъ европейца о пластической красотѣ. Кисти рукъ и оконечности ногъ ихъ не велики, но самыя руки и ноги длинны и худы, а въ тѣлѣ нѣтъ изящныхъ пропорцій; форма грудей также некрасива; буро-лимонный цвѣтъ кожи придаетъ тѣлу некрасивый оттѣнокъ. Наше разочарованіе было полное, и мы осмѣивали другъ друга за наказанное любопытство. Можно было повторить извѣстную пословицу: «славны бубны за горами».

Открытіе канала, сопровождавшееся торжествами, какихъ можетъ никогда по размѣру не было ни при какой церемоніи, было встрѣчено во всемъ мірѣ повсюду съ огромнымъ сочувствіемъ, и каналъ представлялся залогомъ мира, связью разныхъ частей земного шара и великимъ орудіемъ цивилизаціи и прогресса.

Лессепсъ и хедивъ щедро угостили гостей не безъ расчета. Первому естественно хотѣлось похвастаться успѣхомъ дѣла, которое такъ долго встрѣчало одни препятствія, и привлечь вниманіе коммерческихъ людей. Измаилъ-паша хотѣлъ показать свою силу, поставить себя на-ряду съ независимыми государями и тѣмъ понудить Порту, которую онъ безцеремонно подкупалъ, еще болѣе уважать его. Онъ хотѣлъ также усилить показною роскошью свой кредитъ на биржахъ Европы и помѣстить тамъ рядъ новыхъ займовъ, которые въ концѣ-концовъ его и погубили.

Отчасти изъ тщеславія, отчасти по расчету, онъ принималъ гостей съ роскошью, поражавшею воображеніе. Расходы подобнаго сказочнаго гостепріимства навѣрное составили сотню, если не болѣе, милліоновъ рублей.

Большинство приглашенныхъ уѣхало однако не вполнѣ довольное тѣмъ, что видѣло. Дамы ожидали найти болѣе изящное общество, дѣвицы—блестящихъ молодыхъ жениховъ, купцы—Суэцкій каналъ въ болѣе законченномъ видѣ, ученые—богатые матеріалы для изслѣдованій,—и всѣ обманулись; остались вполнѣ довольны только любители поѣсть и особенно выпить на чужой счетъ.

Спутники мои послѣ торжества открытія отправились въ Іерусалимъ, а я оставался еще въ Египтѣ два мѣсяца, собирая мате-

ріалы о будущей торговлѣ по каналу. На основаніи этихъ матеріаловъ я, вернувшись въ Россію, написалъ книгу «Суэцкій каналъ и его значеніе для русской торговли». Книга, разосланная въ свое время всѣмъ членамъ Общества для содѣйствія, стала библіографической рѣдкостью. Издало ее на свой счетъ Русское Общество Пароходства и Торговли, и предсѣдатель послѣдняго Гаевскій былъ даже настолько внимателенъ, что не только предложилъ мнѣ данныя, собранныя во время командировки въ Индію на счетъ Общества Барановскимъ, бывшимъ уфимскимъ губернаторомъ, уволеннымъ за либерализмъ, но и лично продержалъ корректуру моей книги.

Общество и его распорядитель Н. М. Чихачовъ вообще хорошо оцѣнили выгоды для Россіи отъ линій на Дальній Востокъ, но министерство финансовъ по близорукости отказывалось субсидировать открываемыя въ Индію и Китай линіи, и это важное дѣло отсрочилось на десять лѣтъ.

Кромѣ означеннаго изданія, я прочелъ въ той самой залѣ петербургской городской думы, гдѣ теперь засѣдаю въ званіи гласнаго, двѣ публичныхъ лекціи о Суэцкомъ каналѣ. Такъ какъ предметъ у меня былъ въ памяти и я привыкъ говорить публично, то не счелъ нужнымъ писать заранѣе лекцію, а ограничился краткимъ конспектомъ. Въ этой самонадѣянности пришлось нѣсколько раскаятся.

Народу набралось множество, лекція затянулась противъ моего расчета, а говорить болѣе часа, и при этомъ придумывать что сказать, оказалось чревычайно утомительнымъ. Вдругъ я почувствовалъ не то что отсутствіе памяти, а то, что у меня не вертится вовсе языкъ. Я сдѣлалъ паузу, пилъ воду: публика моего конфуза не замѣтила, но я, весь взволнованный, всю ночь не могъ спать.

Вторая лекція, менѣе интересная, такъ какъ она касалась исключительно торговли, вслѣдствіе бо̀льшей подготовки, прошла благополучно.

Изъ Египта вернуться я хотѣлъ на одномъ изъ пароходовъ Русскаго Общества, какъ узналъ, что вмѣсто длиннаго кружнаго рейса я скорѣе попаду въ Константинополь на египетскомъ пароходѣ, на которомъ меня, какъ приглашеннаго хедива, свезутъ

точно также даромъ. Мнѣ дѣйствительно выдали билетъ съ пратовомъ на кормы, но фирманъ, подписанный Нубаръ-пашею, отобрали, опасаясь очевидно, чтобы по этому документу кто-либо другой не прожилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ на счетъ Египта.

На пароходѣ насъ пассажировъ оказалось всего трое: бывшій французскій министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи, одинъ итальянскій молодой графъ и я. Итальянскій нобиле оказался лодыремъ, какъ всѣ итальянскіе баричи. По его собственнымъ словамъ, онъ никогда ничего не дѣлалъ, проводя дни и ночи въ знаменитомъ кафе Флоріанъ въ Венеціи, не запиравшемъ двери триста лѣтъ подъ-рядъ. Даже съ имѣній своихъ, никогда ихъ не видѣвъ, графъ получалъ доходы черезъ управляющаго.

Дюрюи было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Это былъ высокаго роста брюнетъ, довольно полный, съ правильными чертами лица и маленькой «мушкой» на подбородкѣ; говорилъ онъ красиво, нѣсколько по-профессорски. За недѣльное пребываніе вмѣстѣ мы очень сошлись. Онъ хотя либералъ, но, какъ пріятель Руэра, неохотно говорилъ о новыхъ вѣяніяхъ во Франціи, т.-е. о министерствѣ Оливье, зато любилъ разсказывать о началѣ своей карьеры.

Сынъ мастера на фабрикѣ гобеленовъ и учитель исторіи въ лицеѣ, Дюрюи попалъ въ государственные люди совершенно случайно, что не помѣшало ему быть превосходнымъ министромъ, оставившимъ имя въ исторіи французскаго образованія. Онъ не былъ сторонникомъ классическаго образованія, «давать его всѣмъ—значитъ воровать у бѣдныхъ людей время и деньги», говорилъ онъ.

Въ министры Дюрюи попалъ потому, что маршалъ Рандонъ, генералъ-губернаторъ Алжира, защищаясь отъ нападокъ печати, поручилъ ему написать отчетъ о своемъ управленіи. Маршалъ былъ сдѣланъ военнымъ министромъ и какъ-то въ пріемной у Наполеона III нашелъ «Histoire romaine» Дюрюи. Онъ сталъ расхваливать послѣдняго. Коронованный авторъ «Vie de César» пожелалъ познакомиться съ Дюрюи, и это знакомство открыло путь въ министры. Дюрюи былъ, какъ извѣстно, великимъ знатокомъ по части древней исторіи, особенно римской; я задавалъ ему множество вопросовъ по этой части; разъ даже, хотя насъ, слушате-

лей, было всего двое, онъ импровизировалъ цѣлую лекцію о причинахъ паденія Римской имперіи.

Дюрюи предвидѣлъ близость франко-германской войны и говорилъ о пруссакахъ съ ужаснымъ ожесточеніемъ. «Если будетъ война съ Пруссіей, я пойду въ солдаты», повторялъ онъ. Я считалъ это за шутку, но во время войны Дюрюи дѣйствительно поступилъ въ 21-й батальонъ Національной гвардіи рядовымъ и несъ добросовѣстно службу при осадѣ Парижа.

Дюрюи умеръ только въ 1894 г. Онъ звалъ меня къ себѣ въ гости въ Парижъ или на дачу, но я почему-то пренебрегъ приглашеніемъ и такъ до смерти болѣе не видалъ этого благороднаго и почтеннаго человѣка...

Пароходъ, на которомъ мы шли, принадлежалъ учрежденному въ 1863 г. египетскому пароходному обществу «Азизіе Мисріе», которому сверхъ другихъ привилегій было гарантировано 7%. Въ 1870 г. общество обратилось въ казенное предпріятіе почтовыхъ пароходовъ «Хедивіе».

Пароходъ былъ довольно опрятный, кухня греческая, на деревянномъ маслѣ, но сносная. Командовалъ турка, говорившій только по-турецки и по-арабски. Иногда онъ подходилъ ко мнѣ въ каютъ-компаніи и, толкая въ спину, спрашивалъ добродушно: «Московъ?» На что я отвѣчалъ ему такимъ же любезнымъ тумакомъ въ брюхо, прибавляя: «Эветъ, московъ», т.-е. да, русскій.

Команда изъ арабовъ ходила босая; дѣло она свое знала и работала усердно, питаясь Богъ знаетъ чѣмъ. Я пошелъ на бакъ посмотрѣть обѣдъ команды. Поставили на палубу тарелку съ настроганными кружками цыбули и дали каждому по лепешкѣ. Запивался этотъ «обѣдъ» водою. Утромъ полагался кофе и также цыбуля. Для южанъ означенной пищи, повидимому, довольно.

Я боялся, что капитанъ, познанія котораго въ навигаціи и астрономіи казались подозрительными, никогда не попадетъ на Родосъ. Шутники разсказывали же, что турецкій флотъ по недостатку денегъ такъ рѣдко плавалъ, что когда наконецъ одно судно послали на Мальту, то капитанъ вернулся и донесъ султану, что никакой Мальты нѣтъ, и что о существованіи этого острова выдумали гяуры.

Къ удивленію нашему, пароходъ очутился во-время на разсвѣтѣ у Родоса. Съѣзжать на берегъ я счелъ излишнимъ, потому что Родосъ и только что осмотрѣлъ подробно на пути изъ Одессы въ Портъ-Саидъ.

Болѣе интересовала меня Смирна, о которой, во-первыхъ, съ дѣтства остались у меня «сладкія воспоминанія» отъ превосходныхъ фигъ, привозимыхъ оттуда и служившихъ для насъ главнымъ лакомствомъ. Во-вторыхъ, изъ романовъ Мери я составилъ себѣ преувеличенное понятіе о красотѣ смирнянокъ. Левантинки дѣйствительно красивы, но ихъ сравнительно мало въ каждомъ городѣ малоазіатскаго и сирійскаго побережья. Смирна оказалась большимъ городомъ, наполовину турецкимъ, наполовину греческимъ, довольно тогда грязно содержавшимся, безъ благоустроеннаго порта. Въ Смирнѣ была уже, впрочемъ, единственная въ Турціи желѣзная дорога, начатая четыре года передъ тѣмъ и не подвигавшаяся. Конечно, я посѣтилъ знаменитый Pont des Caravanes, гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ кипарисовъ и жующихъ жвачку верблюдовъ, ничего не нашелъ.

Что удивительно — это Смирнскій заливъ, представляющій рейдъ въ 50 верстъ глубины и 20 ширины, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ. Въ этотъ заливъ впадаетъ рѣчка Мелеса, на берегу которой родился по преданію Гомеръ. Да отсюда недалеко и до Трои, которую раскапывалъ Шлиманъ, начавшій тѣмъ, что съ барышомъ торговалъ въ Петербургѣ сурикомъ, а окончилъ знаменитымъ археологомъ. Недалеко и то мѣсто, гдѣ былъ Милетъ, откуда вышли греки, колонизировавшіе въ древности родные берега моего Чернаго моря: Томи, Одисосъ, Ольвію, Пантикапею.

Изъ Смирны мы зашли въ Тенедосъ, памятный по морской побѣдѣ русскихъ, а затѣмъ въ Дарданеллахъ останавливались въ Галиполи, тоже знаменитомъ по скверному маслу, сожигаемому у насъ въ лампадкахъ.

Въ Константинополѣ бар. Штейгеръ предоставилъ мнѣ мѣсто на ближайшемъ пароходѣ, отходившемъ въ Одессу. Несмотря на январь, погода была довольно тихая, и я благополучно добрался до Одессы, гдѣ, проживъ съ мѣсяцъ, опять воспользовался милостями Русскаго Общества. Дорога отъ Балты до Казатина не была еще открыта, но Н. М. Чихачовъ, ѣхавшій къ себѣ въ имѣніе въ

Подольскую губернію, взялъ меня на рабочій поѣздъ. Въ товарномъ вагонѣ всетаки было комфортабельнѣе, чѣмъ на перекладной.

Я не помню, въ это ли мое пребываніе въ Одессѣ или въ слѣдующее, въ началѣ 1871 г., когда я прожилъ самъ нѣкоторое время по дорогѣ въ Индію, въ Одессу пріѣзжалъ Феликсъ Форъ, будущій призидентъ Французской республики.

Хотя по спеціальности своей Форъ былъ кожевенный фабрикантъ, но онъ интересовался экономическими и морскими вопросами, почему Гавръ посылалъ его въ Одессу для изученія вопроса объ установленіи пароходной линіи между этими портами.

Во время своего пребыванія въ Одессѣ Форъ бывалъ часто у насъ въ домѣ. Онъ и тогда очень рано вставалъ. Это былъ красивый молодой человѣкъ, любезный и элегантный. Онъ даже ухаживалъ, къ моему огорченію, за одною молодою вдовушкою, которая потомъ вторично вышла замужъ за итальянца и жила въ Италіи. Прочитавъ депешу о выборѣ Фора въ президенты, я поздравилъ ее и просилъ послать ему поздравленіе, «которое навѣрное доставитъ ему большое удовольствіе». Этотъ совѣтъ былъ принятъ за иронію, и я получилъ довольно кислый отвѣтъ.

Продаются сочиненія К. А. Скальковскаго:

въ „Географическомъ книжномъ магазинѣ (А. А. Ильина)“:

Путевыя впечатлѣнія. Въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. Ц. 2 руб.

Путевыя впечатлѣнія. Въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи Ц. 1 руб. 25 к.

Путевыя впечатлѣнія. По Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ. 2-е изданіе. Ц. 2 руб. 50 к.

Вокругъ свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Ц. 1 руб. 50 к.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“:

У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 руб.

Русскій торговый флотъ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Ц. 2 руб.

Новыя путевыя впечатлѣнія. Въ Испаніи, Марокко, Англіи и Франціи. Ц. 1 руб. 50 к.

Въ Парижѣ. 4-е изданіе. Ц. 1 руб. 50 к.

Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. 2-е изданіе. Ц. 3 руб.

Современная Россія. Въ двухъ томахъ. 3-е изданіе. Ц. 2 р. 50 к.

Наши государственные и общественные дѣятели. 2-е изданіе. Ц. 2 руб.

О женщинахъ. Мысли старыя и новыя. 11-е изданіе. Ц. 2 руб.

Въ театральномъ мірѣ. Воспоминанія, наблюденія и размышленія. Ц. 2 руб. 50 к.

Тамъ и сямъ. Замѣтки и воспоминанія. Ц. 1 руб. 50 к.

Сатирическіе очерки и воспоминанія. Ц. 1 руб. 50 к.

Очерки и фантазіи. Ц. 1 руб. 50 к.

Новая книга. Публицистика, экономическіе вопросы, путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 руб. 50 к.

За годъ. Воспоминанія, историческіе очерки, публицистика, путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 руб. 50 коп.

Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣніе русскихъ о самихъ себѣ. 3-е изданіе. Ц. 1 руб. 25 к.
